

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

**Выпуск № 3
2016**

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2016

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор

И. В. Крючков – доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Д. А. Смирнов – доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет

А. А. Левитская – ректор СКФУ (председатель); **Д. А. Сумской** – д-р юрид. наук, профессор, первый проректор СКФУ (зам. председателя); **В. Ш. Авидзба** – канд. филол. наук, директор Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии; **А. В. Гладышев** – д-р ист. наук, профессор; **С. В. Гусаренко** – д-р филол. наук, профессор; **А. М. Ерохин** – д-р соц. наук, канд. филос. наук, профессор; **В. И. Карасик** – д-р филол. наук, профессор; **Т. Крюссман** – д-р юрид. наук, профессор (Австрия); **И. В. Крючков** – д-р ист. наук, профессор; **В. В. Мамонов** – д-р юрид. наук, профессор; **А. А. Мелконян** – д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения; **Л. П. Репина** – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН; **Ф. Саваи** – д-р ист. наук, профессор, ректор Капошварского университета (Венгрия); **Д. А. Смирнов** – д-р юрид. наук, профессор; **Ю. Н. Стариков** – д-р юрид. наук, профессор; **О. И. Федотов** – д-р филол. наук, профессор; **Д. Д. Фролов** – д-р социально-политических наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии

Редакционная коллегия

И. В. Крючков – д-р ист. наук, профессор (председатель); **В. Ю. Апрыщенко** – д-р ист. наук, профессор; **К. Р. Амбарцумян** – канд. ист. наук (отв. секретарь); **Т. А. Булыгина** – д-р ист. наук, профессор; **В. В. Василенко** – д-р ист. наук, доцент; **Л. Н. Величко** – канд. ист. наук, доцент, (отв. секретарь); **Е. В. Галкина** – д-р полит. наук, профессор; **С. В. Гусаренко** – д-р филол. наук, профессор; **Е. Н. Ежова** – д-р филол. наук, профессор; **А. Г. Кибальник** – д-р юрид. наук, профессор; **И. Н. Клюковская** – д-р юрид. наук, профессор; **М. Е. Колесникова** – д-р ист. наук, профессор; **С. И. Маловичко** – д-р ист. наук, профессор; **О. И. Лепилкина** – д-р филол. наук, профессор; **Т. Н. Ломтева** – д-р пед. наук, профессор; **Н. Л. Московская** – д-р пед. наук, профессор; **И. В. Мухачев** – д-р юрид. наук, профессор; **Э. С. Навасардова** – д-р юрид. наук, профессор; **А. А. Серебряков** – д-р филол. наук, профессор; **С. В. Серебрякова** – д-р филол. наук, профессор; **Д. А. Смирнов** – д-р юрид. наук, профессор; **В. П. Ходус** – д-р филол. наук, профессор; **В. В. Цыбенко** – к-т ист. наук, доцент; **Т. А. Шебзухова** – д-р ист. наук, профессор; **О. С. Шибкова** – д-р филол. наук, профессор

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Адрес: 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
Телефон: (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

© ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский
федеральный университет», 2016

HUMANITIES AND LAW STUDIES

Scientific bulletin

Founder

Federal State Autonomous Educational Institution for Higher Education
«North-Caucasus Federal University»

Editor-in-Chief

Kryuchkov I. V. – Doctor of History, Professor

Vice Editor-in-Chief

Smirnov D. A. – Doctor of Law, Professor

Editorial Council

Levitskaya A. A. – NCFU Rector (chairman); **Sumskoy D. A.** – Doctor of Law, Professor, First Pro-Rector of NCFU (vice-chairman); **Avidzba V. Sh.** – PhD in Philology, the Head of the D. I. Gulia Abkhazian Institute for Research in the Humanities of the Abkhazian Academy of Sciences; **Gladyshev A. V.** – Doctor of History, Professor; **Gusarenko S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Erokhin A. M.** – Doctor of Sociology, PhD in Philosophy, Professor; **Karasik V. I.** – Doctor of Philology, Professor; **Krüssmann T.** – Doctor of Law, Professor (Austria); **Kryuchkov I. V.** – Doctor of History, Professor; **Mamonov V. V.** – Doctor of Law, Professor; **Melkonyan A. A.** – Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia; **Repina L. P.** – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; **Szávai F.** – Doctor of History, Professor, Rector of Kaposvár University (Hungary); **Smirnov D. A.** – Doctor of Law, Professor; **Starilov Yu. N.** – Doctor of Law, Professor; **Fedotov O. I.** – Doctor of Philology, Professor; **Frolov D. D.** – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland.

Editorial Board

Kryuchkov I. V. – Doctor of History, Professor (chairman); **Apryshchenko V. Yu.** – Doctor of History, Professor; **Ambartsumyan K. R.** – PhD in History (executive editor); **T. A. Bulygina** – Doctor of History, Professor; **Vasilenko V. V.** – Doctor of History, Assistant Professor; **Velichko L. N.** – PhD in History, Associate Professor (executive editor); **Galkina E. V.** – Doctor of Political Sciences, Professor; **Gusarenko S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Ezhova E. N.** – Doctor of Philology, Professor; **Kibalnik A. G.** – Doctor of Law, Professor; **Klyukovskaya I. N.** – Doctor of Law, Professor; **Kolesnikova M. E.** – Doctor of History, Professor; **Malovichko S. I.** – Doctor of History, Professor; **Lepilkina O. I.** – Doctor of Philology, Professor; **Lomteva T. N.** – Doctor of Pedagogy, Professor; **Moskovskaya N. L.** – Doctor of Pedagogy, Professor; **Mukhachev I. V.** – Doctor of Law, Professor; **Navasardova E. S.** – Doctor of Law, Professor; **Serebriakov A. A.** – Doctor of Philology, Professor; **Serebriakova S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Smirnov D. A.** – Doctor of Law, Professor; **Hodus V. P.** – Doctor of Philology, Professor; **V. V. Tsybenko** – PhD in History, Associate Professor; **Shebzukhova T. A.** – Doctor of History, Professor; **Shibkova O. S.** – Doctor of Philology, Professor.

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

Postal code 94078 «Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines».

The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

Address: 1, Pushkin Street, Stavropol 355009.

Telephone: +7 (8652) 75-28-64

ISSN 2409-1030

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Аветисян В. Р. Роль Я. М. Неверова в становлении Института восточных языков (Лазаревского института).....	8
Амбарцумян К. Р. Влияние событий февраля 1917 на представления местных сообществ о государственности народов Кавказа.....	12
Аникеев А. А. Роль НСДАП в идеологической и экономической подготовке Второй Мировой войны.....	18
Апрыщенко В. Ю. Шотландская империя Британской нации: колониальная деятельность и шотландская национальная идентичность в XVIII–XIX вв.	24
Белоусова Л. А. Мусульманская лига и конгрессистские министерства в Британской Индии в 1937–1939 гг.	29
Василенко В. В. «...Я видел голод и знаю теперь, что это значит»: П. А. Сорокин о голоде 1921 г.	34
Величко Л. Н. Политика «мягкой силы» Турции в регионе Южного Кавказа (1991–2002 гг.): проблемы реализации.....	44
Галкина Е. В. Американские квакеры и их пацифистская деятельность.....	52
Головина Э. Т. Библиотечное дело в политике местных властей Ставрополя в 1920-е годы.....	57
Емельянов О. Б., Клычников Ю. Ю. Особенности занятия шелководством в казачьих станицах Терского левобережья в 1830-х годах.....	64
Карапетян Э. В. Территориальный аспект проблемы военной повседневности в региональной исследовательской практике (на примере Ставропольского края).....	69
Книгина Е. С. Ставропольский драматический театр: к истории создания первой профессиональной труппы.....	77
Колесникова М. Е. Ставропольское общество для изучения Северо-Кавказского края: исследовательские практики начала XX века.....	82
Кочкарова З. Р. Влияние первого кооперативного закона на усиление просветительской деятельности кооператоров.....	88
Ляпин Д. А., Жиров Н. А. Динамика численности населения Юга России в конце XVI – начале XVIII вв. (на примере Ельца).....	93
Немашкалов П. Г. Страницы церковной благотворительности Ставропольской (Кавказской) епархии в конце XIX – начале XX вв. (на примере деятельности Александро-Мариинской епархиальной богадельни).....	97
Плохотнюк Т. Н. Особенности установления правового статуса подданного и иностранца в России и в Германии в XIX веке.....	102
Садченко В. Н., Беликова З. В. Советники Генриха VIII: причины успехов и неудач в политике.....	113
Скиррипа П. Церкви Африки и процесс распространения пятидесятничества (Часть 1).....	119
Томилин В. Н. Пропагандистские лозунги и действительность в СССР в период реформ Н. С. Хрущева.....	126
Шаршаков М. П. Решение социальных проблем инвалидов на Кубани во время Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).....	132

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Атаян Г. Ю., Амвросова О. Н. Эволюция отечественной банковской деятельности и ее правовой регламентации в XVII–XX вв.	137
Боташева Л. Э., Гондаренко А. С. Современные ориентиры в преподавании дисциплин информационно-правового профиля.....	145

Бурмакин П. Н. Влияние системы правового воспитания на процесс формирования правовой социализации личности.....	150
Долбня В. В. Особенности латентных проявлений коррупции в профессиональной деятельности судей и меры по ее преодолению.....	155
Захарова М. А. Правовые вопросы организации территориальных структур центральных органов исполнительной власти в США.....	163
Кулькина И. В. Актуальные вопросы государственного регулирования системы здравоохранения на федеральном и региональном уровнях.....	170
Слепенко Ю. Н., Степанова Л. П., Белокопытова Н. Ю. Действия патентообладателя, способные привести к нарушению пределов осуществления исключительного права.....	175
Смирнов Д. А. Государственный долг и налоги как финансовые инструменты бюджетной политики государства: анализ основных концепций.....	180
Терещенко Е. А. Институциональные механизмы повышения финансовой грамотности молодежи и эффективности защиты прав потребителей.....	185

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Авидзба А. В. Об особенностях функционирования локальных превербов в западнокавказских языках.....	191
Атаян В. А. К вопросу о языковой личности носителя эдиссийского этнорегиолекта....	199
Безус С. Н. Место испанского языка в типологии языков OV/VO.....	206
Вартанова Л. Р. Трансляция философского текста – рефлексия и интуиция в процессе перевода.....	212
Грязнова В. М., Мустапаева А. Д. Специфичные черты лексики русской речи чеченцев-билингвов.....	217
Иванова И. Н., Сафарова К. Р. Типология женских образов М. Кучерской в контексте христианской антропологии.....	223
Кабылкина Н. С., Ломтева Т. Н. Анимационный текст как речевой жанр и способы его языковой реализации.....	229
Лепилкина О. И., Макарова О. А. Специфика освещения русско-японской войны в журнале «Ставропольские епархиальные ведомости» (1904–1905).....	235
Марченко Т. В. Гармонизирующие речевые тактики (на материале жанра интервью).....	240
Пиванова Э. В. Медицинский перевод в ситуации современного межкультурного профессионального общения.....	246
Подоляк Н. Н., Маринина Г. И. Использование когнитивно-речевых тактик как способ реализации толерантного поведения.....	250
Решетова И. С., Пантюхова П. В. Оценочная функция англоязычных заимствований в современный период развития языка.....	254
Серебрякова С. В. Молчание как гармонизирующий элемент межличностной коммуникации.....	260

РЕЦЕНЗИИ

Султанов К. К. Головкин В. М. Я. В. Абрамов: Мировоззрение. Метод. Поэтика: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2015. 304 с.	266
Информация об авторах	268

CONTENTS

HISTORY AND ARCHAEOLOGY

Avetisyan V. R. Y. M. Neverov's role in establishing the Institute of oriental languages (Lazarev institute).....	8
Ambartsumyan K. R. Influence of February 1917 on the vision of local communities of Caucasian peoples as regards nationhood.....	12
Anikeev A. A. The role of the Nazi party in the ideological and economic preparation of the Second World War.....	18
Apryshchenko V. Yu. Scottish empire of the British nation: the colonial activity and Scottish national identity in the eighteenth-nineteenth centuries.....	24
Belousova L. A. The all-India muslim league and provincial congress ministries in British India in 1937–1939.....	29
Vasilenko V. V. «I've seen famine end now i know what it is»: P. Sorokin about the famine in 1921.....	34
Velichko L. N. The policy of «soft power» of Turkey in the South Caucasus (1991–2002): problems of implementation.....	44
Galkina E. V. American quakers and their pacifist activity.....	52
Golovina E. T. Libraries in the policy of Stavropol local power in 1920s.....	57
Emel'yanov O. B., Klychnikov Yu. Yu. Some features of silk production practice in Cossack villages of the Terek left bank in 1830s.....	64
Karapetyan E. V. Territorial aspect of wartime daily life problem in regional research practice (by the example of the Stavropol region).....	69
Knigina E. S. Stavropol drama theatre: the history of the creation of the first professional troupe.....	77
Kolesnikova M. E. Stavropol society for exploration of North Caucasus region: the research practices in the early XX century.....	82
Kochkarova Z. R. The influence of the first cooperative law on enhancing outreach activities of cooperators.....	88
Lyapin D. A., Zhirov N. A. The dynamics of the population in the south of Russia in late XVI – early XVIII centuries (by the example of Yelets).....	93
Nemashkalov P. G. Church charity of the Stavropol (Caucasus) eparchy in the late XIX – early XX centuries (by the example of the Alexandro-Mariinsky diocesan almshouses).....	97
Plokhotnyuk T. N. The features of the legal status of the citezens and foreigners in Russia and Germany in 19th century.....	102
Sadchenko V. N., Belikova Z. S. Advisors of Henry VIII: causes of success and failure in politics.....	113
Skirripa P. Churches in Africa and the process of spreading pentecostalism. Part 1.....	119
Tomilin V. N. Propaganda slogans and the reality in the USSR in the period of N.S. Khrushchev's reforms.....	126
Sharshakov M. P. Tackling social problems of the veterans in the Kuban region during the Great Patriotic War (1941–1945).....	132

LEGAL SCIENCES

Atayan G. U., Amvrosova O. N. Evolution of domestic banking business and its legal regulation in the XVIII centuries.....	137
Botasheva L. E., Gondarenko A. S. Modern landmarks in teaching academic courses of information legal profile.....	145
Burmakin P. N. The impact of legal education system on the process of forming legal personality socialization.....	150

Dolbnya V. V. Features of latent manifestations of corruption in the professional activity of judges and measures to overcome it.....	155
Zakharova M. A. Legal matters of establishing territorial structures of executive power central bodies in the United States.....	163
Kulkina I. V. Topical issues of state regulation of the health care system at federal and regional levels.....	170
Slepenok Yu. N., Stepanova L. P., Belokopytova N. Yu. The actions of the patentee that may lead to violation of limits on the exercise of exclusive rights.....	175
Smirnov D. A. Public debt and taxes as a financial instruments of the budget of the state policy: an analysis of key concepts.....	180
Tereshchenko E. A. Institutional mechanisms to improve the financial literacy of young people and the protection of the rights of consumers.....	185

PHILOLOGICAL SCIENCES

Atayan V. A. On linguistic persona of Edissian ethnoregion speaker.....	191
Avidzba A. V. On the features of functioning of local reference preverbs in West-Caucasian languages.....	199
Bezus S. N. Place of the Spanish language in the OV / VO typology.....	206
Vartanova L. R. Translation of philosophic text-reflexion and intuition in translation process.....	212
Gryaznova V. M., Mustapaeva A. D. Specific lexical features of Russian speech of bilingual Chechens.....	217
Ivanova I. N., Safarova K. R. Typology of female images of M. Kucherskaya in the context of Christian anthropology.....	223
Kabylkina N. S., Lomteva T. N. Animation text as speech genre and ways of his language realization.....	229
Lepilkina O. I., Makarova O. A. The peculiarities of the coverage of the Russian-Japanese war in the magazine «Stavropol Eparhial gazette» (1904–1905).....	235
Marchenko T. V. Harmonizing speech tactics (on interview materials).....	240
Pivanova E. V. Medical translation in contemporary intercultural professional communication.....	246
Podolyak N. N., Маринина G. I. Use of cognitive speech tactics as a way of tolerant behavior realization.....	250
Reshetova I. S., Pantukhova P. V. Evaluation function of the English-language borrowings in the modern language period.....	254
Serebryakova S. V. Silence as a harmonising element in interpersonal communication...	260

REVIEW

Sultanov K. K. Golovko V. M. Ya. Abramov: Worldview. Method. Poetics: Textbook. Moscow: Flint; Science, 2015. 304 p.	266
Information about the authors	271

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94(47).08

В. Р. Аветисян

РОЛЬ Я. М. НЕВЕРОВА В СТАНОВЛЕНИИ ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ (ЛАЗАРЕВСКОГО ИНСТИТУТА)

В 2016 г. исполняется 155 лет с момента назначения бывшего директора Ставропольской гимназии на пост директора Лазаревского института восточных языков. Гуманист, общественный деятель, педагог, создавший стройную систему взглядов на обучение и воспитание, один из выдающихся представителей своего времени Януарий Михайлович Неверов (1810–1893) внес существенный вклад в развитие отечественного образования XIX в. В основе публикации ле-

жат документальные материалы из фондов Российской государственной исторической библиотеки, а также ранее неопубликованные архивные документы из фондов государственного архива Ставропольского края, характеризующие деятельность Я. М. Неверова в бытность его директором института.

Ключевые слова: Я. М. Неверов, Лазаревский институт восточных языков, Москва, образование, Ставропольская гимназия.

V. R. Avetisyan

Y. M. NEVEROV'S ROLE IN ESTABLISHING THE INSTITUTE OF ORIENTAL LANGUAGES (LAZAREV INSTITUTE)

2016 marks the 155th anniversary since the appointment of the former Director of the Stavropol school to the position of the director of the Lazarev Institute of Oriental languages. A humanist, a social activist and a teacher created a coherent system of thinking about learning and education. One of the outstanding representatives of his time Y. M. Neverov (1810–1893) made a significant contribution to the development of national education of the XIX century. The core

of the publication are documentary materials from the funds of Russian state historical library, and previously unpublished archival documents from the collections of the state archive of the Stavropol region, characterizing the activity of Y. M. Neverov at the position of the Director of the Institute.

Key words: Y. M. Neverov, Lazarev Institute of Oriental Languages, Moscow, education, Stavropol gymnasium.

«Кто любит Россию, тот должен, прежде всего, желать распространения в ней образования» – эти слова Януария Михайловича Неверова, посвятившего свою жизнь развитию просвещения и образования в России, можно считать девизом всей его деятельности.

15 декабря 1850 г. Я. М. Неверов получил уведомление о назначении его директором училища Ставропольской губернии. В формулярном списке Я. М. Неверова читаем: «Господин Управляющий Канцелярией... от 28 ноября уведомил меня, что Высочайшим приказом, отданным по гражданскому ведомству от 26 октября № 212, Ваше Высо-

коблагородие назначил директором училища Ставропольской губернии» [2, л. 14]. Приказ за №2014 от 11 декабря 1850 г. фактически позволял назначить его директором Ставропольской гимназии, о чем узнаем из формулярных списков и других обнаруженных в Государственном архиве Ставропольского края документах: «Высочайшим приказом по гражданскому ведомству №122, перемещен Директором училищ Ставропольской губернии. 1850 г» [2, л. 80 об].

Н. Л. Бродский – исследователь XIX в., биограф Я. М. Неверова, отмечая его вклад в развитие Ставропольской гимназии, дает

точную характеристику жизни и деятельности Януария Михайловича: «Все силы и всю деятельность посвятил он высокой цели распространения в России просвещения» [1, с. 75].

Удалось обнаружить также ранее не опубликованные новые сведения о деятельности Януария Михайловича в 50-е гг. XIX в. в бытность его директором Ставропольской гимназии.

В Ставрополе Януарий Михайлович обратил внимание на недостаток квалифицированных педагогических кадров, в связи с чем в гимназиях наблюдался недостаток качественного образования. «Едва ли не высшею заслугою Я. М. Неверова, как попечителя, было основание первого учительского института на Кавказе» [7, с. 72], – писал М. В. Краснов.

После завоевания Кавказа на этой территории был взят курс на русификацию. Я. М. Неверов не мог обойти стороной национальную проблему на многонациональном Кавказе, но вместе с тем, выступал за преподавание только на русском языке. Он заботился об открытии русских народных школ и распространении русского языка. С этой целью Януарий Михайлович проводил в Ставропольской гимназии конкурсы «на соискание премии за лучшее сочинение на русском языке» [6, с. 320]. За успешное распространение русского языка «получил от г. Министра Народного Просвещения благодарность».

Одним из первых Я. М. Неверов высказал мысль о необходимости женского образования и выступил за подготовку знающих и преданных делу воспитания педагогов. Результат его деятельности на Кавказе долго будет очевиден. В статье «Просветители Кавказа» М. В. Краснов писал: «Питомцев его педагогической школы и теперь легко отличить в любой сфере педагогической, общественной и государственной деятельности» [7, с. 75].

Результаты деятельности Януария Михайловича в первый период его пребывания на Кавказе не остались незамеченными и были оценены по достоинству. В 1853 г. он «Высочайшим приказом... за отличия по службе... пожалован орденом Св. Анны 2-й степени с Имперской короной... орденом Св. Владимира 3-й степени» [2, л. 83об].

7 мая 1861 г. Я. М. Неверов, покинув Ставрополь, отправился в Петербург, чтобы в Министерстве Народного Просвещения решить вопрос о дальнейшей своей трудовой деятельности.

Неверов надеялся получить место директора одной из гимназий Петербурга, но назначение затягивалось, и он в июле 1861 г. согласился на предложение возглавить Лазаревский институт восточных языков в Москве. Помощником Януария Михайловича был бывший его воспитанник Ставропольской гимназии Г. И. Кананов (1834–1897). Там работали и другие ученики Я. М. Неверова – П. В. Гидулянов и профессор Бабет, который после ухода Неверова занял место директора Института. В Москве Неверов принимал деятельное участие в жизни кавказских студентов и материально и советами. Поражало «радушие, с которым он встречал своих питомцев, когда был переведен на службу в Москву, в качестве директора Лазаревского института» [4, л. 110–111].

Януарий Михайлович считал, что учебное заведение, пользующееся правами гимназий и лицеев, не должно оставаться малоизвестным русскому обществу. Поэтому он добился разрешения ежегодно предоставлять отчет о жизни и деятельности Института. Доказательством значимости Института, по мнению Неверова, может служить и тот факт, что французский арменолог Пишар, подготовивший к изданию «Армянскую грамматику» на французском языке, обратился с просьбой к институтскому Совету стать его членом.

Януарий Михайлович проявил себя и как умелый организатор учебно-воспитательного процесса в условиях школьного и вузовского образования, и как педагог предельно творческого настроения.

С момента основания, Лазаревский институт имел особое управление и не входил в общую систему учебных заведений, так как был организован и существовал на средства семьи Лазаревых. Став директором института, Я. М. Неверов за короткий период познакомился с организацией педагогического процесса и взялся за переосмысление, совершенствование и качественное улучшение воспитательной системы. Он внедрил в вузовский процесс обучения новейшие достижения педагогической науки и прогрес-

сивных методов работы педагогов. С этой целью Неверов использовал опыт отечественной и немецкой педагогики.

Оставаясь частным учреждением, Армянское училище¹ (1815–1827) вошло в ряд общеобразовательных учреждений Российской Империи. Считая, что данное учебное заведение служит сближению армян с Россией и распространению в России восточного языкознания, что «важно и необходимо в политическом и административном отношениях», граф Бенкендорф в 1828 г. ходатайствовал о переименовании гимназии г.г. Лазаревых в Армянский Лазаревых Институт восточных языков» [8, с. 6].

Однако Я. М. Неверов считал несвоевременным вносить какие-либо изменения в Устав и план преподавания, который не вполне соответствовал потребностям науки того времени. Януарий Михайлович считал целесообразным внести какие-либо изменения в Институте только после того, как правительство утвердит новый гимназический Устав. А пока он предпочел «открытое воспитание замкнутому в самом себе, дисциплину развивать нравственными мерами, а не полицейским надзором», расширить влияние Совета в деле воспитания учащихся, ввести коллегиальность в административных и хозяйственных делах, а также более целесообразное распределение преподавания предметов.

Неверов предложил пополнить курс русской литературы и ввести в специальных классах преподавание общего обзора истории европейских литератур. Преподаватель русской литературы профессор Тихонравов, представил в Совет Программу, которая была одобрена [8, с. 14]. Януарий Михайлович старался привлечь к деятельному участию во внутренней жизни Института Совет – к учебной, а Правление – к административной части. Таким образом, все принятые решения исходили из этих коллегиальных органов.

Новшеством для Института стало проведение собраний, на которых после выступления директора об успеваемости и поведении учащихся воспитанники, которых рекомендуют преподаватели, зачитывали свои сочинения, после чего происходил обмен мнениями. Неверов считал, что это благотворно влияет

¹ Наименование образовательного учебного заведения до преобразования его в Лазаревский институт восточных языков в 1827 г.

на воспитанников: сочинения были как на русском, так и на армянском языках.

В связи с тем, что учителя высших классов часто жаловались на то, что к ним поступали ученики, недостаточно владеющие русским языком (это было вполне естественно, так как для большинства учащихся русский язык не являлся родным), Януарий Михайлович добился разрешения иметь в Институте репетитора русского языка, который занимался с учащимися во внеурочное время.

С целью ознакомления православных учащихся с истоками христианского вероучения было введено чтение Евангелия по субботам и предпраздничным дням. Воспитанники григорианского вероисповедования обучались церковному пению по обряду своей церкви, поэтому было введено и для русских учеников обучение православному церковному пению [8, с. 17].

Особое внимание Я. М. Неверов уделил подготовительному классу. Его предшественники, наряду с русской и армянской грамотой, большое внимание уделяли и французской², но, руководствуясь требованиями науки, а не моды, Совет от 5 сентября 1861 г. постановил отменить изучение французского языка в подготовительных классах и сосредоточиться на изучении русского и армянского языков, так как многие малолетние армянские дети плохо владели даже своим родным литературным языком [8, с. 18].

Я. М. Неверов рекомендовал преподавателям младших классов обратиться к методу наглядного обучения и с этой целью приобрел необходимые пособия. Но так как, по мнению Неверова, «главным органом умственного развития, после уроков, остается разумное чтение», для привития любви к нему была устроена ученическая библиотека, которой ученики охотно пользовались. И, несмотря на тяжелое финансовое положение в институтском бюджете, сумма на приобретение учебных пособий была увеличена, благодаря чему Институт выписывал лучшие русские и армянские периодические издания.

Неверов предложил Совету рассмотреть вопрос о целесообразности переводных экзаменов, а также о допуске в специальные классы учащихся, желающих изучить восточные языки, но обучающихся в других учебных заведениях, при условии удовлет-

² Французский язык в домашнем воспитании все еще считался основой любого обучения.

ворительной сдачи экзамена по общему образовательному курсу.

Януарий Михайлович был твердо убежден: чтобы добиться успеха в высших классах, необходимо в низших классах приучать детей к труду. Для этого важно избавиться в начальном обучении от педантизма, машинности и всего того, что отталкивает ученика от книги. Использовать наглядные пособия, развивающее чтение, вместо уроков проводить беседы, отменить экзамены или, в крайнем случае, изменить их так, чтобы это не было для учеников тяжелой повинностью – все эти меры позволят детям полюбить науку [8, с. 33].

Огромное сожаление вызывал у Я. М. Неверова тот факт, что школе со стороны семьи оказывается мало содействия в вопросе нравственного образования, тем больше усилий школа должна приложить для достижения этой цели [7, с. 76]. Поэтому необходимо усилить умственную деятельность, стараться передать учащимся нравственные начала. Януарий Михайлович полагал, что эти цели преследует институт. А результаты обучения и нравственной жизни учащихся определяются их наградами.

Придавая огромное значение роли Лазаревского института, он писал: «На нем (институте) лежит ответственность не только перед Россией, но и перед целым миром, потому что, принадлежа России, он вместе с тем принадлежит и всей Армянской нации, имеющей в нем главную надежду своего умственного и нравственного возрождения» [8, с. 39].

К сожалению, Януарий Михайлович Неверов недолго был директором Лазаревского института (с июля 1861 г. по 1864 г.). За этот период ему удалось наладить учебно-воспитательный процесс в условиях школьного и вузовского образования и передать институт в ведение своих бывших воспитанников Ставропольской гимназии – сначала профессора Бабета, а затем Г. И. Кананова, который стал

продолжателем неверовских идей в институте. Нужно заметить, что и после Кананова во главе института стоял воспитанник Ставропольской гимназии Гидулянов [7, с. 70].

Среди фондов Государственного архива Ставропольского края были обнаружены документы, относящиеся к последним годам жизни Я. М. Неверова. Это пожелтевшие, но в целом сохранившиеся в удовлетворительном состоянии, однако с некоторыми элементами угасающего текста, рукописные листы. Все они адресованы Министерству Народного Просвещения Кавказского учебного округа. Из одного из таких документов узнаем, что Януарий Михайлович позаботился о развитии образования в регионе и после своей смерти.

Сам документ представляет собой завещание, в котором говорится: «...Член Совета Министров Народного Просвещения Тайный Советник Януарий Михайлович Неверов, по духовному завещанию, отказал в пользу учебного фонда... три тысячи рублей» [5, л. 58].

Таким образом, Я. М. Неверов внес значительный вклад в развитие не только регионального, но и в общероссийского образования. Многие его ученики стали поэтами, просветителями, учеными. Показывая примеры нравственной чистоты и благородства, Неверов создал «Нравственный кодекс», который учит нормам общечеловеческой морали, предлагает наставникам направлять подопечных по пути добра и гуманности, предъявляет высокие требования к образовательной и профессиональной подготовке учителя. Вместе с тем, понимая назначение учителя в обществе, Неверов требовал соответствующего материально-правового положения для него. Гуманистические идеи Януария Михайловича Неверова актуальны и в наши дни, так как основаны на вечных ценностях: справедливости, добре и уважении к личности.

Источники и литература

1. Бродский Н. Л. Неверов и его автобиография // Вестник воспитания. 1915. № 6. С. 72–84.
2. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 15. Оп. 2. Д. 496.
3. ГАСК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 498.
4. ГАСК. Ф. 73. Оп. 1. Д. 908.
5. ГАСК. Ф. 73. Оп. 1. Д. 910.
6. Конкурс в Ставропольской губернской гимназии // Ставропольские губернские ведомости. 1856. № 44.
7. Краснов М. В. Просветители Кавказа. Ставрополь: [б.и.], 1913. 102 с.
8. Краткий отчет состояния Лазаревского института восточных языков в 1861/1862 академическом году. М.: [б.и.] 1862. 68 с.

References

1. Brodskij N. L. Neverov i ego avtobiografija (*Neverov and his autobiography*) // Vestnik vospitaniya. 1915. No. 6. P. 72–84. (In Russian).
2. State archive of the Stavropol region (GASK). F.15. Inv.2. D. 496. (In Russian).
3. GASK. F.15. Inv.2. D.498. (In Russian).
4. GASK. F.73. Inv.1. D.908. (In Russian).
5. GASK. F.73. Inv.1. D.910. (In Russian).
6. Konkurs v Stavropol'skoj gubernskoj gimnazii (*Competition in the Stavropol provincial gymnasium*) // Stavropol'skie gubernskie vedomosti. 1856. No. 44. (In Russian).
7. Krasnov M. V. Prosvetiteli Kavkaza (*Educators of the Caucasus*). Stavropol: 1913. P.115. (In Russian).
8. Kratkij otchet sostojanija Lazarevskogo instituta vostochnyh jazykov v 1861/1862 akademicheskom godu (*A brief status report of the Lazarev Institute of Oriental languages in the academic year 1861/1862*). Moscow: 1862. P. 68. (In Russian).

УДК 94(470.6).084

К. Р. Амбарцумян

ВЛИЯНИЕ СОБЫТИЙ ФЕВРАЛЯ 1917 НА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ О ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НАРОДОВ КAVKAZA

Автор обращается к проблеме формирования представлений кавказских сообществ в 1917 г. о месте в составе России. С привлечением воспоминаний современников и участников событий показано, что свержение российской монархии стало, с одной стороны, стимулом для организационной активности на местах, так как политическая и интеллектуальная элита стремились подготовиться к вхождению в российское

федеративное государство на правах автономии. С другой стороны, по мере ослабления Временного правительства нарастали центробежные силы. Показано единство Закавказья и Северного Кавказа в их общественно-политическом развитии с февраля по октябрь 1917 г.

Ключевые слова: Большой Кавказ, революция 1917 г., Временное правительство, Особый Закавказский комитет, Союз горцев.

К. R. Ambartsumyan

INFLUENCE OF FEBRUARY 1917 ON THE VISION OF LOCAL COMMUNITIES OF CAUCASIAN PEOPLES AS REGARDS NATIONHOOD

The article studies the process of shaping the vision of Caucasian communities in 1917 as regards their place as a part of Russia. With the reference to memoirs of participants and contemporaries of the events, one can see that the overthrow of the Russian monarchy was an incentive for local institutional activity. Political and intellectual elite has sought to prepare the Caucasus for the entry into the Russian federal state as an autonomy. On the other hand, the

weakening of the Interim Government resulted in the growth of centrifugal trends. Employing historical sources the author demonstrates the unity of Transcaucasia and the North Caucasus in their socio-political development from February to October 1917.

Key words: the Big Caucasus, the 1917 Revolution, Interim Government, Special Transcaucasian Committee, Highland Peoples Union.

Сегодня Кавказ часто называют по аналогии с Балканами «мягким подбрюшьем» России, или же «солнечным сплетением Ев-

разии», что вполне обоснованно. Кавказский регион всегда находился в фокусе особого внимания российских властей и являлся

объектом внешней политики со стороны мировых игроков. Уникальность заключается не только в его геополитической значимости, но ещё в многообразии и одновременном единстве различных частей региона [5]. Сегодня категория «Большой Кавказ» (Закавказье¹ и Северный Кавказ), как и понятие «Большой Ближний Восток», активно используется гуманитариями [9; 11; 16]. Исследователи идентифицируют макрорегион не только географически, но и как единое социокультурное пространство в настоящем и в историческом прошлом. В начале XX века Кавказ как окраина Российской империи прошел вместе с ней все испытания, выпавшие на долю страны.

Революция 1917 года, начиная от февральского восстания и заканчивая октябрьским переворотом, протекала вариативно в зависимости от локализации событий. Импульсы, посылаемые из Петербурга, по мере удаления от центра все больше преобразовывались в соответствии со спецификой места. Революционные волны докатывались и до Кавказа. Кавказский хребет был не просто природным, но и цивилизационным барьером, по обе стороны которого протекали различные процессы общественного развития.

При этом взаимозависимость была ярко выраженной. Кавказское единство было отрефлектировано региональными общественными деятелями. Так, Гайдар Бамматов, кумык по происхождению, писал, что Кавказ являет собою единое экономическое пространство: «Различия климата и местности позволяют производить все виды сельхозпродукции, которая дополняет и разнообразит одна другую, образуя неразрывные связи между различными частями региона. Нефтепровод Баку – Батуми связал один из богатейших мировых нефтяных центров, расположенных в Азербайджане и в Грузии. Батум – Тифлис – Баку – железная дорога, связывающая Черное и Каспийское моря, пересекает территорию Северного Кавказа, проходя через Петровск и Грозный – другой нефтепроизводящий район мирового значения» [4].

Историография революции 1917 и последующих за ней событий представлены широким спектром работ, рассматривающих процессы в отдельных частях кавказского

макрорегиона вплоть до образования СССР с учетом комплекса внешних и внутренних факторов [14; 10; 8; 18; 20; 15]. Но нам представляется, что следует в общем посмотреть на то, как эволюционировали взгляды на местах после 1917 г. в масштабах всего макрорегиона. Ведь дальнейшие попытки создания независимых государств, их нереализованность и жесткость установления советской власти – это следствие несовпадения активной позиции местных сообществ и пассивности Временного правительства.

Сразу же после падения самодержавия в Закавказье вместо Кавказского наместничества из депутатов 4-й Государственной Думы был учрежден Особый Закавказский комитет (Озаком)², территориально расположенный во дворце наместника в Тифлисе. Он состоял из пяти человек во главе с кадетом В. Харламовым. Судя по всему, в первую очередь по национальному составу, на Северный Кавказ его власть не распространялась. А. И. Хатисов, занимавший в тот момент должность городского головы Тифлиса, писал, что население встретило Озаком восторженно [6, л. 27], но надежд народов Закавказья он не оправдал.

Комитет с первых дней вызывал противоречивые чувства у современников. Деятель Русского Национального Совета в Баку Б. Л. Байков скептически писал о том, что учреждение у народа не имело никакого авторитета и погрязло в бумагах от толп просителей [2]. Очевидно, что работа Озакома была неудовлетворительной. Более того, этот орган не консолидировал, а еще больше разобщал народы. Армяне с прошениями и жалобами шли к М. И. Пападжанову, грузины – к К. Г. Абашидзе или А. И. Чхенкели, а азербайджанцы – к М. Ю. Джафарову [6, л. 27]. А. И. Хатисов отмечал, что на фоне двух последних наместников И. И. Воронцова-Дашкова и великого князя Николая Николаевича-младшего они с ситуацией не справлялись. Председатель В. Харламов не мог никак наладить взаимодействие внутри своего комитета, так как за каждым членом стоял «особый народ с особыми требованиями» [6, л. 31]. Поэтому в Тифлисе организо-

² Помимо председателя в него входили: меньшевик А. И. Чхенкели, дашнак М. И. Пападжанов, мусаватист М. Ю. Джафаров, социалист-федералист К. Г. Абашидзе.

¹ В современной науке часто используется как геополитическое понятие Южный Кавказ.

вался другой центр управления – Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов во главе с Н. Жорданием [12].

Постепенно выкристаллизовывались национальные потоки, которые после октября 1917 г. стали отстаивать идею независимости от России, как свидетельствуют результаты выборов в городские думы. После 17 лет служения А. И. Хатисова в Тифлисе он оставил пост городского головы, а его место занял Элиава. Но зато в августе 1917 г. он был избран головой армянского Александрополя [6, л. 32]. В сентябре 1917 г. состоялся Всероссийский съезд армян в Тифлисе, который выразил доверие правительству Керенского. Речи о независимости не шло, армяне продолжали возлагать надежды на Россию в решении вопроса с Турецкой Арменией и, конечно, на автономное устройство. Грузинская общественность также выдвигала лозунги существования в составе России на федеративных началах. В то же время незыблемым условием была автокефалия грузинской церкви и введение в регионе земских учреждений [1, с. 7]. Кстати, о земствах на Северном Кавказе отзывались с большим скептицизмом, хотя признавали их необходимость как основание для будущей автономии.

Азербайджанские турки ожидали изменений в государственно-территориальном статусе и в положении мусульманского населения. В этой среде уже в начале войны возникали идеи независимости. Например, Аслан Хан Хойский (родственник известного политика, депутата 2-й Государственной Думы Фатали Хана Хойского) в феврале 1915 посещал Энвер-пашу в Эрзуруме и обсуждал идею создания Азербайджанской Республики, включающей Бакинскую, Елизаветпольскую, Ериванскую губернии, а также Дагестан и Терек [7]. В азербайджанском обществе также звучали призывы к федеративному устройству. В 1917 г. требования территориальной автономии выдвигал М. Расулзаде (на I Съезде Тюркской демократической федеративной партии «Мусават» (октябрь, 1917 г.). Он говорил, что Россия должна быть федеративной демократической республикой. Известный государственный деятель А. М. Топчибашев на Кавказском и Всероссийском мусульманском съезде также отстаивал принципы федерализма.

Рефлексия кавказских обществ о будущем в составе России до октября 1917 г.

была господствующей и ориентировались на Учредительное собрание. По мере углубления революционного процесса усиливались националистические настроения, постепенно нарастала взаимная враждебность и обострялись территориальные проблемы. Политические перспективы все больше увязывались с сугубо этническими интересами. Например, в национальных регионах корпус чиновников этнически усиливался: в районах Батума увеличилось число грузинских служащих, в Баку – азербайджанских [6, л. 32]. Осень 1917 г. стала периодом, когда на Кавказе стали открыто говорить о возможности иметь национальные территории, причем в самом недалеком будущем.

Как было показано выше, с началом революции связи центра и периферии стремительно ослабевали. Устранение фактора русской монархии – арбитра, который волевым усилием сглаживал все противоречия и недовольства, стало сигналом к самоорганизации. Свержение монархии было полной неожиданностью и для Северного Кавказа. Здесь власть наместника заменили комиссары Временного правительства: М. А. Караулов в Терской области, К. Л. Бардиж – в Кубанской, Д. Д. Старлычанов – в Ставропольской губернии. В Дагестане был сформирован Особый комиссариат. Для многих современников было очевидно, что управление «двумя Кавказами» организовано крайне неудачно, разделение быстро разбалансировало регион. Грузинский дипломат З. Авалов в мемуарах писал: «Временное правительство едва ли имело досуг, чтобы подумать более основательно о взаимоотношениях Кавказа и России». Попытки учредить должность верховного комиссара остались на уровне обсуждения на неофициальных частных совещаниях [1, с. 7]. Таким образом, организованные только наполовину структуры управления, в местном обществе подвергались критике и не воспринимались как серьезные учреждения. Отсутствие четкого регламента их работы и понятной системы учреждений делало судьбу народов Кавказа неопределенной.

На Северном Кавказе горская интеллигенция подняла вопрос о создании национально-государственного образования. Первая попытка была предпринята в марте 1917 г. во Владикавказе, когда наиболее активные элементы кавказских обществ договори-

лись о создании Союза объединенных горцев и созыве съезда. I Съезд горцев Кавказа открылся 1 мая 1917 г. Его материалы демонстрируют некоторую растерянность и неопределенность организаторов в определении ориентиров на будущее: «Нам, горцам Кавказа, необходимо разобраться во всем происходящем и занять определенную позицию в современной исторической эпохе» [17, с. 53]. Именно в царской России происходили интеллектуальное становление и карьерный рост горской интеллигенции, поэтому она на тот момент не отделяла ментально себя от русского государства. Более того, заслуга свержения царизма полностью признавалась за русским народом. Делегаты, выступавшие от горцев, всячески подчеркивали солидарность с братьями-русскими. Об ослаблении связи центр – периферия свидетельствует следующая ситуация. Центр на съезде был представлен двумя членами Государственной Думы – М. А. Карауловым и Н. Н. Николаевым. Первый был избран в парламент от Терской области, второй представлял неказачье население Кубанской, Терской областей и Черноморской губернии. М. Караулов¹ в приветственной речи пожелал съезду успешной работы и от лица Временного правительства, и от казаков одновременно. Оба политика не играли никакой роли как представители руководящего центра. Они были, скорее, типичными представителями местного общества. Формально они в своих речах призывали к плодотворной работе, говорили о готовности казаков к сотрудничеству в рамках Учредительного собрания. Так, Н. Николаев подчеркнул, что у него много работы, но он выделил время и пришел поздравить горцев с первым съездом [17, с. 57], тем самым обозначив свою позицию стороннего наблюдателя, а не активного участника. Делегированные новой властью, Караулов и Николаев не могли и не пытались влиять на ситуацию, а в протоколе съезда от 1-го мая указаны как приглашенные [17, с. 50].

В соответствии с территориальным критерием, который применяется в политической антропологии, политическая деятельность разворачивается внутри конкретных границ, определяющих разделение «внутреннего»

¹ К этому моменту уже избран атаманом Терского казачьего войска и подал в отставку с должности комиссара Временного правительства в Терской области.

и «внешнего» [3, с. 35]. Кавказские активисты по мере развития революции начинали представлять Россию все больше «внешним» пространством, и политический процесс сужался до пределов макрорегиона, хотя декларировалась поддержка Временного правительства. На съезд во Владикавказ прибыли грузинские и азербайджанские представители. Грузинские делегаты призывали поддержать Временное правительство и педалировали социальную сторону взаимодействия, делая упор на объединение народов, угнетаемых монархией.

Мощным политическим фактором на Кавказе был ислам, поэтому в орбиту влияния Союза вовлекались ставропольские туркмены и ногайцы. По этой же причине представитель Баку Х. Агаев делал упор на общую мусульманскую идентичность [17, с. 66]. Тамбиев от имени Бакинского интеллектуального мусульманского общества также заявлял, что в основе консолидации и свободы горцев лежит ислам [17, с. 67]. В среде северокавказских горцев наблюдался рост этой тенденции. Например, кумыкский деятель Рашид Капланов поставил цель для Союза горцев стать частью всекавказского союза мусульман [17, с. 74].

21 сентября 1917 г. открылся Второй Съезд горских народов Кавказа. Как и на первом, здесь присутствовали закавказские представители. К этому моменту к Союзу присоединились абхазы, завершив объединение всех горцев. Председателем Центрального Комитета Союза горцев был избран Абдул Меджид (Тапа) Чермоев – чеченский нефтепромышленник. Материалы съезда говорят о радикализации настроений в обществах Северного Кавказа за прошедшие несколько месяцев. Например, рабочими языками на заседаниях уже были национальные языки, и на первом заседании были избраны переводчики. Возможно, такой шаг был связан с присутствием казаков, которым демонстрировалась особая этноконфессиональная идентичность. Значимым фактором на съезде было присутствие полковников «Дикой дивизии» Султана Крым-Гирея и Хаджи-Мурата, которые по-прежнему выражали поддержку Временному правительству. В выступлении Султана Крым-Гирея однозначно было озвучено расположение к правительству Керенского. Местные элиты и

интеллигенция весной продолжали надеяться на разрешение ряда проблем, которые российская имперская власть не решала десятилетиями. К сожалению, либерально настроенные представители Кавказа повторяли главную ошибку деятелей Временного правительства, которые политическую волю подменили бесконечными разговорами. Выступления делегатов съезда носили характер приветствий и не предлагали способов решения болезненных проблем. К таковым относились в целом взаимоотношения горцев и казаков, а также земельный вопрос.

Постепенно среди приоритетов оказался религиозный вопрос, и все больше выступлений северокавказских и закавказских делегатов касались проблем мусульман. На этой почве происходила дальнейшая консолидация участников. В принятой резолюции оговаривалось принятие Горского духовного управления во главе с Нажмудином Гоцинским, аварцем и сыном одного из наиболее известных имамов Шамиля.

Мусульманское духовенство было серьезной политической силой для северокавказских народов. Мусульманские лидеры заявили о воссоздании имамата в Чечне и Дагестане. Во главе с Нажмудином Гоцинским возникло движение шариатистов. По мере ослабления центральной власти они все больше ориентировались на Османскую империю. Из этого следует, что ослабление

внутреннего стержня единства – центральной власти, росло внешнеполитическое влияние. Ряд влиятельных шейхов не поддерживали кандидатуру Гоцинского, но тем не менее в августе он был избран имамом Северного Кавказа, что произошло при непосредственном участии турецких эмиссаров [14]. Усиление религиозной идентичности сглаживало разногласия между разными этническими группами горцев, сплачивало с Закавказскими мусульманами. Одновременно стремление установить «шариатский строй» [19, с. 236] удаляло Кавказ от России и снижало влияние без того слабого ее правового поля.

Таким образом, февраль 1917 г. в среде всех кавказских народов породил надежду на разрешение национально-территориальных проблем, на автономное управление, на разрешение земельного вопроса. Кавказ ощущал себя единым особым организмом и одновременно частью России. Организационная активность местных политических и интеллектуальных элит направленная на организацию самоуправления, на построение институтов для будущей жизни в составе федерации в течение 1917 г. подготовила почву для поисков независимости. К началу 1918 г. и институционально, и ментально Кавказ был готов к отделению. Во время Батумских переговоров (май 1918 г.) Россия уже казалась страной далекой [1, с. 52].

Источники и литература

1. Авалов З. Независимость Грузии в международной политике 1918–1921 гг.: Воспоминания. Очерки. Париж: [б.и.], 1924. 320 с.
2. Байков Б. Л. Воспоминаний о революции в Закавказье (1917–1920 гг.) // Архив русской революции. Берлин: [б.и.], 1923. С. 91–194.
3. Баландье Ж. Политическая антропология. М.: Научный мир, 2001. 204 с.
4. Баммат Г. Кавказ и русская революция с политической точки зрения [Электронный ресурс]. URL: http://www.sogratl.net/publ/md/Book/Skazania_14.pdf (Дата обращения: 12.04.2016).
5. Булыгина Т. А., Маловичко С. И. Новая локальная история: новые исследовательские практики // Новая локальная история. Ставрополь: СГУ, 2006. С. 7–18.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р5881. Оп.1. Д. 524.
7. Гасанлы Дж. П. Русская революция и Азербайджан: Трудный путь к независимости (1917–1920). М.: Флинта, 2011. 672 с.
8. Даудов А. Х., Месхидзе Д. И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа. 1917–1924 гг. СПб.: СПбГУ, 2009. 223 с.
9. Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. М.: Русская панорама, 2001. 448 с.
10. Дзидзоев В. Д. От союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР (1917–1924 гг.) (Начальный этап национально-государственного строительства народов Северного Кавказа в XX в.). Владикавказ: СОГУ, 2003. 190 с.
11. Дудайты А. К. Большой Кавказ в мировой геополитике (состояние и перспективы развития политических процессов в Кавказском районе) // Вестник Владикавказского научного центра. 2013. № 2. С. 2–14.
12. Жордания Н. Моя жизнь / пер. с грузинского Инны Жордания. Stanford: Hoover Institution Press, 1968. 130 с.

13. Крючков И. В. Образ Австро-Венгрии на страницах периодической печати Дона и Северного Кавказа в начале XX в. (1900–1917 гг.). Пятигорск: ПГЛУ, 2003. 82 с.
14. Лобанов В. Б. История антибольшевистского движения на Северном Кавказе, 1917–1920 гг.: на материалах Терек и Дагестана. СПб.: Полторак, 2013. 424 с.
15. Мамулия Г. Кавказ и державы Четверного союза в 1918 г. // *Wrzesień*. 2015. № 2. С. 125–128.
16. Маркедонов С., Сучков М. Большой Кавказ: взгляд из-за океана // *Неприкосновенный запас*. 2012. № 84. С. 163–171.
17. Материалы съездов горских народов Северного Кавказа и Дагестана 1917 года. Нальчик: КБИГИ, 2014. 168 с.
18. Музаев Т. М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа. М.: Патрия, 2007. 518 с.
19. Обращение Нажмуддина Гоцинского // «Свое – чужое» в социокультурном пространстве Северного Кавказа: хрестоматия / отв. ред. Т. А. Булыгина. Ставрополь: СКФУ, 2016. С. 235–237.
20. Петросян Г. Отношения Республики Армения с Россией (1918–1920 гг.). Ереван: ЕГУ, 2012. 445 с.
21. Союз объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская Республика (1918–1920 гг.). Документы и материалы / отв. ред. А. И. Османов. Махачкала: Юпитер, 1994. 448 с.

References

1. Avalov Z. *Nezavisimost' Gruzii v mezhdunarodnoi politike 1918–1921: Vospominaniya. Ocherki (Independence of Georgia in international policy in 1918–1921 years: Memories. Essays)*. Paris: [b.i.], 1924. 320 p. (In Russian).
2. Baikov B. L. *Vospominanii o revolyutsii v Zakavkaz'e (1917–1920) (Memoirs of the Revolution in the Transcaucasus (1917–1920))* // *Arkhiv russkoi revolyutsii (Archive of the Russian Revolution)*. Berlin: [b.i.], 1923. P. 91–194. (In Russian).
3. Baland'e Zh. *Politicheskaya antropologiya (Political anthropology)*. Moscow: Nauchnyi mir, 2001. 204 p. (In Russian).
4. Bammatt G. *Kavkaz i russkaya revolyutsiya s politicheskoi tochki zreniya (Caucasus and the Russian Revolution from a political point of view)*. URL: http://www.sogratl.net/publ/md/Book/Skazania_14.pdf (Accessed: 12.04.2016). (In Russian).
5. Bulygina T. A., Malovichko S. I. *Novaya lokal'naya istoriya: novye issledovatel'skie praktiki (New local history: new research practices)* // *Novaya lokal'naya istoriya (New local history)*. Stavropol': SSU, 2006. P. 7–18. (In Russian).
6. State Archive of the Russian Federation. F. R5881. Inv.1. D. 524. (In Russian).
7. Gasanly Dzh. P. *Russkaya revolyutsiya i Azerbaidzhan: Trudnyi put' k nezavisimosti (1917–1920) (The Russian revolution and Azerbaijan: The hard way to independence (1917–1920))*. Moscow: Flinta, 2011. 672 p. (In Russian).
8. Daudov A. Kh., Meskhidze D. I. *Natsional'naya gosudarstvennost' gorskikh narodov Severnogo Kavkaza. 1917–1924 (The nationhood of the mountain peoples of the North Caucasus. 1917–1924)*. St. Petersburg: SPBSU, 2009. 223 p. (In Russian).
9. Degoiev V. V. *Bol'shaya igra na Kavkaze: istoriya i sovremennost'. Stat'i, ocherki, esse (Great Game in the Caucasus: History and Present Times. Articles, outlines, essay)*. Moscow: Russkaya panorama, 2001. 448 p. (In Russian).
10. Dzidzoev V. D. *Ot soyuza ob»edinennykh gortsev Severnogo Kavkaza i Dagestana do Gorskoi ASSR (1917–1924) (Nachal'nyi etap natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva narodov Severnogo Kavkaza v XX v.) (From the Union of United Mountain Peoples of the North Caucasus and Dagestan to the Mountain ASSR (1917–1924). (The initial phase of nation-building peoples of the North Caucasus in the XX century)*. Vladikavkaz: NOSU, 2003. 190 p. (In Russian).
11. Dudaiti A. K. *Bol'shoi Kavkaz v mirovoi geopolitike (sostoyanie i perspektivy razvitiya politicheskikh protsessov v Kavkazskom raione) (Greater Caucasus in global geopolitics (status and prospects of political development in the Caucasus region))* // *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra*. 2013. No. 2. P. 2–14. (In Russian).
12. Zhordaniya N. *Moya zhizn' (My life)* / translated by Inna Zhordaniya. Stanford: Hoover Institution Press, 1968. 130 p. (In Russian).
13. Kryuchkov I. V. *Obraz Avstro-Vengrii na stranitsakh periodicheskoi pechati Dona i Severnogo Kavkaza v nachale XX v. (1900–1917) (The image of the Austro-Hungarian Empire in the periodical press of the Don and the North Caucasus in the beginning of XX century. (1900–1917))*. Piatigorsk: PSLU, 2003. 82 p. (In Russian).
14. Lobanov V. B. *Istoriya antibol'shevistskogo dvizheniya na Severnom Kavkaze, 1917–1920: na materialakh Tereka i Dagestana (The history of anti-Bolshevik movement in the North Caucasus (1917–1920): a case study of Terek territory and Dagestan)*. St. Petersburg: Poltorak, 2013. 424 s. (In Russian).
15. Mamulia G. *Kavkaz i derzhavy Chetvernogo soyuza v 1918 g. (The Caucasus and countries of the Quadruple Alliance in 1918)* // *Wrzesień*. 2015. № 2. P. 125–128. (In Russian).
16. Markedonov S., Suchkov M. *Bol'shoi Kavkaz: vzglyad iz-za okeana (Greater Caucasus: View from the ocean)* // *Neprisnosvennyi zapas*. 2012. №84. S. 163–171. (In Russian).

17. Materialy s'ezdov gorskikh narodov Severnogo Kavkaza i Dagestana 1917 goda (*Congresses Proceedings of the mountain peoples of the North Caucasus and Dagestan in 1917*). Nal'chik: KBIHS, 2014. 168 p. (In Russian).
18. Muzaev T. M. Soyuz gortsev. Russkaya revolyutsiya i narody Severnogo Kavkaza (*Mountaineers Union. The Russian revolution and the peoples of the North Caucasus*). Moscow: Patriya, 2007. 518 s. (In Russian).
19. Obrashchenie Nazhmuddina Gotsinskogo (*The appeal Nazhmudin Gotsinsky*) // «Svoe – chuzhoe» v sotsiokul'turnom prostranstve Severnogo Kavkaza: khrestomatiya («Ours - theirs» in the socio-cultural space of the North Caucasus: reader) / ed by T. A. Bulygina. Stavropol': NKFU, 2016. P. 235–237. (In Russian).
20. Petrosyan G. Otnosheniya Respubliki Armeniya s Rossiei (1918–1920) (*Relationship of the Republic of Armenia's and Russia (1918–1920)*). Erevan: ESU, 2012. 445 p. (In Russian).
21. Soyuz ob»edinennykh gortsev Severnogo Kavkaza i Dagestana (1917–1918), Gorskaya Respublika (1918–1920). Dokumenty i materialy (*Union united highlanders of the North Caucasus and Dagestan (1917–1918), The Mountain Republic (1918–1920). Documents and Materials*) / ed by A. I. Osmanov. Makhachkala: Yupiter, 1994. 448 p. (In Russian).

УДК 94(47).084.6

А. А. Аникеев

РОЛЬ НСДАП В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Тема статьи актуализируется социальным контекстом, то есть трагической датой – 75-летием начала Великой Отечественной войны. С другой стороны, огромное значение имеет обращение к истокам Второй мировой войн. Их осмысление на научном уровне в полной мере не произошло до сих пор. В статье раскрывается роль НСДАП в формировании идеологических и экономи-

ческих факторов подготовки и развязывания Второй мировой и Великой Отечественной войн: деятельность министерства пропаганды, бюро Розенберга и аппарата «четырёхлетнего плана», а также программа установления мирового господства.

Ключевые слова: Третий рейх, «народное государство», идеология нацизма, автаркия, колониальная программа Германии.

А. А. Anikeev

THE ROLE OF THE NAZI PARTY IN THE IDEOLOGICAL AND ECONOMIC PREPARATION OF THE SECOND WORLD WAR

The subject of the article is topical due to the social context that is the tragic 75th anniversary of the Great Patriotic War. On the other hand, the appeal to the origins of the Second World War is crucial. The reflection over those events has not been carried out at the scientific level thoroughly. The article studies the role of the Nazi party in the formation of ideological

and economic factors in the preparation and unleashing World War II and Great Patriotic wars: the Ministry of propaganda, Bureau of Rosenberg and the «four-year plan», as well as the program for world domination.

Key words: Third Reich, «people's state», the ideology of Nazism, autarchy, colonial program in Germany.

В 2016 г. исполнилось 75 лет нападению нацистской Германии на СССР. В этой связи важно вспомнить, какие факторы сыграли решающую роль в подготовке Второй мировой войны. Фашизм как тоталитарный общественно – это политический строй, характеризую-

щийся не только политикой вмешательства государства во все сферы жизни и деятельности отдельной нации, но и стремлением к внешним захватам, к мировому господству.

Добившись неограниченных полномочий, запретов демократических институтов и

загнав оппозицию в подполье, гитлеровская диктатура создала не только однопартийную систему и осуществила её огосударствление, но и развернула милитаризацию экономики, начала форсированную подготовку к войне. Как национал-социалистическим властителям удалось подготовить немецкое население к новой разрушительной войне? Как сформировался «союз элит» на основе политики войны, целенаправленно проводившейся Гитлером? С помощью каких мер нацистский режим пытался сохранить внутри страны мир, который из-за войны оказался под угрозой? Почему в условиях войны, которая вскоре разоблачила себя как преступная, немцы не потребовали её быстрее окончания, свержения режима, её развязавшего, а продолжали идти за Гитлером?

Ответы на эти вопросы можно получить, лишь осветив роль НСДАП в годы Второй мировой войны. При этом первостепенным представляется выяснение механизма её воздействия на подготовку и планирование войны, методов осуществления тотальной мобилизации, определение «конечных целей» Третьего рейха в войне и причин его поражения.

Прежде отметим, что истории Второй мировой войны посвящена масса литературы отечественных и зарубежных авторов. В работах советских историков Г. А. Деборина, В. И. Дашичева, Д. М. Прохтора, А. И. Самсонова, Ф. М. Телегина и др. показана широкая панорама подготовки к этой войне, освещены основные её этапы, исследована взаимосвязь и расстановка сил между воюющими коалициями, раскрыты истоки и значение разгрома фашистско-милитаристских агрессоров [3; 4; 8; 9; 10].

В последние годы российские историки опубликовали ряд энциклопедических и обобщающих трудов о нацистском Рейхе, о Второй мировой и Великой Отечественной войнах, в которых предпринята попытка преодолеть одностороннее и тенденциозное освещение прошлого [6; 7; 11].

Военно-исторические службы вооружённых сил США создали серию «Армия США во Второй мировой войне» в 85 томах [19]. В Англии основным изданием такого рода является официальная 80-томная «История Второй мировой войны» [17]. В ФРГ завершено издание 10-томного труда «Герман-

ский рейх и Вторая мировая война». Концепции, содержащиеся в этих изданиях, главное внимание уделяют военно-политическим и техническим аспектам войны. В то же время вопросы, связанные с функционированием политической системы Третьего рейха в период войны, не ставились.

В деятельности НСДАП в этой связи, на наш взгляд, наибольший интерес представляют четыре направления.

1. Идеологическая подготовка населения к войне.

2. Роль партии в военно-экономических приготовлениях.

3. Концентрация полномочий по руководству вермахтом у Гитлера.

4. Разработка программы создания «тысячелетнего рейха».

Рассмотрим некоторые из них.

Идеологическая подготовка немцев к реваншу, к войне была начата ещё задолго до захвата гитлеровцами власти, когда в основу всей пропаганды НСДАП Гитлер и Геббельс положили ревизию статей Версальского договора и «возрождения немецкой нации». С самого начала нацисты рассматривали нацию как внешний синтез всех без исключения материальных и духовных ценностей.

Идея национал-социалистического «народного государства» оценивала значение человечества в его базовых расовых терминах. Если в довоенный период главные тезисы гитлеровцев сводились к сохранению чистоты арийской расы и национализму, которые нашли своё выражение в известном лозунге «Германия превыше всего!», то с приближением войны краеугольным камнем нацистской пропаганды явилась идея создания «тысячелетнего рейха» и «нового порядка» для остального мира. Деятельность основных органов НСДАП и государства всецело подчинялись этой универсальной цели.

Постановка этих задач способствовала дальнейшему сращиванию партийного и государственного аппарата Германии. И если раньше только наметилось отождествление партии и государства, то в условиях войны это стало определяющей характеристикой государственно-политической конструкции, была предпринята попытка добиться органического слияния НСДАП и государства, в силу которого нацистская партия рассматривалась как юридическое воплощение

нации и государства, наделённая ответственностью за цели и интересы развития Третьего рейха, за его судьбу в разразившейся схватке.

Это обстоятельство наложило решающий отпечаток на основные направления деятельности руководства гитлеровской Германии в период Второй мировой войны и в первую очередь на организацию и содержание пропаганды.

«Война, а не мир!» – таков был девиз Гитлера, а Геббельс уже в довоенный период сумел мастерски вытравить из массового сознания немцев представление о фундаментальной противоположности этих понятий, внедрить в него ложные представления и путаницу.

С помощью этой пропаганды в нацистской Германии был установлен тоталитарный режим харизматического типа. *Харизма* (с греческого *charisma* – божественный дар) – экстраординарная способность, свойство политика, выделяющее его среди других. Харизматичный авторитет Гитлера не был связан нормами и правилами. Решающее значение для возникновения харизматического авторитета «фюрера» имело не столько само обладание харизмой, сколько формирование её изодрённой пропагандой и признание её со стороны членов НСДАП. Характер харизматических отношений, как правило, не осознавался их участниками: Гитлер верил в своё призвание, а последователи верили в фюрера.

Во время войны национал – социалистическая пропаганда приложила колоссальное усилие для того, чтобы оправдать в глазах простых немцев развязанную войну. К 1939 г. в Германии был создан огромный пропагандистский аппарат, взявший под прямой или косвенный контроль все германские средства массовой информации.

Распознав силу радио, кино, газет, получивших к этому времени довольно широкое распространение в Германии (в 1940 г. на 100 домовладельцев приходилось 61,5 радиоприёмника и до 50 экземпляров нацистских изданий типа «Фелькишер беобахтер», «Дас Райх», «Вермахт», «Ангрифф»), нацистская элита поставила на службу своей пропаганде.

Определяя особенности пропаганды НСДАП, Геббельс писал: «Пропаганда сама

по себе не обладает каким-то набором фундаментальных методов. Она имеет одно единственное предназначение: завоевание масс. И всякий метод, не способствующий его осуществлению, плох» [16, s. 18].

На реализацию этих методов была направлена деятельность министерства пропаганды, которое постоянно расширялось. Вначале оно имело 5 отделов: пропаганды, радио, печати, кино и театра. Затем были созданы отделы по музыке, искусству, литературе. Накануне войны Геббельс разделил отдел печати на два сектора: немецкой и зарубежной прессы. В 1941 г. появился ещё один сектор – печати по вопросам культуры. В итоге к 1944 г. министерство пропаганды выросло до 11 отделов [16, s. 18].

В официальном описании министерства периода войны, отдел пропаганды характеризуется как «крупное подразделение, инициатива и работа которого чувствуется буквально везде» [12, с. 154]. В структуре министерства, кроме уже названных, имелись также секторы, занимавшиеся следующими направлениями: съезды, выставки, связь с партийной канцелярией, связь с местным управлением пропаганды, культурной и политической пропагандой среди этнических немцев за пределами Рейха и вновь созданной в Великой Германии, цензурой средств массовой информации, расширение германского этноса («Volkstum») и пропагандой в таких областях, как здравоохранение, расовая политика и социальная деятельность [12, с. 155].

Опираясь на этот тесно связанный с нацистской партией аппарат, Геббельс уже в довоенный период преуспел в организации различных пропагандистских кампаний, особенно антисоветских. В результате чего к концу 30-х гг. большая часть немецкого населения была убеждена, что Советский Союз является особым противником. Несмотря на все предубеждения, Франции никогда не было отказано в ранге Великой европейской культурной нации. Иначе представлялся образ Советского Союза: по традиции, восходящей с середины XIX в., сначала царская империя, а позднее и Советский Союз считались не просто опасными государствами, но и чуждыми, неполноценными. Отчуждённость и отсталость России была превращена в расхожую формулу об «азиатском» характере страны. В представлении широких

слоёв населения отсталость России от Западной Европы казалась результатом примитивности народов царской империи и их неспособности к восприятию культуры. Вместе с тем и размеры империи, и её мощь, и «жажда завоеваний» внушали страх¹.

В конце 30-х гг. в Германии к ощущению угрозы прибавилось собственное захватническое «вождеделение». Прибалтийские земли (с их небольшой прослойкой немецкого населения), а также Украина (с её зерновым и сырьевым богатством) рассматривались как потенциальные колонии. Геббельсовская пропаганда способствовала крайнему обострению антирусского образа врага, несущего немецкому народу «азиатское варварство» [1, с. 11–12].

Следует отметить, что активное участие в насаждении антисоветских настроений в Германии принимал и Альфред Розенберг (1893–1946 гг.) – главный идеолог нацизма, заместитель Гитлера по вопросам «духовной и идеологической подготовки» членов нацистской партии. Как уроженец Прибалтики, учившийся в Риге и Москве, он считался в нацистской верхушке большим специалистом по «русскому вопросу».

До войны А. Розенберг возглавлял Управление внешней политики НСДАП, под контролем которой была создана разветвлённая сеть заграничных организаций нацистской партии, занятых прогерманской пропагандой и шпионажем. Розенберг непосредственно руководил также Бюро иностранной помощи НСДАП, в функции которого входило стимулирование торговых отношений, организация молодёжных обменов, подготовка обзоров печати и обобщение тенденций мировой политики [5, с. 130–131].

¹ Р. Э. Герцштейн отмечает, что в годы войны не раз приходилось делать невероятные курбеты: объяснять немцам почти необъяснимое. И первое такое испытание произошло в мае 1941 г., после полёта Гесса в Шотландию. Этот перелёт заместителя Гитлера по партии поразил всю Германию, особенно членов НСДАП. Известие было подобно грому среди ясного неба. В докладах СД отмечалось, что ни одно событие последних лет не вызвало столь глубокого потрясения. Некоторые нацисты сравнивали этот полёт лишь с «путчем СА» под руководством Рема в 1934 году. Дней десять разговоры об этом событии не сходили у всех с уст. Казалось, никто не верил официальной версии о том, что Гесс был «душевнобольным» [16, с. 155].

Бюро Розенберга инициировало в начале войны разработку программы колониальных захватов нацистской Германии, хотя истоки колониальных планов нацизма берут своё начало в «Майн Кампф» Гитлера. Опираясь на теорию жизненного пространства, нацистский фюрер сформулировал экспансионистскую программу, которая предусматривала поэтапное создание «Великой Германии» [15].

Главный упор нацистских лидеров направлялся на Восток. Гитлер в этой связи писал: «Мы начинаем с того, на чём остановились шесть столетий тому назад. Мы прекращаем вечное германское устремление на Юг и Запад Европы и обращаем взор на страну на Востоке... Когда мы сегодня говорим в Европе о новых землях, мы можем в первую очередь думать только о России и подчинённых ей пограничных государствах» [13, с. 64–66].

Конечной целью нацистской экспансии являлись страны Ближнего и Среднего Востока, Британские острова, Индия, а также Африканский и Американский континенты [2]. Для реализации этих планов к 1939 году в недрах НСДАП была выработана следующая концепция войны.

1. Сначала ликвидация малых «буферных» стран Центральной, Юго-Восточной и Северной Европы в целях улучшения стратегических и экономических позиций Германии для борьбы против главных противников на европейском континенте – СССР, Франции и Англии.

2. Нанесение первого удара по Франции и Англии с целью занятия всей Западной Европы и создания решающих экономических предпосылок для последующего сокрушения Советского Союза.

3. Разгром Советского Союза как важнейшее условие установления полного господства фашистской Германии в Европе и последующей борьбы за мировое господство.

4. Создание Германской колониальной империи путём завоевания владений в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке и в других частях мира и подготовка борьбы против Соединённых Штатов Америки [13, с. 68–71].

Разработкой колониальной программы фашистской Германии с середины 1940 г. занимался отдел экономической политики имперского управления НСДАП. В меморандуме гауляйтера фон Корсванта ставилась

цель на первых порах создать германскую колониальную империю в Африке. После победы над Францией и Англией предполагалось без помех захватить экономические позиции на Ближнем и Среднем Востоке. При этом германскими колониями должны были стать: в Африке – Сенегал, Французское Конго, Гамбия, Гвинея, Гана, Сьерра-Леоне, Нигерия, Южный Судан, Уганда, Кения, часть Бельгийского Конго, Занзибар и Алжир; в Азии германской колонизации подлежали острова Индонезии и Новая Гвинея, Британское Борнео, Сингапур, острова Океании, часть Малайи, французские колонии в Индии; на арабском Востоке должны были быть оккупированы Палестина, Трансиордания, Кувейт, Бахрейнские острова, Ирак, Аден, Египет и Суэцкий канал (последние под совместный контроль Германии и Италии); в Америке планировалось захватить бывшие французские колонии и английские никелевые рудники в Канаде.

В дальнейшем гитлеровское руководство уточняло и детализировало эти колониальные планы. Для практической реализации этих планов, в 1940 г. в Германии было тайно создано министерство колоний во главе с фон Эппом и началось формирование колониальных войск, численность которых предполагалось довести до 100 тысяч человек.

Вторым направлением деятельности НСДАП были военно-экономические приготовления к войне. Как известно, эта работа началась еще в 1936 г., когда был учрежден аппарат «Четырехлетнего плана». В «Меморандуме об экономической подготовке к войне» отмечалось, что «окончательное решение (германской) проблемы состоит в расширении жизненного пространства, а также в расширении сырьевой базы нашего народа. Задача политического руководства состоит в том, чтобы в будущем добиться решения этих проблем».

Анализируя ход выполнения военно-экономической программы на совещании политических и военных руководителей 5 ноября 1937 г., Гитлер подчеркнул, что её осуществление возможно только при одном условии – строгом руководстве государством со стороны национал-социалистической партии.

При этом намечалось добиться следующих результатов.

I. По части сырья лишь условий, но не тотальной автаркии.

1. Если уголь будет использоваться для получения сырьевых продуктов, то автаркии можно достичь.

2. Но с рудами положение намного сложнее. Потребность в железе можно покрыть собственной добычей. Это же можно сказать и о лёгких металлах. Потребность же в других металлах – меди, олове – за свой счёт покрыть невозможно.

3. Волокно – потребность можно покрыть из собственного производства, если хватит запасов леса. Но длительное время – это невозможно.

4. По пищевым жирам – возможно.

II. Что касается автаркии по части продовольствия, то на этот вопрос следует ответить категорическим «нет».

На выполнение военно-экономической программы была нацелена деятельность Уполномоченного по «Четырёхлетнему плану», Имперского совета обороны, и других высших органов Третьего рейха.

Важную роль в милитаризации страны играли не только министерства экономики, продовольствия и сельского хозяйства, труда, финансов, комиссар по контролю цен и управление по «Четырёхлетнему плану», но и так называемая «коллегия трёх»: Генеральный уполномоченный по экономическим вопросам Функ, начальник Верховного командования германскими вооружёнными силами Кейтель, Главный уполномоченный по администрации империи Гиммлер (Фрик). Разумеется, в подготовке к войне и реализации её целей участвовали и многие другие организации и учреждения, подчинённые имперскому кабинету, начиная от министерства вооружений и военной промышленности и кончая министерством иностранных дел.

27 августа 1939 г., т. е. за три дня до начала военных действий, гитлеровское правительство издало «Закон об управлении хозяйством», который являлся краеугольным камнем национал-социалистического законодательства в годы войны. Он закладывал основы всей военно-экономической системы нацистского Рейха на период войны. Закон способствовал насаждению методов государственно-монополистического регулирования в самых различных отраслях хозяйства. Он в частности гласил: «В целях всеобщей мобилизации все отрасли хозяйства переходят под контроль Генерального уполномоченного по экономике».

Так стремление подчинить все ресурсы страны военным целям ещё более усилило контроль нацистской диктатуры над экономикой. Закон так же предусматривал, что в целях мобилизации людских и экономических ресурсов все промышленные и сельскохозяйственные объединения ставятся под контроль государственных органов власти: областных и окружных магистратов. Закон требовал покончить со всяким сословным самоуправлением. Он предписывал: «Всем организациям и службам в сфере эконо-

мики, продовольствия и лесного хозяйства стать под государственный надзор» [18].

Следовательно, концентрация экономической и политической власти в стране, подчинение её нуждам захватнической войны заставили гитлеровское руководство отказаться от всяких форм «сословного самоуправления», принятого в довоенный период, и перейти к жёстким административным методам военно-бюрократического контроля. При этом решающую роль в этих процессах сыграла национал-социалистическая партия Германии.

Источники и литература

1. Война Германии против Советского Союза. 1941–1945. Берлин: Аргон, 1992. 285 с.
2. Гитлер А. Майн Кампф. М.: Сантлада, 1992. 278 с.
3. Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма: в 2 т. М.: Наука, 1972.
4. Деборин Г. А. Вторая мировая война. М.: Воениздат, 1958. 435 с.
5. Деларю Ж. История гестапо. М.: Центрполиграф, 2004. 480 с.
6. Золотарёв В. А., Тюшкевич С. А. Опыт и уроки отечественной военной истории. М.: Арбизо, 1995. 135 с.
7. Мединский В. Р. Мифы СССР. 1939–1945. М.: Олма, 2013. 704 с.
8. История Второй мировой войны 1939–1945 гг.: в 12 т. М.: Воениздат, 1976–1982.
9. Проэктор Д. М. Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во Второй мировой войне 1939–1945 гг. М.: Наука, 1972. 640 с.
10. Самсонов А. М. Вторая мировая война. 1939–1945. Очерк важнейших событий М.: Наука, 1985. 584 с.
11. Энциклопедия Третьего рейха. М.: Локид-миф, 1996. 592 с.
12. Герцштейн П. Э. Война, которую выиграл Гитлер. М.: Русич, 1996. 608 с.
13. Anatomie der Aggression. Berlin: Eutscher Verlag der Wissenschaften, 1972. 238 s.
14. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd.1 – 10. Stuttgart, 1979–1998.
15. Deutsche Grobmacht – und Weltpolitik im 19. und 20. Jahrhundert. Düsseldorf, 1977.
16. Goebbels J. Kampf am Berlin. Der Anfang. München, 1934.
17. Official History of the Second World War. London, 1948–1985.
18. Reichsgesetzblatt. Teil 1. 1933.
19. United States Army in World War II. Washington, 1948–1974.

References

1. Voyna Germanii protiv Sovetskogo Soyuz. 1941–1945 (*The war of Germany against the Soviet Union. 1941–1945*). Berlin: Argon, 1992. 285 p. (In Russian).
2. Gitler A. Mein Kampf (*My struggle*). Moscow: Santlada, 1992. 278 p. (In Russian).
3. Dashichev B. I. Bankrotstvo strategii germanskogo fashizma (*Bankruptcy of German fascism strategy*). In 2 Vols. Moscow: Nauka, 1972. (In Russian).
4. Deborin G. A. Vtoraya mirovaya voina (*The Second World War*). Moscow: Voenizdat, 1958. 435 p. (In Russian).
5. Delaryu Zh. Istoriya gestapo (*History of the Gestapo*). Moscow: Tsentrpoligraf, 2004. 480 p. (In Russian).
6. Zolotarev B. A., Tyushkevich C. A. Opyt i uroki otechestvennoi voennoi istorii (*Experience and Lessons of Russian military history*). Moscow: Arbizo, 1995. 135 p. (In Russian).
7. Medinskii V. R. Mify SSSR. 1939–1945 (*Myths of the Soviet Union. 1939–1945*). Moscow: Olma, 2013. 704 p. (In Russian).
8. Istoriya Vtoroi mirovoi voiny 1939–1945. (*History of the Second World War 1939–1945 years*): In 2 Vols. Moscow: Voenizdat, 1976–1982. (In Russian).
9. Proektor D. M. Agressiya i katastrofa. Vyshee voennoe rukovodstvo fashistskoi Germanii vo Vtoroi mirovoi voine 1939–1945. (*Aggression and disaster. Higher military leaders of Nazi Germany in the Second World War 1939–1945*). Moscow: Nauka, 1972. 640 p. (In Russian).
10. Samsonov A. M. Vtoraya mirovaya voina. 1939–1945. Ocherk vazhneishikh sobytii (*The Second World War. 1939–1945. Outline of the most important events*). M.: Nauka, 1985. 584 p. (In Russian).
11. Entsiklopediya Tre't'ego reikha (*Encyclopedia of the Third Reich*). M.: Lokid-mif, 1996. 592 p. (In Russian).
12. Gertshtein P. E. Voina, kotoruyu vyigral Gitler (*The war that Hitler had won*). M.: Rusich, 1996. 608 p. (In Russian).

13. Anatomie der Aggression (*Aggression anatomy*). Berlin: Eutscher Verlag der Wissenschaften, 1972. 238 p. (In German).
14. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg (*The German Reich and the Second World War*). Bd.1–10. Stuttgart, 1979–1998. (In German).
15. Deutsche Grobmacht – und Weltpolitik im 19. und 20. Jahrhundert (*German great power – and world politics in the 19th and 20th centuries*). Düsseldorf, 1977. (In German).
16. Goebbels J. Kampf um Berlin. Der Anfang (*Battle of Berlin: The Beginning*). München, 1934. (In German).
17. Official History of the Second World War. London, 1948–1985.
18. Reichs gesetz blatt (*Reich Law Gazette*). 1933. Issue 1. (In German).
19. United States Army in World War II. Washington, 1948–1974.

УДК 94(411)

В. Ю. Апрыщенко

ШОТЛАНДСКАЯ ИМПЕРИЯ БРИТАНСКОЙ НАЦИИ: КОЛОНИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ШОТЛАНДСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В XVIII–XIX ВВ.

Статья посвящена трансформации шотландской национальной идентичности в контексте шотландского участия в строительстве Британской империи. Автор использует многочисленные статистические и нарративные источники для того, чтобы продемонстрировать практики и механизмы англо-шотландской имперской интеграции. Он показывает, что шотландские колониальные успехи были основной движущей силой национальной интеграции и фактором станов-

ления шотландской национальной идентичности. Автор приходит к выводу, что в период до 1914 г. Шотландский национализм принял форму англо-шотландского сотрудничества между английским и шотландскими купцами, солдатами и докторами, создававшими единую Британскую империю.

Ключевые слова: Британская империя. Шотландский национализм, идентичность, колониализм, шотландская модернизация, Дариенская схема.

V. Yu. Apyshchenko

SCOTTISH EMPIRE OF THE BRITISH NATION: THE COLONIAL ACTIVITY AND SCOTTISH NATIONAL IDENTITY IN THE EIGHTEENTH-NINETEENTH CENTURIES

The article deals with transformation of Scottish national identity in the context of Scottish participation in the development of the British Empire. The author refers to numerous statistical and narrative sources to demonstrate the practices and mechanisms of Anglo-Scottish imperial unification. It is claimed that Scottish colonial success can be considered the main driving force in the national integration

and shaping Scottish national identity. The author concludes that in pre-1914 period Scottish nationalism was expressed in the form of cooperation between Scottish and English merchants, soldiers and doctors who had created the united British Empire.

Key words: the British Empire, Scottish nationalism, identity, colonialism, Scottish modernization, Darien scheme.

Среди причин бурной трансформации, которую Шотландия пережила на протяжении второй половины XVIII – начала XIX вв., можно назвать множество факторов: рост рынков, расширенное использование при-

родных ресурсов, в том числе, например, силы воды, дешевая рабочая сила, и другие. Однако лишь немногие оспорят тот факт, что решающей причиной потрясающего воображение роста стали блага империи, которые

шотландцы получили, заключив унию 1707 г. История империи в равной степени принадлежит и XVIII, и XIX столетиям: если в эпоху, последовавшую сразу за унией, империя была залогом экономического развития, поставляя ресурсы и капитал, легшие в основу промышленного переворота, то веком позже она превратилась в важный фактор формирования идентичности и стала одним из символов идеи шотландскости. Двойственность имперской шотландской истории заключается и в другом. История империи должна включать не только рассказ о шотландской гордости и доблести, а также о достижениях, сделанных шотландцами на службе в колониальных войсках и администрации. Не менее важную, но гораздо более трагическую страницу этой истории составляет повествование о шотландских «чистках», послуживших причиной массовой эмиграции в Канаду и Америку. Иными словами, империя – это не только колонии, но и изменения внутри страны – социальные, политические, институциональные. И все это было чрезвычайно важно, поскольку так или иначе сказывалось на национальной идентичности.

Империя предоставила шотландцам не только доступ на колониальные рынки, но и обеспечила им выгодную тарифную политику, а также военную защиту в длительных войнах, которые вела Британия против Франции в Вест-Индии и на Карибских островах за территориальную и торговую гегемонию. В конечном счете британский рынок в Америке и Индии стал результатом значительных финансовых инвестиций, сделанных государством. Майкл Фрай в своей «Шотландской империи», вышедшей в 2001 г., доказывает, что между «шотландской» и «английской» империями была большая разница, обусловленная тем, что англичане свои колонии завоевывали силой оружия, тогда как шотландцы покоряли земли, вкладывая туда финансовые инвестиции и заселяя их эмигрантами [4]. Правда, другой исследователь роли шотландцев в строительстве империи, Том Дивайн, считает это отличие иллюзорным. Даже если шотландцы старались миром покорять новые земли, что тоже спорно, считает Т. Дивайн, колонии, с которыми они торговали, были британскими, и рынок, на который поступали товары и где обращались средства, был тоже британ-

ским, открытым благодаря британским мушкетам и пушкам [3].

Окончание эпохи экономического благополучия было предметом всеобщего беспокойства европейских правительств в XVIII столетии, и любое расширение национальных границ – территориальных, экономических, культурных – отныне могло быть достигнуто только посредством подавления и притеснения другой нации. Агрессия ради защиты национальных интересов являлась единственной практикой, с помощью которой можно было развивать коммерцию, а вооруженные силы были средством такой экспансии. Шотландские торговые сообщества в колониях были готовы идти на вооруженное противостояние, если оно в итоге обещало принести прибыль, что подтверждается открытым письмом в адрес умирающего Георга II в 1760, подписанным шотландской конвенцией королевских городов. Заслуга короля заключалась в военной поддержке в Вест-Индии и Канаде, результатом которой стало падение Квебека, в итоге чего шотландские торговые интересы стали быстро развиваться, и уже в октябре 1759 г. эдинбургские издатели продавали карты Гваделупы, Квебека и Монреалья – территории, которые будут наводнены шотландцами сразу же после окончания Семилетней войны. Шотландские торговцы в колониях полностью разделяли идею о том, что торговля – источник финансов, а финансы – это жизненный нерв войны [15, р. 329].

Единственным эффективным гарантом шотландской торговли во враждебном окружении соперничающих европейских держав был королевский флот, чья поддержка находилась в зависимости от успешности унии. За год до ее подписания Уильям Питмедден призывал учесть уроки Дариена, признав реальность международного торгового мира, в котором купцы могут быть защищены только силой оружия. Успешная коммерция будет возможна только там, где она найдет поддержку армии, а последняя в свою очередь не может прийти из самой Шотландии, которая довольно бедна, чтобы содержать флот, способный отстаивать национальные интересы. Только защита «могущественной соседней нации» даст необходимую защиту в мире расширяющейся морской власти [15, р. 48–50], и эти аргументы превратились в реальность сразу же после 1707 г., когда шотландская атлантическая торговля стала

процветать под защитой королевского флота. Прибрежный торговый обмен также попал под защиту флота в результате принятия Крейсерского и конвойного акта 1708 г. Присутствие флота в собственных водах стало жизненно важным только в годы Семилетней войны, когда вражеские суда наводнили Проллив и южные прибрежные воды. Именно такая защита давала возможность шотландцам увеличить тоннаж торгового флота с 47 751 т. в 1759 г. до 91 330 т. в годы Американской войны за независимость [5, р. 101–116].

Со второй половины XVIII столетия возможности, предоставляемые империей, еще более увеличились, став «соблазнительными перспективами», как их назвал современный шотландский журналист Нил Ачерсон [1, р. 237]. Особенно после Семилетней войны территориальные приобретения Британии, отвоевавшей земли у Франции, стали важным фактором развития. В 1770-е гг. население североамериканских колоний резко выросло. Джорджия, Западная и Восточная Флорида, Квебек и Новая Шотландия были освобождены от владычества Испании и Франции. После того как было образовано самостоятельное государство Соединенные Штаты Америки, на севере континента остались огромные незаселенные пространства, известные как Британская Северная Америка, что дало новую возможность для территориальной экспансии. В то время как в Вест-Индии в 1763 г. Британия обзавелась рядом островов, включая Тринидад, наиболее впечатляющие приобретения были сделаны в Индии, где к 1815 г. на территории всего восточного субконтинента и значительной части долины Ганга была установлена администрация Английской Ост-Индской компании. В тот период около сорока миллионов индийцев находились под властью Британской короны, которая быстро распространила свою власть и на территории Цейлона и Маврикия. Компания собирала восемнадцать миллионов фунтов налогов, что составляло примерно одну треть налоговых поступлений всей Британии. В Тихом океане, благодаря путешествиям и открытиям капитана Джеймса Кука, также было установлено британское владычество, а после прибытия британских кораблей в Новый Южный Уэльс в 1788 г. уже и Австралия стала британской колонией. К 1815 г. в подданстве Британии состояло население Америки, Карибских островов,

Азии, а также Австралии и Новой Зеландии с общим населением 41 млн 100 тыс. человек. К 1820 г. количество британских подданных на Земле составляло пятую часть ее населения, и это действительно была империя, над которой никогда не заходило солнце и связи между частями которой все еще не были до конца установлены [14].

В результате произошедших событий империи требовались солдаты, оружие, колониальная бюрократия, которая бы управляла вновь приобретенными землями. Количество людей, находившихся под ружьем, выросло 113 тысяч в 1739 г. до 190 тысяч в 1748 г., а военные расходы возросли с 8 млн 750 тыс. в год в 1740-е гг. до 20 млн в год в 1770-е гг. Военно-налоговое британское государство никогда ранее не переживало таких динамичных темпов развития с точки зрения привлечения служащих и колониальной администрации [8, р. 58–59].

Шотландцы были теми, кто наиболее полно интегрировался в этот процесс. И хотя пропорция английского и шотландского населения в этот период составляла 5:1, в колониальных процессах они добивались много больше этого соотношения. И подобное колониальное присутствие оборачивалось неизбежными выгодами для Шотландии. Эти преимущества становились очевидны для Шотландии тогда, когда, достигнув успеха, выходцы из Каледонии после многих лет странствий вновь ступали на берега своей родины. Причем вернуться на родину вовсе не означало осесть собственно в Шотландии – часть реэмигрантов селилась в Лондоне, Бристоле или в других частях Англии, многие оставались навсегда в Бенгалии и Индии, а еще одна часть погибала. В период с 1707 по 1775 г. 57 % служащих Компании погибли от болезней.

Современные исследователи подсчитали, что между 1720 и 1780 гг. по крайней мере 1668 шотландцев служили в Ост-Индской компании в качестве морских и военных офицеров, докторов и гражданских чиновников. Из представителей этих и других профессий 124 человека за время службы получили сверхдоходы, 37 – значительные доходы размером 40 000 фунтов и более, 65 – средние, что составляло от 20 до 40 тысяч, и 21 человек – незначительные, от 10 до 20 тысяч. При этом авторы исследований замечают, что эти известные цифры составля-

ют лишь незначительную пропорцию от того, что получали остальные неизвестные служащие, учитывая то, что ежегодный приток капитала в Шотландию из Индии на протяжении 1750, 1760, и 1770-х гг. составлял пятьсот тысяч фунтов, и в значительной степени он направлялся на улучшения, проводившиеся в сельской местности [9, р. 182–203].

Современные дебаты по поводу шотландского национализма и, шире, о природе британского государства вообще восходят, очевидно, к исследованию Тома Нейрна «Распад Британии». По его мнению, причина того, что Шотландия не знала в XIX в. политического национализма, заключается именно в том, что она принимала активное участие в строительстве Британской империи, и шотландский правящий класс, получая все выгоды от процветания империи, воспевал свое «младшее партнерство» в этом новом Риме [10, р. 129]. Именно после Нейрна идея о том, что благодаря империи шотландцы получили все преимущества как в колониях, так и в метрополии, стала общим местом в исследованиях. Внимание стал привлекать не только вопрос о влиянии шотландцев на колонии белых поселенцев, главным образом, в северной Америке [3], но и проблема их деятельности в зависимых территориях, например, в Индии, где они делали карьеру на гражданской или на военной службе.

Возможности для карьеры шотландцев в империи появились с середины XVIII в., когда они стали получать места колониальных служащих, и с начала XIX в., когда началось массовое миссионерское движение. В Вест-Индии шотландцы стали активно заниматься плантационным хозяйством, и уже к концу XVIII в. на Ямайке им принадлежала примерно четверть всех обрабатываемых земель, подлежащих налогообложению. В Индия после унии также отмечен приток шотландцев, которые, используя патронажные практики, быстро увеличивали свое присутствие там. И все эти карьерные возможности способствовали имперскому шотландскому патриотизму [7, р. 388]. Когда Линда Коллей говорит о «шотландской империи», она обращает внимание на несколько факторов, способствующих их успехам, в частности, на гражданскую службу в Индии. Шотландцы из образованных слоев, те, кто получил хорошее образование на родине, имели больше возможностей для успешной карьеры, чем англичане, а бедность страны

была еще одним дополнительным стимулом [2, р. 128]. Пример Бенгалии, где в конце XVIII в. шотландцы очень быстро могли стать богатыми, подтверждает мнение Коллей [12, р. 83]. И несмотря на то, что в середине XIX в. не все шотландцы выдерживали экзамен на занятие гражданской должности в колониях, империя все же предоставляла значительные возможности для молодых северобританцев. В этой связи действительно не удивительно, что империя решающим образом сказалась на динамике развития национальной идентичности.

К концу XIX в. убеждение шотландцев в собственной имперской миссии распространилось далеко за пределы Эдинбурга. При этом сами шотландцы всегда утверждали, что их роль особенно очевидна, если принять во внимание незначительные размеры Шотландии и количество ее населения. Действительно, скорее, заниженные, чем завышенные данные свидетельствуют, что, например, в Ост-Индской компании в период 1776–1785 гг. из 249 назначенных клерков 119 были шотландцами, что составляет 47 %, а между 1788 и 1800 гг. шотландских служащих было 34 %. Кроме того, в 1776–1785 гг. на службе у компании состояли 132 шотландских хирурга, или 25 % от общего числа докторов [13, р. 42]. В целом между 1850 и 1939 гг. треть всех высших колониальных чиновников в Индии была выходцами из Шотландии. В конце XIX – начале XX вв. показатели въезда шотландцев в Индию снижаются и выглядят особенно незначительными по сравнению с количеством шотландцев, выехавших из страны. Согласно данным, приводимым М. Харпером, в период между 1825 и 1914 гг. 1 841 534 представителей этого народа оставили свою родину, эмигрировав за пределы Старого света [6], 44 % из которых отправилось в США, 28 % – в Канаду, 25 % – в Австралию. На протяжении XIX в. шотландцы предпочитали отправляться в британские колонии, населенные белыми, нежели в зависимые территории.

То, что дала шотландцам империя, стало главной причиной провала политического национализма, поскольку все это направляло национальную идентичность в иное русло – на путь строительства совместного с англичанами, ирландцами и валлийцами имперского проекта в рамках Британии, а военные успехи горцев были показателем их особой

роли в рамках имперских практик. Шотландские полки, воспринимаемые как передовая часть имперской экспансии, будучи воспиты в музыке, поэзии, живописи, скульптуре, стали иконой шотландской нации и одним из главных символов идентичности. Правда, парадоксально, что шотландские полки викторианской эпохи, ассоциируемые с горной Шотландией, набирались преимущественно из представителей рабочего класса шотландских равнинных городов. Тем не менее их образ стал таким, какой ассоциировалось с истинной Шотландией и широко использовался массовым сознанием в качестве индикатора успеха шотландцев в империи.

Несмотря на то, что на протяжении XIX в. шотландское участие в войсках империи шло на спад, шотландцы продолжали гордиться своим участием в делах империи уже в качестве добровольцев. В 1859 г. Северная Британия поставляла в два раза больше волонтеров в расчете на душу населения, чем любая другая часть Соединенного королевства. В Эдинбурге волонтерское движение включало целый публичный сектор, составлявший компании адвокатов, стряпчих, банкиров, торговцев, университетских служащих, к которым присоединялись журналисты Глазго, сформировавшие свою отдельную компанию. В Эдинбурге банки являлись активными участниками волонтерского движения вплоть до 1914 г.

Значимость империи выросла еще и потому, что в XIX в. она стала более важным, чем прежде, фактором внутреннего развития Шотландии. Богатства, получаемые за океаном, становились основой для внутренних инвестиций и основой индустриального производства, продукты которого находили сбыт за рубежом. Если Британия была «мастерской мира», то Шотландия в XIX стала «мастерской империи», что наиболее заметно было в Глазго, втором по величине городе империи. Империя стала действительно решающим фактором в развитии таких отраслей экономики, как инженерное дело и кораблестроение, а города, подобные Пейсли и Данди, превратились в

центры имперского текстильного производства. Майкл Фрай обращает внимание также на ту роль, которую сыграла империя в развитии шотландской торговли благодаря выходцам с севера Британии, процветавшей в различных регионах мира с экзотическим климатом [4, р. 494]. Шотландцы действительно занимали наиболее выгодное положение среди торговцев империи – из трехсот семидесяти одного человека, получивших между 1776 и 1785 гг. право постоянно вести торговлю от лица Ост-Индской компании, 60 % (211 человек) были шотландцами. В начале XIX в. шотландцы в империи торговали самыми разными товарами, например, джутом и чаем, выполняли услуги перевозчиков и банкиров [11].

Колониальная деятельность имела характер «преодоления синдрома Дариена» и тех последствий, не только экономических или социальных, но и для национальной идентичности, которые он имел. Комплекс неспособности к самостоятельному развитию и процветанию был преодолен не только несомненными экономическими достижениями, но и тем, что Шотландия ощущала значимость собственной миссии по распространению христианской веры среди «варварских» народов.

В результате для шотландской элиты годы, предшествующие 1914 г., были временем мирного развития национализма, когда процесс англо-шотландской интеграции преобладал над национальным разобщением. Будучи лишены собственно государственных легислатур, шотландцы направили свою деятельность на развитие институтов гражданского общества, которое в определенной степени противостоит государству, но где идентичность может быть выражена с еще большей полнотой. Институциональная автономия Шотландии предоставила ей возможность для развития таких институтов, в которых, по мнению шотландцев, выражалась их независимость, – это были правовые институты, церковные, образовательные, и в них религиозные и классовые различия, соединившись воедино, создавали шотландскую гражданскую институциональную идентичность.

Источники и литература / References

1. Ascherson N. *Stone Voices. The Search for Scotland*. L., 2002.
2. Colley L. *Britons. Forging the Nation. 1707–1837*. L., 2003.
3. Devine T.M. *Scotland's Empire, 1600–1815*. L., 2003.
4. Fry M. *The Scottish Empire Edinb.*, 2001.

5. Graham E. A Maritime History of Scotland, 1650–1790. East Linton, 2002. P. 101–116.
6. Harper M. Adevntures and Exiles the Great Scottish Exodus. L., 2003.
7. Lynch M. Scotland. A New History. L., 1992. P. 388. A New History. L., 1991.
8. Marshall p. J. The Making and Un-making of Empires. Oxf., 2005. P. 58–59.
9. McGilvary G. East India Patronage and the British State: the Scottish Elite and Politics in the Eighteenth Century. L., 2008. P. 182–203.
10. Nairn T. The break-up of Britain. L., 1977.
11. Parker J.G. Scottish Enterprise in India, 1750–1914 // Scots Abroad. L., 1985.
12. Pittoc M. Scottih nationality. NY., 2001.
13. Riddy Warren Hastings: Scotland's Benefactor? // The Impeachment of Warren Hastings. Edinb., 1989. P. 42.
14. Sir G. Macartney. An Account of Ireland in 1773 be a late Secretary of that Kingdom L., 1773.
15. Whatley C. Bought and Sold for English Gold? Explaining the Union of 1707. Edinb., 1994. P. 48–50.

УДК 63.3

Л. А. Белоусова

МУСУЛЬМАНСКАЯ ЛИГА И КОНГРЕССИСТСКИЕ МИНИСТЕРСТВА В БРИТАНСКОЙ ИНДИИ В 1937–1939 гг.

Уникальный эпизод истории колониальной Индии – деятельность провинциальных конгрессиистских министерств в 1937–1939 гг. – практически не изучен в нашей стране. До обретения Индией независимости, победив на региональных выборах, оппозиционная режиму партия Индийский национальный конгресс получила шанс показать себя в практической политике. Впервые в отечественной индологии в статье использованы документы конгрессиистских министерств. Проиндусский крен в их политике повлиял на рост напряженности между индусами и

мусульманами, что наряду с объективными причинами привело к трагедии раздела страны в 1947 г. Актуальность исследования не вызывает сомнений на фоне обострения межконфессиональных противоречий в современном мире и необходимости поиска компромиссов между цивилизациями.

Ключевые слова: Всеиндийская мусульманская лига, Индийский национальный конгресс, конгрессиистские министерства, коммунальные проблемы, «кампания массового контакта».

L. A. Belousova

THE ALL-INDIA MUSLIM LEAGUE AND PROVINCIAL CONGRESS MINISTRIES IN BRITISH INDIA IN 1937–1939

The unique episode in the history of colonial India – the activity of provincial Congress ministries in 1937–1939 – has been poorly highlighted in national scientific studies. Before India gained independence the Indian National Congress, an oppositional party to the regime, having won regional elections, had a chance to prove itself in practical politics. It is the first time ever in national studies of India when the article refers to documents of Congress ministries. The pro-Hindu bias in their policy led to a rise in

tensions between Hindus and Muslims, which alongside objective factors, led to the tragedy of the country's division in 1947. The topicality of the research prompts no doubt against the backdrop of the aggravation of inter-faith conflict in the contemporary world and the need to search for compromises between civilizations.

Key words: The All-India Muslim League, Indian National Congress, Congress ministries, communal problems, mass contact campaign.

С середины 1920-х гг. в Индии после прекращения Халифатского движения, сплотившего мусульман и индусов в борьбе против

британцев, напряженность между общинами усилилась, выросло число вооруженных столкновений. В 1928 г. в Индию прибыла

британская комиссия под руководством Джона Саймона с целью выработки рекомендаций для написания нового закона об управлении страной. Комиссия, состоявшая только из британцев, вызвала общественное возмущение, было принято решение самостоятельно выработать проект конституции под председательством Мотилала Неру, президента крупнейшей партии Индии – Индийского национального конгресса (далее – ИНК). Доклад индийской комиссии получил название «Конституция Неру». Однако в ней не были учтены требования меньшинств, поэтому она не получила поддержки мусульман и не была принята во внимание Дж. Саймоном. Мусульманская лига (далее – МЛ), являвшаяся в 1920-х гг. реакционной партией, в составе которой были преимущественно представители мусульманской буржуазии, выдвинула умеренные требования, названные «Делийские предложения», отвергнутые Конгрессом и не включенные в «Конституцию Неру». ИНК не уделял должного внимания нарастающей межконфессиональной розни, полагая, что внутренние вопросы, в т.ч. коммунальные, нужно решать после достижения страной независимости.

В 1935 г. был принят новый Закон об управлении Индией, выборы в провинциальные законодательные собрания по которому состоялись в 1937 г. Всего в провинциальные законодательные органы избирались 1548 депутатов. Согласно схеме, мусульмане голосовали за мусульман, индусы – за индусов, индийские христиане – за кандидатов-христиан и т. д. Поэтому мы определили для себя задачу: провести анализ влияния результатов выборов и последующего формирования министерств на обострение отношений между индусами и мусульманами, а также анализ позиции всеиндийской Мусульманской лиги в отношении конгрессистских министерств.

Индусско-мусульманские отношения получили отражение и в избирательной системе: согласно новому закону, увеличилось число отдельных коммунальных электоратов. Среди британцев не было единой оценки коммунального представительства. Так, доктор социологии Джон Котман утверждал: «Сегодня предложено решение индусско-мусульманской проблемы – реальная политическая власть (для их политических

сил. – Л. Б.) в провинциях. Конституция вынудит мусульман и индусов работать вместе, невзирая на старую враждебность» [5, р. 285]. Другого мнения придерживались представители Лейбористской партии, выступавшие за политику самоопределения и самоуправления для Индии.

Мусульманская лига, участвовавшая в выборах, выставила своих кандидатов только на места мусульманской курии, но она не смогла добиться успеха даже в мусульманских провинциях Панджаб и Бенгалия, а также в Северо-Западной пограничной провинции. В этих областях наибольшее число мест получили Панджабская партия юнионистов и Бенгальская крестьянская партия, которая, применяя антииндусскую демагогию, пользовалась значительным влиянием среди мусульманского крестьянства Восточной Бенгалии [1, с. 230]. Мусульманская лига получила всего 109 депутатских мандатов из 482 зарезервированных за мусульманами. В октябре 1937 г. на сессии Лиги в Лакхнау ее лидер Мухаммад Али Джинна оправдывал поражение на выборах тем, что мусульмане в Индии находились не только в численном меньшинстве, но и имели низкие экономические и образовательные возможности, в то время как индусы являлись «не только большинством, но они были лучше подготовлены, более дисциплинированы и гораздо лучше оснащены в образовательном, экономическом и финансовом аспектах» [7, р. 128].

По результатам выборов Индийский национальный конгресс стал партией, получившей абсолютное большинство в 6 провинциях, а в двух провинциях он стал крупнейшей партией. В провинциях, где Конгресс одержал победу, он не пошел на уступки Лиге. Неожиданным для Лиги оказался отказ президента Конгресса Джавахарлала Неру предоставить ей два места в правительстве Соединенных провинций, где ее члены получили 27 из 64 мусульманских мест в законодательном собрании, а ИНК – лишь одно. Хотя юридически Неру имел на это право, так как ИНК получил абсолютное большинство в законодательном собрании провинции, однако накануне выборов между Неру и лидером провинциального отделения Лиги Халик-уз-Заманом было достигнуто соглашение о сотрудничестве. Но после победы на выборах Конгресс предложил членам

Лиги очень жесткое условие для получения места в правительстве: они должны были покинуть свою партию и присоединиться к Конгрессу, что являлось для МЛ неприемлемым [8, р. 468]. Конгрессисты оправдывали это решение тем, что министры, приглашенные от других партий, могли быть нелояльными к Конгрессу, и работе законодательных собраний в таком случае угрожала разобщенность. В случае возникновения кризиса или конфликта с губернатором конгрессисты должны были подать в отставку, а наличие представителей других партий делало этот рычаг воздействия на правительство недействительным. Кроме того, летом 1937 г. Мусульманская Лига не могла претендовать на право представлять всех мусульман Индии, это была малочисленная партия. Именно эти доводы оправдывают отказ ИНК создавать коалиционные правительства в провинциях, где у него было абсолютное большинство. Однако нежелание Конгресса, воодушевленного победой, включать представителей других партий в провинциальные министерства, казавшееся правильным шагом, привело к потере части мусульман, поддержавших ИНК на выборах. Кроме того, надо отметить, что большинство мест, полученных Конгрессом, относились к общему электорату. На мусульманских избирательных округах ИНК выставил лишь 58 кандидатов и выиграл 26. Иными словами, Конгресс недооценил важности привлечения мусульманских масс к политической борьбе.

Почти во всех провинциях конгрессисты включили в штат министров мусульман из состава ИНК. Только в Ориссе Конгресс отказался включать мусульман, обосновав это тем, что среди них в провинции не было выдающихся деятелей. Это дало повод для агитации мусульман против Конгресса и обращения за помощью к губернатору, но тот, не имея оснований вмешиваться, пообещал лишь, что интересы мусульман не будут страдать [3, р. 267].

Конгресс, осознавая необходимость увеличения сторонников среди мусульман, начал «кампанию массового контакта», которая заключалась в привлечении их в партию, пропаганде и издании документов на урду. Неру предлагал, чтобы при каждом провинциальном отделении Конгресса были созданы специальные комитеты по работе с мусульманским населением [12, р. 302].

Однако «кампания массового контакта» не встретила поддержки среди основных слоев мусульман, т. к. лидеры ИНК недооценили силу религиозного чувства мусульман, проникающего во все сферы жизни, включая политику. Часто пропагандисты Конгресса, преимущественно молодые индусы, встречали противодействие со стороны мулл, которые видели в этом угрозу исламу и своему влиянию на верующих [6, р. 182].

Нежелание Конгресса создать коалиционные провинциальные правительства дало возможность Джинне начать кампанию по дискредитации ИНК. Он утверждал, что конгрессистские министерства подавляют мусульман: «Нынешнее руководство Конгресса, особенно в течение последних десяти лет, было ответственным за отчуждение мусульман Индии, они все больше проводят политику, которая является исключительно индуистской» [7, р. 129]. В своей президентской речи в 1937 г. в Лакхнау Джинна обвинил руководство Конгресса в «индуизации» политики: «Хинди должен вскоре стать государственным языком всей Индии, а «Банде Матарам» должна стать национальной песней, навязанной всем. Флаг Конгресса будет почитаться всеми. Конгресс проводит политику «Индостан для индусов», только он маскируется под именем национализма, в то время как Хинду махасабха не стесняется в выражениях» [7, р. 130]. Кроме того, один из пунктов обвинения касался влияния Всеиндийского комитета Конгресса на провинциальные министерства, которые были ответственны перед ним, а не перед провинциальными законодательными органами [4, р. 138].

Проигрыш на выборах и отказ Конгресса формировать коалиционные министерства заставили Мусульманскую лигу искать сотрудничество с другими мусульманскими партиями. Уже после конференции в Лакхнау позиции Лиги стали укрепляться. В день речи Джинны Сикандер Хаят Хан, лидер Панджабской юнионистской партии, рекомендовал всем своим сторонникам вступить в ряды МЛ. Вскоре с подобной декларацией к Бенгальской крестьянской партии выступил и Фазуль-уль-Хак. Историк Рам Гопал отмечает, что в Бенгалии, где во главе министерства был Фазуль-уль-Хак, положение населения оставалось плачевным. В Читтагонге, например, существовал комендант-

ский час, было обязательным ношение удостоверения личности, установлен запрет на езду на велосипеде людям среднего класса, а также на деятельность Конгресса, более 21 тысячи человек были в той или иной форме ограничены в передвижениях [9, р. 414]. Таким образом, становится ясно, что, несмотря на обвинения мусульманских деятелей, работа провинциальных министерств в Пенджабе и Бенгалии отличалась от политики, проводимой конгрессистскими министерствами, которые, при всей ограниченности своих действий, осуществляли политику, заявленную в предвыборном манифесте по освобождению политических заключенных, повышению образованности населения, реформы в сфере сельского хозяйства и улучшения жизни в целом.

Конгресс позиционировал себя как партия, представляющая всё население Индии. В ответ на обвинения Лиги, 20 февраля 1938 г. Неру отметил на сессии Конгресса в Харипуре, что ИНК «видит свою обязанность и фундаментальную политику в защите религиозных, языковых, культурных и других прав меньшинств в Индии, и предоставит все возможности для их участия в политической, экономической и культурной жизни страны» [2, р. 21]. Однако для многих мусульман Конгресс оставался партией, представляющей интересы индусов. Маркиз Лотиан, бывший заместителем государственного секретаря по делам Индии, писал об отношении мусульман к конгрессистским министерствам: «Хотя, в соответствии с новой конституцией, они (мусульмане) получили фактический контроль над 4 провинциями и отдельное представительство в других, успех Конгресса впервые заставил их осознать: в провинциях с мусульманским меньшинством власть перешла из рук британцев к индусам. Это привело к их консолидации» [11, р. 37].

Рост популярности Лиги позволил ей во время переговоров с Конгрессом выдвинуть новое требование: ИНК должен был признать Лигу единственной организацией, представляющей интересы индийских мусульман, на что Конгресс не мог согласиться. Это заставило Джинну продолжить агитацию, обвиняя ИНК в ущемлении прав мусульман. В конце 1938 г. Мусульманская лига опубликовала отчет комитета, назначенного ее советом для расследования жалоб мусульман в кон-

грессистских провинциях. Конгресс обвинялся в оттеснении мусульман от власти, в стремлении расколоть ряды Лиги. Далее указывалось, что введение пения «Банде Матарам» и флаг Конгресса на административных зданиях нарушает гражданские права мусульман [1, с. 232].

Сэр Хейг, который был губернатором Объединенных провинций, в 1939 г. говорил о том, что «в решении коммунальных вопросов (конгрессистские) министры обычно выступали с беспристрастностью, и главным их желанием было делать то, что справедливо» [3, р. 265]. ИНК не мог игнорировать заявления Мусульманской лиги. Доктор Раджендра Прасад, являвшийся президентом Конгресса, опроверг обвинения Лиги и предложил создать комитет для справедливого расследования обвинений. Но Джинна отказался от создания объединенного комитета, продолжая при этом политику дискредитации Конгресса. Несмотря на опровержения всех обвинений, выдвинутых Джинной деятелями ИНК, популярность Лиги среди мусульманского населения быстро росла, и за короткий срок ей удалось привлечь в свои ряды много новых членов. В первую очередь, это было связано с изменением в политике самой МЛ, которая стала ориентироваться на средние и бедные слои населения. За 1937–1939 гг. отношения между МЛ и ИНК были практически разорваны. Вице-король Индии маркиз Линлитгоу в своем письме от 16 октября 1939 г. отмечал: «Различия между мусульманами и индусами так увеличились с 1937 г., что почти не осталось надежды на возможность их совместных действий» [10, р. 84].

Британская политика по принципу «разделяй и властвуй» нашла отражение в Законе об управлении Индией 1935 г. Эта политика ставила своей целью ослабить единство страны, для того чтобы ей было легче управлять, находя поддержку у разных групп населения. В Индии наиболее остро стоял общинный вопрос, и Закон 1935 г. поставил мусульман в привилегированное положение (они получили непропорционально большое число мест в законодательных собраниях). Кроме того, лидеры МЛ успешно использовали риторику религиозно-общинного характера: утверждение, что они лишь угнетаемое меньшинство среди «тирании большинства» обеспечило Лиге значительное увеличение

числа сторонников. Заявления Джинны о притеснении мусульман в конгрессиистских провинциях были, в первую очередь, политическим шагом. Во многом именно ориентация Лиги на усиление коммунальной напряженности привела к разделу Индии на Индийский Союз и Пакистан.

Однако нельзя отрицать и ответственности Конгресса за постепенную радикализацию Лиги. В 1937 г. ИНК был уверен, что между мусульманами и индусами нет непримиримых противоречий и они смогут вместе

бороться за освобождение страны от британского владычества. Но к моменту ухода министерств в отставку отношения между религиозными общинами практически зашли в тупик. Нежелание делиться властью, недооценка степени напряженности между этими двумя религиозными общностями, слабость пропаганды среди мусульманских масс и средних слоев – основные ошибки Конгресса, сделавшие агитацию Лиги столь продуктивной.

Источники и литература

1. Дьяков А. М. Национальный вопрос и английский империализм в Индии. М.: ОГИЗ, 1948. 328 с.
2. A Centenary History of the Indian National Congress. Vol. 3. 1935–1947 / ed. by M. N. Das. Bombay: All India Congress Committee, 1985. 885 p.
3. Aggarwala R. C. Constitutional History of India and National Movement. Delhi, New Delhi, Jullundur, Lucknow, Bombay: S. CHAND & Co., 1964. 496 p.
4. Aziz K.K. Britain and Muslim India. L.: Heinemann, 1963. 278 p.
5. Coatman J. India on the Eve of Autonomy // The Asiatic Review. Vol. XXXIII. №114. Published: East and West Limited. P. 280–306.
6. Coupland R. The Indian Problem Report on the Constitutional Problem in India. Vol. 2. Indian Politics (1936–1942). New York: Oxford University Press, 1944. 345 p.
7. Dobbin C.E. Basic Documents in the Development of Modern India and Pakistan 1835–1947. L. New-York, Toronto, Melbourne: Butler and Tanner Ltd, 1970. 167 p.
8. Dwarkadas K. India's Fight for Freedom 1913–1937. Bombay. Popular Prakashan. 1966. 480 p.
9. Gopal R. How India Struggle for Freedom Bombay: The Book Centre Private Limited, 1967. 469 p.
10. Moore R.J. British Policy and the Indian Problem, 1936–1940 // The Partition of India. Policies and Perspectives 1935–1947 / ed. by C. H. Philips, M. D. Wainwright. L.: George Allen and Unwin Ltd., 1970. 607 p.
11. Muslims Under Congress Rule 1937–1939. A Documentary Record / ed. by K. K. Aziz. Vol. II. Delhi: Renaissance Publishing House, 1986. 347 p.
12. Towards Freedom 1937–1947. Vol.1 (1 January – 31 December 1937). Ed. Chopra p. N., Delhi: ICHR, 1985.

References

1. D'jakov A. M. Nacional'nyj vopros i anglijskij imperializm v Indii (*The National Question and British imperialism in India*). Moscow: Association of state of book and magazine publishers, 1948. 328 p. (In Russian).
2. A Centenary History of the Indian National Congress. Vol. 3. 1935–1947 / ed. by M. N. Das. Bombay: All India Congress Committee, 1985. 885 p.
3. Aggarwala R. C. Constitutional History of India and National Movement. Delhi, New Delhi, Jullundur, Lucknow, Bombay: S. CHAND & Co., 1964. 496 p.
4. Aziz K.K. Britain and Muslim India. L.: Heinemann, 1963. 278 p.
5. Coatman J. India on the Eve of Autonomy // The Asiatic Review. Vol. XXXIII. №114. Published: East and West Limited. P. 280–306.
6. Coupland R. The Indian Problem Report on the Constitutional Problem in India. Vol. 2. Indian Politics (1936–1942). New York: Oxford University Press, 1944. 345 p.
7. Dobbin C.E. Basic Documents in the Development of Modern India and Pakistan 1835–1947. L. New-York, Toronto, Melbourne: Butler and Tanner Ltd, 1970. 167 p.
8. Dwarkadas K. India's Fight for Freedom 1913–1937. Bombay. Popular Prakashan. 1966. 480 p.
9. Gopal R. How India Struggle for Freedom Bombay: The Book Centre Private Limited, 1967. 469 p.
10. Moore R.J. British Policy and the Indian Problem, 1936–1940 // The Partition of India. Policies and Perspectives 1935–1947 / ed. by C. H. Philips, M. D. Wainwright. L.: George Allen and Unwin Ltd., 1970. 607 p.
11. Muslims Under Congress Rule 1937–1939. A Documentary Record / ed. by K. K. Aziz. Vol. II. Delhi: Renaissance Publishing House, 1986. 347 p.
12. Towards Freedom 1937–1947. Vol.1 (1 January – 31 December 1937). Ed. Chopra p. N., Delhi: ICHR, 1985.

УДК 930.2+94/99

В. В. Василенко

**«...Я ВИДЕЛ ГОЛОД И ЗНАЮ ТЕПЕРЬ, ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ»:
П. А. СОРОКИН О ГОЛОДЕ 1921 г.**

В статье автор рассматривает проблему голода с нового ракурса – с позиций восприятия этого социального явления социологом. Очевидец и участник страшного бедствия П. А. Сорокин совместно с И. П. Павловым и В. М. Бехтеревым изучал явление массового голода в Поволжье. В этой связи сделан акцент на практике междисциплинарного взаимодействия ученых в изучении голода. Сочинения, автобиографический роман, теоретические труды, социологическая публицистика П. Сорокина представляют интерес не только как исторические источники в целом

по событиям эпохи. В них обнаруживается информация о причинах, масштабах и последствиях массового голода в России, даются оценки. Впервые автором с применением подходов интеллектуальной истории анализируется понимание выдающимся ученым проблем гуманитарной катастрофы 1921 г.

Ключевые слова: голод 1921 г., П. А. Сорокин, И. П. Павлов, В. М. Бехтерев, Общество объективных исследований человеческого поведения, междисциплинарность.

V. V. Vasilenko

**«I'VE SEEN FAMINE END NOW I KNOW WHAT IT IS»:
P. SOROKIN ABOUT THE FAMINE IN 1921**

The article studies the problem of famine from a new angle – from the standpoint of Russian intellectual elite. The eyewitness and participant of the terrible disaster sociologist P. A. Sorokin together with I. P. Pavlov and V. Bekhterev took part in an expedition to study the phenomenon of mass starvation in the Volga region. The emphasis is on practice of interdisciplinary cooperation between scientists in the study of famine. Works, an autobiographical novel, theoretical writings and sociological journalism of Sorokin are of

interest not only as a historical source of the whole period. They provide information on the causes, extent and consequences of famine in Russia; the assessments are made. The study features the analysis of how the outstanding scientist interpreted the humanitarian disaster in 1921.

Key words: the famine of 1921, P. Sorokin, I. Pavlov, V. Bekhterev, The Society of objective research in human's behavior, interdisciplinarity.

Тема голода 1921–1922 гг. имеет определенную историографическую традицию. Если в 1940–1960-х гг. советские историки П. А. Агриков, А. С. Башкиров, И. А. Лычев [1], В. И. Белокопытов [4], Ю. А. Поляков [20] и др. связывали голод с буржуазным наследием царской России, гражданской войной и засухой, то в исследованиях отечественных историков последнего двадцатилетия, в частности в трудах А. И. Кругова [17], А. М. Кристалкина [16], Е. Н. Бадмаевой [3], Д. В. Караулова [12], М. Геллера, А. Некрич [8], В. А. Кнуровой [15], О. Н. Леконцева [18], О. И. Помогаловой [21], В. Ф. Зима [10] и др.

обозначился комплексный подход к анализу этого явления.

Голод 1921 г. – это результат целого комплекса причин, сформированных комбинацией многих факторов (природных, экономических, политических, социальных и др.). Глубокий экономический кризис, Первая мировая и гражданская войны, социально-экономическая политика большевиков, продразверстка, преследование свободной торговли, недовольство крестьян, неурожай 1920 г., засуха, нашествие саранчи и др. привели к страшным последствиям. 34 губернии страны с населением 22–25 млн чел., в том

числе 9 млн детей подверглись испытанию голодом в 1921 г. [7, л. 34.]. Если Первая мировая война унесла жизни 1,5 млн россиян, то голод 1921 г. уничтожил по разным данным от 5 до 7,5 млн населения страны.

Тема голода 1921 г. не теряет своей актуальности. Заслуживает внимания точка зрения Д. В. Караулов в отношении необходимости изучения процессов, приведших страну к этой катастрофе, он отмечает, что исторический опыт показывает насколько опасно проведение политики, основанной на преувеличении значения групповых интересов – классовых или партийных над общенациональными проблемами. В 1921 г. ими бытии реальное отставание России от ведущих держав и запущенность ее сельского хозяйства [12].

Растет интерес к данной проблеме со стороны массового исторического сознания. В современных СМИ активно публикуются устные свидетельства голодающих тех лет, публицистические очерки и авторские интерпретации событий [32]. История голода, идеи «цепи голодоморов» 1921–1923 гг., 1932–1933 гг., 1946–1947 гг., «негативной стабилизации» экономического кризиса в стране и накопления раздражения, которое при условии действия природных факторов засухи, неурожая и т.п. может привести к социальному взрыву [19, с. 1] используются в манипуляции массовым сознанием людей.

Как отмечает Д. Тош, «каждая культура или социальная группа имеет свои стереотипы – «сами собой разумеющиеся» рецепты и ценности, способные оказать глубокое влияние на поведение людей. Чтобы не упустить из вида этот аспект, историк должен хорошо разбираться в интеллектуальном и культурном контексте рассматриваемого периода и уметь быстро разглядеть характерные черты этого контекста в документах» [35, с. 133].

Процесс сбора и систематизации материала по данной исследовательской проблеме не прекращается, открываются ранее не известные письменные источники и фотоматериалы, организуются выставки. Одной из них стала фотовыставка «Голод в Советской России (1921–1923гг.) и содействие Американской Академии помощи (АРА) в его преодолении».

В этой связи возникает потребность установления подлинности исторических фактов и их включения в целостную картину исторического прошлого.

С точки зрения воссоздания полной картины явления, атмосферы того периода, ощущения времени, особый интерес представляют труды всемирно известного российско-американского социолога П. А. Сорокина (1889–1968).

К источникам личного происхождения относится автобиографический роман П. А. Сорокина «Долгий путь», изданный в США в 1963 г. Первые три части произведения – это «Листки из русского дневника», восстановленные им по памяти сразу после эмиграции в 1922–1924 г. Автобиографический роман был переведен на русский язык в 1991 г. [31]. Данный источник полностью отвечает критериям мемуаристики, в нем отражено стремление автора «запечатлеть для современников и потомства опыт своего участия в историческом бытии, осмыслить себя и свое место в нем» [34, с. 23]. Интересено то обстоятельство, что П. А. Сорокин – ведущий социолог, и в своем повествовании, в анализе событий общественной жизни он применяет формирующуюся в те годы собственную методологию.

Научные труды и социологическая публицистика также являются историческими источниками. Центральное место занимает теоретический труд П. А. Сорокина «Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь» [27]. В мае 1922 г. книга подверглась цензуре, многие ее главы и параграфы были существенно видоизменены. Усилиями друга П. А. Сорокина Ф. И. Сиденко-Витязева было подделано разрешение цензуры, и книга все же была отпечатана и распространена. После изгнания П. А. Сорокина из страны в сентябре 1922 г. распоряжением о конфискации книга была изъята и уничтожена [26]. В России оставались лишь 280 страниц набора текста. Корректурные оттиски всей книги П. А. Сорокин сохранил и вывез в США. Спустя много лет они были переданы сыном Сорокина в Россию. В 2003 г., В. В. Сапову и В. С. Сычевой удалось восстановить книгу в полном объеме и издать ее.

Ценный материал содержат статьи, опубликованные П. А. Сорокиным в периодических изданиях, в частности «Голод и убеждения (идеология) человека» [28], «Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию» [25], «Влияние голода на социально-экономическую орга-

низацию общества» [24] и др. показывают, насколько оперативно П. А. Сорокин реагировал на общественные проблемы, как осуществлял поиск решений на основе разрабатываемой в те годы системы социологии.

«Жизнь в царстве смерти: 1919–1922» – так П. А. Сорокин назвал одну из глав автобиографического романа. В ней он описал новую жизнь «на коммунистическом поприще» в Петрограде. По сведениям П. А. Сорокина в 1919 г., по карточкам они получали от восьмушки до половины фунта «очень плохого хлеба». Он пишет: «Эти проклятые хлебные очереди отнимали два или три часа нашего времени ежедневно, но практически ничего не давали» [31, с. 143].

Власть стремилась улучшить положение интеллигенции. В университетской столовой были организованы обеды, которые П. А. Сорокин описывает как «горячую воду с плавающими в ней несколькими кусочками капусты». Отсутствовало топливо и водоснабжение. Постепенно все худели и становились более и более истощенными, у многих начинались провалы в памяти, развивались голодный психоз и бред, затем наступала смерть» [31, с. 143].

По некоторым данным, население Петрограда сократилось с 2 млн до 700 тыс. чел. Свирепствовали тиф, грипп, воспаление легких, холера. Один за другим умерли или погибли профессора Хвостов, Розенблат, Капутси, Покровский, Батюшков, Кулишер, Карпинский, Арсеньев, Лаппо-Данилевский и др. Заседания в университете проходили, как поминки по коллегам.

П. А. Сорокин описывает весь драматизм сложившейся ситуации следующим образом: Люди, не имея возможности достать еду, дрова, лекарства, получить помощь, не выдерживали и совершали самоубийства. Трудно было достать гроб, большинство людей хоронили своих близких «просто в матрацах или мешках ...некоторые берут гробы напрокат, чтобы только довести тело до кладбища» [31, с. 46].

Одними из первых о разрушительных масштабах голода в стране сообщили профессор Саратовского сельскохозяйственного института А. А. Рыбников и кооператор М. И. Куховаренко на Всероссийском съезде по опытному сельскому хозяйству 22 июня 1921 г. В августе 1922 г. председателю Туркестанской комиссии ВЦИК о необходи-

мости спасения голодающих ученых писал М. Горький. Он просил о помощи, подчеркивая отчаянное положение крупнейших всемирно известных представителей русской науки, сравнивая их состояние с состоянием «голодающих индусов» [33].

Официальная версия причин голода была озвучена в декабре 1921 г. на IX Всероссийском съезде Советов и сводилась к тому что: «Россия всегда была голодающей страной. Её хозяйство всегда стояло на самой низкой ступени развития, ее промышленность была самая плохая. Взаимодействие этих двух причин всегда обеспечивало голод той или иной части русского крестьянства» [11].

По данным, которые приводит П. А. Сорокин, в 47 губерниях советской России население сократилось на 11 миллионов человек. Он высказывает предположение, что если не остановить трагедии, население может сократиться до 25 миллионов. Основная причина голода, с точки зрения социолога, – это политика большевиков. Он отмечает, что «к 1921 г. разрушительные последствия программы коммунистов стали ясны даже отсталым крестьянам. Их поля не возделываются и зарастали сорняками. У крестьян не было ни посевного материала, ни стимулов к труду на земле. Города умирали, национализированные заводы, лишившись топлива, останавливались. Железные дороги были разрушены. Здания превратились в руины. Школы почти не работали. Смертельная удавка коммунизма потихоньку затягивалась на шею народа. Бурные митинги и волнения на заводах и среди крестьян участились, количество таких случаев быстро росло. Даже в Красной Армии усилилось дезертирство, Русские красноармейцы несколько раз отказывались подавлять выступления народа. Учитывая это, правительство коммунистов создало специальную интернациональную армию, набранную из отбросов общества и высокооплачиваемых убийц немецкой, латышской, башкирской, еврейской, венгерской, татарской и русских национальностей....» [31, с. 150].

Политика большевиков, по мнению ученого, «была настоящим испытанием нравственных и гражданских позиций русских ученых». Он восхищался великим И. П. Павловым, который показал, «до каких высот нравственности и научных идеалов подни-

мался дух ученых России в те ужасные дни» [31, с. 148]. В. М. Бехтерев призывал научное сообщество в переломный момент истории окликнуться на вызовы времени, отдавать все свои знания и силы созидательной работе, помогать народу преодолевать разруху, не стоять на перепутье и не цепляться за отживший режим; всесторонне изучать личность человека, ее развитие, деятельность как в форме нормальных, так и в форме патологических проявлений, воспитывать ее.

Эти идеи находили понимание и поддержку со стороны большевиков. Социология также стала востребованной и жизненно важной научной дисциплиной, так как она давала представления о законах развития общества.

В 1920 г. увидели свет первые два тома (из планируемых восьми) П. А. Сорокиным «Системы социологии» [32]. Они были посвящены социальной аналитике, изучению структуры социального явления и его форм. В предисловии П. А. Сорокин отмечал, что «задача времени – освободится от психологического субъективизма. Подобно тому, как изучение самих психических процессов за последнее время объективируется, подобно тому, как сама психология из науки о неуловимых «состояниях сознания» превращается в объективную науку о поведении человека, или в рефлексологию, или в физиологию нервной системы, так и социология должна постепенно превратиться из науки о «Психических реальностях» в объективную дисциплину, изучающую явления «предметного» характера, доступные наблюдению, имеющие определенное внешнее бытие, допускающие «ощупывание» и «измерение» [32, с. IX].

Труд его получил положительные отклики, а сам П. А. Сорокин – репутацию «автора, не связанного старыми, мало научными традициями, хорошего знатока современной социологической литературы на разных языках» и был приглашен в институт. Под влиянием В. М. Бехтерева, активно разрабатывающего «объективную психологию» («психорефлексологию», «рефлексологию») [5], призванную изучать ответные реакции в связи с внешними и внутренними раздражителями и всех соотношений с окружающим миром человеческой личности как биосоциального существа, П. А. Сорокин исследует социальные раздражители. На одном из совместных заседаний Института мозга и Общества

психологии, рефлексологии, неврологии и педологии П. А. Сорокин представил доклад «Предмет рефлексологии социальных групп, ее методика и задачи».

В 1920 г. под руководством академика И. П. Павлова было создано Общество объективных исследований человеческого поведения. П. А. Сорокин был назначен действующим председателем научного общества.

По рекомендации В. М. Бехтерева и И. П. Павлова он обратился к исследованию влияния голода на поведение людей и общественную жизнь. Тема голода для П. А. Сорокина была не нова. Уже в первом своем научном труде «Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали» [32] он описывал мотивационное влияние общества на примере голода, отмечая, что одна и та же кара или награда производит больший эффект на поведение различных людей и одного и того же человека в различные периоды жизни, в условиях голода пища становится наградой.

В 1921 г., когда проблема приобрела особую актуальность, В. М. Бехтерев, И. П. Павлов и П. А. Сорокин активизировали деятельность общества, начав сообща (междисциплинарно) изучать явление голода, влияния голода на человека и общество. Разделяя основные положения рефлексивной теории и плюралистической методологии социального познания, они пытаются найти решения ряда вопросов социального характера.

В основу совместного исследования легли идея И. П. Павлова о том, что в основе акта поведения лежит условный рефлекс, благодаря которому организм приспосабливается к изменчивым условиям существования.

Концепция объективной психологии как психологии поведения и исследования рефлексивной природы человеческой психики В. М. Бехтерева. Идея В. М. Бехтерева о совокупности врожденных и индивидуально приобретенных сочетательных рефлексов (условных рефлексов И. П. Павлова) как основе поведения. Полученные в результате наблюдения выводы о том, что «от дня рождения, ребенок обнаруживает при сытости и благоприятном содержании организма спокойное оживание, и, наоборот, при голоде, сырости и холоде – беспокойство с оборонительным характером движений, переходящее в крик» Бодрящая эмоция, выражающаяся веселым

состоянием, имеет вообще огромное значение для жизнедеятельности организма. Поддержка физического благосостояния организма, правильное питание, необходимость поддержания и развития этических эмоций, эстетического чувства, правильно выполненное воспитание дает возможность прививать лучшие общественные идеалы и воплощать их в жизнь. Без соответственного воспитания невозможно правильное развитие общественной жизни» [6].

П. А. Сорокин предложил смотреть на социологию как науку, которая может и должна строиться по типу естественных наук. «Различны объекты изучения тех и других дисциплин, но методы изучения этих объектов одни и те же... социология должна быть объективной дисциплиной – объективной не только в смысле методов изучения явлений, но и в более специальном значении этого термина... Если социология хочет быть наукой, она должна исходить из фактов, идти к фактам и давать обобщения, основанные на тщательном анализе фактов... Поменьше философствования и побольше наблюдения и тщательного анализа фактов» [26, с. IX].

В дневниках социолога 1921 г. содержится запись: «То, чего мы больше всего опасались, случилось в России в 1921 г. Глядя на карту России, где были отмечены провинции с плохим урожаем или вообще без него, мы говорили, что, по крайней мере, двадцать пять миллионов человек должны будут умереть зимой от голода, если мир не придет им на помощь...» [31, с. 153].

В Самарской губернии голодало более 85 % населения. Почти все запасы (хлеб, зернофураж, картофель, мясо, семенной фонд и др.) были изъяты у крестьян в ходе продразверстки. Десятки тысяч людей бросали свои дома, бродяжничали и побирались. В прессе сообщалось о случаях в городах Самарской губернии, когда родители приводили детей из деревень и бросали их на базарах и улицах. В базарные дни поступление беспризорных детей увеличивается в 2–3 раза. Так, только в Самаре подкинутых в январе 1921 г. было 10 человек, в феврале – 28, в марте – 34, в апреле – 38, в мае – 70, в июне – 120, июле – 142, августе – 450 человек.

Зимой 1921 г. в составе исследовательской группы ученых института П. А. Сорокин отправился в районы особого бедствия – го-

лодающие деревни Самарской и Саратовской губерний для научного изучения явлений массового голода. Следуя методическим приемам, апробированным в институте, участники экспедиции, скорее всего, должны были проводить наблюдение, регистрацию всех видимых реакций, вести записи, а затем их сравнивать с протоколами аналогичного наблюдения за животными.

П. А. Сорокина как социолога голод интересовал прежде всего как типологическое явление, как атрибут всякой войны и революции, как средство испытания идеологии и мировоззрения человека. Он использовал возможность изучить конкретное проявление голода в России, как «лаборатории необъятных размеров – голодающие деревни и села России» [31, с. 153].

Вместе с тем масштабы бедствия были настолько разрушительными, что не позволили осуществить задуманные эксперименты в полной мере. «То, что я узнал там, – писал П. А. Сорокин, – превосходило любой научный опыт. Моя нервная система, привыкшая ко многим ужасам в годы революции, не выдержала зрелища настоящего голода миллионов людей в моей опустошенной стране» [31, с. 154]. П. А. Сорокин отмечал, что те двадцать дней, которые он провел в голодающих районах, дали бесценный эмпирический материал и исследовательский опыт.

Вот один из трагических фрагментов, записанных социологом: «После полудня мы добрались до деревни Н. Селение словно вымерло. Избы стояли покинутые, без крыш, с пустыми глазницами окон и дверными проемами. Соломенные крыши изб давным-давно были сняты и съедены. В деревне, конечно, не было животных – ни коров, ни лошадей, ни овец, коз, собак, кошек, ни даже ворон. Всех уже съели. Мертвая тишина стояла над занесенными улицами, пока мы не увидели сани, с легким скрипом, приближающиеся к нам. Сани тащили двое мужчин и женщина. На санях лежало мертвое тело. Протащив сани короткое расстояние, они остановились и измученно свалились на снег. Когда мы подошли, они тупо смотрели на нас пустыми глазами. Мы тоже рассматривали их – с болью в сердцах. Я уже видел лица умирающих от голода в городах, но такие живые скелеты, как эти трое, мне еще не встречались. Одетые в лохмотья, трясаясь

от холода, люди были не просто бледны, а синюшны, с лицами темно-синего цвета, покрытыми желтыми пятнами» [31, с. 154]. Далее он подробно описывает состоявшийся диалог, как люди занесли тело в амбар и положили рядом с десятью трупами, в том числе тремя детскими. «Затем, запирая дверь, он прошептал: «Запирать надо... Воруют... чтобы есть. Вот до чего мы дошли. В деревне охраняют кладбище, чтобы не растащили трупы из могил... Несколько дней назад в деревне Г. мать убила ребенка, отрезала ему ноги, сварила и съела. Вот до чего мы дошли» [31, с. 154].

Официальная власть признавала страшное бедствие. Так, в газете «Правда» от 27 января 1922 г. сообщалось о том, как в степных уездах Самарской губернии, изобиловавших раньше хлебом и мясом, творятся кошмары, наблюдается небывалое явление повального людоедства. Доведенные до отчаяния и безумства, съевшие все, что доступно глазу и зубу, люди решаются есть человеческий труп и тайком пожирают собственных детей [2].

После возвращения из экспедиции, несмотря на принятое ранее решение отказаться от открытой политической борьбы, П. А. Сорокин опубликовал ряд статей, в которых на основе полученных методом включенного наблюдения фактов он приходит к неутешительным выводам: «Голод выходит победителем из единоборства с убеждениями» [24.], а «беспринципный народ теряет свободу, величие, честь и хлеб» [25]. Он обвинил большевиков в умышленном использовании массового бедствия для усиления политического режима. В осознанном формировании «прививки коммунистически-социалистически-уравнительных рефлексов, убеждений, коммунистически-социалистической идеологии».

Проблему он изучал всесторонне, обращался к историческому материалу, работал с большим массивом исторических фактов. Об индивидуализирующей роли истории он писал ранее, под влиянием идей М. М. Ковалевского. Социолог изучил влияние голода на социально-экономическую организацию общества в эпоху в первобытности, в древних цивилизациях Египте, Ассииро-Вавилонии, Индии, Китае, Японии, Древней Греции,

Риме) в эпоху средневековья (Византия, Европа, Китай) и др. и провел типологические сравнения, пытаясь прошлым объяснить настоящее. Этот методологический прием будет им реализован и в американский период деятельности, в процессе работы над теорией социокультурной динамики.

Главный труд по этой проблеме «Голод как фактор» (1922) П. А. Сорокин посвятил «всем тем, кто действительно спасет русский народ от голодной смерти» [27, с. 6]. Этот труд, в отличие от «Системы социологии», мало знаком широкому кругу читателей. В. В. Сапов объясняет это тем, что книга находится «не на основной магистрали его теоретических поисков, а образует своего рода побочные ответвления» [27, с. VII]. С другой стороны, явная преемственность идей дает основание предполагать, что «Голод как фактор» мог замышляться как продолжение «Системы социологии».

Чем же примечательно это исследование? Во-первых, самоочевидно влияние идей объективной психологии и рефлексологии. Эту особенность отмечают и авторы, подготовившие к изданию книгу. «Голод как фактор» создавался с «позиции «умеренного бихевиоризма», которую занимал Сорокин в начале 20-х гг. [27, с. 6]. Во-вторых, в работе впервые делается попытка дать научное определение такому социальному явлению как голод и выделить его формы проявления и последствия. В-третьих, в работе находит отражение процесс развития плюралистической методологии познания социальных явлений, о которой П. А. Сорокин заявлял ранее, в «Системе социологии». Он включает дополнительные положения: «каждое выдвигаемое положение ... доказывать не «рассуждениями», а данными эксперимента, непосредственного и косвенного наблюдения, статистики и истории. Вопреки распространенному приему прошлым объяснять настоящее, я из анализа настоящего старался понять прошлое менее доступное точному изучению и наблюдению» [27, с. 3–4].

Основная задача исследователя заключалась «в установлении функциональной связи между голоданием и теми социальными эффектами, которые он вызывает в поведении людей, с одной стороны, с другой –

в строении населения, организации общества и социальных процессах» [27, с. 10].

Включение обширного исторического материала в масштабные исследования становится обязательным атрибутом теоретических построений П. А. Сорокина. При этом социолог использует и тот немногочисленный эмпирический материал, который он собрал в экспедиции. Так, например, он приводит данные по самоубийствам в связи с массовым голодом в Саратовской губернии, «целые семьи кончают с собой, отравляясь угарным газом, нарочно заражаются сыпным тифом, вешаются, бросаются в воду и т. п.» [27, с. 160].

Под голодом в самом общем виде П. А. Сорокин понимает «прекращение или недостаточное поступление (или недостаточное усвоение) пищи в организм человека» [27, с. 24]. Он различает такие формы голодания, как количественное, качественное, индивидуальное, социальное. Отправным постулатом стала идея о том, что все социальные процессы обусловлены количеством и качеством получаемой человеком энергии. П. А. Сорокин рассматривает цепь явлений: голодание – ослабление физических и психических сил организма – ослабление инстинкта жизни и самозащиты, т.е. ослабление и подавление детерминатора и рефлексов самосохранения – гибель организма. Голод – двигатель человека и общества, придающий движению механизма общественной жизни определенные формы и направления. Голод депрессирует и ослабляет все безусловные и условные процессы, видоизменяет речевые рефлексы, идеологию, душевные переживания людей. Колебания количества и качества пищи влияет не только на поведение людей, оно отражается на процессах общественной жизни.

С точки зрения П. А. Сорокина, массовый голод влечет за собой следующие способы (пути) его преодоления:

- 1) изобретение новых и улучшения старых источников пропитания;
- 2) приобретение необходимого продовольствия у других групп (мирным способом);
- 3) перемещение избыточного населения из голодных областей в изобильные (мирная эмиграция и завоевание чужих территорий);

4) война и насильственный захват чужого продовольствия и богатств, имеющихся внутри данной группы;

5) перераспределение продовольствия и богатств, имеющихся внутри данной группы, в форме:

а) эпизодические захваты голодными имуществами сытых (путь «преступлений»);

б) массовые и организованные нападения голодных на богатых (путь мятежей, волнений, революций);

с) в форме вмешательства власти, которая осуществляет перераспределение сверху и тем самым изменяет экономико-продовольственную организацию общества;

д) добровольный отказ богатых от части имеющихся у них питательных благ в пользу голодных (путь общественной благотворительности, частного соглашения);

6) смерть и «изменение естественного движения населения».

Связь между голодом и перечисленными способами его преодоления, маскировки и вуализации он называет «пышными и высокими речевыми рефлексами», заглушающими урчание брюха, десятками рафинированных идеологий и прекрасных идеалов, в гарнире которых оказываются обычно не очень эстетичные и отнюдь не идеальные требования желудка, массой комических и трагических сцен истории, которые на первый взгляд не имеют никакого отношения к голоду.

Реакция власти на книгу, собственно, как и на предыдущий труд П. А. Сорокина «Система социологии», была резко отрицательной. Помимо того, что работа не вписывалась в марксистскую методологию, ее автор еще и жестко критиковал советскую власть. По мере упрочения авторитаризма большевики все активнее начинали бороться силовыми методами со «старой интеллигенцией». 16 июля 1922 г. появилось несколько писем В. И. Ленина. В письме к ЦК ВКП (б) говорилось о необходимости «искоренения» и «безжалостной высылке за границу нескольких сот контрреволюционно настроенной интеллигенции», в том числе питерской профессуры, которая «сеет буржуазную заразу в аудиториях студенчества» [23, с. 122]. В условиях НЭПа был взят курс на моноидеологизацию общества через высылку инакомыслящих. Срочно составлялись списки контрреволюционно настроенной интеллигенции, подде-

жащей изгнанию из страны. По свидетельству Д. А. Лутохина, в августе ВЦИК утвердил список из 162 фамилий людей, подлежащих высылке.

В заключении, составленном помощником начальника четвертого Северного отдела ОГПУ Шешкенем по делу № 15962, П. А. Сорокин обвинялся в контрреволюционной деятельности, указывалось, что он «не только не примирился с существующей в России в течение пяти лет Рабоче-крестьянской властью,

но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности, причем в момент внешних для России затруднений свою контрреволюционную деятельность усиливал». 13 сентября 1922 г. П. А. Сорокин дал подписку о выезде за границу в течение десяти дней, обещая не возвращаться на территорию страны под угрозой сметной казни. 23 сентября 1922 г. он покинул Россию и уже в первых числах октября в Берлине прочитал свою первую лекцию о положении в России.

Источники и литература

1. Агриков П. А., Башкиров А. С., Лычев И. А. Война с голодом в Поволжье в 1921–1922 гг. // История СССР. 1963. №1. С. 160–166.
2. Артемов А. Голод в Поволжье – страшная страница истории Самарского края [Электронный ресурс] // Другой город. 12 октября 2013. № 2. URL: <http://www.drugoigorod.ru> (Дата обращения: 1.06. 2016).
3. Бадмаева Е. В. Борьба с массовым голодом и его последствия в Калмыкии 1921–1924: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Элиста: КИГИ РАН, 2001. 23с.
4. Белокопытов В. И. Лихолетье: Из истории борьбы с голодом в Поволжье, 1921–1922 гг. Казань: Татарское книжное изд-во, 1976. 167 с.
5. Бехтерев В. М. Общие основы рефлексологии. Пг.: Издание К. Д. Риккерта, 1918. 163с.
6. Бехтерев В. М. Умом и сердцем. М.: Политическая литература, 1982. 284 с.
7. Государственный архив Российской Федерации. Ф.Р. 5207. Оп. 1. Д. 257.
8. Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. М.: МИК, 2000. 260 с.
9. Дети в голодных губерниях // Петроградская правда. 1921. № 192
10. Зима В. Ф. Голод 1921–1922 годов в Советской России: Власть и церковь. М.: ИРИ РАН, 2015. 240 с.
11. Известия ВЦИК. 1921. 25 декабря.
12. Караулов Д. В. Голод 1921–1922 гг. на Урале: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург: УГПУ, 2000. 23 с.
13. Кареев Н. И. Книга о социальной аналитике // Вестник литературы. 1920. № 7 (19). С. 158–178.
14. Клушанцев И. Голод 1921–1922 гг. и его влияние на сельское хозяйство Ставропольской губернии. Ставрополь: [б.и.], 1923. 120 с.
15. Кнурова В. А. Деятельность российских и иностранных организаций по ликвидации голода 1921–22 гг. (на материалах Нижнего Поволжья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Астрахань: АГУ, 2007. 18 с.
16. Кристалкин А. М. Голод 1921 г. в Поволжье: опыт современного изучения проблем: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 1997. 30 с.
17. Кругов А. И. Голод 1921–1922 гг. в Ставропольской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: РАН ИРИ, 1995. 18 с.
18. Леконцев О. Н. Государство и крестьяне в условиях голода 1921 года: (по материалам Вятской губернии и Вотской автономной области). Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы, 2010. 356 с.
19. Малеева Т. Страна победившего холодильника // Новая газета. 17.02.2016. № 17.
20. Поляков Ю. А. 1921-й: победа над голодом. М.: Политиздат, 1975. 122 с.
21. Помогалова О. И. Помощь иностранным благотворительных организаций голодающим Саратовского Поволжья (1921–1923 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов: СГУ, 2013. 25 с.
22. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГАСПб). Материалы по Институту по изучению мозга и психической деятельности, которые были представлены Гос. комиссии по Просвещению 10 июня 1918 г. Ф.2555. Оп. 1. Д. 48.
23. Сорокин П. А. Архивные тайны: интеллигенция и власть // Вопросы философии. 2002. № 10. С. 108–155.
24. Сорокин П. А. Влияние голода на социально-экономическую организацию общества // Экономист. 1922. № 2. С. 23–53.
25. Сорокин П. А. Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию // Экономист. 1922. № 1. С. 77–107.
26. Сорокин П. А. Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь». Пг.: Колос, 1922. 450 с.
27. Сорокин П. А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь М.: Академия, 2003. 684 с.

28. Сорокин П. А. Голод и убеждения (идеология) человека // Артельное дело. 1921. № 6. С. 11–16.
29. Сорокин П. А. Система социологии: в 2 т. Пг.: Колос, 1920. Т. 1. 360 с.
30. Сорокин П. А. Голод и убеждения (идеология) человека // Артельное дело. 1921. № 9. С. 11–16.
31. Сорокин П. А. Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар: СЖ Коми, МП «Шипас», 1991. 304 с.
32. Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб.: Изд-во Я. Г. Долбышева, 1914. 454 с.
33. Тополянский В. Репортаж о голоде 1921–1922 годов // Новая газета. 21.11.2008. № 9.
34. Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М.: Наука, 1980. 311 с.
35. Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М.: Весь мир, 2000. 296 с.

References

1. Agrikov P. A., Bashkirov A. S., Lychev I. A. Vojna s golodom v Povolzh'e v 1921–1922 (*War against hunger in the districts of the Volga river in 1921–1922*) // Istorija SSSR. 1963. №1. P.160–166. (In Russian).
2. Artemov A. Golod v Povolzh'e – strashnaja stranica istorii Samarskogo kraja (*Hunger in the districts of the Volga river, the scary page of history of the Samara kraï*) // Drugoj gorod. 12.10.2013. No. 2 URL: <http://www.drugoigorod.ru> (Accessed: 1.06. 2016). (In Russian).
3. Badmaeva E. V. Bor'ba s massovym golodom i ego posledstvija v Kalmykii 1921–1924: (*Fighting with the massive hunger and its results in Kalmykia 1921–1924*): abstract of thesis. Jelista: KHS RAS, 2001. 23 p. (In Russian).
4. Belokopytov V. I. Lihole't'e: Iz istorii bor'by s golodom v Povolzh'e, 1921–1922) (*Difficult years (from the history of fighting the hunger in 1921–1923 in the districts of the Volga river)*). Kazan': Tatar book publishing house, 1976. 167 p. (In Russian).
5. Behterev V. M. Obshhie osnovy refleksologii (*Common bases of the reflexology*). Pg.: K.D. Rikkert's Publ., 1918. 163 p. (In Russian).
6. Bekhterev V. M. Umom i serdcem (*With mind and heart*). Moscow: Politicheskaja literatura, 1982. 284 p. (In Russian).
7. (*The State Archive of the Russian Federatio*). F. R.5207. Inv.1. D.257. (In Russian).
8. Geller M., Nekrich A. Utopija u vlasti (*Utopia rules*). Moscow: MIK, 2000. 260 p. (In Russian).
9. Deti v golodnyh gubernijah (*The children in the hungry regions*) // Petrogradskaja pravda.1921. No. 192. (In Russian).
10. Zima V. F. Golod 1921–1922 godov v Sovetskoj Rossii: Vlast' i cerkov' (*Hunger in 1921–1922 in Soviet Russia: the power and the church*). Moscow: IRH RAS, 2015. 240 p. (In Russian).
11. Izvestija VCIK. 1921. 25 december. (In Russian).
12. Karaulov D.V. Golod 1921–1922 na Urale: abstract of thesis. (*The hunger in 1921–1922 at the Ural*). Ekaterinburg: USPU, 2000. 23 p. (In Russian).
13. Kareev N. I. Kniga o social'noj analitike (*The book on social analysis*) // Vestnik literatury. 1920. No. 7 (19). P. 158–178. (In Russian).
14. Klushancev I. Golod 1921–1922. i ego vlijanie na sel'skoe hozjajstvo Stavropol'skoj gubernii (*The hunger in he Stavropol region*). Stavropol', 1923. 120 p. (In Russian).
15. Knurova V. A. Dejatel'nost' rossijskih i inostrannyh organizacij po likvidacii goloda 1921–22. (na materialah Nizhnego Povolzh'ja) (*The ations of Russian and foreign organizations regards the liquidation of hunger*): abstract of thesis. Astrahan': ASU, 2007. 18 p. (In Russian).
16. Kristalkin A. M. Golod 1921 g. v Povolzh'e: opyt sovremennogo izuchenija problem (*Hunger 1921 in the Volga region: the experience of the modern study of the problems*): abstract of thesis. Moscow: MSU, 1997. 30 p. (In Russian).
17. Krugov A. I. Golod 1921–1922 v Stavropol'skoj gubernii (*The hunger in the Stavropol region*): abstract of thesis. Moscow: IRH RAS, 1995. 18 p. (In Russian).
18. Lekoncev O. N. Gosudarstvo i krest'jane v uslovijah goloda 1921 goda: (po materialam Vjatskoj gubernii i Votskoj avtonomnoj oblasti) (*The state and countrymen in the conditions of hunger*). Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, 2010. 356 p. (In Russian).
19. Maleeva T. Strana pobedivshego holodil'nika (*The country of the fridge-winner*) // Novaja gazeta. 17.02.2016. No. 17. (In Russian).
20. Poljakov Ju. A. 1921: pobeda nad golodom (*1921: Defeating the hunger*). Moscow: Politizdat, 1975. 122 p. (In Russian).
21. Pomogalova O.I. Pomoshh' inostrannyh blagotvoritel'nyh organizacij golodajushhim Saratovskogo Povolzh'ja (1921–1923) (*Helping the starviing inhabitants in Stavropol district of the Volga river by the foreign organizations*): abstract of thesis. Saratov: SSU, 2013. 25 p. (In Russian).

22. Central State Archive of St. Petersburg. Materialy po Institutu po izucheniju mozga i psihicheskoj dejatel'nosti, kotorye byli predstavleny Gos. komissii po Prosveshheniju (*The materials in the Institute about learning about the brain and psychological actions which were introduced by the education committee*) 10.06.1918. F.2555. Inv.1. D.48.
23. Sorokin P. A. Arhivnye tajny: intelligencija i vlast' (*The archive secrets: the intelligence and the power*) // Voprosy filosofii. 2002. No.10. P. 108–155. (In Russian).
24. Sorokin P. A. Vlijanie goloda na social'no-jekonomicheskiju organizaciju obshhestva (*The influence of the hunger on the social and economical organization of the society*) // Jekonomist. 1922. No. 2. P. 23–53. (In Russian).
25. Sorokin P. A. Vlijanie vojny na sostav naselenija, ego svojstva i obshhestvennuju organizaciju (*The influence of the war on the contents of the population and its social organization*) // Ekonomist. 1922. No. 1. P. 77–107. (In Russian).
26. Sorokin P. A. Golod kak faktor: Vlijanie goloda na povedenie ljudej, social'nuju organizaciju i obshhestvennuju zhizn' (*The famine as the factor: the influence of the famine on the people's behaviour, social organization and the social life*). Pg.: Kolos, 1922. 450 p. (In Russian).
27. Sorokin P. A. Golod kak faktor. Vlijanie goloda na povedenie ljudej, social'nuju organizaciju i obshhestvennuju zhizn' (*The famine as the factor: the influence of the famine on the people's behaviour, social organization and the social life*). Moscow: Akademija, 2003. 684 p. (In Russian).
28. Sorokin P. A. Golod i ubezhdenija (ideologija) cheloveka (*The famine and the thoughts (ideology) of the man*) // Artel'noe delo. 1921. No. 6. S.11–16. (In Russian).
29. Sorokin P. A. Sistema sociologii. The system of sociology. In 2 Vols. Pg.: Kolos, 1920.Vol. 1. 360 p. (In Russian).
30. Sorokin P. A. Golod i (ideologija) cheloveka (*The famine and the ideology of the man*) // Ekonomist. 1921. No. 4–5. P. 2–32. (In Russian).
31. Sorokin P. A. Dolgij put'. Avtobiograficheskij roman (*The autobiographical novel*). Syktyvkar: Komi, Shipas, 1991. 304 p. (In Russian).
32. Sorokin P. A. Prestuplenie i kara, podvig i nagrada. Sociologicheskij jetjud ob osnovnyh formah obshhestvennogo povedenija i morali (*The crime and the punishment, the heroism and the reward. Sociological ethude about the basic forms of social behaviour and the moral*). St. Petersburg: Ja.G. Dolbyshev's Publ., 1914. 454 p. (In Russian).
33. Topoljanskij V. Reportazh o golode (*The reports of the hunger*) 1921–1922 godov // Novaja gazeta. 21.11.2008. No. 45. (In Russian).
34. Tartakovskij A. G. 1812 god i russkaja memuaristika. Opyt istochnikovedcheskogo izuchenija. (*1812 and Russian memoirs. The experience of studying the sources*). Moscow: Nauka, 1980. 311 p. (In Russian).
35. Tosh D. Stremlenie k istine. Kak ovladet' masterstvom istorika. (*The wish of the truth. How to get the experience of the historical scientist*). Moscow: Ves' mir, 2000. 296 p. (In Russian).

УДК 94(5)

Л. Н. Величко

ПОЛИТИКА «МЯГКОЙ СИЛЫ» ТУРЦИИ В РЕГИОНЕ ЮЖНОГО КАВКАЗА (1991–2002 гг.): ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

В современной системе международных отношений такое явление, как «мягкая сила», начинает доминировать в системе координат внешней политики ведущих государств мира, в том числе Турции, которая на протяжении последнего десятилетия наращивает свой политический и экономический потенциал в регионе Южного Кавказа. Основы успешной

«мягкой политики» Анкары были заложены в постсоветский период, когда Турецкая республика пыталась стать региональным лидером, изменив стратегию поведения.

Ключевые слова: история международных отношений, политика «мягкой силы», Южный Кавказ, Турция, неосманизм, школы Гюлена.

L. N. Velichko

THE POLICY OF «SOFT POWER» OF TURKEY IN THE SOUTH CAUCASUS (1991–2002): PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

The phenomenon of «soft power» is gaining domination in the coordinate system of the foreign policy of the leading countries in the world, including Turkey, which has been increasing its political and economic potential in the region of the South Caucasus in the modern system of international relations for the last decade. The

basis for successful «soft policy» on the part of Ankara was laid in the post-Soviet period, when the Turkish Republic was trying to become a regional leader by changing behavior strategy.

Key words: history of international relations, «soft power» policy, the South Caucasus, Turkey, neo-Ottomanism, Gülen schools.

Сформулированные профессором Гарвардского университета Джозефом Найем базовые ресурсы политики «мягкой силы», а именно: культура страны и те её аспекты, которые привлекательны для других; политические ценности государства, которые принимаются и другими странами; внешнеполитическая модель поведения страны, которая принимается в качестве легитимной и имеет моральный авторитет, – легли в основу рейтинговых показателей государств, перечень которых представляет Английский независимый институт управления и аналитический журнал «Monocle». Ими было определено пять рычагов реализации «мягкой силы»: управление, дипломатия, культура, образование, бизнес и инновации, учитывая которые, ими с 2010 публикуется рейтинг государств, активно использующих «мягкую силу» в качестве основного внешнеполитического влияния. Первые три места в нём занимают США, Великобритания и Германия, но в списке тридцати ведущих

государств мира, определивших в качестве приоритетных направлений внешней политики широкое сотрудничество в обозначенных пяти сферах, значится и Турция, которая в 2015 г. заняла 28 место. За 2016 г. рейтинг Турции снизился до 32 места, что связано с её ролью в поддержке ИГИЛ и неудачной миграционной стратегией, но гибкая политика кабинета Эрдогана убеждает в том, «мягкая сила» по-прежнему остаётся приоритетной для Турции [3].

Активная фаза применения стратегии «мягкой силы» во внешнеполитической деятельности Турецкой республики связано с именем Бейкен Ахмета Давутоглу, его доктриной «ноль проблем с соседями» и «тремя методологическими принципами и пятью принципами действий». Однако в настоящее время исследователи сходятся во мнении, что Турция начала активно использовать инструменты «мягкой силы» ещё после окончания «холодной войны». На протяжении всего периода существования биполярной

системы Анкара занимала преимущественно «жесткую» внешнеполитическую позицию форпоста НАТО у границ СССР. После распада Советского Союза значение этой роли Турции снизилось, а «курдская проблема» и необходимость обеспечения энергетической безопасности заставили её сосредоточить внимание на национальных интересах, в том числе во внешней политике.

Региональное окружение Турецкой республики не позволяло сформировать устойчивый положительный имидж государства. Взяв в 20-х гг. XX в. курс на демократическое развитие и светские принципы государственного устройства, определив западный вектор развития в качестве приоритетного, а Западную Европу как основной ориентир, Анкара не смогла установить прочных долговременных связей с региональными партнёрами на Востоке. Отказ Европейского союза в 1989 г. удовлетворить ходатайство Анкары принять её в ЕС, а так же Копенгагенский саммит 1993 г., где говорилось о странах Восточной Европы и сроках принятия этих государств в полноправные члены ЕС, ускорили смену приоритетов во внешнеполитическом курсе Турецкой республики, прежде всего в регионе Южного Кавказа. Так, турецкий политолог и общественный деятель Зия Онис, заявил, что появление новых независимых государств Центральной Азии и Кавказа предоставило Турции уникальную возможность стать крупной региональной державой [2].

Поворотным моментом в отношениях между государствами Южного Кавказа и Турецкой республикой стала политика президента Турции Тургута Озала (1989–1993гг.), который начал проводить активную внешнюю политику в регионе уже с позиции «мягкой силы». Главная особенность его политики заключалась в том, что она базировалась на установлении тесных экономических связей, а также концепции цивилизационной и культурной близости Турции и государств Кавказа.

Однако Южный Кавказ представлял собой особое геополитическое пространство, в котором лишь Азербайджан рассматривал Турцию в качестве безусловного союзника, готового взаимодействовать с ней по принципу «две страны – один народ», подчёркивая тем самым, принадлежность к тюркскому миру, который под своей эгидой

собиралась объединить Анкара. Грузия видела в ней прежде всего проводника в Европу и НАТО, понимая экономические выгоды от совместных с Турцией энергетических и логистических транзитных проектов. Взяв курс на «историческое примирение» с соседним государством, президент Армении Л. А. Тер-Петросян, пришедший к власти в 1991 г., дал основание правительству Демиреля рассчитывать на партнёрские отношения с Арменией, но в Турции понимали, что камнем преткновения в отношениях между государствами может стать территориальный вопрос и события 1915 г.

Официально о новой внешнеполитической стратегии Турецкой Республики было заявлено в турецком парламенте 30 июля 1993 г. при объявлении программы 50-го турецкого правительства: «Появление новых независимых государств на постсоветском пространстве положило начало чрезвычайно новому и важному развитию для Турции. В 2000-е годы государство должно стать центром притяжения в этом обширном регионе. Связанная с тюркскими республиками близкими отношениями, она имеет перед ними особые обязанности и обязательства в процессе их открытия миру и интеграции в мировое сообщество» [14, с. 158]. Таким образом, фактически было заявлено о новой внешнеполитической стратегии, оформившейся к 1995 г. и получившей определение «неоосманизма», ставшего неофициальной внешнеполитической стратегией Турции по расширению сферы влияния на сопредельные территории посредством «мягкой силы», за счет экономики, гуманитарного воздействия и наднационального духа.

Начальный этап реализации новой внешнеполитической платформы Турецкой республики в отношении Кавказского региона условно следует разделить на два периода:

- 1) 1991–1994 гг. – наибольшее сближение Турции и государств Кавказа, продвижение так называемой «турецкой модели» развития;
- 2) 1994–2002 гг. можно рассматривать как период появления разногласий между Турцией и государствами региона по ряду вопросов внутреннего и внешнего развития.

С начала 90-х гг. XX в. Турция активно позиционировала себя в регионе как носителя особой модели развития, которую политики обозначают как «турецкую модель»,

основанную на демократических принципах западного типа, светской модели государственной системы и особом типе рыночной экономики, что стало привлекательным прежде всего для Азербайджана и Грузии, и активно включилась в процесс дипломатических отношений с ними и Арменией [5].

Об активизации отношений между государствами Кавказа и Турции можно судить по проектам в рамках созданного в 1992 г. Турецкого управления по сотрудничеству и развитию (ТИКА), на которое были возложены задачи по реализации инвестиционных проектов во всех областях общественной жизни, включая культуру и образование; Совета министров культуры и искусства тюркоязычных стран (ТЮРКСОЙ), организованного в 1993 г., а также Турецкого управления по делам религии (TDRA) и созданного при нём Фонда (TDV). Однако приоритетным направлением была экономика, внедрение в которую происходило через посредничество ТИКА благодаря активному участию частных и корпоративных инвесторов. Турецкий бизнес интересовал энергетический, торговый и логистический потенциал региона. Ставка была сделана на тесное сотрудничество с Азербайджаном, дипломатические отношения с которым были установлены 14 января 1992 г.

По данным Государственного статистического комитета Азербайджана, Турция наращивала инвестиционные темпы в отношении азербайджанской экономики на протяжении 1993–1999, уступая только США и Великобритании, а в нефтяном секторе она была бесспорным лидером до 2005 г. В течение десяти лет после распада СССР в Азербайджане было зарегистрировано более 1200 фирм с турецким капиталом, а в 1994 г. были созданы Международное общество турецких промышленных и деловых предпринимателей (TUSIAB), объединение турецко-азербайджанских бизнесменов (ATIB) для лоббирования интересов турецких фирм и разрешения проблем, возникающих у них в Азербайджане. По количеству предприятий, открытых в Азербайджане, Турция являлась абсолютным лидером, а в различных отраслях промышленности с долей турецкого капитала было занято более 4 тысяч человек. В области здравоохранения, образования, в банковском, страховом и гостиничном секторах, ресторанном бизнесе сосредоточено

26 % турецких компаний с общим объемом инвестиций более 300 млн долл., с созданием 10 тысяч рабочих мест. В строительном секторе Азербайджана действовало более 11 % турецких компаний, обеспечивших работой 3 100 человек. Свою активность турецкие бизнесмены проявили в торговом секторе, вложив в его развитие более 300 млн долл. инвестиций и организовав 12 тысяч рабочих мест. В среднем каждый восьмой житель Азербайджана работал на предприятиях и в организациях, обеспеченных турецким капиталом. Одним из приоритетных направлений деятельности турецких деловых кругов являлась сфера телекоммуникаций и СМИ, в которых было представлено 10 % турецких компаний, обеспечивших 1700 рабочих мест. Турецкая компания «Alkatel-Teletas», действующая на азербайджанском телекоммуникационном рынке с 1992 г., к 1999 г. обслуживала 67 % фиксированных телефонных линий Азербайджана. В области СМИ турецкие компании взяли контроль над телеканалом «STV», радиоканалом «Burg FM» и газетой «Zaman» [7; 8, с. 33–43].

Помимо официальных структур, в налаживании добрососедских отношений с новыми странами весьма активно участвовали многие неправительственные организации, в частности религиозные, такие как группы Искандерпаши и Эренкоя, строившие исламские центры, занимающиеся распространением Корана и других мусульманских изданий, составляя конкуренцию иранскому влиянию. Особую роль в этом сыграл Фетхуллах Гюлен, известный религиозный деятель, который появился на политической сцене в тот момент, когда правительство Турции нуждалось в альтернативе радикальным исламистским группировкам. Организация «Фетхуллахчылар» свою задачу видела в распространении исламских и пантюркистских идей в разных странах. Гюлен популяризировал наследие Османской империи: экономические принципы, демократизм, светское мышление. В начале 1990-х гг. Ф. Гюленом был создан некоммерческий «Асия Финанс банк» с капиталом в 125 млн долл. для инвестиций в различные проекты на территории тюркских республик, прежде всего образовательных и просветительских. В течение 1990-х гг. этой группой в республиках Центральной Азии и Кавказа было по-

строено и введено в строй более 80 школ и 4 университета, среди которых особое место принадлежало Кавказскому университету, открытому в Баку в 1993 г. Высокий уровень преподавания и обучение на трёх языках (азербайджанском, турецком и английском) и полученный сертификат качества оказания услуг ТСЕ-ЕН-ИСО 9001:2000 сделали это учебное заведение особенно популярным. Так, качество образования, предоставляемое университетом, было оценено British Petroleum. По инициативе представителя компании в Азербайджане был заключен договор, согласно которому фирмы намеревались выбирать свои будущие кадры из числа студентов университета [10]. Кроме того, именно он стал центром подготовки высококвалифицированных кадров в области экономики и политики, имеющих возможность стажироваться в лучших вузах Турции, и был нацелен на создание «турецкого лобби» в бизнесе и политической системе Азербайджана.

Однако принцип «две страны – один народ», скорее, отражал энтузиазм руководителей, определявших внешнюю политику Турции, чем представлял собой сбалансированную комплексную стратегию выстраивания и оптимизации реальных взаимоотношений. К середине 90-х гг. турецкая дипломатия столкнулась с тем, что государства постсоветского пространства и Азербайджан в том числе были больше заинтересованы в равноправном сотрудничестве и партнерстве с Анкарой, чем в достижении оторванных от реальной политики целей создания союза тюркоязычных стран, координируемого неким политическим органом под руководством Турции. В связи с этим Турция начала проводить более прагматичную и реалистичную политику в Закавказье и странах Центральной Азии, сконцентрировавшись на конкретных проектах, главным образом – в сфере энергетики и торговли [16].

Ещё одним региональным партнёром Турции стала Грузия. Сразу после распада СССР, 16 декабря 1991 г., Турция признала независимость Грузии. 30 июня 1992 г. был подписан договор о дружбе и сотрудничестве, ставший правовой основой двухсторонних отношений. Начало плодотворному сотрудничеству, прежде всего экономическому, было положено в 1993 г. в рамках проекта ТРАСЕКА. Анкара

и Тбилиси заключили соглашение о создании наиболее короткого железнодорожного маршрута Каре – Ахалкалаки – Тбилиси – Баку, который был направлен на расширение международных транспортных коммуникации Грузии, а Турция получала дополнительные возможности для осуществления своих экономических проектов в регионе. Затем в 1998 г. была подписана итоговая декларация о строительстве магистрального нефтепровода «Баку – Тбилиси – Джейхан», который позволил бы обеспечить доступ Турции к углеродным ресурсам не только Азербайджана, но и Центральной Азии.

Агентство ТІКА начало осуществлять широкомасштабные проекты в Грузии с 1994 г. Эти проекты распространялись на турецко-грузинское экономическое сотрудничество, туризм, сферы культуры, образования, здравоохранения, гуманитарной помощи, а также восстановления и строительство школ. В 2000 г. ТІКА начала реализацию проекта «Тюркология», в рамках которого в грузинских вузах для расширения исследований по этой тематике и повышения уровня заинтересованности турецкой историей и культурой среди грузинского населения были созданы отделения тюркологии по изучению Турции. По количеству реализуемых в рамках ТІКА проектов Грузия заняла второе место на постсоветском пространстве после Киргизии. Этот факт подчёркивает особое значение Грузии во внешней политике Турции и продуктивность турецкой «мягкой силы» в этой стране. В 1999 г. десять турецких предпринимателей основали организацию под названием GÜRTIAD – Ассоциацию грузинских и турецких предпринимателей, направленную на защиту и поощрение их интересов в Грузии. Между тем с 1995 по 2003 г. торговый оборот между государствами не вышел за пределы 200 млн долл., и общий объём инвестиций за этот же период едва достиг 103 млн долл.

Не меньшую значимость приобрело и культурное взаимодействие. Так в 2000 г. был создан турецко-грузинский культурно-образовательный фонд, который проводил совместные конференции, семинары, культурные мероприятия. Особая роль в организации культурных и образовательных контактов принадлежала неправительственным организациям, в том числе «Фетхуллахчылар», успешно действующий в Грузии.

Сторонники гюленовского движения впервые прибыли в Грузию до распада СССР [1, р. 81], но активно начали действовать только с 1992 г., после подписания «рамочного договора» между Турцией и Грузией. Для распространения турецко-исламских идей «Фетхуллахчылар» активизировала общественную деятельность, занявшись учреждением образовательных заведений. Под покровительством организации были созданы 7 школ-лицеев, центр изучения турецкого языка в Кутаиси, курсы изучения турецкого языка в Тбилиси, а с 1995 г. в Грузии заработал Международный черноморский университет, созданный при участии «Фетхуллахчылар» и так же, как и в Азербайджане, выполнял роль «кузницы» протурецки настроенных слоёв населения [4].

Особое внимание движение Гюлена уделяло Аджарии, где 30 % жителей являлись мусульманами, и рассматривало её как исторически принадлежавшую Турции территорию. Турецкие религиозные организации открыли в этой в этой грузинской области несколько десятков школ-интернатов, задачей которых было бесплатное образование детей из малоимущих семей, с последующим обучением в Турции. Начиная с 1993 г. несколько тысяч граждан Грузии, в основном из Аджарии и Квемо Картли, уехали в Турцию получать религиозное образование [4].

Значительную роль в отношениях между Азербайджаном, Грузией и Турецкой Республикой играл фактор кавказских диаспор, численность азербайджанцев в которых достигала 3 миллионов, а грузин колебалась от 2 до 3 миллионов. Они широко были представлены в армии, парламенте, медийных структурах, являясь важным электоральным ресурсом, организованным в ассоциации и имеющим тесные связи со своей исторической родиной, что активно использовалось Турцией в своих интересах на Кавказе [13]. Так, например, официальная Анкара заявляла о признании территориальной целостности Грузии и Азербайджана, в том числе и в период нагорно-карабахского (1993–1996) и грузино-абхазского конфликтов (1992–1993 гг.), однако масс-медиа Турции выступали с резкой критикой действий грузинских властей в отношении Абхазии, что было связано с интересами крупной абхазской диаспоры, проживающей на территории Турции.

Особенно сложными оказались взаимоотношения Турции и Армении. Турецкая Республика признала независимость Армении уже 16 декабря 1991 г. Идея примирения с Анкарой была одной из центральных в программе первого армянского постсоветского правительства, состоявшего из представителей Армянского общенационального движения. В 1992 г. президент Армении Л. А. Тер-Петросян встретился с премьер-министром Турецкой Республики Сулейманом Демирелем, и в этом же году Ереван посетил посол Турции в РФ В. Вурал. Тесные контакты продолжились в августе 1992 г., после того как Л. Тер-Петросян заявил об отсутствии территориальных претензий к Турции и запретил деятельность на территории Армении националистической антитурецкой организации «Дашнакцутюн». Президент Турции Тургут Озал был настроен на решительные шаги в вопросе развития армяно-турецкого диалога. Армению с официальным визитом посетила турецкая дипломатическая делегация во главе с заместителем министра иностранных дел Б. Унаном. О серьёзности намерений президента Турции можно судить по заявлениям министра иностранных дел правительства при Озале Ильтера Туркмена. Он утверждал, что был свидетелем встречи между Озалом и представителями армянской диаспоры в США, на которой обсуждалась возможность признания геноцида армян. Бывший посол Нузхет Кандемир, позднее занявший пост заместителя председателя партии «Истинный путь», так же подтверждал, что в «армянском вопросе» Тургут Озал был готов к весьма решительным шагам. Газета «Zaman» пишет, что многие члены команды президента, в том числе и идеологи «Партии Отечества», пытались убедить Озала в недопустимости шагов навстречу армянам. Среди противников признания геноцида был и бывший советник главы государства Хасан Джалал Гюзель, утверждавший, что Тургут Озал планировал предоставить армянам возможность вернуться на родину предков и приобрести там землю. В интервью газете «Акшам» Гюзель рассказал о том, что президентом была создана специальная рабочая группа, которая уполномочена была разработать различные варианты решения «армянского вопроса». По словам Гюзеля, Тургут Озал в качестве

компенсации собирался «предоставить армянам территории в Ване». «Он хотел организовать возвращение армян в Турцию. Если бы он не умер, вполне смог бы реализовать свое намерение», – отметил бывший советник президента. С ним согласен сотрудник администрации президента Озала Сулейман Роман. Вехби Динчерел, занимавший при Озале пост министра образования и науки, заявлял, что у турецкого проекта «Ван» была политическая подоплёка. Задачей проекта было создание условия для совместного строительства на южном берегу озера большого туристического комплекса, который должен был стать местом летнего отдыха армянской диаспоры. Для привлечения финансирования проекта армянским бизнесменам планировалось предоставить различные льготы. Однако эти идеи не разделяли ни члены его партии, ни военные, считая, что международное признание событий 1915 г. геноцидом, повредит Турции, ее кемалистской, западной идентичности и территориальной целостности [9].

Несмотря на позитивное начало, сразу же после распада Советского Союза в армяно-турецких отношениях остро встал вопрос границ, установленных по Карсскому договору 1921 г., которые Ереван отказывался признать. В итоге уже весной 1992 г. Анкара заявила, что будущее установление дипломатических отношений возможно только после снятия всех пограничных споров и формально-правового признания Ереваном сложившихся на 1991 г. границ. Помимо проблемы границ, напряженность в отношениях между двумя странами усиливалась из-за разных трактовок событий 1915 г. в Османской империи. В пункте 11 Декларации о независимости Армении провозглашалась цель нового государства – «международное признание геноцида армян 1915 г. в Османской Турции и Западной Армении». Таким образом, помимо гуманитарного аспекта (необходимость признания понесенных армянским народом жертв) в этом документе содержалось определение части территории современной Турецкой Республики как «Западной Армении». Провал начальной попытки нормализации двусторонних отношений напрямую был связан с эскалацией нагорно-карабахского конфликта в 1993–1994 гг. Турецкие деловые круги делали попытки

нормализовать отношения между двумя государствами после заключения перемирия между Баку и Ереваном в мае 1994 г., но официальная Анкара их пресекла. В 1999 г. представителями партий, вошедших в состав коалиционного правительства Турции, был подписан протокол, посвященный Армении, в котором отмечалось, что главное условие нормализации двусторонних связей – отказ Еревана от враждебной политики по отношению к Турции и освобождение захваченных у Азербайджана территорий [14].

В 1993–2008 гг. в процессе армяно-турецкой нормализации наступила продолжительная пауза. Армения осталась единственным государством Южного Кавказа, с которым у Турции не было дипломатических отношений. Турция пыталась оказать давление на руководство Армении с помощью закрытия сухопутной границы и усилить геополитическую изоляцию этого государства после проведенных подобных действий со стороны Азербайджана. Однако продуктивность такой политики ставилась под сомнение, и в 1996 г. открылось авиационное сообщение Ереван – Стамбул, а затем Ереван – Анталия. Несмотря на то, что в этот период не произошло существенных сдвигов в отношениях двух стран, продолжал действовать основной механизм «мягкой силы» – дипломатия, что подтверждает визит спикера национального парламента Армении Б. Арапцяна в 1995 г. в Стамбул. Примечательно, что этот визит состоялся в год, который не только Армения, но и армяне диаспоры всего мира отмечали как 80-летие геноцида армян в Османской империи [12, с. 459–460]. Но экономическое партнёрство оказалось сильнее политических разногласий, о чём свидетельствуют заявления губернаторов провинций Карс и Ихдыр, последний из которых в декабре 1996 г. провёл встречу с главой Араратского района Армении с целью экономического сотрудничества. В мае 1997 г. в Ереване был создан Турецко-армянский комитет по развитию бизнеса (ТАВС) – неправительственная организация, основной задачей которой стало требование отмены эмбарго и нормализация торговых отношений между Арменией и Турцией [11, с. 459–460].

После успешного старта 1991–1993 гг. и до 2002 г. Турция не смогла стать безусловным лидером в регионе. Причины, по которым её

«мягкая политика» не приносила быстрых положительных результатов, имеют как внутренние, так и внешние основания.

Во-первых, недостаточная координация действий между различными политическими институтами приводила к непоследовательным действиям. Представители правительственных и неправительственных организаций, преследуя свои собственные интересы, в полной мере не осуществляли координацию действий с руководством страны. Поэтому в отсутствие политического баланса между различными участниками политической борьбы политика Турции по отношению к Центральной Азии и Кавказу строилась на основе личных интересов и была персонализированной.

Различные институты турецкой политики, применявшие компоненты «мягкой силы», слабо взаимодействовали между собой. Особенно это касалось государственных и негосударственных структур. Только в 2010 г. было создано Управление публичной дипломатии, тесно контактирующее с Министерством иностранных дел и Министерством культуры и туризма.

Во-вторых, в начавшихся этнополитических конфликтах на Кавказе Анкара не смогла выполнить роль регионального лидера, способного оказать реальное влияние на конфликтующие стороны и предпринять значительные дипломатические шаги, что не могло не способствовать «похолоданию» в отношениях прежде всего с Азербайджаном. Россия оказалась более последовательна и настойчива в урегулировании нагорно-кара-

бахского конфликта, отодвинув Турцию на второй план [6].

В-третьих, сделав акцент в проведении политики «мягкой силы» на экономическую составляющую, Турция, испытав на себе череду экономических кризисов 1994 г., 1997 г. и 2001 г., оказалась неспособна поддерживать темпы и размах инвестирования, что не смогло не сказаться на её экономическом престиже в регионе.

В-четвёртых, в период с 1991 по 2002 г. Турции так и не удалось создать на территории Южного Кавказа какого-либо интеграционного объединения. Этому способствовали не только объективные экономические факторы, но и ряд субъективных причин, среди которых нежелание политических элит новых независимых государств уступать часть своего суверенитета в пользу Анкары и нехватка у неё внутренних политических ресурсов для организации подобного процесса.

Целью стратегии «мягкой силы» является воздействие на определённые общественные институты, такие как гражданское общество, правительственные и неправительственные организации, система образования, средства массовой информации. В рассматриваемый период Турция не располагала системой методик и стратегических планов проведения такой политики. Они сложатся при правительстве Эрдогана и получат теоретическое оформление в «Стратегической глубине» А. Давутоглу, но основанием для них послужил опыт, полученный Анкарой в 90-е гг. XX в., в том числе во взаимоотношениях с государствами Южного Кавказа.

Источники и литература

1. Ivanov V. Religious dimension of Turkey's policy in Ajaria and the Georgian Orthodox church // *Central Asia and the Caucasus*. 2011. Vol. 12. Issue 3. P. 79–90.
2. Kohen S. Contacts with Central Asian States: a Foundation for Pan-Turkism [Electronic resource]. URL: <http://www.wrmea.org/1992-august-september/contacts-with-central-asian-states-a-foundation-for-pan-turkism.html> (Accessed: 3.08.2016).
3. Soft power «30» [Electronic resource]. URL: http://softpower30.portland-communications.com/wpcontent/themes/softpower/pdfs/the_soft_power_30.pdf. (Accessed: 3.08.2016).
4. Ter-Matevosyan V. Cooperation paradigms in the South Caucasus: Making sense of Turkish-Georgian relations. *Varia*. 2014. №4. P. 103–125. [Electronic resource]. URL: <https://eac.revues.org/689#tocto1n3> (Accessed: 3.08.2016).
5. Астахова М. А. «Турецкая модель развития» и причины ее несостоятельности для постсоветских стран Прикаспийского региона(1992-1993 годы) [Электронный ресурс] // *Известия Саратовского университета*. 2011. Т.11. Вып.1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/turetskaya-model-razvitiya-i-prichiny-ee-nesostoyatelnosti-dlya-postsovetskih-stran-prikaspiyskogo-regiona-1992-1993-gody> (Дата обращения: 27.07.2016).
6. Геукджан О. Рамки международного участия на Южном Кавказе: посредничество ОБСЕ в нагорно-карабахском конфликте (1992–1996 гг.) // *Центральная Азия и Кавказ*. 2006 № 1 [Электронный ресурс]. URL:

- <http://cyberleninka.ru/article/n/ramki-mezhdunarodnogo-uchastiya-na-yuzhnom-kavkaze-posrednichestvo-obse-v-nagorno-karabahskom-konflikte-1992-1996>) (Дата обращения: 27.07.2016).
7. Государственный комитет по статистике Республики Азербайджан [Электронный ресурс]. URL: <http://www.azstat.org/customtables/frame.jsp> (Дата обращения: 27.07.2016).
  8. Егиазарян А. Турция и Россия во внешнеэкономических отношениях Азербайджана (1995–2006). Ереван; М.: Аналитический центр «Кавказ», 2007. 68 с.
  9. Еркян А. Тургут Озал готов был признать геноцид армян [Электронный ресурс]. URL: <http://nv.am/region/42919?task=view> (Дата обращения: 10.06.2016).
  10. Кавказский университет [Электронный ресурс]. URL: http://qafqazlife.blogspot.ru/2008/04/blog-post_23.html (Дата обращения 10.06.2016).
  11. Куртов А. А., Халмухамедов А. М. Армения – Турция: противостояние или сотрудничество? // Армения: проблемы независимого развития / под общ. ред. Е.М. Кожокина. М.: Российский институт стратегических исследований, 1998. 594 с.
  12. Маркедонов С. М. Процесс нормализации армяно-турецких отношений: проблемы, вызовы, перспективы // Вестник РГГУ. 2012. № 7 (87). С. 245–257.
  13. Маркедонов С. М. Российско-турецкие отношения и проблемы безопасности Кавказского региона [Электронный ресурс]. URL: <http://globalaffairs.ru/valday/Rossiisko-tureckie-otnosheniya-i-problemy-bezopasnosti-Kavkazskogo-regiona-18188#10> (Дата обращения: 10.06.2016).
  14. Семедов С. А. Основные аспекты современной политики Турции на Кавказе [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2008. № 2. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=11671391> (Дата обращения 10.06.2016).
  15. Уразова Е. И. Экономическая активность Турции в Кавказско-Центральноазиатском регионе // Турция в условиях новых внутренних и внешних реалий: сборник статей. М.: ИВ РАН, 2010. С. 156–170.
  16. Хас К. Турция и Азербайджан – не только энергетика [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7357#top-content (Дата обращения: 10.06.2016)

References

1. Ivanov V. Religious dimension of Turkey's policy in Ajaria and the Georgian Orthodox church // *Central Asia and the Caucasus*. 2011. Vol. 12. Issue 3. P. 79–90.
2. Kohen S. Contacts with Central Asian States: a Foundation for Pan-Turkism. URL: <http://www.wrmea.org/1992-august-september/contacts-with-central-asian-states-a-foundation-for-pan-turkism.html> (Accessed: 3.08.2016).
3. Soft power «30». URL: http://softpower30.portland-communications.com/wpcontent/themes/softpower/pdfs/the_soft_power_30.pdf. (Accessed: 3.08.2016).
4. Ter-Matevosyan V. Cooperation paradigms in the South Caucasus: Making sense of Turkish-Georgian relations. *Varia*. 2014. No. 4. Études. P.103–125. URL: [Études arméniennes contemporaines. https://eac.revues.org/689#tocto1n3](https://eac.revues.org/689#tocto1n3) (Accessed: 3.08.2016).
10. Astahova M. A. «Tureckaja model' razvitija» i prichiny ee nesostojatelnosti dlja postsovetских стран Прикаспийского региона (1992–1993 gody) («*Turkish model of development*» and the reasons for its failure to post-Soviet countries Caspian region (1992–1993) // *Izvestija Saratovskogo universiteta*. 2011. Vol. 11. Issue 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tureckaya-model-razvitiya-i-prichiny-ee-nesostoyatelnosti-dlya-postsovetских-stran-prikaspijskogo-regiona-1992-1993-gody> (Accessed: 27.07.2016). (In Russian).
11. Geukdzhan O. Ramki mezhdunarodnogo uchastiya na Juzhnom Kavkaze: posrednichestvo OBSE v nagorno-karabahskom konflikte (1992–1996) (*Geukdzhan A. Scope of international involvement in the South Caucasus: OSCE's mediation in the Nagorno-Karabakh conflict (1992–1996)* // *Central'naja Azija i Kavkaz*. 2006. No. 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ramki-mezhdunarodnogo-uchastiya-na-yuzhnom-kavkaze-posrednichestvo-obse-v-nagorno-karabahskom-konflikte-1992-1996>) (Accessed: 27.07.2016). (In Russian).
12. Gosudarstvennyj komitet po statistike Respubliki Azerbajdzhan (*The State Committee for Statistics of the Republic of Azerbaijan*) URL: <http://www.azstat.org/customtables/frame.jsp> (Accessed: 27.07.2016). (In Russian).
13. Егиазарян А. Турция и Россия во внешнеэкономических отношениях Азербайджана (1995–2006) (*Turkey and Russia in foreign economic relations of Azerbaijan (1995–2006)*). Ереван; Moscow: Аналитический центр «Кавказ», 2007. 68 p. (In Russian).
5. Erkanjan A. Turгут Ozal gotov byl priznat' genocid armja (*Turgut Ozal was ready to recognize the Armenian Genocide*) URL: <http://nv.am/region/42919?task=view> (Accessed: 10.06.2016). (In Russian).
6. Kavkazskij universitet (*Caucasus University*) URL: http://qafqazlife.blogspot.ru/2008/04/blog-post_23.html (Accessed: 10.06.2016). (In Russian).
7. Kurtov A. A., Halmuhamedov A. M. Armenija – Turcija: protivostojanie ili sotrudnichestvo? (*Armenia – Turkey: confrontation or cooperation?*) // *Armenija: problemy nezavisimogo razvitija* / ed by E. M. Kozhokin. Moscow: RISS, 1998. 594 p. (In Russian).

8. Markedonov S. M. Process normalizacii armjano-tureckih otnoshenij: problemy, vyzovy, perspektivy (*The process of normalization of Armenian-Turkish relations: problems, challenges, perspectives*) // Vestnik RGGU. 2012. No. 7 (87). P. 245–257. (In Russian).
9. Markedonov S. M. Rossijsko-tureckie otnosheniya i problemy bezopasnosti Kavkazskogo regiona. (*Russian-Turkish relations and issues of security of the Caucasus region*). URL: //http://globalaffairs.ru/valday/Rossiisko-tureckie-otnosheniya-i-problemy (Accessed: 10.06.2016). (In Russian).
10. Semedov S. A. Osnovnye aspekty sovremennoj politiki Turcii na Kavkaze (*The main aspects of the modern Turkish policy in the Caucasus*) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Series. 18. Sociologija i politologija. 2008. No. 2 // URL: http://elibrary.ru/item.asp?id=11671391 (Accessed: 10.06.2016). (In Russian).
11. Urazova E. I. Jekonomicheskaja aktivnost' Turcii v Kavkazsko-Central'noaziatskom regione (*The economic activity of Turkey in the Caucasus and Central Asia*) // Turcija v uslovijah novyh vnutrennih i vneshnih realij: sbornik statej. Moscow: IOS RAS, 2010. P.156 – 170. (Accessed: 10.06.2016). (In Russian).
12. Has K. Turcija i Azerbajdzhan – ne tol'ko jenergetika (*Turkey and Azerbaydzhan – not only energy*). URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7357#top-content (Accessed: 10.06.2016). (In Russian).

УДК 94(73).08

Е. В. Галкина

АМЕРИКАНСКИЕ КВАКЕРЫ И ИХ ПАЦИФИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Статья посвящена проблемам деятельности американских квакеров в Северной Америке начиная с 1660-х гг. Проведен анализ их религиозной доктрины, которая включала в себе элементы пацифизма. В ней определены как обязательные теологические компоненты, так и мирная платформа деятельности квакеров в Америке. Значительное

место в статье занимает вопрос о пацифизме квакерской деятельности и отношении к ним других религиозных течений и государственной власти.

Ключевые слова: квакер, пацифизм, Северная Америка, Новый Свет, мирная доктрина, религиозное течение, государственная власть.

E. V. Galkina

AMERICAN QUAKERS AND THEIR PACIFIST ACTIVITY

The article is devoted to the problems of American Quakers' activity in North America beginning with the 1660s. The analysis of their religious doctrine incorporating the elements pacifism is carried out. Both the compulsory theological components and the peaceful platform of Quakers' activity in America are

specified. The issue of pacifism in Quakers' activities and the attitude of other religious movements and the state authorities towards them are in the focus of consideration.

Key words: Quaker, pacifism, North America, the New World, peaceful doctrine, religious movement, the government.

Квакеры стоят у самых истоков современного западного пацифизма. Они впервые сформулировали и обосновали основные принципы мирной доктрины: неучастие в войнах, мятежах и вооруженной борьбе, неприменение оружия и физического насилия вне зависимости от целей и обстоятельств. Все эти положения легли в основу пацифистской доктрины нового и новейшего времени.

Целью нашего исследования является изучение мирной доктрины и антивоенной деятельности квакеров с момента их переселения в Новый Свет, а также характеристика основных вех пацифистской работы квакеров, сложности их взаимоотношений с государственной властью и различными религиозными течениями.

В литературе не существует единого мнения относительно происхождения названия

секты квакеров, но утверждается, что это прозвище («quake» англ. – дрожать, трепетать), данное этому религиозному обществу его противниками. Термин «квакерство» на первых порах не являлся самоназванием, однако со временем стал использоваться и как самоидентификация религиозной группы.

Основными источниками по квакерскому движению являются дневники Джорджа Фокса, Роберта Баркли, Уильяма Севела, Уильяма Пенна и др. [15; 18; 19; 20]. Общим в них было то, что исторические события в колониальной Америке осмысливались ими на основе собственного опыта. События в них описывались так, как они были прочувствованы самими авторами – современниками, очевидцами и непосредственными участниками событий. Наиболее полное представление об американском квакерстве дает уникальный по своему содержанию дневник непосредственного участника движения Джона Вулмана «Ходатайство о бедных», вышедший в свет в 1774 г. [1]. Он содержит сведения из истории «Общества друзей» («Society of Friends» – самоназвание секты квакеров; свое официальное наименование «Религиозное общество друзей» эта конфессия получила только в конце XVIII в.) в Америке XVIII столетия. Материалы дневника отражают не только религиозно-ментальные установки движения, но и стремление квакеров провести радикально-экономические преобразования в колониях. Эти записи – единственное произведение квакеров XVII–XVIII столетий, переведенное на русский язык. В нем отражается неповторимое индивидуальное восприятие квакерства, так как оно передает личный взгляд на это религиозное движение.

Среди источников мемуарного характера выделяются (кроме дневников) воспоминания и свидетельства квакеров [6; 8; 14], наиболее правдиво передающие мироощущение, их социальную психологию, отражающие неповторимо-индивидуальное восприятие событий.

Часть источников долгое время оставалась в неизвестности. Только в конце 90-х гг. XX в. современные исследователи обратились к ним. Английский историк Х. Мак-Грегор Росс творчески переработал уникальные источники о Дж. Фоксе и квакерском движении, которые до этого никогда не публиковались [6]. Обращение к этим источ-

никам помогает раскрыть личностные качества, религиозно-духовное учение Фокса, заполняет пробелы в знаниях о квакерстве.

Ценными источниками являются сочинения квакеров (У. Пенна, Дж. Скотта, Р. Баркли и др.) [12; 18; 19; 23; 24], обширное эпистолярное наследие лидеров движения [11; 25; 26], многочисленные проповеди и документальные материалы по квакерской колонии Пенсильвании и другим регионам Северной Америки [10; 16], позволяющие реконструировать духовно-эмоциональный климат Америки XVII–XVIII вв.

Проповеди квакеров того времени отличаются от протестантских доктрин прежде всего своим построением и эмоциональной насыщенностью библейских образов. В своем исследовании автор использует восстановленные современными исследователями оригинальные проповеди Дж. Фокса, произнесенные им на собраниях для богослужения [6; 8].

Эпистолярное наследие составило ценный пласт знаний об американских квакерах. При исследовании автор использовал личные письма У. Пенна, написанные жене [25, р. 342] и Маргарет Фелл [26, р. 344], активной участницы квакерского движения. Эти источники позволяют словно изнутри взглянуть на квакеров [11, р. 403], их личное восприятие давления на это религиозное движение со стороны государственной власти и официальной церкви. Такой подход позволил точнее реконструировать причины расколов, схизм в рядах квакеров, проанализировать пацифистскую направленность их деятельности в Америке.

Первые квакеры появились в североамериканских колониях в период Английской революции XVII в. После отделения от англиканской церкви (в 1689 г.) квакеры стали официально называть себя «Обществом друзей», согласно библейскому выражению «Вы мне друзья, если соблюдаете заповеди мои» [9, с. 303]. В Англии 40-х гг. XVII в. кальвинизм и общественное течение по защите прав народного представительства слились воедино. Реформация в стране требовала религии особого рода, которая, пренебрегая установившимися догмами, ограничивается действием, подчиняет жизнь человека строгой нравственной дисциплине, воспитывает моралистов, работников и граждан [2, с. 238–239]. Сама обстановка в

общественной жизни Англии революционного времени породила множество религиозных сект, оппозиционных ортодоксальной англиканской церкви. В этих условиях возникло движение квакеров [24, р. 7].

Этих религиозных сектантов жестоко преследовали на родине, в Англии за радикальные религиозные взгляды [4, с. 102–103]. Квакеры решительно отвергали кальвинистскую идею о предопределении и спасении узкого круга избранных [13, р. 231–232]. Они утверждали, что Иисус Христос пожертвовал своей жизнью во имя спасения всех людей. Ключевым для этого учения было убеждение о пребывании божественного озарения, или, как они говорили, света Христова в каждом человеке. Как отмечал в своем дневнике американский мыслитель, квакер Джон Вулман, «члены квакерского Общества называли друг друга Друзьями и писали это слово с большой буквы» [1, с. 316].

Квакерское движение имело оппозиционную направленность по отношению не только к англиканской церкви, но и к государству. Такая позиция вызвала негодование властей, особенно после реставрации Стюартов в Англии в 1660-х гг. Так, квакеры стали объектом жестоких религиозных и политических гонений со стороны государственной церкви и властей Англии [21, р. 51–53]. Репрессии вынуждали «Друзей» покидать метрополию, уезжать за ее пределы. Спасаясь от преследований, многие квакеры переселялись в основном в Северную Америку, где опора властей на церковь была слабее, чем в Старом Свете. Квакеры иммигрировали в Нью-Джерси, Пенсильванию, Массачусетс, Род-Айленд, Виргинию, Нью-Йорк, где и образовали значительные общины [3, с. 55–56].

Квакеров можно охарактеризовать как активных пацифистов. Они выступали с проповедью антимилитаризма, категорически отвергали всякое насилие, даже в целях самозащиты. Основатель квакерского движения Джордж Фокс заявлял: «Я отвергаю ношение меча или другого видимого оружия» [15, р. 105]. Квакеры осуждали войну и отказывались от несения воинской повинности. Их логика была проста: поскольку в каждом человеке присутствовал «внутренний свет», то убийство человека означало убийство Бога, а это не могло быть оправдано никакими земными человеческими соображениями [8, с. 146–147.]. Поэтому «Друзья» отказыва-

лись брать в руки оружие. «Ведение войн, обычное для мира сего, настолько отличается от чистоты христианской религии, что многие совестятся в них участвовать», – писал Дж. Вулман в 1755 г. в послании «Друзьям» на американском континенте, подписанном еще 14 квакерами, и защищавшем пацифистские настроения [1, с. 277].

Особым испытанием для квакеров явилась Война за Независимость (1775–1783 гг.), когда им как пацифистам нужно было проявить себя. Это привело к расколу в их рядах. Часть «Друзей» отказалась участвовать в военных действиях, что послужило снижению их авторитета среди населения. Но в их среде было немало тех, кто сражался за свободу и независимость североамериканских штатов.

Квакеры считали, что обязаны всегда говорить только правду, а поэтому и никогда не клясться (на основании Евангелия от Матфея 5:34–37). В силу этого в колониях, а затем в США для квакеров, вступающих в должность, предусмотрена формула присяги, не имеющая религиозного значения. «Друзья» имели все возможности использовать свое пребывание у власти для реализации своих идей. Но они больше декларировали, чем делали [19]. Квакеры протестовали против рабства и работорговли, но не проявили решительности, чтобы их отменить.

Находясь у власти в Пенсильвании с 1681 г. до середины XVIII в., Род-Айленде в 1672–1676 гг., Нью-Джерси, имея большинство в органах управления, квакеры пришли к выводу, что в качестве правителей им было предоставлено еще меньше свободы – скажем, в исповедании своего пацифистского кредо, – нежели в прежнем своем положении преследуемого меньшинства.

В середине XVIII столетия выбрали чистоту своих нравственных принципов, и окончательно отказались от власти в 1756 г. Квакеры оказались не в состоянии руководить и добиваться через это реализации своих целей и идей. Большую часть своей энергии «Друзья» отдали духовному очищению в рамках собственной секты [6, с. 52–53]. И по мере того, как росла численность населения Америки, удельный вес квакеров снижался, и они растворялись в многонациональном населении колоний (Род-Айленд, Нью-Джерси, Пенсильвания) [5, с. 19–20].

Квакеры не выдержали испытаний на прочность, каким подверг Новый Свет постулаты их религиозных догм [17, р. 112]. Одно дело – быть в оппозиции, другое – управлять и действовать. Это можно объяснить «... отсутствием у квакеров социально-политического опыта (они не владели искусством управления и политического господства)» [7, с. 29]. В результате, в конце XVIII в. квакеры окончательно ушли с политической арены и постепенно превратились в замкнутую секту.

Гражданская война (1861–1865 гг.) между северными и южными штатами явилась неизбежным следствием социально-экономических противоречий внутри страны. Вопрос о рабстве был ключевым. Квакеры еще с первых шагов деятельности в Северной Америке целенаправленно выступали против рабства. Они официально осудили работорговлю. И квакерская колония Пенсильвания в силу веротерпимости стала колыбелью антирабовладельческого движения в Британской Северной Америке [22, р. 214].

В конце XIX столетия прежняя суровость жизни квакеров стала заметно снижаться. Оппозиционная направленность квакеров по отношению к государству существенно уменьшилась и в XX в.

Большое внимание квакеры уделяли антивоенной и филантропической деятельности, широко развернувшейся между Первой и Второй мировыми войнами. Она включала работу среди пленных, перемещенных лиц, помощь в восстановлении разрушенных районов, борьбу с голодом и эпидемиями. Их миротворческая деятельность особенно расширилась после Второй мировой войны и распространилась на многие страны мира.

За большой вклад в пацифистское движение мира и организацию помощи населению, пострадавшему от войны, «Комитет службы американских друзей» и «Совет службы друзей Англии» в 1947 г. были удостоены Нобелевской премии мира.

Американские квакеры активно «влились» в массовое движение сторонников мира, которое объединяет борцов за мир без учета пола, языка, религии, идеологических, политических и религиозных доктрин. Это движение оформилось в международном масштабе на Первом Всемирном конгрессе сторонников мира в Париже в апреле 1949 г. Квакеры здесь действуют совместно с различными организациями сторонников мира на планете.

Свою антивоенную работу «Друзья» не сворачивали даже в самые тяжелые годы «холодной войны». В марте 1967 г. квакеры решительно осудили войну во Вьетнаме, призывая американцев отказаться от участия в этой «позорной войне». Квакеры выступали против политики силы в международных отношениях, стремились наладить контакты с миротворческими организациями всех стран, проводили марши мира, мирные забастовки.

Наступление ядерной эры лишь подчеркнуло значение благотворной пацифистской деятельности квакеров, которая успешно проводится и в настоящее время, отстаивая идеи мира.

В заключение отметим, что квакеры Америки ведут активную миссионерскую работу, отстаивают идеи ненасилия в современном обществе. Все это особенно важно в современном мире, полном рисков и угроз для мирного сосуществования народов.

Источники и литература

1. Вулман Дж. Дневник: Ходатайство о бедных / пер., вступ. ст. и коммент. Т. А. Павловой; под ред. Н. М. Спаенко М.: Наука, 1995. 335 с.
2. Гейссер Л. История Реформации / пер. с нем. М., 1882. 470 с. (репринт: М.: Ленард, 2015. Т.1. 238 с.).
3. Галкина Е. В. Место и роль квакерства в формировании американского общества // Американский ежегодник, 2003. М.: Наука, 2005. С. 52–74.
4. Галкина Е. В. Основные тенденции развития протестантских течений в колониальной Америке // Американский ежегодник. 2000. М.: Наука, 2002. С. 98–117.
5. Галкина Е. В. Становление протестантизма в английских колониях Северной Америки (1630-е – 1760-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь: СГУ, 2002. 29 с.
6. Говорит сам Джордж Фокс / ред. Хью Мак-Грегор Росс; пер. и вступ. ст. Т. А. Павловой. М., ИВИ РАН, 2000. 192 с.
7. Жук С. И. Схизма Кита и кризис норм власти в колониальной Америке // Американский ежегодник, 1998. М.: Наука, 1999. С. 9–32.
8. Собственноручные записи Джорджа Фокса о своем духовном пробуждении // Говорит сам Джордж Фокс / пер., и вступ. статья Т. А. Павловой. М.: ИВИ РАН, 2000. С. 139–164.
9. Хроника христианства / пер. с нем. В. Годфрида. М.: ТЕРРА, 1999. 464 с.

10. Annals of Pennsylvania from Discovery of the Delaware, 1609–1682. Philadelphia: Hazard and Mitchell, 1850. 664 p.
11. Barclay R. Letter To Sarah Fell, 27th day 8th month 1678 // The Friend's Library / ed. by W. and Th. Evans. Philadelphia: Joseph Rakestraw, 1847. Vol. XI. P. 403.
12. Barclay R. The Inner Life of Religious Societies of Common wealth. L.: Hodder and Stoughton, 1876. 625 p.
13. Drummond A. L. Story of American Protestantism 2 ed. Boston: Beacon Press, 1951. 418 p.
14. Eyster N. A Day Among the Quakers // Harper's New Monthly Magazine. Vol. 41. Issue 244. Sept. 1840. P. 537–541.
15. Fox G. Journal of George Fox (First ed. – 1694). L.: Nickall's edition, 1975. 203 p.
16. Friend's Library / ed. by W. and Th. Evans. Philadelphia: Joseph Rakestraw, 1837. Vol. I. 223 p.
17. Grubb E. Social Aspects of Quaker Faith. L.: Headley Year published, 1899. 264 p.
18. Penn W. The People Called Quakers // Annals of America. Chicago, L., ets.: Encyclopedia Britannica, 1968. Vol. 1. P. 265–271.
19. Penn W. The Witness of William Penn. N.Y.: Macmillan, 1957. 205 p.
20. Quakerism in Seventeenth Century Massachusetts Bay. Westport (Conn.) L., 1985. 428 p.
21. Reay B. The Quakers and the English Revolution. N.Y.: St. Martin's Press, 1985. 184 p.
22. Russel E. History of Quakerism N.Y.: Macmillan, 1942. 616 p.
23. The Works of That Eminent Minister of the Gospel, Job Scott, Late of Providence Rhode Island. Philadelphia: John Comly, 1831. In 2 Vols. 426 p.
24. Wetherill Ch. History of The Religious Society of Friends Called Some The Free Quakers, in the City of Philadelphia. Philadelphia: Printed for the Society, 1894. 118 p.
25. William Penn's Letter to His Wife, Gulielma // Webb M. The Penns and Peningtons of the Seventeenth Century, etc. L.: F. Bowyer Kitto, 1867. P. 342.
26. William Penn To Margaret Fell (1682) // Webb M. The Penns and Peningtons of the Seventeenth Century, etc. L.: F. Bowyer Kitto, 1867. P. 344.

References

1. Vulman Dzh. Dnevnik: Hodatajstvo o bednyh (*Diary: Application for the poor*) / translated, introduction and comments by Pavlova T.A. / ed by Spasenko N. M. Moscow: Nauka, 1995. 335 p. (In Russian).
2. Gejsser L. Istorija Reformacii. (*History of the Reformation*) / translated by German. Moscow: 1882. 470 p. (reprint: Moscow: Lenard, 2015. Vol. 1. 238 p.). (In Russian).
3. Galkina E.V. Mesto i rol' kvakerstva v formirovanii amerikanskogo obshhestva (*The place and role of Quakerism in the formation of American society*) // Amerikanskij ezhegodnik, 2003 (American Yearbook, 2003) / ed by N. N. Bolhovitinov. Moscow: Nauka, 2005. P. 52–74. (In Russian).
4. Galkina E.V. Osnovnye tendencii razvitiya protestantskih techenij v kolonial'noj Amerike (*The main trends in the development of Protestant movements in colonial America*) // Amerikanskij ezhegodnik, 2000 (American Yearbook, 2000). Moscow: Nauka, 2002. P. 98–117. (In Russian).
5. Galkina E. V. Stanovlenie protestantizma v anglijskih kolonijah Severnoj Ameriki (1630–1760) (*Formation of Protestantism in the English colonies of North America (1630's–1760-ies.)*): abstract of thesis. Stavropol: SSU, 2002. 29 p. (In Russian).
6. Govorit sam Dzhordzh Foks (*He says himself, George Fox*) / ed by Hugh McGregor Ross / transl. and introd. by T. A. Pavlova. Moscow, IWH RAS, 2000. 192 p. (In Russian).
7. Zhuk S. I. Shizma Kita i krizis norm vlasti v kolonial'noj Amerike (*Schism China and the crisis of the rules of power in colonial America*) // Amerikanskij ezhegodnik, 1998 (American Yearbook, 1998). Moscow: Nauka, 1999. P. 9–32. (In Russian).
8. Sobstvennoruchnye zapisi Dzhordzha Foksa o svoem duhovnom probuzhdenii (*Handwritten records of George Fox about his spiritual awakening*) // Govorit sam Dzhordzh Foks (He says himself, George Fox) transl. and introd. by T. A. Pavlova. Moscow: IWH RAS, 2000. P.139–164. (In Russian).
9. Hronika hristianstva (*Chronicle Christianity*) / translated by V. Godfrid. Moscow: TERRA, 1999. 464 p. (In Russian).
10. Annals of Pennsylvania from Discovery of the Delaware, 1609–1682. Philadelphia: Hazard and Mitchell, 1850. 664 p.
11. Barclay R. Letter To Sarah Fell, 27th day 8th month 1678 // The Friend's Library / ed. by W. and Th. Evans. Philadelphia: Joseph Rakestraw, 1847. Vol. XI. P. 403.
12. Barclay R. The Inner Life of Religious Societies of Common wealth. L.: Hodder and Stoughton, 1876. 625 p.
13. Drummond A. L. Story of American Protestantism 2 ed. Boston: Beacon Press, 1951. 418 p.
14. Eyster N. A Day Among the Quakers // Harper's New Monthly Magazine. Vol. 41. Issue 244. Sept. 1840. P. 537–541.
15. Fox G. Journal of George Fox (First ed. – 1694). L.: Nickall's edition, 1975. 203 p.
16. Friend's Library / ed. by W. and Th. Evans. Philadelphia: Joseph Rakestraw, 1837. Vol. I. 223 p.

17. Grubb E. Social Aspects of Quaker Faith. L.: Headley Year published, 1899. 264 p.
18. Penn W. The People Called Quakers // Annals of America. Chicago, L., ets.: Encyclopedia Britannica, 1968. Vol. 1. P. 265–271.
19. Penn W. The Witness of William Penn. N.Y.: Macmillan, 1957. 205 p.
20. Quakerism in Seventeenth Century Massachusetts Bay. Westport (Conn.) L., 1985. 428 p.
21. Reay B. The Quakers and the English Revolution. N.Y.: St. Martin's Press, 1985. 184 p.
22. Russel E. History of Quakerism N.Y.: Macmillan, 1942. 616 p.
23. The Works of That Eminent Minister of the Gospel, Job Scott, Late of Providence Rhode Island. Philadelphia: John Comly, 1831. In 2 Vols. 426 p.
24. Wetherill Ch. History of The Religious Society of Friends Called Some The Free Quakers, in the City of Philadelphia. Philadelphia: Printed for the Society, 1894. 118 p.
25. William Penn's Letter to His Wife, Gulielma // Webb M. The Penns and Peningtons of the Seventeenth Century, etc. L.: F. Bowyer Kitto, 1867. P. 342.
26. William Penn To Margaret Fell (1682) // Webb M. The Penns and Peningtons of the Seventeenth Century, etc. L.: F. Bowyer Kitto, 1867. P. 344.

УДК 94(470.63).084.3

Э. Т. Головина

БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО В ПОЛИТИКЕ МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ СТАВРОПОЛЬЯ В 1920-е ГОДЫ

В статье автор обращается к проблеме реализации культурной политики большевиков на Ставрополье в 1920-е гг. Важнейшим компонентом культурной революции стало библиотечное дело, которое играло важную роль в деле формирования «нового человека», что доказывается изданием отдельных нормативно-правовых актов. Активизация библиотечного строительства в советской России была связана с пропагандистскими и просветительскими потребностями государ-

ства. На примере Ставрополья доказано, что централизация библиотечного дела не была завершена в 1920-е гг. Кроме того, для полноценной работы библиотек не хватало кадров. Тяжелая трудовая повседневность села оставляла библиотечное строительство на периферии интересов сельских властей и самих селян.

Ключевые слова: культурная революция, библиотечное дело, советское государство, история Ставрополья.

E. T. Golovina

LIBRARIES IN THE POLICY OF STAVROPOL LOCAL POWER IN 1920s

The article studies the problem of cultural policy as implemented by Bolsheviks in the Stavropol region in 1920s. One of the essential elements of Cultural Revolution was the library work which played a great role in forming a "new Soviet person". This could be proved by adoption of special normative legal acts. Activating library work in Soviet Russia was preconditioned by propaganda and education

needs of the state. By example of the Stavropol region, it is shown that centralization of library work was incomplete in 1920s. Efficient library activity required appropriate work staff. Heavy daily labor in the village left the development of library work on the periphery of the interests of the rural authorities and the villagers.

Key words: Cultural Revolution, library work, Soviet state, the history of the Stavropol region.

Масштабным социально-политическим проектом большевиков сразу же после прихода к власти стала «культурная рево-

люция». В. И. Ленин видел смысл всех советских культурных и образовательных институтов во внедрении коммунистической

идеологии, призванной воспитать новую, совершенную породу людей. Литературе отводилась функция пропаганды, о чем писал В. И. Ленин: «Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела, «колесиком и винтиком» одного-единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса. Литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, объединенной социал-демократической партийной работы» [20, с. 99–105].

Идеолог и теоретик пролеткульта А. А. Богданов писал о том, что борьба социализма сводится не только к противостоянию с капитализмом. Её творческая сторона виделась в «выработке социалистической пролетарской культуры» [2, с. 96]. Проводником этой новой культуры, по мнению лидеров большевизма, должно стать все культурное пространство: образовательные учреждения, музеи, театры, союзы писателей, художников и, конечно же, библиотеки во всем их многообразии. Однако надо заметить: несмотря на то, что именно библиотеки должны были стать рупором коммунистической пропаганды, в силу своей профессиональной специфики библиотеки во все времена независимо от политики власти оставались источником просвещения и духовного обогащения.

Новая культурная парадигма, намеченная советской властью, предполагала массовое восприятие новых политических и идеологических ценностей. Она составила основу стратегии власти в области воспитания и образования на весь советский период. Однако каждый этап советской истории имел свою специфику, что в полной мере относится и к истории библиотечного дела. В частности, можно выделить 1920-е гг. как самостоятельный период. С 1930-х гг. начался новый этап развития советской библиотечной системы, связанный с усилением идеологического давления и цензуры, что привело к беспрецедентным чисткам книжных фондов. Кроме того, в этот период окончательно складывается единая библиотечная сеть СССР. В значительной мере это разделение обуславливалось логикой развития советского государства.

Библиотечное дело было важнейшим компонентом как в деле ликвидации неграмот-

ности, так и в организации большевистской пропаганды. После октябрьского переворота 1917 г. впервые в истории России были образованы государственные органы руководства библиотеками. Это отражено в соответствующих нормативно-правовых актах того времени. Надо отметить, что в дореволюционной России библиотечная сфера находилась вне интересов правотворческих органов. Впервые такой акт был принят в 1918 г. Тогда Совнарком принял декрет «О постановке библиотечного дела» [19, с. 422]. Уже в 1919 г. в постановлении СНК в вину Народному комиссариату просвещения ставилась слабая забота о правильной постановке библиотечного дела [18]. 3 ноября 1920 г. был утвержден декрет «О централизации библиотечного дела в РСФСР» [17, с. 159–164]. Согласно этому документу все библиотеки связывались в единую систему и передавались в ведение Наркомата просвещения.

Кроме того, признавались необходимыми организация общественного пользования книгой и её доступность массам. В конце 1920 г. был организован Главный политико-просветительный комитет РСФСР при Наркомпросе (Главполитпросвет), в распоряжение которого передавались общедоступные библиотеки. Во всех этих документах подчеркивалось, что библиотеки в своей деятельности должны отдавать приоритет агитационно-пропагандистской работе. Вскоре при Главполитпросвете была образована Центральная межведомственная библиотечная комиссия (ЦБК). Это был высший библиотечный орган, руководящий процессом централизации библиотечной системы [1, с. 37].

Появление декрета «О централизации библиотечного дела» было первой, хоть и не вполне удачной, попыткой создания закона о библиотеках в советской России. Дело в том, что содержание закона носило явно пропагандистский характер и не предлагало конкретных механизмов построения библиотечной сети.

Советская культурно-просветительская политика в Ставропольской губернии стала реализовываться в полной мере лишь в 1920 г. после ухода белой армии. Так, в Ставропольской губернии в мае того же года проводилось обследование наличия книжного фонда, состояния и работы библиотек

в подведомственных учреждениях. Согласно сведениям, собранным Ставропольским Губернским Отделом Народного Образования (ГУБОНО) по учреждениям Ставрополя, библиотеки имелись лишь в некоторых государственных учреждениях (санитарно-эпидемиологический отдел, правление профсоюза работников юстиции) и включали в себя специальную литературу [13]. Тем не менее, работа по созданию библиотечной сети на местах уже велась, как свидетельствует докладная городского коммунального хозяйства о передаче книг библиотек Городской управы в ведение ГУБОНО [13].

В 1920 г. также было проведено обследование народных библиотек и училищ Ставрополя и Ставропольской губернии [15]. Благодаря этому местная власть получила информацию о положении библиотечного дела в губернии и положила начало взаимодействию с отделами образования и библиотеками. Сбор информации о ходе дел стал регулярным, заведующим библиотеками было вменено в обязанность вести специальную отчетную документацию, которая должна была предоставляться ежемесячно [8]. Библиотечная сеть строилась на базе прежних фондов. Например, уже к 1920 г. бывшая городская общественная библиотека была преобразована в Центральную Советскую народную библиотеку Ставропольской губернии.

Обследование проводилось на основе специальных анкет, содержание которых отражало стремление власти составить представление не столько о состоянии библиотек, об их насущных потребностях, о состоянии умов населения, особенно в связи с влиянием событий Первой мировой войны и революции 1917 г. Непосредственное отношение к жизни библиотек и их работников имели менее половины вопросов. Например, к таковым относились вопросы о дате открытия, о материальном положении библиотекарей, о количестве посетителей читальни [15].

Надо заметить, что идею о создании библиотечной сети высказывала еще до революции либеральная и земская общественность. Реорганизация на местах осуществлялась на основе планов, разработанных еще городскими и земскими органами самоуправления [1, с. 16]. Сеть библиотек

включала в себя центральную губернскую, центральную, городскую, районную, сельскую библиотеку, избы-читальни, библиотеки-передвижки. В сентябре 1920 г. в Медвеженском уезде Ставропольской губернии были созданы при каждой библиотеке советы, которые обеспечивали контроль отдельных организаций над ведением библиотечного дела. В перечень этих организаций, кроме отдела народного образования, входили местный партийный комитет, союз коммунистической молодежи, профсоюз, союз работников просвещения. Спектр полномочий совета был довольно широким: от проверки отчетов и смет до практического участия в работе библиотеки [10, л. 44–45 об.].

Большое значение в организации этой работы ставропольской библиотечной сети имело налаживание связи между районами и губернским центром [16, л. 133]. Зачастую ставропольским властям приходилось преодолевать не только инертность, но и сопротивление населения, особенно сельского. Об отсутствии энтузиазма в деле библиотечного строительства на местах свидетельствуют некоторые распоряжения ставропольских властей. Так Ставропольский уездный исполком в 1922 г. издал приказ, адресованный Спицевскому волысполкому, согласно которому категорически запрещалось «выселение библиотек кем бы то ни было» [5, л. 194]. Случаи выселения библиотек были типичным явлением местной повседневности, например, при покупке библиотечного помещения частным лицом. Под угрозой оказались здания, в которых библиотеки находились со времен земства [5, л. 194 об.].

Создание сети библиотек сопровождалось комплексом мероприятий по вовлечению в них населения, особенно сельского. Вся тяжесть этой работы была возложена на библиотекарей. ГУБОНО обязывало их принимать соответствующие меры по привлечению населения, кроме того именно они должны были «особенно заботиться об установлении тесной связи с политпросветом». Сотрудники библиотек-читален обязаны были наладить связи с местными органами власти и общественными организациями [6, л. 160 об.].

Еще одна сторона библиотечного строительства – кадровое обеспечение. В до-

революционной России не было практики подготовки библиотекарей. Инициатором создания первого библиотечного учебного заведения выступила Н. К. Крупская. В конце 1918 г. была открыта библиотечная семинария. Просуществовала она недолго – до 1920 г. С 1918 г. в стране было организовано несколько институтов внешкольного образования с библиотечными факультетами. Библиотечные кадры стали готовить некоторые педагогические институты. Вместе с тем система высшего образования была еще развита слабо, а библиотечных факультетов было и того меньше, поэтому кадров библиотечных работников не хватало. В связи с этим губернские отделы народного образования стали организовывать краткосрочные библиотечные курсы. Так, в 1921 г. на Ставрополье были организованы шестинедельные губернские курсы библиотекарей. Наряду с библиотечным делом, обучавшиеся на курсах осваивали политическую грамоту и изучали общеобразовательные предметы. На курсы делегировали преимущественно представителей рабоче-крестьянской среды. Правда, кадровый голод вынуждал власти делать поблажку для представителей «чуждого» социального происхождения [14].

Переподготовка библиотекарей велась и в кружках, организованных в библиотечном объединении. Их продолжительность была два с половиной месяца. Здесь также серьезное внимание уделялось ознакомлению с текущей политической ситуацией и усвоению библиотекарями курса политграмоты [11, л. 5 об.]. В 1926 г. власти вынуждены были констатировать, что проблема подготовки кадров не решена, почти все сотрудники работают по совместительству [12, л. 55], т. к. должность библиотекаря была низкооплачиваемой. Агитпропколлегия приняла постановление, запрещавшее совместительство. Однако оно не выполнялось, и совмещение работы имело массовые масштабы. На заседании коллегии агитпропа Ставропольского Округкома ВКП(Б) 30 марта 1926 г. его снова пришлось подтвердить [12, л. 55]. Подготовка кадров по-прежнему осуществлялась на уровне курсов, теперь окружных, и упор стал делаться на подготовку кадров для изб-читален.

С началом новой экономической политики была пересмотрена и система библиотечно-

го строительства. Российский библиотековед К. И. Абрамов отмечает её отрицательное влияние на развитие сети общедоступных библиотек [1, с. 39]. Государство вынуждено было пойти на сокращение финансирования политико-просветительских учреждений и перевести их на местные бюджеты [7]. Началась оптимизация библиотечной сети. В этой связи была выработана специальная инструкция о порядке сокращения, которая стала своего рода реакцией на то небрежное отношение к книгам. Фонды расхищались и распродавались и даже использовались в качестве бумаги для курения [7, л. 22]. На Ставрополье это была одна из причин отчаянного положения сельских библиотек, которые к тому же плохо снабжались литературой. Сложность финансового положения вынуждала изымать из местных запасов хлеб и выкупать марксистскую литературу в Москве [8, л. 25].

В итоге преобразований сети в годы НЭПа в 1924 г. на Ставрополье из 96 библиотек осталась 71 [16, л. 133]. В то же время идеологизированность и политизированность контекста всех большевистский преобразований требовала поддержания библиотечного дела на определенном уровне. Поэтому при оптимизации библиотечного дела работе библиотеки Ставропольского губернского комитета РКП (б) продолжали уделять большое внимание. Так на заседания коллегии агитпропа 13 августа 1921 г. было принято решение расширить штат библиотеки – пригласить второго сотрудника в качестве заместителя заведующего библиотекой. Кроме того, решили пополнить фонды закупкой новой литературы («Капитал» К. Маркса и политический словарь) и приступить к переизданию «Азбуки Коммуниста» и «Первого букваря Коммуниста» [14, л. 15].

Новая экономическая политика разбалансировала всю библиотечную работу. Кризис преодолевался медленно. Вплоть до второй половины 1920-х гг. признаков улучшения ситуации не было, в том числе и на Ставрополье. На аграрном Ставрополье библиотечное строительство и до введения НЭПа было осложнено. Сокращение кадров на местах, их частая смена приводила к полной безответственности за сохранность библиотечных фондов [3]. Только в 1926 г. на заседании агитпропа Ставропольского округкома ВКП

(б) было принято постановление об увеличении выделяемых средств на сельские библиотеки и библиотеки-передвижки. Кроме того, было принято решение о расширении сети библиотек-передвижек [12, л. 55].

Сложности культурно-просветительской работы, включая библиотечное дело, были связаны с отсутствием взаимодействия между различными должностными лицами, работавшими в этой сфере, особенно в селах, а также непрофессионализм культурных работников. Губернские власти констатировали частные столкновения и конфликтные ситуации, следствием которых была дезорганизация культурно-просветительского движения [8, л. 23]. Местная власть пыталась разграничить и разъяснить функции уполномоченного уездного отдела народного образования, заведующего волостным политпросветпунктом, члена волысполкома – «культурника». Возглавлял всю работу на уровне волости уполномоченный УОНО, заведующий волполитпросветпунктом находится в его подчинении и руководил библиотекой, избами-читальнями и т. д., член волостного исполкома следил за материальным благосостоянием всех культурно-просветительских учреждений.

Аграрная специфика региона повлияла и на расстановку акцентов в культурной политике ставропольских властей. Библиотеки более регулярно стали снабжаться сельскохозяйственной литературой, а агрономы должны были проводить беседы с колхозниками о необходимости изучения таких книг [4, л. 43]. Эта специализированная литература должна была отражать климатические и почвенные условия округа. С большей интенсивностью стали организовываться передвижные избы-читальни для колхозов-коммун, сезонных рабочих и населения, занятого на полевых работах [4, л. 19]. Вторая группа литературы носила явно пропагандистский характер, т. к. разъясняла необходимость коллективизации и формы организации труда в колхозе [4, л. 5].

В директивах краевой партийной организации подчеркивалось особое значение библиотечной работы в колхозах. Краевой библиотечный центр и Крайколхозсоюз призывали библиотекарей устраивать среди селян громкие читки книг, газет и журналов с последующим обсуждением прочитанного.

В целом от сотрудников стали требовать большего разнообразия форм работы. «Особенно хорошо применима форма работы – это прогулка... На месте прогулки затеваются игры, желательны в начале те, которые наиболее употребляемые в данной местности. Потом, когда эти игры начнут надоедать нужно, заменит новыми ещё не вошедшими в обычай. После чтения не должно длиться более 10–15 мин.» [9, л. 101]. Контроль над работой сельских библиотек должно было осуществлять правление колхозов. Библиотечное строительство в большевистской России было тесно связано с политикой ликвидации неграмотности, начало которой положил декрет Совнаркома «О ликвидации безграмотности в РСФСР» от 26 декабря 1919 г. Во всех городах и селах были созданы Чрезвычайные комиссии по ликвидации неграмотности. В этом деле стратегически важными в аграрных регионах были избы-читальни. Отчет Ставропольского окружного политпросвета свидетельствует, что к 1924 г. в округе было 132 избы-читальни, а библиотек – всего 40. В Ставрополе насчитывалось 10 библиотек, а изб-читален в 5 раз больше. По сравнению с библиотеками на избы-читальни выделялось больше средств. Так, согласно плану Ставропольского окружного отдела народного образования на 1929–1930 гг. из государственного бюджета на избы читальни выделялось 223 509 руб., а на библиотеки – 20 000 рублей.

Одной из главных задач работников читален стало привлечение в них читателей. В условиях формирования новой власти и новой бюрократии мотивационным фактором стала справочная работа читален, которая была мостиком между внешкольной и школьной работой. В местной печати можно было встретить такие рекомендации: «Как добиться, чтобы избы-читальню посещал крестьянин, большой реалист и к вам он не пойдет просто послушать. Он придет к вам за справкой, которая вызывается какой-либо необходимостью, придет узнать полезное для себя дело. Начинайте со справочной работы» [21, с. 75]. На низовом уровне сельские власти часто сами не содействовали культурно-просветительской работе. Жители села Грачевского негодовали по поводу равнодушия сельского совета: «В селении

Грачевском Ставропольского района, в помещении, принадлежащем частному домовладельцу, приютилась изба-читальня. Полуразрушенная хата, без столов и скамеек, с побитыми окнами, ободранными стенами, постоянно грязная, не привлекает читателей-крестьян. Библиотека при избе-читальне посещается крайне редко и в будничные дни на замке... А ну-ка, Сельсовет, повернись-ка лицом к «избе-читальне!» [22, с. 19].

Таким образом, с утверждением советской власти активизировалось библиотечное строительство. Советская библиотека была призвана выполнять как культурно-просветительскую функцию, так и пропагандистскую. Высокая степень значимости данного культурного института для новой власти подтверждается созданием отдельной системы управления и нормотворчеством. На Ставрополье активная работа созданию библио-

течной сети началась с 1920 г. Изучение ситуации на локальном уровне показало, что в 1920-е гг. централизация не было завершена. Во-первых, новая экономическая политика потребовала перераспределения средств, и на библиотечное дело стало выделяться меньше средств. Во-вторых, существовала проблема нехватки кадров. Следует учитывать и аграрную специфику Ставрополья, так как тяжелая трудовая повседневность оставляла библиотечное строительство на периферии интересов сельских властей и самих селян. Вместе с тем проводимая работа не была безрезультатной, знакомство с центральной и местной прессой, регулярные мероприятия, усилия работников культурно-просветительских учреждений по привлечению населения к литературе постепенно меняли культурный облик села.

Источники и литература

1. Абрамов К. И. История библиотечного дела в России. М.: Либерия, 2001. 160 с.
2. Богданов А. О пролетарской культуре 1904–1924. Л.: Книга, 1924. 344 с.
3. Гаврилов И. Наше внимание книге // Ставрополье. 1924. № 4.
4. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф.Р. 602. Оп. 1. Д.17.
5. ГАСК. Ф. 330. Оп.1. Д.19.
6. ГАСК. Р–164. Оп. 1. Д. 566.
7. ГАСК. Р.Ф–164. Оп.1. Д. 358.
8. ГАСК. Р.Ф.164. Оп.1. Д. 588.
9. ГАСК. Р.Ф.300. Оп.1. Д. 437.
10. ГАСК. Ф. 1026. Оп.1. Д. 8.
11. ГАСК. Ф. 300. Оп.1. Д. 395.
12. ГАСК. Ф. Р.300. Оп.1. Д. 412.
13. ГАСК. Ф.164. Оп.1. Д. 59.
14. ГАСК. Ф.Р. 164. Оп. 1. Д. 371
15. ГАСК. Ф.Р. 164. Оп.1. Д. 123.
16. ГАСК. Ф.Р. 300. Оп.1. Д. 392.
17. Декрет «О централизации библиотечного дела в РСФСР» // Декреты Советской власти. Том XI. Октябрь–ноябрь 1920 г. М.: Политиздат, 1983. С. 159–164.
18. Известия.1919. № 11. (17 января)
19. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 36. М.: Издательство политической литературы, 1969. 742 с.
20. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 36. М.: Издательство политической литературы, 1967. 658 с.
21. Малиночка В. Справочная работа и очередные задачи изб-читален в наших селах // Ставрополье. 1924. № 10.
22. На местах // Ставрополье. 1925. № 10.

References

1. Abramov K. I. Istoriya bibliotchnogo dela v Rossii (*The history of library work in Russia*). Moscow: Liberiya, 2001. 160 p. (In Russian).
2. Bogdanov A. O proletarskoi kul'ture 1904–1924 (*On Proletarian Culture 1904–1924*). Leningrad: Kniga, 1924. 344 p. (In Russian).
3. Gavrilov I. Nashe vnimanie knige (*Our attention to the book*) // Stavropol'e. 1924. No. 4. (In Russian).

4. State Archive of the Stavropol Territory (GASK). F.R. 602. Inv. 1. D.17. (In Russian).
5. GASK. F.330. Op.1. D.19. (In Russian).
6. GASK. R-164. Op. 1. D. 566. (In Russian).
7. GASK. R.F-164. Op.1. D.358. (In Russian).
8. GASK. R.F.164. Op.1. D.588. (In Russian).
9. GASK. R.F.300. Op.1. D.437. (In Russian).
10. GASK. F. 1026. Op.1. D.8. (In Russian).
11. GASK. F. 300. Op.1. D.395. (In Russian).
12. GASK. F. R.300.Op.1. D.412. (In Russian).
13. GASK. F.164. Op.1. D.59. (In Russian).
14. GASK. F.R. 164. On 1. D.371. (In Russian).
15. GASK. F.R. 164. Op.1. D.123. (In Russian).
16. GASK. F.R. 300. Op.1. D.392. (In Russian).
17. Dekret «O tsentralizatsii bibliotchnogo dela v RSFSR» (*Decree «On the centralization of library science in the Russian SFSR»*) // Dekrety Sovetskoi vlasti (*The decrees of the Soviet power*). Vol. XI. October-November 1920. Moscow: Politizdat, 1983. P. 159–164. (In Russian).
18. Izvestiya. 1919. No. 11. (In Russian).
19. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii (*Complete edition*). Vol. 36. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1969. 742 p. (In Russian).
20. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii (*Complete edition*). Vol. 36. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1967. 658 p. (In Russian).
21. Malinochka V. Spravochnaya rabota i ocherednye zadachi izb-chitalen v nashikh selakh (*Background work and the immediate tasks of village reading rooms in our villages*) // Stavropol'e. 1924. No. 10. (In Russian).
22. Na mestakh (*In places*) // Stavropol'e. 1925. № 10. (In Russian).

УДК 94 (470+571) «18»

О. Б. Емельянов, Ю. Ю. Клычников

ОСОБЕННОСТИ ЗАНЯТИЯ ШЕЛКОВОДСТВОМ В КАЗАЧЬИХ СТАНИЦАХ ТЕРСКОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ В 1830-х гг.

В статье на основе свидетельств современников и архивных документов раскрываются причины, по которым произошло сокращение объемов выработки шёлка в казачьих общинах Терского левого бережья в 30-х гг. XIX в. Показаны динамика этого процесса и попытки властей исправить ситуацию. Научная новизна представленной работы заключается в том, что благодаря введению в научный оборот неиспользованных архивных данных, авторы конкретизируют статистические сведения, связанные с разведением тутовых деревьев, уточняют количество полученного шёлка. Акцентируется внимание на тех труд-

ностях, с которыми пришлось столкнуться казакам, втянутым в военно-политическое противостояние на Северном Кавказе. Они отвлекали трудоспособное население от решения хозяйственных задач, не позволяли эффективно заниматься шелководством, которое требовало узкой специализации. Сыграли свою роль и неблагоприятные климатические условия.

Ключевые слова: Шёлк, плантации, станицы, военно-политическая ситуация, погодные условия, производство, тутовые деревья, ярмарка.

O. B. Emel'yanov, Yu.Yu. Klychnikov

SOME FEATURES OF SILK PRODUCTION PRACTICE IN COSSACK VILLAGES OF THE TEREK LEFT BANK IN 1830s

The article, which is based on the evidence of contemporaries and archives, studies the reasons for reduction of silk output in Cossack's communities of the Terek left bank in the 30s of the XIX century. The dynamics of the process and attempts of authorities to correct the situation are shown. The scientific novelty of the work is in the reference to archives, which have not been previously used. The authors specify statistic information connected to cultivation of mulberry trees and the quantity of the produced silk. The emphasis is made on

the difficulties faced by the Cossacks during military and political opposing on the North Caucasus. Those challenges distracted the able-bodied population from tackling household tasks and prevented from being engaged in silk-worm breeding effectively since it demanded specialization. Unfavourable climatic conditions also played their role.

Key words: silk, plantations, villages, military-political situation, weather conditions, production, mulberry trees, fair.

Начиная с XVIII в. стремительно развивающаяся отечественная промышленность была крайне заинтересована в получении качественного шёлка во всё возрастающем объеме. По этой причине Правительствующий Сенат предпринимал небезуспешные меры по расширению отечественного шелководства в южных регионах страны, особенно на Северном Кавказе. Стремительному распространению шелкопряда на левобережье Терека способствовали не только благоприятные климатические условия, которые «не

уступали районам шелководства, даже Закавказья» [10, с. 11], но и обилие растущих «диких шелковичных деревьев» [1, с. 23].

Вскоре Кизлярский уезд вместе с ближайшими казачьими поселениями стал главным центром шелководства. Так, в трех станицах Терско-Семейного войска в 1825 г. находилось 5 952 туовиц, в пяти станицах Гребенского войска – 6 865 и в шести станицах Моздокского полка – 21 435 шелковиц, посаженных с 1798 г., а всего 34 252. К 1827 г. их количество увеличилось в терско-семейных

и моздокских общинах, в первую очередь за счет «отводков дички лесной и прочего» до 7 369 и 22 336 штук. В гребенских станицах осталось только 4 437 шелковиц, не считая еще более старых деревьев, проходивших в отчётах отдельной строкой. При этом необходимо отметить, что определенная часть тузовиц погибала, и казацкие семьи постоянно занимались посадкой новых отростков, в том числе «сеянцев», что и нашло свое отражение в ежегодных «Ведомостях о шелководстве в Кавказской области» [4, л. 7 об. – 8, 32 об. – 33, 61 об. – 62, 85 об. – 86].

С этого количества тузовых деревьев в 1825 г. жители терско-семейных станиц получили 4 пуда 9 фунтов только шёлка-сырца, гребенцы намотали 2 пуда и $8\frac{3}{4}$ фунтов шёлка-сырца и 2 пуда $38\frac{3}{4}$ фунтов хлопчатого шёлка; итого 5 пудов $7\frac{1}{2}$ фунтов. В моздокских станицах собрали $21\frac{1}{2}$ фунтов сырца и 2 пуда 39 фунтов хлопчатого; итого 3 пуда $20\frac{1}{2}$ фунтов, а всего в трех казачьих подразделениях – 12 пудов 37 фунтов шёлка. В 1827 г. терско-семейные казаки получили уже 28 пудов 36 фунтов сырца, гребенцы – 2 пуда 23 фунта шёлка-сырца и 4 пуда 23 фунта хлопчатого шёлка; итого 7 пудов 6 фунтов, моздокцы – 1 пуд 11 фунтов и 1 пуд 6 фунтов; итого 2 пуда 17 фунтов, а всего 38 пудов 19 фунтов шёлка [4, л. 7 об. – 8, 32 об. – 33, 61 об. – 62, 85 об. – 86]. Только за два года жители притеречных общин увеличили сбор шёлка более чем в три раза, особенно заметно это в терско-семейных станицах. Гребенцы также добились прибавления почти на 2 пуда, в отличие от моздокских, где казацкие семьи, несмотря на то, что добились определенных успехов в выработке шёлка-сырца, несколько сократили поставку на рынок хлопчатого шёлка. Однако наличие более 20 000 тысяч разведённых тузовых деревьев в среднем течении Терека позволяет судить о дальнейших перспективах шелководства и в Моздокском казачьем полку. Но сложившаяся военно-политическая обстановка в северокавказском регионе кардинальным образом изменила ситуацию и внесла свои коррективы.

На рубеже 20–30-х гг. XIX в. основное внимание военного командования было сосредоточено на решении внешних военно-политических задач. Командующий Отдельным Кавказским корпусом граф И. Ф. Паскевич не придавал должного значения агрессивным

действиям Кази-муллы (Гази-Мухаммеда) в нагорном Дагестане, считая их попыткой религиозного духовенства укрепить свое ослабевшее влияние на горские народы. Пассивность, непоследовательность принимаемых решений, упоенность блестящими победами над двумя сильными азиатскими державами (Персией и Турцией) привели к тому, что массовые выступления северокавказских горцев в 1830 г. по своей значимости приравнивались дореволюционной историографией к грозному стихийному бедствию (землетрясению) и заразной болезни (холере) [2, с. 145].

Несмотря на то, что жители старожильческих станиц Терского левобережья в течение предыдущих десятилетий планомерно занимались разведением тузовых плантаций и выделыванием шёлка, занятость мужского населения из-за резкого обострения военно-политической ситуации была таковой, что практически не оставалось времени для дальнейшего развития мирных отраслей производства. И если в 20-е гг. позапрошлого столетия во внутренние российские губернии, в том числе на московские мануфактуры и Макарьевскую ярмарку, отправлялось главным образом из Кизлярского округа от 500 до 600 пудов качественного шёлка, то в последующее время 200 пудов считалось весьма приемлемым результатом.

Помимо неблагоприятной обстановки, связанной с ведением перманентных военных действий в обширном регионе, коррективы в хозяйственную деятельность терско-гребенского казачества вносили и неблагоприятные погодные условия. Так, в 1834 г. после сильнейшей засухи предыдущего года по всей Кавказской области погибло 106 000 шелковичных деревьев. По этой причине основная выработка северокавказского качественного шёлка вновь пришлось на Кизлярский уезд, цена на него в г. Кизляре доходила от 10 руб. до 10 руб. 75 коп. за фунт. За шёлк же, полученный в казачьих станицах Восточного Предкавказья, платили значительно меньше, а именно – от 6 руб. 50 коп. до 8 руб. 50 коп. за фунт [15, с. 58–59].

В следующем 1835 г. почти всю весну и большую часть летних месяцев шли продолжительные дожди с пронзительными северными ветрами, поэтому большое количество шелковичных червей погибло от холода, даже те, «которые уже начали делать свои коконы». По этой причине шёлка было полу-

чено всего 180 пудов, но цена на него практически не изменилась. В казачьих станицах по Тереку лучший шёлк продавался на месте от 7 руб. до 8 руб. 50 коп. Как и прежде, он отправлялся в Москву, Нижний Новгород, Астрахань, Нахичевань и другие промышленные центры страны. А «толстомотанный шёлк» (некачественный. – прим. авт.) оставался на месте для собственных нужд или шёл в незначительном количестве «на продажу и на обмен в аулы кочующих народов» [9, с. 27–28], главным образом, в соседние карангайские селения.

В 1836 г. кавказский инспектор над шелководством совершил долговременную ознакомительную поездку по селениям Кавказской области, в ходе которой посетил и территорию Моздокского казачьего полка. Обнаруженные нарушения и меры по их немедленному устранению были подробно записаны в путевой журнал. Так, в самой крупной станице полка – Наурской – предполагалось «землю весной перекопать, сделать ограду, сарай выстроить в 20 сажень длины, 2,5 ширины и 4 аршины вышины (42,67 м × 5,33 м × 2,84 м. – прим. авт.) с двумя обыкновенными величинами дверьми и через каждые 2 сажени по окошку в 1,5 аршина вышины и 1 ширины с ставнями, одно против другого». В соседней станице Ищёрской шелковичный сад оказался в хорошем состоянии, но отсутствовал добротный деревянный сарай для содержания шелкопряда. В станице Стодеревской общественный сад оказался в крайне запущенном состоянии и не имел прочного ограждения, земля также не была перекопана и заросла сорняками. В станице Галюгаевской шелковичные деревья должным образом не окапывались и не подчищались, а весь сад не имел надежного штaketника. Также в станицах Наурской и Галюгаевской, ко всему прочему, предполагалось незамедлительно «смотрителя выбрать благонадежного» из уважаемых жителей [4, л. 5, 10].

Копия путевого журнала инспектора над шелководством в июне 1837 г. была направлена в Штаб войск, расположенных на Кавказской линии и Черномории. На это пришел раздражённый ответ за подписью председателя Кавказского областного управления генерал-лейтенанта М. М. Таубе, в котором в категоричной форме настоятельно рекомендовали «...на будущее время требованиями по этому предмету до казачьих ста-

ниц относящихся сообщать прямо от себя по принадлежности в Штаб здешних войск» [4, л. 13, 14 об. – 15]. Одновременно инспектор над шелководством письменно обратился и в гражданские инстанции края, напоминая чиновникам на местах, что «Высочайшим манифестом от 22 августа 1826 г. 13-м пункте § 8-м хотя и отменено взыскание пени за не разведение шелковиц, но обязанность сажать таковые продолжается». Местная администрация сделала соответствующие выводы и уже в ноябре того же года разослала подробные предписания городской, земской полиции и Моздокскому отдельному заседателю. Должностным лицам вменялось, «чтобы они за шелковичными заведениями и выработкой шелка... имели должный надзор... и всегда все замечания, какие будут преподоваемы инспектором шелководства, исполняли, безусловно, со всевозможною рачительностью» [4, л. 18–18 об.].

Правительственные чиновники, отвечающие за шелководство в северокавказском регионе, беспокоились не зря, так как в конце 30-х гг. разведение шелкопряда в казачьих станицах по Тереку заметно уменьшилось. Из донесений главного инспектора над шелководством в России Х. Х. Стевена в Министерство Государственных имуществ известно, что в 1838 г. в Кизлярском (за два года до этого все станицы вокруг г. Кизляра были объединены в одно подразделение) и Гребенском казачьих полках было получено всего 6 пудов 20 фунтов шёлка, стоимость которого достигала в экономическом центре края 11 руб. 50 коп. за фунт. И если в г. Кизляре в это время получили около 170 пудов, то в г. Моздоке и окрестных казачьих станицах «выделано шёлка близ 7 пудов, который продавался на месте по 11 руб. фунт» [17, с. 25].

Сокращение объёмов производства шёлка происходило не только в казачьих станицах, но и по всему степному Предкавказью. Об этом говорит и тот факт, что уже в 1834 г. после гибели от продолжительной засухи 106 000 шелковичных деревьев в Кавказской области, вновь их высадили около 50 000 [15, с. 58]. В 1835 г. было высажено ещё меньше – 23 500 деревьев [9, с. 63], а в 1838 г. вновь посадили примерно 6 000 шелковиц [7, с. 31]. В результате с начала десятилетия к 1837 г. количество тутович в беспокойном крае сократилось на 550 935 штук [5, л. 12 об.], что свидетельствует о по-

степенном угасании мирной отрасли производства в северокавказском регионе.

Приведённые материалы из периодической печати того времени наглядно демонстрируют, что основная масса произведенного шёлка в левобережных станицах приходилась на жителей старейших полков Кавказского Линейного казачьего войска. В 1839 г. у терско-семейных казаков насчитывалось 3 529 [14, л. 46 об., 70 об., 87], а у гребенских 18 558 шелковиц [12, с. 474–490]. Необходимо отметить, что в специально подготовленном документе для министерства, озаглавленном «Краткие сведения об успехах шелководства, виноградарства, садоводства и прочих хозяйственных заведений в Кавказской области за 1839 г.» говорится, что «шелковичные плантации постепенно и, как замечено, год от году увеличиваются не столько в некоторых местах Кавказской области, сколько преимущественно в городе Кизляре и окрестных станицах. Весной 1839 г. вывелось шелковичных червей менее прошлогоднего, как по причине поздней весны, так и бывших 1, 10, 26, 27, 28 марта морозов» [6, л.126].

Однако, помимо сугубо природно-климатических причин, радужные перспективы возрождения данной отрасли производства были нарушены всё нарастающими тревожными событиями на левом фланге Кавказской линии. Так, в своем подробном рапорте о хозяйственном положении станиц от 2 мая 1839 г. командир Гребенского казачьего полка, признавая несомненную пользу от шелководства, обращал внимание вышестоящего командования на катастрофическую нехватку у большинства его подчиненных времени на кормление шелкопряда и делания шёлка [8, с. 33]. В дальнейшем ротмистр граф Стенбок прямо указывал, что «при настоящем положении полка, всякая общественная работа ... не только бесполезная, но даже вредная, ибо она отвлекает казаков от собственных необходимых работ». Боевой офицер судил с точки зрения военного и понимал, что его главная задача заключалась в охране кордонной линии от систематических набегов и разорительных прорывов северокавказских горцев вглубь российских территорий. Для станичников же, непомерно обременённых военной службой и выполнением многочисленных государственных повинностей, необходимо было время для самых важных хозяйственных дел, чем, по

его мнению, являлись сбор и переработка урожая виноградных садов [8, с. 33].

С подобным мнением был полностью согласен и командир Кизлярского казачьего полка майор Ульяновский. Незадолго до своей трагической кончины прикомандированный кавалерийский офицер в своем специальном рапорте в «Комитет, учрежденный для составления положения об управлении Кавказского Линейного казачьего войска» на имя председателя генерал-майора Халанского писал, что «жители станиц шелководством заниматься не могут и не имеют времени по трудным полевым работам» [11, с. 345].

Аналогичная ситуация сложилась и в станицах Моздокского казачьего полка, где большинство трудоспособных казаков постоянно находились на круглосуточной охране протяженного кордона [13, л. 6–6 об.], были задействованы в кровопролитных сражениях с отрядами чеченцев Ташев-Гаджи, многомесячной осаде и штурме каменного замка Ахульго в дагестанских горах [16, л. 9 об.]. Остальная часть казачества, включая заслуженных ветеранов и подростков, была привлечена для выполнения различного рода натуральных повинностей, которые с обострением военно-политической ситуации в Восточном Предкавказье с каждым годом всё более возрастали.

Таким образом, материалы современников, опубликованные в центральных периодических изданиях того времени и сохранившиеся документы в архивохранилищах страны, свидетельствуют, что в 30-х гг. XIX в. в казачьих станицах Восточного Предкавказья шло стремительное и повсеместное сокращение производства шёлка. Это в первую очередь связано с обострением военно-политической ситуации в северокавказском регионе и занятостью подавляющей части населения на всевозможных оборонительных мероприятиях. Во-вторых, главной заботой всех казачьих семей Терского левобережья без исключения являлось получение хоть какого-нибудь урожая зерновых культур или же приобретение хлеба на стороне за счёт продажи винодельческой продукции, цены на которую значительно сократились. И, в-третьих, неблагоприятные погодные условия в середине десятилетия существенно повлияли на количество шёлковых деревьев, что негативно отразилось на развитии всей отрасли в Предкавказских степях.

Источники и литература

1. Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М.: Типография С. Селивановского, 1823. 465 с.
2. Волконский Н. А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 год в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. 1887. Т. XI. С. 3–224.
3. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 79. Оп. 1. Д. 342.
4. ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 2020.
5. ГАСК. Ф. 79. Оп. 2. Д. 489.
6. ГАСК. Ф. 79. Оп. 2 Д. 552.
7. Заблоцкий А. О шелководстве в юго-восточной России, по сю сторону Кавказа // Отечественные записки за 1839 год. Т. IV. (Отд. 5). С. 2–12.
8. Исторические сведения о Гребенском казачьем полку // Сборник общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1912. № 4. С. 27–54.
9. Краткие известия об успехах шелководства, виноделия и садоводства в полуденных губерниях России, за 1835 год // Журнал министерства внутренних дел (далее – ЖМВД) за 1836 год. Ч. XX. С. 27–64.
10. Описание Кавказского шелководства // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1891. Вып. 11. С. 1–320.
11. Пономарёв Ф. Материалы для истории Терского казачьего войска с 1559 по 1880 год // Военный сборник. 1880. Т. CXXXVI. № 12. С. 335–354.
12. Попко И. Д. Терские казаки со стародавних времен. Гребенское войско. Вып. 5. (Репр. изд. 1880 года). Нальчик: ИЦ Эль-фа, 2001. 527 с.
13. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 13454. Оп. 5. Д. 154.
14. РГВИА. Ф. 14719. Оп. 2. Д. 531.
15. Успехи шелководства, садоводства и разведения искусственных растений в полуденных странах России (из отчета Х. Х. Стевена) // ЖМВД за 1835 год. № 4. С. 57–68.
16. Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания. Ф. 3. Оп. 1 Д. 63.
17. Шелководство, виноделие и садоводство южных губерний России в 1838 году (из отчета Х. Х. Стевена) // Отечественные записки за 1839 год. Т. IV. Отд. 5. С. 25–50.

References

1. Bronevskij S. M. Novejšie geograficheskie i istoricheskie izvestija o Kavkaze (*Recent geographical and historical news of the Caucasus*). Moscow: S. Selivanovskii Publ., 1823. 465 p. (In Russian).
2. Volkonskij N. A. Vojna na Vostochnom Kavkaze s 1824 po 1834 god v svjazi s mjuridizmom (*The war on the Eastern Caucasus from 1824 to 01834 in connection with the Muridism*) // Kavkazskij sbornik. 1887. Vol. XI. P. 3–224. (In Russian).
3. State archive of the Stavropol region (GASK). F. 79. Inv. 1. D. 342. (In Russian).
4. GASK. F. 79. Inv. 1. D. 2020. (In Russian).
5. GASK. F. 79. Inv. 2. D. 489. (In Russian).
6. GASK. F. 79. Inv. 2 D. 552. (In Russian).
7. Zablockij A. O shelkovodstve v jugo-vostochnoj Rossii, po sju storonu Kavkaza (*About sericulture in southeastern Russia, on this side of the Caucasus*) // Otechestvennye zapiski za 1839 god. Vol. IV. (Sec. 5). P. 2–12. (In Russian).
8. Istoricheskie svedenija o Grebenskom kazach'em polku (*Historical information about Greben Cossack regiment*) // Sbornik obshhestva ljubitelej kazach'ej stariny. 1912. No. 4. P. 27–54. (In Russian).
9. Kratkie izvestija ob uspehah shelkovodstva, vinodelija i sadovodstva v poludennyh gubernijah Rossii, za 1835 god (*Brief news about the success of sericulture, winemaking and horticulture in the provinces of the south of Russia for 1835*) // Ministry of Internal Affairs Magazine (ZhMVD). 1836. Part XX. P. 27–64. (In Russian).
10. Opisanie Kavkazskogo shelkovodstva (*Caucasian Description of sericulture*) // Sbornik materialov dlja opisanija mestnostej i plemjon Kavkaza (*The collection of materials for the description of places and tribes of the Caucasus*). Tiflis: Printing the Vicar General of the Office of the Caucasus, 1891. Issue. 11. P. 1–320. (In Russian).
11. Ponomarjov F. Materialy dlja istorii Terskogo kazach'ego vojska s 1559 po 1880 god (*Materials for the history of the Terek Cossack Army from 1559 to 1880*) // Voennyj sbornik. 1880. Vol. CXXXVI. No. 12. P. 335–354. (In Russian).
12. Popko I. D. Terskie kazaki so starodavnih vremen. Grebenskoe vojsko (*Terek Cossacks from ancient times. Grebenskaya army*). Issue. 5. Nal'chik: Jel'-fa Publ., 2001. 527 p. (In Russian).
13. Russian State Military History Archive (RGVIA). F. 13454. Inv. 5. D. 154. (In Russian).
14. RGVIA. F. 14719. Inv. 2. D. 531. (In Russian).
15. Uspеhi shelkovodstva, sadovodstva i razvedenija iskusstvennyh rastenij v poludennyh stranah Rossii (iz otcheta H. H. Stevena) (*The success of sericulture, horticulture and cultivation of artificial plants in the countries of the south of Russia. (From H. Steven's report)*) // ZhMVD. 1835. No. 4. S. 57–68. (In Russian).

16. Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania (CGA RSO-A). F. 3. Inv. 1 D. 63. (In Russian).
 17. Shelkovodstvo, vinodelie i sadovodstvo juzhnyh gubernij Rossii v 1838 godu (iz otcheta H. H. Stevensa) (*Sericulture, horticulture and viticulture southern provinces of Russia in 1838. (From H. Steven's report) // Otechestvennye zapiski. 1839. Vol. IV. (Sec. 5). P. 25–50. (In Russian).*

УДК 94(470.63).084.8

Э. В. Карапетян

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ)

В статье обосновывается повышенный уровень научного интереса региональных ученых к проблемам повседневной жизни населения, показана их многогранность, а также продемонстрированы концептуальные и методологические возможности объективного исследования данной тематики в современных условиях. В этом контексте особого внимания, по мнению автора, заслуживает территориальный аспект военной повседневности, который дает возможность выявления региональных особенностей ее проявления в сложных социально-политических услови-

ях. Автор акцентирует внимание на том, что именно российские регионы являлись источником массового патриотизма и трудового героизма, что подтверждает актуальность и научную значимость исследуемой проблемы. Новизна работы видится в рассмотрении повседневности гражданского населения тыловых районов через призму системы жизнеобеспечения локального общества.

Ключевые слова: военная повседневность, быт, трудовая деятельность, локальные сообщества, мотивы поведения, общественное сознание.

E. V. Karapetyan

TERRITORIAL ASPECT OF WARTIME DAILY LIFE PROBLEM IN REGIONAL RESEARCH PRACTICE (BY THE EXAMPLE OF THE STAVROPOL REGION)

The article explains the increased level of scientific interest of regional scientists to the problems of everyday life, showing their versatility as well as conceptual and methodological possibilities of objective research on this topic in the modern world. In this context, special attention, according to the author, deserves the territorial wartime aspect of everyday life, which makes it possible to identify regional features of its manifestation in complex socio-political environment. The

author focuses on the fact that Russian regions were the source of mass labor of patriotism and heroism, which confirms the relevance and scientific significance of the research problem. The novelty of this work lies in considering the daily life of the civilian population in the rear areas through the prism of the life support systems of the local society.

Key words: wartime daily life, way of life, labor activity, local associations, motives of behavior, social consciousness.

Повседневность общества, различных социальных и локальных групп населения как проблема исследования в отечественной истории появилась сравнительно недавно. Фактически до конца советского периода

считалось, что жизнь народа на различных этапах общественной эволюции подчинена одной цели – строительству социализма и в этом смысле не требует какого-либо научного обоснования. Что касается периодов

социально-политической напряженности, к которым относится прежде всего Великая Отечественная война, то повседневные будни людей представлялись исключительно как героический труд тыла, обеспечивающий победоносную борьбу Красной Армии против агрессоров. С этим трудно не согласиться, тем не менее, сегодня проблема повседневности рассматривается учеными как многогранное понятие с насыщенным содержанием и сложной структурой. Соответственно, для ее изучения выделяется целый ряд общенаучных и специальных методов, что означает, в первую очередь, наличие у повседневности предметного поля, динамических характеристик и других признаков ее принадлежности к историческому процессу [23, с. 3–19].

Речь идет главным образом о событийной истории, в рамках которой повседневность отличается от обычного быта, поскольку в ней отражается все то, что происходит вокруг простых людей, их реакция на реальные политические, экономические, социальные и другие процессы. Однако эти процессы совершенно по-иному интерпретируются в контексте рассмотрения повседневности, дополняясь чаще всего субъективными характеристиками и оценками, но, не утрачивая при этом своей сущности. Особую значимость это отличие повседневности от быта приобретает при рассмотрении жизни различных категорий населения в периоды высокой социально-политической напряженности, в частности, революций, войн и т. п. В исторической науке эта проблема была актуализирована в начале 1990-х годов, и по сей день она занимает достаточно объемный сегмент современной отечественной историографии. Расширению интереса к военной повседневности способствует существующая на сегодняшний день репрезентативная источниковая база, создающая новые возможности для реализации исследовательских замыслов. Это обстоятельство еще больше расширяет трактовку понятия «повседневность», которое охватывает не только обыденность жизни, но и социокультурные, политические, этно-конфессиональные и другие проблемы [24, с. 93–113]. В современной исследовательской практике в рамках проблемы повседневности, кроме быта и условий жизни, ученые часто рас-

сматривают восприятие и отношение людей к тем или иным событиям, нормы и мотивы поведения в экстремальных ситуациях, различные уровни взаимодействия и т. п.

Что касается военной повседневности, то связанная с ней тематика находится в стадии формирования и нуждается в научной разработке прежде всего в силу своей многогранности и необходимости создания единой концептуальной основы для ее раскрытия. Сегодня в этой области все еще господствует методологический плюрализм. Зачастую исследователи традиционно ориентируются на описание бытовых проблем, упуская из вида общественную и трудовую деятельность людей, влияние внешних обстоятельств на их поведение, коммуникации и формы самовыражения.

В этом контексте особого внимания заслуживает территориальный аспект проблемы военной повседневности, который дает возможность выявления региональных особенностей повседневности, прочувствовать специфику ее проявления в локальных обществах. С этой точки зрения повседневность жителей Ставрополья в годы войны значительно расширяет возможности интерпретации этого понятия за счет необходимости неуклонного учета этнополитической и демографической ситуации в регионе Северного Кавказа. Кроме того, в течение шести месяцев край находился под немецкой оккупацией, что оказало заметное влияние на организацию и содержание жизнедеятельности его населения.

К факторам изменения повседневности ставропольцев в военный период относятся также проблема обустройства большого количества эвакуированных граждан, наличие крупной госпитальной базы в районе Кавказских Минеральных Вод и другие. Многие из них вполне достойны отдельного научного исследования, и не возникает сомнений в том, что эта работа внесет значительный вклад в разработку проблемы военной повседневности в целом. К сожалению, до сих пор многие вопросы, связанные с этой тематикой, остаются неисследованными. В лучшем случае на региональном уровне они рассматривались в контексте освещения других, более общих проблем.

Историографическое наследие советского периода показывает, что историки в основном описывали формы сопротивления оккупантам, участие жителей тыловых районов в организации помощи армии, самоотверженный труд рабочих и колхозников. При этом далеко не всегда и на должном уровне уделялось внимание человеческому измерению войны как главной составляющей повседневности. Человек с его заботами и тревогами, постоянной борьбой за выживание нередко оставался за пределами исследовательских замыслов, все это подменялось общими посылами о стойкости и мужестве советских людей. Вполне вероятно, это происходило потому, что в советский период военная повседневность не рассматривалась в качестве исторической проблемы. Тем не менее, отдельные вопросы повседневной жизни населения Ставрополя в годы войны все же нашли отражение в изданиях советских авторов [10].

Задача современных исследователей состоит в том, чтобы наверстать упущенное, для этого сегодня имеются все необходимые условия и прежде всего сложившаяся и окрепшая традиция изучения жизнедеятельности локальных сообществ в рамках региональной истории, доступная источниковая база, насыщенная фактами военной повседневности. Так, в целом ряде фондов Государственного архива Ставропольского края (ГАСК) и Государственного архива новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК) накоплен большой массив документальных материалов, раскрывающих истоки трудовых подвигов жителей края, формы сопротивления различных слоев населения оккупационному режиму, их участие в переустройстве жизнедеятельности хозяйственно-экономической инфраструктуры региона применительно к условиям военного времени, отношение к различного рода мобилизационным мероприятиям. Исследовательский потенциал фондохранилищ дополняет сведения о поведенческих мотивах населения в экстремальных ситуациях, в том числе во время послеоккупационных восстановительных работ, ликвидации последствий пребывания немецких войск на территории края.

Весьма полезными для изучения военной повседневности могут оказаться тематиче-

ские подборки документов и материалов, опубликованных в специальных сборниках [21, 22, 25, 26]. Следует отметить, что с начала 1990-х гг. тема военной повседневности получила некоторое развитие в работах региональных авторов, однако эти работы в большей степени касались все же фронтовых проблем, подпольной и партизанской борьбы населения против оккупационных войск противника, достижений тружеников тыла. В числе авторов таких работ можно назвать Г. А. Беликова [4], З. В. Бочкареву [6], А. В. Игошина [14] и других. Примечательно, что аналогичная ситуация наблюдается и в диссертационных исследованиях, защищенных в последние годы в вузах Ставрополя. Их авторы в большинстве своем дают лишь фрагментарное описание повседневной жизни горожан и сельских жителей, хотя и уделяют внимание трудовым будням рабочих и колхозников, социальным проблемам и формам адаптации к новым условиям жизни [5, 8, 17, 28].

В ряду работ постсоветского периода особо хотелось бы выделить работы исследователей, которые посвятили свои труды истории отдельных районов Ставропольского края и конкретных населенных пунктов, в том числе в годы Великой Отечественной войны. Например, В. Р. Ясинов [31], раскрыл историю развития Левокумского района, аналогичные изыскания в отношении Новоселицкого района провел М. С. Мамонтов [16], исторические аспекты развития Нефтекумского района осветил П. Н. Кудинов [15]. Н. В. Жирлицын посвятил свою работу родному селу [11]. Все названные авторы не обошли вниманием простых людей, благодаря которым создавалась специфическая инфраструктура степных районов Ставропольского края, формировался менталитет и социальный облик местного населения.

В то же время в этих и многих других работах начального постсоветского периода тема повседневности еще не рассматривается в качестве научной проблемы, но ряд затронутых авторами аспектов явно указывали на их желание отойти от традиционных схем исследования жизни простых людей. Об этом свидетельствуют, в частности, ссылки на изменения уровня социального обеспечения жителей сел и провинциальных городов, их материального и экономическо-

го положения. В определенной мере об этом свидетельствуют также данные о повышении культуры повседневного быта, формах и возможностях проведения досуга, увлечениях и предпочтениях сельчан и горожан.

Важным критерием оценки повседневного поведения людей в годы Великой Отечественной войны является отражение в исторических трудах вопросов снабжения различных категорий населения продовольствием и товарами первой необходимости. От этого во многом зависели эффективность их производственной деятельности и общественно-политическая активность. Без учета этих данных довольно сложно было бы говорить о героическом труде рабочих и крестьян в тыловых районах страны, обосновывать взаимосвязь трудовых достижений с победами Красной Армии на фронтах. Важно отметить, что этот критерий учитывался учеными не только в советский период [3, 19, 20], но современными региональными исследователями [1].

Для военного времени очень важным является социальный аспект повседневности. На это указывает большое количество трудов, посвященных этой проблематике на самых различных уровнях, поскольку она непосредственно связана с деятельностью центральных и региональных властей в области производства и распределения среди населения товаров первой необходимости, оказания помощи многодетным семьям, детям, оставшимся без попечения родителей и т. д. В этом смысле хотелось бы выделить работы А. С. Бутова [9], С. И. Линец, А. В. Мещеряковой [18] и многих других ставропольских исследователей. Социальные проблемы военного времени нашли также отражение в диссертационных исследованиях молодых ученых, которые занялись разработкой проблем образования, в том числе в военные годы, показали жизнь конкретных районов и населенных пунктов накануне, во время и после оккупации. В их числе, например, Е. М. Шевченко [29], К. А. Урмаева [27], В. А. Штеркель [30] и другие.

В целом, региональные исследователи за последние годы провели большую работу, они ввели в оборот новые конкретные данные из архивных фондов, обобщили информацию из открытых и опубликованных источников. В результате военная повседневность

как научная проблема значительно обогатилась, стала разнообразней и глубже. В ее рамках прослеживается не только жизнь и деятельность конкретных групп людей и слоев населения, но и раскрывается социальная политика государства и местной власти. Это очень важно для создания объективной исторической картины прошлого.

Примечательно, что исследователи нового поколения изменили концепцию рассмотрения суровых будней войны. Не оставляя без внимания партийную составляющую социальной политики того времени, они все же делают акцент на факторах консолидации общества перед лицом опасности, говорят о повышенном уровне взаимопомощи, самопожертвовании, не скрывая при этом ошибки, просчеты, трудности и факты негативных проявлений, о которых раньше предпочитали молчать. Все это стало возможным не только по причине обогащения источниковой базы, но и вследствие расширения методологических средств познания истории за счет использования, прежде всего, междисциплинарных механизмов и комплексных конструкций. В этом смысле повседневность – очень удобная сфера для расширения исследовательских границ военного периода. Ведь не секрет, что в советское время эта тема освещалась исключительно в положительной тональности и характеризовалась только трудовым героизмом и патриотическим настроем, хотя полностью отрицать особенность мотивации поступков людей военного времени также нельзя. Это было особое поколение, воспитанное на энтузиазме и романтических идеях 1920–1930-х гг. У его представителей в годы войны порой проявлялись нестандартные для того времени формы поведения, которые, однако, не имеют ничего общего с настроениями всего общества. Главное состоит в том, чтобы исследователи нацеливались не только на сбор фактов, но и их объективную трактовку в контексте военных будней. Сегодня решение этой задачи требует новых концептуальных подходов и соответствующих методологических средств, лишенных опоры на политическую конъюнктуру. Возможно, именно поэтому современные исследователи все чаще говорят о необходимости использования междисциплинарных меха-

низмов изучения исторических событий и явлений. Не в последнюю очередь это касается и проблемы военной повседневности, в рамках которой переплетаются интересы истории, социологии, исторической психологии, антропологии, этнологии и других научных направлений. Соединение разнонаправленных инструментов познания, их подчинение одной цели позволит выйти из-под власти стандартов, избавиться от схематических рамок и раскрыть военную повседневность во всей ее многогранности.

История повседневности сама по себе в динамических характеристиках времен Великой Отечественной войны изучена достаточно подробно, однако далеко не все ее стороны и проблемы получили в отечественной историографии достойное освещение. Речь идет, прежде всего, о поведении и мотивах поведения простых людей в конкретных регионах, их душевном состоянии, заботах и переживаниях, отношении к окружающим событиям. В этом смысле хотелось бы выделить работу В. А. Бондарева, в которой автор раскрывает многочисленные аспекты жизни донских, кубанских и ставропольских крестьян в годы Великой Отечественной войны [7].

Наряду с хозяйственной деятельностью крестьян, автор много внимания уделяет таким вопросам, как общественно-политическая и культурно-бытовая жизнь на селе. Трудовой героизм колхозников он связывает с коллективной психологией исследуемого поколения. Важно, что он показал деревню не только в качестве элемента военной экономики, но и остановился на повседневной жизни крестьян, обстоятельствах и условиях их выживания в сложных условиях. Автор построил свои размышления на сопоставлении общего и личного, при этом не обошел вниманием фактор ментальности крестьян южных регионов, на основе которого формировались их моральные качества, вырабатывался иммунитет к трудностям и лишениям.

Одной из основных черт военной повседневности крестьянского населения многие исследователи называют готовность к самопожертвованию, тесно переплетающуюся с повышением уровня религиозности и

одновременным стремлением к межнациональной солидарности. Это стремление особенно характерно для полиэтнических регионов, где основными факторами единства выступали общие для всех проблемы и достижения. В целом же, отечественные исследователи сходятся во мнении, что истоком массового патриотизма в годы войны являлись его провинциальные носители [2, с. 24–25] – и это является дополнительным подтверждением важности территориального аспекта проблемы военной повседневности, поскольку основные ее черты формировались в отдельных локальных сообществах. Об этом же свидетельствуют и современные авторы целого ряда работ по рассматриваемой проблеме [12, 13].

В то же время нужно отметить, что пока еще ученые не пришли к единому мнению в вопросах научного понимания и объяснения повседневности. Одни считают, что эта проблема имеет региональные корни, другие полагают, что на нее существенное влияние оказывают многочисленные внешние факторы, такие как состояние военной экономики, социальная политика государства и т. п. Нам представляется, что все эти категории нужно рассматривать в тесной взаимосвязи, поскольку вместе они создавали основу для выработки стратегии выживания независимо от социальной, территориальной, профессиональной и другой принадлежности людей.

Проведенный анализ показал, что проблема повседневности простых людей в военное время продолжает привлекать внимание исследователей и наполняется новым содержанием. Это происходит не только благодаря расширению источниковой базы, но вследствие включения в исследовательское поле проблемы все новых и новых аспектов быта, труда и борьбы различных слоев населения, социальных групп и территориальных сообществ. Несмотря на определенные успехи в этом направлении, ученые не прекращают поиск новых подходов и средств познания проблемы повседневности, стараясь через нее определить состояние современной и ресурсы будущей исследовательской практики военного периода.

Источники и литература

1. Андриенко М. В. Население Ставропольского края в годы Великой Отечественной войны: оценка поведенческих мотивов: дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск: ПГЛУ, 2005. 188 с.

2. Анисков В. Т. Крестьянство против фашизма 1941–1945. История и психология подвига. М.: Памятники исторической мысли, 2003. 502 с.
3. Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1963. 466 с.
4. Беликов Г. А. Оккупация. Ставрополь. Август 1942 – январь 1943. Ставрополь: Фонд духовного просвещения, 1998. 151 с.
5. Бердиев З. П. Формирование массового сознания советского народа в предвоенные годы (1936 – июнь 1941). На материалах КАО, ЧАО, КБАССР и Орджоникидзевского края: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск: ПГЛУ, 2000. 27 с.
6. Бочкарева З. В. Попытки создания социальной опоры оккупационными властями нацистской Германии на Северном Кавказе // Ставропольская земля в прошлом и настоящем: материалы научной конференции. Часть 2. Ставрополь: СГУ, 1998. С. 110–117.
7. Бондарев В. А. Селяне в годы Великой Отечественной войны: Российское крестьянство в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев). Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2005. 192 с.
8. Бондарев В. А. Российское крестьянство в годы Великой Отечественной войны (На материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новочеркасск, 2001. 24 с.
9. Бутов А. С. Трудовой подвиг сельской молодежи Ставрополья в годы Великой Отечественной войны // 50 лет Победы в Великой Отечественной войне. Материалы региональной научно-практической конференции. Ставрополь: СГУ, 1995. С. 114–122.
10. Гнеушев В. Г., Попутько А. Л. Партизанский заслон. Ставрополь: Книжное издательство, 1985. 254 с.
11. Жерлицын Н. В. Изгибы судьбы (из истории села Николо-Александровского). М.: Советская Россия, 2001. 185 с.
12. Жиромская В. Б., Араловец Н. А. Влияние войны на население в советском тылу // Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны. 1941–1945. М.: Гриф и К, 2010. С. 462–487.
13. Жиромская В. Б., Араловец Н. А. Будни городского населения военного времени // Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны. 1941–1945. М.: Гриф и К, 2010. С. 523–540.
14. Игошин А. В. Особенности организации труда колхозников в годы Великой Отечественной войны. (К вопросу об эволюции общественного сознания крестьянства) // 50 лет Победы в Великой Отечественной войне: материалы региональной научно-практической конференции. Ставрополь: СГУ, 1995. 311 с.
15. Кудинов П. Н. Нефтекумье. Астрахань: Книжное издательство, 2002. 456 с.
16. Мамонтов М. С. История Новоселицкого района: краеведческие изыскания. Ставрополь: Книжное издательство, 2000. 254 с.
17. Мещерякова А. В. Сельское хозяйство Ставропольского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск: ПГЛУ, 2004. 186 с.
18. Мещерякова А. В., Линец С. И. Сельское хозяйство Ставропольского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Пятигорск: ПГЛУ, 2006. 286 с.
19. Митрофанова А. В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1971. 354 с.
20. Морехина Г. Г. Рабочий класс – фронту. М.: Наука, 1962. 362 с.
21. Наш край. Документы и материалы (1917–1977 гг.) / под ред Д. В. Кочура. Ставрополь: Книжное издательство, 1983. 405 с.
22. Под знаменем В. И. Ленина. Сборник документов и материалов из истории Ставропольской комсомольской организации. Ставрополь: Книжное издательство, 1970. 416 с.
23. Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3–19.
24. Пушкарева Н. Л. «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. 2004. С. 93–113.
25. Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов. Ставрополь: Книжное изд-во, 1962. 515 с.
26. Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 – январь 1943 г.). Документы и материалы / сост. В. А. Водолажская, М. И. Кривнева, Н. А. Мельник. Ставрополь: Книжное издательство, 2000. 175 с.
27. Ушмаева К. А. Основные этапы и особенности развития исторического образования в вузах России (20–90-е годы XX века): дис. ... д-ра ист. наук. Пятигорск: ПГТУ, 2011. 563 с.
28. Шебзухов М. Х. Трудовая активность народов в годы Великой Отечественной войны: опыт, проблемы: дис.... д-ра ист. наук. Махачкала: ДГУ, 1993. 487 с.
29. Шевченко Е. М. Становление и развитие высшей школы на Ставрополье: предпосылки, успехи и трудности (1920–1950-е годы): дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск: ПГТУ, 2006. 188 с.

30. Штеркель В. А. Степные районы Ставрополя накануне и во время Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск: ПГТУ, 2010. 175 с.
31. Ясинов В. Р. Повесть о Левокумье. Ставрополь: Книжное издательство, 1991. 318 с.

References

1. Andrienko M. V. Naselenie Stavropol'skogo kraja v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: ocenka povedencheskih motivov (*The population of the Stavropol Territory in the Great Patriotic War: assessment of behavioral motives*): thesis. Pjatigorsk: PSLU, 2005. 188 p. (In Russian).
2. Aniskov V. T. Krest'janstvo protiv fashizma 1941–1945. Istorija i psihologija podviga (*The peasantry against fascism of 1941–1945. The history and psychology of heroism*). Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2003. 502 p. (In Russian).
3. Arutjunjan Ju. V. Sovetskoe krest'janstvo v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (*The Soviet peasantry during the great Patriotic war*). Moscow: Nauka, 1963. 466 p. (In Russian).
4. Belikov G. A. Okkupacija. Stavropol'. Avgust 1942 – januar' 1943 (*Occupation. Stavropol. August 1942 – January 1943*). Stavropol': Fond duhovnogo prosveshhenija, 1998. 151 p. (In Russian).
5. Berdiev Z. P. Formirovanie massovogo soznanija sovetskogo naroda v predvoennye gody (1936 – ijun' 1941). Na materialah KAO, ChAO, KBASSR i Ordzhonikidzevskogo kraja (*The formation of mass consciousness of the Soviet people in the prewar years (1936, 1941). On materials KAR, ChAR, KBASSR and Ordzhonikidzevsky region*): abstract of thesis. Pjatigorsk: PSLU, 2000. 27 p. (In Russian).
6. Bochkareva Z. V. Popytki sozdanija social'noj opory okkupacionnymi vlastjami nacistskoj Germanii na Severnom Kavkaze (*Attempts to create social support by the occupation authorities of Nazi Germany in the North Caucasus*) // Stavropol'skaja zemlja v proshlom i nastojashhem: materialy nauchnoj konferencii. Chast' 2. Stavropol': SSU, 1998. P. 110–117. (In Russian).
7. Bondarev V. A. Seljane v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: Rossijskoe krest'janstvo v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Rostovskoj oblasti, Krasnodarskogo i Stavropol'skogo kraev) (*The villagers during the great Patriotic war: the Russian peasantry in the years of the great Patriotic war (on materials of the Rostov region, Krasnodar and Stavropol territories)*). Rostov-on-Don: NCSC HS, 2005. 192 p. (In Russian).
8. Bondarev V. A. Rossijskoe krest'janstvo v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (Na materialah Rostovskoj oblasti, Krasnodarskogo i Stavropol'skogo kraev) (*The Russian peasantry during the great Patriotic war (On materials of the Rostov region, Krasnodar and Stavropol territories)*): abstract of thesis. Novocherkassk, 2001. 24 p. (In Russian).
9. Butov A. S. Trudovoj podvig sel'skoj molodezhi Stavropol'ja v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (*Labor feat of the rural youth of Stavropol during the great Patriotic war*) // 50 let Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne / Materialy regional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii. Stavropol': SSU, 1995. P. 114–122. (In Russian).
10. Gneushev V. G., Poput'ko A. L. Partizanskij zaslon (*Guerrilla barrier*). Stavropol': Knizhnoe izdatel'stvo, 1985. 254 p. (In Russian).
11. Zherlicyn N. V. Izgiby sud'by (iz istorii sela Nikolo-Aleksandrovsikogo) (*Twists of fate (from the history of the village Nikolo-Aleksandrovsikoe)*). Moscow: Sovetskaja Rossija, 2001. 185 p. (In Russian).
12. Zhiromskaja V. B., Aralovec N. A. Vlijanie vojny na naselenie v sovetskom tylu (*The impact of the war on the population in the Soviet rear*) // Narod i vojna: ocherki istorii Velikoj Otechestvennoj vojny. 1941–1945. Moscow: Grif i K, 2010. P. 462–487. (In Russian).
13. Zhiromskaja V. B., Aralovec N. A. Budni gorodskogo naselenija voennogo vremeni (*The everyday life of the urban population in wartime*) // Narod i vojna: ocherki istorii Velikoj Otechestvennoj vojny. 1941–1945. Moscow: Grif i K, 2010. P. 523–540. (In Russian).
14. Igoshin A. V. Osobennosti organizacii truda kolhoznikov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. (*K voprosu ob jevoljucii obshhestvennogo soznanija krest'janstva*) (*Peculiarities of organization of farmers during the great Patriotic war. (On the question of the evolution of social consciousness of the peasantry)*) // 50 let Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne: materialy region. Stavropol': SSU, 1995. 311 p. (In Russian).
15. Kudinov P. N. Neftekum'e (*Neftekumy*). Astrahan': Knizhnoe izdatel'stvo, 2002. 456 p. (In Russian).
16. Mamontov M. S. Istorija Novoselickogo rajona: kraevedcheskie izyskanija (*The history of Novoselytsky district: local history research*). Stavropol': Knizhnoe izdatel'stvo, 2000. 254 p. (In Russian).
17. Meshherjakova A. V. Sel'skoe hozjajstvo Stavropol'skogo kraja v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945) (*Agriculture in Stavropol region during the Great Patriotic war (1941–1945)*): thesis. Pjatigorsk: PSLU, 2004. 186 p. (In Russian).
18. Meshherjakova A. V., Linec S. I. Sel'skoe hozjajstvo Stavropol'skogo kraja v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945) (*Agriculture in Stavropol region during the great Patriotic war (1941–1945)*). Pjatigorsk: PSLU, 2006. 286 p. (In Russian).
19. Mitrofanova A. V. Rabochij klass SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (*The working class of the USSR in the great Patriotic war*). Moscow: Nauka, 1971. 354 p. (In Russian).

20. Morehina G. G. Rabochij klass – frontu (*The working class to the frontline*). Moscow: Nauka, 1962. 362 p. (In Russian).
21. Nash kraj. Dokumenty i materialy (1917–1977) (*Our region. Documents and materials (1917–1977)*) / ed by D. V. Kochura. Stavropol': Knizhnoe izdatel'stvo, 1983. 405 p. (In Russian).
22. Pod znamenem V. I. Lenina. Sbornik dokumentov i materialov iz istorii Stavropol'skoj komsomol'skoj organizacii (*Under the banner of Lenin. A collection of documents and materials from the history of the Stavropol Komsomol organization*). Stavropol': Knizhnoe izdatel'stvo, 1970. 416 p. (In Russian).
23. Pushkareva N. L. Predmet i metody izuchenija istorii povsednevnosti (*Subject and methods of studying the history of everyday life*) // Jetnograficheskoe obozrenie. 2004. No. 5. P. 3–19. (In Russian).
24. Pushkareva N. L. «Istorija povsednevnosti» i «istorija chastnoj zhizni»: sodержanie i sootnoshenie ponjatij («*The history of everyday life*» and «*the history of private life*»): the content and the relationship between the concepts // Social'naja istorija. 2004. P. 93–113. (In Russian)
25. Stavropol'e v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945: sb. dokumentov i materialov (*Stavropol during the Great Patriotic war of 1941–1945: collected documents and materials*). Stavropol': Knizhnoe izdatel'stvo, 1962. 515 p. (In Russian)
26. Stavropol'e v period nemecko-fashistskoj okkupacii (avgust 1942–janvar' 1943 g.). Dokumenty i materialy (*Stavropol in the period of Nazi occupation (August 1942 – January 1943). Documents and materials*) / ed by V. A. Vodolazhskaja, M. I. Krivneva, N. A. Melnik. Stavropol': Knizhnoe izdatel'stvo, 2000. 175 p. (In Russian).
27. Ushmaeva K. A. Osnovnye jetapy i osobennosti razvitija istoricheskogo obrazovanija v vuzah Rossii (20–90-e gody XX veka) (*The main stages and features of the development of history education in Russian institutions of higher education (20–90 years of the twentieth century)*): doctoral thesis. Pjatigorsk: PSTU, 2011. 563 p. (In Russian).
28. Shebzuhov M. H. Trudovaja aktivnost' narodov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: opyt, problemy (*Labour activity of the peoples in the great Patriotic war: experience, problems*): doctoral thesis. Mahachkala: DSU, 1993. 487 p. (In Russian).
29. Shevchenko E. M. Stanovlenie i razvitie vysshej shkoly na Stavropol'e: predposylki, uspehi i trudnosti (1920–1950-e gody) (*Formation and development of higher education in the Stavropol region: background, progress and challenges (1920–1950th)*): thesis. Pjatigorsk: PSTU, 2006. 188 p. (In Russian).
30. Shterkel' V. A. Stepnye rajony Stavropol'ja nakanune i vo vremja Velikoj Otechestvennoj vojny (*Steppe regions of Stavropol before and during the Great Patriotic War*): thesis. Pjatigorsk: PSTU, 2010. 175 p. (In Russian).
31. Jasinov V. R. Povest' o Levokum'e (*Tale of Levokumye*). Stavropol': Knizhnoe izdatel'stvo, 1991. 318 p. (In Russian).

УДК 93(470.63),08

Е. С. Книгина

СТАВРОПОЛЬСКИЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР: К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПЕРВОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ТРУППЫ

Статья посвящена созданию первой профессиональной труппы Ставропольского драматического театра им. М. Ю. Лермонтова. Открытие собственного театра в городе в XIX в. считалось выражением высшего культурного престижа. История развития Ставропольского академического театра драмы им. М. Ю. Лермонтова в исторической литературе не нова, однако слабо освещены стороны, касающиеся деятельности самих актеров и режиссеров, кто непосредственно осуществлял работу на театральной сцене.

Путем анализа большого эмпирического материала восстанавливаются условия создания и деятельность первых актерских трупп Ставропольского драмтеатра. С труппой К. М. Зелинского связана одна из самых славных страниц истории Ставропольского драматического театра.

Ключевые слова: история культуры, Ставропольский драматический театр им. М. Ю. Лермонтова, К. М. Зеленский, история Ставрополя.

E. S. Knigina

STAVROPOL DRAMA THEATRE: THE HISTORY OF THE CREATION OF THE FIRST PROFESSIONAL TROUPE

The article studies the creation of the first professional troupe of the Stavropol drama M. Y. Lermontov theatre. In the XIX c. establishing the theatre was considered the highest cultural prestige. The history of development of the Stavropol academic drama M.Y. Lermontov theatre does not pose a new topic for the historical literature, but few works highlight the activities of the actors and directors who made

the theatre work. By means of empirical material analysis, the conditions of creation and activity of the first acting troupes of the Stavropol drama theatre are specified. K. M. Zelinsky's troupe takes one of the most glorious pages of the history of Stavropol drama theatre.

Key words: cultural history, Stavropol Drama Theater named after M. Yu. Lermontov, K. M. Zelinsky, Stavropol history.

Ставропольский драматический театр им. М. Ю. Лермонтова имеет столетнюю историю. История театра начиналась в середине XIX столетия и была связана с развитием социокультурной жизни города. На основе архивных документов представляется возможным проследить становление первой профессиональной труппы на ставропольской сцене.

воспитания. В формировании таких качеств молодого поколения как нельзя лучше проявляла себя деятельность театра.

Открытие собственного театра в городе в XIX в. считалось выражением высшего культурного престижа. Театр, особенно в провинции, играл важную роль в просвещении ее населения, был одним из лучших подспорий в воспитании нравственности. Акцент в образовании ребенка XIX в. был смещен в сторону душевного, нравственного и духовного

Желание иметь театр сподвигло передовых жителей города Ставрополя к необходимости его обустройства. Свою лепту внесло и купечество. Первое здание театра в Ставрополе было построено иностранным купцом Адольфом Блюмом в 1841 г. По свидетельству современников, театр представлял собой временный деревянный дом на каменном фундаменте [6, л. 5]. Первой труппой театра стала труппа Г. Яценко, однако совсем ненадолго. С большей её частью Г. Яценко вскоре уехал в Тифлис и стал играть на сцене Тифлисского театра.

В 1845 г. ставропольским купцом I гильдии И. Ганиловским было достроено каменное здание театра в г. Ставрополе на ул. Театральной, «...по наружному и внутреннему устройству могущее поспорить с театрами лучших губернских городов» [19, р. 524]. Уже на этой, новой, сцене стал собирать труппу известный актер и режиссер И. Х. Дрейсинг совместно с актером Петровым. В новую труппу Дрейсинга вошли и актеры из прежней труппы, которые блистали на театральных подмостках Ставрополя во времена Яценко: Рязанцев, Громов, Наседкин, Фролов, Лихинский [7, л. 46–47]. Сам антрепренер выделялся не только талантливой игрой, но и старанием, все роли он доводил до совершенства. Из актрис наиболее замечательной игрой выделялась актриса Петрова. «Рост, голос, благородная манера – все соответствует игре госпожи Петровой», – писал петербургский театральный журнал «Репертуар и Пантеон» в 1845 г. [2, р. 142].

Несмотря на то, что «труппа находилась под ведением гражданского губернатора и под управлением избранных лиц, которым вменено в обязанность, смотреть за театром, за актерами и вести все расходы» [20, л. 12], уже со второй половины марта 1845 г. труппа Дрейсинга стала постоянно давать спектакли на ставропольской сцене. Данный факт объясняется стремлением властей Тифлиса вновь заполучить еще одну уже сложившуюся труппу. Так, в письме к русскому актеру М. С. Щепкину в 1845 г. М. С. Воронцов писал: «Мы здесь недавно построили небольшой театр и пригласили труппу из Ставрополя. Желая и теперь иметь что-нибудь лучшее, я отнесся к директору императорских театров тайному советнику Гедеонову с просьбой о содействии его в этом деле и присылки нам сюда небольшой русской группы» [17, р. 2]. Параллельно велась переписка ставропольских и тифлиских чиновных лиц, рассматривались варианты работы одной труппы в двух городах, соединение трупп И. Дрейсинга и Г. Яценко, но актеры решительно отказались от подобного объединения [7, л. 26].

Результатом подобных усилий и указанной переписки стало согласие И. Х. Дрейсинга прибыть с новой труппой в Тифлис для проведения театральных представлений с 1 сентября по 8 января 1845–1846 гг. В соответствии с заключенным договором

Дрейсинг и Петров должны были после представлений в Тифлисе возвратиться в Ставрополь. Однако еще до окончания срока контракта с Дрейсингом купец И. Ганиловский сдал в аренду здание театра по сниженной цене другому антрепренёру, Карлу Зеленскому, приехавшему со своей странствующей труппой в 1846 г. в г. Ставрополь [8, л. 46]. Вдобавок И. Ганиловский сдал и оставшиеся театральные вещи новому антрепренеру. Поэтому труппа Дрейсинга осталась в Тифлисе.

С труппой К. Зелинского связана одна из самых славных страниц истории Ставропольского драматического театра. Дворянин Киевской губернии К. М. Зелинский впервые блеснул вместе со своей труппой на сцене Ставропольского театра в 1946 г. На сцене до 1849 г. играли комик А. А. Алексеев, трагик Н. Х. Рыбаков и г-жа П. Г. Рыбакова (дочь К. М. Зелинского). «Мы видели игру Алексеева в «Горе от ума», «Ревизоре» и пр., и восхищались ею, – писал современник, – хвалили Рыбакова в «Гамлете», «Разбойниках» Шиллера и других замечательных драмах и трагедиях. Даже пустые водевили было приятно смотреть» [19, р. 525]. Столичный журнал «Москвитянин» опубликовал статью о Ставропольском театре, в которой стремился подвести итоги прошлых его сезонов под руководством К. Зелинского. В ней, в частности, отмечался тот факт, что это были лучшие годы антрепризы Зелинского [19, р. 525]. Благодаря его деятельности и талантливой игре актеров Ставропольский театр завоевал славу одного из самых лучших провинциальных театров России.

Все пьесы театра перед премьерой и размещением афиш в обязательном порядке проходили предварительную цензуру в жандармерии [9, л. 1]. Так, например, перед началом театрального сезона 1946/1947 гг. К. Зелинский представил в III отделение собственной Его императорского величества канцелярию репертуар труппы, состоящий из 166 пьес. Экспедиция, ведавшая драматической (театральной) цензурой утвердила лишь 154 пьесы [10, л. 1].

В сравнении с репертуаром труппы Г. Яценко, который насчитывал 243 пьесы, репертуар труппы Зелинского, конечно же, был меньше. Он состоял в основном из драматических произведений реалистического на-

правления. Значительное место занимали в нем и пьесы романтического характера, и героико-патриотические произведения, например, «Жизнь за царя», «Дмитрий Донской», «Ермак», «Стенька Разин» [10, л. 1]. Все они отвечали духу своего времени.

Во второй половине 40-х гг. XIX в. произошли значительные события на Кавказском театре военных действий, в ходе идущей кавказской войны. К этому была завершена Даргинская экспедиция 1845 г., в результате которой после нескольких кровопролитных сражений был взят аул Дарго – резиденция Шамиля. На следующий год войска князя М. С. Воронцова начали наступление на Большую Чечню и Дагестан, а в 1847 г. произошел перелом в ходе войны – крупное масштабное наступление русских войск. Покорение Кавказа было уже делом времени, вставала задача его инкорпорации в состав Российской империи. Театральные постановки как нельзя лучше помогали зрителям чувствовать себя гражданами великой державы, осознавать, что они причастны к событиям, от которых зависит судьба России, и могут гордиться своими мужественными соотечественниками.

Не оставались в стороне от Ставропольского театра и произведения классики. Ставились пьесы по литературным произведениям, таким как «Горе от ума» и «Ревизор», которые максимально приближали к жизни и отражали эпоху со всеми ее общественными проблемами: великие русские писатели А. С. Грибоедов и Н. В. Гоголь, используя один из основных принципов реализма – типизацию, создали целую галерею портретов, каждый из которых является типичным для своего времени и вместе с тем с индивидуальными, только ему присущими чертами. Современные, злободневные, животрепещущие проблемы под пером классиков обрели обобщенность и художественное выражение.

Велика и неисчерпаема сила воздействия театра на формирование нравственных качеств человека, и комедии для этого выступали лучшим средством. Через высмеивание человеческих пороков, а не через нотации, театру как нельзя лучше удавалось легко и непринужденно донести зрителю нравственные идеалы общества. Не случайно А. Н. Островский, считал комедии «лучшей формой к достижению нравственных целей» [13, с. 62].

Подбор репертуара К. Зелинским позволяла актерам проявить себя, показать свои таланты, лучше почувствовать роль, тем более что труппа, по свидетельствам современников, «довольно хорошо для провинциального города сформирована» [16, р. 216–217]. Лучшим украшением ставропольской труппы был трагик, ученик великого русского актера Малого театра П. С. Мочалова, драматический артист Н. Х. Рыбаков (1811–1876), ставший прототипом Геннадия Несчастливцева в комедии «Лес» А. Н. Островского. Несомненно, некоторые черты Несчастливцева: самоотверженная преданность искусству, душевное благородство, бескорыстие, отзывчивость, внимательное отношение к людям – были «срисованы» с черт характера и натуры актера Н. Х. Рыбакова [12]. «Сам Николай Хрисанфович», как почтительно называли его товарищи по сцене, в 1846 г. был в расцвете творческих сил. К сожалению, в то время в Ставрополе не было печатного органа, и до нас не дошли отзывы о многих сыгранных им ролях. Архивные данные свидетельствуют лишь о том, что он с огромным успехом играл Гамлета в одноименной трагедии У. Шекспира и Карла Маора в «Разбойниках» Ф. Шиллера [12]. Яркая эмоциональность и глубокая человечность отличали его исполнение ролей героев великих трагедий. Он на протяжении десятилетий владел вниманием и любовью ставропольцев, исполняя роль Гамлета – одну из знаменитейших своих ролей, не только потому, что «своими криками и отчаянной жестикующей умел наводить небывалый ужас на зрителей, падал и умирал очень эффектно, и, наконец, дрался (с Лазртом) как истинный гладиатор, но более всего благодаря покорявший зрителя силе переживания» [11, р. 341]. По воспоминаниям современников, он, подобно П. С. Мочалову, лишил своего Гамлета черт слабости, безволия и бездейственности, выдвинув на первый план скорбь об утрате человеком человечности.

Не лишены основания предположения П. П. Мелибеева, что Н. Х. Рыбаков выступал также и в роли Чацкого в «Горе от ума», и Хлестакова в «Ревизоре», так как эти роли были в репертуаре театра, и артист не мог их не исполнять в небольшой по составу труппе [14, р. 185]. Уже в те годы он был популярнейшей фигурой в актерском мире и жил «рядом

с преданиями о себе» [11, р. 341]. Заразительность могучего беспощадно растрачиваемого темперамента позволяла ему всегда, в любую минуту захватить публику.

Достойным партнером Н. Х. Рыбакова по сцене был комик А. А. Алексеев, который был приглашен К. Зелинским из г. Николаева в начале 40-х гг. XIX в. В своих воспоминаниях А. А. Алексеев отмечал, что он «прослужил у Зелинского четыре года подряд, все время без перерыва получая жалованье и имея два бенефиса в году, что в общем составляло солидную сумму, так как бенефисы бывали всегда почти полны и, кроме того, от богатых театралов перепадала премия и очень часто ценные подарки». Алексеев А. А. также писал, что «Зелинский им был очень доволен», однако он не долго прослужил на ставропольской сцене, так как, по его мнению, настоящий актер не может засиживаться долго в одном театре: «... это напоминало оседлость... публике я пригляделся... наскучил (провинциалы-театралы любят разнообразие)... И я стал заметно портиться: появилась слишком большая развязность» [1, р. 85]. Все это мешало актеру совершенствоваться.

В воспоминаниях А. А. Алексеева встречается интересная замечание о вознаграждении актеров со стороны зрителей: «В последнем антракте, во время самого трогательного прощания, из литерной ложи кто-то бросил к моим ногам кошелек с деньгами. Таких откровенных подарков мне получать еще не случалось. В 40-х гг. о бросании денег на сцену уже не было слышно» [3, р. 100–101].

На рубеже 40–50-х гг. XIX в. театральными любителями становятся представители купечества. Эта публика заполняла партер: «...высокие сапоги бутылками и сибир-

ки черного сукна появлялись в партере, как неизбежный элемент» [11, р. 8]. Купцы стали занимать все более высокие ступени в зрительской иерархии, что нашло отражение и в репертуаре театра.

В мае 1847 г. Ставрополь стал губернским центром. В 1852 г. ставропольский театр перешел в ведение вновь назначенной городом Театральной дирекции, в которую вошли влиятельные лица города: генерал-майор А. Х. Капгер, А. Е. Лазарев и С. Иванов. Дирекция провела ряд мер по укреплению труппы и особенно позаботилась о благоустройстве здания театра, которое уже требовало ремонта и обновления [4, л. 5–6]. Была также увеличена сцена и изготовлены новые декорации, обновлены костюмы. В здании театра оборудовали два фойе – одно для мужчин, другое для женщин. Дирекция выписала хороший оркестр [15, р. 4]. Кавказский наместник князь М. С. Воронцов назначил театру ежегодную дотацию в размере 1 200 рублей серебром [4, л. 2]. В 1859 г., «считая в видах нравственной пользы для ставропольского общества, поддержать существование здешнего театра, наместник Кавказский назначил пособие театру 2 500 рублей ежегодно. С этого времени в число этой суммы высылалось из Финансового Департамента – главного управления 2 200 рублей, а 300 из доходов города Ставрополя» [5, р. 67].

Труппа К. Зелинского сыграла важную роль в становлении ставропольского театра. Подбор репертуара, который изобиловал лучшими произведениями отечественной и зарубежной литературы, способствовал привитию у ставропольской публики вкуса к серьезному театру и талантливой игре актеров. С тех пор Ставрополь получил репутацию театрального города.

Источники и литература

1. Алексеев А. А. Воспоминания актера А. А. Алексеева. М.: Артист, 1894. 243 с.
2. Возобновленный Ставропольский театр. Театральная летопись. Русские театры // Репертуар и Пантеон. СПб: [б.и.]. 1845. Т.10. С. 139–142.
3. Воспоминание артиста императорских театров А. А. Алексеева // Исторический вестник. 1892. № 7–9. С. 100–101.
4. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 101. Оп. 1. Д. 3832.
5. ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 4103.
6. ГАСК. Ф. 444 Оп. 1 Д. 2219.
7. ГАСК. Ф. 444. Оп. 1 Д. 3266.
8. ГАСК. Ф. 444. Оп.1 Д. 3751.
9. ГАСК. Ф. 444. Оп.1. Д. 3732.
10. ГАСК. Ф. 444. Оп.1. Д.3733.

11. История русского драматического театра: 7 томах. Т. 5. 1862–1881. М.: Искусство, 1980. 551 с.
12. Клинчин А. Рыбаков Н. Х. М.: Искусство, 1972. 356 с.
13. Лотман Л. М. Островский и русская драматургия его времени. М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961. 360 с.
14. Мелибеев П. П. На ставропольской сцене // Альманах Ставрополье. 1954. № 11. С. 182–200.
15. Отчет дирекции Ставропольского театра по хозяйственной части за сезон 1873–1874 г. // Ставропольские губернские ведомости. 1874. № 9. С. 4.
16. Поздняева З. М., Лычагин В. М. Театр и время: Очерки истории Ставропольского краевого драматического театра им. М. Ю. Лермонтова (1845–1985 гг.). Ставрополь: СГУ, 2002. 336 с.
17. Прозрителев Г. Н. К истории Ставропольского и Тифлисского театра. Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. Ставрополь: Типография Губернского правления, 1910. Вып 2. С. 1–4.
18. Со страниц старых календарей. Исторический, географический, статистический очерк городов Ставропольской губернии // Ставропольский хронограф на 1996 год. Ставрополь: СГКУНБ им. М. Ю. Лермонтова, 1996. С. 216–217.
19. Ставрополь в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношениях. Кавказский календарь на 1855 год. Тифлис: [б.и.] 1854. С. 471–537
20. Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Паве. Ф.133. Оп.1. Д.1.

References

1. Alekseev A. A. Vospominaniya aktera A. A. Alekseeva (*Memories of the actor A. A. Alekseev*). Moscow: Artist, 1894. 243 p. (In Russian).
2. Vozobnovlennyj Stavropol'skij teatr. Teatral'naja letopis'. Russkie teatry (*Resumed Stavropol theatre. Theatrical chronicle. Russian theatres*) // Repertuar i Panteon. 1845. Vol.10. P. 139–142. (In Russian).
3. Vospominanie artista imperatorskih teatrov A. A. Alekseeva (*The memory of the artist of the Imperial theatres Alekseyev A. A.*) // Istoricheskij vestnik 1892. No. 7–9. P.100–101. (In Russian).
4. State archive of the Stavropol region (GASK). F.101. Inv. 1. D. 3832. (In Russian).
5. GASK. F.101. Inv.1. D.4103. (In Russian).
6. GASK. F.444 Inv.1. D.2219. (In Russian).
7. GASK. F.444. Inv.1. D.3266. (In Russian).
8. GASK. F.444. Inv.1. D.3751. (In Russian).
9. GASK. F.444. Inv.1. D.3732. (In Russian).
10. GASK. F.444. Inv.1. D.3733. (In Russian).
11. Istorija russkogo dramatičeskogo teatra (*The history of the Russian drama theatre*). In 7 Vols. Vol. 5. 1862–1881. Moscow: Iskusstvo, 1980. 551 p. (In Russian).
12. Klinchin A. Rybakov N. H. Moscow: Iskusstvo, 1972. 356 p. (In Russian).
13. Lotman L. M. Ostrovskij i russkaja dramaturgija ego vremeni (*Ostrovsky Russian drama of his time*). Moscow – Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1961. 360 p. (In Russian).
14. Melibeev P. P. Na stavropol'skoj scene (*To the Stavropol stage*) // Al'manah Stavropol'e. 1954. No. 11. P. 182–200. (In Russian).
15. Otchet direkcii Stavropol'skogo teatra po hozjajstvennoj chasti za sezon 1873–1874 (*Report of the Directorate of the Stavropol theatre is part of the business for the season of 1873–1874*) // Stavropol'skie gubernskie vedomosti, 1874. No. 9. P. 4. (In Russian).
16. Pozdnjaeva Z. M., Lychagin V. M. Teatr i vremja: Očerki istorii Stavropol'skogo kraevogo dramatičeskogo teatra im. M. Ju. Lermontova (1845–1985) (*Theatre and time: essays on the history of the Stavropol regional drama theater. M. Y. Lermontov (1845–1985)*). Stavropol': SSU, 2002. 336 p. (In Russian).
17. Prozritelev G. N. K istorii Stavropol'skogo i Tiflisskogo teatra. (*The history of Stavropol and Tiflis theatre*). Trudy Stavropol'skoj učennoj arhivnoj komissii. Stavropol': Printing of Provincial Office, 1910. Issue. 2. P. 1–4. (In Russian).
18. So stranic staryh kalendarej. Istoricheskij, geograficheskij, statističeskij očerok gorodov Stavropol'skoj gubernii (*From the pages of old calendars. Historical, geographical and statistical sketch of the cities of the Stavropol province*) // Stavropol'skij hronograf na 1996 god. Stavropol': SSRUSL named after M.Yu. Lermontov, 1996. P. 216–217. (In Russian).
19. Stavropol' v geograficheskom, istoricheskom, topograficheskom i statističeskom otnoshenijah. Kavkazskij kalendar' na 1855 god (*Stavropol geographical, historical, topographical and statistical relations. Caucasian calendar for 1855*). Tiflis, 1854. P. 471–537. (In Russian).
20. Stavropol State Historical-Cultural and Natural Landscape Museum-Reserve named after G. N. Prozritelev and G. K. Pave. F. 133. Inv.1. D.1. (In Russian).

УДК 94(470.63).84

М. Е. Колесникова

СТАВРОПОЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЯ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Статья посвящена актуальной научной проблеме – истории развития историописания в российской провинции на рубеже XIX–XX вв. В центре внимания – история создания и деятельности Ставропольского общества для изучения Северо-Кавказского края. Впервые на основе архивных материалов рассматриваются различные направления его деятельности: археологическое,

этнографическое, историко-краеведческое, охрана памятников древности, музейное, просветительское и издательское.

Ключевые слова: научное общество, провинциальная историография, история изучения Северного Кавказа, Ставропольского общества для изучения Северо-Кавказского края, музей, Г. К. Праве.

M. E. Kolesnikova

STAVROPOL SOCIETY FOR EXPLORATION OF NORTH CAUCASUS REGION: THE RESEARCH PRACTICES IN THE EARLY XX CENTURY

The article deals with a topical academic problem of the history of development of historical narratives in the Russian province in the late XIX – early XX centuries. It focuses on the history of foundation and activities of Stavropol Society for the exploration of North Caucasus region. The author is the first researcher to use archival resources in order to analyze the

Society's manifold activities: archeological, ethnographical, historical, educational, as well as activities relating to museums, publishing and preservation of ancient monuments.

Key words: academic society, regional historiography, the history of exploration of North Caucasus, Stavropol Society for Exploration of North Caucasus Region, museum, G. K. Prarve.

Научно-просветительские общества, возникшие на Северном Кавказе в дореволюционный период, внесли значительный вклад в развитие отечественной науки. Они являлись одним из элементов системы научных обществ России. История создания и деятельности общественных организаций интересна с точки зрения рассмотрения процессов самоорганизации российского общества, которое происходило на рубеже XIX–XX столетий. Общественные организации и добровольные общества действовали в области науки и техники, литературы и искусства, занимались благотворительностью и просвещением, работали в сфере медицины и сельского хозяйства.

В дореволюционной историографии под общественными организациями понимались любые добровольные общества, иногда даже органы местного и сословного самоуправ-

ления, т. к. термин «общественный» трактовался широко – как негосударственный. Для обозначения общественных организаций использовались термины: «ассоциации», «общества», «научные общества», «частные общества», «общества частной инициативы». Понятие «общество» закрепил проект Гражданского уложения 1899 г., согласно которому обществом признавался «разрешенный надлежащей властью союз лиц, в числе не менее семи, которые, не имея целью получение прибыли, избрали предметом своей деятельности благотворительность, развлечения (клубы, общественные собрания), развитие наук, искусств, физических сил и ловкости (спорт) и другие общепользные цели» [8, с. 551–552]. Разграничивались общества, ставившие перед собой культурно-просветительские и научные цели, и общества, создаваемые для осуществления производственно-хозяй-

ственной деятельности. Особо подчеркивался неформальный и добровольный характер обществ, нацеленность их на развитие просвещения, науки, культуры и досуга населения. Понятие «общественные организации» характеризуется такими признаками, как добровольность; негосударственный характер, выражающийся в способности осуществлять свои функции независимо от властных органов; персональное фиксированное членство; наличие штатного аппарата и внутренней структуры; некоммерческая цель [15, с. 22].

Рубеж столетий был временем развития провинциальной историографии. В провинции наблюдался устойчивый интерес к истории местного края, складывалось определенное интеллектуальное сообщество единомышленников, занимающихся историческими и краеведческими исследованиями, возникали научные общества, краеведческие по сути и характеру своей деятельности. Все это дало основание историкам говорить о формировании в российской провинции определенной социокультурной среды, в которой создавалось значительное количество исторических трудов. Историки стали рассматривать и сам факт существования провинциальной историографии. Кропотливая работа местных исследователей по сбору исторического материала, первые попытки его интерпретации нашли отражение в огромном количестве созданных ими исторических трудов. Среди них – как опубликованные работы, так и рукописи, хранящиеся в архивах, библиотеках и отделах письменных источников музеев. Большая часть их посвящена региональной проблематике. Труды эти позволяют увидеть эволюцию взглядов отдельных исследователей, рождение научных концепций и идей в области региональной истории.

Анализ деятельности научных обществ позволяет говорить о консолидации вокруг них историков-любителей, местных знатоков древностей и археологов, получивших возможность участвовать в научно-исторической, археологической и этнографической работе, издавать свои труды. Являясь зачастую единственными в губернии или области, они занимались их всесторонним изучением, проводили историко-археологические изыскания, осуществляли охрану памятников старины, занимались коллекци-

онированием предметов древности, поиском и публикацией исторических источников. Их деятельность – это уникальный, до конца еще не исследованный опыт коллективных любительских и научных исследований, нуждающийся во всестороннем изучении. Именно от них ведет свое начало «историописание» Северного Кавказа.

Северокавказские научные общества явились общественно-научными центрами для местной интеллигенции. Они имели универсальный характер и объединяли вокруг себя как профессионалов, так и историков-любителей, местных знатоков древности, натуралистов и естествоиспытателей, получивших возможность участвовать в научно-исследовательской работе, издавать свои работы. Общества стремились всесторонне изучить регион, его отдельные части. В поле их зрения находились история, археология, этнография, экономика, география, природа Северного Кавказа.

Основными направлениями деятельности научных обществ Северного Кавказа были археологические, этнографические, историко-краеведческие исследования; охрана памятников древности; музейная, просветительская и издательская деятельность. Направления и интересы исследований членов северокавказских научных обществ пересекались, совпадали, так как работы их были посвящены одному региону – Северному Кавказу, поэтому во многом они дополняют друг друга. Неудивительно, что одни и те же ученые, историки-любители состояли в нескольких научных обществах одновременно, что было характерно для пореформенной российской провинции в целом [1, с. 71].

В числе научно-просветительских обществ было и Ставропольское общество для изучения Северо-Кавказского края в историческом, географическом и антропологическом отношении, созданное в 1910 г. во многом благодаря инициативе известного ставропольского нотариуса, общественно-деятеля Георгия Константиновича Пправе (1862–1925). В истории северокавказского краеведения Г. К. Пправе известен как один из основателей Ставропольского государственного краеведческого музея, ныне историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе. Он был одним из ярких пред-

ставителей целой плеяды российской провинциальной интеллигенции, без подвижной деятельности которых невозможно существование науки. Для него наука, образование и просвещение означали средство к поднятию народного благосостояния.

В итоге многолетней собирательской работы Г. К. Пправе был создан домашний (частный) подвижной музей школьных наглядных пособий, открытый для посещения в 1887 г. [2, л. 6] Фонды его представляли главным образом природоведческие коллекции, чучела животных, мокрые препараты, учебные наглядные пособия (карты, схемы, диапозитивы, стереоскопические картины и др.). Во всех отделах музея Г. К. Пправе ввел оригинальные технические приспособления, разработал методы, систему регистрации, указатели. Г. К. Пправе выработал и собственную систему экспонирования материала, расположения его в отделах, схему отделов провинциальных музеев, которая позже использовалась как образец при создании новых музеев Северного Кавказа (Г. К. Пправе инструктировал Майкопский, Ейский, Кропоткинский, Краснодарский музеи), а также Петровский музей в г. Астрахани и Московский музей наглядных учебных пособий. Накопленные им материалы и коллекции безвозмездно использовались учителями школ и гимназий г. Ставрополя и губернии. На педагогической выставке 1890 г. коллекции музея, главным образом природоведческие (чучела животных, мокрые препараты, наглядные пособия), впервые были представлены публике [7, л. 6].

Для хранения и показа музейных экспонатов требовались определенные помещения и значительные денежные средства, которые позволили бы развернуть научно-исследовательскую работу и продолжить собирательскую деятельность. После 15-летних постоянно отклоняемых Ставропольской городской Думой предложений принять в дар частные коллекции они были наконец приняты в 1904 г., и с этого времени музей стал общественным учреждением. Он получил название Ставропольского народного музея учебных пособий [5, л. 12, 14.]. В 1912 г. Ставропольская городская Дума приняла решение о передаче музею второго этажа Александровского гостиного ряда, где и состоялось его торжественное открытие.

Это был первый образцовый по полноте и компактности Центральный народный музей, состоящий из следующих отделов (музеев): 1. а) стационарный и научный музей, включал археологический, этнографический, художественный, культурно-исторический отделы (более 12000 предметов), б) научный музей, включал естественно-исторический отдел и отдел по изучению местного края (50 000 предметов); 2. Музей наглядных учебных пособий, обширнейший и единственный на Северном Кавказе (более 34 000 учебных пособий); 3. Публичная библиотека, первая на Северном Кавказе по величине и ценности содержания; 4. Ремонтно-монтажная мастерская учебных пособий; 5. Выставочный отдел, организовывал систематические, злободневные выставки.

Задачей музея было «дать богатый и полный иллюстративный материал, по возможности по всем отраслям знания; обслуживание наглядными учебными пособиями школ всех трех ступеней, курсов, отдельных лекторов и лекций», организация выставок [3, л. 38–39; 4, л. 57–58, 68.]. Музей, помимо собирательной деятельности, занимался изучением истории и археологии края, охраной памятников древности, вел большую просветительскую работу. При музее имела богатая научная библиотека, содержащая в основном краеведческую литературу по истории Северного Кавказа. Самим Г. К. Пправе был составлен и подробный библиографический указатель литературы, посвященной г. Ставрополю (более 100 карточек).

На базе музея вокруг Г. К. Пправе собирались ученые: зоологи, энтомологи, ботаники, таксидермисты, – сотрудничавшие с музеем. Благодаря им формировались коллекции, которые все более приобретали краеведческий характер. Г. К. Пправе первоначально недооценивал краеведческое направление в деятельности музея, но затем стал привлекать краеведческие материалы, хотя и был убежден, что музей не должен сосредотачиваться только на показе местной истории и культуры, а призван знакомить посетителей «с образцами животных, растений и оружия всего мира». Как вспоминал В. Н. Лучник, по замыслу Г. К. Пправе, провинциальный музей, «будучи научно-исследовательским учреждением, должен в то же время вести просветительскую работу в широких слоях

населения, давая по возможности максимум знаний, возбуждая интерес и вызывая уважение к науке и сознание ее значения. Вследствие этого, он считал совершенно ошибочным нередко наблюдаемое у нас стремление к организации исключительно краеведческих музеев. Если смотреть на музеи как на учреждения, ведущие исследовательскую работу, то тогда от них действительно можно требовать ограничения области, ими изучаемой. Однако наши провинциальные музеи, помимо чисто научных задач, преследуют также просветительные цели, и эта сторона их деятельности не может искусственно урезываться» [12, с. 546]. Поэтому в выставочной части музея краеведческий принцип совершенно сознательно был отвергнут Г. К. Праве. Вместе с тем значение материалов местного происхождения, необходимых для научной работы и в частности интересующих специалистов, «никогда не умалялось». Краеведческие материалы накапливались в фондах музея, представляли собой обширные коллекции, которые чаще предоставлялись для работы специалистам, чем выставлялись в экспозиции.

Несмотря на скудность средств, выделяемых на содержание музея, Г. К. Праве сумел привлечь сюда многочисленных бесплатных сотрудников, приходивших «с желанием работать на общую пользу». За все годы существования музея их было 150 человек. Помимо специалистов, которые вели научную работу, в музее работали многочисленные любители природы, истории, археологии и лица, просто «сочувствующие музею». Среди них Н. Я. Динник, В. И. Кувшинский, А. А. Чернышов, М. В. Бржезицкий, П. И. Нагорный, А. И. Кувшинская, Н. Я. Сперанская, Е. Р. Хадарин, И. Акимов, Г. Гладкосадский, В. Есаулов, И. Ицков, В. Гниловой, Б. Филистинский, З. Шатилова, В. Альшевский и др. [3, л. 38.] Большой вклад в развитие музея внесли супруга Г. К. Праве Мария Васильевна (ее имя и будет носить музей), их сын и четыре дочери, которые много лет работали бесплатными сотрудниками музея. «Работа в музее находилась для всех, – напишет позже В. Н. Лучник, – одни обрабатывали коллекции, другие собирали материал, третьи были заняты изготовлением коробок или вычерчиванием диаграмм. Для многих останется незабвенным то время, когда они

с энтузиазмом, свойственным молодости, просиживали в музее долгие вечера и по мере сил работали для музея под руководством основателя, неизменно готового помочь своими советами» [12, с. 546].

Во многом благодаря инициативе Г. К. Праве и той творческой и научной атмосфере, которая была создана в музее и объединяла научную интеллигенцию, в 1910 г. в Ставрополе было создано Ставропольское общество для изучения Северо-Кавказского края в историческом, географическом и антропологическом отношениях. Председателем правления и почетным членом общества стал Г. К. Праве.

Общество занималось всесторонним исследованием региона, способствовало усилению интереса общественности к своему краю, его истории и природе, к охране памятников древности и культуры, которая была не совсем удовлетворительной. Деятельность его распространялась на весь Северный Кавказ и регламентировалась, как и у других подобных научных обществ, уставом, который был утвержден 8 января 1910 г. Согласно ему целью общества было «изучение Северного Кавказа в естественно-историческом, географическом, антропологическом отношениях и популяризация естественно-исторических и географических знаний» [13]. Основными направлениями работы были научно-исследовательская работа, музейная, просветительская и издательская деятельность.

Общество состояло из почетных, действительных членов и членов-сотрудников. Последние не платили членских взносов и оказывали обществу различные услуги, преимущественно информационного характера. Действительные члены занимались непосредственно научно-исследовательскими изысканиями, просветительской деятельностью. Среди членов общества были известные ученые-кавказоведы: зоолог Н. Я. Динник, ботаники А. П. Норман, М. И. Бржезицкий, энтомолог В. Н. Лучник, геологи В. В. Богачев, С. А. Гатуев, палеонтолог И. Хоменко, статистик А. С. Собриевский, историк и археолог Г. Н. Прозрителев, инженер А. П. Стопневич, А. А. Антоновский и А. Чернышев. Велика была в составе общества и доля активно работающих любителей-краеведов, таких как Б. П. Уваров, А. Ф. Хандурин, А. А. Казанский,

И. В. Лагода, П. Е. Шмурло, И. А. Ковалевский, А. А. Эргарт, В. А. Баженов, М. П. Усков, Ю. Гросман, А. В. Динник и др. [6, л. 1.] Согласно «Отчету о деятельности общества за 1914 г.», в его составе было 139 действительных членов, 7 почетных и 27 членом-сотрудников [13].

Заседания общества проходили как в музее Северного Кавказа (создатель музея Г. Н. Прозрителев), так и в здании городского музея наглядных пособий (создатель музея Г. К. Пправе). Члены Общества Н. Я. Динник и В. Н. Лучник помогали Г. К. Пправе в создании и работе музея, были членами краевого музейного совета. Их личные коллекции значительно пополнили фонды музея. В. Н. Лучник после смерти Г. К. Пправе в 1925 г. возглавил музей. При нем были открыты новые и расширен ряд старых отделов – геологии, археологии, этнографии, библиотека. Обществом и музеем было собрано до 30 тысяч экспонатов и более 90 тысяч уникальных книг, которые позже вошли в основной фонд Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе и Ставропольской государственной краевой универсальной научной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова.

Успешное решение задач, стоящих перед обществом, зависело от его финансового положения. Членские взносы (3 руб. в год) вместе с вступительными взносами (1 руб.) и пожертвованиями являлись основным источником денежных средств общества. Прибыль составляли также нерегулярные субсидии от различных учреждений, плата за лекции и выставки, доход от различных мероприятий общества [6, л. 2]. Недостаток средств зачастую являлся серьезным тормозом для развития деятельности общества.

Научно-исследовательская деятельность общества заключалась в работе его отдельных секций (зоология, ботаника, история, география, антропология), подготовке научных докладов и рефератов, проведении научных заседаний и бесед, экскурсий, устройстве курсов публичных лекций, выставок. Проблематика исследовательской деятельности и научных публикаций членом общества складывалась более или менее стихийно, определялась их личными научными интересами и пристрастиями. Как правило, это были узкие,

локальные темы и сюжеты. Общество являлось универсальным, видное место в нем помимо естествознания занимали география, история, археология и археология.

Археологическими исследованиями занимался член общества, известный северокавказский исследователь Г. Н. Прозрителев, с именем которого связана деятельность целого ряда научно-краеведческих обществ и учреждений Северного Кавказа. Описание археологических памятников региона нашло отражение и в ряде работ известного исследователя, зоолога, ботаника и сподвижника Г. Н. Пправе в музейном деле – Н. Я. Динника. В конце XIX в. он занимался исследованием и описанием Зеленчукских храмов и находящихся рядом с ними археологических памятников [9]. Н. Я. Динник считал, что и архитектура храмов, и уцелевшие фрески в греческом стиле позволяют отнести храмы к XI в.

Общество издавало свои «Труды» [14]. Значительная часть статей в них была посвящена вопросам естествознания как научного, так и прикладного характера, научному описанию коллекций городского музея, в том числе гербария, палеонтологических и энтомологических материалов. Также печатались исторические описания и этнографические материалы. Уже в первом выпуске «Трудов» было напечатано обращение к местной общественности с просьбой заняться сбором сведений и составлением описаний местностей для общества по специальной программе, автором которой был известный северокавказский исследователь, этнограф С. В. Фарфоровский. Его перу принадлежит ряд историко-этнографических очерков, посвященных народам Северного Кавказа, историографические зарисовки и статьи из истории региона, написанные на основе архивных документов. На страницах «Трудов» часто печатал свои этнографические зарисовки М. И. Ермоленко [10, с. 121–126; 11]. Традиции и опыт этого издания были использованы Ставропольским государственным краеведческим музеем при подготовке «Материалов по изучению Ставропольского края» (г. Ставрополь, 1949–1988). Деятельность Ставропольского общества для изучения Северо-Кавказского края внесла определенный вклад в развитие краеведческого движения и музейного строительства.

Источники и литература

1. Бердинских В. А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 528 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.А-2307. Оп. 3. Д. 12.
3. ГАРФ. Ф.А-2307. Оп. 3. Д. 302.
4. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 96. Оп. 2. Д. 2884.
5. ГАСК. Ф. 372. Оп. 1. Д. 5.
6. ГАСК. Ф. 645. Оп. 1. Д. 7.
7. ГАСК. Ф. 645. Оп. 1. Д. 12.
8. Гражданское уложение. Проект высочайше утвержденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. Кн. 5. Т. 4. СПб.: Государственная типография, 1899. 574 с.
9. Динник Н. Я. Верховья Большого Зеленчука и хребет Абишира-Ахуба // Известия Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества. Тифлис, 1899. Т. 12. Вып. 3. С. 251–287.
10. Ермоленко М. И. Легенды кабардинцев и ингушей на Северном Кавказе // Труды Ставропольского общества для изучения Северо-Кавказского края в историческом, географическом и антропологическом отношениях. СПб.: [б.и.], 1913. Вып. 2. С. 121–126.
11. Ермоленко М. И. Кабардинские легенды и сказки. Ставрополь: Типография губернского правления, 1915. 39 с.
12. Лучник В. Н. Памяти Георгия Константиновича Пправе // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет / под ред. проф. В. А. Шаповалова, К. Э. Штайн. Ставрополь: СГУ, 2007. С. 545–549.
13. Ставропольский государственный историко-культурного и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 181.
14. Труды Ставропольского общества для изучения Северо-Кавказского края в естественно-историческом, географическом и антропологическом отношениях. СПб., 1911–1916. Вып. 1–2. Т. 3–4. 340 с.
15. Туманова А. С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.

References

1. Berdinskikh V. A. Uezdnye istoriki: Russkaya provintsial'naya istoriografiya (*County historians: Russian provincial historiography*). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. 528 p. (In Russian).
2. State archive of Russian Federation (GARF). F.A-2307. Inv.3. D.12. (In Russian).
3. GARF. F. A-2307. Inv.3. D.302. (In Russian).
4. State archive of Stavropol region (GASK). F.96. Inv.2. D.2884. (In Russian).
5. GASK. F. 372. Inv. 1. D. 5. (In Russian).
6. GASK. F. 645. Inv. 1. D. 7. (In Russian).
7. GASK. F. 645. Inv. 1. D. 12. (In Russian).
8. Grazhdanskoe ulozhenie. Proekt vysochaishe utverzhdennoi Redaktsionnoi komissii po sostavleniyu Grazhdanskogo ulozheniya. Book 5. Vol. 4. St. Petersburg: State printing house, 1899. 574 p. (In Russian).
9. Dinnik N. Ya. Verkhov'ya Bol'shogo Zelenchuka i khrebet Abishira-Akhuba (*The Upper of Bolshoi Zelenchuk and the Ridge of Abishir-Akhuba*) // Izvestiya Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva. 1899. Vol. 12. Issue 3. P. 251–287. (In Russian).
10. Ermolenko M. I. Legendy kabardintsev i ingushei na Severnom Kavkaze. (*The Legends of Kabardians and Ingush in the Northern Caucasus*) // Trudy Stavropol'skogo obshchestva dlya izucheniya Severo-Kavkazskogo kraja v istoricheskom, geograficheskom i antropologicheskom otnosheniyakh (*Proceedings of the Stavropol Society for the study of the North Caucasus region in the historical, geographical and anthropological relationships*). St. Petersburg, 1913. Issue 2. P. 121–126. (In Russian).
11. Ermolenko M. I. Kabardinskie legendy i skazki (*The Kabardian legends and fairy tales*). Stavropol': Printing of provincial government, 1915. 39 p. (In Russian).
12. Luchnik V. N. Pamyati Georgiya Konstantinovicha Prave (*In memory of Georgy Prave*) // Stavropol' v opisaniyakh, ocherkakh, issledovaniyakh za 230 let (*Stavropol descriptions, sketches, studies over 230 years*) / ed by V. A. Shapovalov, K.E. Shtain. Stavropol': SSU, 2007. P. 545–549. (In Russian).
13. Stavropol State Historical-Cultural and Natural Landscape Museum-Reserve named after G. N. Prozritelev and G. K. Prave. F.2. Inv.1. Ed.hr. 181.
14. Trudy Stavropol'skogo obshchestva dlya izucheniya Severo-Kavkazskogo kraja v estestvenno-istoricheskom, geograficheskom i antropologicheskom otnosheniyakh (*Proceedings of the Stavropol Society for the study of the North Caucasus region in the natural-historical, geographical and anthropological relations*). St. Petersburg, 1911–1916. Issue 1–2. Vol. 3–4. 340 p. (In Russian).
15. Tumanova A. S. Obshchestvennyye organizatsii i russkaya publika v nachale XX veka. (*The Social Organizations and the Russian Public at the Beginning of the 20th century*). Moscow: Novyi khronograf, 2008. 320 p. (In Russian).

политики по отношению к кооперативному движению, а также самими кооператорами в своей повседневной деятельности.

Целью работы является исследование влияния первого кооперативного закона на усиление просветительской деятельности кооператоров, на повышение самосознания масс в деле организации кооперативов с целью улучшения своих материальных и духовных потребностей и практической деятельности кооперативных организаций по воспитанию своих членов, проведению среди населения культурно-просветительной работы.

Методологическую основу решения поставленных задач составили принципы диалектики и историзма, объективности и системности научного анализа, являющихся общепринятыми в подобных исследованиях.

Вихри революционных событий захватили и кооперацию, на долю которой выпало немало испытаний. Однако вскоре после революции, 20 марта 1917 г. Временным правительством был принят «Положение о кооперативных товариществах и их союзах». В нем практически отражались чаяния кооператоров и их требования. Документ открывал простор самостоятельности кооперации. Положение впоследствии было дополнено законом от 21 июня 1917 г. «О регистрации товариществ, обществ и союзов» и законом от 1 августа того же года «О съездах представителей кооперативных учреждений». Этими мерами облегчался процесс открытия кооперативов, а также предоставлялась возможность полного объединения их на местах и во всероссийском масштабе.

Важнейшим достижением основного закона было введение взамен разрешительной явочной системы открытия кооперативов всех видов. Закон укреплял лучшие традиции кооперативного движения в России, подчеркнув, что кооперативное товарищество имеет целью содействовать не только моральному, но и духовному благополучию своих членов [2, с. 29].

Первая статья принятого закона гласила: «Кооперативным товариществом признается такое товарищество с переменным составом и капиталом, которое, действуя под особой фирмой, имеет целью содействовать материальному и духовному благосостоянию своих членов путем совместной организации разного рода хозяйственных предприятий или труда своих членов» [1, с. 25].

«Примеров такого способа создания юридических норм немного: может быть, их и вовсе не сыщешь», – писал центральный журнал российских кооператоров того периода.

Кооперативный закон, принятый в 1917 г., завершил достойным образом десятилетия борьбы и усилий творческой мысли мужественных российских кооператоров. Журнал «Союз потребителей» отмечал: «Наш кооперативный закон займет почетное место в ряду кооперативных законов других стран. Без преувеличения можно сказать, что он займет в этом ряду первое место. Весь он пропитан общим взглядом на кооперацию, как на движение, сочетающее с чисто хозяйственными целями – умножение духовных ценностей; в нем нашел, таким образом, отражение взгляда на кооперативное движение, составляющий особенность, можно сказать, русской кооперативной школы и точно соответствующий стремлениям и чаяниям широких демократических масс, захваченных кооперацией. С другой стороны, с неуклонной последовательностью проведена в законе полная свобода самоопределения кооперативных организаций, начиная с низших и кончая, венчающим здание кооперации, центром. Никаких стеснений в свободном общественном строительстве; лишь самые общие рамки, гарантирующие действительно кооперативный характер организации, и предоставление полной свободы при заполнении этих общих рамок конкретным кооперативным содержанием» [7, с. 3].

Кооператоры России умело и конкретно воспользовались новыми правами и добытой через революционный переворот свободой. В марте был созван Всероссийский съезд представителей кооперативных союзов в Москве. Основался и был избран Совет Всероссийских кооперативных съездов. На этом же съезде было решено содействовать всероссийскому объединению крестьян – созвать всероссийский съезд крестьянских депутатов, а на местах создать такие советы. Майский съезд крестьян в Петрограде, а впоследствии его Исполнительный комитет получили огромную материальную поддержку от кооперативов и их союзов и существовали главным образом при их помощи.

Как мы уже отмечали, первая статья закона дала определение кооперации как организации, ставящей целью содействовать не

только материальному, но и духовному благополучию своих членов, что выражалось в общественно-массовой и культурно-просветительской деятельности, не позволявшее кооперативу вырождаться лишь в коммерческое предприятие. Экономические мероприятия в силу этого определялись понятием нравственности.

Со стороны соединенной комиссии Государственного Совета была предпринята попытка изменить формулировку в том смысле, что не исключается существование кооперативов, которые не будут обращать никакого внимания на духовное развитие своих членов, а осуществление культурных начинаний возможно в установленном законом порядке, т. е. духовная жизнь кооперации, вся ее культурная ценность ставилась в зависимость от государственного усмотрения. Это предложение вызвало бурный протест кооператоров, ибо, по их мнению, это означало «вынуть душу из кооперации».

Культурно-просветительская работа – это неотъемлемая часть кооперации, одна из ее сторон, ибо кооперативы по своему существу как раз и призваны духовно воспитывать своих сочленов и эту миссию с честью выполняют. «Кооператив по своему существу суть учреждения – аполитические; по методу своих действий – культурные» [8, с. 12].

Образование Совета Всероссийских кооперативных съездов внесло новую струю в культурно-просветительскую работу и упорядочило ее, образовав единый идейный и духовный центр российской кооперации. Культурно-просветительская деятельность Совета Всероссийских кооперативных съездов за недолгий период своего существования (март 1917 – январь 1919 г.) мало известна широкому кругу читателей, как и само существование этого проправительственного органа Российских кооператоров.

Вместе с тем деятельность эта заслуживает внимания по нескольким причинам. Несмотря на сложность внутривластной обстановки, полного развала хозяйственной жизни и перехода правительства к «политике военного коммунизма», в которой кооперации отводилась роль распределительного аппарата в государственных продовольственных органах, Совет развернул широкую культурно-просветительскую работу. В этом большая заслуга выдающегося ученого А. В. Чаянова, члена Совета Все-

российских кооперативных съездов (ВКС), принимавшего активное участие в этой работе. Он призывал о создании комитета по спасению культурных ценностей отечества. Чаянов отмечал многогранность кооперативной деятельности: «Сторон жизни, куда может проникнуть кооперация, бесконечное множество».

Культурно-просветительский отдел, образованный при Совете ВКС, в меру своих сил и возможностей способствовал делу просвещения народа, понимая неразрывность связи культуры и кооперации. Общеизвестно, что идеология всегда тесно связана с уровнем культуры.

Кооперативное движение России, возникшее в середине XIX в., уже в начале XX в. стало неотъемлемой частью социально-экономической жизни российского общества. Кооперативы «имели огромное социальное значение. Они являлись прообразом будущего строя, к которому неизбежно ведет весь ход развития капиталистического общества», – писала кооперативная пресса. Возможность участвовать в социальном преобразовании общества посредством сочетания хозяйственной и культурно-просветительской деятельности – одна из сильных сторон кооперативного движения, привлекавшая многих деятелей русской культуры к кооперативному движению.

Культурно-просветительский отдел при Совете ВКС ставил вопрос быстрейшего подъема гражданского и культурного самосознания, организуя в деревнях, уездах, губернских городах культурные центры для распространения просветительской и кооперативно-агитационной литературы. При Совете была открыта и библиотека.

В круг вопросов культурно-просветительского отдела при Совете ВКС входило устройство библиотек, кооперативных курсов, кооперативных и крестьянских школ, кооперативной прессы, организация работы со взрослыми и детьми в кружках и школах грамотности, краеведение, художественное воспитание населения, создание и оказание помощи народным театрам, работа детских садов, площадок, клубов, музеев, складов, научных институтов, выставок, лекционная и издательская деятельность и др.

Этот важный отдел был организован 1 июля 1917 г. В его состав вошли крупнейшие деятели кооперации А. Н. Анцыферов,

Н. П. Макаров, Н. А. Каблуков, А. Ф. Фортунатов, А. А. Рыбников, В. А. Кильчевский, Л. М. Арманд, А. Н. Минин и др. В течение 1918 г. Совет ВКС издал уставы, разработанные юридическим кооперативным отделом Совета для культурно-просветительных учреждений: устав кооперативного товарищества для устройства среднего учебного заведения, устав кооперативного товарищества преподавателей и родителей для устройства учебного заведения, устав культурно-просветительного товарищества, устав общего и кооперативного товарищества «Народный дом». В течение года Совет зарегистрировал 14 культурно-просветительных обществ; девяти было отказано в регистрации.

Отдел провел совещание по Высшей крестьянской школе, по краеведению, развитию которого уделялось серьезное внимание; в связи с этим была создана комиссия по разработке вопросов краеведения, назначен круг вопросов по истории России, подлежащих изучению, выявилось место краеведения в школьном образовании, определялись типы изучения методики краеведения, организации музеев.

Издательский отдел подготовил и издал работу «Формы и объем культурно-просветительной деятельности на местах», выпустил первый номер журнала «Просвещение и кооперация» в ноябре 1917 г. и второй номер в феврале 1918 г. Помимо этого, а также подготовки и издания проектов уставов, отдел выпустил сборники программ кооперативных курсов, школ, лекции, указатели по внешкольному и школьному образованию, библиографические указатели кооперативной литературы.

Подотдел кооперативного просвещения (образован 10 января 1918 г.) занимался изучением программ и учебников школ всех видов в целях распространения кооперативных изданий и включения кооперативных проблем в школьные программы и учебные пособия.

А. В. Чайнов вошел не только в состав экономического и юридического отделов и в ряд комиссий, но и в комитет по народному образованию, в издательский и культурно-просветительный отделы.

С целью пропаганды идей кооперации и сплочения кооператоров России Совет ВКС приступил также к созданию своего печатного органа «Известия Совета Всероссийских

кооперативных съездов». В первом номере этого издания сообщалось: «Кооперация в свободной России, как великая общественная и культурная сила, самой жизнью призвана сыграть выдающуюся роль в деле возрождения страны» [3, с. 18].

Благодаря деятельности Совета 30 октября 1918 г. состоялось открытие Всероссийского кооперативного института, который существует и поныне носит название сегодня Российского университета кооперации. Это учебное заведение является ведущим вузом Центросоюза России.

Таким образом, культурно-просветительная деятельность Совета – яркая страница в жизни этого представительного органа отечественной кооперации.

Кооператоры России всегда хорошо представляли себе силу и значение печатных органов, особенно популярных в народе газет и журналов. Поэтому, несмотря на определенные трудности, кооперация имела к 1917 г. довольно большое количество кооперативных изданий – более 100, однако и это количество Совет ВКС считал недостаточным и приступил к изданию еженедельной демократической и социалистической газеты «Власть народа». Газета, как писал журнал «Союз потребителей», была призвана «служить делу объединения всех живых сил страны в их стремлении укрепить республиканский строй России... не являясь партийным органом, стремиться к объединению стоящих на государственной точке течения русского социализма» [9, с. 3–4].

Главным пайщиком издания являлся Московский союз потребительских обществ, а в Московский народный банк взял на себя финансирование организованного товарищества «Кооперативное издательство».

Кооперативное товарищество, помимо издания газеты, планировало выпускать брошюры и листки, посвященные поднимаемым в газете проблемам. В своем первом обращении товарищество поставило в качестве перспективной задачу «выстроить совершенно новое государственное здание, основанное на полной свободе самоопределения личности, национальностей». Более ста писателей и общественных деятелей дали согласие на участие в газете, среди них Плеханов, Анисимов, Кафенгауз, Макаров, Минин, Огановский, Прокопович, Рыбников, Чайнов,

Арманд, Беркенгейм, Зельгейм, Кулыжный, Ленская, Меркулов, Хижняков, Вересаев, Шмелев, Гумилев, Горький, Аксельрод, Ахматова и др. [4, с. 103].

Таким образом, опыт прошлого убеждает нас в том, что любое объединение людей оказывается непрочным и не может вести хозяйство рационально, если это объединение не поддерживается идеями добра и справедливости, что невозможно привить без хорошо налаженной культурно-просветительной и воспитательной работы. Поэтому практически все кооперативы, положившие в основу своего существования классические кооперативные принципы, подобную работу считали одной из основных в своей деятельности.

В сегодняшних условиях, когда страна стремительно входит в рыночные отношения, «расплодилось» множество кооперативов и товариществ, которые в основу своей

деятельности положили сиюминутные материальные выгоды. Отчасти это связано с несовершенством российских законов, а отчасти с пробуждением людей от долгой «спячки» в условиях тоталитарного советского режима, который сковывал инициативу людей и сдерживал их стремления к улучшению своего материального положения, втискивая их в рамки «социалистического строя» [5, с. 205].

Однако такое явление не имеет перспективы. И лишь тот кооператив имеет будущее, может процветать и занять свое место в экономической и общественной жизни, который заботится не только о материальном благополучии своих членов, но и духовном их развитии, сделав культурно-просветительную и воспитательную работу одной из главных направлений в своей деятельности. В этом ему может оказать неоценимую помощь практический опыт прошлого.

Источники и литература

1. Бондаренко Н. В., Кошева Д. А., Куцетеров Р. М. Кооперативное движение России в документах и цифрах. Ставрополь: Пул, 1996. 222 с.
2. Деловая жизнь Ставрополя: коллективная монография / Ю. И. Асеев, А. Л. Черногоров, С. А. Харитонов, Н. Ю. Асеева, Е. М. Величко, Н. В. Кандаурова, И. П. Чепурной, В. Н. Грузков, И. В. Грузков, Г. И. Панаедова, Ю. П. Ветров, Л. Н. Хрипкина, Д. В. Смелкин, Р. М. Куцетеров, З. Р. Кочкарова, В. В. Анохина, С. В. Панасенко, В. И. Гончаров. Ставрополь: [б.и.], 2003. 268 с.
3. Известия Совета Всероссийских Кооперативных съездов. 1919. № 1–2. С. 18.
4. Козлова Е. Н. Кооперативный закон и его предыстория // Кооперация: Страницы истории. Вып. 3. М.: Институт экономики РАН, 1993. С. 100–123.
5. Кочкарова З. Р., Кочкаров Р. Х. Трансформация кооперации в современных условиях модернизации экономики сельского хозяйства: монография. Ставрополь: Сервисшкола, 2006. 236 с.
6. Куцетеров Р. М., Кочкарова З. Р. Проблемы российской кооперации на современном этапе модернизации экономики сельского хозяйства // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2007. № 4. С. 78–83.
7. Союз потребителей. 1917. № 11. С. 3.
8. Союз потребителей. 1917. № 8. С. 12.
9. Союз потребителей. 1918. № 2. С. 3–4.

References

1. Bondarenko N. V., Kosheva D. A., Kushcheterov R. M. Kooperativnoe dvizhenie Rossii v dokumentakh i tsifrakh (*The cooperative movement in the Russian documents and figures*). Stavropol': Pul, 1996. 222 p. (In Russian).
2. Delovaya zhizn' Stavropol'ya (*The business life of Stavropol*) / Yu. I. Aseev, A. L. Chernogorov, S. A. Kharitonov, N. Yu. Aseeva, E. M. Velichko, N. V. Kandaurova, I. P. Chepurnoi, V. N. Gruzkov, I. V. Gruzkov, G. I. Panaedova, Yu. P. Vetrov, L. N. Khripkova, D. V. Smelkin, R. M. Kushcheterov, Z. R. Kochkarova, V. V. Anokhina, S. V. Panasenka, V. I. Goncharov. Stavropol': [b.i.], 2003. 268 p. (In Russian).
3. Izvestiya Soveta Vserossiiskikh Kooperativnykh s'ezdov. 1919. № 1–2. (In Russian).
4. Kozlova E. N. Kooperativnyi zakon i ego predystoriya (*Cooperative law and its pre-history*) // Kooperatsiya: Stranitsy istorii. Issue 3. Moscow: IE RAS, 1993. P. 100–123. (In Russian).
5. Kochkarova Z. R., Kochkarov R. Kh. Transformatsiya kooperatsii v sovremennykh usloviyakh modernizatsii ekonomiki sel'skogo khozyaistva: monografiya (*Transformation cooperation in modern conditions of modernization of the rural economy: a monograph*). Stavropol': Servisskola, 2006. 236 p. (In Russian).

6. Kushcheterov R. M., Kochkarova Z. R. Problemy rossiiskoi kooperatsii na sovremennom etape modernizatsii ekonomiki sel'skogo khozyaistva (*Problems of Russian cooperation at the present stage of modernization of agricultural economics*) // Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava. 2007. №4. P. 78–83. (In Russian).
7. Soyuz potrebitelei. 1917. № 11. (In Russian).
8. Soyuz potrebitelei. 1917. № 8. (In Russian).
9. Soyuz potrebitelei. 1918. № 2. (In Russian).

УДК 930

Д. А. Ляпин, Н. А. Жиров

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЮГА РОССИИ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVIII вв. (НА ПРИМЕРЕ ЕЛЬЦА)¹

Статья посвящена изучению динамики численности населения города Ельца с 1594 по 1711 гг. Авторы используют различные архивные документы за 1594, 1618, 1645, 1688, 1697 и 1711 гг. В статье также прослеживается соотношение посадского (торгово-ремесленного) и служилого населения города, поскольку наличие и количество посадского населения в городе – важный показатель

процесса урбанизации. В результате авторам удалось показать на конкретном примере постепенное увеличение числа посадских жителей и уменьшение служилого населения, связанное с превращением города-крепости в торгово-ремесленное поселение.

Ключевые слова: урбанизация, Елец, посадское население, служилое население, демография.

D. A. Lyapin, N. A. Zhirov

THE DYNAMICS OF THE POPULATION IN THE SOUTH OF RUSSIA IN LATE XVI – EARLY XVIII CENTURIES (BY THE EXAMPLE OF YELETS)

The article studies the dynamics of the population in the city of Yelets from 1594 to 1711. A variety of archival documents, which date back to 1594, 1618, 1645, 1688, 1697 and 1711, are referred to. The article also specifies the correlation between Posad (trade and handicraft) and the serving population of the city. This is because the presence and number of urban population in the city is an important

indicator of the urbanization process. As a result, the article shows a gradual increase in the number of suburb residents and the reduction of the service population preconditioned by the process of turning Yelets from a military fortress into a trade and craft city.

Key words: urbanization, Yelets, trade and handicraft population, service population, demography.

Город Елец существовал как центр княжества до начала XV в., затем пришел в запустение и был разрушен. Он был восстановлен в 1592–1593 гг. как крепость на южном пограничье России. К концу XVII столетия город представлял собой крупнейший торгово-ремесленный центр региона и превышал по численности такие города, как Курск и Воронеж. Неслучайно воронежский губернатор

в 1710-е гг. предпочитал находиться в Ельце, где существовали более благоприятные условия для комфортной жизни, чем в Воронеже [6].

Основным показателем экономического развития города является рост численности его жителей, занятых в торговле и ремеслах. Таким образом, мы проследим динамику численности населения Ельца и в этом кон-

¹ Статья выполнена по гранту РГНФ и администрации Липецкой области, проект № 16-11-48001 0/Ц

тексте – соотношение посадского и служилого населения.

Ю. А. Мизис в работе о формировании рынка Центрального-Черноземья справедливо отметил, что посадское население в южнорусских городах не являлось преобладающим по численности и экономическому потенциалу, а образование посадов шло «мучительно долго» и наталкивалось на сопротивление общин мелких служилых людей [12, с. 539]. Только к концу XVII в. в Ельце посадское население преобладало, что было связано с экономическими успехами в развитии города.

К проблеме изучения численности населения России в XVII–XVIII вв. в отечественной исторической науке обращались различные советские и российские историки-демографы, в работах которых довольно подробно изложена методика учета населения по писцовым и переписным книгам, а также по материалам ревизий [1; 3; 4; 5; 7].

Согласно общепринятым методам, двор в XVII–XVIII вв. соответствовал средней семье в 6 человек. Вследствие приблизительности наших подсчетов для большей достоверности мы будем пользоваться округленными цифрами, что вполне приемлемо при определении численности населения для изучаемой эпохи. Данная методика нами уже апробировалась в отдельных исследованиях [8; 9; 10].

После окончания строительства Ельца в 1594 г. количество служилых людей в новой крепости составляло 846 человек. Кроме того, в Ельце находилось 11 священнослужителей и 13 человек, входящих в категорию чиновников, итого – 870 человек. [13]. Таким образом, средняя численность семей служилого населения Ельца в конце XVI в. составляла около 6100 человек. При этом примерная численность посадского населения в это время составляла всего около 100 человек [11, с. 7].

В 1618 г. город Елец был разрушен армией казаков запорожского гетмана П. К. Сагайдачного. Накануне этого печального события в городе проживал 1461 служилый человек мужского пола. [11, с. 7]. Посадское население, размещавшееся в отдельной Черной слободе Ельца с 1613 г., составляло около 40 человек м. п. Получается, что в Ельце в 1618 г. проживало около 6 000 человек, при этом посадское население составляло не

более 160 человек. Количество населения здесь заметно не менялось до 1632 г. С этого года значительная часть служилого населения переселяется, по инициативе правительства, в новые города на южной границе. Этот процесс продолжался до середины 1650-х гг.

Летом 1645 г. служилое население Ельца присягнуло царю Алексею Михайловичу. Примерная численность служилого населения в городе составила 400 человек м. п., кроме того, в городе было 5 подьячих и около 30 церковнослужителей [14, л. 95 об.]. По переписной книге 1646 г. в Ельце находилось посадских людей – 177 человек и 4 вдовы, в монастырских слободах – 44 человека и 4 вдовы, на церковных землях – 39 человек и 1 вдова, в слободе боярина Н. И. Романова – 17 человек и 1 вдова, кроме того, в домах детей боярских жили их холопы – 66 человек и 7 вдов [15, л. 313 об.]. Итого в 1645–1646 гг. служилое население составляло около 2 000 человек, а посадское – превысило 1 000 человек.

В 1658 г. на Елец было совершено нападение татар, по итогам которого была составлена перепись населения [16]. По данным этого документа, в городе проживали 2 210 человек м. п. Служилое население города составляло примерно 1 165 человек (принадлежность 87 человек установлена приблизительно), посадское – 907 человек.

В 1660-х гг. рост численности служилого населения прекратился, что было связано с постепенным угасанием военной функции города. В 1688 г. в Ельце проживало примерно 16 тысяч человек, из них посадское население составляло около 10 тысяч человек [11, с. 7]. В 1697 г. в Ельце проживали около 20 тысяч человек, из них посадское население составляло абсолютное большинство – 16 тысяч человек [2].

В 10-е гг. XVIII в. Елец стал центром особого податного округа – «доли», включавшего в себя более 5 000 дворов [6]. В этой связи население города превысило 20 тысяч человек. По ландратской книге 1711 г. служилое население составляло не более 1 тысячи человек [18].

Таким образом, статистические материалы по Ельцу отражают процесс превращения крепости в полноценный город. При этом за столетний период торгово-ремесленное население опередило по численности служи-

лое: в конце XVI в. в Ельце торгово-ремесленное население составляло чуть более 2 %, в начале XVIII в. – 95 %. Следует отметить, что переломным моментом в динамике соотношения служилого и посадского населения стали 1645–1650 гг. Именно в эти годы правительством проводилось «посадское строение», в ходе которого часть служилых людей перешла в посадские, поскольку те получали права и привилегии в торговле. Тем самым реформы правительства Б. И. Морозова способствовали экономическому развитию городов и увеличивали

число налогоплательщиков для пополнения казны. Одновременно с этим реформы позволили ускорить процесс урбанизации некоторых регионов, отстающих в своем развитии от центра (в частности Юга России).

В целом же динамика численности населения Ельца была связана с экономическим развитием города, а также изменением его военного значения, при этом его географическое положение способствовало скорейшему превращению города в важный торгово-экономический центр.

Источники и литература

1. Водарский Я. Е. Население России за 400 лет. М.: Просвещение, 1973. 160 с.
2. Глазьев В. Н. Служилые люди Елецкого уезда в конце XVII в. // Материалы международной конференции, посвященной 850-летию Ельца. Елец: ЕГПИ, 1996. С. 19–21.
3. Горская Н. А. Историческая демография России эпохи феодализма. Итоги и проблемы изучения. М.: Наука, 1994. 224 с.
4. Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в.: По материалам ревизий. М.: Наука, 1963. 157 с.
5. Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в.: по материалам ревизий. М.: Наука, 1971. 210 с.
6. Комолов Н. А. Елец в 1710–1770-е годы: страницы политической истории // Межвузовские научно-методические чтения памяти К. Ф. Калайдовича. Вып. 8. Елец: Издательство ЕГУ им. И. А. Бунина, 2008. С. 35–42.
7. Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1860-е гг.: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука, 1990. 272 с.
8. Жиров Н. А. Канищев В. В. Моделирование историко-географического районирования (на материалах юга центральной России XIX в.) // История: Факты и символы. 2015. №1. С. 63 – 83.
9. Ляпин Д. А., Жиров Н. А. Численность и размещение населения Ливенского и Елецкого уездов в конце XVI – начале XVII веков // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Чтения памяти академика РАН Л. В. Милова: материалы международной научной конференции (Москва, 21–23 ноября 2013). Вып. 3 М.: МГУ, 2013. С. 283–288.
10. Ляпин Д. А., Жиров Н. А. Тяглое население городов Юга России (по материалам переписи 1646 г.) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. Чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы международной научной конференции. Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г. М.: МГУ, 2014. С. 283–288.
11. Ляпин Д. А. История Елецкого уезда в конце XVI–XVII вв. Тула: Гриф и Ко, 2011. 210 с.
12. Мизис Ю. А. Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. Тамбов: Юлиус, 2006. 815 с.
13. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф.141. Оп.1. Д.1.
14. РГАДА. Ф. 210. Оп. 7а. Д. 98.
15. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 135.
16. РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 433.
17. РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 113.

References

1. Vodarskii Ya. E. Naselenie Rossii za 400 let (*The Population of Russia over 400 years*). Moscow: Prosveshchenie, 1973. 160 p. (In Russian).
2. Glaz'ev V. N. Sluzhilye lyudi Elets'kogo uezda v kontse XVII v. (*Service people Yelets uyezd in the late XVII century*) // Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 850-letiyu El'tsa (*Proceedings of the international conference dedicated to the 850th anniversary of Yelets*). Yelets: ESPI, 1996. P. 19–21. (In Russian).
3. Gorskaya N. A. Istoricheskaya demografiya Rossii epokhi feodalizma. Itogi i problemy izucheniya (*Historical demography of Russia of an epoch of feudalism. Results and problems of study*). Moscow: Nauka, 1994. 224 p. (In Russian).

4. Kabuzan V. M. Narodonaselenie Rossii v XVIII – pervoi polovine XIX v.: Po materialam revizii (*Population of Russia in XVIII – first half XIX century: On materials of audits*). Moscow: Nauka, 1963. 157 p. (In Russian).
5. Kabuzan V. M. Izmeneniya v razmeshchenii naseleniya Rossii v XVIII – pervoi polovine XIX v.: Po materialam revizii (*Changes in the distribution of population of Russia in XVIII – first half XIX century: On materials of audits*). Moscow: Nauka, 1971. 210 p. (In Russian).
6. Komolov N. A. Elets v 1710-e – 1770-e gody: stranitsy politicheskoi istorii (*Elets in 1710s – 1770s: pages of political history*) // *Mezhvuzovskie nauchno-metodicheskie chteniya pamyati K.F. Kalaidovicha*. Issue. 8. Yelets: ESU named after I.A. Bunin, 2008. P. 35–42. (In Russian).
7. Mironov B. N. Russkii gorod v 1740–1860-e: demograficheskoe, sotsial'noe i ekonomicheskoe razvitie (*Russian city in the 1740-1860s: demographic, social and economic development*). L.: Nauka, 1990. 272 p. (In Russian).
8. Zhirov N. A. Kanishchev V. V. Modelirovanie istoriko-geograficheskogo raionirovaniya (na materialakh yuga tsentral'noi Rossii XIX v.) (*Modeling of historical-geographical zoning based on materials of the South of Central Russia in XIX century*) // *Istoriya: Fakty i simvoly*. 2015. No 1. P. 63 – 83. (In Russian).
9. Lyapin D. A., Zhirov N. A. Chislennost' i razmeshchenie naseleniya Livenskogo i Eletskego uezdov v kontse XVI – nachale XVII vekov (*The number and distribution of the population of Yelets and Livny districts in the late XVI – early XVII centuries*) // *Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya. Chteniya pamyati akademika RAN L. V. Milova: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 21–23 noyabrya 2013)* (*Ancient Rus, Russia: the Middle Ages and modern times. Reading the memory of Academician L. V. Milov: materials of the international scientific conference (Moscow, 21–23 November 2013)*). Issue 3. Moscow., 2013. P. 283–288. (In Russian).
10. Lyapin D. A., Zhirov N. A. Tyagloe naselenie gorodov Yuga Rossii (po materialam perepisi 1646 g.) (*Taxpaying population of the cities of the South of Russia (on materials of census of 1646)*) // *Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya. Chteniya pamyati akademika RAN L.V. Milova. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 26 oktyabrya – 1 noyabrya 2015 g.* (*Ancient Rus, Russia: the Middle Ages and modern times. Reading the memory of Academician L.V. Milov. Proceedings of the international scientific conference. Moscow, October 26 – November 1, 2015*). Issue 4. Moscow: 2014. P. 283–288. (In Russian).
11. Lyapin D. A. Istoriya Eletskego uezda v kontse XVI – XVII vv. (*History of Yelets district in the late XVI-XVII centuries*). Tula: Grif i Ko, 2011. 210 p. (In Russian).
12. Mizis Yu. A. Formirovanie rynka Tsentral'nogo Chernozem'ya vo vtoroi polovine XVII – pervoi polovine XVIII vv. (*Formation market of the Central Chernozem region in the second half XVII – first half XVIII centuries*). Tambov: Yulius, 2006. 815 p. (In Russian).
13. Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA). F. 141. Inv. 1. D. 1. (In Russian).
14. RGADA. F. 210. Inv. 7a. D. 98. (In Russian).
15. RGADA. F. 1209. Inv. 1. D. 135. (In Russian).
16. RGADA. F. 210. Inv. 1. D. 433. (In Russian).
17. RGADA F. 350. Inv. 1. D. 113. (In Russian).

УДК 364.054: 930.253 (470.6) "18-19"

П. Г. Немашкалов

**СТРАНИЦЫ ЦЕРКОВНОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ СТАВРОПОЛЬСКОЙ
(КАВКАЗСКОЙ) ЕПАРХИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.
(НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АЛЕКСАНДРО-МАРИИНСКОЙ
ЕПАРХИАЛЬНОЙ БОГАДЕЛЬНИ)**

В статье впервые на основе архивного материала воссозданы история становления основных административно-хозяйственных структур, экономическая деятельность открытой на Северном Кавказе в 1897 г. для лиц духовного звания Александро-Мариинской епархиальной богадельни. Распространение богаделен в России объясняется отсутствием иных видов призрения бедных и впадших в бедность, слабым развитием

частной благотворительности, отсутствием законодательства о призрении таких лиц. К концу XIX века все богадельни государства делились на две группы: несловные и словные. Именно эти вопросы поднимаются в статье в контексте конкретной епархии.

Ключевые слова: история РПЦ, Ставропольская (Кавказская) епархия, богадельня, благотворительность.

P. G. Nemashkalov

**CHURCH CHARITY OF THE STAVROPOL (CAUCASUS) EPARCHY
IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES (BY THE EXAMPLE
OF THE ALEXANDRO-MARIINSKY DIOCESAN ALMSHOUSES)**

With the reference to archival materials, the article reconstructs the history of formation of the main administrative structures and the economic activity the clergy of Alexander and Mary diocesan charity opened in the North Caucasus in 1897. The popularity of old age homes in Russia was due to the lack of other types of charity as regards the poor,

weak development of private charity, the lack of relevant legislation. By the end of the XIX century almshouses of the state were of two types: illegal and class. The above-mentioned aspects are viewed in the context of a particular diocese.

Key words: history of the ROC, Stavropol (Caucasian) diocese, almshouse, charity.

Сложное и противоречивое развитие Кавказской епархии нашло отражение в одном из её направлений деятельности – благотворительности. Наиболее ярким примером этой области является созданная в конце XIX в. Епархиальная богадельня, основной функцией которой должно было стать призрение вдов и сирот духовного звания Кавказской епархии. Данная проблема вписывается в историю повседневности, как ее понимают создатели НОЦ «Новая локальная история». По их мнению, история повседневности служит инструментом более объемного изучения процессов, происходивших в локальных сообществах прошлого [1, с. 113–118].

10 августа 1897 г. Епархиальное попечительство о бедных духовного звания (далее – попечительство) обратилось к благочинным с отношением о желающих поступить из заштатных, вдов и сирот духовного звания во вновь открываемую Епархиальную богадельню. Благое начинание обернулось глубоким разочарованием, когда во всей епархии не нашлось желающих. Благочинный церковью г. Ейска протоиерей Петр Овсяников в своем рапорте указал, что на предложение поступить в богадельню вдове дьякона Феодосии Беяковой 75 лет, получающей 30 руб. от попечительства, проживающей у дочери, ответом было: «Мы по миру пойдем, если у

нас нечем будет кормить мать, а не пустим её от себя в богадельню», – и в заключение в рапорте отметил: «Такой мрачный взгляд на богадельню!» [14].

Одним из первых в Богадельню поступил сын умершего псаломщика Троицкой церкви ст. Ставропольской Кубанской области, лишенный зрения на оба глаза, сирота Николай Дмитриев Мальцев (19 лет), которого 21 ноября 1897 г. доставил опекун, священник той же станицы Лазарь Попов. Однако 21 июля 1898 г. родной дед, житель слободки Григорьевской, отставной рядовой Михаил Никифоров Селезнев забрал Николая из богадельни и стал его опекуном [15].

В первый год в число призреваемых были определены и не покинули богадельни заштатный дьякон Павел Бенедиктов (85 лет, прослуживший в епархии с 1835 по 1897 г.), с женой Феклой Антоновой, проживавшие ранее в приходе Николаевской церкви села Белой-Глины [16]. Потом приняли двух круглых сирот умершего псаломщика ст. Ставропольской Михаила Колесникова – Александру и Анну, поскольку они вообще не имели родственников и проживали: Александра – у священника ст. Славянской Николая Зорина, а младшая Анна – в ст. Платнировской у его зятя, человека очень бедного.

В это же время Попечительство ответило первым отказом на просьбу о призрении дьяконского сына Александра Прозорова, проживающего у брата своего – священника Иоанна Прозорова в ст. Медведовской Кубанской области, указав, что он 34 лет и здоров, поэтому сам может себя прокормить [17]. Отказ получали лица, которым пребывание в богадельне попечительство не могло обеспечить полноту ухода. Так, например, в 1913 г. обратилась жена дьяконо-псаломщика с. Новоселицкого Ставропольской губернии Екатерина Соловьева и, представив медицинское свидетельство, просила принять мужа Николая Соловьева в богадельню (по заключению врача, тот страдал общим расстройством нервной системы в тяжелой форме и начинающимся циррозом печени, на что нужна специально приспособленная водолечебница) [13]. Поскольку такого вида ухода богадельня обеспечить не могла, то просительнице последовал отказ. Во всех иных случаях попечительство старалось обеспечить полноценное содержа-

ние, а если такового не могла предоставить богадельня, призреваемые определялись в специализированные учреждения, и несло все сопутствующие расходы [11]. По прошению дочери умершего протоиерея Федора Никифоровича Поспелова, монахини Евгении Поспеловой, 29 июня 1909 г. приняли сестру её, вдову священника Марию Федорову Бовшик, однако 17 июля её стали считать выбывшей, поскольку два раза тайно уходила из богадельни [6].

Призреваемые дети служили предметом особой заботы попечительства, для них делалось все возможное, чтобы скрасить их сиротство. Дети школьного возраста обучались в школах, далее записывались в духовно-учебные заведения, при недостаточной успеваемости для них нанимали репетиторов, при лишении за неуспеваемость казенного содержания, они воспитывались за счет богадельни. По резолюции его преосвященства в 1909 г. принята дочь псаломщика Пицхлаурова, которой для подготовки к поступлению в Епархиальное училище специально была нанята учительница с платою в 10 руб. в месяц. Содержащийся в богадельне сын умершего псаломщика Иван Синанов попечительством для обучения помещен в Новогригорьевскую второклассную школу, его содержание в 1909 г. составило 65 руб. в год [5].

Прилагая большие усилия и средства к исправлению поступавших детей, не всегда добивались положительных результатов. Так, в 1913 г. в богадельню поступили дети заштатного трижды судимого псаломщика Вячеслава Незлобина, для ухода за которыми была нанята особая прислуга [13]. В своей резолюции к Попечительству попечитель богадельни протоиерей Александр Яковенков указал, что «призреваемые мальчики Незлобинские не проявляют желаний к обучению, кроме младшего Федора, условно терпим второй Вячеслав, старший Василий оказался негодным по испорченному нраву и лени к учению и воспитанию. Склонен к воровству и драчлив, что делает невозможным его пребывание в школе и богадельни. Из класса учителем временно удален и предлагается его совершенно изгнать из училища. Из выдаваемых вещей все превращается в лохмотья. Отец их в целях добычи денег чуть не силой уводит из богадельни, несмотря на протесты надзирательницы, и просит

подавание по городу. Два младших прячутся от него, а старший и девочка Серафима (3,5 лет) идут с ним, один за табак, другая за конфеты. Старший угрожал камнем разбить голову надзирательнице». После долгого разбирательства и поиска возможностей перевоспитания принудили их отца написать прошение в попечительство, в котором он просит определить его старшего сына в колонию малолетних преступников (Кубанский исправительный приют), расходы по его содержанию в приюте в размере 120 руб. в год взяло на себя Попечительство [10].

С самого создания Богадельни её деятельностью заведовал о. попечитель протоиерей Александр Яковенков, финансовую часть контролировал о. казначей Попечительства протоиерей Иоанн Архангельский. Журналом Попечительства от 10 июля 1898 г. постановлено давать попечителю богадельни ежемесячно авансом на мелочные расходы 50 руб., при полном комплекте призреваемых – 100 руб. В штате богадельни значились: надзирательница, учительница (в отчетах иногда отсутствует. – *авт.*), доктор (который двукратно в неделю навещался к больным, а иногда и чаще), кучер-дворник, служитель при больном (в ведомостях иногда отсутствует. – *авт.*), кухарка и комнатная, с конца 1905 г. появляется должность сторожа сада и служителя-истопника с жалованием. Содержание штата обходилось от 60 руб. до 70 руб. в месяц [4].

Источником денежных поступлений в пользу богадельни являлись:

- 1) 2 % отчисления с чистой свечной прибыли и кружечно-кошельковых сумм от церквей епархии (отменен съездом о.о. депутатов епархии в 1903 г.);
- 2) 1 % отчисление свечного Ставропольского епархиального завода с прибыли;
- 3) от аренды богадельнического сада;
- 4) проценты от капиталов богадельни.

Призреваемые пользовались всеми возможными удобствами: здесь были светлые комнаты, всегда поддерживалась чистота и опрятность помещений, стол (обед и ужин) из двух блюд, а по праздникам и воскресеньям – из трех, утром и вечером доставляли чай с белым хлебом. Основные товары богадельня приобретала в лавке Романова на суммы от 20 до 50 руб. ежемесячно. Иногда за удовлетворением текущих бытовых

потребностей обращались в магазин Филимонова. Мясные продукты поставлялись на сумму до 150 руб. из лавки Строганова или Шальнева [4].

Число призреваемых и их содержание зависело от находящегося в ней контингента и, как следствие, от необходимых расходов на его содержание. Так, всех призреваемых за 1903 г. было 18 душ, 1904 г. – 20, 1905 г. – 20, и в 1906 г. – 20. Содержание одного призреваемого в год с пищей, одеждою, медицинским присмотром, книгами, письменными принадлежностями составляло: в 1903 г. – 51,04 руб., в 1904 г. – 56,37 руб., в 1905 г. – 64,64 руб.; а с содержанием сада, дома, служащих: в 1903 г. – 188,45 руб., в 1904 г. – 169,66 руб., в 1905 г. – 142,99 руб. В среднем содержание за три года в первом случае составило 57,35 руб., а во втором – 167,03 руб. [7].

Текущий и капитальный ремонт помещений осуществлял подрядчик Петр Соболев. В 1909 г. исправили 5 печей, кухонный очаг, печь в бане – на все потрачено 102,80 руб. [6]. В 1911 г. попечительство выделило 1 200 руб. на перестройку бани в богадельни. Однако этих средств не хватило, поскольку в проекте не учли контингента, и потребовалась перекладка пола, что увеличило смету на 346,37 руб. [7].

Что касается капиталов богадельни, то их учет и ведение отчетности Ставропольским епархиальным съездом в 1906 г. признавалось образцовым. К 1 января 1903 г. состояло билетами 102 100 руб., к 1 апреля 1906 г. – 120 100 руб. и наличными 932,88 руб.; деньги эти хранились с попечительскими в одном сундуке в Ставропольском губернском казначействе [6]. С билетов государственного вклада 4 и 2 % поступал стабильный ежемесячный доход. Правление свечного завода передавало в попечительство 1 % отчислений от прибыли, которая, например, за 1904 г. составила 1 262,47 руб. [7, л. 6], а за 1913 г. – 1 854,78 руб. [9]. Данные средства шли на покрытие расходов Попечительства по делам богадельни, но если средств было недостаточно, тогда Попечительство компенсировало разницу. Однако возникали случаи, когда собственных средств богадельни скапливалась приличная сумма, а расходов не предвиделось, то приобретали 4 % банковских свидетельств о вкладах. В 1911 г. капитал, заключающийся только в процентных бумагах, составлял сумму в

128 921,58 руб., при этом сумма Попечительства по билетам составляла 156 858 руб., а сиротских капиталов – 48 400 руб. [8]. Концентрация такого количества средств привела к тому, что Епархиальным съездом в 1916 г. было принято решение «для временного усиления оборотных средств епархиального свечного завода взаимнообразно передать заводу помещенные в процентных бумагах капиталы Епархиальной богадельни в сумме 100 000 руб.» [12, л. 3], таким образом, средства богадельни были переданы в Епархиальный свечной завод на его развитие.

Живописной особенностью Епархиальной богадельни являлся фруктовый сад, пожертвованный Попечительству вдовой генерала Попондопуло накануне открытия богадельни. Сад являлся одновременно и местом отдыха призреваемых, и реальным подспорьем в ведении хозяйства, поскольку, помимо фруктов, от его аренды получали стабильную ежегодную прибыль до 90 руб. в год.

30 апреля 1901 г. Попечительство предложило причту Варваринской церкви г. Ставрополя принять на себя отправление всех богослужений и треб в Епархиальной богадельне с вознаграждением 120 руб. в год. На что причт дал согласие, и службы начались с 1 июня [2]. Необходимость домового храма для призреваемых ощущалась с каждым годом острее, и поэтому она была помещена в одну из комнат богадельни. Осветили её 17 февраля 1905 года, иконостас был установлен при помощи настоятеля Михайловской Закубанской пустыни архимандрита Мартирия. Стоимость его составляла более 1500 руб., без помощи архимандрита не скоро бы богадельня обзавелась собственной домовою церковью, при которой по воскресным и праздничным дням совершались литургии. Имелась также небольшая библиотека, откуда призреваемые пользовались книгами для келейного чтения [7].

Нужно отметить, что Попечительство очень строго следило за тем, чтобы в число призреваемых лиц попадали только лица духовного звания, и на этом основании всегда отказывало тем, кто к их числу не относился. Конечно, исключения всегда есть даже в самом строгом правиле, таковым в деятельности Попечительства стала война с Японией и Первая мировая война. Вопрос о принятии в богадельню детей офицеров и низших чинов, умерших в войну с Японией, перед Попечительством поднял о. попечитель протоиерей Александр Яковенков. На это Попечительство 14 марта 1905 г. ответило, что подобные вопросы оно решать ограничено съездом о.о. депутатов духовенства и уставом, но Попечительство на съезде вынесет рассмотрение этого вопроса, о принятии хотя бы небольшого количества сирот. Однако этот вопрос так и остался нерешенным [4]. Ситуация изменилась в 1915–1916 гг., когда на попечении богадельни постоянно находились (вместе с прислугой) 23–28 душ и 22–33 беженцев, а, на содержание которых тратилось до 520 руб. в месяц [11].

Богадельня, действовавшая в структуре Попечительства, никогда не могла самостоятельно принимать решения и зависела не только от Попечительства, но и от съезда о.о. депутатов Епархии. История показывает сложности взаимодействия самой церкви в области призрения лиц духовного звания, корпоративность и крайнюю замкнутость структуры. Эта форма оказания помощи характеризуется строгой адресностью и всесторонней оценкой личности, претендующей на её получение. Другой формой оказания помощи было всесословное направление, которое являлось продолжением церковной благотворительности, что, несомненно, вело к повышению авторитета не только епархии, но и всей Русской православной церкви на Северном Кавказе.

Источники и литература

1. Булыгина Т. А. История повседневности и «новая локальная история»: исследовательское поле и исследовательский инструмент// Новая локальная история: по следам Интернет-конференций. 2007–2011. Ставрополь: СКФУ, 2014. 344 с.
2. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 361. Оп. 2. Д. 108.
3. ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 177.
4. ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 195.
5. ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 233.
6. ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 234.
7. ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 241.

8. ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 245.
9. ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 267.
10. ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 268.
11. ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 273.
12. ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 278.
13. ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 292.
14. ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 58.
15. ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 65.
16. ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 66.
17. ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 76.

References

1. Bulygina T. A. Istoriya povsednevnosti i «novaya lokal'naya istoriya»: issledovatel'skoe pole i issledovatel'skii instrument (*The history of everyday life and the «new local history»: the research field and research tool*) // Novaya lokal'naya istoriya: po sledam Internet-konferentsii. 2007–2011 (*New local history: in the wake of the Internet conferences. 2007–2011*). Stavropol': NCFU, 2014. 344 p. (In Russian).
2. State Archive of the Stavropol Territory (GASK). F. 361. Inv. 2. D. 108. (In Russian).
3. GASK. F. 361. Inv. 2. D. 177. (In Russian).
4. GASK. F. 361. Inv. 2. D. 195. (In Russian).
5. GASK. F. 361. Inv. 2. D. 233. (In Russian).
6. GASK. F. 361. Inv. 2. D. 234. (In Russian).
7. GASK. F. 361. Inv. 2. D. 241. (In Russian).
8. GASK. F. 361. Inv. 2. D. 245. (In Russian).
9. GASK. F. 361. Inv. 2. D. 267. (In Russian).
10. GASK. F. 361. Inv. 2. D. 268. (In Russian).
11. GASK. F. 361. Inv. 2. D. 273. (In Russian).
12. GASK. F. 361. Inv. 2. D. 278. (In Russian).
13. GASK. F. 361. Inv. 2. D. 292. (In Russian).
14. GASK. F. 361. Inv. 2. D. 58. (In Russian).
15. GASK. F. 361. Inv. 2. D. 65. (In Russian).
16. GASK. F. 361. Inv. 2. D. 66. (In Russian).
17. GASK. F. 361. Inv. 2. D. 76. (In Russian).

УДК 94(430-470).08

Т. Н. Плохотнюк

ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПОДДАННЫХ И ИНОСТРАНЦЕВ В РОССИИ И В ГЕРМАНИИ В XIX ВЕКЕ

В статье предпринята попытка выяснить сходство или различие в определении правового статуса подданного и иностранца в России и в Германии. Это сравнение необходимо для всестороннего анализа процесса перемещения населения через российско-германские границы. Правовой статус подданного и иностранца влияет на процессы международной миграции. Он может способствовать им или сдерживать их. По мне-

нию автора, статус подданного и иностранца предопределяется принципом государственно-территориального устройства, так как отношение к территориям и есть отношение к народу, их населяющих.

Ключевые слова: трансграничные перемещения, миграционная система, Россия, Германия, правовой статус, подданный, иностранец.

T. N. Plokhotnyuk

THE FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF THE CITEZENS AND FOREIGNERS IN RUSSIA AND GERMANY IN 19th CENTURY

The article studies similarities or differences between the legal status of a citizen and a foreigner in Russia and Germany. The comparison is necessary for a comprehensive analysis of the process of Russian-German cross-border migration. The legal status of the citizen and the legal status of a foreigner can affect the process of cross-border migration. It can contribute to it or hold it back. According to

the author, the status of a citizen and the status of a foreigner are determined by the principle of state-territorial structure as the relation to territories is in its essence the relation to the people inhabiting them.

Key words: cross-border migration, migration system, Russia, Germany, legal status, citizen, foreigner.

Трансграничное перемещение предполагает перемещение подданного одного государства на территорию другого, где перемещающийся индивид, подданный государства-донора, сразу же превращается в иностранца для государства-реципиента. Как правило, отношение подданных и иностранцев к государству существенно различается, так же как и их положение в государстве. Нахождение иностранца в пределах государства остается только фактом и никогда не составляет для него права. Государство не обязано его терпеть на своей территории. Если его пребывание для государства будет сочтено по каким-то причинам неудобным, оно может удалить его в любое время, и с удалением его прекращаются всякие отношения с данным государством.

Отношение подданного к государству определяется наличием у него права находиться

в пределах государства и права государства оказывать ему защиту и в пределах других государств. Этим правам соответствуют обязанности: со стороны подданного – обязанность подданнической верности; со стороны государства – обязанность при всяких условиях терпеть подданного на своей территории и пускать его в свои пределы [10, с. 35].

Чтобы всесторонне проанализировать процесс перемещения населения через российско-германские границы небезынтересно и остро необходимо выяснить особенности правового статуса подданного и иностранца, как в России, так и в Германии. Сходство или различие в определении этих статусов должны влиять на процессы международной миграции: способствовать им или сдерживать их, а потому столь важно уточнить общее и особенное в их определении, объяснив их.

Несомненно, что статус подданного и иностранца будет предопределен принципом, который лежит в основе государственно-территориального устройства, так как отношение к территориям и есть отношение к народу, их населяющему.

Реформировав во второй половине XIX в. многие сферы, и продекларировав свой интерес к принципу конституционализма, и примерив его в очередной раз, Россия осталась неограниченной монархией и унитарной по форме территориально-государственного устройства. Присоединяя новые территории, Россия включала в свой состав одно за другим прежде самостоятельные государства или часть владений других держав. Она никогда не образовывала ни федерации, ни унии. Как правило, первое время после присоединения, Россия не занималась активно инкорпорированием новой территории, а в некоторых случаях сохраняла за присоединенными областями их местные законы и учреждения, предоставляя им более или менее широкую местную автономию. Это обстоятельство давало повод некоторым из исследователей видеть в этих присоединениях унию России с самостоятельными государствами [3, с. 188–189].

Так, Польшу второй половине XIX в. безоговорочно признавали инкорпорированной территорией Российской империи. Но сохранялось широко распространенное и, на первый взгляд, обоснованное мнение о существовании до 1830 г. реальной унии между Россией и Царством Польским. Следующие обстоятельства казались основательными аргументами положения о наличии унии. Во-первых, до присоединения к России Польша имела такое самостоятельное государственное образование, как герцогство Варшавское. Во-вторых, о предположении дать Польше особое управление (*administration distincte*), представительство и национальное учреждение упомянуто было в акте Венского конгресса. И, наконец, в-третьих, польской конституцией, дарованной Александром I, устанавливалось особое коронование польской короной. Однако ряд других обстоятельств убеждает в том, что унии не было [3, с. 190–191].

Начнем с того, что не все герцогство Варшавское было присоединено к России, а те польские области, которые образовали Цар-

ство Польское, перед присоединением их к России не составляли особого государства. Таким образом, Царство Польское не было уже раньше независимо от России существовавшим государством, а было созданием русской власти. В соответствии все с тем же актом Венского конгресса русский монарх наделялся правом определения границ царства. В акте упоминалось о том, что введение польского национального представительства и учреждений не носит обязательный характер и предоставлено свободному усмотрению заинтересованных государств [3, с. 191].

Итак, решающее значение имело то обстоятельство, что царство Польское не было самостоятельным государством, правителем которого Александр I стал бы только в силу своих наследственных прав или в силу избрания. Граница царства и его государственное устройство, и даже название – все это было созданием русской власти в подчиненной ей области. Поэтому следует согласиться с мнением венского профессора Еллинека, что в период времени с 1815 по 1832 г. положение Польши и позицию России в отношении этой территории можно было сравнить с положением Канады в составе королевства Великобритании и позицией последней, даровавшей Канаде конституцию. В 1832 г. Польше еще была сохранена значительная административная автономия. Но после восстания 1863 г. совершилось уже полное слияние польских губерний с остальными областями империи.

Положение Финляндии в составе Российской империи тоже не определялось однозначно. Одни считали Финляндию суверенным государством, находящимся в реальной унии с Россией; другие – инкорпорированной провинцией, наделенной значительной степенью автономии; наконец, третьи видели в ней государство, но не суверенное, а присоединенное к России не на началах унии, а на началах подчинения.

Существование реальной унии между Финляндией и Россией признавали, главным образом, финские публицисты. Это мнение разделяли такие специалисты в области русского государственного права, как Энгельман и Романович-Славитинский. К сожалению, ни Энгельман, ни Романович не назвали основания, позволявшие им отрицать единство русского государства и считать Россию сложным

государством, составленным из находящихся между собой в реальной унии Империи и Великого княжества Финляндского [11, с. 98].

Западноевропейские юристы считали Финляндию не более как инкорпорированной провинцией России. Оппенгейм, опираясь на манифест Александра I 20 марта 1808 г., видел в присоединении шведской Финляндии к России инкорпорацию [17, с. 109]. Франц фон-Гольцендорф прямо признавал ошибочным считать соединение Финляндии с Россией унией. Финляндия находилась в таком же отношении к России, как например, Исландия к Дании [14, с. 103]. Точно так же Бич-Лауренс признавал русского Государя владеющим Финляндией «по праву завоевания» и не допускал возможности какого-либо вопроса о международном вмешательстве в отношениях между Россией и Финляндией [8, с. 119].

Особенно подробно эту проблему изучал профессор Венского университета Еллинек. По его мнению, Финляндия была самостоятельна так, как ни какая другая провинция России. Но, тем не менее, он называл ее только провинцией Российской империи, а не государством, стоящим в реальной или личной унии с Россией. Еллинек аргументировал свое мнение тем, что Россия, завоевав Финляндию как часть шведского государства, уничтожила здесь шведскую государственную власть. Таким образом, власть Швеции над Финляндией заменилась властью России, правитель которой решил каким образом будет управляема вновь приобретенная область, будут ли сохранены вполне или отчасти ее старые учреждения [17, с. 71].

Это мнение разделили работающие в области международного государственного права российские юристы Мартенс и Даневский, а также профессор русского государственного права Алексеев. Так как Филлимор, Кальво, Бульмеринк, выясняя юридический характер отношений, существовавших между бывшим Царством Польским и Россией, не проводили параллелей и даже не упоминали о Финляндии, то это обстоятельство дает косвенное основание считать и их в числе тех, кто разделял мнение об инкорпорации Финляндии. Из исследователей, занимающихся определением юридической природы отношений Империи с Финляндией, только Геффкен в редакци-

рованном им гефферовском издании Международного права и Бри считал Финляндию находящейся в реальной унии с Россией [5, с. 34–35; с. 42; с. 56–57; с. 62].

Для многих других основанием считать Финляндию находящейся в реальной унии с Россией служил факт существования для Великого Княжества особого законодательства, особой администрации, особой судебной организации. Существование в Финляндии сейма, ограничивающего законодательную власть Государя, выставлялось как особое доказательство невозможности признать Финляндию инкорпорированной провинцией России. Обособленность местного устройства и даже существование особого законодательного собрания в случае с Финляндией нельзя признать отличительными признаками унии, так как Финляндия стала составной частью империи в результате завоевания её Россией. Россия решала, какой будет организация власти на этой территории. Таким образом, и здесь не было согласия двух независимых сторон, что является обязательным условием установления унии [3, с. 194–195].

Российская государственность продемонстрировала свою стабильность и незыблемость. Государственно-территориальное устройство ее не подвергалось изменениям, а только расширялась за счет присоединения территорий. Для германской государственности XIX в. стал периодом значительных, эпохальных преобразований. В начале XIX в. Германия по-прежнему состояла из множества государственных образований, каждое из которых имело свою таможенную систему, органы управления, свое законодательство, различную систему мер и весов. Венский конгресс 1815 г. не устранил раздробленности Германии, но число самостоятельных немецких государств он уменьшил до 38 (34 монархии и 4 вольных города) Наиболее крупными из них были Австрия, Пруссия, Саксония, Бавария, Ганновер. Конгресс способствовал образованию рыхлой конфедерации германских государств [2, с. 23–24].

Кроме того, территории таких государств, как Австрия и Пруссия, были несоразмерно больше, чем территории мелких герцогств и княжеств, а также эти два главных государства имели обширные владения, не входившие в состав германской территории. В этом

случае отождествление интересов всех членов Союза не могло иметь место. Австрия и Пруссия являлись не только сильнейшими членами Германского союза, но первоклассными европейскими державами со своими интересами и традиционным политическим курсом, которые не могли быть принесены в жертву интересам Германского союза. Прусские и австрийские интересы уже имели определенность и конкретность, тогда как оформление национальных интересов Германии было делом будущего.

Таким образом, в этот период свои интересы Пруссия и Австрия противопоставляли интересам микроскопических государств (Zwergstaaten), а так называемая общая политика Германского союза могла быть результатом случайного или редкого соглашения. Созданный для сохранения внешней и внутренней безопасности Союз не мог взять на себя обеспечение общими средствами условий общего благосостояния, духовного и экономического развития всего германского народа. Эти цели осуществлялись помимо Союза по инициативе и добровольному соглашению отдельных государств. Ярким примером этого положения можно назвать создание (учреждение) Таможенного союза [2, с. 33].

Хотя союзный акт признал, а заключительный акт подтвердил равенство всех германских государств, они одинаково независимы, все имеют право на участие в союзном управлении – но его не было и не могло быть. Степень участия в сейме не была одинакова для всех государств. Союз существовал как доказательство неосуществимости на этом этапе каких бы то ни было общих учреждений в Германии. Он не мог видоизмениться, а только пасть при развитии таких условий, как оформление сознания национального единства или определения центра единения [2, с. 57].

Это и произошло в результате европейских событий второй половины 1840-х – первой половины 1860-х гг. Германский союз в прежней форме прекратил свое существование. Очередная попытка реформирования этого Союза привела к войне, основными противниками в которой были Австрия и Пруссия. Перед началом войны германские государства сгруппировались около двух соперниц в соответствии со своими старыми симпатиями [2, с. 69].

В результате войны 1866 г. Пруссия добилась исключения Австрии из Германии; инкорпорировала Шлезвиг-Гольштейн; округлила свои границы на севере Германии и значительно прирастила свою территорию; образовала новый Северо-Германский союз. Союзный трактат был подписан 18 августа 1866 г. 24 июня 1867 г. была учреждена конституция этого Союза, а с 1 июля 1867 она вступила в силу [2, с. 215].

По условиям Никольсбургского предварительного мира (26 июля 1866) и Пражского мирного договора (23 августа 1866) река Майн была принята разделительной чертой между территорией Северо-Германского союза и южными германскими государствами, которым была предоставлена свобода в создании своего союза. Но предполагаемый или дозволенный южно-германский союз не смог бы стать значительным и самостоятельным в политическом отношении даже по причине малочисленности населения (8 млн) и ограниченности территории. Он составил бы серьезное «дополнение» к каждой державе, желавшей соперничать с Северо-Германским союзом. Он мог сделаться орудием в руках Австрии или Франции. Поэтому граф Отто Бисмарк (как творец Северо-Германского союза он получил должность союзного канцлера), зная о том, что органическое слияние двух частей Германии – это дело будущего, заботился об упрочении отношений международного характера с южно-германскими государствами [2, с. 244].

Так, например, с каждым из них были заключены оборонительные договоры (Schutz- und Trutz- Bündnisse). В соответствии с их условиями каждая из договаривающихся сторон, во-первых, обещалась хранить целостность территории своего союзника, во-вторых, в случае войны предоставлять в его распоряжение все военные силы. Анализируя содержание этих договоров, следует отметить не только его значимость для укрепления межгосударственных отношений, но и оценить их вклад в подготовку объединения Северной и Южной Германии. С военной точки зрения единство Германии было фактически достигнуто, так как война отдала бы в распоряжение Пруссии все силы Германии [12].

Все южные государства – Баден, Гессен, Вюртемберг и даже Бавария – сознавали если не необходимость присоединения к

Северному союзу, то невозможность изолироваться от него. К этому времени существования «южного союза» стало ясно, что он не может быть условием обеспечения экономических и внешнеполитических интересов государств, не вошедших в состав Северогерманского союза, тогда как опыт объединения северных и южных государств Германии в виде Цолльферейна (Zollverein) демонстрировал и убеждал в значительных взаимных выгодах. Даже во время войны 1866 г. между странами прежнего Германского союза, разрушившей все договоры, на которых был основан Таможенный союз, ни одно государство не помышляло о ниспровержении таможенных учреждений. Их деятельность не прекращалась ни на минуту. В то время как войска бывших союзников сражались на полях, чиновники спокойно продолжали исполнение своих обязанностей [2, с. 81; с. 136–137].

Этот практический союз подготовил условия для политического объединения немецких государств. После окончания войны встал вопрос о юридическом оформлении статуса Таможенного совета в новых условиях: Германия по одну сторону Майна составила компактное государство, в котором таможенное управление передавалось в руки общесоюзной власти; по другую сторону она представляла совокупность независимых государств. Организовать общее таможенное управление для столь разнородных в политическом отношении частей Германии было чрезвычайно важно и столь же затруднительно. Если 4 южногерманских государства желали сохранить таможенный союз, то оно (управление) должно было сложиться по типу или нового союза или прежней конфедерации, т. е. оно могло быть шагом или вперед, или назад к германскому единству. Для прусского правительства подобная реформа была единственным поводом и средством перешагнуть за «Майнскую линию» и оно не упустило этой возможности [2, с. 247].

Договор о Таможенном союзе был окончательно подписан 8 июля 1867 г. Он вступил в силу 1 января 1868 г. и должен был сохранять свое действие до 1877 г. На этом историческом этапе учреждение органов правления Таможенного союза было высшим достижением в деле объединения всей Германии [12].

Образование южно-германского союза, в противовес северному, было невозможно

по ряду причин: отсутствие сильного объединительного центра; отсутствие шансов на сохранение самостоятельности в случае возникновения такого союза. Но во второй половине 1860-х гг. эти государственные образования еще могли сохранять независимость, обеспечивая свои экономические интересы в связях с северной Германией, и только новая война смогла пробудить единое национальное чувство и сплотить Германию. Германия, объединившись для ведения войны 1870–1871 гг., вышла из войны политически объединенной [2, с. 249; с. 260; с. 275].

После продолжительных переговоров Северо-Германский союз заключил договоры сначала с Баденом и Гессеном (15 ноября 1870 г.), затем с Баварией (23 ноября 1870 г.) и через два дня с Вюртембергом (25 ноября 1870 г.). Совокупность уступок, сделанных союзным правительством, можно разделить на две группы. Одни из них обеспечивали привилегированное положение Баварии, наделяли привилегиями Вюртемберг; другие меняли характер союзной конституции, т. е. усиливали федеративное начало, ограничивая гегемонию Пруссии [9].

Компетенция союзного правительства была расширена за счет наделения союзной законодательной власти правом регламентации печати, сходов, ассоциаций, т. д. Несмотря на уступки, соглашение между севером и югом состоялось не без труда. После ожесточенных дискуссий сначала были подписаны договоры с южно-германскими землями, затем после ревизии союзной конституции 16 апреля 1871 г. имперская конституция была принята [18].

Статья 3 и пункт 1 статьи 4 германской конституции вводили право общего гражданства. Они были сохранены как положения из предыдущей имперской (прусской) конституции в неизменном виде. Так, статья 3 устанавливала «государственную принадлежность» или «общее туземство» (Indigenat), т. е. в соответствии с этой статьей член каждого отдельного государства, вошедшего в союз, мог пользоваться в другом государстве всеми правами природного подданного. На этом основании он имел повсеместное право оседлости, приобретения недвижимой собственности, право на занятие общественных должностей, на судебную защиту, и т. д. [18, Art 3].

Правами имперского гражданства могло пользоваться только лицо, уже имевшее право гражданства в одном из союзных немецких государств. Юристы справедливо считали имперское подданство не самостоятельным, а добавочным правом к праву гражданства в отдельном союзном государстве. И хотя юристы определяли имперское гражданство первым, но только наличие земельного гражданства давало право приобретения так называемого первого (имперского) гражданства; с потерей земельного терялось и первое. Это обстоятельство было особенно неудобно из-за значительных расхождений в законах о приобретении и утрате права гражданства в отдельных немецких государствах [18, Art 3].

По 1 пункту статьи 4, в которой была оговорена компетенция союзного уровня, надзору и законодательству союза подлежали постановления о праве передвижения, оседлости и т. д. На основании этого пункта 1 июня 1870, т. е. еще в рамках прежнего Северо-Германского союза, появился закон о приобретении и утрате союзного и местного (земельного) подданства. Закон 1870 г. был верен федеративному началу, т. е. право союзного подданства провозглашалось дополнением к праву местного подданства. Оно приобреталось и утрачивалось вместе с последним. Закон устанавливал только общие условия принадлежности к отдельным государствам. Право местного, а, следовательно, и имперского подданства приобреталось: 1) рождением; 2) узаконением; 3) браком; 4) принятием (Aufnahme) лица, уже принадлежавшего к одному из государств союза и 5) путем натурализации (для иностранцев) [18, Art 4].

В российской империи подданство устанавливалось или как следствие какого-либо факта, обусловившего связь лица с данным государством, или в силу прямого принятия лица в подданство, т. е. принятия иностранцем российского подданства. В первом же случае лицо приобретало право на принадлежность к данному государству независимо от его на то согласия. Государство было обязано признать своими подданными лиц, родившихся от его подданных; женщин, заключивших брак с его подданными. Кроме того, государство, приобретая новые территории, объявляло своими подданными тех, кто жил на этой территории [3, с. 265].

Рассмотрим внимательнее каждый способ установления подданства, как в Германии, так и в России. Такой компаратив помогает выяснить позиции государств в вопросах перемещения его подданных. Начнем с такого способа установления подданства как рождение. Без сомнения, из всех способов установления подданства он самый важный. Во всех государствах преобладающая масса подданных есть подданные именно по рождению. Какими же условиями определяется установление подданства рождением? Условия эти в законодательствах России и Германии определялись не одинаково.

Теория государства различает две основные системы установления подданства рождением: территориальную и национальную. При территориальной системе решающее значение имеет место рождения, так что каждый родившийся от кого бы то ни было на территории государства признается подданным этого государства. При национальной системе подданным государства признается каждый родившийся от его подданных, где бы то ни было, в пределах государства или за границей.

Германский рейх признавал всех законных детей, независимо от места их рождения, принадлежащих к государству, в котором числились гражданами их родители. Для незаконных детей открывалось несколько возможностей. Закон признавал общим правилом, что незаконные и так называемые неузаконенные дети следовали гражданству матери. Следовательно, незаконное дитя, родившееся от немецкой гражданки, получало ее гражданство. Но это право терялось для него в случае узаконения его отцом, принадлежащим к другой национальности. Точно так же немецкий гражданин, признавший себя отцом незаконно рожденного ребенка от иностранки, мог дать ему право немецкого гражданства [18, Art 3, 4].

Итак, германская имперская конституция содержала четкую формулировку статьи о приобретении подданства рождением. А в российском законодательстве положение о том, кто признается русским подданным по рождению, отсутствовало, и даже не было прямого указания на то, что вообще рождением можно приобрести подданство. Но, по мнению теоретиков русского права и государствоведов, это разумелось само собой,

и, кроме того, на это указывало постоянно употребляемое определение «природный» по отношению понятию «подданный» [3, с. 265].

То, что российское законодательство не определяло очевидным русское подданство лица, родившегося от русской подданной за границей, весьма красноречиво свидетельствует об отношении государства к проблеме перемещения своих подданных. Случай рождения российского подданного за границей вовсе не предусматривался российским законодательством. Только ст. 930 IX т. упоминала о том, что обязанности консулов по выдаче свидетельств о рождении российских подданных в иностранных державах уточнены в Уставе Консульском [8, с. 18]. Но в Консульском Уставе был предусмотрен только случай рождения ребенка от русской подданной на «русском судне» или «иностранным корабле» [8, с. 19].

Крупнейший специалист в области российского государственного права Н. Коркунов предлагал путем аналогии определять, что российское государство все же признает детей, рожденных от русской подданной за границей, своими подданными. Так как, ст. 850 т. IX Основания гражданского права определяла детей иностранцев, родившихся в России, иностранцами, то профессор Коркунов, по аналогии, заключал, что и дети русских подданных, рожденные за границей, тоже должны признаваться российскими подданными. Судя по всему, в российском законодательстве еще не были до конца и корректно оформлены ни национальная, ни территориальная система. Вполне возможно, что здесь имела место трансформация, которая могла привести к закреплению варианта, свойственного только российскому государству [3, с. 266].

Жена по общему правилу следовала состоянию мужа, т. е., выходя замуж, женщина приобретала подданство мужа [18, Art 3–4; 7, № 4674]. И российское, и германское законодательства закрепляли это положение [15, с. 123]. А вот право приобретения подданства усыновлением российское законодательство, в отличие от германского, существенно ограничивало. Не запрещая усыновлять иностранцев, российский закон не наделял усыновляемого новыми правами состояния, подданства прежде всего [7, № 4286]. Усыновляемый сохранял первоначальные

права состояния, следовательно, и подданство. Единственное исключение составляло усыновление дворянами и потомственными почетными гражданами: в этом случае усыновляемый, если он принадлежал к низшему состоянию, получал право личного почетного гражданства. Но личным почетным гражданином в России мог быть и иностранец [7, № 4287].

Российский закон не предусматривал случая узаконения детей, рожденных до принятия их родителями русского подданства. Но как только отец-иностранец принимал русское подданство, он приобретал все права без всякого различия от коренных подданных. Теперь ему как русскому подданному нельзя было отказать в праве узаконения детей, прижитых с женой до брака [1, с. 233; 3, с. 115].

Своеобразие территориально-государственного устройства российской империи обусловили закрепление в законодательстве такого способа, как устанавливая подданство для населения присоединенной области. Факт завоевания государства и присоединения его к российской территории был основанием для обращения в подданства завоеванного населения. Российское государство, не желая иметь в новых своих владениях враждебно настроенных против него жителей, предоставляло желающим сохранять прежнее подданство, но только при условии выселения и продажи недвижимости в течение определенного срока.

Устанавливая этот срок, российское законодательство руководствовалось положениями Венского конгресса 1815 г., который определял его в 10 лет. Так, например, в мирном трактате, заключенном между Россией и Турцией 27.01.1874 г., ст. 7 определяла: «... жители местностей, уступленных России, которые пожелали бы поселиться вне сих территорий, могут свободно удаляться из страны и не продавшие своих недвижимых имуществ, остаются русскими подданными». Юристы того времени уточняли, что эта статья должна быть толкуема ограничительно, заключающееся в ней постановление следовало относить только к тем жителям, которые были прежде турецкими подданными. Если на присоединенной территории находились на момент завоевания иностранцы, то они не принимали россий-

ское подданство. Подданных государства, присоединенного к территории российского государства, не считали иностранцами.

И российское, и германское законодательства признавали такой способ установления подданства, как натурализация, или укоренение [7, № 4674; 18, Art 3–4]. Укоренение было применимо к иностранцам, то есть к тем лицам, которые не имели права на принадлежность к государству. Поэтому, укореняя иностранца, государство осуществляло акт свободного усмотрения. Так как государства не признавали себя обязанными принимать в подданство каждого просящего о том иностранца, то укоренение обставлялось известными условиями.

Прежде чем проанализировать и сравнить их, рассмотрим положение переместившегося на территорию другого государства, пока сохраняется его статус иностранца. Факт пребывания подданного одного государства на территории другого служило основанием для начала его отношений с государством-реципиентом. Именно оно и определяло содержание этих отношений, наделяя иностранца определенными правами или предоставляя ему некоторые возможности. Обыкновенно иностранцам не предоставлялось политических прав, а только гражданские, но и гражданские права предоставлялись им с некоторыми ограничениями.

Для России участие иностранцев во всех сферах жизни общества было реальностью. Так как результативность этого участия была достаточно высокой, то государство даже закрепило законодательно право государственной службы и сословные права иностранцев в России. Так, иностранец мог поступить на военную и государственную службу по учебному ведомству. Иностранные ученые, художники, предприниматели, добившиеся значительных успехов, могли получить права личного почетного гражданства, но не иначе как в силу особого о том Высочайшего указа, объявляемого Сенату. Кроме того, они могли просить после десятилетнего пребывания в почетном гражданстве, о предоставлении их детям, вступившим в русское подданство, потомственного почетного гражданства. С разрешения казенных палат иностранцы могли записываться в цехи и тогда пользоваться всеми правами цеховых. Для иностранных дворян было установлено изъ-

ятие от телесного наказания. Это изъятие, очевидно, должно быть отнесено к изъятиям по правам состояния и, следовательно, иностранные дворяне в случае уголовного суда над ними должны быть отнесены к категории лиц, изъятых от телесного наказания по правам состояния [6, № 14327].

По общему правилу, гражданскими правами иностранцы пользовались наравне с русскими подданными. Лишь в последней четверти XIX в. во время правления Александра III, известного своими антииностранными настроениями, были установлены некоторые специальные ограничения прав иностранцев. Так, в некоторых местностях ограничены их права по приобретению недвижимого имущества. В 1886 г. установлено запрещение иностранцам приобретать недвижимое имущество в Туркестанском крае. Указом от 14 марта 1887 г. в десяти губерниях Царства Польского и в губерниях Лифляндской, Курляндской, Ковенской, Виленской, Витебской, Минской, Гродненской, Киевской, Волынской, Подольской и Бессарабской иностранцам было отказано в праве приобретать или арендовать сельскохозяйственные угодья. Здесь им было предоставлено только право найма домов и квартир для личного жительства. Указом от 7 августа 1887 г. этот запрет был распространен и на иностранные общества, компании и товарищества, действовавшие на этих территориях, т.е. иностранцам не разрешалось участвовать в них своим капиталом [7, № 4021].

В губерниях Царства Польского иностранцы не могли быть управляющими недвижимыми имуществами. В 21 губернии, расположенных близко к границе, наследование недвижимости иностранцами допускалось только по закону прямой нисходящей линии и между супругами и только в том случае, если наследник поселился в России до издания этого закона, т.е. до 14 марта 1887 г. Во всех других случаях наследования закон обязывал наследника-иностранца в течение трех лет продать унаследованную недвижимость русскому подданному. Если это условие не выполнялось, недвижимость определялась в опеку, а затем следовала его продажа с публичного торга [7, № 4021]. Итак, почти все ограничения были в основном закреплены за определенными территориями, что позволяет заключить, что опасения проник-

новения сюда иностранного элемента и его внедрение здесь станет угрозой унитарной форме устройства империи, подталкивало государство к таким ограничениям. Кроме того, это, несомненно, было последствием усложнения отношений с Германией, так как с началом 1880-х эти отношения резко ухудшились.

Оформление новой формы территориально-государственных отношений между землями Германии тоже послужило импульсом для изменения статуса как подданных Германии, так и иностранцев. Кроме развития политической свободы, немецкое общество надеялось найти в своем единстве освобождение от многих полицейских стеснений, которым в прежнее время были подвергнуты личная свобода, свобода слова и совести. Конституция дала имперской власти возможность удовлетворить некоторые существенные требования общества – это были требования свободы передвижения, оседлости и более четкая регламентация паспортной системы.

Прежде всего имперское законодательство закрепляло свободу оседлости и передвижения как одно из существенных условий экономической свободы. Так как возможность избрания места жительства и беспрепятственного передвижения давала свободу промыслов и торговли, то союзное государство пошло на значительные уступки, предоставляя обществу право свободного передвижения. Причем иностранцев во многих случаях закон уравнивал в правах с подданными (конституция, положения о едином гражданстве и закон от 1 июля 1870 г. об общих условиях приобретения местного и союзного гражданства были обеспечены рядом законов, принятых еще в 1867, 1869 г.) Так, в положениях Закона от 1 ноября 1867 г. (*über die Freizügigkeit*) был реализован следующий принцип: каждый имперский обыватель (*Reichsangehörige*) может находиться и водворяться в каждой части империи, где он может добыть себе собственное жилище или пропитание. Этот закон отменил все ограничения, имевшие предупредительно-полицейский характер [13, с. 25].

Ограничения права свободного избрания места жительства теперь являлись дополнительной мерой к наказанию за совершенные преступления или проступки. Иными

словами, местная полиция могла запретить отлучку из данной местности лицу, подвергнутому уголовному наказанию, или же правительство могло не допустить в свои пределы лицо, наказанное в другом государстве в течение последних 12 месяцев, а также за повторявшееся прошение милостыни или за бродяжничество. После образования Германского союза здесь были отменены ограничения в передвижении по конфессиональному признаку [11, с. 12].

В целом же образование единого национального германского государства ликвидировало разнообразие частных земельных законодательств; регламентировало право общин не допускать к себе новых обывателей в случае сомнения в экономической самостоятельности; устранило часть ограничений по религиозным мотивам; лишало полицию права ограничения заключения брака; а также отменило двойное обложение прямыми налогами [14, с. 32].

Но переселение из одной земли Германии в другую совершался одним из высших учреждений последнего. Закон сам определял причины, по которым просителю могло быть отказано. Иностранец мог просить о натурализации, если он: а) дееспособен, по законам прежнего своего отечества; б) благонадежен; в) может на месте своей оседлости, добыть себе пропитание и собственное жилище. Натурализация иностранца следовала не иначе как с учетом мнения общинного управления и местного союза для бедных. Принятие лиц на службу одного из немецких государств заменяло для него акт натурализации. Натурализованный немедленно наделялся всеми правами и обязанностями немецкого гражданина [2, с. 46]. Правом перехода в российское подданство наделялись все иностранцы, за исключением: 1) замужних иностранок отдельно от мужей (ст. 840), 2) евреев (ст. 819 и 3) дервишей (ст. 821). Принятие в подданство зависело от министра внутренних дел, который пользовался в этом отношении вполне дискреционной властью. Он мог отказать в принятии и иностранцев, удовлетворивших всем условиям, требуемым законом (ст. 845) [3, с. 89].

Российское право вводило ограничение – предварительное пятилетие водворение иностранца в пределы империи (ст. 836). Причем оно не определялось общим сроком

пребывания иностранца в пределах России, а начиналось только с момента подачи прошения (ст. 837). Пятилетний срок предварительного водворения мог быть сокращен властью министра внутренних дел. Это делалось в исключительных случаях при наличии заслуг (ст. 848). Принятие в подданство совершалось принесением присяги в присутствии губернского правления, или с особого разрешения губернатора в присутствии местного полицейского управления, или по особо уважительным причинам и по ходатайству российских диппредставительств в присутствии российских миссий (ст. 847). Иностранцы, состоявшие на государственной службе, допускались к присяге на подданство в любое время и без всяких сроков (ст. 852). Укоренённые в русском подданстве приобретали тем все права и подвергались всем обязанностям того состояния, к какому причислялись (ст. 857), но им предоставлялась двухлетняя льгота от податей [3, с. 70–71].

Итак, в ситуации симметрии форм государственного правления – а Россия и Германия были империями – легко обнаруживаются существенные расхождения, обусловленные различиями в формах государственно-территориального устройства. Российская империя являла собой классический вариант имперской формы правления: прежде самостоятельные государства были включены в ее состав в основном в результате завоевания, а затем инкорпорированы. Это обстоятель-

ство обеспечило унитарность российского государства. Германия явила миру уникальную союзную форму империи. Союзная форма государства не была совершенно новым явлением. В форме союза были закреплены отношения субъектов в составе США и Швейцарии. В этих случаях субъектами выступали республики, тогда как Германия объединила 34 монархии и 3 вольных города.

Так как унитарная и союзная системы отношений территорий внутри государства строятся каждая в соответствии со своей природой, то принципы определения отношений государственной власти и населения в каждой из систем тоже не совпадают. Например, следствием союзного характера германской империи стало двойное подданство населения Германии, и земельное подданство объявлялось преимущественным, основным. Законодательство России не зафиксировало основного способа приобретения подданства – рождением, но оговорило обращение в подданство населения вновь присоединенной территории.

Так как в Германии главенствующим было земельное право, то в каждой из земель прибывающего из соседней провинции определяли как иностранца. Это обстоятельство значительно смягчило условия проникновения выходцев из других стран. В России же отношение к иностранцам оставалось импульсивным, пожалование привилегий и их изъятие зависело от монаршей воли.

Источники и литература

1. Бернгейт Ф. Гражданское право Германии / пер. с нем.; под ред. В. М. Нечаева. СПб.: Сенатская типография, 1910. 430 с.
2. Градовский А. Германская конституция: ч. 1: Исторический очерк германских союзных учреждений в XIX веке – 1875 г.; ч. 2: Обзор действующей конституции – 1876 г. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1876. 479 с.
3. Коркунов Н. М. Русское государственное право: в 2 т. Т. 1. Введение и общее право. СПб: Типография М. М. Стасюлевича, 1908. 623 с.
4. Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. Т. 1. СПб: Типография министерства путей сообщения (А. Бенке), 1882. 418 с.
5. Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. Т. 2. СПб: Типография министерства путей сообщения (А. Бенке), 1883. 563 с.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: 1649–1825. СПб: Типография 2 Отделения с. е. и. в. Канцелярии, 1828.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье: 1881–1913. СПб: Типография 2 Отделения с. е. и. в. Канцелярии, 1916.
8. Россия. Министерство иностранных дел. Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802–1902. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1902. 206 с.
9. Beschluss zur Einführung der Bezeichnungen «Deutsches Reich» und «Deutscher Kaiser» (09.12.1870). <http://www.documentarchiv.de/ksr/dtrdtk.html>
10. Dohse, Knuth. Ausländlicher Arbeiter und bürgerlicher Staat: Genese u. Funktion von staatlicher Ausländerpolitik. Ausländerrecht. Vom Kaiserreich bis zur BRD. Königstein / Ts: Hain, 1981, 460 s.
11. Eingliederung und Ausgrenzung / Beiträge aus Historischen Migrationsforschung / IMIS Beiträge, Heft 12/1999, Herausgegeben von Vorstand des Instituts für Migrationsforschung und Interkulturelle Studien; der Universität Osnabrück, 151 s.

12. Gesetz, betreffend die Einführung des Reichsgesetzes über die Freizügigkeit vom 1. November 1867 und des Reichsgesetzes über die Erwerbung und den Verlust der Bundes- und Staatsangehörigkeit vom 1. Juni 1870 [in Elsass-Lothringen] (08.01.1873) URL: http://www.documentarchiv.de/ksr/1873/freizuegigkeit-staatsangehoerigkeit_elsass-lotharingen_ges.html.
13. Heffter-Geffcken G. Voelkerrecht. Berlin, 1881, 215 s.
14. Holtzendorff F. Handbuch des Voelkerrechts, II. Berlin, 1887, 228 s.
15. Ischchanian B. Die auslaendischen Elemente in der russischen Volkswirtschaft. Berlin, 1913, 432 s.
16. Jellinek H. Die Lehre von den Staatenverbindungen, Berlin, 1882, 312 s.
17. Oppenheim K. System des Voelkerrechts, Berlin, 1845, 352 s.
18. Verfassung des Deutschen Reichs vom 16. April 1871 // Texte zur deutschen Verfassungsgeschichte vornehmlich für den Studiengebrauch herausgegeben von Dr. Günter Düng o. Professor der Rechte an der Universität Tübingen Mitglied des Verwaltungsgerichtshofs Baden–Württemberg und Dr. Walter Rudolf o. Professor der Rechte an der Universität Bochum. Muenchen- Berlin, 1967.

References

1. Berngeft F. Grazhdanskoe pravo Germanii (*The Civil Law in Germany*) / ed by V. M. Nechaev. St. Petersburg: Senate printing office, 1910. 430 p. Reprint copy. (In Russian).
2. Gradovskii A. Germanskaya konstitutsiya. Ch. 1: Istoricheskii ocherk germanskikh soyuznykh uchrezhdenii v XIX veke (*The German constitution: Part 1: The Historical Essay of the German Alliance Authorities of in the 19th Century*) – 1875; Ch. 2: Obzor deistvuyushchei konstitutsii (*Part 2: The Overview of the Modern Constitution*) – 1876. St. Petersburg: V.S. Balashev's printing office, 1876. 479 p. Reprint copy. (In Russian).
3. Korkunov N. M. Russkoe gosudarstvennoe pravo. (*The Russian State Law*) In 2 Vols. Vol. 1. Vvedenie i obshchee parvo (*Introduction and general law*). St. Petersburg: M.M. Stasyulevich's printing office, 1908. 623 p. (In Russian).
4. Martens F. F. Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov. (*The Modern International Law of the Civilized Nations*). In 2 Vols. Vol. 1. St. Petersburg: Printing of the Ministry of Railways (A. Behnke), 1882. 418 p. (In Russian).
5. Martens F. F. Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov. (*The Modern International Law of the Civilized Nations*) In 2 Vols. Vol. 2. St. Petersburg: Printing of the Ministry of Railways (A. Behnke), 1883. 563 p. (In Russian).
6. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (*The Complete Collection of the Laws of the Russian Empire*). Collection 1: 1649–1825. St. Petersburg, 1828. (In Russian).
7. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (*The Complete Collection of the Laws of the Russian Empire*). Collection 1: 1881–1913. St. Petersburg, 1916. (In Russian).
8. Rossiya. Ministerstvo inostrannykh del. Ocherki istorii Ministerstva inostrannykh del. 1802–1902. (*Russia. Ministry of Foreign Affairs. The Essay on the History of the Ministry of Foreign Affairs. 1802–1902*). St. Petersburg: Partnership Golike R. and A. Vilborg, 1902. 206 p. (In Russian).
9. Beschluss zur Einführung der Bezeichnungen „Deutsches Reich“ und „Deutscher Kaiser“ (*Decision to impose the terms «Empire» and «German Emperor»*) (09.12.1870). URL: <http://www.documentarchiv.de/ksr/dtrdtk.html> (In German).
10. Dohse, Knuth. Ausländlicher Arbeiter und bürgerlicher Staat: Genese u. Funktion von staatlicher Ausländerpolitik. Ausländerrecht. Vom Kaiserreich bis zur BRD (*Foreign workers and bourgeois state: genesis and function of state policy on foreigners. Ausländerrecht. From Empire to FRG*). Königstein / Ts: Hain, 1981, 460 p. (In German).
11. Eingliederung und Ausgrenzung / Beiträge aus Historischen Migrationsforschung (*Inclusion and Ausgrenzung / Contributions from historical migration research*) / IMIS Beiträge, Heft 12/1999, Herausgegeben von Vorstand des Instituts für Migrationsforschung und Interkulturelle Studien; der Universität Osnabrück, 151 p. (In German).
12. Gesetz, betreffend die Einführung des Reichsgesetzes über die Freizügigkeit vom 1. November 1867 und des Reichsgesetzes über die Erwerbung und den Verlust der Bundes- und Staatsangehörigkeit vom 1. Juni 1870 [in Elsass-Lothringen] (08.01.1873) (*Law, concerning the introduction of the National Law on the free movement of 1 November 1867 and the imperial law on the acquisition and loss of federal and nationality from 1st June 1870 [in Alsace-Lorraine] (08/01/1873)*). URL: http://www.documentarchiv.de/ksr/1873/freizuegigkeit-staatsangehoerigkeit_elsass-lotharingen_ges.html (In German).
13. Heffter-Geffcken G. Voelkerrecht (*International law*). Berlin, 1881, 215 p. (In German).
14. Holtzendorff F. Handbuch des Voelkerrechts, II (*Handbook of international law, II*). Berlin, 1887, 228 p. (In German).
15. Ischchanian B. Die auslaendischen Elemente in der russischen Volkswirtschaft (*The foreign elements in the Russian economy*). Berlin, 1913, 432 p. (In German).
16. Jellinek H. Die Lehre von den Staatenverbindungen (*The doctrine of the States connections*). Berlin, 1882, 312 p. (In German).
17. Oppenheim K. System des Voelkerrechts (*System of international law*). Berlin, 1845, 352 p. (In German).
18. Verfassung des Deutschen Reichs vom 16. April 1871 (*Constitution of the German Empire from April 16, 1871*) // Texte zur deutschen Verfassungsgeschichte vornehmlich für den Studiengebrauch herausgegeben (*Texts on German constitutional history primarily for the study use*) / ed by Dr. Günter Düng o. Professor der Rechte an der Universität Tübingen Mitglied des Verwaltungsgerichtshofs Baden–Württemberg und Dr. Walter Rudolf o. Professor der Rechte an der Universität Bochum. Muenchen-Berlin, 1967. (In German).

УДК 94 (410)

В. Н. Садченко, З. С. Беликова

СОВЕТНИКИ ГЕНРИХА VIII: ПРИЧИНЫ УСПЕХОВ И НЕУДАЧ В ПОЛИТИКЕ

В статье отражена эволюция взаимоотношений между монархом Генрихом VIII и его советниками Томасом Уолси, Томасом Мором, Томасом Кромвелем, Томасом Кранмером, оказывавших особое влияние на внутреннюю и внешнюю политику короля на определённых этапах политической активности. Рассмотрены причины зарождения и распространения института фаворитизма, а также тесная связь между личностью Ген-

риха VIII, короля-реформатора, и его взаимоотношениями с советниками, базирующиеся на конфликте представлений между служению короне и служению королю в период становления абсолютной монархии и проведения церковной реформы.

Ключевые слова: Генрих VIII, Томас Уолси, Томас Мор, Томас Кромвель, Томас Кранмер, абсолютная монархия, советник, лорд-канцлер.

V. N. Sadchenko, Z. S. Belikova

ADVISORS OF HENRY VIII: CAUSES OF SUCCESS AND FAILURE IN POLITICS

The article shows the evolution of relations between monarch Henry VIII and his advisors Thomas Wolsey, Thomas More, Thomas Cromwell, Thomas Cranmer, which had a particular impact on internal and foreign policy of the king at certain stages of political activity. The article studies the reasons for the origin and the spread of favoritism Institute, as well as close relationship between the personality of

Henry VIII, the king-reformer, and his advisors, deriving from the conflict of ideas about the serving the crown and serving the king during the period of absolute monarchy establishment and the Church reform.

Key words: Henry VIII, Thomas Wolsey, Thomas More, Thomas Cromwell, Thomas Cranmer, absolute monarchy, the Lord Chancellor, counselor.

Перед королем Генрихом VIII как перед вторым представителем новой династии, стояли сложные управленческие задачи, и люди, которых он приближал к себе, держались у власти настолько долго, насколько они были полезны монарху в осуществлении его планов.

Здесь пойдёт речь о четырёх людях, сыгравших особую роль во время правления Генриха VIII: Томасе Уолси, Томасе Море, Томасе Кромвеле, Томасе Кранмере [10]. Разумеется, нельзя утверждать, что их влияние было равнозначным. Носившие одно имя, эти люди разительно отличались друг от друга. Каждый из них возвышался в определённый период правления Генриха VIII. Перед ними стояли различные задачи, которые они решали по-своему.

Следует отметить, что процесс разработки и внедрения реформ настолько сложен, что не может быть осуществлен одним человеком, а лишь совокупностью усилий идеолога, руководителя реформ и исполнителей [2, с. 21]. Существуют определенные условия проведения реформы. Прежде всего, монарх должен обладать максимальной властью (множество исследователей называют Генриха VIII первым абсолютным монархом в истории Англии) [16, p.279]. Кроме того, реформатор должен быть в состоянии создать механизм преобразования объекта реформ. Генриху это удалось – в определенном смысле результат реформ даже превзошел ожидания.

Именно на монархе лежит некая ответственность за подбор подходящих людей,

исполнявших его волю. Реформы будут поддерживаться большинством подданных, если их необходимость назрела и с ними будут связаны надежды на лучшее [2, с. 23]. Церковные реформы поддержали протестанты Англии, видевшие недостатки в католической церкви и желавшие их исправить.

Первым доверенным лицом юного Генриха, начавшего свое правление в 1509 г., стал Томас Уолси [16, р. 278]. Первое известное появление Уолси как члена совета произошло 20 января 1509 г. Уолси показал себя как настоящий придворный: был обходителен, музицировал, танцевал и оказывал помощь Генриху в его увлечениях [14].

Можно отметить, что Генрих начал осознавать свою силу именно с этого времени, что послужило основой для развития той стороны личности Генриха, благодаря которой он с легкостью изменит судьбу целой страны, думая при этом в первую очередь о своих личных (матримониальных) интересах.

Английский исследователь Дэвид Лоудз отмечает, что влияние Уолси усиливалось с 1513 г. и во многом благодаря успешной организации кампании 1513 г. (Шотландия вмешалась в военный конфликт на стороне Франции и закончилось это для нее битвой при Флоддене, когда был убит король Яков IV) [3, с. 46].

Летом 1518 г. над англо-французским мирным договором работал Уолси. В определенной степени Уолси объединял в своем лице светскую и церковную власть, и ответственность на него легла очень большая [4]. Хэмптон-корт и другие дворцы – все это было построено за счет земельных и не только пожертвований короля. Тем больше от него ожидалось и в деле по разводу (брак с Екатериной Арагонской не дал Генриху наследника, только дочь Марию). Уолси не смог оправдать возложенных на него надежд. Он не являлся приверженцем войн, но здесь он в первую очередь прислушивался к королю. В попытках найти финансирование на военные кампании было даже введено Дружеское Пожертвование – новый налог.

Народное недовольство в ответ на это нововведение поколебало королевское доверие к министру Уолси. Как изменилось положение Уолси, можно судить по двум письмам, первое из которых датировано 1518 г., второе – приблизительно 1527 г., незадолго до опалы

кардинала [11, р. 234–235]. Письма значительно различаются. В первом король пишет о семейных вопросах, о возможности беременности королевы и подписывается «your loving prince» – «ваш любящий принц»/«ваш преданный принц». По письму можно заключить, что оно адресовано в первую очередь другу семьи, доверенному человеку. Обращения «my lord», «my lord cardinal» выглядят достаточно уважительными по отношению к своему подданному [12, р. 285 – 286].

Второе письмо – послание именно повелителя к подданному, власть над человеком подчеркивается обращением «mine own good cardinal» – «мой добрый/надежный кардинал». Заключение также изменилась – «your loving master» – «любящий повелитель/господин», и это уже другой уровень отношений. Сама подпись отличается – не «Henry R», а «Henry Rex». Король подчеркивает свое высокое положение. Доверие короля также уменьшилось из-за неудач кардинала в деле о разводе, которые, между тем, не были всецело виной Уолси. Король в определенной степени усложнил ситуацию, не сохранив тайну и неосторожно настроив против этой идеи королеву Екатерину Арагонскую. В это же время папа Римский не смог аннулировать брак еще и потому, что практически был в плену у Карла V, племянника Екатерины. Король же видел виновника в лице кардинала, тем более, что этому способствовало не очень хорошее отношение Анны Болейн, фаворитки короля, к Уолси [3, с. 104]. Его положение ухудшила попытка сближения с королевой, что стало в итоге поводом для ареста кардинала.

Взвешенную оценку усилиям Уолси дал еще Мэнделл Крейтон. По его мнению, Уолси реализовывал скрытые возможности Англии, на время сделав ее центром европейской политики, стремился сохранить мир малыми затратами. Кардинал использовал каждое возможное преимущество для улучшения позиций Англии в будущем. Хотя он и не знал этого, во многом он был слугой Англии, а не английского короля [5].

На примере отношения к Уолси можно четко увидеть, как менялись королевские симпатии. Прошлые заслуги с легкостью затмевались просчетами или же неудачами в настоящем. Советник короля должен был, по мнению Генриха VIII, стать прежде всего

проводником его воли и исполнителем желаний. Кардинал хорошо справлялся с глобальными задачами в политике, но допущенные просчеты в «Великом деле» короля и недооценка кардиналом изменений собственного положения привели к опале, закончившейся смертью Уолси 29 ноября 1530 г.

Как и Томас Уолси, Томас Мор был в определенной степени советником-наставником, знавшим короля еще молодым. Если в случае с кардиналом камнем преткновения стали недочеты в деле о разводе, то в деле Томаса Мора ключевое значение имела его позиция по отношению к разводу короля и к признанию его главой английской церкви. Мор был полезен королю на протяжении многих лет – он решал вопросы о торговле шерстью во Фландрии, был членом Тайного совета с 1518 г., находился в свите Генриха VIII во время встречи с Франциском I неподалеку от Кале («Поле золотой парчи»). С 1529 г. Томас Мор был лордом-канцлером. С 1532 г. Мор ушел в отставку, что было вызвано его несогласием с политикой Генриха VIII [8]. Томас Мор, как и епископ Джон Фишер (защитник Екатерины Арагонской), отказался приносить присягу, признававшую законным развод короля с Екатериной Арагонской, и признавать главенство короля над папой Римским. 6 июля 1535 г. Томас Мор был казнен. Это событие получило широкую огласку [9].

Деятельность Томаса Мора была разносторонней, а сам он был выдающимся человеком своего времени [15]. В сфере его интересов была литература, философия, юриспруденция. Среди его трудов – «Утопия» 1516 г., «История Ричарда III»; он помогал Генриху в написании его работы «В защиту семи Таинств» [19], а позже и с ответом Лютеру; среди первых работ Мора значился перевод на английский биографии итальянского гуманиста Пико делла Мирандолы. Но это не шло в заслугу по сравнению с сопротивлением королевской воле [17, p. 523].

По реакции короля можно предположить, что он воспринял отказ Мора приносить присягу, как и отсутствие его на коронации Анны Болейн, равнозначным вызову королевской власти и авторитету суверена. Возможно, это определялось еще и типом власти Генриха. Обратив внимание на классификацию типов господства, предложенную Максом Вебером [1], можно отнести власть Генриха VIII к тра-

диционному господству. Власть короля основывалась на традициях, которые в том числе предполагали повиновение королю в определенных границах. Отказ Томаса Мора признавать правомерными действия короля мог привести к сужению границ, к уменьшению власти короля. Этого Генрих VIII не мог допустить. Реформы церкви и управления могли быть проведены только при поддержке и укреплении абсолютной власти монарха, и король стремился увеличить свою власть и пресечь противодействие реформам. Кроме того, как второй представитель новой династии Генрих VIII не мог испытывать абсолютной уверенности в своем положении и чутко реагировал на малейшие угрозы и вызовы своей власти.

Таким образом, прежние «советники-наставники» – Томас Уолси и Томас Мор – оказались неподходящими для решения задач по реформированию. Слишком ярко проявлялось собственное мнение знаменитого гуманиста, который предпочел отстаивать свои взгляды даже под угрозой смерти, чем уступить и заботиться об интересах монарха. Уолси же допустил ошибки и не смог выполнить порученную ему задачу. Теперь Генрих VIII перешел к новому типу взаимоотношений со своими фаворитами: он четко определял место своих советников только как исполнителей своей воли.

Томас Кромвель активно начал свою карьеру на службе королю вместе с Уолси: еще в 1525 г. они работали над закрытием части монастырей. Во многом в своей деятельности Кромвель руководствовался принципами Макиавелли [6, p. 501]. Параллельно усилиям Т. Кромвеля прорабатывалась и работа Томаса Кранмера, который стал советником короля по теологическим вопросам [3, с. 112]. Основываясь на работах Тиндейла [21], Кранмер смог обосновать право короля на светскую и духовную власть в пределах своей страны, что дало возможность беспрепятственно объявить недействительным первый брак короля [20]. Результатом этой работы стал «Акт о супрематии» [18, p. 187–188], отвергший власть папы Римского на территории Англии.

Поскольку данное решение разрешало множество проблем короля, его признательность к человеку, нашедшему это решение (и не допустившему промахов, подобно

Т. Кромвелю, в матримониальной сфере), растянулась на годы.

Томас Кромвель поддерживал религиозные реформы короля и оказывал ему в этом активную поддержку [13, р. 45]. Но закрывающиеся по всей стране монастыри [13, р. 119] и сокращение церковных праздников привели в итоге к восстанию, получившему название «Паломничество веры». Большая часть ответственности за это легла на плечи Кромвеля. Значительный вклад в подавление этого восстания внес Чарльз Брэндон, герцог Саффолк, верный исполнитель королевской воли [13, р. 153]. Он неизменно поддерживал политику Генриха – как военную, так и церковную [7, р. 26].

Томас Кранмер, архиепископ Кентерберийский, в это же время (1536) помогал королю избавиться от Анны Болейн и жениться на Джейн Сеймур. Совместно с ним работал и Томас Кромвель – он вел процесс против Анны.

Говоря об ответственности, нельзя не упомянуть о том, что простые люди из низов были недовольны религиозными реформами, виновными в которых они считали Кранмера и Кромвеля, а экономическое давление и усиливающаяся власть короля также добавляли недовольства части дворянства.

Кромвель помогал принцессе Марии вернуть благосклонность отца, чутко ловя изменения, следовавшие за казнью Анны Болейн [3, с. 171]. Он также подчеркивал необходимость международного альянса после того, как умерла Джейн Сеймур – третья жена Генриха VIII.

Главными просчетами Кромвеля оказались невыгодность союза с германскими княжествами, а также непривлекательность новой королевы для Генриха VIII. Кромвель также обвинялся в поддержке радикальных проповедников [3, с. 220] и в том, что он слишком рьяно исполнял приказы короля по закрытию монастырей. А для короля было вполне типично не брать ответственность за

дело, которое постигала неудача. 28 июля 1540 г. Кромвель был обезглавлен в Тауэре.

Позже, в 1541 г., страдая от болезни, король с определенным сожалением вспоминал о бывшем советнике. Кранмер между тем продолжал свою службу и как архиепископ Кентерберийский, он помог королю избавиться и от пятой жены, Екатерины Говард.

Кранмеру повезло, и Генриха не удалось настроить против него [3, с. 267]. Поведение и убеждения Кранмера, его гибкость в вопросах, касавшихся короля, делала его чрезвычайно удобным слугой. Свою роль «советника-исполнителя» он выполнял в определенной степени удачнее, чем Кромвель. Возможно, еще и потому, что не получилось возложить на него вину за политические просчеты или же неудачный пятый брак короля.

Кранмер был другом и советником шестой королевы, Екатерины Парр, и это было выгодное решение, поскольку последняя жена не успела разочаровать короля подобно предшественнице.

Таким образом, можно резюмировать: с течением времени Генрих VIII все меньше нуждался в советниках и все больше – в послушных исполнителях своей воли. Король с легкостью перекадывал с себя ответственность за неверные решения на своих приближенных. Генрих VIII не держал при себе людей, разочаровавших его. Приближенные, которые ставили свои убеждения и принципы выше воли короля, не могли отличаться завидной судьбой. Ярким тому примером был Томас Мор. Просчеты, допущенные в политике и матримониальных делах короля, были основанием для казни Томаса Кромвеля. А опала Уолси, следовавшая по тем же причинам, вполне могла бы закончиться так же. Самым идеальным слугой для короля стал Томас Кранмер, архиепископ Кентерберийский. Собственные убеждения не вставляли у него на пути, мешая исполнению воли монарха.

Источники и литература

1. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
2. Грицкевич Т. И. Реформатор: социальная роль или особенности личностных черт? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2010. № 1. С. 19–34.
3. Лоудз Д. Генрих VIII и его королевы / пер. с англ. Ю. И. Губатова. М.: Зевс, 1997. 317 с.
4. Cavendish G. The Life and Death Of Cardinal Wolsey. Toronto: University of Toronto Library, 1997. 187 p. [Electronic resource]. URL: <http://www.library.utoronto.ca/utel/ret/cavendish/cavendish.html> (Accessed: 22.06.2016).

5. Creighton Mandell, Bishop of Peterborough, Cardinal Wolsey. London: Macmillan & Co, 1912. P. 246. [Electronic resource]. URL: <http://www.archive.org/stream/cardinalwolsey027760mbp#page/n243/mode/2up> (Accessed: 26.06.2016).
6. Encyclopedia Britannica, 11th Ed. Vol. VII. Cambridge: Cambridge University Press, 1910. [Electronic resource]. URL: <http://www.luminarium.org/encyclopedia/cromwell.htm> (Accessed: 14.06.2016).
7. Encyclopedia Britannica, 11th Ed. Vol. XXVI. Cambridge: Cambridge University Press, 1910. [Electronic resource]. URL: <http://www.luminarium.org/encyclopedia/suffolk.htm> (Accessed: 18.06.2016).
8. Excerpt from The History of the Reformation of the Church of England by Gilbert Burnet Burnet. Vol I. London: W. Baynes & Son, 1825. 658 p. [Electronic resource]. URL: <http://www.luminarium.org/renlit/moreburnet.htm> (Accessed: 13.06.2016).
9. Froude J. The Execution of Sir Thomas More [Electronic resource]. URL: <http://www.luminarium.org/renlit/moreexecution.htm> (Accessed: 21.06.2016).
10. Hall E. Henry VIII. By with the introduction by Charles Whibley. London: T.C. E.C. Jack, 1904. 326 p.
11. King Henry the Eighth to Cardinal Wolsey [1518] [Electronic resource] // Letters of the Kings of England. Vol. I. J. O. Halliwell, Ed. London: Henry Colburn, 1846. P. 234 – 235. URL: <http://www.luminarium.org/renlit/henrytowolsey.htm> (Accessed: 01.07.2016).
12. King Henry VIII to Cardinal Wolsey [1527?] // Letters of the Kings of England. Vol. I. J. O. Halliwell, Ed. London: Henry Colburn, 1846. P. 285–286. URL: <http://www.luminarium.org/renlit/henrytowolsey2.htm> (Accessed: 19.06.2016).
13. Lipscomb S. 1536. The Year that Changed Henry VIII. Oxford: Lion Hudson, 2009. 240 p.
14. Polydore Vergil. Anglica Historia (1555 version). Book XXVII. [Electronic resource]. URL: <http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/27eng.html> (Accessed: 09.07.2016).
15. Roper W. «Mirror of Virtue»: Life of Sir Thomas More. Oregon: The University of Oregon, 2002. 49 p. [Electronic resource]. URL: <http://www.luminarium.org/renaissance-editions/roper1.html> (Accessed: 13.06.2016).
16. Starkey D. Henry: The Virtuous Prince. New York: Harper Collins Publishers, 2008. 413 p.
17. Starkey D. The Six Wives: The Queens of Henry VIII. New York: Harper Collins, 2003. 852 p.
18. The Act of Supremacy, 1534 // Sachse William L. English History in the Making. Vol. I., Ed. New York: John Wiley and Sons, 1967. P. 187–188.
19. The Life of Sir Thomas More (1478–1535). [Electronic resource]. URL: <http://www.luminarium.org/renlit/morebio.htm> (Accessed: 21.04.2016).
20. Thomas Cranmer (1489–1556). [Electronic resource]. URL: <http://www.thereformation.info/cranmer.htm> (Accessed: 12.05.2016).
21. Tyndale W. A Biography; Being a Contribution to the Early History of the English Bible. London: The Religious Tract Society, 1886. 437 p. [Electronic resource]. URL: <https://archive.org/stream/williamtyndalebio00dema#page/n461/mode/2up> (Accessed: 21.06.2016).

References

1. Veber M. Izbrannyye proizvedeniya (*Selected Works*): translated from German; ed. by Ju. N. Davydova; introduction p. P. Gajdenko. Moscow: Progress, 1990. 808 p. (In Russian).
2. Grickevich T. I. Reformator: social'naja rol' ili osobennosti lichnostnyh chert? (*Reformer: social role and features of personality traits?*) // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Philosophy. 2010. No. 1. P. 19–34. (In Russian).
3. Loudz D. Genrih VIII i ego korolevy (*Henry VIII and his Queens*) / translated by English Ju. I. Gubatov. Moscow: Zevs, 1997. 317 p. (In Russian).
4. Cavendish G. The Life and Death Of Cardinal Wolsey. Toronto: University of Toronto Library, 1997. 187 p. [Electronic resource]. URL: <http://www.library.utoronto.ca/utel/ret/cavendish/cavendish.html> (Accessed: 22.06.2016).
5. Creighton Mandell, Bishop of Peterborough, Cardinal Wolsey. London: Macmillan & Co, 1912. P. 246. [Electronic resource]. URL: <http://www.archive.org/stream/cardinalwolsey027760mbp#page/n243/mode/2up> (Accessed: 26.06.2016).
6. Encyclopedia Britannica, 11th Ed. Vol. VII. Cambridge: Cambridge University Press, 1910. [Electronic resource]. URL: <http://www.luminarium.org/encyclopedia/cromwell.htm> (Accessed: 14.06.2016).
7. Encyclopedia Britannica, 11th Ed. Vol. XXVI. Cambridge: Cambridge University Press, 1910. [Electronic resource]. URL: <http://www.luminarium.org/encyclopedia/suffolk.htm> (Accessed: 18.06.2016).
8. Excerpt from The History of the Reformation of the Church of England by Gilbert Burnet Burnet. Vol I. London: W. Baynes & Son, 1825. 658 p. [Electronic resource]. URL: <http://www.luminarium.org/renlit/moreburnet.htm> (Accessed: 13.06.2016).
9. Froude J. The Execution of Sir Thomas More [Electronic resource]. URL: <http://www.luminarium.org/renlit/moreexecution.htm> (Accessed: 21.06.2016).

10. Hall E. Henry VIII. By with the introduction by Charles Whibley. London: T.C. E.C. Jack, 1904. 326 p.
11. King Henry the Eighth to Cardinal Wolsey [1518] [Electronic resource] // Letters of the Kings of England. Vol. I. J. O. Halliwell, Ed. London: Henry Colburn, 1846. P. 234–235. URL: <http://www.luminarium.org/renlit/henrytowolsey.htm> (Accessed: 01.07.2016).
12. King Henry VIII to Cardinal Wolsey [1527?] // Letters of the Kings of England. Vol. I. J. O. Halliwell, Ed. London: Henry Colburn, 1846. P. 285–286. URL: <http://www.luminarium.org/renlit/henrytowolsey2.htm> (Accessed: 19.06.2016).
13. Lipscomb S. 1536. The Year that Changed Henry VIII. Oxford: Lion Hudson, 2009. 240 p.
14. Polydore Vergil. Anglica Historia (1555 version). Book XXVII. [Electronic resource]. URL: <http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/27eng.html> (Accessed: 09.07.2016).
15. Roper W. «Mirror of Virtue»: Life of Sir Thomas More. Oregon: The University of Oregon, 2002. 49 p. [Electronic resource]. URL: <http://www.luminarium.org/renascence-editions/roper1.html> (Accessed: 13.06.2016).
16. Starkey D. Henry: The Virtuous Prince. New York: Harper Collins Publishers, 2008. 413 p.
17. Starkey D. The Six Wives: The Queens of Henry VIII. New York: Harper Collins, 2003. 852 p.
18. The Act of Supremacy, 1534 // Sachse William L. English History in the Making. Vol. I., Ed. New York: John Wiley and Sons, 1967. P. 187–188.
19. The Life of Sir Thomas More (1478–1535). [Electronic resource]. URL: <http://www.luminarium.org/renlit/morebio.htm> (Accessed: 21.04.2016).
20. Thomas Cranmer (1489–1556). [Electronic resource]. URL: <http://www.thereformation.info/cranmer.htm> (Accessed: 12.05.2016).
21. Tyndale W. A Biography; Being a Contribution to the Early History of the English Bible. London: The Religious Tract Society, 1886. 437 p. [Electronic resource]. URL: <https://archive.org/stream/williamtyndalebi00dema#page/n461/mode/2up> (Accessed: 21.06.2016).

УДК 94(671.1):2-545

П. Скиррипа

ЦЕРКВИ АФРИКИ И ПРОЦЕСС РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПЯТИДЕСЯТНИЧЕСТВА. ЧАСТЬ 1

В статье констатируется прогрессирующий успех в странах постколониальной Африки пятидесятнической церкви в настоящее время. Он обусловлен гибкостью и амбивалентностью дискурсов миссионерского проповедничества: с одной стороны, постулируется евангелие процветания, которое ниспосылает Бог, с другой, утверждается, что накопление, конкуренция и частная инициатива, осуществляемые несправедливыми методами – безусловное зло, вызванное дьявольским наущением, олицетворяемым в языческих культах и магии. Признание оккультизма и

магии действенными началами позволяет конструировать новую реальность, воплощаемую в религиозных дискурсах проповедников-пятидесятников, а также обоснованно предполагать, что африканские варианты модернизации несводимы к господствующей британо-американской модели.

Ключевые слова: множественность модернизаций, пятидесятнические дискурсы, постколониальная Африка, оккультизм, евангелие процветания, миссионерское проповедничество.

P. Skirripa

CHURCHES IN AFRICA AND THE PROCESS OF SPREADING PENTECOSTALISM. PART 1

The article features progressive success of Pentecostal Church in the present time countries of postcolonial Africa. It is due to flexibility and ambivalence of missionary preaching discourses: on the one hand, the prosperity gospel granted by God is claimed, on the other hand, it is argued that the accumulation, competition and private initiative, carried out by unjust methods present absolute evil caused by the devil's instigation, personified by the pagan cults and magic. The recognition of the occult

and magic as effective basis allows to construct a new reality, embodied in the religious discourses of the preachers, Pentecostals, and also to assume reasonably, that the options of African modernizations are not reducible to the dominant Anglo-American model.

Key words: plurality of modernizations, Pentecostal discourses, post-colonial Africa, occultism, prosperity gospel, missionary preaching.

В преддверии нашей статьи кратко резюмируем свидетельство Йорга Хостейна, немецкого ученого, который годами трудился над историей и развитием движения пятидесятничества в Эфиопии. Продвигаясь от столицы страны Аддис Абебы, где он работал, к другому важному центру африканской страны, Бахир Дару, он имел возможность посетить различные церкви и участвовать во многих действиях. Хостейн рассказывает, как в один из первых дней он оказался в одной церкви, которая показалась суровой, с голыми стенами и ровно стоящими скамьями. Церемония была длительной и трогательной, проводимой пастором, проповеди которого

переменялись с гимнами, исполняемыми верующими, степенно сидящими на своих местах. Несколькими неделями позже он присутствовал на другой церемонии. Здесь атмосфера была совсем иной. Служба проводилась молодым и энергичным пастором, который занимал верующих проповедью в течение 45 минут. Прихожане распевали с подъемом и очень громкими голосами, и в определенный момент тот, кто возглавлял хор, начал петь на другом языке.

Различие атмосфер этих двух церемоний непосредственно подводит к идее, которая не только ставит нас перед проблемой двух разных названий, но также двух способов, по-

звояющих выразить собственную веру, один, вероятно, сопоставим с практикой протестантизма, посредством которой он развивался так, как обычно было свойственно его историческим формам; другой, напротив, соотносился с теми многообразными и варьирующимися практиками, которые обычно объединяются под названием «пятидесятничества» [20].

На самом же деле проблема, оказывается, в том, что первая церковь относилась к пятидесятничеству, а вторая была лютеранской. Тогда как следовало бы ожидать обратного, ведь в лютеранской церемонии, проявлялись, согласно свидетельству нашего ученого, формы экспрессивной веры, которая обычно свойственна пятидесятничеству. Хостейн комментирует так: «Этот пример выявляет нередкую ситуацию, и со всей очевидностью иллюстрирует две разные тенденции в развитии конфессиональной картины Эфиопии. Во-первых, всего лишь 20 лет назад было бы невозможно найти столь широкую гамму протестантских церквей в таком ортодоксальном городе, как Бахир Дар, где в 2005 г. их было столько, что можно было все их обойти в течение воскресной службы... Во-вторых, этот рост протестантизма совпадает с беспрецедентным распространением спиритуальности и теологии пятидесятничества в протестантских исторических конфессиях. Нет ничего необычного в том, чтобы наблюдать в этих церквях глоссологию (*глоссология* – речь, состоящая из бессмысленных слов и словосочетаний, хотя имеющая некоторые признаки осмысленной речи. Наблюдается у людей в состоянии транса, во время сна, при некоторых психических заболеваниях. В пятидесятничестве рассматривается как один из даров Св. Духа («дар языков». – И. К.) даже с амвона, как и пророчество, экзорцизм и молитвы за исцеление с наложением рук. Структура восхвалений очень похожа во всех протестантских церквях, и сходство выражается в практике разделения амвона между пятидесятниками и историческими протестантскими конфессиями» [15, р. 45].

То, что всплывает со всей ясностью из сведений, сообщаемых немецким ученым, – представление о расплывчатости границ между разными конфессиями, по крайней мере, в конкретной практике восхвалений. Если форма культа очень строгого, который мы находим в вышеописанном случае пятидесятнической церкви, может иметь свое

объяснение в рамках особенностей развития пятидесятнического и протестантского движения в Эфиопии, к которому мы скоро вернемся, то случай лютеранской церкви отличается. Мы хотели бы подчеркнуть, что речь не идет об изолированном случае, который обнаруживается только в африканской стране. В целом, многие авторы подчеркивают, что в эти годы наблюдался процесс распространения пятидесятнических форм культа, которые проникали не только в исторические протестантские конфессии, но даже и в ортодоксальную католическую церковь [10].

Относительно этого и еще в большей степени примера, о котором сообщалось в начале, следует привести некоторые предварительные замечания, необходимые для того, чтобы не возвращаться к общему в том, что будет сказано далее.

Во-первых, самое общее замечание. Под выражением «процесс распространения пятидесятничества» нам сообщается в очень многих случаях одновременно о культовых практиках и формах. По некоторым версиям они проникали даже в точно установленные доктринальные элементы, но это не допускало полного примыкания к предписаниям пятидесятнической доктрины. Следует понимать, что даже если речь идет о языках, исцелении молитвами, молениях в манере живой и энергичной, практике наполнения себя Св. Духом, это не означает непосредственного примыкания ко всем аспектам пятидесятничества. Такой процесс видится в формах связи с божественным началом, призыве к отношениям наиболее непосредственным и не обусловленным иерархией, важности, придаваемой фигуре Св. Духа, отсылке к практике Пятидесятниц так, как ее видели у апостолов согласно сообщениям в «Деяниях Апостолов» и во «Втором письме к коринфянам» Павла. Вместе с тем под процессом «распространения пятидесятничества» следует понимать не столько примыкание к пятидесятничеству, сколько, напротив, особую склонность к культовым практикам, и более всего – в отношениях с божественным началом, части групп верующих, которые в общем оставались принадлежащими к ареалу христианских исторических конфессий, являясь приверженцами ортодоксальных протестантских и католических практик.

Определенно, пятидесятничество стало изучаться в последние десятилетия, в пери-

од усиления своей экспансии [17; 6, p. 283–302], но это не столько означает, что здесь идет речь о процессе «распространения пятидесятничества», сколько, напротив, о том факте, что в других конфессиях всплывают и становятся устойчивыми формы выражения религиозности и не только они, которые напоминают нечто близкое к практикам пятидесятников.

Вторая ремарка, напротив, относится к контексту Эфиопии и к особенностям развития протестантских и пятидесятнических церквей, которые мы там находим. Как известно, Эфиопия – страна древней христианизации. Она была произведена первыми проповедниками христианства в IV в., и страна быстро обратилась к новой вере, основав свою собственную церковь, которая вплоть до 1954 г. была связана с коптской церковью Египта, став затем полностью автономной. До падения Хайле Селасси (Хайле Селасси – последний император Эфиопии (1930–1974)). В 1974 г. был свергнут вследствие военного переворота, и в 1975 г. убит. – И. К.) ортодоксальная церковь Эфиопии являлась государственной церковью, и до сей поры она сохраняет доминирующие позиции, по некоторым сведениям, гегемонические. Но в последние десятилетия ей создает конкуренцию значительный рост протестантских и харизматических конфессий (согласно последним оценкам, протестантские и пятидесятнические конфессии вместе составляют 18,6 %) [13]. Въезд первых протестантских миссий относится к последним десятилетиям XIX в. В середине XX века, опираясь собственнo на протестантские миссии, в страну прибыли первые пятидесятнические миссии. Но не только это сблизило практики двух религиозных конфессий. Напротив, общий опыт преследований, переживаемый во время периода военной хунты, известной как DERG («Временный военно-административный совет» произвел государственный переворот в 1974 г. и ликвидировал монархию и находился у власти с 1974 по 1977 гг. В 1977 г. его председатель Менгисту Хайле Мариам стал единоличным главой Эфиопии, в 1987 объявил себя Президентом. Он провозгласил социалистический курс. – И. К.), свергнувший императора Хайле Селасси в 1974 г. и остававшийся у власти вплоть до окончания гражданской войны, которая привела к установлению Федеральной Демократической Республики Эфиопии, управляемой Народным фронтом освобождения

провинции Тыграй и его союзниками, вышедшими победителями из конфликта (Народный фронт освобождения Тыграя возник в 1976, его члены руководствовались маоистскими идеями. Затем он был преобразован в Революционно-демократический фронт эфиопских народов, который в 1991 г. сверг режим Менгисту Хайле Мариама. – И. К.).

В первый период правления военной хунты установилась религиозная свобода, позволявшая свободно развиваться всем конфессиям. Думается, в целях противостояния власти ортодоксальной церкви, режим благоприятствовал другим христианским конфессиям. Но эта политика резко поменялась и настолько, что протестанты, как и пятидесятники, подверглись жестокой репрессиям, и многие религиозные главы оказались в заключении, а верующие были принуждены к тайным культам. Общая подверженность преследованиям способствовала связям между протестантами и пятидесятниками, которые часто служили тайно в одних и тех же местах. Связи несколько не ослабились и сегодня, и многие из пятидесятнических церквей участвуют вместе с протестантскими конфессиями в общем религиозном Консилиуме [16]. Также в процессе преследования людей протестанты и пятидесятники объединялись и фактически по всей стране становились известными как «P'ente» – название, которое их объединяло, невзирая на конфессиональные различия [12, p. 198–223]. Эта общая история и крепкие связи по всей стране, которые до сих пор существуют между ними, делают, по всей видимости, границы достаточно размытыми, как это видно из вышеописанного примера.

Если опыт Эфиопии таким образом отличается своей собственной спецификой, отмеченный выше процесс распространения пятидесятничества, напротив, подводит нас к необходимости дополнить сюжет некоторой рефлексией прежде всего из-за растущего успеха, которого добилась пятидесятническая церковь на африканском континенте.

Далее, после вводной части по феномену пятидесятнических и харизматических Церквей в Африке, мы хотим остановиться на двух вопросах. Первый рассматривает миссионерское проповедничество и демонизацию традиционных религий; второй, как мы увидим, связан с первым и рассматривает, напротив, проникновение оккультных практик и инструментов защиты, используемых Церквями.

Пятидесятнические харизматические церкви в Африке. Феномен церквей харизматического и пятидесятнического типа в Африке давно стал центром внимания антропологов, социологов и историков религий, являясь также основой, вокруг которой конструируются эвристические гипотезы более общего теоретического характера. Бриджит Мейер в критическом собрании по исследованиям профетических африканских движений подчеркивает: «Когда в 60-е гг. африканские независимые церкви стали центральным пунктом исследований антропологов, они не только были прекрасным объектом для исследований, но становились главной точкой приложения теоретических и инновационных рефлексий в антропологии» [19, р. 447].

Таким образом, это случилось уже в 60-е гг., когда благодаря анализу христианских церквей и профетических движений в колониальном контексте предстала перспектива, динамичная и реагирующая на происходящие социальные и культурные изменения на континенте, которые в немногие годы привели к независимости большей части континента и к рождению новых постколониальных государств.

Исследования, предложенные в эти годы Сандклером, Лантернари, Барреттом, Пилем [5; 21; 26], если процитировать некоторых авторов более значительных [1; 3, р. 261–292; 4; 27, р. 235–257] составили фундаментальное теоретическое изучение в альтернативном развитии при доминировании структурно-функциональной модели, которая показывает все ее границы при анализе социального движения. В этих текстах центром анализа является собственно идея, что церкви становятся фундаментальным зеркалом для понимания широких социальных и культурных движений, которые охватывают континент. Оставляя в стороне идею о постоянно балансирующем обществе, антропология давала новые ответы, и часто в иных контекстах, нежели урбанистические, развивала исследования, которые выявляли крайнюю социально-культурную динамичность на континенте. Церкви были новшеством, видимым и осязаемым, которое соединяло в креативной манере традиционные формы религиозности с другими, исходящими от миссионерских проповедей исторических западных конфессий. Религиозные движения подвергались анализам, поскольку представляли динамичный и креативный ответ на колониальную ситуацию, противостоя фактически как

стерильным предложениям традиционных культурных ценностей, так и рабскому восприятию западных моделей. С исторической точки зрения, они знаменовали момент радикального разрыва с прошлым, разрыва, с необходимостью обусловленного новыми социальными и культурными условиями, налагаемыми колониальным господством. То, что следует подчеркнуть в этих исследованиях, – это прежде всего контекстная задача, факт, что эти церкви были главным образом движениями «свободы и спасения», применяя удачное выражение Витторио Лантернари. Актуализируясь в антропологии этого десятилетия, выявлялись прежде всего синкретичные практики, так же как и большая часть теорий синкретизма базировалась на анализах религиозных движений.

Кроме того, в последующее десятилетие без какого-либо поворота множилось исследование религиозных африканских движений, продуцируя значимые труды [14, р. 195–234; 22, р. 1–69]. Это определенно обуславливалось также тенденцией церквей к стремительному и бурному распространению: если в 1968 г. Барретт насчитывал в своем сравнительном исследовании [5] 6 000 церквей, то в последующие десятилетия их насчитывалось уже несколько десятков тысяч, а число их прихожан росло во впечатляющими темпами. Несмотря на это распространение, труды о церкви, как кажется, в этот период теряют центральное значение в теоретических разработках, которые интересовали нашу дисциплину.

Этнография постколониального периода выявляла главным образом аспекты, связанные с политической ролью церкви, африканизацией христианского дискурса, но в первую очередь они исследовали их терапевтический характер, следуя в этом их характеристике как «церквей исцеления».

Нужно было ожидать исследований Жана и Джона Комарофф, поскольку в них африканские церкви становились снова центральным пунктом для формулирования новых аналитических и теоретических предположений [7; 8; 9]. В их текстах благодаря этнографии, которая углубляла базы строгого исторического анализа, Комарофф подвергли дискуссии сущности, связанные с жесткой оппозицией Африки и Запада, ликвидируя определенным образом понимание синкретизма, которое уже было выдвинуто, и прежде всего выявляя, как благодаря историческому исследованию было бы возможно выстроить «долгий

диалог» между миссионерами, коммерсантами, колониальными администраторами и местным населением, который преломлялся и отражался собственно в проповедях африканских церквей. Речь шла не более чем о месте креативного синтеза между автохтонными традициями и новым, которое неизбежно было носителем экзогенного, тогда как, напротив, движение культурного обмена становилось катализатором установок протеста и сопротивления [23, р. 63–72; 24].

Конечно, обзор, который здесь предлагается, не может вместить идею комплексности и исторической глубины феномена. Это нуждается в каком-либо, пусть кратком, комментарии.

Независимые африканские церкви, как их долго называли, родились по крайней мере в первой половине XX в. «из ребра» исторических конфессий, почти всегда протестантских, в процессе африканизации культа, доктрины и задач. Парадигмой, с этой точки зрения, представляется случай Вильяма Вейда Харриса, проповедника из Либерии, который дал жизнь между 1914 и 1915 гг. одному из наиболее значимых религиозных движений западной Африки. Его церкви, прежде всего в Кот-д'Ивуаре и в Гане продолжают существовать и сегодня, они определенно будут популярны и далее [11; 25].

Вильям В. Харрис был взращен и воспитан в методистской веслеанской миссии. В конце 1913 г. его посетил видение архангела Гавриила, который приказал ему проповедовать истину Господа у африканцев, потому что он и есть черный Христос. Не вдаваясь в частности, мы хотим только подчеркнуть, как этот призыв во сне копирует одну из форм коммуникации с божественной силой, свойственную культуре этого региона. Харрис начал проповедовать сначала в местностях, расположенных вдоль побережья Кот-д'Ивуара, затем в Гане. За короткое время он обратил в христианскую веру более 400 000 человек, побуждая их уничтожать традиционных идолов и обращаться к предписаниям своих проповедей. В каждом месте, где он проповедовал христианство, Харрис оставлял продолжать свое дело так называемых 12 апостолов, избранных из числа обращенных. Его проповедническая деятельность была резко прервана в апреле 1915 колониальными властями при его возвращении в Кот-д'Ивуар, который был тогда французским доминионом. Надо сказать, что сначала колониальные власти – как французские, так и английские – благосклонно

смотрели на его проповедование. В конечном счете его миссия, противоположная традиционной религии, могла, по их суждению, ослабить влияние глав традиционных религий, но вскоре власти стали смотреть на него с подозрением как на возможный источник сопротивления колониального господства. Масштаб успехов проповедника привел к тому, что власти радикально изменили свое отношение к нему, что привело к определенным последствиям. Его арест и перевод в секретное место стали известны обращенным людям, что возымело обратное действие, *mutatis mutandis*: его последователи усмотрели в случившемся превратности судьбы Иисуса, также преследуемого чужеземными властями, поэтому усилилась их убежденность, что Харрис был черным Христом.

Харрис проповедовал христианство, в котором соединялись доктринальные элементы и ритуалы, присущие методистской церкви, а также другие идеи, выведенные из религиозных традиций данной местности. Он осуждал воровство, ложь, алкоголизм, адюльтер, грозя адом тем, которые нарушали эти предписания. Он был благосклонен к полигамии, и самого его в странствии сопровождали две жены. Он боролся против колдовских практик, принимая таким образом содержание тех антиколдовских культов, которые тогда процветали; он проповедовал отход от фетишей и их уничтожение, но главное – обращение к вере в единого христианского Бога. Следуя библейским предписаниям, он предрекал рожденным лучезарное будущее, подобное тому, какое было у белых. Библия в его проповедях рассматривалась не столько как источник, вдохновляющий на определенные нормы этического и морального поведения, сколько как место, в котором содержалась тайна могущества белых. Она, согласно проповеднику из Либерии, являлась инструментом, который позволил бы рождающимся эмансипироваться, становясь столь же могущественными, как и их колониальные угнетатели. Проповеди Харриса не имели четкого антиколониального содержания, и не толкали к изгнанию белых, но подводили к ассимиляции их культурной модели.

Мы приводим примеры деятельности Харриса, чтобы показать связи между независимыми церквями и историческими конфессиями. Являясь первыми, они несли собственные доктринальные и культовые черты, но предлагали новые синтезы, кото-

рые, по утверждению Лантернари, позволяли сообразоваться с новым контекстом, обусловленным колониализмом. Ясно, что в этом случае религиозный дискурс при всей его автономии позволял высвободить содержание очень широкое.

Африканские церкви переживали в ходе XX в. бурное развитие, которое, как подчеркнуто выше, продолжалось также и в новых постколониальных контекстах. Они утверждались прежде всего как харизматические церкви, претендуя на специфические способы проповедования и отношений с божественным началом.

Именно после второй мировой войны в Африке устанавливалось пятидесятническое движение, которое проникало на континент несколькими волнами. Принимая терминологию Аллана Андерсона, мы можем говорить о классическом пятидесятничестве [1]; в последние десятилетия оно характеризовалось восприятием проповедования евангелия процветания.

Распространение пятидесятничества и его неизменно очень большой успех изменили религиозную картину Африки. В то же время мы находим неизвестные формы синтеза между харизматическими и пятидесятническими церквями. Это подтолкнуло известную исследовательницу африканского пятидесятничества Б. Мейер заменить название своей работы «Независимые африканские церкви» на «Церкви харизматические и пятидесятнические», собственно указывая на единство феномена, который не может быть расколот, несмотря на трудность аналитического исчисления действующих динамик [19].

Если таким образом мы можем найти общие элементы между протестантскими конфессиями и африканскими церквями, харизматическими и пятидесятническими, то мы должны подчеркивать также и различия. В данном исследовании мы остановились лишь на одном элементе – миссионерском проповедовании.

Перевод И. А. Красновой

Источники и литература

1. Anderson A. An Introduction to Pentecostalism: Global Charismatic Christianity. Cambridge, 2004.
2. Anderson E. Messianic Popular Movements in the Lower Congo. Uppsala, 1958.
3. Balandier G. I movimenti di innovazione religiosa nell' Africa Nera // Storia delle religioni / A cura di H. C. Puech. Vol. 19. T. I. Roma-Bari, 1978. P. 261–292.
4. Balandier G. Sociologie actuelle de l' Afrique Noire. Paris, 1963.
5. Barrett D. B. Schism and Renewal in Africa: An Analysis of 6000 Contemporary Religious Movements. Oxford, 1968.
6. Barrett D. B., Johnson T. M. Global Statistics // Burgess S. M., Van der Mass E. M. The New International Dictionary of Pentecostal and Charismatic Movements. Zondervan, Grand Rapids. 2002. P. 283–302.
7. Comaroff J. Body of Power, Spirit of Resistance: The Culture and History of a South African People. Chicago–London, 1985.
8. Comaroff J., Comaroff J. L. Of Revelation and Revolution: Christianity, Colonialism and Consciousness in South Africa. Vol 1. Chicago–London, 1991.
9. Comaroff J., Comaroff J. L. Of Revelation and Revolution: The Dialectics of Modernity on a South African Frontier. Vol. 2. Chicago–London, 1997.
10. Csordas T. J. (ed.) Transnational Transcendence: Essays on Religion and Globalization, Berkeley–Los Angeles–London, 2009.
11. Dozon J.-P. Le cause des prophètes. Politique et religion en Afrique contemporaine. Paris, 1995.
12. Fantini E. Transgression and Acquiescence: The Moral Conflict of Pentecostals in their Relationship with the Ethiopia State // PentecoStudies. 12, 2013. P. 198–223.
13. Federal Democratic Republic of Ethiopia Population Census Commission // Summary and Statistical Report of the 2007 Population and Housing Census. Addis Ababa, 2008.
14. Fernandez J. W. African Religious Movements // Annual Review of Anthropology. 7. 1978. P. 195–234.
15. Haustein J. Charismatic Renewal, Denominational Tradition and the Transformation of Ethiopian Society // Evangelisches Missionswerk Deutschland (ed.), Encounter Beyond Routine: Cultural Roots, Cultural Transition, Understanding of Faith and Cooperation in Development. International Consultation, Academy of Mission. Hamburg, 2011.
16. Haustein J. Writing Religious History: The Historiography of Ethiopian Pentecostalism. Harrassowitz, Wiesbaden, 2011.
17. Johnston P., Mandryk J. Operation World. 21 Century Edition, Paternoster Press. Carlisle, 2001.
18. Lanterari V. Movimenti religiosi di libertà e di salvezza dei popoli oppressi. Milano, 1960.
19. Meyer B. Christianity in Africa: From African Independent to Pentecostal-Charismatic Churches // Annual Review of Anthropology. 33. 2004. P. 447–474.
20. Naso p. Cristianesimo: pentecostali. EMI. Bologna, 2013.
21. Peel J. D. Y. Aladura: A Religious Movement among the Yoruba. London, 1968.
22. Ranger T. O. Religious Movements and Politics in Sub-Saharan Africa // African Studies Review. 29. (2). 1986. P. 1–69.

23. Schirripa P. Chiese e globalizzazione nelle antropologie africaniste contemporanee // Sapere antropologici, media e società civile nell' Italia contemporanea / A cura di L. Faldini, E. Pili. Atti del I Convegno nazionale dell' ANUAC 29–31 maggio 2008. Vol I. Roma, 2011. P. 63–72.
24. Schirripa P. Le chiese cristiane africane e lo spirito del tardo capitalismo // Antropologia e dinamica culturale. Studi in onore di Vittorio Lanternari / A cura di A. Lombardozi, L. Mariotti. Napoli, 2008.
25. Schirripa P. Profeti in città. Etnografia di quattro chiese indipendenti in Ghana. Editoriale progetto 2000. Cosenza, 1992.
26. Sundkler B. G. M. Bantu Prophets in South Africa. London, 1961;
27. Wautier C. Le chiese «Bantu» dell' Africa australe // Storia delle religioni / A cura di H. C. Puech. Vol. 19. T. I. Roma-Bari, 1978. P. 235–257.

References

1. Anderson A. An Introduction to Pentecostalism: Global Charismatic Christianity. Cambridge, 2004.
2. Anderson E. Messianic Popular Movements in the Lower Congo. Uppsala, 1958.
3. Balandier G. I movimenti di innovazione religiosa nell' Africa Nera (*The innovation of religious movements in Black*) // Storia delle religioni (*History of religions*) / ed by H.C. Puech. Vol. 19. T. I. Rome-Bari, 1978. P. 261–292. (In Italian).
4. Balandier G. Sociologie actuelle de l' Afrique Noire (Current Sociology of Black Africa). Paris, 1963. (In French).
5. Barrett D. B. Schism and Renewal in Africa: An Analysis of 6000 Contemporary Religious Movements. Oxford, 1968.
6. Barrett D. B., Johnson T. M. Global Statistics // Burgess S. M., Van der Mass E. M. The New International Dictionary of Pentecostal and Charismatic Movements. Zondervan, Grand Rapids. 2002. P. 283–302.
7. Comaroff J. Body of Power, Spirit of Resistance: The Culture and History of a South African People. Chicago–London, 1985.
8. Comaroff J., Comaroff J. L. Of Revelation and Revolution: Christianity, Colonialism and Consciousness in South Africa. Vol 1. Chicago–London, 1991.
9. Comaroff J., Comaroff J. L. Of Revelation and Revolution: The Dialectics of Modernity on a South African Frontier. Vol. 2. Chicago–London, 1997.
10. Csordas T. J. (ed.) Transnational Transcendence: Essays on Religion and Globalization, Berkeley–Los Angeles–London, 2009.
11. Dozon J.-P. Le cause des prophètes. Politique et religion en Afrique contemporaine (*The cause of the prophets. Politics and religion in contemporary Africa*). Paris, 1995. (In French).
12. Fantini E. Transgression and Acquiescence: The Moral Conflict of Pentecostals in their Relationship with the Ethiopia State // *PentecoStudies*. 12, 2013. P. 198–223.
13. Federal Democratic Republic of Ethiopia Population Census Commission // Summary and Statistical Report of the 2007 Population and Housing Census. Addis Ababa, 2008.
14. Fernandez J.W. African Religious Movements // *Annual Review of Anthropology*. 7. 1978. P. 195–234.
15. Hausteijn J. Charismatic Renewal, Denominational Tradition and the Transformation of Ethiopian Society // *Evangelisches Missionswerk Deutschland* (ed.), Encounter Beyond Routine: Cultural Roots, Cultural Transition, Understanding of Faith and Cooperation in Development. International Consultation, Academy of Mission. Hamburg, 2011.
16. Hausteijn J. Writing Religious History: The Historiography of Ethiopian Pentecostalism. Harrassowitz, Wiesbaden, 2011.
17. Johnston P., Mandryk J. Operation World. 21 Century Edition, Paternoster Press. Carlisle, 2001.
18. Lanternari V. Movimenti religiosi di libertà e di salvezza dei popoli oppressi. Milano, 1960.
19. Meyer B. Christianity in Africa: From African Independent to Pentecostal-Charismatic Churches // *Annual Review of Anthropology*. 33. 2004. P. 447–474.
20. Naso P. Cristianesimo: pentecostali (*Christianity: Pentecostalism. EMI*). EMI. Bologna, 2013. (In Italian).
21. Peel J. D. Y. Aladura: A Religious Movement among the Yoruba. London, 1968.
22. Ranger T. O. Religious Movements and Politics in Sub-Saharan Africa // *African Studies Review*. 29. (2). 1986. P. 1–69.
23. Schirripa P. Chiese e globalizzazione nelle antropologie africaniste contemporanee (*Churches and globalization in contemporary africanist anthropology*) // Sapere antropologici, media e società civile nell' Italia contemporanea (*Anthropological knowledge, media and civil society in contemporary Italy*) / ed by L. Faldini, E. Pili. Atti del I Convegno nazionale dell' ANUAC 29–31 maggio 2008 (Proceedings of the National Conference of 'ANUAC 29–31 May 2008). Vol I. Rome, 2011. P. 63–72. (In Italian).
24. Schirripa P. Le chiese cristiane africane e lo spirito del tardo capitalismo (*African Christian churches and the spirit of late capitalism*) // Antropologia e dinamica culturale. Studi in onore di Vittorio Lanternari (Anthropology and cultural dynamics. Studies in honor of Vittorio Lanternari) / ed. by A. Lombardozi, L. Mariotti. Naples, 2008. (In Italian).
25. Schirripa P. Profeti in città. Etnografia di quattro chiese indipendenti in Ghana. Editoriale progetto 2000 (*Prophets in the city. Ethnography of four independent churches in Ghana. Publishing project in 2000*). Cosenza, 1992. (In Italian).
26. Sundkler B. G. M. Bantu Prophets in South Africa. London, 1961;
27. Wautier C. Le chiese «Bantu» dell' Africa australe (*The churches «Bantu» Africa australe*) // Storia delle religioni (*History of Religions*) ed by H.C. Puech. Vol. 19. T. I. Rome–Bari, 1978. P. 235–257. (In Italian).

УДК 94(47).084.9

В. Н. Томилин

ПРОПАГАНДИСТСКИЕ ЛОЗУНГИ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В СССР В ПЕРИОД РЕФОРМ Н.С. ХРУЩЕВА

В статье рассматривается эффективность социально-экономической политики советского государства в завершающий период политического лидерства Н. С. Хрущева. Новизна исследования состоит в привлечении документов ЦК КПСС, выявленных в Российском государственном архиве новейшей истории и впервые вводимых в научный оборот. Она – в анализе уровня потребления различных групп городского и

сельского населения СССР по результатам бюджетного обследования 1962 г. Актуальность данной темы определяется задачами российского государства по решению проблемы равной доступности различных категорий населения в удовлетворении их материальных и духовных запросов.

Ключевые слова: КПСС, советское государство, реформы Н. С. Хрущева, уровень жизни населения.

V. N. Tomilin

PROPAGANDA SLOGANS AND THE REALITY IN THE USSR IN THE PERIOD OF N. S. KHRUSHCHEV'S REFORMS

The article considers the effectiveness of social and economic policy of the Soviet State in the final period of N.S. Khrushchev's political leadership. The novelty of the research is in the reference to documents of the Central Committee of the CPSU which have been found in the Russian State Archives of Contemporary History and are introduced into scientific circulation for the first time. It is also in the analysis of the consumption level of different

urban and rural population groups of the USSR based on the results of the 1962 budget survey. The relevance of this topic is determined by the tasks of the Russian State to solve the problem of equal opportunities for various categories of the population to satisfy their material and spiritual needs.

Key words: Communist Party of the Soviet Union, the Soviet state, N. S. Khrushchev's reform, social standard of living.

К середине 1950-х г. в СССР появились возможности для проведения политики сбалансированного развития различных отраслей экономики, прежде всего промышленности и сельского хозяйства. Понимание переживаемого этапа развития было озвучено Председателем Совета Министров СССР Г. М. Маленковым еще в августе 1953 г. во время выступления на сессии Верховного Совета СССР [2]. Аналогичное настроение сохранялось и на вскоре начавшем работу сентябрьском пленуме ЦК КПСС. В феврале 1954 г. Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев пошел на резкий разворот аграрной политики советского государства. На пленуме речь шла об освоении целинных и залежных земель. Самый грандиозный

аграрный проект Н. С. Хрущева оказался крайне затратным и экономически неэффективным.

На рубеже 1950–1960-х гг. правящая партия объявила курс на построение коммунизма в СССР. Партийная пропаганда проповедовала прекрасное коммунистическое завтра, создавая некое «зазеркалье», совершенно оторванное от реальной жизни. Реприза популярных советских артистов Тарапуньки (Юрий Тимошенко) и Штепселя (Ефим Березин) стала народной. На вопрос «Где ты продукты покупаешь?» следовал ироничный ответ «Да я сумку к радиоприемнику подвешиваю!» [1]. В действительности советская страна переживала острейший кризис потребления.

17 мая 1962 г. Совет Министров СССР принял постановление «О повышении закупочных (сдаточных) цен на крупный рогатый скот, свиней, овец, птицу, масло животное и сливки и розничных цен на мясо, мясные продукты и масло животное» [4]. Оно предусматривало значительное повышение цен на мясную и молочную продукцию колхозов. Закупочные цены на скот и птицу с 1 июня 1962 г. в среднем по стране поднимались на 35 %, на животное масло – на 10 % и на сливки – на 5 %. Для совхозов и других государственных предприятий закупочные цены на крупный рогатый скот, свиней, кроликов и птицу устанавливались на 10 % ниже.

31 мая 1962 г. населению было объявлено о повышении цен на мясо и мясные продукты в среднем на 30 %, на колбасные изделия – на 31 %, а также на масло животное – на 25 %. Правительственное известие вызвало взрыв массового недовольства граждан [4]. Руководство партии и правительство опасались роста протестных настроений среди населения. Для получения объективной информации о реальном положении различных социальных групп правительство поручило органам статистики провести их бюджетное обследование.

Центральное статистическое управление СССР разработало данные выборочного обследования семейных бюджетов рабочих, колхозников и служащих за девять месяцев 1962 г. В выборочное обследование вошли 51 тыс. семейных бюджетов, в том числе 16,4 тыс. бюджетов семей рабочих и 26,9 тыс. бюджетов семей колхозников. За подписью начальника отдела статистики бюджетов ЦСУ СССР В. Старовского и начальника отдела статистики бюджетов ЦСУ

СССР И. Матюхи в ЦК КПСС была направлена аналитическая записка «Об итогах обследования бюджетов населения за девять месяцев 1962 г. и о влиянии на бюджет семьи повышения розничных цен на мясо, мясные продукты и масло животное» [3].

Опираясь на итоги статистического обследования населения 1962 г., можно определить основные показатели уровня жизни населения. Уровень жизни населения является базовым показателем общественного развития, он характеризует эффективность социально-экономической политики государства. В обществоведении существует большое количество определений данной категории. Чаще всего «уровень жизни» трактуется как уровень благосостояния населения, потребления материальных благ и услуг населения. В более широком толковании «уровень жизни» характеризуется уровнем человеческого развития (состояние здоровья и возможности населения для удовлетворения потребностей) и условий жизнедеятельности населения (состояние среды обитания и безопасности населения) [7].

Данные статистического обследования бюджетов показывают рост денежных доходов населения. За девять месяцев 1962 г. денежные доходы семей рабочих промышленности, строительства и железнодорожного транспорта составили 1,6–1,7 тыс. руб. и выросли в сравнении с прошедшим годом на 2–6 %. Денежные доходы рабочих совхозов увеличились на 10 % и составили порядка 1,3 тыс. руб. Самый большой денежный доход имели семьи служащих и инженерно-технических работников – более 2 тыс. руб. со средней динамикой его роста – 8 % (табл. 1).

Таблица 1

Денежные доходы и расходы в среднем на семью за 9 месяцев 1962 г. [3, л. 117]

	Доходы за девять месяцев 1962 г. (руб.)	Доходы за девять месяцев 1962 г. в % к доходам за девять месяцев 1961 г.	Расходы за девять месяцев 1962 г. (руб.)	Расходы за девять месяцев 1962 г. в % к расходам за девять месяцев 1961 г.
Рабочие промышленности	1724,8	104	1695,1	104
Рабочие строительства	1626,5	106	1614,7	107
Работники ж/д	1705,1	102	1685,3	102
Рабочие совхозов	1273,2	110	1245,2	110
Колхозники	733,6	113	700,2	113
Служащие и ИТР	2002,2	108	1964,6	102

Наибольшую динамику за 1962 г. показали денежные доходы колхозников: они выросли на 13 % и составили 733,6 руб. В колхозах существовала двухканальная оплата труда – денежная и натуральная. Но при этом определяющее значение имело денежное обеспечение колхозной семьи, именно оно формировало уровень жизни. Ведь многие товары приходилось покупать в магазинах. В сравнении с денежными доходами рабочих промышленности колхозники значительно проигрывали, их доходы составляли 42,5 % от показателей рабочих. Колхозники были беднее и рабочих совхозов, они имели только 57,6 % по сравнению с денежными доходами последних.

При этом следует обратить внимание на следующее обстоятельство: ежемесячные доходы населения и его расходы практически совпадают, т. е. многие семьи жили «от зарплаты до зарплаты». Как видно из табл. 1, семьи промышленных рабочих за девять месяцев 1962 г. заработали 1 724,8 руб., а израсходовали 1 695,1 руб., или 98 %. В итоге рабочая семья в среднем за девять месяцев смогла отложить «на черный день» всего лишь 29,7 руб. Семьи строительных

рабочих израсходовали в это время почти все заработанные средства.

Структура семейных расходов в значительной мере характеризует уровень и качество жизни. При стабильной экономической ситуации доля расходов, направляемая на приобретение непродовольственных товаров и потребление услуг, свидетельствует о социальном благополучии населения. Первая и главная потребность человека – это питание, обуславливающее его биологическое существование. Для поддержания работоспособности человеку требуется энергия и различные микроэлементы. Иными словами, ему необходимо нормальное и сбалансированное питание. От этого зависит не только работоспособность человека, но и его долголетие.

В развитых обществах на питании не экономят. В структуре потребления населения страны в начале 1960-х гг. отражалась противоречивая ситуация. Как видно из данных табл. 2, семьи различных категорий рабочих, служащих и ИТР на приобретение продуктов питания тратили 56–58 % своего бюджета, семьи рабочих совхозов – 44 %, а колхозников – 40 %.

Таблица 2

Денежные расходы в среднем на члена семьи за девять месяцев 1962 г. [3, л. 118]

	Израсходовано в среднем на члена семьи за 9 месяцев 1962 г. на покупку, руб.		
	Продуктов питания	Промышленных товаров	Всего
Рабочие промышленности	216,4	158,3	374,7
Рабочие строительства	220,8	171,9	392,7
Работники ж/д	228,3	170,4	398,7
Рабочие совхозов	96,5	124,6	221,1
Колхозники	50,7	76,7	127,4
Служащие и ИТР	240,9	190,6	431,5

Исходя из данных бюджетного обследования, жизнь в советской деревне можно характеризовать как наиболее комфортную. Но в действительности все было иначе. И семьи рабочих совхозов, и особенно семьи колхозников имели меньшие доходы, нежели горожане. Большим подспорьем для жителей села было личное подсобное хозяйство.

В бюджете семьи промышленных рабочих траты на покупку продуктов питания составляли 58 %. Это самый высокий показатель

среди всех обследованных категорий населения. При этом расходы составили 216,4 руб. Но они в 4,2 раза превысили расходы колхозников на покупку продовольственных товаров. И промышленных товаров рабочие семьи приобретали в 2 раза больше в сравнении с колхозниками.

Семейные расходы на приобретение продуктов питания и непродовольственных товаров служат подтверждением неравенства материального положения работников госу-

дарственных предприятий и колхозников. В обследуемых группах городского населения денежные расходы на покупку продуктов питания за девять месяцев 1962 г. находились в пределах 216–241 руб. На этом фоне следует обратить внимание на большой разрыв, образовавшийся между жителями города и деревни. Сравнительно низкие расходы на покупку продуктов питания в семьях рабочих совхозов (96,5 руб.) и колхозников (50,7 руб.) отчасти можно объяснить тем, что ряд продуктов – мясо, молоко, яйца, картофель и овощи – они получали из личного подсобного хозяйства и колхоза.

Но при этом мясо, различные овощи колхозники не могли получать регулярно от своих хозяйств по вполне понятным причинам: эти продукты надо еще произвести. Однако допустить такое положение можно, как и то, что часть продуктов колхозники могли продавать на рынке и получать доход. В таком случае сельское население могло бы тратить больше денег на приобретение непродовольственных промышленных товаров. Но в действительности у колхозников не было достаточного количества денег ни на одно, ни на другое. За счет личного подсобного хозяйства они едва сводили концы с концами.

Колхозники тратили больше денег на покупку промтоваров, нежели на продукты питания. Но это вполне сопоставимые величины – соответственно 50,7 и 76,7 руб. В сравнении с обследуемыми группами городского населения жители деревни намного отстают, особенно это касается колхозников. В среднем на члена семьи колхозника

расходы на промтовары составили только 48 % соответствующей статьи расхода промышленного рабочего, или 40 % – служащих и инженерно-технических работников.

При этом необходимо выделить следующее обстоятельство: по сравнению с 1961 г. темпы роста расходов на покупку продовольственных товаров во всех обследуемых группах населения превышали темпы роста расходов на покупку непродовольственных промышленных товаров. А это означает снижение уровня жизни всех основных групп населения СССР в период «развернутого коммунистического строительства».

В 2010 г. Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации утвердило рекомендации по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, необходимых для активного и здорового образа жизни населения [5]. Рациональные нормы соответствуют потребностям в продуктах питания, обеспечивающих оптимальную реализацию физиолого-биологических процессов в организме человека.

Рациональные нормы потребления продуктов питания населения при их сопоставлении с реальным положением в СССР начала 1960-х гг. позволяют сделать выводы об эффективности социально-экономической политики партии и правительства. В итоговом документе по бюджетному обследованию населения 1962 г. представляют большой интерес данные, характеризующие количественные и качественные параметры потребления продуктов питания в семьях рабочих промышленности и колхозников (табл. 3).

Таблица 3

Структура потребления продуктов питания в семьях рабочих промышленности и колхозников 1962 г. (в среднем за месяц) [3, л. 118, 125, 131]

	Рабочие промышленности		Колхозники		Рациональная норма, кг [5]
	Фактическое потребление, кг	Потребление от нормы (%)	Фактическое потребление, кг	Потребление от нормы (%)	
Потреблено продуктов в среднем за сутки (в пересчете на калории)	2793	–	2952	–	2900–3700 [6]
Мясо и мясопродукты в пересчете на мясо	4,4	76–70	2,9	50–46	5,8–6,3
Молоко и молочные продукты в пересчете на молоко (включая масло животное)	25,7	96–91	21,6	81–76	26,7–28,3

Рыба и рыбопродукты (включая рыбные консервы в пересчете на рыбу)	1,2	80–66	0,4	26–22	1,5–1,8
Масло растительное и другие жиры	0,5	63–50	0,3	38–30	0,8–1,0
Яйца (штук)	16	74	16	74	21,7
Сахар (включая сахар, израсходованный на кондитерские изделия)	2,5	125–109	1,5	75–65	2,0–2,3
Мука и хлеб в пересчете на муку, крупа, бобовые и макаронные изделия	11,6	147–149	14,6	185–187	7,9–7,8
Картофель	8,7	110–105	12,2	154–150	7,9–8,3
Овощи и бахчевые	10,3	103–88	8,1	81–69	10–11,7
Фрукты и ягоды	–	–	–	–	7,7–8,3

Данные табл. 3 показывают существенные различия в структуре питания семей рабочих промышленности и колхозников. В рабочих семьях больше потребляли таких ценных продуктов, как молоко, мясо, рыба и сахар. Особенно велики различия в потреблении мяса и мясопродуктов: колхозники потребляли 2,9 кг в месяц, а рабочие – 4,4 кг. Таким образом, потребление колхозниками мяса составило 65,9 % от соответствующего показателя рабочих. Но и структура питания рабочих была далека от оптимальной. Потребление мяса и мясопродуктов находилось на уровне 70–76 % от рациональной нормы, рыбы – 66–80 %, масла растительного – 50–63 %, яиц – 74 %.

Горожане были лучше обеспечены молоком и молочными продуктами. Но и в этом случае не «дотягивали» до рациональных норм потребления (91–96 %). К тому же научно обоснованные нормы потребления учитывают обязательный набор молочных и кисломолочных продуктов.

Это – молоко, кефир, кисломолочные продукты жирностью 1,5–3,2 %, молоко, кефир, кисломолочные продукты жирностью 0,5–1,5%, творог жирный, творог с жирностью менее 9 %, сметана, сыр. В бюджетном обследовании населения 1962 г. структура молочных продуктов не раскрывается. Отсутствует в нем и учет потребления фруктов и ягод. Можно предположить, что это было сделано по причине низких показателей, мало влияющих на наполнение продовольственной корзины тех лет. Хотя по рациональным нормам месячное потребление фруктов должно быть на уровне 7,7–8,3 кг.

Рабочие промышленности и колхозники – это люди, занятые преимущественно тя-

желым физическим трудом. Обследование 1962 г. показало: суточная калорийность питания членов семей промышленных рабочих составляла 2 793 единиц. Она достаточна, ведь в состав семьи входили и дети, иждивенцы. Но по структуре продуктов питания в рабочих семьях не было сбалансировано. Дефицит одних продуктов питания покрывался за счет сверхнормативного уровня потребления других. В частности, семьи промышленных рабочих потребляли сахара почти на четверть больше нормы, муки и хлеба – в полтора раза, картофеля – в 1,1 раза. В рассматриваемое время правительство заботилось, прежде всего, о том, как накормить население. Вопрос сбалансированности структуры продуктов питания отходил на задний план, а ведь это залог укрепления здоровья населения и профилактики многих инфекционных заболеваний.

Обследование показывает большую калорийность продуктов, потребляемых колхозниками, нежели рабочими. Но при этом рабочие больше, чем колхозники, потребляли молока, мяса, рыбы и сахара. За счет чего же колхозники получали большее количество калорий? Только за счет большего потребления хлеба и картофеля. Колхозники ежемесячно в сравнении с рабочими больше потребляли муки и хлеба в пересчете на муку на 3,3 кг, картофеля – на 3,5 кг.

Изучение бюджетов населения СССР 1962 г. позволяет сделать ряд выводов. Прежде всего, оно отразило низкий уровень жизни населения страны в целом. К тому же наметилась отрицательная его динамика. Коммунистическая доктрина, предусматривающая выравнивание уровней жизни различных социальных групп, на деле оказалась про-

пагандистским лозунгом. Среди социальных групп населения наблюдались значительные различия, как по доходам, так и по структу-

ре их расходов. Причем по всем позициям колхозники как социальная группа населения СССР оказываются аутсайдерами.

Источники и литература

1. Академгородок, 1962. Часть 8. [Электронный ресурс]. URL: <http://academgorodock.livejournal.com/27557.html> (Дата обращения: 21.05.2016).
2. Маленков Г. М. Речь на пятой сессии Верховного Совета СССР 8 августа 1953 г. М.: Госполитиздат, 1953. 45 с.
3. Об итогах обследования бюджетов населения за девять месяцев 1962 г. и о влиянии на бюджет семьи повышения розничных цен на мясо, мясные продукты и масло животное // Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 45. Д. 310.
4. Постановление Совмина СССР от 17.05.1962 N 456 «О повышении закупочных (сдаточных) цен на крупный рогатый скот, свиней, овец, птицу, масло животное и сливки и розничных цен на мясо, мясные продукты и масло животное» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=35733> (Дата обращения: 21.05.2016).
5. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 2 августа 2010 г. №593н «Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12179471/#ixzz43blih5b2> (Дата обращения: 21.05.2016).
6. Рекомендуемое потребление энергии (в день) для работников тяжелого физического труда (строительные рабочие, основная масса сельскохозяйственных рабочих и механизаторы, горнорабочие на поверхностных работах, работники нефтяной и газовой промышленности, металлурги и литейщики, кроме лиц, отнесенных к группе, занятых особо тяжелым трудом, работники целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности, стропальщики, такелажники, деревообработчики, плотники, работники промышленности строительных материалов // Нормы физиологических потребностей в пищевых веществах и энергии для различных групп населения СССР. Утверждены Коллегией Министерства здравоохранения СССР 22 марта 1982 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bestpravo.ru/sss/eh-zakony/q0g.htm> (Дата обращения: 21.05.2016).
7. Уровень жизни [Электронный ресурс]. URL: <http://center-yf.ru/data/stat/Uroven-zhizni.php> (Дата обращения: 21.05.2016).

References

1. Akademgorodok, 1962. Part 8 [Electronic resource]. URL: <http://academgorodock.livejournal.com/27557.html> (Accessed: 21.05.2016). (In Russian).
2. Malenkov G. M. Rech' na pyatoi sessii Verkhovnogo Soveta SSSR 8 avgusta 1953 g. (*Speech at the fifth session of the USSR Supreme Soviet on 8 August 1953*). Moscow: Gospolitizdat, 1953. 45 p. (In Russian).
3. Ob itogakh obsledovaniya byudzhetrov naseleniya za devyat' mesyatshev 1962 goda i o vliyaniy na byudzhets sem'i povysheniya roznichnykh tsen na myaso, myasnye produkty i maslo zhiivotnoe (*On the results of surveys of the population for nine months of 1962 and the impact on the family budget increase in retail prices of meat, meat products and butter*) // Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). F. 5. Inv. 45. D. 310. (In Russian).
4. Postanovlenie Sovmina SSSR ot 17.05.1962 N 456 «O povyshenii zakupochnykh (sdatochnykh) tsen na krupnyi rogiaty skot, svinei, ovets, ptitsu, maslo zhiivotnoe i slivki i roznichnykh tsen na myaso, myasnye produkty i maslo zhiivotnoe» (*The Council of Ministers of the USSR from 17.05.1962 N 456 «On higher purchase (delivery) prices for cattle, pigs, sheep, poultry, butter and cream and retail prices of meat, meat products and butter»*) [Electronic resource]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=35733> (Accessed: 21.05.2016). (In Russian).
5. Prikaz Ministerstva zdравookhraneniya i sotsial'nogo razvitiya RF ot 2 avgusta 2010 g. N 593n «Ob utverzhdenii rekomendatsii po ratsional'nym normam potrebleniya pishchevykh produktov, otvechayushchim sovremennym trebovaniyam zdorovogo pitaniya» (*Order of the Ministry of health and social development of the Russian Federation from August 2, 2010 593n N «On approval of recommendations for rational norms of food consumption that meet the modern requirements of healthy eating»*) [Electronic resource]. URL: <http://base.garant.ru/12179471/#ixzz43blih5b2> (Accessed: 21.05.2016). (In Russian).
6. Rekomenduемое potreblenie energii (v den') dlya rabotnikov tyazhelogo fizicheskogo truda (stroitel'nye rabochie, osnovnaya massa sel'skokhozyaistvennykh rabochikh i mekhanizatory, gomnorabochie na poverkhnostnykh rabotakh, rabotniki neftyanoi i gazovoi promyshlennosti, metallurgi i liteishchiki, krome lits, otnesennykh k gruppe, zanyatykh osobo tyazhelym trudom, rabotniki tsellyulozno-bumazhnoi i

derevoobrabatyvayushchei promyshlennosti, stropal'shchiki, takelazhniki, derevoobrabotchiki, plotniki, rabotniki promyshlennosti stroitel'nykh materialov // Normy fiziologicheskikh potrebnostei v pishchevykh veshchestvakh i energii dlya razlichnykh grupp naseleniya SSSR. Utverzhdeny Kollegiei Ministerstva zdravookhraneniya SSSR 22 marta 1982 goda (*The recommended consumption (daily) for workers of heavy physical labor (construction workers, the majority of agricultural workers and machine operators, miners at surface work, the workers of the oil and gas industry, metallurgists and foundry workers, except those referred to the group engaged in very heavy labor, workers of the pulp and paper and woodworking industry, slingers, riggers, woodworkers, carpenters, employees building materials industry // the Norms of physiological needs for nutrients and energy for different groups of the Soviet population. Approved by the Board of the Ministry of health of the USSR on 22 March 1982*) URL: <http://www.bestpravo.ru/sss/eh-zakony/q0g.htm> (Accessed: 21.05.2016). (In Russian). 7. Uroven' zhizni (*The standard of living*) [Electronic resource]. URL: <http://center-yf.ru/data/stat/Uroven-zhizni.php> (Accessed: 21.05.2016). (In Russian).

УДК 94(47).084.8

М. П. Шаршаков

РЕШЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ИНВАЛИДОВ НА КУБАНИ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

Нападение фашистской Германии на СССР привело к серьезному ухудшению продовольственной ситуации на Кубани. В статье акцентируется внимание на централизованной системе распределения продовольствия для

инвалидов войны в условиях ограниченности продовольственных ресурсов.

Ключевые слова: централизованное, продовольствие, распределение, инвалиды войны, Кубань.

M. P. Sharshakov

TACKLING SOCIAL PROBLEMS OF THE VETERANS IN THE KUBAN REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

The attack of Faschist Germany led to serious deterioration in the food situation of the Kuban region. In conditions of limited food supplies the centralized food distribution system has

become the main tool to provide a significant part of the population with products.

Key words: centralized, food products, distribution, veterans, Kuban region.

В годы войны забота об инвалидах войны приобрела всенародный характер. В первые же дни Советская Армия стала нести колоссальные потери людского ресурса во всех родах войск. Значительное количество военнослужащих в силу многочисленных ранений стали инвалидами, потеряв здоровье и трудоспособность. Лишившись возможности вернуться к прежней трудовой деятельности, они нуждались в материальной поддержке государства и общества. Партийно-государственные органы и общественные организации уделяли большое внимание решению многочисленных материальных и бытовых проблем инвалидов войны. Несмотря

на финансовые трудности, советским правительством в 1942 г. было израсходовано на помощь инвалидам войны 704 млн руб. [10]. Они обладали преимущественным правом на приобретение продовольственных товаров, жилья и топлива, имели льготный режим в оплате обучения в средних и высших учебных заведениях. С начала войны советская власть, несмотря на военную обстановку в стране, уделяла большое внимание финансовой поддержке инвалидов войны и их семей. С этой целью при исполкомах советов депутатов трудящихся создавались специальные комиссии, которые занимались вопросами финансовой помощи

инвалидам войны и их семьям. Например, 2 августа 1941 г. на общем совещании бюро Апшеронского райкома ВКП(б) и райисполкома были высказаны мнения о социальном обеспечении инвалидов войны и их семей, а также рассмотрены заявки о предоставлении пособий [2].

В Армавире были также приняты меры по оказанию помощи инвалидам, имеющим увечья в боях с немецкими оккупантами и прибывшими в город после выписки из медицинских учреждений. В сентябре 1941 г. по решению городского исполкома они вместе с семьями военнослужащих получили пособия в размере 150 тыс. руб. [3]. Всего по Краснодарскому краю с июля по сентябрь 1941 г. было выдано пособий на общую сумму в 500 тыс. руб. [4]. После освобождения Краснодарского края от оккупации в смете расходов крайисполкома на выдачу единовременного пособия в 1943 г. была зарезервирована общая сумма в размере 515 тыс. руб. Кроме того, было предусмотрено 40 тыс. руб. адресных пособий пенсионерам и инвалидам войны. С учетом большого количества нуждающихся, объемы выделяемой финансовой помощи, не в полной мере удовлетворяющие потребности инвалидов, позволили лишь немного снять социальное напряжение финансовых проблем инвалидов войны [9].

Грамотная государственная политика позволила в период войны выявить и поставить на учет инвалидов, а также улучшить условия для оказания им материальной помощи и решения каждодневных вопросов. Социальное обеспечение инвалидов войны постоянно контролировалось государством и представителями Красного креста. Факты уровня социального обеспечения активировались и передавались в городские и районные отделы соцобеспечения. Кроме того, сотрудники собесов в адресном режиме, учитывая материальное положение инвалидов, определили конкретные виды социального обеспечения: предоставление материальных ресурсов, социальных услуг и т. п. [6, л. 6].

При поступлении материальной помощи по линии Крайторготдела и Крайпотребсоюза, который должен был из этих средств выделить установленный процент инвалидам войны, так как социальное обеспечение – это один из главных вопросов в комплексе мер по оказанию помощи инвалидам. В ре-

зультате оккупации немцами в ноябре 1941 г. большей части европейской территории страны, а также Краснодарского края, где собиралось 38 % довоенной валовой продукции зерна, 84 % всего довоенного производства сахара, разводилось 38 % всей численности крупного рогатого скота и 60 % всего поголовья свиней, в государстве возникли серьезные финансовые проблемы, повлекшие социальное напряжение, в том числе и в Краснодарском крае [1, с. 193]. Вследствие этого валовая продукция сельского хозяйства значительно сократилась, что привело к введению карточной системы распределения продовольствия в советском тылу. Выпуск промышленных товаров для гражданского населения неуклонно уменьшался с началом войны, а поскольку военная обстановка в стране ухудшалась, государство было вынуждено значительную часть предприятий перевести на выполнение оборонных заказов.

Централизованные поступления товаров первой необходимости были крайне ограничены и не позволяли обеспечить даже минимальные потребности населения. В такой ситуации уже в первые месяцы войны местные органы, администрация и профсоюзные комитеты предприятий и учреждений принимали меры по дополнительному снабжению инвалидов войны и семей военнослужащих. Например, в Кропоткинском леспромхозе в начале января 1942 г. такой категории граждан было выдано 12 т. картофеля и оказаны другие виды помощи [5].

На селе свое участие в решении продовольственной проблемы инвалидов войны принимали правления колхозов и кассы общественной взаимопомощи колхозников. В конце 1941 г. – начале 1942 г. последние выдали инвалидам и семьям военнослужащих в целом по краю продуктов питания на сумму 8 100 руб. [15, л. 7]. Дополнительными трудностями в организации снабжения промышленными и продовольственными товарами на территории Краснодарского края 1943 г. являются последствия тяжелых боев с оккупантами, повлекшими разрушения значительной части сельскохозяйственной и промышленной инфраструктуры Кубани. Летом 1943 г. в сельском хозяйстве края сложилась сложная ситуация, что отразилось на снабжении населения продовольственными

товарами. В связи с этим местные органы предприняли действия по разрешению сложившейся проблемы, учитывая социальное состояние инвалидов войны.

Так, например, на состоявшемся 10 июля 1943 г. заседании Гулькевичского райисполкома были рассмотрены проблемы обеспечения продовольствием населения страны, не связанного с сельским хозяйством. Одна из проблем, которую в срочном порядке нужно было решать, касалась продовольственного обеспечения инвалидов войны, численность которых в районе увеличилась до 296 человек [7, л. 4].

Повышению уровня организации снабжения инвалидов войны продовольственными и промышленными товарами способствовало издание приказов Наркомата торговли СССР от 9 августа и 21 ноября 1943 г. «Об упорядочении снабжения инвалидов Отечественной войны». Продовольственные карточки по системе собеса выдавались инвалидам рядового и сержантского состава I и II группы. Инвалиды III группы обеспечивались карточками по месту работы. Определенное улучшение продовольственной ситуации в 1944 г. позволило повысить уровень снабжения инвалидов войны на территории Краснодарского края. Для продовольственного обеспечения 6 314 инвалидов I и II групп было выделено более 120 тыс. кг мяса и рыбы, около 27 тыс. кг жиров, около 19 тыс. кг сахара и кондитерских изделий, более 90 тыс. кг круп и макаронных изделий [13, с. 70].

Несмотря на некоторое улучшение снабжения и обслуживания инвалидов войны в 1944 г., положение в ряде районов продолжало оставаться неудовлетворительным. Например, в Спокойненском, Каневском и других районах края допускались перебои в снабжении хлебом инвалидов войны и нарушения установленных для них норм. Основной причиной являлась ограниченность выделяемых фондов продовольствия. В августе 1944 г. Краснодарский крайисполком потребовал от организаций торговли, потребительской кооперации, городских и районных исполкомов наладить бесперебойное снабжение хлебом инвалидов Отечественной войны I и II групп в сельских районах по нормам, установленным здесь для рабочих.

Остро нуждающимся семьям инвалидов войны I и II групп выделялось до 50 кг ово-

щей для засолки. Кроме того, предписывалось установить точный учет инвалидов войны и выделить для их снабжения целевым решением промышленные товары в размере не менее 10 % от рыночных фондов. Местные органы должны были установить постоянный контроль за расходованием средств, предназначенных для инвалидов войны, привлекая к ответственности лиц, виновных в разбазаривании [8, л. 43]. Вместе с тем инвалиды войны, проживающие в сельской местности, оказывались в более невыгодном положении, чем городские инвалиды. Согласно действующему порядку, они получали хлеб по нормам, установленным районными исполкомами для рабочих, что составляло 250–300 г. в день [13, с. 73]. По мере улучшения военно-политической обстановки в 1944–1945 гг. местные органы социального обеспечения получили возможность постепенно наращивать объемы материальной помощи инвалидам-фронтовикам. В первой половине 1944 г. в Краснодарском крае была оказана помощь семьям военнослужащих и инвалидам войны на сумму 8,5 млн руб. Значительную ее часть составили средства, выделенные на обеспечение этих льготных категорий населения товарами первой необходимости. В целях упорядочения снабжения инвалидов войны с середины 1943 г. на территории Краснодарского края стали создаваться специальные магазины и столовые закрытого типа для обслуживания льготных категорий граждан.

Обслуживание проводилось по прикрепительным талонам, которые выдавались инвалидам собесами. Например, в Майкопе для обслуживания инвалидов Отечественной войны были открыты хлебный ларек, специальная столовая, сапожная мастерская [11, л. 32]. В районных центрах в магазинах устраивали специальные полки с товарами, предназначенными для инвалидов и других льготных категорий граждан. С осени 1943 г. этот процесс охватил освобожденные от врага районы в северо-западной части Краснодарского края. Так, уже в декабре 1943 г. местные органы Новороссийска сумели расширить сеть торговых точек по городу: на балке Краснозеленых были открыты продуктовые магазины, началась продажа хлеба по улице Элеваторной [12]. Для организации снабжения продоволь-

ствием инвалидов Отечественной войны в Новороссийске были открыты специальный магазин №6 городского торгового отдела и столовая. Контроль за их работой с целью правильного распределения фондов товаров осуществлялся через городской торговый отдел, все разнарядки согласовывались с горкомом ВКП(б) и горисполкомом. Участие в контроле за работой магазина осуществлял также актив инвалидов [15, л. 8].

Непосредственно перед завершением войны помощь инвалидам в решении продовольственной проблемы приобрела более масштабный характер. Например, отделом соцобеспечения Отрадненского района в первой половине 1945 г. было выдано семьям военнослужащих и инвалидам войны 150 коров и телок, более 5 000 поросят, 2 000 пудов муки, картофеля, меда, молока и других продуктов [14].

В мае 1945 г. Приморско-Ахтарский отдел гособеспечения выделил остро нуждающимся инвалидам войны 112 ц ячменя, 45 ц куку-

рузы, 63 кг подсолнуха, 2 ц проса, 10 ц картофеля, 661 кг муки, 50 кг пшена, 53 кг фасоли, 1670 шт. яиц, 1085 кг рыбы и другие продукты [16, л. 9]. Подобные акции осуществлялись в других городах и районах Краснодарского края. Определенные улучшения в вопросах обеспечения инвалидов войны продуктами и промышленными товарами не привели к полному устранению недостатков и проблем в данной области, поскольку была ограничена выделенная сумма средств для оказания помощи инвалидам. Вместе с тем, государство использовало все свои возможности для поддержки инвалидов во время войны.

Как в городе, так и на селе свою поддержку инвалидам войны оказывали общественные организации и население. Сочетание работы органов Советского государства и общественных организаций по осуществлению помощи инвалидам войны способствовало улучшению их финансового состояния и урегулированию бытовых проблем.

Источники и литература

1. Анисков В. Т. Колхозная деревня в 1941–1945 гг. // Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн. 2. Трудовой подвиг народа / под ред. П. Н. Поспелова. М.: Мысль, 1974 367 с.
2. Большевик. 1941. 2 августа.
3. Большевик. 1941. 4 сентября.
4. Большевик. 1941. 19 сентября.
5. Большевик. 1942. 18 января.
6. Большевик. 1942. 14 января.
7. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК) Ф.Р-687. Оп.3. Д.6.
8. ГАКК Ф.Р-1435. Оп. 1. Д. 21.
9. ГАКК Ф.Р-1631. Оп. 1. Д. 8.
10. Комсомольская правда. 1943. 1 июля.
11. Национальный архив Республики Адыгея. Р-79. Оп. 3. Д. 19.
12. Новороссийский рабочий. 1943. 11 декабря
13. Панарина Е. В. Решение социальных проблем населения Дона и Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Армавир: АГПУ, 2009, 552 с.
14. Советская Кубань. 1945. 3 сентября.
15. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 558. Оп. 1. Д. 358.
16. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 1941.

References

1. Aniskov V.T. Kolkhoznaya derevnya v 1941–1945 (*Collective farm village in the 1941–1945*) // Sovetskii tyl v Velikoi Otechestvennoi voine (*Soviet rear in the Great Patriotic War*). Vol. 2. Trudovoi podvig naroda (Labor feat of the people) / ed by P. N. Pospelov. Moscow: Mysl', 1974 367 p. (In Russian).
2. Bol'shevik. 1941. 2 August. (In Russian).
3. Bol'shevik. 1941. 4 September. (In Russian).
4. Bol'shevik. 1941. 19 September. (In Russian).
5. Bol'shevik. 1942. 18 January. (In Russian).
6. Bol'shevik. 1942. 14 January. (In Russian).
7. State Archives of the Krasnodar Territory (GAKK) F.R-687. Inv.3. D.6. (In Russian).

8. GAKK F.R-1435. Inv.1. D.21. (In Russian).
9. GAKK F.R-1631. Inv.1. D.8. (In Russian).
10. Komsomol'skaya pravda. 1943. 1 July. (In Russian).
11. The National Archives of the Republic of Adygea. R-79. Inv.3. D.19. (In Russian).
12. Novorossiiskii rabochii. 1943. 11 December. (In Russian).
13. Panarina E.V. Reshenie sotsial'nykh problem naseleniya Dona i Severnogo Kavkaza v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. 1941–1945 (*The solution of social problems of the population of the Don and the North Caucasus during the Great Patriotic War, 1941–1945*). Armavir: ASPU, 2009, 552 p. (In Russian).
14. Sovetskaya Kuban'. 1945. 3 September. (In Russian).
15. Center of the modern history of the Krasnodar Territory Documentation (TsDNIKK). F. 558. Inv.1. D. 358. (In Russian).
16. TsDNIKK. F. 1774-A. Inv. 2. D. 1941. (In Russian).

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 34

Г. Ю. Атаян, О. Н. Амвросова

ЭВОЛЮЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕЕ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ В XVII–XX ВВ.

В статье проведен анализ различных аспектов правового регулирования банковской деятельности XVII–XX вв. с использованием современных высокоинформативных методов исследования. Авторами отмечается, что в течение рассматриваемого периода происходило постоянное развитие и совершенствование правовых норм, регулировавших деятельность кредитных учреждений, что во многом определялось потребностями бурно

развивавшейся экономики страны. Развитие экономики сопровождалось увеличением числа и появлением новых видов кредитных учреждений, что было неразрывно связано с принятием новых законодательных актов.

Ключевые слова: государство, общество, экономика, банк, банковская система, банковская деятельность, банковские уставы, банковское законодательство, денежное обращение, кредитование.

G. U. Atayan, O. N. Amvrosova

EVOLUTION OF DOMESTIC BANKING BUSINESS AND ITS LEGAL REGULATION IN THE XVII–XX CENTURIES

The article analyzes various aspects of the legal regulation of banking in XVII–XX centuries with the reference to modern, highly informative methods. The authors note that in the period under review, there was constant development and improvement of legal norms that regulate the activities of credit institutions, which determines the need rapidly developing economy of the country in many ways.

Economic development was accompanied by increase in the number and the emergence of new types of credit institutions, which was inextricably linked with the adoption of new legislation.

Key words: state, society, economy, bank, banking system, banking, banking regulations, banking law, monetary circulation, credit.

Банковская система, безусловно, является основой основ экономики любой страны, одной из важнейших сфер национального хозяйства любого развитого государства. Современный уровень развития банковской деятельности воплощает в себе разнообразные тенденции прошлого, как правило, являющиеся противоречивыми, безнадежно устаревшими и неприемлемыми, в то же время выявляет и закрепляет новые тенденции и выдержавшие проверку временем постулаты. Поэтому, чтобы понять и разобраться в ней, необходимо изучить историю банковской деятельности и банковского законодательства, разобраться, когда и как возникло и развивалось банков-

ское дело, какие политические, социальные, экономические причины в прошлом влияли на ее становление и развитие.

Первая попытка основать учреждение банковского типа была предпринята в 1655 г. в Пскове. Псковский воевода Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин организовал своеобразный ссудный банк для купцов на основе городской управы, но проект был пресечен московским княжеством, расценившим эти действия как раскольнические, как «желание Пскова жить по своему уставу» [16 с. 47].

Вплоть до падения крепостного права практически все кредитные учреждения в России являлись казенными, причем боль-

шинству из них были присущи не столько банковские, сколько ростовщические функции. Так, уже первой попыткой правительства в становлении отечественной банковской системы можно считать с издания Указа императрицы Анны Иоанновны «О правилах займа денег из Монетной конторы» от 8 января 1733 г., где Монетной конторе (двору) приказывалось выдавать ссуды под залог золота и серебра, однако вместо банка удалось создать лишь казенный ломбард [6, с. 40].

Перенимаемые из более цивилизованных стран Западной Европы банковские учреждения возникли в России во второй половине XVIII в. В то же время, переносимые в нашу страну институты нередко приобретали самобытный оттенок. Как справедливо указывается в литературе, в целом, до финансовой реформы 1860-х гг. в России не было примеров организации подлинно банковского кредитования: в условиях, когда необходимые экономические предпосылки еще не сформировались, основной целью создания подавляющего большинства кредитных учреждений являлось по существу не кредитование, а скрытое финансирование российского дворянства [5, с. 44].

В целом это касается и правового обеспечения банковской деятельности, характеризующееся строгим законодательным регулированием всех сторон банковской деятельности при непрерывном содействии государства [19, с. 19].

Так, 13 мая 1754 г. Правительствующим Сенатом были учреждены два сословных банка в России: «Государственный заемный банк для дворянства» на предоставление краткосрочного, а с 1761 г. и долгосрочного ипотечного кредитования дворянам и «Банк для поправления при Санкт-Петербургском порте коммерции и купечества» для предоставления местным купцам краткосрочных ссуд под залог товаров, серебра и золота, под поручительства, а позже, под векселя «для осторожнейшего возвращения выданных денег, ссуды производить не только под верный залог, но и требовать поручителей из надежнейших лиц» [7, с. 183]. Однако оба банка почти сразу столкнувшись с проблемой невозврата кредитов и впоследствии приостановили свою деятельность.

Для поощрения внешней торговли Указом 21 июня 1764 г. Императрицы Екатерины II были открыты два портовых коммерческих банка в Петербурге и в Астрахани. Несмотря

на достаточно жесткие требования к заемщикам, их опыт оказался неудачным. Так, первый из них прекратил кредитные операции в связи с истощением денежных ресурсов в 1770 г., а астраханский после большого пожара 1767 г. превратился в благотворительное учреждение [12, с. 106–107].

Более детальное регламентирование банковской деятельности нашло отражение в правилах и уставах банков, изданных верховной властью и по праву считавшимися законами по банковскому делу или, высказываясь языком второй половины XVIII–XIX вв., «узаконениями по кредитной части».

Так, 18 декабря 1797 г., Указом Императора Павла I был учрежден Вспомогательный для дворянства банк, отличительной чертой которого стала выдача долгосрочных ипотечных ссуд не деньгами, а особыми банковскими билетами. Первоначально указанный документ содержал 39 пунктов Правил. В дальнейшем, 17 февраля 1798 г., император утвердил устав Вспомогательного банка, расширив его до 67 статей [11].

Так, профессор В. Т. Судейкин, описывая процесс возникновения дворянского банка в Лифляндии, являвшейся прибалтийской окраиной Российской империи, отмечал, что банки учреждались «на основании представленных остзейцами уставов» [15, с. 16]. Уставы включали общие положения о цели создания банка, размере и порядке образования капитала, управлении предприятием, операциях [10, с. 23]. Список проводимых банком операций, содержащихся в банковском уставе, был полным, под каждую сделку были подведены четкие основания. В связи с утверждением банковских уставов императором они предварительно досконально изучались специалистами Особной канцелярии по кредитной части – органа Министерства финансов, в ведении которого было составление и рассмотрение законопроектов, охватывающих кредитную сферу.

Процедура рассмотрения банковских уставов, отраженная в научных трудах, заключалась в следующем: «...все уставы банков проходили через Особную канцелярию по кредитной части, где дела об учреждении тянулись долго и уставы банков исправлялись согласно взглядам финансовой администрации, старавшейся во все вникнуть и все предусмотреть. Очевидно, принимались все меры, чтобы обезопасить общество от

злоупотреблений со стороны банков» [15, с. 19]. Утвержденные императором банковские уставы становились примерами для уставов вновь создаваемых однотипных банковских структур. Например, по аналогии с уставом Слободского Анфилатовского первого городского банка в России, учрежденного в 1809 г. были составлены уставы городских общественных банков [4, с. 39]. Уставы Тифлисского, Варшавского учетного и Азовско-Донского банков, утвержденные в законодательном порядке, т. е. императором, стали образцами для уставов всех последующих создаваемых акционерных банков.

Уставный период правового регулирования банковской деятельности ознаменовался вхождением в правовой обиход стандартных банковских уставов, которые именовались нормальными и даже образцовыми. На протяжении времени банковские правила и уставы совершенствовались, наполняясь все большим количеством норм [8].

Еще одним примером, показывающим стремление законодателя к наиболее полной регламентации отдельных аспектов банковской деятельности путем внесения изменений в существующие правовые акты, является издание в 1819 г. дополнительных статей к уставу Коммерческого банка, которые установили детальный порядок операций трансфертов между Санкт-Петербургом и Москвой и ссуд под товары [4, с. 17].

Известный исследователь деятельности русских коммерческих банков И. Ф. Гиндин раскрывал значение Устава кредитного для банков через сопоставление с уставами других субъектов хозяйствования. В утвержденных правительством уставах акционерных торгово-промышленных предприятий «параграфы, нормирующие их деятельность, имеют лишь декларативный характер», напротив, в развитие положений Устава кредитного в уставы банков обязательно вносится раздел из 20–30 параграфов, регламентирующий их деятельность [3, с. 353].

В целях упорядочения денежного обращения и совершенствования кредитных учреждений в начале XIX в. впервые появились государственные органы по регулированию кредитной деятельности. В 1810 г. была образована Комиссия погашения государственных долгов, в 1817 г. Совет государственных кредитных установлений (Совет ГКУ).

Во времена Николая I система кредитных учреждений не претерпела существенных изменений, а многочисленные нормативно-правовые акты были направлены лишь на детальную регламентацию внешней стороны деятельности кредитных учреждений. Цели государственной кредитной политики, направленные на уменьшение объемов кредитования и снижения частнопредпринимательской активности в банковской сфере, привели к финансовому застою и необходимости ликвидации старых кредитных учреждений.

В годы правления Императора Александра II государственные кредитные учреждения оказались в затруднительном положении, слабая организация кредитных учреждений свидетельствовала о ее немедленном реформировании. Так, в этот период вклады в государственные кредитные учреждения резко возрастают. Чрезмерное накопление вкладов в условиях существующей тогда кредитной системы вынуждало кредитные учреждения, рискуя ликвидностью, помещать средства из краткосрочных вкладов в долгосрочные ссуды или вообще не осуществляя активных операций, платить вкладчикам проценты и, следовательно, терпеть убытки. С целью устранения данной ситуации по инициативе министра финансов П. Ф. Брока 20 июля 1857 г. был издан Указ, снизивший процент по частным вкладам.

В 1859 г. были приняты решения, положившие начало новому этапу развития кредитно-банковской системы, согласно которым были ликвидированы все государственные кредитные учреждения, существующие на тот момент, Заемный банк, Сохранные казны и Приказы общественного призрения переводились в подчинение министра финансов, образована комиссия для разработки проекта устройства земских банков и т. д.

И наконец, 31 мая 1860 г. Высочайшим Указом Императора Александра II образован Государственный банк Российской Империи с отделениями по всей стране. Одновременно с Госбанком начался процесс создания частных кредитных учреждений, для которых долгое время не существовало схемы вхождения в банковскую систему. Помимо Уставов, утвержденных на уровне правительства, было принято несколько общих нормативно-правовых актов, касающихся банковской деятельности. Это Положение о городских общественных банках от 6 фев-

раля 1862 г. [4, с. 59–63], Закон от 17 мая 1871 г. «О порядке учреждения кредитных установлений земствами» и «Общие правила о порядке учреждения кредитных установлений частных и общественных» от 31 мая 1872 г., в которых закреплены основные начала банковской системы в отношении порядка регистрации, размера основного капитала, распределения прибыли и отчетности, а также впервые достаточно четко определена структура банковской системы России, которая, помимо, государственных банков выделяет общественные городские и земские банки, частные банки долгосрочного и краткосрочного кредитования [16, с. 74–96].

В целом, в начале 60-х гг. XIX в. в России было разработано достаточно передовое банковское законодательство, регулирующее работу государственных, общественных и частных банков и позволяющее эффективно функционировать и совершенствоваться кредитным учреждениям. Система нормативно-правовых актов характеризовалась многообразием их видов, и отличалась обширным описанием процессов организации, функционирования и ликвидации банков и иных кредитных учреждений. Основная роль в указанной системе отводилась законам и уставам [13, с. 96–97].

В тяжелых для страны условиях банковского кризиса появился Закон от 31 мая 1872 г. [11], направленный на предупреждение чрезмерной конкуренции между банками, запрещающий их учреждение в городах, где таковые уже имелись.

Многими исследователями и политическими деятелями отмечено положительное значение Закона от 31 мая 1872 г., который в условиях нагрянувшего в 1873 г. в России банковского кризиса и его обострения в 1876 г. реализовал свое основное предназначение, остановив спекулятивное учредительство банков, предотвратив жесточайшую конкурентную борьбу в банковской системе с последующими массовыми банкротствами.

Так, И. И. Левин отмечает, что в этот период между банками действительно существовала чрезмерная и ожесточенная конкуренция [9, с. 255].

Министр финансов М. Х. Рейтерн в своем «финансовом завещании» 1877 г. писал: «Если до сих пор не было еще большого числа банков, объявленных несостоятельными, то это отчасти благодаря тому, что уже не-

сколько лет не разрешалось учреждения новых банков. Я полагаю, что следовало бы продолжать в этом же духе и во всяком случае разрешать банки только в действительно торговых местностях и не более одного в каждой» [3, с. 45].

Позже Министр финансов Н. Х. Бунге высказывался в поддержку Закона от 31 мая 1872 г., подчеркивая, что, являясь мерой исключительно временной с точки зрения свободного учредительства банков, он положил конец учредительской банковской спекуляции и упрочил работу большинства акционерных банков [8, с. 73].

Что касается Закона от 14 мая 1871 г., то основным его содержанием было разрешение земским собраниям в губерниях и уездах создавать кредитные учреждения, причем прибыль по усмотрению земского собрания могла быть направлена на удовлетворение экстренных земских нужд либо на увеличение уставного капитала таких кредитных учреждений.

В это же время были заложены основы организации мелкого кредитования. Так, в 1870 г. Специальной комиссией Императорского Московского общества сельского хозяйства был разработан типовой Устав ссудосберегательного товарищества, в соответствии с которым, лица, занятые земледелием и промыслом могли рассчитывать на получение оборотного капитала.

В годы царствования Александра III в банковской сфере продолжалось достаточно активная законотворческая деятельность: существовавшие кредитные учреждения подвергались значительным преобразованиям, рядом с ними создавались новые государственные кредитные учреждения, в отношении частных и общественных институтов принимались меры для большего соответствия их деятельности экономическим потребностям страны [4, с. 64–70].

Важным считается наделение Госбанка Российской Империи, в соответствии с новым Уставом 1894 г., рядом функций, свойственных не только как эмиссионному банку, но и как универсальному коммерческому банку (выдавал ссуды промышленным предприятиям, кредитовал различные отрасли, учитывал финансовые векселя и т. д.). В целях удовлетворения потребностей населения в некоторых местностях осуществление простейших операций возлагалось на

местные казначейства, кассы которых были с 1897 г. слиты с банковскими. Преобразование Госбанка повлекло упразднение Совета государственных кредитных установлений, не оправдавшего возлагавшихся на него надежд по защите его интересов в правительстве. Вместе с тем был усилен внешний надзор со стороны Государственного контроля, которому вместе с проведением ревизией отчетов перешло освидетельствование касс и кладовых, а также в выработке правил бухгалтерского учета и отчетности Госбанка [5, с. 50].

Отметим, что кризисные 70–80-е гг. XIX в. в России можно охарактеризовать как период различного рода злоупотреблений в банковской сфере. Наиболее распространены из них – проведение правлением банка, в целях извлечения повышенной прибыли, рискованных операций без уведомления акционеров. В частности, постоянным партнерам банка предоставлялись кредиты без должного и надежного обеспечения. Такая рискованная банковская политика привела в 1875 г. к первому банковскому краху – банкротству Московского коммерческого ссудного банка. Обязательства перед вкладчиками указанного банка на момент крушения составляли 14 млн руб., что создало панику, быстро распространившуюся сначала в межбанковской среде, а в дальнейшем – среди связанных с банками контрагентов, встревожив финансовый мир даже вне России.

Правительство вынуждено было реагировать, поскольку было очевидно, что действующее правовое регулирование банковской деятельности не могло предоставить надежных гарантий вкладчикам, доверяющим банкам свои капиталы, и оградить акционеров от недобросовестных действий банковских администраций [11]. Так, по выявленным многочисленным злоупотреблениям в банковском деле были приняты Законы, обеспечивающие защиту интересов вкладчиков и обычных акционеров банков: Закон об изменении и дополнении правил открытия акционерных коммерческих банков от 5 апреля 1883 г., Закон о порядке ликвидации дел частных и общественных установлений краткосрочного взаимного кредита от 22 мая 1884 г. в отношении различных типов кредитно-банковских учреждений.

Постепенное реформирование кредитных учреждений продолжалось и при Императоре Николае II.

Так, Законом об учреждении мелкого кредита от 1 июня 1895 г., в сферу действия которого попали сберегательные кассы, кредитные товарищества, сельские, волостные банки, «малодостаточным лицам, сельским или станичным обществам, товариществам, артелям и другим подобным союзам» предоставлялось возможность получать на необременительных условиях ссуды, а также вносить денежные средства под проценты [4, с. 238].

Законом от 29 августа 1897 г. было подтверждено монопольное эмиссионное право Госбанка Российской Империи, на основании которого только он мог эмитировать кредитные билеты в соответствии с потребностями денежного обращения и не иначе как под обеспечение золотом в установленном законом соотношении [2].

Основным банковским актом этого периода, как отмечается в литературе, можно с уверенностью назвать Закон от 29 апреля 1902 г. «Об упрочении деятельности частных банков», ограничивающий размер городских ссуд, выдаваемых учреждениями долгосрочного кредитования из общего числа ссуд.

С 1909 г. стали набирать обороты акционерные коммерческие банки и в целом кредитно-банковская система России. Русско-Азиатский банк – это пример самого крупного дореволюционного акционерного банка с разветвленной сетью филиалов внутри страны и за ее пределами, ресурсы которого к 1917 г. составили 27 % от ресурсов всех акционерных коммерческих банков страны [14, с. 80].

Таким образом, в дореволюционной России государство являлось единственным монополистом в банковском деле. Существовавшая разветвленная многосубъектная кредитно-банковская система, предоставляющая разнообразные банковские услуги, вместе с тем, так и не успела стать по-настоящему двухуровневой. Госбанк Российской Империи находился в прямом подчинении министра финансов. Несмотря на ряд функций, совершенно не свойственных центральному банку, не имел контрольно-регулятивных полномочий в отношении субъектов нижнего уровня кредитно-банковской системы.

Правовое регулирование банковской деятельности в советский период ознаменовано устранением дореволюционных кредитных организаций. Основным нормативно-право-

вым актом этого времени можно полноправно считать Декрет ЦИК от 14 (27) декабря 1917 г. «О национализации банков», отражающий идею национализации «в интересах правильной организации народного хозяйства, решительного искоренения банковской спекуляции и всемерного освобождения рабочих, крестьян и всего трудящегося населения от эксплуатации банковым капиталом». Для этого был создан единый Народный банк Российской Республики.

Документ предполагал государственную монополию банковской системы, то есть исключительное право государства на создание, реорганизацию и ликвидацию банковских учреждений. Так, на протяжении 1918–1919 гг. были закрыты земельные, городские банки, общества взаимного кредита.

Завершение Гражданской войны сопровождалось новой экономической политикой, направленной на восстановление кредитной сферы при непосредственном государственном участии. Так, Декрет Совета народных комиссаров «Об отмене ограничений денежного обращения и мерах к развитию вкладной и переводной операции» от 30 июня 1921 г. отменил ограничения на наличность, имеющуюся у частных лиц, и законодательно определил неприкосновенность вкладов и банковской тайны.

В составе Наркомфина ВЦИКом 12 октября 1921 г. был образован Государственный банк, подчиняющийся народному комиссару финансов. Этот банк осуществлял кредитование различных отраслей народного хозяйства, обеспечивал денежное обращение, обслуживал кассовые операции исполнения бюджета, осуществлял эмиссию банковских билетов. Государственный банк был наделен исключительным правом совершения операций с золотом и иностранной валютой внутри России и за ее пределами. Принципами, определяющими работу Госбанка, являлись хозрасчет и безубыточность.

Базой для дальнейшего совершенствования нормотворчества в банковском деле стали Положение о Государственном банке и уставы банков. 10 ноября 1922 г. Постановлением СТО о порядке учреждения уставов и надзора за деятельностью кредитных учреждений был определен порядок создания кредитных организаций, включая коммерческие [1, с. 17]. Вместе с тем действующие органы власти не уступали свое главенство в организации кредитного про-

цесса, что было законодательно обозначено в Постановлении ЦИК и СНК СССР от 15 июня 1927 г. «О принципах построения кредитной системы СССР».

Непосредственное управление кредитно-банковской сферой было возложено на Государственный банк. Он наделялся правом участия в советах и ревизионных проверках всех кредитно-банковских организаций с государственным капиталом; кроме того, банк имел право наблюдать за целевым использованием кредитов в различных сферах; получать информацию о балансовых данных всех кредитных организаций; запрашивать кредитную историю отдельных клиентов и сведения о текущих счетах и вкладах государственных органов. В целом документ разграничивал обязанности между банковскими учреждениями по кредитованию экономики.

Кардинальным изменениям подвергся банковский сектор во время индустриализации, в частности закрылись отраслевые кредитные организации. В соответствии с Постановлением ЦИК и СНК СССР от 27.06.1928 г. Промбанк объединился с Электробанком, отдав выполнение краткосрочного кредитования Госбанку, оставив за собой исключительно долгосрочное предоставление кредитных средств.

Значительным вкладом в законодательное регулирование банковского дела было утверждение Устава Госбанка СССР в июне 1929 г., определяющий основную его цель «в соответствии с общим планом развития народного хозяйства регулировать денежное обращение и осуществлять краткосрочное кредитование промышленности, сельского хозяйства, торговли, транспорта и других отраслей хозяйства». Банковская деятельность Союза ССР 1930 г. характеризовалась сменой ранее существующего коммерческого (вексельного) кредитования прямым банковским кредитованием и закреплением в этой сфере принципов плановости, целевого использования, срочности и возвратности.

Были изданы Постановления СНК СССР от 14.01.1931 г. «О мерах улучшения практики кредитной реформы» и от 20.03.1931 г. «Об изменении в системе кредитования, укреплении кредитной работы и обеспечении хозрасчета во всех хозорганах», определившие измененный порядок кредитования и проведения расчетов. Кроме того, По-

становлением СТО от 23 июля 1931 г. «Об оборотных средствах государственных объединений, трестов и других хозяйственных организаций» был утвержден твердый порядок оплаты расчетных документов исключительно с разрешения плательщика.

В послевоенное время усилия государства были устремлены на восстановление экономики страны, включая меры в отношении кредитно-банковской сферы, в частности годовое составление планов сопровождалось утверждением кредитных и кассовых планов Государственного банка страны. Согласно Постановлению Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 14.12.1947 г. «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары» были введены новые денежные знаки и модифицирована система снабжения населения [18, с. 49]. Кроме того, был утвержден новый Устав Госбанка, осуществлен переход курса рубля на золотую основу, проведены мероприятия по развитию деятельности Госбанка в сфере кассового исполнения Государственного бюджета СССР.

На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 23 апреля 1954 г. Госбанк СССР был исключен из структуры Министерства финансов СССР [18, с. 49]. Также Советом Министров и ЦК КПСС были приняты Постановление 21 августа 1954 г. «О роли и задачах Государственного банка СССР» и Постановление от 27 июля 1957 г. «О дальнейшем расширении прав Госбанка СССР», существенно расширившие права Председателя правления Госбанка СССР и руководителей его контор в вопросах организации процесса кредитования и расчетов.

На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1959 г. была

ликвидирована система банков долгосрочных вложений. Закрытие Сельхозбанка, Банка финансирования коммунального и жилищного строительства (Цекомбанк) и коммунальных банков сопровождалось передачей их функционала Госбанку и Промбанку СССР. Период 1987–1988 гг. ознаменовался созданием специализированных банков. Были изданы Постановления Совета Министров СССР от 6 октября 1987 г. «О рестройке деятельности и организационной структуры банков СССР» и от 31 марта 1989 г. «О переводе специализированных банков СССР на полный хозрасчет и самофинансирование», где были прописаны задачи и функции Государственного банка СССР и системы специализированных банков.

Таким образом, эволюция кредитной системы, становление и развитие банковской деятельности в России, ее правовое регулирование проходило поэтапно. Каждый из этапов характеризовался специфическими чертами формирования банковской сферы.

Главной особенностью эволюции банковской деятельности и банковского законодательства являлось активное вмешательство правительства в деятельность кредитных учреждений.

Государство, оказывая непрерывное активное правовое и иное влияние на поведение субъектов банковской деятельности, т. е. организуя работу банков через правовое регулирование, определяет особенности и вектор ее эволюции, выделяет банковские инструменты и институты, наиболее приемлемые для определенного экономического этапа и уровня развития финансовой системы государства и общества.

Литература

1. Агарков М. М. Основы банковского права. Учение о ценных бумагах. М.: Волтерс Клувер, 2005. 336 с.
2. Бугров А. В. Очерки по истории Государственного банка Российской Империи // Приложение к журналу «Банки и технологии». М.: ИГЭА, 2001. 346 с.
3. Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства: 1861–1892 годы. М.: Госфиниздат, 1960. 414 с.
4. Гурьев А. Очерк развития кредитных учреждений в России. СПб.: Якорь, 1904. 256с.
5. Ермаков С. Л., Юденков Ю. Н. Основы организации деятельности коммерческого банка: учебник. М.: КНОРУС, 2009. 656 с.
6. Исаев М. А. История российского государства и права. М.: Статут, 2012. 840 с.
7. Идельсон В. Р. Кредит, банки и биржа. СПб: Касса взаимопомощи студентов Санкт-Петербургского политехнического института имени Петра Великого, 1914. 488 с.
8. Калитов Д. Е. Становление банковского законодательства дореволюционной России и его совершенствование в целях предупреждения банкротства банков // Банковское право. 2013. №3. С. 68–77.

9. Левин И. И. Акционерные коммерческие банки в России: сборник / под науч. ред. А. А. Белых. М.: Дело, 2010. 511 с.
10. Малинина Е. А. История банков с древнейших времен и до наших дней (очерки). СПб.: Издание М. В. Кечеджи-Шаповалова, Книжный склад Товарищества «Улей», 1913. 32 с.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XXIV. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1850г. 699 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/content.html. (Дата обращения: 05.04.2016).
12. Печерин Я. И. Исторический обзор правительственных, общественных и частных кредитных учреждений в России. СПб.: [б.и.], 1904. С. 106–107.
13. Рашидов О. Ш. Государственно-правовое регулирование деятельности кредитных учреждений в до-советской России: дис.... канд. юрид. наук. Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия (ин-т), 2007. 25 с.
14. Русско-Азиатский банк // Финансово-кредитный словарь. М.: Финансы и статистика, 1994. 512 с.
15. Судейкин В. Т. Государственный банк. Исследование его устройства, экономического и финансового значения. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1891. 553 с.
16. Сборник государственных знаний. Т. 4. СПб.: Издательство Д. Е. Кожанчикова, 1878. 460 с.
17. Тедеев А. А. Банковское право: учебное пособие. М.: Эксмо, 2005. 336 с.
18. Тосунян Г. А., Викулин А. Ю., Экмалян А. М. Банковское право РФ: учебник / под общ. ред. Б. Н. Топорнина. М.: Юристъ, 2003. 448 с.
19. Финогентова О. Е. Законодательное регулирование банковской деятельности в России: Первая половина XVIII – начало XX вв.: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов: СГЭА, 2004. 330 с.

References

1. Agarkov M. M. *Osnovy bankovskogo prava; Uchenie o cennyh bumagah (Fundamentals of banking law; study of securities)*. Moscow: Volters Kluver, 2005. 336 p. (In Russian).
2. Bugrov A. V. *Oчерки po istorii Gosudarstvennogo banka Rossijskoj Imperii (Essays on the history of the State Bank of the Russian Empire) // Prilozhenie k zhurnalu «Banki i tehnologii» (The Application to magazine «Banks and technologies»)*. Moscow: ISEA, 2001. 346 p. (In Russian).
3. Gindin I. F. *Gosudarstvennyj bank i jekonomicheskaja politika carskogo pravitel'stva: 1861–1892 gody (The state Bank and the economic policy of the tsarist government: 1861–1892)*. Moscow: Gosfinizdat, 1960. 414 p. (In Russian).
4. Gur'ev A. *Oчерk razvitija kreditnyh uchrezhdenij v Rossii (Outline of the development of credit institutions in Russia)*. St. Petersburg: Yakor', 1904. 256 p. (In Russian).
5. Ermakov S. L., Yudenkov Yu. N. *Osnovy organizacii dejatel'nosti kommercheskogo banka (Fundamentals of organization of activity of commercial Bank: manual)*. Moscow: KNORUS, 2009. 656 p. (In Russian).
6. Isaev M. A. *Istorija rossijskogo gosudarstva i prava (History of Russian state and law)*. Moscow: Statut, 2012. 840 p. (In Russian).
7. Idel'son V.R. *Kredit, banki i birzha (Credit, banks and stock exchange)*. St. Petersburg: Cashier mutual students of the St. Petersburg Polytechnic Institute named after Peter the Great, 1914. 488 p. (In Russian).
8. Kalitov D.E. *Stanovlenie bankovskogo zakonodatel'stva dorevoljucionnoj Rossii i ego sovershenstvovanie v celjah preduprezhdenija bankrotstva bankov (The formation of the banking legislation of pre-revolutionary Russia and its improvement in order to prevent Bank bankruptcies) // Bankovskoe pravo. 2013. No. 3. P. 68–77.* (In Russian).
9. Levin I. I. *Akcionernye kommercheskie banki v Rossi (Joint-stock commercial banks in Russia) / ed by A. A. Belyh.* Moscow: «Delo», 2010. 511 p. (In Russian).
10. Malinina E. A. *Istorija bankov s drevnejshih vremen i do nashih dnei (ocherki). (Story of banks from the earliest times to the present day (essays))*. St. Petersburg: Issue of M. V. Kechedzhi-Shapovalov, bookstore Partnership «Ulej», 1913. 32 p. (In Russian).
11. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. (Complete collection of laws of the Russian Empire) Collection II. Vol. XXIV.* St. Petersburg: Printing II Division of the Office of His Imperial Majesty, 1850. 699 p. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/content.html. (Accessed: 05.04.2016). (In Russian).
12. Pecherin Ja. I. *Istoricheskij obzor pravitel'stvennyh, obshhestvennyh i chastnyh kreditnyh ustanovlenij v Rossii (Historical overview of government, public and private credit institutions in Russia)*. St. Petersburg, 1904. P. 106–107. (In Russian).
13. Rashidov O. Sh. *Gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie dejatel'nosti kreditnyh uchrezhdenij v dosovetskoj Rossii: thesis. (State-legal regulation of activities of credit institutions in pre-Soviet Russia)*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Law Academy, 2007. 25 p. (In Russian).
14. *Russko-Aziatskij bank // Finansovo-kreditnyj slovar' (Financial-credit dictionary)*. Moscow: Finansy i statistika, 1994. 512 p. (In Russian).

15. Sudejkin V. T. Gosudarstvennyj bank. Issledovanie ego ustrojstva, jekonomicheskogo i finansovogo znachenija. (*State Bank. The study of its system, the economic and financial value*). St. Petersburg: M. M. Stasjulevich Printing office, 1891. 553 p. (In Russian).
16. Sbornik gosudarstvennyh znanij. Vol. 4. (*A collection of public knowledge*). St. Petersburg: D.E. Kozhanchikov Printing office, 1878. 460 p. (In Russian).
17. Tedeev A. A. Bankovskoe parvo (*Banking law: manual*). M.: Jeksmo, 2005. 336 p. (In Russian).
18. Tosunjan G. A., Vikulin A. Ju., Jekmaljan A. M. Bankovskoe pravo RF. Uchebnik (*Banking law of the Russian Federation. Manual*) / ed by B. N. Topornin. Moscow: Jurist', 2003. 448 p. (In Russian).
19. Finogentova O. E. Zakonodatel'noe regulirovanie bankovskoj dejatel'nosti v Rossii: Pervaja polovina XVIII – nachalo XX vv.: thesis (*Legislative regulation of banking activities in Russia: First half of XVIII–beginning of XX centuries*). Saratov: SSEA, 2004. 330 p. (In Russian).

УДК 378.147(34)

Л. Э. Боташева, А. С. Гондаренко

СОВРЕМЕННЫЕ ОРИЕНТИРЫ В ПРЕПОДАВАНИИ ДИСЦИПЛИН ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВОГО ПРОФИЛЯ

В статье на основе учебных планов Юридического института Северо-Кавказского федерального университета и учебно-методических материалов кафедры административного и финансового права, рассказывается об опыте реализации информационно-правового профиля и преподавании информационного права в структуре ООП бакалавриата. В статье делается вывод о перспективности информационно-правовой специализации.

В статье делается вывод о том, что дисциплина «Информационное право» не должна быть отнесена вузами к дисциплинам по выбору, ее изучение должно быть обязательным в процессе подготовки бакалавров.

Ключевые слова: информация, информационное право, учебная дисциплина, информационное общество, бакалавриат, информационно-правовой профиль, Северо-Кавказский федеральный университет, учебный план.

L. E. Botasheva, A. S. Gondarenko

MODERN LANDMARKS IN TEACHING ACADEMIC COURSES OF INFORMATION LEGAL PROFILE

The article describes the experience of implementing information and legal profile and teaching Media Law and Bachelor in EP structure. The study is based on the curricula of the Law Institute of the North Caucasus Federal University and the teaching materials of the Department of Administrative and Financial Law. The article reveals prospects

of legal information specialization. The article claims that «Information Law» course should not be considered optional; it is supposed to be compulsory for bachelor students.

Key words: information, information law, subject matter, information society, bachelor degree course, information and legal profile, North Caucasus Federal University, curricula.

Активное формирование и развитие институтов информационного общества в современном мире через повсеместное использование информационных технологий во всех сферах привели к созданию новой инновационной отрасли российского права, которая закреплена и как самостоятельная

научная специальность 12.00.13 – «Информационное право».

Появление информационного права вызвано формированием новых отношений, требующих внимания юридической науки и практики. Следует согласиться с мнением, что сегодня информационное право нахо-

дится в авангарде юридической науки, первым осваивая новые, ранее не известные правовой науке понятия – «Интернет», «провайдер», «киберпространство», «электронная торговля», «блогер» и т. д. [4].

Информационное право является комплексной отраслью и находится на стыке ведущих отраслей права (конституционного, административного, гражданского, финансового и др.). Межотраслевой характер учебной дисциплины позволяет качественно формировать профессиональные компетенции будущих юристов, обладающих знаниями в области правового режима информации и современных информационных технологий. Информационный век повышает интерес к специалистам, способным обеспечить информационную безопасность посредством законов. По версии журнала «Forbes», наиболее прибыльными на мировом рынке являются IT-технологии, что определяет спрос на их юридическое сопровождение квалифицированными специалистами в сфере информационного права.

В действующем перечне правовых дисциплин профессионального цикла государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки «Юриспруденция», к сожалению, учебная дисциплина «Информационное право» отсутствует. Следует согласиться с мнением авторов о том, что «включение информационного права в состав дисциплин профессионального цикла, в Федеральный государственный образовательный стандарт должно стать справедливой реакцией со стороны государственной политики в образовательной сфере на вызовы информационной эпохи» [3].

Юридический институт Северо-Кавказского федерального университета этот пробел компенсирует преподаванием знаний в области правового регулирования информационной сферы в рамках обязательной дисциплины «Информационное право» вариативной части информационно-правового цикла.

Учебная дисциплина «Информационное право» впервые появилась в Ставропольском государственном университете, который в 2012 г. вошел в состав Северо-Кавказского федерального университета. Кафедра финансового, предпринимательского и информаци-

онного права Ставропольского государственного университета являлась инициатором направления, стояла у истоков выработки его концепции, учебно-методического и документального обеспечения. Была проделана работа по подготовке самих преподавателей, способных в современном ключе преподавать курс «Информационное право» [1].

За это время получили базовые знания и успешно обучились информационно-правовой специализации более 150 студентов, которые сегодня успешно применяют полученные знания во всех сферах профессиональной юридической деятельности.

В соответствии с Программой развития юридического института Северо-Кавказского федерального университета в 2015–2016 учебном году начата реализация нового профиля («Информационно-правовой») для студентов бакалавриата. Выпускающей кафедрой является кафедра административного и финансового права. Учебный план информационно-правовой профиля сформирован на основе собственного образовательного стандарта.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» п. 10 ст. 11 наделяет федеральные университеты правом самостоятельно разрабатывать и утверждать образовательные стандарты по всем уровням высшего образования [5].

Право принятия самостоятельного образовательного стандарта реализовано в Северо-Кавказском федеральном университете (г. Ставрополь) Приказом № 136-О от 29 января 2014 г., который утвердил собственный образовательный стандарт по направлению подготовки 40.03.01 – Юриспруденция, квалификации (степени) «бакалавр». Образовательный стандарт высшего профессионального образования Северо-Кавказского федерального университета представляет собой совокупность требований, обязательных при реализации основных образовательных программ бакалавриата по направлению подготовки «Юриспруденция» в Северо-Кавказском федеральном университете.

Образовательный стандарт высшего профессионального образования Северо-Кавказского федерального университета разработан с учетом: европейской рамки квалификаций по областям профессиональ-

ной деятельности на основе компетентностного подхода; развития Северо-Кавказского федерального университета, предусматривающего интеграцию его образовательной и научно-исследовательской деятельности, модернизацию и совершенствование материально-технической базы и социально-культурной инфраструктуры, интеграцию в мировое образовательное пространство; результативной мировой и отечественной практики подготовки бакалавров юриспруденции с учетом новых методов обучения, оценки и контроля, исходящих тенденций развития отечественной юридической доктрины; актуальных и перспективных потребностей личности, генезиса государства и права, образования, науки, культуры; значимости формирования общероссийской гражданской идентичности, создания условий для гармоничного развития личности, способной к этнокультурному и межконфессиональному диалогу.

Названный образовательный стандарт, реализуя компетентностный подход к результатам образовательного процесса и воспитания, сформулировал как один из видов общекультурных компетенций информационную компетенцию, необходимую для овладения основными методами, способами и средствами получения, хранения и переработки информации, а также формирования у бакалавров навыков работы с современными информационными технологиями. Собственный образовательный стандарт СКФУ предусмотрел наличие в своей структуре следующих учебных циклов (модулей): цикл гуманитарных, социальных и экономических дисциплин; информационно-правовой цикл; профессиональный цикл.

Каждый учебный цикл имеет базовую (обязательную) и вариативную (профильную) части. Вариативная часть, в которой представлен учебный курс «Информационное право», дает возможность расширения и/или углубления знаний, умений и навыков, определяемых содержанием компетенций, адаптированных к требованиям потенциальных работодателей, позволяет обучающемуся получить знания, умения и навыки для успешной профессиональной деятельности и/или для продолжения профессионального образования в магистратуре.

Так как информационное право, как отрасль права охватывает совокупность правовых норм, которые определяют поведение субъектов в области информационных отношений, то и его изучение в юридическом институте Северо-Кавказского федерального университета включает двухступенчатый процесс анализа информационно-правовых норм в формате общей и особенной частей учебного курса. В общей части курса студентами изучаются такие темы, как: «Понятие информации в теории права и законодательства»; «Общие положения информационного права»; «Основные информационные права и свободы человека и гражданина»; «Информационно-правовые отношения»; «Правовой статус субъектов информационных правоотношений», «Информационные посредники».

В Особенной части курса рассматриваются отдельные подотрасли и институты информационного права: «Государственная политика и управление в информационной сфере»; «Правовой режим общедоступной (открытой) информации»; «Правовой режим документированной информации. Электронный документооборот»; «Правовой режим информации ограниченного доступа»; «Правовое регулирование отношений по защите государственной тайны»; «Правовое регулирование отношений по защите коммерческой тайны»; «Правовая охрана персональных данных личности»; «Правовой режим средств массовой информации. Сетевые СМИ»; «Электронное правительство»; «Электронное правосудие»; «Правовые основы информационных отношений в информационно-телекоммуникационной сети Интернет»; «Юридическая ответственность в информационной сфере. Актуальные проблемы развития информационного права».

Собственный образовательный стандарт Северо-Кавказского федерального университета устанавливает, что обучающийся в результате изучения курса информационного права должен знать: содержание основных понятий, принципов, источников и норм информационного права, форм и способов его реализации; понятие, содержание и организационно-правовые основы регулирования информационных отношений; формы и методы реализации прав граждан и компетенции органов исполнительной власти в сфере оборота информации; содержание

основных положений действующего информационного законодательства.

Изучение будущими юристами информационного права формирует такие профессиональные умения и навыки, как способность толковать, соблюдать, исполнять, применять информационно-правовые нормы в практической деятельности, в том числе квалифицировать юридически значимые факты; давать консультации по вопросам информационного права; оперировать юридическими понятиями и категориями; осуществлять экспертизу правовых актов, правильно составлять и оформлять юридические документы; анализировать юридическую статистику в целях предупреждения правонарушений.

Студент, освоивший курс информационного права, владеет навыками анализа, сбора и обработки правовой информации, имеющей значение для реализации в соответствующих сферах профессиональной деятельности; знаниями в области регулирования информационных отношений, практическими навыками; юридической терминологией информационного права; навыками работы с правовой информацией, а также составления и разработки документов правового характера; знаниями иностранного языка, необходимы для работы с персональным компьютером и в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Ведущие преподаватели кафедры административного и финансового права полноценно обеспечивают учебный курс и профиль учебными информационными ресурсами: учебными пособиями, рабочими программами, учебно-методическими комплексами и другими материалами в печатном, а также в электронном виде. Преподавателями кафедр юридического института Северо-Кавказского федерального университета подготовлен электронный учебник, включающий в себя курс лекций, глоссарий, тестовые задания по информационному праву.

В рамках информационно-правового профиля студентам предоставляется возможность изучения таких учебных курсов, как

«Информационно-правовое обеспечение налогообложения», «Информационное право и информационные технологии», «Правовой режим экологической информации», «Электронная коммерция», «Правовое регулирование доступа к информации о деятельности органов публичной власти» и др.

Все проводимые учебные занятия соответствуют современным требованиям и стандартам. Для наиболее полноценного и качественного формирования общих и профессиональных компетенций преподавателями кафедры применяется компетентностный подход, который предусматривает широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий (семинаров в диалоговом режиме, дискуссий, компьютерных симуляций, деловых и ролевых игр, разбора конкретных ситуаций, психологических и иных тренингов, групповых дискуссий, результатов работы студенческих исследовательских групп, вузовских и межвузовских телеконференций, игровой судебный процесс) в сочетании с внеаудиторной работой с целью формирования и развития профессиональных навыков обучающихся.

В ближайшей перспективе юридический институт Северо-Кавказского федерального университета планирует ввести подготовку магистров юриспруденции по программам информационного права.

На сегодняшний день полноценное развитие информационного права направлено на подготовку выпускников юридического института Северо-Кавказского федерального университета, востребованных в сфере юридического сопровождения электронного бизнеса, в юридических службах министерств и ведомств (организация электронного взаимодействия и электронных государственных услуг), в государственных спецслужбах и правоохранительных органах, службах безопасности крупных компаний, адвокатуре и др. [1].

Юридическое образование обязано отвечать требованиям современности и запросам государства, общества, требованиям рынка труда, а также потребностям самой личности юриста.

Литература

1. Казачкова З. М. Опыт моделирования и преподавания дисциплин информационно-правовой специализации // Информационное право. 2012. № 2. С. 24
2. Кубанков А. Н., Филатова Л. В. Магистерская программа «Информационное право и информационная безопасность» // Информационное право. 2014. № 2. С. 14

3. Кузнецов П. У., Дженакова Е. В. Актуальные проблемы формирования знаний в области информационного права // Информационное право. 2015. № 2. С. 4–7.
4. Тихонова С. В. Теоретические проблемы специализации правовой политики в информационной сфере // Информационное право. 2015. № 2. С. 14–17.
5. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. №303. 31.12.2012.

References

1. Kazachkova Z. M. Opyt modelirovaniya i prepodavaniya disciplin informacionno-pravovoj specializacii (*Experience in modeling and teaching disciplines of information and legal expertise*) // Информационное право. 2012. No. 2. P. 24. (In Russian).
2. Kubanka A. N. Filatov L. V. Magisterskaja programma «Informacionnoe pravo i informacionnaja bezopasnost'» (*The Master program «Information Law and Information Security»*) // Информационное право. 2014. No. 2. P. 14. (In Russian).
3. Kuznetsov P. U., Dzenakova E. V. Aktual'nye problemy formirovaniya znanij v oblasti informacionnogo prava (*Actual problems of formation of knowledge in the field of information law*) // Информационное право. 2015. No. 2. P. 4–7. (In Russian).
4. Tikhonov S. V. Teoreticheskie problemy specializacii pravovoj politiki v informacionnoj sfere (*Theoretical problems of specialization of legal policy in the information sphere*) // Информационное право. 2015. No. 2. P. 14–17. (In Russian).
5. Federal'nyj zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ (red. ot 03.07.2016) «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» (*The Federal Law of 29.12.2012 number 273-FZ (ed 03.07.2016) «On Education in the Russian Federation»*) // Rossiiskaya gazeta. No. 303. 31.12.2012. (In Russian).

УДК 340.1:37.035

П. Н. Бурмакин

ВЛИЯНИЕ СИСТЕМЫ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ НА ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

В статье автор доказывает, что сегодня система правового воспитания нуждается в модернизации применительно к социально-экономическим и социально-правовым реалиям общества. Автор приходит к выводу, что право стало фактором жизни, мерой реального правового поведения у субъектов, его нужно максимально приблизить к ним, чтобы граждане знали, ценили и соблюдали законы. Только при таких социально-правовых условиях система правового воспитания личности может стать эффективным процессом в деле конструирования позитивного уровня правовой социализации личности,

т.е. тогда, когда полученные в процессе правового воспитания правовые знания, ценности, образцы и эталоны нормативности права превратятся в личные убеждения, в прочную, эффективную, социально – правовую установку субъекта строгого следования правовым предписаниям, а, следовательно, и во внутреннюю потребность и привычку соблюдения им норм права.

Ключевые слова: правовое воспитание, правовая социализация, право, правовая культура, правовое сознание, правовое обучение, пропаганда права.

P. N. Burmakin

THE IMPACT OF LEGAL EDUCATION SYSTEM ON THE PROCESS OF FORMING LEGAL PERSONALITY SOCIALIZATION

The author argues that today the legal education system needs to be upgraded in line with socio-economic and socio-legal realities of society. This requires modernization of the legal education system, which combines practice-oriented and student-customized methods and techniques that will enhance the process of positive development of the legal socialization of the individual. The main outcome of the legal education of the individual systems are supposed to be legal awareness, values and attitudes, which can make up the legal sphere of the individual and ultimately form positive socialization of the legal person. The author supposes that in order to become entitled to life factor, a measure of real-legal

behavior of the subjects, it should be as close as possible to them, so that the citizens know, appreciate and respect the laws. Only under these social and legal conditions of the legal education the system can be an effective tool in the construction of a positive level of legal socialization of the individual, i.e., when the acquired legal knowledge, values, patterns and standards turn into personal beliefs of a subject and strict adherence to legal regulations and, consequently, to the internal demand and the habit of following the rule of law.

Key words: legal education, legal socialization, law, legal culture, legal consciousness, legal education, promotion of rights.

В сегодняшней Российской Федерации становление позитивного уровня процесса правовой социализации личности практически невозможно без системы эффективного практико-ориентированного и личностно-актуализированного правового воспитания.

Осмысление правового воспитания имеет разноплановую сущностную характеристи-

ку. Культурологи и социологи считают, что данная деятельность представляет собой особый вид социально-культурной деятельности.

По мнению политологов, это сфера политико-идеологического воздействия на правовую культуру и правовую социализацию индивида, которое в свою очередь направ-

лено на восприятие образа правовой жизни поддерживаемого в государстве. Юристы же указывают на исключительно юридический аспект понятия и сущности правового воспитания, где под правовым воспитанием понимается особый вид социально-правовой практики, связанной со становлением в России гражданского общества и правового государства [6, с. 78].

Для того чтобы прийти к единому знаменателю в вопросе о сущности и понятии феномена правового воспитания в российском обществе, необходимо рассмотреть разные сущностные подходы к понятию правового воспитания.

Е. В. Татаринцева считает, что «правовое воспитание – это длящийся достаточно долгий, сложный педагогический процесс. В этом процессе участвуют все граждане в течение своей жизни в качестве воспитуемых и воспитателей – в зависимости от исполняемых ими в социуме ролей. Результаты этого процесса проявляются при осуществлении субъектами своих действий в правовом поле» [8, с. 6].

А. И. Долгова, полагает, что «правовое воспитание – это организованное, систематическое и целенаправленное педагогическое воздействие субъекта-воспитателя на субъекта-воспитуемого, формирующее правовую культуру, правовое сознание, правовые установки, навыки и привычки активного правомерного поведения, что в итоге положительно сказывается на процесс правовой социализации личности» [3, с. 10].

Т. И. Акимова разделяет мнение о том, что «правовое воспитание представляет собой целенаправленное, организованное и систематическое воздействие на индивида правовых знаний, правовых ценностей, правовых установок и образцов нормативности» [1, с. 66].

По мысли В. К. Бабаева, «правовое воспитание есть планомерный, управляемый, организованный, систематический и целенаправленный процесс воздействия на правосознание и правовую психологию граждан Российской Федерации всей совокупности многообразных правовоспитательных форм, средств и методов, с целью формирования в структуре их правовой культуры глубоких и устойчивых практико-ориентированных и личностно-актуализированных знаний и ценностей» [2, с. 488].

А. А. Кваша определяет правовое воспитание через его составные элементы, полагая, что «правовое воспитание состоит в трансляции, накоплении и усвоении правовых ценностей, знаний принципов и норм права, а также в формировании соответствующего когнитивного и аксиологического отношения к праву и практике его реализации, умении использовать свои интересы, права, соблюдать запреты и исполнять обязанности. Отсюда необходимость в осознанном усвоении основных, нужных положений законодательства, выработке чувства глубокого уважения и преклонения перед правом. Только при таком отношении полученные правовые ценности и знания должны превратиться в личное убеждение, в прочную законопослушную правовую установку соблюдать законодательство страны» [5, с. 18].

Одним из современных подходов является понимание правового воспитания в двух аспектах: в узком и широком смыслах его значения.

Так, по утверждению З. Н. Каландаришвили, «в узком понимании, правовое воспитание – это структурный, целенаправленный, управляемый правовоспитателем педагогическо – ориентированный процесс воздействия на правовую культуру индивидов с целью формирования у них глубоких и устойчивых правовых представлений, знаний и убеждений, необходимых для успешного конструирования правового сознания личности.

В широком же понимании правовое воспитание – это весь многогранный процесс формирования правового сознания и правовой социализации личности под влиянием общественно-политических, социально-экономических и иных социальных факторов, происходящих в современном социуме [4, с. 42].

Целью правового воспитания является первоочередная необходимость формирования правовой социализации и правовой культуры личности.

Мы же полагаем, что правовое воспитание – это систематический, многогранный и всеобъемлющий педагогический процесс правовоспитательной работы, направленный на позитивное формирование правовой социализации личности, путем выработки у субъектов правового способа мышления, основанного на правовых знаниях, ценностях и законопослушании индивида.

Правовое воспитание представляет систему, то есть совокупность элементов, образующих правовоспитательный процесс.

Элементами такой системы являются субъекты (воспитатели), объекты (воспитуемые), правовоспитательные мероприятия (формы, средства, методы).

К формам правового воспитания следует отнести способы и виды внедрения в сознание личности знания и понимания норм права и правовой идеологии.

Следует выделить следующие организационные формы правового воспитания личности:

1) правовое просвещение или правовое образование как сообщение, распространение системы правовых знаний и ценностей;

2) правовая пропаганда, как деятельность по распространению правовой идеологии;

3) вовлечение индивидов в правоохранительную и правоприменительную практику;

4) индивидуальная правовоспитательная работа, представляющая собой комплексное воздействие с учетом индивидуальных особенностей личности и условий ее жизни и воспитания.

Важную роль в процессе правового воспитания выполняют такие пропагандистские средства:

– массовые формы устной пропаганды, обеспечивающие систему в получении определенных знаний и понятий (лектории, циклы лекций, проведение устных журналов, профессиональные клубы);

– разовые формы устной пропаганды и агитации (лекции, беседы, встречи за круглым столом, диспуты, и т. п.);

– формы, использующие средства массовой информации и пропаганды – печать, радио, телевидение, интернетресурсы;

– формы, использующие средства наглядной агитации и пропаганды (фотовитрины, плакаты, стенды и т. п.)

Мы считаем, что современное правовое образование должно быть направлено на цельное, систематическое формирование всех основных компонентов массовой правовой социализации: рационально-идеологических, психологических, поведенческих. При формировании познавательных элементов правовой социализации необходимо учитывать особенности реальной применимости права и готовность субъектов

массового правового сознания к правильному использованию юридических средств в практической деятельности. Само информирование о праве, разъяснение конкретных правовых норм является первоначальной стадией юридического образования. Одновременно с внедрением правовых знаний должны формироваться эмоционально-психологические компоненты, положительное отношение к правовым установлениям и возможностям их использования, правовые оценки и убеждение в необходимости следовать правовым предписаниям, как личностно значимым.

Одним из действенных средств правового воспитания личности является пропаганда патриотических, нравственных и правовых знаний. Устоявшимися и признанными формами такой пропаганды должны стать лекции, беседы, тематические вечера и конференции, диспуты, лектории, правовые олимпиады, телефоны «Быстрой юридической помощи».

Следует подчеркнуть большую смежность правового и нравственного воспитания. Правовое воспитание и нравственно-духовная сфера как системы социального регулирования самым тесным образом взаимодействуют друг с другом. Жизнь общества не может протекать отдельно от правопорядка, как и сознание человека не может существовать отдельно от его правосознания. Поэтому действовать сознательно, с глубоким знанием дела человек может только тогда, когда он обогащает постоянно и последовательно круг своих знаний об окружающем мире. Чтобы разрешить социальные вопросы, недостаточно лишь изменения в сфере мыслей, необходимо вызвать соответствующие этим мыслям действия людей, общественные отношения.

Правовое воспитание является одним из элементов системы права, а проблема правоприменения права – это одна из актуальнейших проблем в современной юридической науке. Это связано с тем, что эффективность права выступает показателем качества и знаковости национального права, ее оценки и тем самым дальнейшей перспективой ее развития [9, с. 54].

Эффективность права и социально-правовых явлений измеряется чаще всего отношением цели и результата, к которому еще

добавляют затраченные на достижение результата правовые средства. Вместе с тем эффективность права и социально-правовых явлений связана напрямую с конкретным состоянием общества и может быть эксплицирована косвенными показателями, включающими состояния политики, экономики, социальной сферы и законопослушаемости в социуме [7, с. 257–260].

По нашему мнению, эффективность правового воспитания индивида заключается в наличии или отсутствии позитивного уровня правовой социализации и прежде всего ее главного элемента – правовой культуры (это отчасти измеряется эмпирическими показателями), а также заключается в фактическом правовом поведении (правопорядке) субъекта.

Следует подчеркнуть, что в выработке эффективного социально активного правового поведения личности всегда должен проявляться творческий характер российского законодательства, т. к. эффективность принимаемых законов неразрывно связана с восприятием у субъекта уважения к праву.

Сегодня уровень развития демократии в Российской Федерации предполагает наличие у индивида единства общих компонентов культуры личности. При этом важной задачей является саморегуляция правового поведения человека в обществе. Осуществление этой саморегуляции становится возможным в том случае, когда закон для личности человека становится не просто формализованной системой ограниченных предписаний, а основной социально-правовой установкой. В любом законе важна его справедливость, и формирование правовой культуры необходимо строить на убеждении субъектов правоотношений в значимости закона как высшей социально-нравственной ценности и носителя идей справедливости.

Главным итогом системы правового воспитания является правовые знания, ценности, установки, закладываемые в правовой сфере личности, что в итоге и формируют

позитивную правовую социализацию индивида.

По нашему мнению, под правовой социализацией личности следует понимать усвоение человеком развивающихся социальных и правовых ценностей, на основе которых у индивида формируются позитивные социально-правовые и правовые психологические установки, определяющие его поведение в данном социально-правовом пространстве общества.

Правовая социализация личности представляется в единстве процесса освоения правовых ценностей и норм поведения, механизма формирования и развития правовых качеств личности и результата, индикатором которого является адекватное функционирование человека в правовом поле, в результате чего реализуются способности индивида к социально-правовому творчеству и развитию его индивидуальной правовой культуры.

Правовая социализация личности с точки зрения ее целей обеспечивает интеграцию человека в правовую среду, правовые отношения, способствует социально-правовой адаптации к существующим правовым состояниям, актуальным для индивида, осуществляет регуляцию поведения человека и развитие его правовой активности.

Значит, для того чтобы право стало фактором жизни, мерой реального правового поведения у субъектов, его нужно приблизить к ним, чтобы граждане знали, ценили и соблюдали законы. Только при таких социально-правовых условиях система правового воспитания личности может стать эффективным процессом в деле конструирования позитивного уровня правовой социализации личности, т. е. тогда, когда полученные в процессе правового воспитания правовые знания, ценности, образцы и эталоны нормативности права превратятся в личные убеждения, в прочную, эффективную, социально-правовую установку субъекта строгого следования правовым предписаниям, а следовательно, и во внутреннюю потребность и привычку соблюдения им норм права.

Литература

1. Акимова Т. И. Правовая пропаганда как способ формирования позитивных элементов правового сознания, определяющих показатель лояльности правосознания // Современные актуальные вопросы государства, права и юридического образования. Материалы Всероссийской научно-практической Интернет-конференции, 1 ноября 2004 г. Тамбов: Першина, 2004. С. 6–71.
2. Бабаев В. К. Общая теория права. Курс лекций. Нижний Новгород: Нижегородская ВШ МВД РФ, 1993. 544 с.

3. Долгова А. И. Правовое воспитание молодежи. М.: Знамя, 1979. 46 с.
4. Каландаришвили З. Н. Правовое воспитание и его актуальные проблемы в современном российском обществе // Право и образование. 2009. № 5. С. 2–48.
5. Кваша А. А. Правовые установки граждан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002. 28 с.
6. Певцова Е. А. Современные дефинитивные подходы к правовой культуре и правовому сознанию // Журнал российского права. 2004. № 3. С. 78–81.
7. Сапельников А. Б., Честнов И. Л. Теория государства и права. СПб.: Знание, ИВЭСЭП, 2006. 279 с.
8. Татаринцева Е. В. Правовое воспитание (методология и методика). М.: Высшая школа, 1990. 175 с.
9. Честнов И. Л. Эффективность права с позиции постклассической юриспруденции // Эффективность законодательства в современных социально-экономических условиях: Материалы X Международной научно-практической конференции, 15 апреля 2010 г. М.: РГГУ, 2010. С. 54–63.

References

1. Akimova T. I. Pravovaja propaganda kak sposob formirovaniya pozitivnyh jelementov pravovogo soznaniya, opredelajushhih pokazatel' lojal'nosti pravosoznaniya (*Legal propaganda as a tool of positive elements of legal consciousness shaping which determine loyalty consciousness rate*) // Sovremennye aktual'nye voprosy gosudarstva, prava i juridicheskogo obrazovanija. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj Internet-konferencii, 1 nojabrja 2004 g. (*Modern relevant state issues of law and legal education. Proceedings of the scientific-practical Internet-conference, November 1, 2004*) Tambov: Pershina, 2004. P. 66–71. (In Russian).
2. Babaev V. K. Obshhaja teorija prava (*General theory of law*). Nizhny Novgorod: HS HO RF, 1993. 544 p. (In Russian).
3. Dolgova A. I. Pravovoe vospitanie molodezhi (*Legal education of the youth*). Moscow: Znamja, 1979. 46 p. (In Russian).
4. Kalandarishvili Z. N. Pravovoe vospitanie i ego aktual'nye problemy v sovremennom rossijskom obshhestve (*Actual problems of legal education in contemporary Russian society*) // Pravo i obrazovanie. 2009. No. 5. P. 42–48. (In Russian).
5. Kvasha A. A. Pravovye ustanovki grazhdan (*Legal mindset of citizens*): abstract of thesis. Volgograd, 2002. 28 p. (In Russian).
6. Pevcova E. A. Sovremennye definitivnye podhody k pravovoj kul'ture i pravovomu soznaniju (*Contemporary definitive approaches to legal culture and legal consciousness*) // Zhurnal rossijskogo prava. 2004. No. 3. P. 78–81. (In Russian).
7. Sapel'nikov A. B., Chestnov I. L. Teorija gosudarstva i prava (*State and law theory*). St. Petersburg: Znanie, 2006. 279 p. (In Russian).
8. Tatarinceva E. V. Pravovoe vospitanie (metodologija i metodika) (*Method and concept of legal education*). Moscow: Vysshaja shkola, 1990. 175 p. (In Russian).
9. Chestnov I. L. Jefferktivnost' prava s pozicii postklassicheskoi jurisprudencii (*Post-classical approach to the effectiveness of law*) // Jefferktivnost' zakonodatel'stva v sovremennyh social'no-jekonomicheskikh uslovijah: Materialy X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, 15 aprilja 2010 g. (*The effectiveness of the legislation in the current socio-economic conditions: Proceedings of the X International scientific-practical conference, April 15, 2010*). Moscow: RHSU, 2010. P. 54–63. (In Russian).

УДК 343

В. В. Долбня

ОСОБЕННОСТИ ЛАТЕНТНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ КОРРУПЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕЙ И МЕРЫ ПО ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЮ

Актуальность данного исследования продиктована степенью общественной опасности коррупции в судебных органах, а также разнообразными формами ее проявления, требующими адекватных мер реагирования, направленных на закрепление основ противодействия латентной коррупции в деятельности судей и борьбы с ней, минимизации и ликвидации последствий коррупционных правонарушений. В статье проводится исследование действующих норм УПК РФ, опреде-

лены актуальные на сегодняшний день проявления коррупции в деятельности судей при реализации своих полномочий в уголовном процессе, приводятся примеры некоторых латентных коррупционных проявлений в работе суда и действенные методы по ее преодолению.

Ключевые слова: противодействие, коррупция, судьи, уголовный процесс, преодоление.

V. V. Dolbnya

FEATURES OF LATENT MANIFESTATIONS OF CORRUPTION IN THE PROFESSIONAL ACTIVITY OF JUDGES AND MEASURES TO OVERCOME IT

The relevance of this study is preconditioned by the degree of public danger of corruption in the judiciary, as well as various forms of its manifestation. It requires adequate response measures aimed at strengthening the foundations of counteracting latent corruption in activities of judges, as well as actions to control, minimize and eliminate the consequences of corruption offenses. The article presents a

study of existing norms of the Code, specifies relevant corruption manifestation in the work of judges in the exercise of its powers in criminal proceedings, provides examples of some latent corruption in the work of the court and efficient methods to overcome it.

Key words: opposition; corruption, judges, prosecuting, overcoming.

Коррупция в России фактически стала нормой жизни, ее уровень сегодня чрезвычайно высок. Не осталось сфер, где бы она себя не проявляла. Судебная сфера, к сожалению, исключением не является. Коррупция в любой сфере современной общественной жизни способна девальвировать все усилия по формированию гражданского общества и правового государства. Одной из основных особенностей коррупции в судебной системе является ее латентный характер, который отчасти порождается самой сущностью судебной власти и механизмом ее реализации. Уголовное судопроизводство принято считать индикатором уровня демократического

развития общества, степени цивилизованности взаимоотношений личности и государства: именно в уголовном процессе они складываются в экстремальных условиях, когда допускается и реально осуществляется наиболее интенсивное вторжение носителей государственно-властных полномочий в сферу основных прав и свобод человека. Коррупция «вне» уголовного судопроизводства неизбежно проникает и в эту сферу [2, с. 45, 64], коррупция «внутри» его сводит на нет даже самые энергичные попытки борьбы государства с «внешней» коррупцией мерами уголовной репрессии [11, с. 58–59]. Противодействие латентной коррупции в

деятельности судей в уголовном судопроизводстве представляет собой систему мер, направленных на создание внутренней защиты системы уголовной юстиции.

11 апреля 2014 г. президент В. В. Путин подписал Указ «О национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 гг.». На Председателя Верховного суда РФ и гендиректора Судебного департамента при ВС РФ возлагается обеспечение создания подразделений, координирующих мероприятия по противодействию «коррупционным правонарушениям в судебном корпусе и аппаратах судов», Органам судейского сообщества в РФ принять меры по совершенствованию дисциплинарного производства в отношении судей, «включая совершенствование структуры и функций судебно-дисциплинарных органов, процедурных гарантий привлечения судей к дисциплинарной ответственности», а руководителям судебной системы постоянно проводить анализ организации работы по профилактике коррупционных правонарушений в части, касающейся соблюдения судьями и работниками аппаратов судов антикоррупционных норм [10].

Одним из основных принципов противодействия коррупции является соблюдение законности, усиление гарантий прав и свобод личности [8], что соответствует назначению уголовного судопроизводства, направленного на защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений и защиту личности от незаконного и обоснованного обвинения, осуждения, ограничения его прав и свобод (ст. 6 УПК РФ). Исходя из данной нормы закона, можно заключить, что любое отступление от выполнения вышеназванных защитных функций суда может быть проявлением коррупции. В этой связи автор считает необходимым определить актуальные на сегодняшний день проявления коррупции в деятельности судей при реализации своих полномочий в уголовном процессе и выработать оптимальные методы борьбы с ними.

Уголовный процесс представляет собой упорядоченную уголовно-процессуальным кодексом деятельность специально уполномоченных на то субъектов, направленную на установление события преступления, лиц, виновных в его совершении, а также принятие всех предусмотренных законом мер для

их наказания в соответствии с уголовным законодательством [3].

Латинское слово «коррупция» толкуется как развращение, материальное задабривание должностного лица, подкуп. «Латентная коррупция» же представляет собой скрытую, не выявленную и неучтенную коррупцию, которая имеется в наличии, но не отражается в статистических документах и, как правило, не исследуется специалистами [1].

Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. №273-ФЗ толкует это понятие как злоупотребление служебным положением, дачу взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также, если вышеназванные деяния совершены от имени или в интересах юридического лица. Субъекты ответственности за коррупционные правонарушения в данном законе не обозначены, поэтому на основании анализа статей закона можно сделать вывод, что ими могут являться все физические лица, являющиеся государственными и муниципальными служащими, в том числе и судьи. В ст. 13 Закона указано, что за совершение коррупционных правонарушений лица несут уголовную, административную, гражданско-правовую и дисциплинарную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Однако в Уголовном кодексе РФ отсутствует понятие «коррупция», «коррупционное деяние», не предусмотрен состав такого деяния. Анализ Закона «О противодействии коррупции» свидетельствует о наличии противоречия в подходах к квалификации коррупционных деяний в нормах административного и уголовного права.

Председатель Десятого Арбитражного апелляционного суда Артур Винерович Абсаямов в 2008 г. в интервью корреспонденту Право.ру указывал на то, что коррупция в судебной системе, как ее представляет об-

щество, отсутствует. Но в профилактических целях необходимо совершенствовать открытость правосудия, процедуру подготовки будущих судей и их отбор [12].

Суду принадлежит исключительное право на разрешение дела по существу, и никто не вправе вмешиваться в принятие им решения, противодействовать его законной деятельности. Участники уголовного судопроизводства имеют право на обжалование решений суда в установленном процессуальным законом порядке. В связи с этим судебная власть в уголовном судопроизводстве является особой формой государственно-властных взаимоотношений суда и субъектов уголовного процесса, возникающих при производстве по уголовному делу. Именно на данной стадии особенно ярко проявляются основные формы противодействия законной деятельности судей, одна из них – коррупция, а также действия коррупционной направленности, проявления которой могут возникнуть на любой стадии процесса. Еще на стадии принятия уголовного дела к производству суду наряду с организационными и обеспечительными действиями надлежит выяснить вопрос о необходимости назначения предварительного слушания, а также исходя из взаимосвязи ст. 228–229 УПК РФ дать оценку представленным материалам уголовного дела, выяснить, имеются ли основания для возвращения уголовного дела прокурору в случаях, предусмотренных ст. 237 УПК РФ. Причем глава 34 УПК РФ не содержит каких-либо положений, определяющих процедуру принятия судом решения о возвращении дела прокурору. В этом случае суду приходится руководствоваться многочисленными Постановлениями Пленумов ВС и обзорами судебной практики судов [6], что нередко приводит к судебным ошибкам и злоупотреблению правом как со стороны суда, так и со стороны участников процесса.

В судебной деятельности возможны случаи возвращения дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, если очевиден оправдательный приговор. Вынесение оправдательного приговора по действующему уголовному законодательству возможно как в случае невиновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности, непричастности к совершению преступления, так и в силу состязательности процесса, в соответствии с которым,

лицо считается невиновным, пока его вина не доказана, принцип вины (ст. 6 УК РФ), т. е. имеется вероятность оправдания при недостаточности доказательств обвинения. При этом, вынося оправдательный приговор, каждый судья понимает, что он подпадает под давление со стороны правоохранительной системы, поэтому в большинстве своем судьи опасаются выносить оправдательные приговоры, дополнительным ограничением является нежелательность отмены вынесенного решения. Оправдательный приговор отменяется гораздо чаще, чем обвинительный.

По данным Судебного департамента при Верховном суде России за 2014 г. процентное отношение числа полностью оправданных лиц по всем составам обвинения, которым вынесены оправдательные приговоры от общего числа лиц, которым вынесены обвинительные или оправдательные приговоры, в отношении которых прекращено производство по делам или применены принудительные меры медицинского характера к невменяемым составила 0, 2 %. Согласно Обзору кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2004 г., отменены приговоры в отношении 461 чел. (5,9 %), изменены – в отношении 948 (12 %), оправдательные же приговоры отменены в отношении 151 чел., что составляет 45,8 % всех оправданных, приговоры, в отношении которых были обжалованы в Верховный Суд РФ [14], т. е. почти половина всех оправдательных приговоров. Это очень сильный сдерживающий фактор для вынесения оправдательного приговора.

Судьи не зависят от показателей правоохранительной системы, но для них важна стабильность, под которой понимается доля неотмененных судебных решений. Поскольку каждый оправдательный приговор является редким событием и он привлекает повышенное внимание со стороны правоохранительной системы, в судебной системе сложилась практика более высоких требований и к оформлению оправдательных приговоров [5, с. 9–10]. Поэтому для судьи гораздо проще вынести обвинительный приговор, нежели расписывать и оценивать основания для оправдания. Кроме того, суды нередко сталкиваются с ситуацией, когда в суд представляется уголовное дело, содержащее

признаки состава уголовного преступления, но которое в силу отсутствия достаточной доказательной базы, является слабым. Возникает неразрешимая проблема: признать виновным на основании судебного усмотрения или оправдать в силу отсутствия достаточных данных, свидетельствующих о виновности. В этом случае судьи выработали более мягкий и безболезненный, а также менее затратный способ защиты, дающий тот же результат – это решение о возвращении дела прокурору [4, с. 11–15].

В течение нескольких лет наблюдается стабильное уменьшение числа лиц, в отношении которых судами рассматривались уголовные дела. В 2014 г. уменьшилось количество лиц, в отношении которых судами рассмотрены уголовные дела по вступившим в законную силу судебным актам с 1 млн 126,1 тыс. в 2010 г. до 959,2 тыс. лиц, или на 14,8 % (2013 г. – 979,2). В районные суды за 12 месяцев 2014 г. по первой инстанции поступило на рассмотрение 498,8 тысяч дел, в порядке ст. 237 УПК РФ прокурору возвращено 7,5 тыс. дел, что составляет 1,5 %. Число таких дел незначительно возросло по сравнению с 2013 г. (7,2 тыс.) [15]. Верховным Судом Республики Саха (Якутия) на первое полугодие 2014 г. проведено обобщение судебной практики, связанной с возвращением уголовных дел прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ в районных (городских) судах республики за 2013 г. Проверка законности и обоснованности постановлений о возвращении уголовных дел прокурору в апелляционном порядке свидетельствует об одинаковых нарушениях закона, допускаемых районными (городскими) судами и мировыми судьями при вынесении указанных судебных решений. В 2013 г. в апелляционном порядке было рассмотрено 79 уголовных дел, по которым в суде первой инстанции было принято решение о возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий их рассмотрения судом, из них отменено 33 постановления суда, что составляет 41 %, в том числе отменено 11 обвинительных приговоров и 2 оправдательных приговора с возвращением уголовного дела прокурору. После изучения результатов апелляционного рассмотрения дел ВС Республики Саха (Якутия) был сделан вывод о том, что в ряде случаев решения о возвращении уголовных

дел прокурору принималось районными (городскими) судами республики при отсутствии достаточных оснований для этого, без надлежащего анализа наличия или отсутствия нарушения, без оценки характера допущенного нарушения и возможности устранения его в судебном заседании [16]. Такая практика противоречит возложенной на органы правосудия функции по обеспечению выполнения конституционных целей правосудия (ст. ст. 2, 18, 52, 53 Конституции РФ, гл. 18 УПК РФ). Данное поведение не является коррупционным проявлением, но умаляет авторитет судебной власти, снижает уровень доверия к правосудию и является следствием главенства судебному усмотрению над нормами УПК РФ, которые не дают четкого обоснования процедуры возвращения уголовного дела прокурору, а также являются следствием отсутствия в законе правовых способов преодоления слабых случаев.

В этой связи итальянская модель выделения процедуры предварительного рассмотрения дела в отдельную стадию судебного процесса более приемлема. Проведенная в Италии судебная реформа в 1999 г. выделила предварительное слушание в отдельную стадию уголовного процесса, что сделало предварительное слушание серьезным препятствием для начала судебного разбирательства. Судья теперь может принять решение об отказе от обвинения на предварительном слушании, если доказательства виновности не достаточно сильные или не в полной мере соответствуют стандартам доказательства, которые применяются в ходе судебного разбирательства, или если данное деяние не является уголовным преступлением, подсудимый не может быть привлечен к уголовной ответственности за это, или если уголовное дело возбуждено с нарушением уголовного закона, дана неверная квалификация. Кроме того, судья наделяется полномочиями, позволяющими дополнять материалы по делу, т. е. если некоторые соответствующие доказательства не были собраны обвинением. По мнению Луки Марафиоти, это может открыть новую эру в предварительном слушании: но, как всегда, многое зависит от отдельных судей и их отношения к этим новым полномочиям [18].

Рассматриваемые действия свидетельствуют в большей степени в непрофессиона-

лизме самих судей, но мы не можем исключить и случаи коррупции, получение судьей взятки за принятие судебного решения о возвращении уголовного дела прокурору и вынесении оправдательного приговора при повторном поступлении дела в суд. В настоящее время получило широкую огласку в СМИ возбуждение уголовного дела в отношении судьи Куйбышевского районного суда г. Омска Сергея Москаленко. Как сообщил представитель СКР Владимир Маркин, по версии следствия, с 2010 по 2015 гг. судья Москаленко рассматривал уголовное дело в отношении бывшего руководителя ООО «Компания «ОмСтрой-2001» Виктора Берга, обвиняемого в хищении денежных средств 442 дольщиков на сумму более 100 млн руб., невыплате заработной платы 373 работникам предприятия и ряде других преступлений. За принятие судебного решения о возвращении уголовного дела прокурору и вынесении оправдательного приговора при повторном поступлении дела в суд судья лично получил от подсудимого взятку. А вскоре после этого Москаленко прекратил уголовное дело в отношении Берга: в октябре 2015 г. в Омске нашли тело подсудимого с признаками насильственной смерти [17]. Решением квалификационной коллегии судей Омской области от 18 декабря 2015 г. было дано согласие на возбуждение в отношении судьи С. С. Москаленко уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного частью 6 статьи 290 Уголовного кодекса Российской Федерации. На заседании Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации, которое прошло с 14 по 17 марта 2016 г. в Москве, данное решение было признано законным, в удовлетворении жалобы судьи Куйбышевского районного суда г. Омска С. С. Москаленко отказано. Окончательное решение по делу еще не принято. В силу сложившейся судебной практики по возвращению уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ и правовой неопределенности по данному вопросу следственным органам будет довольно проблематично доказать, что уголовное дело было возвращено прокурору намерено, в корыстных целях, поскольку данная процедура требует существенной доработки законодателем, и нередки случаи судебных ошибок и принятии таких решений по другим мотивам.

Мы не можем исключить и злоупотребления со стороны судебных органов в процессе рассмотрения уголовных дел по существу и вынесения приговора по делу. Уголовное производство базируется на основополагающих принципах уголовно-процессуального закона, которые неразрывно связаны между собой, нарушение одного из них неизбежно влечет за собой нарушение другого.

На данной стадии возможны такие проявления коррупционной направленности, как нарушение гарантированных Конституцией РФ права на судебную защиту вследствие необъективного рассмотрения судебных дел, а также использование полномочий, предоставленных для осуществления правосудия, для собственной выгоды, причем она может выражаться как в явной, так и в скрытой форме.

Согласно ст. 118 Конституции правосудие осуществляется путем гражданского, уголовного, административного и конституционного судопроизводства. Это значит, что судебная защита гарантирована всем, чьи права и свободы нарушены. В уголовном процессе в этом нуждаются в первую очередь потерпевшие от преступлений, а также лица, в отношении которых в связи с этими преступлениями осуществляется уголовное преследование. Право на судебную защиту в уголовном процессе обеспечивается любому лицу, чьи интересы затрагивает производство по уголовному делу. Вместе с тем судебной защитой является и сама деятельность органов судебной власти по предупреждению нарушения, восстановлению нарушенных прав и свобод. Суд обеспечивает защиту прав участников уголовного процесса, не только принимая справедливые решения, но и совершая во время отправления правосудия действия, направленные на обеспечение гарантированных Конституцией РФ прав участников процесса, например, разъясняя права и обеспечивая возможность их реализации, разрешая ходатайства, заявления и отводы и т. д., поскольку вне рамок уголовного процесса защита прав и законных интересов участников уголовного процесса в обязанности суда не входит и не может быть реализована.

Использование судом своих властных полномочий, предоставленных для осуществления уголовного правосудия, для соб-

ственной выгоды недопустимо. В уголовном процессе допустимы только те действия или решения, которые разрешены в законе [7]. Одним из важнейших элементов судебного процесса является составление протокола судебного заседания, который отражает весь ход судебного процесса и обеспечивает возможность осуществления контроля со стороны вышестоящих судебных инстанций за выполнением судом требований закона при рассмотрении уголовных дел. От того, насколько качественно составлен протокол судебного заседания, зависит последующее рассмотрение уголовного дела надзорной инстанцией, поскольку протокол является единственным документом, отражающим весь ход уголовного процесса. После вынесенного приговора и составления протокола судебного заседания, не соответствующего реальному ходу рассмотренного дела, судья уже не может объективно рассмотреть поданные замечания, поскольку становится стороной, заинтересованной в оставлении замечаний без удостоверения, а последующих апелляционных, кассационных жалоб и представлений – без удовлетворения. При рассмотрении замечаний на такой протокол судья не может удостоверить правильность поданных замечаний, поскольку редактирование показаний участников уголовного процесса впоследствии может вызвать несоответствие их вынесенному приговору и повлечь отмену судебного акта, что в свою очередь негативно скажется на качестве работы данного судьи. Фальсификация судебного протокола является одним из самых серьезных проявлений коррупции в деятельности судей.

Уголовно-процессуальные нормы не препятствуют судье изготовить протокол судебного заседания, не соответствующий ходу судебного разбирательства. Искаженный протокол судебного заседания не обжалуется. В случае если вынесенный вердикт является следствием «казачного дела», максимально соответствующий по своему содержанию протокол судебного заседания будет в этом случае законным средством обоснования вынесенного решения. Сфальсифицированный вердикт по уголовному делу уполномочен отменить только вышестоящий суд, а поскольку для апелляционной, кассационной, надзорной инстан-

ции нет другого средства восстановить ход процесса, кроме как протокол судебного заседания, то в случае его фальсификации вышестоящий суд будет его оценивать как реальный, поскольку выявить его несоответствие при действующих на сегодняшний день нормах УПК РФ невозможно. Сейчас процессуальное законодательство предусматривает возможность видеозаписи судебных заседаний участниками процесса с последующим приобщением видеозаписи к его протоколу, однако такая запись может быть произведена только с разрешения председательствующего судьи и всецело зависит от его усмотрения. Средством борьбы с такого рода злоупотреблениями со стороны судебной власти является аудиозапись судебного заседания. Комиссия Правительства РФ по законопроектной деятельности 20 ноября 2015 одобрила для рассмотрения на заседании кабинета министров пакет законопроектов, которыми предусматриваются введение обязательной видеосъемки всех судебных заседаний и создание единого ресурса хранения записей. Данный законопроект предлагает внести изменения в ст.259 УПК РФ изменения, согласно которым в ходе судебного заседания должен вестись протокол и обязательная видеозапись. Если наряду с обязательной видеозаписью в ходе судебного заседания проводились фотографирование, аудио- и (или) видеозапись, киносъемка допросов, об этом также делается отметка в протоколе судебного заседания. Материалы фотографирования, аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки, а также обязательной видеозаписи судебного заседания прилагаются к материалам уголовного дела [9]. Если данный законопроект будет реализован, то это станет одним из наиболее действенных механизмов борьбы с коррупцией в судебных органах. Предполагается, что положения законопроектов, касающиеся федеральных судов, вступят в силу с 1 января 2018 г., а мировых судей – с 1 января 2019 г. [13].

Сама техника составления протоколов судебных заседаний как по уголовным делам, так и по другим категориям дел предотвращает их фальсификацию, как правило, вполне добросовестную, поскольку в большинстве случаев срабатывает человеческий фактор. Стенографирование хода судебного заседания осуществляют секретари, в случае дли-

тельности рассмотрения дела срабатывает элементарная усталость и тогда могут быть упущены очень значимые факты, что впоследствии при отсутствии средств фиксации восполнить не представляется возможным, поэтому внедрение в судебную систему системы аудио- и видеоконтроля существенно повысит уровень судопроизводства и будет являться действенным способом борьбы с коррупционными проявлениями в суде. Председательствующий судья не всегда может в полной мере оценить качество составленного протокола, недостоверность отраженных в нем сведений является серьезным противодействием законной деятельности судьи в уголовном процессе.

Уголовно-процессуальное законодательство призвано обеспечить необходимые условия для реализации уголовного закона путем установления порядка осуществления

уголовного судопроизводства, рассмотрения и разрешения дела судом, вынесения законного и обоснованного приговора. При этом уголовно-процессуальное законодательство должно предупреждать случаи необоснованного привлечения к уголовной ответственности и осуждения невиновных, реабилитации каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию и осуждению. Закон должен обеспечивать такой порядок судопроизводства, который обеспечивал бы при строгом соблюдении процессуальных норм, охраняющих права и законные интересы, честь и достоинство всех участников судопроизводства и иных лиц, защиту человека и гражданина, общества, государства от преступлений путем создания условий раскрытия преступления, осуждения виновного, возмещения ущерба, нанесенного преступлением.

Литература

1. Кабанов П. А., Райков Г. И., Чирков Д. К. Коррупция и антикоррупционная политика, 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://determiner.ru/dictionary/1019331/word/korruptcija-latentnaja> (Дата обращения: 02.12.2015).
2. Кудрявцев В. Н., Лунеев В. В., Наумов А. В. Организованная преступность и коррупция в России (1997–1999). М.: РАН, ИНИОН. 2000. 200 с.
3. Пикалов И.А. Уголовный процесс Российской Федерации (краткий курс): Учебное пособие, 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc1897p0/instrum4772/> (Дата обращения: 02.12.2015).
4. Поляков С. Б., Нечкина Е. Ю. Понятие правоприменительной политики // Адвокат. 2013. № 8. С. 169–170.
5. Поздняков М. Л. Суд и правоохранительная система – политика отмены оправдательных приговоров. СПб.: Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 2014. 38 с.
6. Постановление Пленума Верховного суда РФ №28 от 22.12.2009 г., «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 9 февраля 2012 г. № 3 и от 28 июня 2012 г. №16)», Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 г. №1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в ред. Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 № 60, от 11.01.2007 № 1).
7. Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юридических вузов / под ред. О. И. Андреевой, А. Д. Назарова, Н. Г. Стойко и А. Г. Тузова. Ростов н/Д: Феникс, 2015. 445 с.
8. Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. №273-ФЗ «О противодействии коррупции» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2008/12/30/korruptcia-fz-dok.html> (Дата обращения: 04.11.2015).
9. Федеральный портал проектов нормативно правовых актов 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://regulation.gov.ru/projects#npa=40292> (Дата обращения 04.12.2015 г.)
10. Центр «ТИ-Р» 2001-2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.transparency.org.ru/v-rossii/putin-utverdil-plan-protivodeistviia-korruptcii-na-2014-2015-gody> (01.09.2015)
11. Яни П. В борьбе с коррупцией эффективны только репрессии // Российская юстиция. 2001. № 7.
12. Коррупции в судебной системе нет // Информационно-правовой портал «Право.ру». [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.ru/review/view/3432/> (Дата обращения: 04.11.2015).
13. В АПК, ГПК, УПК и КАС вводится обязательная видеозапись судебных заседаний // Информационно-правовой портал «Право.ру». [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.ru/news/view/124108/> (Дата обращения: 04.11.2015).
14. Обзор кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2004 год // Официальный сайт Верховного Суда РФ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vsrp.ru/vscourt_detale.php?id=2759 (Дата обращения: 04.11.2015).

15. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2014 году [Электронный ресурс]. М.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации, 2015. [Электронный ресурс]. URL:http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/OBZOR_sudebnoy_statistiki_2014_g.pdf (Дата обращения: 04.11.2015).
16. Обобщение судебной практики по уголовным делам, возвращенным прокурору за 2013 год // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» интернет-портал. [Электронный ресурс]. URL:http://files.sudrf.ru/427/user/obzor_po_vozvrascheniyu_prokuroru_za_2013.pdf (Дата обращения: 04.11.2015).
17. Верховная коллегия судей отклонила жалобу судьи Москаленко // Сайт PASMI.RU. [Электронный ресурс]. URL: <http://pasm.ru/archive/135417> (Дата обращения: 04.11.2015).
18. Luca Marafioti. Criminal Procedure: A System Caught Between Two Traditions. Crime, Procedure and Evidence in a Comparative and International Context Essays in Honour of Professor Mirjan Damaška / ed by: John Jackson, Máximo Langer and Peter Tillers. Oxford and Portland, Oregon, 2008.

References

1. Kabanov P. A., Rajkov G. I., Chirkov D. K. Korrupcija i antikorrupcionnaja politika, 2010 (*Corruption and Anti-Corruption Policy, 2010*). URL: <http://determiner.ru/dictionary/1019331/word/korrupcija-latentnaja> (Accessed: 02.12.2015). (In Russian).
2. Kudrjavcev V. N., Luneev V. V., Naumov A. V. Organizovannaja prestupnost' i korrupcija v Rossii (1997–1999) (*Organized crime and corruption in Russia (1997–1999)*). Moscow: the Institute of Scientific Information for Social Sciences, 2000. 200 p. (In Russian).
3. Pikalov I. A. Ugolovnyj process Rossijskoj Federacii (kratkij kurs) (*Russian Federation Criminal Procedure (short course)*). URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc1897p0/instrum4772/> (Accessed: 02.12.2015).
4. Poljakov S. B., Nechkina E. Ju. Ponjatje pravoprimeritel'noj politiki (*The concept of law enforcement policy*) // Advokat. 2013. No. 8. (In Russian).
5. Pozdnjakov M. L. Sud i pravoohranitel'naja sistema – politika otmeny opravdatel'nyh prigovorov (*Court and law enforcement system – cancellation policy acquittals*). St. Petersburg: Institute for the Rule of Law at the European University in St. Petersburg, 2014. 38 p. (In Russian).
6. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo suda RF №28 ot 22.12.2009 g., «O primenenii sudami norm ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva, regulirujushih podgotovku ugolovnogo dela k sudebnomu razbiratel'stvu (s izmenenijami, vnesennymi postanovlenijami Plenuma ot 9 fevralja 2012 g. № 3 i ot 28 ijunja 2012 g. №16)» («*On the application by the courts of criminal procedural legislation governing the preparation of the criminal case for trial*» (as amended by Resolution of the Plenum of February 9, 2012 № 3 and on June 28, 2012 №16)), Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 5 marta 2004 g. №1 «O primenenii sudami norm Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» («*On the application by the courts of norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation*») (v red. Postanovlenij Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 05.12.2006 № 60, ot 11.01.2007 № 1). (In Russian).
7. Ugolovnyj process: uchebnik dlja bakalavriata juridicheskikh vuzov (*Criminal procedure: a textbook for undergraduate students in law high schools*) / ed by O. I. Andreevoj, A. D. Nazarova, N. G. Stojko and A. G. Tuzova. Rostov-on-Don: Feniks, 2015. 445 p. (In Russian).
8. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 25 dekabnja 2008 g. N 273-FZ «O protivodejstvii korrupcii» («*On Tackling Corruption*»). URL: <http://www.rg.ru/2008/12/30/korrupcia-fz-dok.html> (Accessed: 04.11.2015). (In Russian).
9. Federal'nyj portal proektov normativno pravovyh aktov 2015 g. (*Federal portal projects of normative legal acts 2015*). URL: <http://regulation.gov.ru/projects#npa=40292> (Accessed: 04.12.2015). (In Russian).
10. Centre «TI-R» 2001–2013. URL: <http://www.transparency.org.ru/v-rossii/putin-utverdil-plan-protivodeistviia-korrupcii-na-2014-2015-gody> (Accessed: 01.09.2015). (In Russian).
11. Jani P. V bor'be s korrupciej jeffektivny tol'ko repressii (*In the fight against corruption only repression are effective*) // Rossijskaya justicija. 2001. No. 7. (In Russian).
12. URL: <http://pravo.ru/review/view/3432/> (Accessed: 04.11.2015). (In Russian).
13. URL:<http://pravo.ru/news/view/124108/> (Accessed: 04.11.2015). (In Russian).
14. URL: http://www.vsr.ru/vscourt_detale.php?id=2759 (Accessed: 04.11.2015). (In Russian).
15. URL:http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/OBZOR_sudebnoy_statistiki_2014_g.pdf (Accessed: 04.11.2015). (In Russian).
16. URL:http://files.sudrf.ru/427/user/obzor_po_vozvrascheniyu_prokuroru_za_2013.pdf (Accessed: 04.11.2015). (In Russian).
17. URL: <http://pasm.ru/archive/147920> (Accessed: 04.11.2015). (In Russian).
18. Luca Marafioti. Criminal Procedure: A System Caught Between Two Traditions. Crime, Procedure and Evidence in a Comparative and International Context Essays in Honour of Professor Mirjan Damaška / ed by: John Jackson, Máximo Langer and Peter Tillers. Oxford and Portland, Oregon, 2008.

УДК 342.92

М. А. Захарова

**ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СТРУКТУР
ЦЕНТРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В США**

В статье рассматривается опыт правовой организации территориальных органов центральной исполнительной власти в США с учреждением условных управленческих районов, объединяющих территории определённого количества штатов, и размещением в них региональных офисов федеральных органов исполнительной власти и в ряде случаев – нижестоящих территориальных

звеньев, что направлено на оптимизацию федерального государственного управления, повышение эффективности и экономичности работы аппарата центральной исполнительной власти

Ключевые слова: исполнительная власть, территориальные органы, государственное управление, исполнительные департаменты, федеральные органы.

M. A. Zakharova

**LEGAL MATTERS OF ESTABLISHING TERRITORIAL STRUCTURES
OF EXECUTIVE POWER CENTRAL BODIES IN THE UNITED STATES**

The article discusses the experience of the legal organization of the territorial bodies of Central Executive power in the United States with the establishment of the conditional management areas, unifying a territory of a certain number of states, and placing them in regional offices of Federal Executive authorities

and in some cases the subordinate territorial units. It is aimed at optimizing the Federal government and improving the effectiveness and efficiency of the central executive power.

Key words: executive authority, territorial bodies, public administration, executive departments, federal agencies.

Роль руководящего подразделения центральной исполнительной власти в США выполняет исполнительный аппарат президента, действующий на основании Плана реорганизации № 1 1977 г. [8] Указанный аппарат непосредственно подчинён президенту и оказывает ему содействие в выполнении им своих обязанностей. Однако исполнительный аппарат президента не имеет функций правительства, осуществляя полномочия, схожие с полномочиями Администрации Президента Российской Федерации. В нём создан ряд подразделений, каждое из которых обеспечивает деятельность президента по определённому направлению. Однако территориальных структур в штатах ни сам исполнительный аппарат, ни его подразделения не имеют, осуществляя свою деятельность исключительно из центра.

Помимо исполнительного аппарата президента, система органов исполнительной власти США включает исполнительные агентства

(исполнительные департаменты, правительственные корпорации и независимые учреждения) [11] и военные департаменты (армии, военно-морского флота и военно-воздушных сил) [10]. При этом руководители (секретари) 15 исполнительных департаментов образуют кабинет президента США, являющийся консультативным органом. Исследование организационно-правового статуса исполнительных департаментов имеет первостепенное значение, поскольку фактически они выполняют функции федеральных министерств и имеют определённую территориальную организацию деятельности.

К числу исполнительных департаментов отнесены: государственный департамент, департаменты казначейства, обороны, юстиции, внутренних дел, сельского хозяйства, торговли, труда, здравоохранения и социальных служб, жилищного строительства и городского развития, транспорта, энергетики, образования, по делам ветеранов, внутренней безопасности [9].

Главы исполнительных и военных департаментов вправе разрабатывать и принимать ведомственные нормативные правовые акты, затрагивающие управление соответствующим департаментом, а также распределение и исполнение дел [12]. Данные правила затрагивают и территориальную организацию деятельности департаментов.

Небольшое количество исполнительных департаментов, полифункциональный характер их деятельности, обусловленный отсутствием разделения отдельных функций в той или иной отрасли государственного управления по различным органам исполнительной власти (как в Российской Федерации – по федеральным министерствам, службам и агентствам), определили и специфику территориальной организации деятельности этих органов. Такого понятия, как «территориальный орган федерального органа исполнительной власти» или близкого к нему по смыслу в законодательстве США не существует. Для определения территориальной организации деятельности названных департаментов нужно обратиться к их внутренней организационной структуре. Дело в том, что у них далеко не всегда имеются единые территориальные органы, входящие в систему департаментов, наподобие территориальных управлений федеральных органов исполнительной власти в России. Отдельные структурные подразделения центрального аппарата исполнительных департаментов с учётом необходимости выполнения их профильных функций на местах могут осуществлять свою деятельность в различных штатах и иных территориальных единицах через создаваемые в них инспекции, отделения, офисы или через региональные органы и учреждения. Предусматривается также широкое взаимодействие территориальных отделений с однопрофильными подразделениями органов исполнительной власти штатов вплоть до обмена персоналом.

Из исполнительных департаментов, уполномоченных осуществлять административно-правовое регулирование в области экономики, в первую очередь в пример можно привести Департамент сельского хозяйства (земледелия) США (U.S. Department of Agriculture, USDA), отличающийся полифункциональной компетенцией.

Организационный и компетенционный статус данного органа исполнительной вла-

сти установлен в гл. 55 титула 7 Свода законов США. В частности, применительно к территориальной организации деятельности [14] Департамента сельского хозяйства установлено, что секретарь (министр) сельского хозяйства должен использовать в максимально возможной степени федеральные, региональные, районные, окружные, местные или другие отделы сельского хозяйства в целях повышения развития сельских районов и обеспечить непосредственно или на основе соглашений с руководителями учреждений, не входящими в систему Департамента сельского хозяйства, расположение на местах всех подразделений федерального правительства, занимающихся вопросами развития сельских поселений и охватывающих географические районы, наиболее похожие на те, которые охвачены подобными подразделениями в штатах. Предполагается также и обмен персоналом и помещений в каждом таком подразделении в той мере, в какой это необходимо или желательно для достижения наиболее эффективного использования такого персонала и объектов и обеспечения наиболее эффективной помощи в развитии сельских районов в соответствии с государственными планами развития сельских районов.

В структуре Департамента сельского хозяйства действует множество подразделений, в том числе служба инспекции здоровья животных и растений, агентство по фермерским услугам, инспекция по безопасности продуктов питания, служба лесов, национальная служба сельскохозяйственной статистики, служба по сохранению природных ресурсов и др.

Например, территориальная организация службы инспекции здоровья животных и растений (APHIS) – ведущего подразделения, созданного секретарём сельского хозяйства 14 марта 1977 г. в соответствии с Планом реорганизации № 2 1953 г. [13] и обеспечивающего защиту американского сельского хозяйства от агрессивных вредителей и болезней, подразумевает деятельность инспекторов в портах, на границе и на фермах, а также зарубежных офисов, включая ветеринарных и фитосанитарных атташе в американских дипломатических миссиях. Территориальная организация службы лесов (Forest Service) Департамента сельского хозяйства США

осуществляется по регионам, станциям и зонам. Для целей управления лесами, находящимися в ведении службы лесов, все леса распределены по девяти географическим регионам национальной лесной системы. В каждом таком регионе создан офис, возглавляемый региональным лесничим, который отвечает перед руководителем службы лесов за деятельность соответствующего офиса. В каждом регионе расположены национальные леса и земли службы лесов. В каждом лесу сформирована штаб-квартира, возглавляемая лесным инспектором, который подотчетен региональному лесничему. Может быть создано единое административное подразделение по двум и более лесам во главе с одним лесным инспектором. Каждый лес разделён на округа егерей. Лесной регион Аляски состоит из двух национальных лесов без окружных егерей; и каждый лес разделён на три зоны, каждая из которых находится в ведении лесного инспектора. У окружных егерей также имеются свои штаб-квартиры, и они в свою очередь подчиняются лесным инспекторам [25].

В системе Департамента жилищного строительства и городского развития США (U.S. Department of Housing and Urban Development) как органа исполнительной власти, созданного для разработки и осуществления государственной политики в области жилищного строительства в мегаполисах, обеспечения качества и доступности жилья и его аренды, укрепления рынка жилья, созданы территориальные структуры, необходимые для практической реализации данных функций [20]. Деятельность данного департамента территориально организована в 10 регионах. Каждый регион объединяет территории от 2 до 10 штатов и находится под управлением регионального администратора, который руководит соответствующим региональным бюро. Региональным бюро в свою очередь подконтрольны имеющиеся в каждом штате местные отделения, находящиеся под управлением директора отделения, который подчиняется региональному администратору [2]. Региональные бюро обеспечивают общую координацию деятельности на местах в поддержку местных программ в территориальных пределах каждого региона. Местные отделения в каждом штате призваны оказывать помощь в развитии и поддержке местных

программ жилищного строительства и городского развития [21].

В административно-политической области государственного управления следует обратить внимание на организационно-правовой статус Департамента юстиции США (United States Department of Justice), поскольку данный орган включает большую часть наиболее важных элементов правоохранительной системы. В организационную структуру его аппарата входят порядка сорока подразделений, в том числе Федеральное бюро расследований, Федеральное бюро тюрем, Служба маршалов (судебных приставов), Управление по борьбе с наркотиками, Бюро алкоголя, табака, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ, Управление главного инспектора, Антимонопольный отдел, Исполнительное управление по надзору за иммиграцией и др., а руководитель Департамента юстиции по должности является Генеральным прокурором США [17]. Наличие множества звеньев с разнонаправленными функциями закономерно обуславливает отсутствие единой территориальной организации работы данного департамента. Те подразделения, которые требуют выполнения функций государственного управления на местах, то есть в штатах или иных территориальных единицах, имеют свою собственную территориальную организацию.

Что касается Службы маршалов США (United States Marshals Service), то её территориальная организация осуществляется по судебным округам, и в каждом таком округе президент США назначает с согласия Сената маршала, обеспечивающего исполнение судебных решений в соответствующем судебном округе. Исключение предусмотрено для Северных Марианских островов, где отсутствует свой маршал, а его функции выполняет маршал другого судебного округа. Каждый маршал действует под руководством директора Службы маршалов США, который в пределах каждого судебного округа для обеспечения деятельности маршалов образует соответствующие офисы. Интересно требование по месту проживания маршалов: каждый из них должен проживать в пределах судебного округа, где он должен выполнять свои функции, за исключением маршалов округа Колумбия и Южного округа Нью-Йорка, которые могут постоянно проживать в преде-

лах 20 миль от округов, для которых они назначены в качестве маршалов [18]. Всего в США создано 94 судебных округа [5].

Федеральное бюро расследований (Federal Bureau of Investigation) является федеральным органом уголовного розыска, спецслужбой, а основным следственным подразделением Департамента юстиции США. В настоящее время ФБР подследственна значительная часть категорий федеральных преступлений, и, таким образом, оно имеет широчайшие следственные полномочия по сравнению с любым другим правоохранительным агентством США, что потребовало нормативно урегулировать создание широкой сети местных офисов ФБР [22]. Они расположены в крупных городах по всей территории Соединенных Штатов, а также в Пуэрто-Рико. Всего ФБР имеет 56 таких офисов. Кроме того, в небольших городах и иных населённых пунктах по всей территории США созданы нижестоящие отделения, которых насчитывается 380. Месторасположение местных офисов ФБР было выбрано в соответствии с тенденциями преступности, потребностью в региональной географической централизации, а также необходимостью эффективного государственного управления в сфере расследования преступлений. Каждый местный офис ФБР находится под управлением специального агента, за исключением тех, которые расположены в Лос-Анджелесе, Нью-Йорке и округе Колумбия; последние ввиду особой значимости находятся под руководством помощника директора ФБР. Каждое нижестоящее отделение ФБР также возглавляется специальным агентом [6].

Определённую специфику имеет территориальная организация деятельности Федерального бюро тюрем США (Federal Bureau of Prisons). Для государственного управления федеральной пенитенциарной системой территория государства была поделена на шесть регионов (Средне-Атлантический, Северо-Центральный, Северо-Восточный, Юго-Восточный, Южно-Центральный и Западный), в каждом из которых создаётся региональный офис [24]. Под контролем этих офисов находятся 111 федеральных тюрем. Кроме того, освобождённым из заключения предоставляется возможность постепенно восстановить свои связи с общиной, по-

лучая при этом такие услуги, как консультирование и трудоустройство. Подобная деятельность осуществляется центрами ресоциализации под руководством управлений ресоциализации; всего насчитывается 25 таких управлений, и они находятся в подчинении соответствующих региональных офисов Федерального бюро тюрем США [7].

Бюро алкоголя, табака, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ (Bureau of Alcohol, Tobacco, Firearms and Explosives) как подразделение Департамента юстиции США, в сферу компетенции которого входит предотвращение и расследование преступлений, связанных с незаконным использованием, производством и хранением огнестрельного оружия и взрывчатых веществ, расследование террористических актов, поджогов и взрывов, а также лицензирование и контроль за незаконным оборотом табачной и алкогольной продукции [23], в своей системе также имеет 25 территориальных отделений. Каждое из них действует на территории от одного до четырёх штатов в зависимости от объёма лицензионной и иной правоприменительной деятельности [1]. Кроме того, за пределами государства для помощи другим странам в деле противодействия незаконному обороту огнестрельного оружия и контрабанде табака в системе данного бюро учреждено 7 зарубежных офисов, которые действуют, как правило, в посольствах и консульствах США [1].

Федеральное государственное управление в социально-культурной области представлено Департаментом здравоохранения и социальных служб США и Департаментом образования США.

Департамент здравоохранения и социальных служб США (U.S. Department of Health and Human Services), разрабатывая и реализую государственную политику в сфере здравоохранения, в том числе посредством проведения исследований в области охраны здоровья граждан и социальных наук, профилактики заболеваний, обеспечения безопасности медикаментов, страхования здоровья пожилых людей и инвалидов, разработки информационных технологий в здравоохранении, оказания финансовой помощи и услуг малообеспеченным семьям, разработки мер по улучшению здоровья матери и ребёнка, для реализации обозначенных функций

не имеет единых территориальных структур. К тому же в каждом штате имеются свои собственные органы управления здравоохранением, преследующие тождественные цели. Можно лишь назвать пример наличия территориальных звеньев данного департамента, наделённых контрольно-надзорными полномочиями. В его структуре функционирует Национальный институт охраны труда и здоровья, возглавляемый директором, который назначается секретарём здравоохранения и социальных служб [19]. Его территориальная структура включает контрольно-надзорные подразделения. Например, отделение западных штатов состоит из сотрудников института, работающих в трёх офисах (в штатах Вашингтон, Колорадо и Аляска), которые расположены в западной части США и решают широкий спектр вопросов безопасности и гигиены труда, помогают создавать и поддерживать необходимый уровень охраны труда в зданиях и помещениях работодателей [4]. Должностные лица этих офисов, которым директором данного института предоставлены официальные полномочия, имеют право проводить контрольные проверки зданий и помещений работодателей с целью выявления негативного воздействия на здоровье работников различных процессов, сооружений, машин, аппаратов, приборов, оборудования и материалов [26].

Образовательная отрасль в США сильно децентрализована. Ключевая роль здесь принадлежит штатам и муниципальным образованиям. Однако на федеральном уровне функционирует Департамент образования США (U.S. Department of Education), который обеспечивает равный доступ к образованию, координирует реализацию федеральных программ образования для поддержки наиболее эффективных государственных, местных и частных учреждений, помощи студентам и их родителям при осуществлении ими своих образовательных обязанностей [16]. Создание территориальных структур Департамента образования США на уровне регионов, каждый из которых объединяет территории нескольких штатов, обусловлено законодательным положением о полномочиях данного департамента по координации деятельности органов исполнительной власти штатов и местных органов власти, уполномоченных в образовательной сфере, защите прав госу-

дарственных и частных учебных заведений в области образовательной деятельности, а также по осуществлению контроля над такими учреждениями в части реализации ими образовательных программ и государственной образовательной политики [16]. Каждый такой регион (всего их 10) включает территории от 4 до 8 штатов, и в каждом регионе создан региональный офис Департамента образования США [3].

Другие исполнительные департаменты США также имеют свои территориальные структуры, однако изложение особенностей их территориальной организации в настоящей работе будет излишним, поскольку на основе исследованных примеров складывается общее представление о формировании в США подобных структур. Следует отметить стабильность функционирования территориальных органов центральной исполнительной власти. Во многих случаях звенья территориальных органов определённых исполнительных департаментов установлены актами законодательной власти США, но даже в ситуациях, когда территориальные структуры организованы актом исполнительного департамента, наблюдается их продолжительное существование без принципиальных изменений с 1960-х годов. Это касается и самих исполнительных департаментов, перечень которых с тех пор не сильно изменился. Этим отличается организация системы территориальных органов центральной исполнительной власти в США от российского варианта, поскольку в Российской Федерации непрерывно идёт поиск оптимальной организации федеральной исполнительной власти с постоянным созданием и упразднением различных органов, а вместе с этим претерпевает изменения система территориальных органов. Кроме того, в Российской Федерации наблюдается преимущественное формирование территориальных органов по модели «управление по субъекту Российской Федерации». В США, напротив, для каждого исполнительного департамента разработан индивидуальный подход с выделением во многих случаях условных управленческих районов, объединяющих территории определённого количества штатов, с размещением в них региональных офисов. Следует полагать, что отсутствие единой модели организации территориальных структур

центральной исполнительной власти в США направлено на оптимизацию федерального государственного управления, а именно на

повышение эффективности и экономичности работы аппарата центральной исполнительной власти.

Литература

1. Официальный сайт Бюро алкоголя, табака, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ. URL: <https://www.atf.gov/contact/atf-field-divisions> (Дата обращения: 24.07.2016).
2. Официальный сайт Департамента жилищного строительства и городского развития США. URL: <http://search.usa.gov/search?affiliate=housingandurbandevelopment&query=field+offices> (Дата обращения: 24.07.2016).
3. Официальный сайт Департамента образования США. URL: <http://www2.ed.gov/about/contacts/gen/regions.html> (Дата обращения: 25.07.2016).
4. Официальный сайт Национального института охраны труда и здоровья. URL: <http://www.cdc.gov/niosh/contact/im-wsd.html> (Дата обращения: 24.07.2016).
5. Официальный сайт Службы маршалов США. URL: <https://www.usmarshals.gov/contacts/districts.html> (Дата обращения: 24.07.2016).
6. Официальный сайт Федерального бюро расследований. URL: <https://www.fbi.gov/contact-us/field-offices> (Дата обращения: 24.07.2016).
7. Официальный сайт Федерального бюро тюрем. URL: <https://www.bop.gov/locations/list.jsp?facilityType=RRM&addAlphabet=false&sortDescending=false&rmvePhyCmplxLocs=false&addStates=false&addRegions=false> (Дата обращения: 24.07.2016).
8. Свод законов США. Титул 3, глава 2 // 42 F.R. 56101, 91 Stat. 1633, as amended by Pub. L. 97–195, §1(c) (5), June 16, 1982, 96 Stat. 115.
9. Свод законов США. Титул 5, глава 1, § 101 // Pub. L. 109–241, title IX, §902(a)(1), July 11, 2006, 120 Stat. 566.
10. Свод законов США. Титул 5, глава 1, § 102 // Pub. L. 89–554, Sept. 6, 1966, 80 Stat. 378.
11. Свод законов США. Титул 5, глава 1, § 105 // Pub. L. 89–554, Sept. 6, 1966, 80 Stat. 379.
12. Свод законов США. Титул 5, глава 3, § 301 // Pub. L. 89–554, Sept. 6, 1966, 80 Stat. 379.
13. Свод законов США. Титул 5, приложение // Eff. June 4, 1953, 18 F.R. 3219, 67 Stat. 633, as amended Oct. 15, 1982, Pub. L. 97–325, § 8(d), 96 Stat. 1606; Oct. 13, 1994, Pub. L. 103–354, title II, § 218(e)(1), 108 Stat. 3213.
14. Свод законов США. Титул 7, глава 55, § 2204a // Pub. L. 96–355, § 4(5), Sept. 24, 1980, 94 Stat. 1174.
15. Свод законов США. Титул 20, глава 48, § 3401 // Pub. L. 96–88, title I, § 101, Oct. 17, 1979, 93 Stat. 669.
16. Свод законов США. Титул 20, глава 48, § 3403 // Pub. L. 96–88, title I, § 103, Oct. 17, 1979, 93 Stat. 670.
17. Свод законов США. Титул 28, глава 31, § 503 // Pub. L. 89–554, § 4(c), Sept. 6, 1966, 80 Stat. 612.
18. Свод законов США. Титул 28, глава 37, § 561 // Pub. L. 100–690, title VII, § 7608(a)(1), Nov. 18, 1988, 102 Stat. 4512; amended Pub. L. 107–273, div. A, title III, § 301(b), Nov. 2, 2002, 116 Stat. 1781; Pub. L. 109–177, title V, § 505, Mar. 9, 2006, 120 Stat. 247.
19. Свод законов США. Титул 29, глава 15, § 671 // Pub. L. 91–596, § 22, Dec. 29, 1970, 84 Stat. 1612; Pub. L. 96–88, title V, § 509(b), Oct. 17, 1979, 93 Stat. 695; Pub. L. 102–550, title X, § 1033, Oct. 28, 1992, 106 Stat. 3924; Pub. L. 109–236, § 6(a), June 15, 2006, 120 Stat. 498.
20. Электронный свод федеральных правил. Титул 24, глава IX, § 982.3. URL: http://www.ecfr.gov/cgi-bin/retrieveECFR?gp=1&SID=3e7533d40f22d426b827288f3b8e8233&ty=HTML&h=L&mc=true&r=SECTION&n=se24.4.982_13 (Дата обращения: 24.07.2016).
21. Электронный свод федеральных правил. Титул 24, глава XXV, § 4100.3. URL: http://www.ecfr.gov/cgi-bin/retrieveECFR?gp=1&SID=3e7533d40f22d426b827288f3b8e8233&ty=HTML&h=L&mc=true&r=SECTION&n=se24.5.4100_13 (Дата обращения: 24.07.2016).
22. Электронный свод федеральных правил. Титул 28, глава I, § 0.89a. URL: http://www.ecfr.gov/cgi-bin/retrieveECFR?gp=1&SID=5f8c2fc349ae99e196b7ab7934b1f785&ty=HTML&h=L&mc=true&r=SECTION&n=se28.1.0_189a (дата обращения 24.07.2016 г.).
23. Электронный свод федеральных правил. Титул 28, глава I, §§ 0.130–0.131. URL: http://www.ecfr.gov/cgi-bin/text-idx?SID=bf29e40c58affb70547ecba0d4218e4b&mc=true&node=pt28.1.0&rgn=div5#_top (Дата обращения: 24.07.2016).
24. Электронный свод федеральных правил. Титул 28, глава V, § 503.1. URL: <http://www.ecfr.gov/cgi-bin/text-idx?SID=bf2d177ad58c778630d6dc2fa3f90ad4&mc=true&node=pt28.2.503&rgn=div5> (Дата обращения: 24.07.2016).
25. Электронный свод федеральных правил. Титул 36, глава II, § 200.2. URL: http://www.ecfr.gov/cgi-bin/text-idx?SID=35fc5af17c4f68151ac53f6a127860bf&mc=true&node=se36.2.200_12&rgn=div8 (Дата обращения: 21.07.2016).
26. Электронный свод федеральных правил. Титул 42, глава I, §§ 85a.1–85a.8. URL: <http://www.ecfr.gov/cgi-bin/text-idx?SID=d49b838987fd424b25920e2619a5ddd1&mc=true&node=pt42.1.85a&rgn=div5> (Дата обращения: 24.07.2016).

References

1. The official website of the Bureau of Alcohol, Tobacco, Firearms and Explosives. URL: <https://www.atf.gov/contact/atf-field-divisions> (Accessed: 24.07.2016). (In Russian).
2. The official website of the United States Department of Housing and Urban Development. URL: <http://search.usa.gov/search?affiliate=housingandurbandevelopment&query=field+offices> (Accessed: 24.07.2016). (In Russian).
3. The official website of the United States Department of Education. URL: <http://www2.ed.gov/about/contacts/gen/regions.html> (Accessed: 25.07.2016). (In Russian).
4. The official website of the National Institute for Occupational Safety and Health. URL: <http://www.cdc.gov/niosh/contact/im-wsd.html> (Accessed: 24.07.2016). (In Russian).
5. The official website of the United States Marshals Service. URL: <https://www.usmarshals.gov/contacts/districts.html> (Accessed: 24.07.2016). (In Russian).
6. The official website of the Federal Bureau of Investigation. URL: <https://www.fbi.gov/contact-us/field-offices> (Accessed: 24.07.2016). (In Russian).
7. The official website of the Federal Bureau of Prisons. URL: <https://www.bop.gov/locations/list.jsp?facilityType=RRM&addAlphabet=false&sortDescending=false&rmvPhyCmplxLocs=false&addStates=false&addRegions=false> (Accessed: 24.07.2016). (In Russian).
8. United States Code. Title 3, chapter 2 // 42 F.R. 56101, 91 Stat. 1633, as amended by Pub. L. 97–195, § 1(c) (5), June 16, 1982, 96 Stat. 115. (In Russian).
9. United States Code. Title 5, chapter 1, § 101 // Pub. L. 109–241, title IX, § 902(a)(1), July 11, 2006, 120 Stat. 566. (In Russian).
10. United States Code. Title 5, chapter 1, § 102 // Pub. L. 89–554, Sept. 6, 1966, 80 Stat. 378. (In Russian).
11. United States Code. Title 5, chapter 1, § 105 // Pub. L. 89–554, Sept. 6, 1966, 80 Stat. 379. (In Russian).
12. United States Code. Title 5, chapter 3, § 301 // Pub. L. 89–554, Sept. 6, 1966, 80 Stat. 379. (In Russian).
13. United States Code. Title 5, appendix // Eff. June 4, 1953, 18 F.R. 3219, 67 Stat. 633, as amended Oct. 15, 1982, Pub. L. 97–325, § 8(d), 96 Stat. 1606; Oct. 13, 1994, Pub. L. 103–354, title II, § 218(e)(1), 108 Stat. 3213. (In Russian).
14. United States Code. Title 7, chapter 55, § 2204a // Pub. L. 96–355, § 4(5), Sept. 24, 1980, 94 Stat. 1174. (In Russian).
15. United States Code. Title 20, chapter 48, § 3401 // Pub. L. 96 – 88, title I, § 101, Oct. 17, 1979, 93 Stat. 669. (In Russian).
16. United States Code. Title 20, chapter 48, § 3403 // Pub. L. 96–88, title I, § 103, Oct. 17, 1979, 93 Stat. 670. (In Russian).
17. United States Code. Title 28, chapter 31, § 503 // Pub. L. 89–554, § 4(c), Sept. 6, 1966, 80 Stat. 612. (In Russian).
18. United States Code. Title 28, chapter 37, § 561 // Pub. L. 100–690, title VII, § 7608(a)(1), Nov. 18, 1988, 102 Stat. 4512; amended Pub. L. 107–273, div. A, title III, § 301(b), Nov. 2, 2002, 116 Stat. 1781; Pub. L. 109–177, title V, § 505, Mar. 9, 2006, 120 Stat. 247. (In Russian).
19. United States Code. Title 29, chapter 15, § 671 // Pub. L. 91–596, § 22, Dec. 29, 1970, 84 Stat. 1612; Pub. L. 96–88, title V, § 509(b), Oct. 17, 1979, 93 Stat. 695; Pub. L. 102–550, title X, § 1033, Oct. 28, 1992, 106 Stat. 3924; Pub. L. 109–236, § 6(a), June 15, 2006, 120 Stat. 498. (In Russian).
20. Electronic Code of Federal Regulations. Title 24, chapter IX, § 982.3. URL: http://www.ecfr.gov/cgi-bin/retrieveECFR?gp=1&SID=3e7533d40f22d426b827288f3b8e8233&ty=HTML&h=L&mc=true&r=SECTION&n=se24.4.982_13 (Accessed: 24.07.2016). (In Russian).
21. Electronic Code of Federal Regulations. Title 24, chapter XXV, § 4100.3. URL: http://www.ecfr.gov/cgi-bin/retrieveECFR?gp=1&SID=3e7533d40f22d426b827288f3b8e8233&ty=HTML&h=L&mc=true&r=SECTION&n=se24.5.4100_13 (Accessed: 24.07.2016). (In Russian).
22. Electronic Code of Federal Regulations. Title 28, chapter I, § 0.89a. URL: http://www.ecfr.gov/cgi-bin/retrieveECFR?gp=1&SID=5f8c2fc349ae99e196b7ab7934b1f785&ty=HTML&h=L&mc=true&r=SECTION&n=se28.1.0_189a (Accessed: 24.07.2016). (In Russian).
23. Electronic Code of Federal Regulations. Title 28, chapter I, §§ 0.130–0.131. URL: http://www.ecfr.gov/cgi-bin/text-idx?SID=bf29e40c58affb70547ecba0d4218e4b&mc=true&node=pt28.1.0&rgn=div5#_top (Accessed: 24.07.2016). (In Russian).
24. Electronic Code of Federal Regulations. Title 28, chapter V, § 503.1. URL: <http://www.ecfr.gov/cgi-bin/text-idx?SID=bf2d177ad58c778630d6dc2fa3f90ad4&mc=true&node=pt28.2.503&rgn=div5> (Accessed: 24.07.2016). (In Russian).
25. Electronic Code of Federal Regulations. Title 36, chapter II, § 200.2. URL: http://www.ecfr.gov/cgi-bin/text-idx?SID=35fc5af17c4f68151ac53f6a127860bf&mc=true&node=se36.2.200_12&rgn=div8 (Accessed: 21.07.2016). (In Russian).
26. Electronic Code of Federal Regulations. Title 42, chapter I, §§ 85a.1–85a.8. URL: <http://www.ecfr.gov/cgi-bin/text-idx?SID=d49b838987fd424b25920e2619a5ddd1&mc=true&node=pt42.1.85a&rgn=div5> (Accessed: 24.07.2016). (In Russian).

УДК 323:61

И. В. Кулькина

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ НА ФЕДЕРАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНЫХ УРОВНЯХ

В статье раскрываются актуальные вопросы реформирования системы здравоохранения как на федеральном уровне, так и на региональном, предлагаются пути решения проблем в данной сфере. Дается характеристика правовых основ деятельности системы здравоохранения в Российской Федерации в целях обеспечения конституционного права граждан на охрану здоровья и доступную медицинскую помощь. В статье также отмечен факт, что Россия может сохранить

способность активно действовать в условиях сегодняшней международной обстановки и адекватно отвечать на потребности в здоровье своего населения только при условии определения целей, которые ставятся перед здравоохранением.

Ключевые слова: здравоохранение, национальная система управления здравоохранением, качество медицинской помощи, регионализация здравоохранения.

I. V. Kulkina

TOPICAL ISSUES OF STATE REGULATION OF THE HEALTH CARE SYSTEM AT FEDERAL AND REGIONAL LEVELS

The article studies the topical issues of reforming the health care system, both at the federal level and at the regional, offers solutions to problems in this area. The paper outlines the main features of the legal framework of the health system in the Russian Federation. The system is to ensure citizens' constitutional right to health and access to care. The article

also highlights the fact that Russia can retain the ability to be active in today's international environment and respond adequately to the health needs of population in case certain goals are set for the health care system.

Key words: health care, national health management system, the quality of care, regionalization of health care.

Здравоохранение является важной отраслью для безопасного и успешного развития всех стран и всех территорий. На сегодняшний день система здравоохранения Российской Федерации проходит процесс модернизации. Кроме того, разработка и функционирование территориальных (региональных и муниципальных) структур здравоохранения также характеризуются элементами кризиса, в том числе и слабой правовой урегулированностью, несмотря на, казалось бы, многочисленный объем нормативных актов, исходящих от как федеральных органов власти, так и от органов власти субъектов Российской Федерации.

Реформа здравоохранения, проведение которой продолжится и в 2016 году, будет

одним из самых значимых социальных вопросов для будущего нации. Здравоохранение – одна из основ, на которых держится система социального обеспечения, и на все изменения в данной сфере общество реагирует крайне остро, особенно после того, как по России прокатилась целая волна протестов – на них вышли работники медицинской сферы с требованием не реформировать отрасль и не урезать финансирование. 2016 г. считают решающим в данном вопросе. Именно в этом году будут расставлены акценты и станет ясно, какими же медицинскими услугами и на каких условиях сможет пользоваться простой россиянин.

По мнению Всемирной организации здравоохранения, эффективность деятельности

системы здравоохранения оценивается по следующим критериям:

1) по состоянию здоровья населения: рождаемость, инвалидность, смертность, продолжительность жизни и др.;

2) образ жизни населения: распространенность ожирения, наркомании, алкоголизма, табакокурения и др.;

3) удовлетворение обоснованных и необходимых нужд населения: конфиденциальность, самостоятельность в принятии решения, ориентированность на пациента (чистота в медицинских организациях, питание больных, отношение и внимательность медицинского персонала, социальная поддержка и др.;

4) доступность медицинской помощи и лекарственного обеспечения (оплата основана на реальных доходах населения, а не на рисках), справедливость в оплате медицинской помощи и др.

Развитие отечественной системы здравоохранения на современном этапе подтверждается прежде всего ее реформированием, движущим фактором которого является обширный комплекс проблем системы здравоохранения, и главной из них является низкая социально-экономическая эффективность ее деятельности.

В процессе проводимой реформы российская система здравоохранения переживает многочисленные организационно-правовые и другие значительные преобразования: создана обширная законодательная база для реформирования здравоохранения, которая направлена на децентрализацию системы медицинского обслуживания населения и управления здравоохранением со стороны государства; происходит реализация системы обязательного медицинского страхования; в значительной степени развивается частный сектор здравоохранения; проводится структурное изменение отрасли.

На наш взгляд, проблемы, имеющиеся в отрасли здравоохранения, должны быть урегулированы органами управления, имеющимися в государстве. Долгое время в России не были установлены главные цели в области здравоохранения, произошло разрушение системы профилактической медицины, а наиболее необходимые преобразования в данной отрасли осуществляются без консультаций со специалистами.

Система здравоохранения в Российской Федерации основывается на основании ряда законодательных актов, призванных обеспечить ее целостность, комплексность и качество стандартов оказания медицинской помощи [4].

На приеме у своего врача в поликлинике мы видим иное представление о работе всей системы охраны здоровья населения в стране, а гражданам необходимо знать и понимать, каковы основные требования государства на самом деле и в чем могут быть их нарушения.

Лишь только правовая информированность населения и знание собственных прав обеспечит возможность добиться реализации своих законных ожиданий и требований.

Высшие органы исполнительной и представительной власти Российской Федерации определяют главные приоритеты государственной политики в области охраны здоровья населения страны, принимают законы и утверждают федеральные программы по данным направлениям; утверждают федеральный бюджет на последующие годы, в том числе в части расходов на здравоохранение, и контролируют его неукоснительное исполнение.

Президент Российской Федерации осуществляет руководство и контролирует реализацию федеральной государственной политики в области охраны здоровья населения страны, не реже одного раза в год представляет высшим органам исполнительной и представительной власти Российской Федерации доклад о государственной политике в данной области и непосредственно о состоянии здоровья населения Российской Федерации.

Правительство Российской Федерации производит разработку, осуществляет утверждение и производит финансирование федеральных программ по развитию российского здравоохранения; в необходимых пределах, предусмотренных законодательством, координирует деятельность органов государственного управления, а также предприятий, учреждений и организаций независимо от формы собственности в области охраны здоровья населения.

Главным результатом усилий действий государственных органов исполнительной власти на всех уровнях является реальное

влияние на здоровье россиян и исполнение главных целевых показателей в сфере охраны здоровья граждан [3].

Здравоохранение в любом государстве играет важную роль, так как определяет главное направление оздоровления, сохранения, и, конечно же, увеличения потенциала его главного ресурса – населения.

В настоящее время система здравоохранения является обязательной и неотъемлемой частью социально-экономической политики государства. Согласно статье 41 Конституции РФ, медицинская помощь является бесплатной для населения [1].

В связи с вышеизложенным становится актуальной проблема установления источников и размеров выделения денежных средств на систему здравоохранения. Этих средств должно быть достаточно не только для поддержания функционирования сферы здравоохранения, но и её дальнейшего развития. Отсутствие необходимых средств бюджетов публично-правовых образований, системы обязательного медицинского страхования неизбежно приводит к росту частных расходов на здравоохранение, а в неблагоприятных экономических условиях (в период экономических санкций) стимулирует рост теневой экономики в этом секторе.

По мнению некоторых экспертов, в сфере здравоохранения наибольший удар может ждать российское здравоохранение как раз в 2016-м. В этом году вливания в медицинскую сферу будут только сокращаться. Свои доли урежут и бюджет (на 28,9 млрд руб.), и ФФОМС. Причем Фонд недофинансирует здравоохранение на огромную сумму – 329 млрд руб. Ситуация усугубляется инфляцией. Все эти факторы в сумме приведут к тому, что медики смогут получить зарплату не намного выше той, какую получают сейчас. Однако средств на повышение качества услуг, улучшение материально-технической базы и обеспечение лекарствами уже не хватит. А ведь все эти шаги были направлены на то, чтобы снизить долю бюджетных вливаний в медицину и сделать отрасль инвестиционно привлекательной – то есть развивать сотрудничество государства и бизнеса.

Кроме того, увеличение расходов уже в 2017 г. связано с повышением расходов на поднятие на высший уровень качества и доступности медицинской помощи для насе-

ления за счет необходимого строительства новых и окончания ранее начатых объектов здравоохранения.

Перед системами здравоохранения всех государств стоят сложные проблемы. Некоторые страны (в том числе и Россия) вынуждены осуществлять борьбу с кризисом системы здравоохранения. Причем данная борьба заключается в демографических, социально-экономических, культурных процессах и является их общим следствием.

Это можно объяснить сложной экономической ситуацией в нашей стране, сложившейся в результате входа в состав России новых территорий – Крыма и Севастополя. Процедура присоединения данных территорий потребует дополнительных расходов в государственном бюджете. Однако в связи со сложившимися трудностями здравоохранения, несмотря на проблему нехватки ассигнований, все же остается в числе приоритетных направлений для государства. Это обусловлено тем, что развитие и процветание любой страны тесно связано с уровнем и качеством предоставляемых населению медицинских услуг.

Необходимо отметить, что в сравнении с другими государствами расходы на здравоохранение в РФ катастрофически малы (3,6 %). Как это ни печально, Россия тратит на финансирование данной сферы вдвое меньше стран «большой семерки»: США, Франции, Великобритании, Канады, Японии – 7,1–7,9 % ВВП. Она отстает даже от некоторых развивающихся стран: в Болгарии, Польше, Эстонии и Венгрии власти по данному направлению расходуют 4,2–4,9 % ВВП. Кроме того, России так и не удалось увеличить финансирование здравоохранения до минимальных стандартов Всемирной организации здравоохранения – 5,5–6 % ВВП. По оценке ВОЗ, Россия сегодня по финансированию здравоохранения стоит на 70-м месте в мире, а по эффективности здравоохранения – на 130-м.

Для выхода из этого тяжелейшего кризиса нужен целый комплекс серьезных мер, включающий разработку концепции долгосрочного развития отечественного здравоохранения и полноценной правовой базы, создание единой системы стандартов оказания медицинских услуг и лекарственной помощи.

На сегодняшний момент нужен переход от скорейшего «реформирования» к постепен-

ному и планомерному развитию всей системы медицинской помощи в стране с выделением наиболее приоритетных направлений, в которые и надо вкладывать основные финансовые ресурсы.

Одним из способов восстановления правового воздействия и на федеральную систему здравоохранения, и на её территориальные структуры, чтобы создать чёткую административную иерархию, являются, на наш взгляд, изменения в отношениях между компетенциями государства и муниципальных образований. В законодательстве закреплены основания, по которым всем учреждениям здравоохранения вне зависимости от форм собственности может быть разрешено или запрещено предоставлять платные медицинские услуги. Проблема здесь заключается в необходимости примирить интересы государственных и частных структур; отразить их баланс законодательно. При этом такой баланс должен измеряться не только в экономическом аспекте, но иметь правовое регулирование.

Надо принять и учитывать тот факт, что в данный период реформирования без жесткой регулирующей функции государства в построении новой и желаемой системы здравоохранения не обойтись. Ринуться в рынок без нормативно-правовой базы – значит повторить период 90-х гг. прошлого столетия, а именно исходного увеличения активов со всеми вытекающими отсюда результатами. Право не только отражает существующий общественный строй, но и выступает регулятором общественных отношений, приводя поведение людей и организаций в соответствие с интересами общества. Праву принадлежит главная роль в определении принципов деятельности организаций и деятельности государственных органов здравоохранения, их компетенции, формы и порядок решения ими новых задач.

Как уже говорилось выше, в последние годы в здравоохранении РФ происходят весьма существенные изменения, в первую очередь в структуре управления и объемах финансирования, что сказывается на качестве медицинской и лекарственной помощи. В связи с этим представляет интерес изучение состояния здравоохранения на региональном уровне.

«Регионализация здравоохранения» подразумевает сокращение федерального фи-

нансирования медицины за счет увеличения регионального, в то время как относительно благополучными в финансовом плане являются, по данным экспертов, лишь 17 субъектов РФ из 85. Поэтому регионализация грозит россиянам «дискриминацией» по месту проживания. Дефицит бюджета на помощь наблюдается в подавляющем большинстве субъектов страны, а в некоторых регионах разрыв между фактическим и необходимым финансированием лечения является десятикратным.

Не выдавать пациентам-льготникам рецептов из-за отсутствия финансирования из различных бюджетов или из-за отсутствия необходимых медицинских препаратов в аптеке вынуждены примерно 60 процентов российских врачей.

Возможность для каждого субъекта Российской Федерации иметь свой собственный перечень бесплатных, недорогих и необходимых для лечения лекарств лишает многих граждан равных прав на лекарственное обеспечение.

«Мы все живем в одном государстве, под одной Конституцией, и у нас должны быть равные гражданские и социальные права, в том числе на лечение. Финансирование каждого российского онкологического пациента должно осуществляться согласно принятым стандартам лечения. На сегодняшний день регионализация и стандарты несовместимы, финансирование и уровень развития здравоохранения в разных регионах существенно различаются.

По мнению 73 % всех опрошенных врачей новая бюджетная политика эту проблему только усугубит» [2].

Основными задачами здравоохранения субъектов федерации на сегодняшний день являются:

- недопущение снижения объемов и качества оказываемой медицинской и лекарственной помощи населению;
- обеспечение наиболее эффективного использования знаний в области медицинской науки и накопленного потенциала здравоохранения;
- объединение финансовых и других ресурсов, которые будут направлены на развитие наиболее важных направлений здравоохранения.

Для достижения поставленных целей основное внимание должно быть уделено

реструктуризации промышленности в условиях рыночной экономики для обеспечения населения провинции доступным и высококачественным медицинским сервисом и своевременной и полноценной лекарственной помощью.

Одним из наиболее важных механизмов в решении этих проблем является улучшение системы управления в здравоохранении. Первый шаг заключается в установлении полномочий управления между федеральными органами власти субъектов федерации и муниципальными образованиями. Кроме того, необходимо восстановить такие принципы как подотчетность и ответственность органов здравоохранения за результаты их деятельности перед государственными и му-

ниципальными органами власти. Основным направлением реформы здравоохранения должно стать в том числе и обучение медицинского и фармацевтического персонала, повышение престижа профессии медика и способы социальной защиты медработников.

Таким образом, реформа здравоохранения на региональном уровне должна включать комплекс мер, связанных с властью субъектов федерации и муниципалитетов, заинтересованных в общем решении проблемы гарантированного обеспечения населения страны профессиональной высокотехнологичной и доступной медицинской помощью, а также необходимыми лекарственными препаратами.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с изм. от 25 июля 2003 г.) // Собрание законодательства РФ. 2003.
2. Куда заведет «бюджетный маневр» [Электронный ресурс]. URL: pravda.ru›society/family/medicine/17-02-2014/http://yandex.ru/clck (Дата обращения: 12.04.2016).
3. Кулькина И. В., Торопчин Н. А. Психологические и правовые аспекты проблемы реформирования системы здравоохранения в России // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 2. С. 299–300.
4. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 06.04.2015) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru. (Дата обращения: 12.04.2016).

References

1. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii: Prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 goda (s izm. ot 25 iyulya 2003) (*The Constitution of the Russian Federation: Adopted by popular vote 12 December 1993*) // Assembly of the Russian Federation legislation. 2003. (In Russian).
2. Kuda zavedet «byudzhetyi manevr» (*Where the «budget maneuver» leads*). URL: pravda.ru›society/family/medicine/17-02-2014 /http://yandex.ru/clck. (Accessed: 12.04.2016). (In Russian).
3. Kul'kina I. V., Toropchin N. A. Psihologicheskie i pravovye aspekty problemy reformirovaniya sistemy zdavoohraneniya v Rossii (*Psychological and legal aspects of the problem of reforming the health care system in Russia*) // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2015. No. 2. P. 299–300. (In Russian).
4. Federal law. 21.11.2011 № 323-FZ (ed. 06.04.2015) «Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan v Rossijskoj Federacii» (*On the basis of health protection in the Russian Federation*). URL: www.consultant.ru. (Accessed: 12.04.2016). (In Russian).

УДК 346.7

Ю. Н. Слепенок, Л. П. Степанова, Н. Ю. Белокопытова

**ДЕЙСТВИЯ ПАТЕНТООБЛАДАТЕЛЯ,
СПОСОБНЫЕ ПРИВЕСТИ К НАРУШЕНИЮ ПРЕДЕЛОВ
ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА**

В статье дано определение пределов осуществления и защиты исключительных прав патентообладателя, учитывающих специфику отношений, возникающих в патентной сфере, а также действий патентообладателя, способных привести к нарушению пределов осуществления исключительного права. В статье анализируются актуальные вопросы реализации права на запрет правообладателя посредством отказа обратившемуся к нему лицу в предоставлении доступа

к объекту интеллектуальной собственности. Делается вывод о том, что исключительное право представляет собой возможность контролировать посредством правомочия запрета на коммерческое использование патентоохраняемого объекта.

Ключевые слова: реализация права, правообладатель, запрет, объект интеллектуальной собственности, лицензионное соглашение, инновации, исключительное право.

Yu. N. Slepencok, L. P. Stepanova, N. Yu. Belokopytova

**THE ACTIONS OF THE PATENTEE THAT MAY LEAD TO VIOLATION
OF LIMITS ON THE EXERCISE OF EXCLUSIVE RIGHTS**

The article defines the limits of the exercise and protection of the exclusive rights of the patentee, taking into account the peculiarities of relations arising in the patent area, and the actions of the patentee that may lead to the violation of the limits on the exercise of exclusive rights. The article examines topical issues of implementation of law on the prohibition of the right holder through refusal to an individual,

which appealed in order to get access to the intellectual property. It is concluded that the exclusive right is the ability to execute control through the powers of the ban on commercial use of potent protected object.

Key words: implementation of law, the right owner, the prohibition, the object of the intellectual property license agreement, innovation, exclusive right.

Инвестиции в человеческий капитал, развитие наукоемкого производства выступают в качестве новых резервов экономического роста в инновационной экономике. При переходе к постиндустриальной (информационной экономике) усиливается конкуренция за исключительные права на новые идеи, возрастает роль человеческого капитала, приобретают особую значимость креативные способности индивида.

В Стратегии по инновационному развитию экономики РФ до 2020 г., утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р, отражены основные направления, обеспечивающие реализацию реформирования российского законодатель-

ства, призванного придать развитию российской экономики инновационный характер. К этим необходимым мерам относится и совершенствование законодательства по интеллектуальной собственности, которое является важной составляющей инновационной деятельности любой страны. Понятия «интеллектуальная собственность» и «собственность» соотносятся как видовое и родовое соответственно. Но интеллектуальная собственность имеет ряд особенностей, отличающих ее от вещной собственности:

– дуализм природы интеллектуальной собственности: результатами интеллектуальной деятельности являются нематериальные объекты, выраженные на материальных носителях;

– неизнашиваемость результатов интеллектуальной деятельности при их потреблении, обусловленная нематериальной природой;

– исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности связаны с личностью их создателя;

– сложность оценки результатов интеллектуальной деятельности;

– неограниченная возможность тиражирования и «пиратского» использования в случае отсутствия своевременной правовой защиты;

– эффект возрастающей отдачи от масштаба.

Для притока инновационных продуктов на свой рынок государство вынуждено стимулировать его участников на разработку и последующее внедрение объектов промышленной собственности. Это обеспечивается с помощью предоставления правовой охраны и защиты на объекты интеллектуальной деятельности. Однако правовая охрана и защита на объекты интеллектуальной деятельности предоставляется правообладателю только при выполнении определенных законодательно установленных требований, посредством которых государство активно воздействует на инновационный рынок.

Чтобы получить патентно-правовую охрану, потенциальному правообладателю необходимо убедиться, что его изобретение или полезная модель соответствуют условиям патентоспособности. Таким образом, государство следит за определенным качественным техническим уровнем этих объектов, что делает качественным и сам инновационный товар, в который они будут внедрены. А чтобы убедиться в этом, проводят специальные экспертизы. Используя систему принудительного лицензирования, государство следит за активным и целесообразным использованием запатентованных объектов промышленной собственности в производстве инновационного товара. Через разветвленную сеть административных и судебных органов государство обеспечивает выполнение всех своих предписаний. Принудительное лицензирование представляет собой довольно мощный инструмент государственного вмешательства в частные патентно-правовые отношения.

Выступая фактором модернизации системы, патентное право явилось точкой пересечения публичного и частного интересов. Телеологической основой первого служит построение посредством интегрирования в

хозяйственный оборот отдельных объектов интеллектуальной собственности инновационно ориентированной экономической системы. Что касается частного интереса, то он выступает собирательной категорией для разнонаправленных стремлений: укрепления монопольного положения на рынке; получения конкурентных преимуществ за счет усовершенствования существующих разработок; блокирования деятельности конкурентов, в том числе в целях получения от них денежных средств, и т. п.

В подобном контексте неизбежны столкновения как публичного интереса с частным, так и отдельных частных интересов между собой. Инструментом преодоления подобных конфликтов призваны служить пределы осуществления права – законодательно очерченные границы деятельности управомоченных лиц по реализации возможностей, составляющих содержание данных прав. Будучи социальными по своей природе, они призваны обеспечивать баланс разнородных интересов, возникающих в связи с реализацией конкретного права. Под нарушением пределов осуществления права при этом предлагается понимать реализацию заложенных в субъективном праве возможностей, используемых в ненадлежащих целях, в противоречии с назначением конкретного субъективного права, которое приводит к нарушению интересов иных частных лиц и (или) общественного интереса.

Исследования, посвященные непосредственно пределам осуществления исключительных прав, порождают больше вопросов, чем дают ответов. Так, А. Г. Назаров общим пределом права называет правомерное использование результатов интеллектуальной деятельности третьими лицами, ограничение которого правообладателем признается злоупотреблением правом. В качестве конкретных примеров подобных пределов он упоминает свободное использование и воспроизведение объектов интеллектуальной собственности третьим лицом; исчерпание права на товарный знак; принудительную лицензию [4, с. 22–25].

В связи с этим возникает ряд возражений как логического, так и правового свойства. Во-первых, необходимо заметить: когда речь идет об осуществлении права, имеются в виду действия самого управомоченного лица. Следовательно, и пределы должны касаться именно их, а не актов третьего лица. Во-вто-

рых, в любом случае выдача принудительной лицензии может являться только следствием нарушения предела, а не самим пределом. Наконец, в-третьих, в той ситуации, когда на один и тот же объект, помимо абсолютного права, устанавливаются некие права третьих лиц, то оправданно вести речь об ограничении объема первого, а не об установлении пределов его осуществления.

Установление пределов осуществления исключительного права следует начинать с раскрытия его сущности и назначения. В соответствии со ст. 1229 ГК РФ такое право определяется как совокупность следующих правомочий: использование результатов интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации любым не противоречащим закону способом; правомочие запрещать подобное использование всем иным лицам; распоряжение правами на указанные объекты.

Обозначенные составляющие оправданно рассматривать в качестве взаимообуславливающих. Закрепление исключительного права как «права-монополии» детерминировано целью придания нематериальным объектам свойств товара. Предоставляя субъекту правомочие запрещать всем иным лицам использовать некий объект интеллектуальной собственности, законодатель исходит из того, что соответствующие объекты будут вовлечены в хозяйственный оборот правообладателями.

Вместе с тем на практике патентообладатель часто использует свои права таким образом, что это не только не способствует инновационному развитию, но и препятствует ему. Не реализуя весь потенциал той или иной разработки, патентообладатель посредством правомочия запрещать всем иным лицам использовать соответствующий объект интеллектуальной собственности может блокировать инновационный процесс. Если при этом нарушаются частные и публичные интересы, встает вопрос о нарушении пределов осуществления исключительного права.

Осуществление субъективного права предполагает совершение управомоченным субъектом действий. Бездействие не образует ни реализацию права, ни злоупотребление правом. Следовательно, принципиально важно установить, посредством каких действий правообладатель может запрещать всем иным лицам использовать объект интеллектуальной собственности. Прежде всего речь идет о реализации права на запрет посредством отказа правообладателя обративше-

муся к нему лицу в предоставлении доступа к объекту интеллектуальной собственности посредством лицензионного соглашения. Это в полной мере соответствует сущности имущественного права на общественные блага. Законодатель предусматривает, что все иные противопоставленные носителю субъективного права лица, если они стремятся действовать правомерно, должны обращаться к нему за разрешением использовать объекты интеллектуальной собственности. [2, с. 61] Правообладатель же, ввиду наличия у него субъективного правомочия запрещать, может отказать в подобном использовании или установить условия для доступа.

Необходимо отметить, что установление подобных условий тоже является проявлением правомочия запрещать. Правообладатель только потому и может определять способы, территорию, срок использования объектов интеллектуальной собственности, размер выплачиваемых лицензиатом роялти, что он может вовсе запретить любое использование иным лицам. Другое дело, что запрет в данном случае реализуется не посредством отказа в предоставлении лицензии, а установлении условий для ее преодоления. В доктрине утвердился традиционный подход к рассмотрению лицензионных договоров в качестве способов распоряжения исключительным правом. Вместе с тем подобный подход представляется не совсем верным [5, с. 120; 7, с. 376]. Определения юридической судьбы исключительного права, как в случае с договором о его отчуждении, не происходит. Правообладатель реализует свою возможность контролировать коммерческое использование объектов интеллектуальной собственности на основе правомочия запрета.

Правомочие запрещать всем иным лицам использовать патентоохраняемый объект может быть реализовано правообладателем и на стадии защиты нарушенного исключительного права. При переходе от регулятивных к охранительным правоотношениям на смену отказу в заключении лицензионного соглашения приходит возможность требовать в судебном порядке от иного субъекта прекратить использование запатентованного объекта. В соответствии со ст. 1250 ГК РФ в качестве универсального способа защиты для всех случаев нарушения исключительных прав называется такой способ, как «пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушений».

В зарубежных правовых порядках аналогом подобного способа защиты выступает постоянный запрет на использование объектов интеллектуальной собственности. Как было отмечено Ю. Н. Андреевым, такой способ защиты «способствует реализации полномочий обладателя исключительного интеллектуального права по осуществлению запрета другим лицам использовать средства индивидуализации...» [1, с. 18].

В практике американских судов высказывалась схожая идея: поскольку с предоставлением патента связано право исключать всех иных лиц от использования объектов интеллектуальной собственности, «при отсутствии возможности требовать запретить иным лицам использовать объекты интеллектуальной собственности, право исключать всех остальных от использования будет иметь только малую часть от своей ценности» [3, с. 44].

В Европейском союзе установление пределов осуществления исключительных прав в целом сходно с практикой США. Как констатировал представитель Генерального директората по конкуренции Европейского союза, «доминирующая компания имеет, по крайней мере, в некоторых случаях обязанность предоставить объект, если отказ вызовет существенное влияние на конкуренцию... когда покупатель является конкурентом доминирующей компании на конкретном рынке». При этом были названы три фактора, на которые необходимо обращать внимание при решении вопроса о злоупотреблении правом: «1) может ли покупатель получить товар, услугу в другом месте; 2) есть ли другие конкуренты; 3) насколько важны товары для бизнеса конкурента. Таким образом, доступ к объекту является существенным, если при отказе исключаются все или большинство конкурентов с рынка». Подобные обстоятельства, служащие основанием для выдачи принудительной лицензии, называются и в прецедентном праве.

В соответствии с подобным зарубежным опытом представляется оправданным в п. 3 ст. 1362 ГК РФ закрепить норму следующего содержания: если отказ патентообладателя от заключения лицензионного соглашения с истцом на условиях, соответствующих установившейся практике, приводит к ограничению конкуренции на рынке, то истец имеет право обратиться в суд с иском к патентообладателю о предоставлении принудительной простой (неисключительной) лицензии на использование соответствующего объекта

интеллектуальной собственности. Истец при этом должен доказать, что он является конкурентом патентообладателя; получение прав на объект интеллектуальной собственности имеет большое значение для производства им товара, на который имеет спрос; у объекта интеллектуальной собственности нет заместителя, права на которые может получить истец.

Таким образом, на основе изложенного можно сформулировать некоторые выводы.

1. Установление пределов осуществления исключительных прав патентообладателя должно происходить в соответствии с основными критериями: целью реализации права, его назначением и обеспечением частного и общественного интереса. Под надлежащей целью реализации исключительного права следует понимать продвижение технологических инноваций, передачу и распространение технологий. Под общественным интересом – инновационное развитие экономики, широкое внедрение в производственный процесс объектов интеллектуальной собственности, развитие конкуренции. В ситуации нарушения указанных критериев появляются основания говорить о злоупотреблении исключительным правом.

2. Злоупотребление исключительным правом осуществляется патентообладателем преимущественно с опорой на правомочие запрещать всем иным лицам использовать его объекты интеллектуальной собственности. Объективную сторону правонарушения при этом образует либо отказ в выдаче лицензии, либо подача иска против субъекта, нарушающего его исключительное право. Ненадлежащей целью реализации права в подобных ситуациях может являться ограничение конкуренции, получение прибыли, связанное не с вовлечением объектов интеллектуальной собственности в хозяйственный оборот, а с шантажом предпринимателей-инноваторов.

3. Действующая редакция ст. 1362 ГК РФ нуждается в изменениях. Во-первых, необходимо исключить чрезмерную регламентацию выдачи принудительной лицензии в соответствии с п. 1 ст. 1362 ГК РФ, отменив второй абзац нормы. Во-вторых, следует предусмотреть п. 3, обеспечивающий доступ разработчикам комплексных инноваций к необходимым объектам интеллектуальной собственности. Условиями предоставления принудительной лицензии в данном случае должны служить: ограничение патентообла-

дателем конкуренции посредством отказа в предоставлении лицензии на объект патентного права; важность соответствующего объекта интеллектуальной собственности

для производства истцом товара, на который имеется спрос; отсутствие у спорного объекта интеллектуальной собственности заменителя, права на которые может получить истец.

Литература

1. Андреев Ю. Н. О некоторых особенностях Исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации // Проблемы законодательного регулирования интернет-ресурсов и правового разрешения конфликтов с участием субъектов интернет-сообщества. Материалы международной научно-практической конференции в рамках проекта «Российско-украинские криминалистические чтения на Слобожанщине», г. Белгород, 19 апреля 2013 г. / отв. ред. Комаров И. М. Белгород: ИД «Белгород», 2013. 276 с.
2. Баттахов П. П. Содержание исключительного права на объекты интеллектуальной собственности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 3. С. 60–62.
3. Дятлов С. А. Актуальные международные аспекты регулирования и защиты прав интеллектуальной собственности // Ученые записки юридического факультета. Вып. 32 (42) / под ред. А. А. Ливеровский СПб.: СПбГЭУ, 2014. С. 98–166.
4. Назаров А. Г. Пределы осуществления исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2011. 235 с.
5. Новикова Я. К. Лицензионный договор как способ исчерпания исключительного права // Актуальные проблемы предпринимательского права и процесса / отв. ред. Д. Н. Латыпов. Пермь, 2013. С. 119–123.
6. Рушайло Б. Е. Патентные исследования в системе «Патент-аналитик» // Патенты и лицензии. 2014. № 10. С. 48–53.
7. Чекалин Н. В. Понятие и характеристика лицензионного договора // Современные вопросы государства, права, юридического образования: Сборник научных трудов по материалам X Международной научно-практической конференции (заочной). 22 декабря 2013 г. / отв. ред. Н. С. Ельцов Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. С. 375–378.

References

1. Andreev Yu. N. O nekotoryh osobennostjakh Isključitel'nyh prav na rezul'taty intellektual'noj dejatel'nosti i sredstva individualizacii (*Some features of Exclusive rights to results of intellectual activity and means of individualization*) // Problemy zakonodatel'nogo regulirovanija internet-resursov i pravovogo razreshenija konfliktov s uchastiem sub'ektov internet-soobshhestva. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii v ramkah proekta «Rossijsko-ukrainskie kriminalističeskie čtenija na Slobozhanshhine», g. Belgorod, 19 aprilja 2013 g. (*Problems of legislative regulation of Internet resources and legal conflict resolution with the participation of the subjects of the Internet community. Proceedings of the international scientific-practical conference of the project «Russian-Ukrainian forensic reading on Slobozhanshyna», Belgorod, 19 April 2013*) / ed by I. M. Komarov. Belgorod: Publishing House «Belgorod», 2013. 276 p. (In Russian).
2. Battahov P. P. Soderzhanie isključitel'nogo prava na objekty intellektual'noj sobstvennosti (*The contents of exclusive rights to objects of intellectual property*) // Severo-kavkazskij juridičeskij vestnik. 2014. No.3 p. 60–62. (In Russian).
3. Djatlov S. A. Aktual'nye mezhdunarodnye aspekty regulirovanija i zashhity prav intellektual'noj sobstvennosti (*Current international aspects of regulation and protection of intellectual property rights*) // Učenyje zapiski juridičeskogo fakul'teta (Scientific notes of the Faculty of Law). Issue 32(42) / ed by A. A. Liverovskij. St. Petersburg: SPBSEU, 2014. P. 98–166. (In Russian).
4. Nazarov A. G. Predely osušhestvleniya isključitel'nogo prava na rezul'taty intellektual'noj dejatel'nosti (*Limits on the exercise of exclusive rights to results of intellectual activity*): abstract of thesis. Ekaterinburg, 2011. 235 p. (In Russian).
5. Novikova Ya. K. Licenzionnyj dogovor kak sposob isčerpanija isključitel'nogo prava (*License agreement as the method of exhaustion of the exclusive right*) // Aktual'nye problemy predprinimatel'skogo prava i processa: materialy nauchnoj konferencii molodyh učenyyh (*Actual problems of business law and process: scientific conference of young scientists*) / ed by D. N. Latypov. Perm, 2013. P. 119–123. (In Russian).
6. Rushajlo B. E. Patentnye issledovanija v sisteme «Patent-analitik» (*Patent research in the «Patent-analyst»*) // Patenty i licenzii. 2014. No.10. P. 48–53. (In Russian).
7. Chekalin N. V. Ponjatie i harakteristika licenzionnogo dogovora (*The concept and characteristics of a license agreement*) // Sovremennye voprosy gosudarstva, prava, juridičeskogo obrazovanija: Sbornik nauchnyh trudov po materialam X Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii (zaočnoj). 22 dekabrja 2013 g. (*The modern state, law, legal education: Collection of scientific papers based on the X International scientific-practical conference (part-time). December 22, 2013*) / ed by N. S. El'cov. Tambov: TSU named after G.R. Derzhavina, 2014. P. 375–378. (In Russian).

УДК 347

Д. А. Смирнов

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОЛГ И НАЛОГИ КАК ФИНАНСОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА: АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ КОНЦЕПЦИЙ

В статье проводится анализ основных зарубежных концепций государственного долга во взаимосвязи с налогами в рамках различных экономических школ. Рассматриваются научные теории содержания государственного долга в контексте прямой взаимосвязи с характеристикой сущности налогов. На основании проведенного исследования сделан вывод о разнообразии подходов к объекту государственного долга представителями различных научных школ финансового права.

Дискуссии между их представителями свидетельствуют об активной работе научной мысли в этой сфере. Выявлено отсутствие общности и единой научной позиции во взглядах ученых на данное понятие. Отмечается, что государственный долг противопоставляется налогам при решении вопроса о финансировании дефицита бюджета.

Ключевые слова: бюджет, государственный долг, налоги, дефицит, финансы, экономическая школа.

D. A. Smirnov

PUBLIC DEBT AND TAXES AS A FINANCIAL INSTRUMENTS OF THE BUDGET OF THE STATE POLICY: AN ANALYSIS OF KEY CONCEPTS

In this article the basic concepts of the foreign public debt is analyzed in relation to tax under different economic schools. The author considers scientific theories of the content of public debt in the context of relationship with the characteristic essence of taxes. On the basis of the study concluded that a variety of approaches to the subject of public debt by representatives of different scientific schools

of financial law. The discussions between their representatives indicate that the active work of the scientific thought in the field. The absence of community and common scientific position in the views of scientists on this concept. It is noted that public debt is opposed to taxes when deciding on the financing of the budget deficit.

Key words: budget, public debt, taxes, deficit, finance, economic school.

С момента развития концепций государственного долга в мировой науке теоретическое осмысление государственного долга происходит в тесной взаимосвязи с характеристикой сущности налогов.

Развитие теории государственного долга начинается в английской экономической науке представителями классической политической экономии (А. Смит, Д. Риккардо, Д. Хьюм и др.) XVIII века в Англии. В целом в рамках этой теории сложилось отрицательное отношение к государственному долгу, поскольку основная концепция данной экономической школы базировалась на идее рыночной экономики как саморегулируемой

системе, поэтому государственное вмешательство считалось излишним.

Д. Хьюм явился первым английским специалистом, начавшим изучение государственного долга как аналога налогам в государстве, отмечая возможность правительства злоупотреблять данным институтом, позволяющим решить дефицит бюджета и избежать критики со стороны общества, не увеличивая налоговое бремя. Поэтому Д. Хьюм отрицательно относился к долгу, считая, что «либо нация уничтожит государственный кредит, либо государственный кредит уничтожит нацию» [10, р. 366].

Продолжает развивать теорию данного института в подобном пессимистическом

ракурсе и А. Смит в работе «Исследование о природе и причинах богатства народов», где посвящает отдельный раздел исследованию государственного долга. По мнению А. Смита, государственный долг связан с финансированием государственных расходов в военное время, однако в мирное время долги возрастают из-за проблем погашения задолженности и обслуживания процентных платежей, что в свою очередь ведет к повышению налогов [1, с. 33]. Таким образом, государственный долг «уменьшает богатство нации, одновременно усугубляя налоговое бремя и значительно препятствуя накоплению капитала» [1, с. 33]. Поэтому А. Смит считал, что государство может прибегнуть к использованию государственного долга в исключительных случаях при финансировании чрезвычайных расходов государства. Рассматривая государственный долг, А. Смит выделил и его виды, говоря о внутреннем и внешнем долге, указывал на то, что «государство, заняв капитал у своих подданных, разрушает его... проценты по внешнему долгу есть вычет из национального богатства, поскольку они уходят за границу, где проживают держатели внешнего долга. Так что внешний долг и внутренний долг одинаковы в своем негативном влиянии на экономику» [11].

Продолжая теории Д. Хьюма и А. Смита, Д. Риккардо так же указывал на негативное воздействие государственного долга на развитие совокупного основного капитала, являющегося основным продуктивным источником нации, поскольку долг, как и налоги, препятствует накоплению капитала и заметно сокращает доход индивидуумов [12, р. 246]. По его мнению, единственным эффективным способом финансовой политики является выпуск денег эмиссионным банком страны, созданным правительством.

Таким образом, представители классической теории государственного долга рассматривали данный институт как зло, поскольку возрастающая государственная задолженность приводит к увеличению потребительского спроса, что в свою очередь неизбежно приведет к инфляции. Существование государственного долга, по их мнению, может быть оправдано только в исключительных случаях, например при финансировании чрезвычайных государственных расходов.

В этот же период времени одновременно с представителями классической школы теории государственного долга рассматри-

вают немецкие экономисты в рамках исторической школы (Фр. Небениус, К. Дитцель, А. Вагнер, Л. Штейн и др.) Взгляды ученых названной школы можно охарактеризовать как оптимистические по отношению к государственному долгу, поскольку финансирование государственных расходов при помощи кредита рекомендовалось, так как это позволяло достигнуть оптимального распределения инвестиционной нагрузки для государства и избежать повышения налогов для обеспечения государственной деятельности в чрезвычайных ситуациях.

По мнению А. Вагнера, все государственные расходы делятся на две группы: постоянные и чрезвычайные [2, с. 88]. Постоянные расходы возникают в процессе нормальной деятельности государства: их можно запланировать. Чрезвычайные расходы связаны с финансированием ведения военных действий, ликвидацией последствий чрезвычайных ситуаций и т. д. Финансирование постоянных расходов возможно за счет средств, поступающих от налогов, а чрезвычайных – за счет привлечения государственных кредитов.

Оригинальную концепцию теории государственного долга в рамках исторической школы предложил К. Дитцель, отмечавший, что народ тем зажиточнее, а народное хозяйство более процветает и прогрессирует, чем больше финансируются процентные платежи в рамках государственных расходов [13, с. 26]. Он утверждал, что наличие государственного долга (кредита) создает для государства «неисчерпаемый и неизменный фонд», который для нации служит источником выгоды, так как при помощи средств данного фонда нация удовлетворяет свои потребности.

Другой представитель немецкой финансовой науки Фр. Небениус своими взглядами занимал промежуточную позицию между негативным и позитивным отношением к государственному долгу. Он отмечал: «... никто не будет утверждать, что государственные долги являются для нации благодеянием и что государство потому должно заключать займы и растрачивать полученные таким путем средства, чтобы создать благодеяние для народа... достаточно, чтобы не каждый заем принимать за зло и крайнее средство» [2, с. 88]. Фр. Небениус относился к государственному долгу (кредиту) как к смещенному по срокам финансированию государственных расходов за счет собственных средств.

Несмотря на сформировавшиеся теории в рамках классической школы существует точка зрения, высказанная, в частности, Б. И. Алехиным о том, что классическая теория государственного долга сформировалась только к концу XIX в. в трудах Г. Адамса, Ч. Бастебла, П. Леруа-Болье [3, с. 27]. Особое внимание заслуживают взгляды последнего на существование государственного долга (кредита), поскольку именно его теория была широко распространена и пользовалась широким признанием до Первой мировой войны. П. Леруа-Болье считал, что заемные средства (долг) не следует однозначно оценивать как негативное явление, поскольку главное – это продуктивность их использования [4, с. 98–100]. Если средства использованы неэффективно, например, на развлечения, ненужные постройки, то общество становится беднее. Когда заемные средства используются для финансирования общественных работ, в частности на развитие инфраструктуры, то получается коллективное благо.

Таким образом, идеи П. Леруа-Болье и др. ученых классической теории долга XIX века заключаются в том, что предназначение любого займа – облегчить рост расходов рассрочкой платежей, поэтому нельзя ставить налоги выше займов, а значит, нельзя негативно относиться к долгу во всех случаях без исключения.

Период конца XIX – начала XX вв. характеризуется тем, что в финансовой науке появляются новые направления и школы, в частности – марксистская, кейнсианская и неоклассическая.

Истоки марксизма появились в XVI–XVIII вв. в рамках теорий утопического социализма и коммунизма. Идеологом марксизма является К. Маркс, взгляды которого разделяли и дорабатывали Ф. Энгельс и В. И. Ленин. В рамках данной теории государственный долг рассматривался через государственные заимствования, представляющие собой движение ссудного капитала, который не участвует в производстве материальных ценностей. Данный капитал используется как платежное средство, а не как капитал, приносящий прибыль, поскольку привлекаемые заемные средства финансируют возникающий бюджетный дефицит [5, с. 7]. Рассматривая государственные займы, К. Маркс считал их антиципированными налогами, то есть взятыми наперед, считая их фиктивным капиталом, так как государственные обли-

гации выпускаются для покрытия дефицита бюджета, связанного чаще всего с непроизводительными расходами [5, с. 7].

Развивая марксистскую теорию, В. И. Ленин отмечал, что капиталистическое государство – это государство, эксплуатирующее трудящихся, а для этого ему необходимы «налоги и государственные долги» [6, с. 12]. Кроме того, В. И. Ленин уделял внимание возможности использования государственного кредита как капитала, однако отмечал, что «возможности инвестиций государства в отрасли производства, где можно получить прибыль, весьма ограничены, поскольку оно не хочет конкурировать с монополиями» [6, с. 38].

Таким образом, теоретики марксизма рассматривают государственный долг как ссудный капитал, не участвующий в производстве материальных ценностей и являющийся способом эксплуатации трудящихся.

Учитывая тот факт, что классическая теория государственного долга зародилась в среде английских ученых, то и дальнейшее развитие она получила в Великобритании, но уже трансформировавшись в неоклассическую теорию. В 1850–1914 гг. английский долг стабилизировался, и его бремя практически перестало беспокоить ученых, однако некоторые положения продолжали развиваться. Основоположником неоклассицизма в рамках теории государственного долга является А. Маршалл, опубликовавший в 1980 г. работу «Принципы политической экономии», в которой рассматривал применение государственного вмешательства в экономику, в том числе и при помощи государственных займов, ведущих к образованию государственного долга. Он считал, что рыночный механизм может восстановить баланс между спросом и предложением, соответственно государству нет необходимости вмешиваться. Богатство государства прирастает общественными благами, а его сокращение происходит с ростом государственного долга [7, с. 307]. В этой своей позиции он и был близок к сторонникам классической школы.

В начале XX века классическая теория государственного долга переживала кризис, и в этот период времени начало развиваться самостоятельное направление в финансовой теории – кейнсианство, получившее название по имени его разработчика Дж. Кейнса. В 1936 году вышла его работа «Общая теория занятости, процента и денег», в которой он изложил взгляды государственного регу-

лирования на экономику. В рамках своей теории он коренным образом изменил взгляды на использование государственного долга в процессе государственного регулирования экономики. Дж. Кейнс начал рассматривать государственный долг как «неотъемлемую часть конъюнктурной государственной политики». Он считал, что государственный долг стабилизирует государственную политику, потому как дефицит бюджета является стимулом для развития экономики [8, с. 21].

Таким образом, кейнсианство считало дефицит бюджета полезным в контексте экономической стабилизации, а долг не рассматривало как угрозу государственным финансам в долгосрочном плане. Поэтому в послевоенные десятилетия теории бюджетной политики разрабатывались без учета опасности экономики со стороны дефицита и долга.

В середине XX века в учениях П. А. Самуэльсона, Дж. Гэлбрейта, А. Лернера, Э. Хансена и др. авторов продолжали развиваться взгляды Дж. Кейнса на существование государственного долга и кредита в рамках теории неокейнсианства.

В частности, А. Лернер утверждал, что бюджетная политика должна строиться на «функциональных финансах», способствующих росту производства, полной занятости населения и отсутствию инфляции.

А. Лернер считал, что займы, как налоги и расходы, – это инструменты государственного влияния на экономику, поэтому главная задача государства – сделать это влияние благотворным [14, р. 354]. Автор затронул и проблему, связанную с бременем долга и вредом дефицита. В то время существовала дискуссия о взаимосвязи долга и дефицита. Одна позиция заключалась в том, что дефицит усиливает инфляцию, провоцирует фискальное вытеснение и перекладывает бремя долга на будущие поколения, а другая указывала на то, что если бы государство отделяло капитальный бюджет от текущего и иначе измеряло дефицит и долг, то проблема разрешалась бы проще.

А. Лернер не поддерживал ни одну из точек зрения, считая, что займы должны следовать за расходами, а не предшествовать им, а дефицит способствует понижению процентных ставок [15, р. 139–141]. Его положения изначально не были восприняты неокейнсианцами, но впоследствии были поддержаны, поскольку отрицание переноса бремени долга на будущие поколения (без-

относительно к вопросу и желательности или нежелательности займов как источника финансирования расходов) означает невозможность безответственного поведения суверенного заемщика. Единственное, что было отмечено по поводу его утверждений, что они несвоевременны. Помимо этого, представители данной школы рассматривали проблему внешних займов, считая, что данные займы способствуют развитию экспорта товаров и услуг из стран-кредиторов, стимулируя развитие стран-реципиентов, тем самым положительно оценивая наличие государственного долга, в частности такого его вида, как внешний долг.

Кроме того, в рамках данной школы получило свое развитие направление, представленное концепцией рациональных ожиданий, разработанной в 60-е гг. Р. Лукассом, Р. Барро, Т. Сарджентом. Данная концепция предусматривала, что экономические агенты имеют возможность использовать любую информацию при принятии управленческих решений, следовательно, они будут принимать наиболее эффективные решения, учитывая знания об экономической системе в целом, экономической политике, проводимой государственными органами, позволяющие предвидеть изменения в экономике и соответствующие их частным интересам [9, с. 20–21]. А поскольку существуют рациональные ожидания, то правительство не сможет обманывать людей, осуществляя определенные мероприятия в сфере экономики. В отношении государственного долга данная концепция рассматривает положение о том, что потребители в своих поступках учитывают интересы будущего, понимая, что наличие государственного долга в настоящее время приведет к повышению налогов в будущем. Снижение налогов за счет роста государственного долга приведет к их перераспределению во времени. Таким образом, сумма государственного долга равна сумме будущих налогов, следовательно, финансирование государственных расходов за счет долга равносильно финансированию за счет налогов. Данное тождество называется «риккардианское равенство», или «эквивалентность». Поэтому изменения в сфере бюджетной политики могут повлиять на расходы потребителя, если повлекут изменения в государственных расходах. Данную мысль, в частности, обосновал Р. Барро в работе «Are Government Bonds Net Wealth?», четко

изложив аргументацию Риккардо и рассмотрев причины, по которым риккардианское равенство может не соблюдаться. По мнению Р. Барро, граждане не просто планируют свое потребление, а делают это как межпоколенческие альтруисты [16, р. 1099]. Они заботятся и о своем благе, и о благе потомков, учитывая собственные ресурсы и ресурсы потомков после уплаты налогов. В связи с этим он приходит к выводу, что решает не отдельный потребитель, проживающий конечное число лет, а бесконечно живущая семья, здравствующий член семьи решает, сколько потреблять, с учетом и дохода будущих поколений семьи. Таким образом, сохраняется риккардианское равенство – финансируемое займами снижение налогов может повысить доход отдельного потребителя в течение его жизни, не меняя постоянного дохода семьи. Получается, что член семьи не использует прибавку к доходу от снижения налогов, а сберегает ее и передает в виде наследства потомкам, которым предстоит выплачивать

налоги, необходимые для обслуживания возникшего долга в настоящее время [16, р. 1110]. Однако Р. Барро выдвинул и несколько возражений против риккардианского равенства, связанных с тем, что люди не живут вечно и поэтому не беспокоятся о налогах после их смерти, а будущие налоги и доходы непредсказуемы [17, р. 40]. Данная позиция не отвергает концептуальной значимости риккардианского равенства, а рассматривает его как второстепенную причину последствий государственного долга.

Исходя из вышеизложенного, видно, что среди ученых не существует единого мнения по отношению к государственному долгу, поскольку он оценивается как позитивный, так и как негативный институт в рамках определенной научной школы. Тем не менее большинство взглядов на государственный долг сводилось к тому, что его следует рассматривать как финансовый инструмент государственной политики в одном ряду с налогами и ценообразованием.

Литература

1. Смит А. Исследование о причинах и природе богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962. 654 с.
2. Колесова И. В., Сорокин А. Е. Совершенствование механизма управления государственным долгом // Вісник СевНТУ: зб. наук. пр. Серія: Економіка і фінанси. Вип. 116. 2011. С. 87–93.
3. Алехин Б. А. Государственный долг. М.: Юнити-дата, 2007. 120с.
4. Лебедев В. А. Наука о государственных финансах. П. Леруа-Болье // Сборник государственных знаний / под ред. В. П. Безобразова. Санкт-Петербург: [б.и.], 1874. С. 96–111.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1978. Т. 25. Ч. II. 560 с.
6. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Госполитиздат, 1980. Т. 33. 644с.
7. Маршалл А. Принципы политической экономии. М.: Прогресс, 1983. 416 с.
8. Головачев Д. Л. Государственный долг: Теория, российская и мировая практика. М.: ЧеРо, 1998. 103 с.
9. Цареградская Ю. К. Зарубежные теории государственного долга в преподавании учебной дисциплины «Финансовое право» // Юридическое образование и наука. 2015. № 3. С.18–21.
10. Hume David. Of Public Credit. Essays Moral, Political and Literary, Vol. I, New ed.; London, 1882. 402 p.
11. Smith Adam. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations, 1776, Book Five, Charter I. Part 1. URL: <http://www.ecn.bris.ac.uk/het/smith/wealbk05> (последнее посещение: 16 февраля 2015г.).
12. Ricardo David. On the Principles of Political Economy and Taxation. Cambridge, 1951. Vol. 1.
13. Омельчук С. Теоретичні підвалини кредитного фінансування державних потреб // Економіст. 2007. № 4. С. 25–29.
14. Lerner A. Functional Finance and the Federal Debt // Social Research. 1943. № 1. 456 p.
15. Lerner A. The Burden of Debt // Review of Economics and Statistics. 1961. May. P. 139–141.
16. Barro R. Are Government Bonds Net Wealth? // Journal of Political Economy. 1974. № 6. P. 1090–1115.
17. Barro R. The Ricardian Approach to Budget Deficits // Journal of Economic Perspectives. 1989. № 2. P. 35–42.

References

1. Smit A. Issledovanie o prichinah i prirode bogatstva narodov (*Research on the causes and nature of the wealth of the peoples*). Moscow, 1962. 654p. (In Russian).
2. Kolesova I. V., Sorokin A. E. Sovershenstvovanie mekhanizma upravleniya gosudarstvennym dolgom (*Improving public debt management mechanism*) // Visnik SevNTU: zb. nauk. pr. Seriya: Ekonomika i finans. Vip. 116. 2011. P. 87–93. (In Russian).
3. Alekhin B. A. Gosudarstvennyj dolg (*State debt*). Moscow, 2007. 120 p. (In Russian).
4. Lebedev V. A. Nauka o gosudarstvennyh finansah. P. Lerua-Bol'e (*The science of public finances. P. Leroy-Beaulieu*) // Sbornik gosudarstvennyh znaniy (*Collection of public knowledge*) / ed by V. P. Bezobrazov. Sankt-Peterburg, 1874. P. 96–111. (In Russian).
5. Marks K., EHngel's F. Sochineniya (*Writings*). Moscow, 1978. T. 25. P. II. 560 p. (In Russian).

6. Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij (*Full collection of writings*). Moscow, 1980. T. 33. 644 p. (In Russian).
7. Marshall A. Principy politicheskoy ehkonomii (*Principles of Political Economy*). Moscow, 1983. 416 p. (In Russian).
8. Golovachev D. L. Gosudarstvennyj dolg: Teoriya, rossijskaya i mirovaya praktika (*Public debt: Theory, Russian and international practice*). Moscow, 1998. 103 p. (In Russian).
9. Caregradskaya Yu.K. Zarubezhnye teorii gosudarstvennogo dolga v prepodavanii uchebnoj discipliny «Finansovoe pravo» (*Foreign public debt theory in teaching discipline «Financial Law»*) // Yuridicheskoe obrazovanie i nauka. 2015. №3. P. 18–21. (In Russian).
10. Hume David. Of Public Credit. Essays Moral, Political and Literary, Vol. I, New ed.; London, 1882. 402 p. (In Russian).
11. Smith Adam. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations, 1776, Book Five, Charter I. Part 1. URL: <http://www.ecn.bris.ac.uk/het/smith/wealbk05> (последнее посещение: 16 февраля 2015 г.). (In Russian).
12. Ricardo David. On the Principles of Political Economy and Taxation. Cambridge, 1951. Vol. 1. (In Russian).
13. Omel'chuk S. Teoretichni pidvalini kreditnogo finansuvannya derzhavnih potreb (*Theoretical foundations of public debt financing needs*) // Ekonomist. 2007. № 4. P. 25–29. (In Russian).
14. Lerner A. Functional Finance and the Federal Debt // Social Research. 1943. № 1. 456p.
15. Lerner A. The Burden of Debt // Review of Economics and Statistics. 1961. May. P. 139–141.
16. Barro R. Are Government Bonds Net Wealth? // Journal of Political Economy. 1974. № 6. P. 1090–1115.
17. Barro R. The Ricardian Approach to Budget Deficits // Journal of Economic Perspectives. 1989. № 2. P. 35–42.

УДК 347.455.045

Е. А. Терещенко

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПОВЫШЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ МОЛОДЕЖИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Повышение финансовой грамотности среди населения России – проблема относительно новая, но весьма актуальная. Необходимы механизмы, благодаря которым формируются умения защищать свои законные права в спорах с финансовыми организациями. Статья представляет собой обзор

методик образовательных и информационных мероприятий в сфере защиты прав потребителей в среде учащихся и студентов.

Ключевые слова: правовые знания и навыки, защита прав, просветительские и образовательные мероприятия.

Е. А. Tereshchenko

INSTITUTIONAL MECHANISMS TO IMPROVE THE FINANCIAL LITERACY OF YOUNG PEOPLE AND THE PROTECTION OF THE RIGHTS OF CONSUMERS

Improving financial literacy among the Russian population – the problem is relatively new, but very relevant. Mechanisms are needed through which to communicate the skills to protect their legal rights in disputes with financial institutions. The article presents an overview

of methods of educational and informational events in the field of consumer protection in the environment of pupils and students.

Key words: legal knowledge and skills, protection of rights, awareness-raising and educational events.

На современном этапе развития финансовой системы и финансовых институтов Российской Федерации, в условиях неуклонного увеличения численности населения, вовлекаемого в использование финансовых услуг

и инструментов, актуализируется проблема защиты прав потребителей и повышения финансовой грамотности населения, оказания потребителям финансовых услуг грамотной правовой помощи. Растет на протяжении

последних лет общее количество пользователей банковскими услугами. Если в 2008 г. только каждый второй россиянин пользовался услугами банков (52 %), то в 2011 г. таких было 74 %, а в 2012 г. – уже 77 % [1].

Сегодня можно с уверенностью утверждать, что назрела необходимость разработки и внедрения образовательных программ и информационных мероприятий повышения финансовой грамотности населения и защиты прав потребителей финансовых услуг, формирование интерактивных консультационных механизмов защиты прав потребителей и эффективных механизмов юридического консультирования потребителей.

Понятие защиты прав потребителей вошли в повседневную действительность достаточно недавно. Правовое и организационное обеспечение вошло в число направлений социально-экономической политики государства.

Однако правовые средства защиты интересов потребителей находятся по-прежнему в стадии развития. В этой связи представляется актуальным проанализировать нормативно-правовое регулирование защиты прав потребителей финансовых услуг, судебную практику по делам, касающимся взаимоотношений потребителей с поставщиками финансовых услуг, и информационную среду в отношении каждой из финансовых услуг, указанных в техническом задании.

К проблеме защиты прав потребителей в той или иной степени обращались отечественные ученые. Многие работы посвящены отдельным аспектам института защиты прав потребителей, и авторы не акцентируют внимания на особенностях нормативного регулирования защиты прав потребителей именно финансовых услуг.

В ст. 4 федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» дано определение финансовой услуги: «...финансовая услуга – банковская услуга, страховая услуга, услуга на рынке ценных бумаг, услуга по договору лизинга, а также услуга, оказываемая финансовой организацией и связанная с привлечением и (или) размещением денежных средств юридических и физических лиц» [4].

Поскольку названные в этой норме услуги опосредуют привлечение или размещение чужих денежных средств, то «связь с привлечением и размещением денежных

средств физических и юридических лиц» для целей определения можно считать одним из квалифицирующих признаков этих услуг. Субъекта, оказывающего финансовую услугу, можно считать вторым признаком финансовой услуги в приведенном определении. Понятие «финансовая организация» также раскрывается в законе «О защите конкуренции» и включает исчерпывающий их перечень (п. 6 ст. 4).

В отечественном правоведении существует и совершенно иной подход к определению финансовых услуг. Наиболее последовательно он проведен Н. Г. Семилютиной. Этот подход отождествляет финансовые услуги с инвестиционными. Финансовой (или инвестиционной) услугой является услуга, оказываемая профессиональным участником рынка финансовых услуг на основании договора с целью передачи денежных средств, отчуждаемых инвестором, в пользу реципиента инвестиций [3].

Согласно исследуемой концепции, квалификация услуги в качестве финансовой поставлена в зависимость не только от характера деятельности профессионального участника рынка финансовых услуг, но и от цели отправления денежных средств в оборот. В соответствии с этим финансовая услуга по данному подходу тождественна инвестиционной [2].

Таким образом, защита потребителей финансовых услуг – это, с одной стороны, один из механизмов правовой защиты публичного интереса, связанного с развитием финансовых рынков и экономическим ростом, а с другой стороны, один из механизмов современного «социального государства», обеспечивающего относительное выравнивание условий, в которых живут его граждане.

В современных сложных экономических условиях растут и увеличиваются риски для потребителей финансовых услуг, связанные с условиями кредитования, недобросовестными участниками финансового рынка, новой волной финансовых пирамид. Например, с каждым годом возникают новые способы мошенничества с помощью пластиковых карт. Особую тревогу вызывает тот факт, что мошенники активно используют технические достижения и сеть Интернет для проведения подобных мошеннических действий.

Актуальной в этой связи выступает проблема низкого уровня правовой грамотности обывателей, недостаточной информирован-

ности потребителей, не позволяющей в свою очередь способствовать формированию правоприменительной практики в области реализации правовых гарантий исполнения и защиты гражданских прав в сфере финансовых услуг.

Так, 1 июля 2016 года на сайте Национального агентства финансовых исследований (НАФИ – <http://nacfin.ru>) опубликована такая информация: «Каждый десятый россиянин указал, что за последний год был не доволен финансовыми организациями, услугами которых пользовался. И только 4 % из них выразили свою жалобу в устном или письменном виде.

Ниже приведены итоги всероссийского опроса, проведенного Аналитическим центром НАФИ для Министерства финансов Российской Федерации в рамках проекта «Уровень доступности финансовых услуг в Российской Федерации» в 2015 году. Оценка удовлетворенности качеством банковских услуг проводилась с помощью вопроса о наличии жалоб, претензий. Исследование проводилось в рамках Проекта «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации».

Опрошено 5 000 респондентов.

Заёмщики, имеющие «проблемный» кредит, чаще остальных выражали претензии (21 % были недовольны, из них высказали жалобы – 8 %).

Основными формами выражения недовольства стали устная жалоба сотруднику организации (51 % от всех высказавших претензии), жалобы знакомым во время разговоров (28 %) на официальную письменную претензию руководству банка решились 28 % респондентов.

Сравнительно редко использовалась как канал обратной связи книга жалоб и предложений (9 %), только 1 % недовольных оформили судебный иск.

Стоит отметить, что чем выше субъективная оценка финансовой грамотности опрошенных, тем они более склонны высказывать претензии – так, в группе с отсутствием и низким уровнем знаний были недовольны 8 %, а с хорошими и отличными знаниями – 13 %; при этом доля обращавшихся с претензией к банку в два раза выше среди опро-

шенных с отличными знаниями (11 %), чем с хорошими (5 %)»¹.

В 2015 году по заданию Министерства финансов Ставропольского края обществом с ограниченной ответственностью «Центр гуманитарных, социально-экономических и политических исследований-2» (г. Омск) также было проведено социологическое исследование уровня финансовой грамотности населения Ставропольского края, которое выявило низкий уровень финансовой грамотности населения.

Целевыми группами исследования явились школьники и студенты (17,5 %), а также активные и потенциальные потребители финансовых услуг с низким и средним уровнем дохода (82,5%). Количество респондентов – 1000 человек. 41% опрошенных – сельское население, 59 % – городское. Территориальный охват – все муниципальные районы и городские округа Ставропольского края. Метод сбора первичной информации – поквартирный личный опрос.

Исследование позволило выяснить, какими финансовыми услугами пользуются жители края. В основном это пластиковые карты для получения зарплаты, пенсии и стипендии, 15 % опрошенных имеют опыт кредитования в банке, самыми непопулярными оказались накопления в негосударственных пенсионных фондах, применение интернет-банкинга, инвестиции в ценные бумаги. Добровольные пенсионные отчисления делают только 5 % участников опроса. 26,6 % опрошенных понимают важность наличия «финансового буфера» на случай чрезвычайных и кризисных ситуаций.

Важны следующие факты: только 16 % уверены в справедливом решении споров с финансовыми организациями. При этом показатель соотношения процента уверенности, по сравнению с отдельными другими регионами и общероссийскими показателями, показывает острую необходимость целенаправленной информационной политики среди населения в сфере защиты прав потребителей финансовых услуг (рис. 1).

Только половина из числа опрошенных понимает то, какие действия необходимо предпринять в случае нарушения прав потребителей со стороны финансовых организаций.

¹ Данные с сайта http://nacfin.ru/kazhdyy-desyatyy-rossiyanin-ne-dovolen-opytom-sotrudnichestva-s-finansovymi-organizatsiyami/#_ftn1.

Рис. 1. Индикатор 4. Уверенность в справедливом разрешении споров с финансовыми организациями

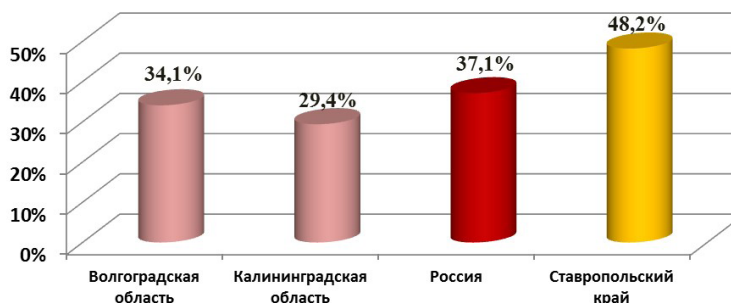

Рис. 2. Индикатор 9. Понимание того, какие действия административного и юридического характера следует предпринимать в случае нарушения прав потребителей финансовых услуг

И хотя процент лиц, обладающих знаниями правового характера, выше общероссийских показателей, он явно недостаточен, чтобы говорить о благополучном положении в указанной сфере (рис. 2).

Таким образом, результаты социологического исследования указывают на необходимость повышения информированности в вопросах механизма и способов защиты прав потребителей финансовых услуг, что, несомненно, важно и с учетом региональной специфики.

Ставропольский край является одним из регионов-участников Проекта «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации», реализуемого с 2011 года Министерством финансов Российской Федерации.

Постановлением Правительства Ставропольского края № 559-п от 29 декабря 2014 года утверждена краевая программа «Повышение уровня финансовой грамотности населения Ставропольского края и разви-

тие финансового образования в Ставропольском крае на 2014–2016 годы». Целью Программы является содействие формированию у населения Ставропольского края разумного финансового поведения, ответственного отношения к личным финансам; повышение эффективности защиты в Ставропольском крае прав граждан, пользующихся банковскими услугами, страховыми услугами, услугами на рынке ценных бумаг, услугами по договору лизинга, а также услугами, оказываемыми финансовыми организациями и связанными с привлечением и (или) размещением денежных средств.

Юридический институт Северо-Кавказского федерального университета является непосредственным исполнителем реализуемого в настоящее время Подпроекта «Просвещение, консультирование финансовых услуг и юридическая помощь по вопросам защиты прав потребителей в Северо-Кавказском федеральном округе «Финграмота СКФО»» Проекта Минфина России «Содействие повышению уровня финансовой гра-

мотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации». В рамках этого Подпроекта в 2016 году проведены мероприятия в школьной, студенческой и взрослой среде по информированию активных и потенциальных потребителей финансовых услуг с тематикой в сфере защиты прав потребителей: реализована дополнительная общеразвивающая программа для учителей общеобразовательных учреждений «Основы пенсионного страхования и пенсионного обеспечения в Российской Федерации», проведено повышение квалификации для специалистов организаций и общественных объединений в сфере защиты прав потребителей «Правовые основы кредитных отношений», семинар для преподавателей по теме «Управление личными финансами через онлайн-банкинг», реализована дополнительная общеразвивающая программа для учителей общеобразовательных учреждений – семинар «Потребительское кредитование».

Основной целевой группой Подпроекта является молодежь в основном из числа обучающихся образовательных организаций среднего профессионального и высшего образования. Мероприятиями было охвачено около 1,5 тыс. студентов и более 1 тыс. школьников. Студенты и школьники обладают хорошим уровнем восприимчивости к формированию ценностных установок, привитию навыков грамотного финансового поведения. Участие в информационных мероприятиях позволяет расширить знания о правовых аспектах финансовых правоотношений и защиты прав потребителей финансовых услуг, что в итоге приведет к более взвешенному принятию решений в сфере личных финансов и их защиты.

Другим звеном в механизме повышения уровня правовых знаний молодежи в сфере защиты прав является издание информационных материалов и проведение с их использованием информационных мероприятий по актуальным вопросам защиты прав потребителей финансовых услуг в Ставропольском крае.

Отправной точкой для разработки информационных материалов, заложенных в них целей и конкретных задач информационных мероприятий, их содержания и форм проведения будут следующие компоненты:

- набор знаний потребителя о финансовых продуктах; правах потребителя; условиях, которые могут ущемлять права потребителя; способах и механизме защиты прав потребителя;

- набор умений, связанных с разумным финансовым поведением, умением самостоятельно разрешить практическую ситуацию в сфере защиты прав потребителя финансовых услуг;

- набор навыков, позволяющих сделать ответственный выбор, принять финансовое решение и предпринять эффективные действия по защите прав потребителя.

Задачи проведения информационных мероприятий:

- 1) повышение уровня информированности населения в вопросах специфики финансовых продуктов и правах потребителей финансовых услуг:

- усвоение участниками мероприятия основных положений современной системы пенсионного обеспечения РФ и формирование активной социальной позиции при формировании собственных пенсионных накоплений;

- приобретение участниками мероприятий знаний о нормативном регулировании кредитования, в том числе кредитования в микрофинансовых организациях, автострахования, получения иных банковских услуг;

- приобретение участниками мероприятий минимально необходимых навыков ознакомления с условиями договоров в сфере финансовых услуг;

- усвоение слушателями особенностей различных видов и способов кредитования;

- 2) выработка у целевой аудитории умений и навыков эффективной модели поведения в правоотношениях в сфере финансовых услуг и защиты прав потребителей финансовых услуг:

- навыки использования финансовых продуктов, услуг и законов финансовой системы себе во благо;

- навыки критического мышления при пользовании финансовыми услугами;

- навыки оценивания финансовых и правовых рисков;

- умение пользоваться механизмом защиты прав потребителя в сфере финансовых услуг;

3) развитие мотивации и стремления целевой аудитории повышать финансовую грамотность самостоятельно и систематически.

Задачи информационных мероприятий представляют собой постепенное смещение акцентов от простого информирования целевой аудитории к изменению поведения потребителей финансовых услуг и стремлению к саморазвитию.

Отдельным звеном в механизме повышения эффективности просветительских мероприятий является проведение анализа судебной практики по делам, касающимся взаимоотношений потребителей с поставщиками финансовых услуг и информационной среды, существующей в Ставропольском крае в отношении каждой из финансовых услуг, а именно: кредитная карта, потребительский кредит, автокредит, ипотечный кредит, банковские депозиты и банковский счет, услуги негосударственных пенсионных фондов, дебетовая/«зарплатная» карта, автострахование, микрофинансирование, пла-

тежные услуги, выявление для каждой из финансовой услуги региональной специфики Ставропольского края и формулирование ключевых рекомендаций потребителю.

Такое решение рассматриваемого вопроса тем более важно, поскольку система нормативных правовых актов, регулирующих вопросы защиты прав потребителей финансовых услуг, находится в развитии, и за последние годы приняты важные нормативные правовые акты в сфере защиты прав потребителей, в том числе и потребителей финансовых услуг: Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)», Федеральный закон от 03.07.2016 № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях».

Литература

1. Имаева Р. Г. Защита прав потребителей финансовых услуг: социологический аспект // Банковское право. 2012. № 6. С. 36–45.
2. Семилютина Н. Г. Формирование правовой модели российского рынка финансовых услуг: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2005. 53 с.
3. Федеральный закон от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» от 26.07.2006 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. (Часть 1). Ст. 3434.
4. Фогельсон Ю. Б., Ефремова М. Д. Защита прав потребителей финансовых услуг. М: Норма, Инфра-М, 2010. 368 с.

References

1. Imaeva R. G. Zashchita prav potrebitelei finansovykh uslug: sotsiologicheskii aspekt (*Protection of the rights of consumers of financial services: sociological aspect*) // Banking law. 2012. No. 6. P. 36–45. (In Russian).
2. Semiluna N. G. Formirovanie pravovoi modeli rossiiskogo rynka finansovykh uslug (*The formation of the legal model of the Russian financial services market*). Moscow: The Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation, 2005. 53 p. (In Russian).
3. Federal law dated 26.07.2006 No.135-FZ «O zashchite konkurentzii» («On protection of competition») dated 26.07.2006 of the year // Collected legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31. (Part 1). St. 3434. (In Russian).
4. Fogelson, Y. B., Efremova M. D. Zashchita prav potrebitelei finansovykh uslug (*The Protection of the rights of consumers of financial services*). Moscow: Norma, Infra-M, 2010. 368 p. (In Russian).

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 801.318 (802.0:809.13)

А. В. Авидзба

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ПРЕВЕРБОВ В ЗАПАДНОКАВКАЗСКИХ ЯЗЫКАХ

В западнокавказских языках пространство (или локализация) и направленность действия находят отчетливое морфологическое выражение. В статье рассмотрены отличительные признаки превербов местного (локального) значения в этих языках. Анализу подвергаются сходства и различия в использовании локальных превербов между языками на различных уровнях: хронологическом,

структурном, фонетическом, грамматическом, семантическом. Учтены имеющиеся результаты исследований по данной тематике, приведен значительный практический материал.

Ключевые слова: глагольное словообразование, локальная семантика, структура, глагольная основа.

A. V. Avidzba

ON THE FEATURES OF FUNCTIONING OF LOCAL REFERENCE PREVERBS IN WEST-CAUCASIAN LANGUAGES

In West-Caucasian languages the location and the direction of an action are expressed morphologically. The article considers the characteristic features of preverbs of local reference in these languages. Similar and distinctive features of usage of local preverbs among the languages are analysed at different

levels: chronological, structural, phonetic, grammatical. The existing research findings are taken into account, a rather wide practical material is given.

Key words: verbal word formation, local meaning, structure, verbal stem.

Одним из продуктивных способов глагольного словообразования в западнокавказских языках является словообразование посредством локальных превербов. Высокая деривационная продуктивность достигается как богатством локальных превербов, так и их широкими производственными возможностями. Процесс этот живой и он активно способствует обогащению западнокавказских языков неологизмами. Во всех этих языках локальные превербы дополняют лексическое значение производящей основы семантикой локализации действия и направления действия по отношению к его локализации.

Однако в их материальной сущности с их семантикой, в их производительных возможностях в области способности сочетаться с корнем или производительной основой имеются как параллельные соответствия, так и

расхождения. При этом параллельных соответствий больше в языках, входящих в одну генетическую подгруппу языков Западного Кавказа, а расхождения наблюдаются между группами.

Помимо этого, превербы западнокавказских языков различаются и в плане хронологии: наряду с древними западнокавказскими превербами (адыг., каб.: пэ-, гуы-, адыг.: ч'лэ-, каб.: ш'лэ-, адыг., каб.: лъы-; абх.: п, абаз.: п-, абх.: гъ(ы), абаз.: гу-, абх.: 7, абаз.: ц'л, абх.: шь, абаз.: щ, убых.: ф-, гъ-, лъ- и др.), имеются превербы, возникшие в более позднее время (адыг., каб.: пхыры-, пхыр: адыг.: сыпхырычыгъ, каб.: сыпхыры-ч'лашъ «я прошел», адыг., каб.: бгъуыры-, бгъуыр: адыг., каб.: бгъуырылъын «лежать сбоку»; абх.: кыл(а), абаз.: к'ыл(а): абх.: акыла8сра, абаз.: к'ылапсра «умереть, задыхаться в от-

версии, в щели»; абх.: шыкла, абаз.: щккла: абх.: ашыклахысра, абаз.: щкклахысра «выстрелить, стрелять по ногам, вслед кому-л., чему-л.». Хронологически раличаются от абхазо-абазинской группы и некоторые превербы адыгско-убыхского ареала, сложившиеся на адыгско-убыхской основе: адыг., каб. блэ, убых. бл-, адыг., каб. пхы-, убых. пшь- и др.

М. А. Кумахов полагает, что адыгские превербы, в целом, охватывают следующие уровни: западнокавказский, адыгско-убыхский, общеадыгский (или протоадыгский) и уровень поздних адыгских (диалектных) инноваций [6, с. 229].

В структурном плане локальные превербы в западнокавказских языках делят на простые и сложные. Простые превербы более конкретно указывают на локализацию действия, чем сложные. Это происходит из-за того, что простой преверб способен однозначно выразить какое-либо конкретное местоположение, в то время как сложный (состоящий зачастую из двух простых превербов) привносит дополнительный оттенок указания на местоположение [3, с. 13].

Считается, что древними и первичными превербами, являются превербы простой структуры, а более поздними и вторичными – превербы сложной структуры. Последние возникли в период распада западнокавказского языкового единства (каб.-черк., адыг.: пэ-щлэ, лъэ-хэ, щлэпыры-, хы-флэ, лэ-ры). Незначительное количество превербов относится к поздним инновациям, возникшим в период после распада общеадыгского и абхазо-абазинского языков. В основном, это производные превербы, состоящие из двух и более простых локальных превербов (пэ-шлуэ-, лъэхэ-, члэпыры- и др.).

В абхазском и абазинском языках большинство локальных превербов по структуре простые. В абхазском языке они зачастую представлены одной согласной фонемой: г, д, н, къ, 8, р: ад=ащъалара «привязать что-л. рядом, около чего-л.», адъяалара «прирасти к чему-л., срастись с чем-л., присохнуть», абъбылгара «катиться по поверхности», абъхра «снять что-л. сверху, с поверхности чего-л.» и др.

Основная же масса простых превербов представляет собой открытый слог, состоящий из согласного и гласного **а**. У превербов с исходом на гласный **а** в зависимости от вы-

полняемой ими функции выражения направления **а** редуцируется: при полной редукции **а** переходит в **0** звука, при частичной – в **ы**. Таким образом, один и тот же преверб может реализовываться как с гласным **а**, так и без него: ва // вы // в, ла // лы // л, 7а // 7ы // 7, шья // шьи // шь: абх.: ава0йъацра «взорваться сбоку, рядом с кем-л., чем-л.», авцара «прогнать, прогонять из-за чего-л., с какой-л. стороны», алахысра 1) «произвести выстрел в гущу чего-л.», 2) «выстрелить в группу людей, животных и т. д.», ал7ра «выйти, выходить откуда-л.» и др.; или из двух согласных и гласного **а**: г=а // г=(ы), яра // яр(ы), эщъа // эщъ(ы), и др.: аярасра «ударить в область живота», аяражъра «бросить что-л. (большое) на живот кого-л., чего-л.», аэщъгара «убрать то, что стоит подле очага», аэщъыхра «вытаскивать из очага что-л.»

В абазинском языке выделяют следующие структурно-фонетические типы: CV: kla, шla: klaгвара «повалить, валить что-л.; побороть кого-л., что-л.», шлабылра «сжечь, обжигать на склоне (горы)»; CCV: бжъа, щтla: бжъагылра «встать, вставать между кем-л., чем-л.», щтlaпсара «рассыпать что-л. (по поверхности земли)»; SVC: быжь, гвын: быжь-пlара «высыпаться между кем-л., чем-л. (о мелких предметах)» и др.

Сложные превербы зачастую состоят из двух простых или представляют собой сочетание простого преверба с тем или иным компонентом (корнем) имени: абх.: гъыла // гъыл, абаз.: гвы-ла // гвы-л, где гъ(ы), гв(ы) – «сердце», ла – преверб, означающий нахождение или действие в однородной массе: абх.: агъылавшира «посмотреть, взглянуть внутрь чего-л.», абаз.: гвылапсара «насыпать что-л. во что-н.», абх.: дъыбъ где дъ «поле» сочетается с бъ «макушка, вершина»: адъыбълара 1) «отправиться, отправляться», 2) «выйти в поле». Вариантом этого преверба в абазинском языке является джы-кв(ы), где второй компонент выступает со значением «верх, верхушка», а слова джы в значении «поле» в абазинском языке нет. Несмотря на это «в абазинском широко применяется преверб джв(ы), восходящий к абхазскому адъы «поле» [3, с. 32]: джы-кв-га-ра «унести кого-л., что-л. (со двора, из дома, помещения)».

В адыгейском и кабардино-черкесских языках выделяют следующие структур-

но-фонетические типы локальных превербов, унаследованных от общеадыгского хронологического уровня:

SV: *дэ-*: адыг.: *хатэм дэ-хьагъ* «зашел в огород», каб.: *пlшлантlэм дэ-сын* «сидеть во дворе»; *йы-*: адыг., каб.: *матэм йы-сын* «сидеть в корзине» *хэ-*: адыг., каб.: *псым хэ-сын* «сидеть в воде»; SSV: *блэ-*: адыг., каб.: *блэчlы-н* «идти мимо», *къуэ-*: адыг.: *ккъуэ-лъ*, каб.: *кълуэльшь* «лежит в углу»; SVSV: *клуэцlы-*: адыг.: *клуэцlы-с*, каб.: *клуэцlы-с-шь* «(он) сидит внутри», *кълэпы-*: адыг.: *лэпы-зын*, каб.: *лэпы-хуын* «уронить из рук», *кълэчlэ-*: адыг.: *лэчlэ-куэн* «сунуть в руку», каб.: *лэшlы-з-о-лъ-хэ* «я кладу ему в руки»; SSVSV: *шъхэры-*: адыг.: *шъхэры-зын*, каб.: *шъхэра-хуын* «упасть с головы», *бгъуыры-*: адыг.: *бгъуыры-шлагъ* «(он) пристегнут сбоку», каб.: *бгъуыры-лъы-н* «лежать сбоку»; *шъхэдэ-*: адыг.: *шъхадэ-чlын*, каб.: *шъхэдэ-чlын* «перейти через что-то»; SSVSVSV: *шъхэпыры-*: адыг., каб.: *шъхэпыры-чlы-н* «пройти над кем-л., чем-л.»; SVSVSV: *клуэцlыры-*: адыг.: *клуэцlыры-с-фы-гъ*, каб.: *клуэцlыры-с-ху-а-шь* «я прогнал через что-то»; SVSSVSV: *зэбгыры-*: адыг.: *зэбгыры-зын* «развалиться, рассыпаться», каб.: *зэбгыры-х!* «разноси!».

Ж. Дюмезиль по степени абстрагированности делит превербы убыхского языка на «детерминанты» и собственно локальные. По его мнению, детерминанты – это субстантивы, которые сохраняют в прямом или переносном смысле свое исконное значение и не требуют личных показателей. Локальный же преверб обязательно требует постановки личного показателя, и он тоже восходит обычно к субstantиву, употребляемому или застывшему в словосочетаниях. Однако Дюмезиль считает, что строгого разграничения между локальными превербами и детерминантами нет. Одни и те же превербы выступают как в роли локальных превербов, так и в роли детерминантов, например: *гы* «сердце» и преверб «на» [16, с. 105].

Зачастую в зависимости от фонеморфологического окружения локального преверба изменяется вариантная форма основообразующей морфемы, причем фонетическим изменениям подвергается гласный элемент. Как, например, в кабардино-черкесском: в словоформах *хэ-дзэн* (бросить что-то во что-либо), *хы-з-о-дзэ* «я бросаю что-то во что-либо», *х-и-дз-а-щ* «он бросил что-то во

что-либо» элементы *хэ-*, *хы-*, *х* – являются вариантами одной морфемы, при этом основной формой принято считать вариант *хэ-* (ср. абх.-абаз.: *Оа // Оы // О*, *та // т(ы)*; *бжьа // бжь // бжь(ы)* и др.).

Локальные превербы употребляются с основами как динамических, так и статических глаголов, внося в глагольную основу значение локализации действия или состояния и локализацию направления действия. Еще П. К. Услар в своей работе «Абхазский язык», определяя функции некоторых превербов, отмечал, что они могут употребляться как основы глаголов и как превербы: *сыбъул* – «нахожусь на», *ахы сылоуп* – «пуля во мне находится», *сыбътъоуп* – «сижу на», ашьац сылатъоуп – «в траве сижу» [12, с. 87].

Способность локальных превербов стать основой статических глаголов характерна лишь для абхазского и абазинского языков. Но встречаются такие превербы, которые самостоятельно не могут быть основами для статических глаголов: *а-ка-вхара* «светиться», *а-кlа-жьра* «бросать ч-л. большое» [2, с. 29–37].

Превербы адыгско-убыхского ареала характеризуются лишь статусом аффиксальных морфем, т.е. этим языкам не свойственны превербы-корни, выступающие в двоякой функции: в роли корневых морфем и префиксальных элементов (собственно превербов) в составе самостоятельных глаголов, как это имеет место в абхазском и абазинском языках. Это явление относится к «существенным признакам превербов, их структурного оформления и функционирования, отражающим несколько обособленно положение адыгско-убыхского ареала» [6, с. 232].

В динамических глаголах локальный преверб также присоединяется к корню глагола, в морфологическом отношении он является глагольной приставкой. Семантика локальных превербов, находящихся в основах динамических глаголов, дополняет основную лексическую семантику глагола, определяя локализацию выраженного им действия и тем самым изменяя ее. Семантика основы превербного глагола отличается от производящей настолько, что правомерно преверб считать деривационным формантом: абылра «гореть» – *а7абылра* «гореть под чем-то, подгореть» [14, с. 39].

Большинство локальных превербов в адыгейском языке встречаются как в дина-

мических так и в статических глаголах: *те-с* «сидит на»; *те-плэ* «смотрит на». Преве́рбов, сочетающихся с динамическими глаголами меньше, это: *блэ-, лъэ-, лэ-, блы-пкъы-, пх-, пхыр-, зэ-пы-р-, пэ-гъо-, кIэ-лъы-, шъ-хъэ-, шъхъэ-дэ-* сочетаются только с динамическими глаголами: *кIэ-лъы-кIуагъ* – «пошел следом за ним» [10, с. 116].

В адыгейском и кабардино-черкесском языках динамические и статические глаголы делят на первичные (т. е. с глагольными основами) и вторичные (т. е. образованные от основ имен) [10, с. 101]. Первичные динамические глаголы: адыг.: *ар мадэ* «он шьет», *ащ ар ежъо* «он пишет то», *ар мчъэ* «он бежит»; каб.-черк.: *сэ ар сотхы(р)* «я пишу (то)», *абы ар ешэ(р)* «тот ведет его», *сэ абы сожъэ(р)* «я жду его» и др. Вторичные (отыменные): адыг.: *ар мэ-пхъашэ* «он плотничает», каб.-черк.: *сэ сопхъащIэр* «я плотничаю» – от имени *пхъашэ* «плотник», адыг.: *мэ-у-плъ-ыжъы* «он краснеет» – от имени *плъыжъы* «красный», каб.-черк.: *сэ сыдахэщ* «я красивый» – от имени *дахэ* «красивый» и т. д.

И в адыгейском, и в кабардино-черкесском языках количество первичных статических глаголов ограничено. Для первичных статических глаголов обычно характерно наличие значения преве́рбов с локальным значением: каб.-черк.: *Iу-т-щ* «стоит (возле чего-н.)», *Iу-лъ-щ* «лежит (возле чего-н.)», *щIэ-т-щ* «стоит под».

Динамические глаголы встречаются как с преве́рбами (каб.-черк.: *Iу-дэ-н* «обшивать», «пришивать», *хэ-тхэ-н* «вписать»), так и без них (каб.-черк.: *содэ* «шью, сожэ «бегу»).

Показательно, что для адыгско-убыхского ареала не характерны свойственные абхазскому и абазинскому языкам корни типа *т(а)*, *л(а)* и др., выступающие в роли корневых элементов статических глаголов и преве́рбов в составе самостоятельных глаголов [1, с. 265].

Деление глагольных основ на связанные (несвободные, несамостоятельные) и несвязанные (свободные, самостоятельные) наличествует во всех современных западнокавказских языках. В абхазском и абазинском языках локальные преве́рбы динамических глаголов, помимо употребления со связанными и несвязанными корнями, используются с корне-суффиксами: *ла*, *7*, *7а*, *х* (в абхазском языке) и с суффиксоидами: *жь*, *л*, *ха*, *цIа*, *х*, *цI*, *щт*, *да* (в абазинском).

Л. П. Чкадуа к этой группе формантов относит и суффикс *ха-*, который присоединяется к локальным преве́рбам, внося семантику «задержаться, застрять» [14, с. 14].

В адыгских языках связанные корни делятся на нейтральные и стабильные. От первых образуются как динамические, так и статические глаголы, от стабильных – динамические или статические глаголы. К общеадыгским связанным основам относятся *-сы*, *лъы-*, *-ты*, которые употребляются в сочетании с локальными префиксами. От них образуются как статические, так и динамические глаголы: адыг.: *сы-шьыс*, каб. *сы-шьыс-шь* «я сижу», адыг.: *сы-шьэсы*, каб.: *сы-шьыс* «я просиживаю» [6, с. 130–132].

В семантическом плане локальные преве́рбы классифицируются на конкретные и абстрактные. Абстрактная и конкретная семантика характерна как локальным преве́рбам с простой структурой, так и локальным преве́рбам со сложной структурой. Следует особо отметить, что преве́рбы, семантика которых лишена конкретности, характеризуются высокой сочетаемостью. Такие преве́рбы довольно абстрактно указывают на место действия или состояния, в то время как преве́рбы с конкретной семантикой характеризуются меньшим производительным потенциалом.

Преве́рбы, характерные всем диалектам абхазского и абазинского языков: абх.-абаз.: *гара // гар(ы)* ← *агара*, *гара // гар(ы)* ← *гара* «люлька»: абх.: *агара7ара* «положить, класть в люльку», абаз.: *гара-щI-ра* «залезть в люльку», абх.-абаз.: *гъара // гъар* ← *агъара*, *гъара // гъар(ы)* ← *гъара* – «двор, ограда»: абх.: *агъарацалара* «пригнать, пригонять скот с пастбища, загонять скот во двор», абаз.: *гъара-ха-ра* «оставаться во дворе»: абх.-абаз.: *7а // 7(ы)* ← *а7а*, *цIа // цI(ы)* ← *уацIа* «дно, низ»: абх.: *а7ацара* «свалиться, упасть под что-н. (о большом предмете)»; абаз.: *цIа-гыл-ра* «стать, становиться подо что-л.» и др.

В то же время, имеются преве́рбы, встречающиеся только в абазинском языке: *эIв(ы)* «мимо». В абхазском языке соответствует преве́рбу *в(ы)*, *дза* «сбоку кого-л., чего-л.»: *дза-был-ра* «гореть, сгореть сбоку» – в абхазском языке этому преве́рбу соответствует преве́рб *ва-* «сбоку»; *къв(ы)* «от кого-л., чего-л. (отходить)»: *акъвкъъара* «отойти

быстро, убежать от кого-л., чего-л.» – в абхазском языке синонимичен превербу *л(ы)*, *ры-кль* сочетается с корнем *га-ра* «нести»: *арыкьгара* «передразнить, передразнивать кого-л., что-л.».

Превербы, характерные только для абхазского языка: *яы7а* обозначает локализацию или действие, проходящие в зимний период: *аяы7сра* «(б. ч. о скоте) перезимовать, прожить зиму», *ёаа* – обозначает нахождение или действие в воде: *аёаагылара* «стать в воде», *мая* – обозначает локализацию действия выше кисти, на талии, на боку талии: *амяы7хра* – «вытащить из-за пояса».

Однако в полнзначных именах, трансформирующихся в местные превербы, Р. Х. Темирова отмечает расхождения между адыгскими языками и абазинским языком. Говоря о том, что в указанных языках имеются превербы, сохранившие генетическую связь с самостоятельными словами – прототипами (при этом абазинский язык значительно превосходит адыгские по количеству превербов, восходящих к именам – названиям частей тела), автор отмечает, что в абхазском и абазинском языках в отличие от адыгских в качестве локальных превербов выступают имена существительные, обозначающие понятия: гора, вода, дом, берег, очаг, ограда, двор и др. В адыгских же языках, по мнению Темировой, из подобного рода имен в превербы трансформировались только имена *кьуз* в *кьуагь* «угол» и *ц/э* «дно»: *кьуз* – «за, в углу», *ц/э* – «под» [11, с. 63–64].

Превербы адыгских языков: адыг., каб.: *лэ-, пы-, п-* «перед, против» ← общеадыг.: *лэ* «нос»: адыг., каб.: *лэ-плъэн* «ждать», *пыдэн* «пришить», адыг., каб.: *гуы- гуэ-, гу-* «рядом, сбоку» ← общеадыг.: *гуы* «сердце»: адыг., каб.: *гуэтын* «стоять рядом», *гуэч/ын* «отойти сбоку», адыг., каб.: *лъэ-, лъы-, лъ* «вслед, за» ← общеадыг.: *лъэ* «нога»: адыг.: *сылъэ/эсыгь*, каб.: *сылъэ/эсашь* «я достал, достиг /рукой/», адыг.: *лъидзыгь* «/он/ бросил вслед», каб.: *лъихашь* «он снял с ноги», адыг., каб.: *блэ-, блы-, бл-* «мимо, рядом, поблизости» ← общеадыг.: *блэ* «часть руки от плеча до кисти»: адыг., каб.: *блэч/ын* «идти мимо».

Имеются и такие локальные превербы, которые, вследствие фонетических и семантических изменений утратили связь со словами, от которых они образовались, они

лишены прозрачной этимологии: абх.: *йъ(а)* (вводит в основу значение отчуждения от чего-л.): *айъкра* «избавить кого-л. от кого-л.»; *айъйъара* 1) «отколотить что-л. от чего-л.»; 2) «отбить кого-л. от чего-л.»; *м(а)* (в основном выступает как основообразователь с указанием на некоторую массу чего-либо): *амахара* «задержаться, задерживаться»: *дамахеит* «он где-то задержался (завяз)», *хь // хьа* – образует основы со значением действия, направленного позади, сверху вниз, в сторону: *ахьавшра* «оглянуться, оглядываться назад или по сторонам», *ахьащра* «обернуться, оборачиваться в сторону говорящего» [8, с. 44–45]; абаз.: *кьа* «место»: *кьач/вахра* «спрятать, прятать кого-л., что-л.»; абх.-абаз.: *у(ы)* «от одного места (отпустить)»; абх.: *аужьра* 1) «отпустить, отпускать», 2) «ослабить, ослаблять, сделать менее стянутым, менее натянутым», 3) «освободить, освободить» и др.; абаз.: *ауцтра* 1) «отпустить кого-л., что-л.»; 2) «бросать, кидать кого-л., что-л.»; 3) «выпустить кого-л., что-л.»; абх.-абаз.: *н(ы)* «ограниченная поверхность чего-л.»: абх.: *ан7ара* «положить, класть что-л. на что-л. плоское», абаз.: *анпллара* «сыпаться на ограниченную поверхность чего-л. (о сыпучих и легких предметах)» и др.; общеадыг.: *дэ-, йы-, хэ-*, которые образуют основы со значением действия, движения внутри или изнутри предмета. В то же время каждый из них употребляется с определенной группой имен существительных: адыг.: *шьагуым дэ-сын*, каб.: *плшлант/эм дэсын* – «сидеть во дворе», адыг., каб.: *матем йысын* «сидеть в корзине», псым хэсын «сидеть в воде».

Некоторые превербы, представленные во всех западнокавказских языках, характеризуются общей семантикой в адыгейском и убыхском языках, отличной от семантики в абхазском и абазинском языках: адыг. (шапс.) *гуэ-, убых. гьы-* в значении «на»: шапс. *сыгуэсы, убых. сыгьысы* «сиду на чем-то» (ср. шапс. *шьым сыгуэсы* «сиду на лошади») [6, с. 222].

Особенностью кабардино-черкесского языка является то, что выражение места максимально дифференцировано, например: *тепщэчым и-лъы-н* «лежать в тарелке»; *шкафым дэ-лъы-н* «лежать в шкафу»; *дагъэм хэ-лъы-н* «лежать в масле»; *унэм ц/э-лъы-н* «лежать в комнате»; *шхы/эным к/уэц/ы-лъы-н* «лежать в одеяле». Из при-

меров видно, что положение внутри разных предметов выражается различными предметами [1, с. 259].

Интересно, что в адыгских языках локальные превербы всегда увеличивают количество лиц в глаголе, в то время как в абхазском языке имеются как превербы, изменяющие количество лиц глагола, так и не увеличивающие и не влияющие на число личных показателей глагола [9, с. 89; 2, с. 29–37].

Превербы места, присоединяясь к глаголу, могут увеличить число его лиц; так однопредметный статический глагол может стать двухличным, абсолютная субъектная форма глагола – стать относительной, субъектно-объектной; *сэ-учу* «я становлюсь», но *сы-б-го-уцо* «я рядом с тобой становлюсь».

В переходных глаголах локальный преверб находится перед личным показателем субъекта, превербы направления *кэз-* и *нэ-* находятся впереди локальных превербов [10, с. 116]: *кыи-хэ-плъы-гъзх* «(они) выглянули сюда из».

Противопоставление иллативных (аддитивных) и элативных (абитивных) основ с помощью аблаутных чередований в локальных превербах с исходом на **а** широко используются в абхазском и абазинском языках. Выбор направления зависит от огласовки преверба. При сохранении исходной огласовки мы имеем глагол с аддитивным направлением, редукция исходного вокала преверба дает абитивное направление. При этом редукции подвержены как простые локальные превербы, так и сложные, редукция проявляется как в сочетании с корне-суффиксами (или с суффиксоидами), так и со связанными и свободно существующими корнями: абх.: *алажьра* 1) «(о большом предмете) бросить что-л. в какую-л. массу, скопление» – *алхра* «извлечь, извлекать, вытащить, вытаскивать что-л., кого-л. из чего-л.»; *ад7ара* 1) «приложить, прикладывать», 2) «обшить, обшивать, обить, обивать (досками, листами железа, фанерой и т. п.)» – *ад7ра* 1) «отойти, отходить от кого-л., чего-л.», 2) «отклеиться, отклеиваться, отвалиться, отпасть, отпадать, отделиться, отделяться»; абаз.: *кыи-лажь-ра* «пустить кого-л., что-л. в отверстие, в полое место» – *кыи-л-х-ра* «снять, убрать кого-л., что-л. из отверстия, из щели», *а-ла-гыл-ра* «встать, стать в однородную массу» – *а-л-га-ра* 1) «вынести, выносить кого,

что-л. из чего-н.», 2) «провести (линию, борозду)»; каб.-черк.: *те-луэнтлэ-н* «завернуть туда» – *те-луэнтлы-кыи-н* «повернуть оттуда», *дэ-луэнтлэ-н* «завернуть, свернуть куда-л.» – *дэ-луэнтлы-к* *лы-н* «выехать за», *хэ-шии-н* «протянуть кого-л., что-л. в какую-л. массу» – *хэ-шии-кыи-н* «вытянуть кого-л., что-л. из какой-л. массы».

Из примеров видно, что локальный преверб обозначает локализацию действия, а аблаут – направление действия. Таким образом, достигается строгая функциональная разграниченность локального преверба и аблаута.

Л. П. Чкадуа отмечает, что локальные превербы, представленные согласной фонемой или с согласным исходом, функционируют без вариантов, с грамматическим значением места действия и состояния, указание на направление действия отсутствует [13, с. 44].

В качестве специального выразителя направления действия по отношению к его локализации используются суффиксы **аа**, **ла** [8]. Они присоединяются к превербным основам глагола, при этом **ла** выражает иллативное направление: агъыдщъалара «подвесить, подвешивать руку на перевязь», а суффикс **аа** – элативное направление: *ахавраара* «летать, лететь над чем-л.», *ахыканёара* «(сверху) завянуть, вянуть, увядать».

Ученые полагают, что аблаутное чередование в локальных превербах абхазского и абазинского языков как средство выражения противоположных направлений возникло на почве абхазско-абазинского языкового единства, а аблаутное чередование корневой морфемы – в период адыгейской и кабардино-черкесской языковой общности [4, с. 20–28].

Основа, оформленная кратким гласным **ы** или нулевой огласовкой, характеризуется одинаковой функцией – указывает на центробежное (элативное) направление. Однако следует отметить, что в абхазо-абазинских языках направление действия выражается огласовкой превербов, а в адыгских языках – флексией основы [2, с. 31]. Как правило, чередование гласных используется в адыгских языках для выражения направления в основах типа локальный преверб + корневой морф.

При этом З. Ю. Кумахова и М. А. Кумахов подчеркивают, что в абхазском и абазинском

языках аблаутные чередования закреплены за локальным превербом и корневым морфом (корне-суффиксом), тогда как в адыгских и убыхском языках они характерны лишь для корневого морфа (основы) [4, с. 20–28].

Как отмечала К. В. Ломтатидзе, переход $a > ы > \text{нуль}$ отмечается не только в локальных превербах, но и в корневых морфах (корне-суффиксах). При этом в корне-суффиксах, как и в локальных превербах, огласовка **а** характерна для адитивных форм, а нулевая огласовка **ы** – для абитивных форм. В адыгских языках огласовка **а**, имеющая место в локальных превербах абхазского и абазинского языков и их диалектов, по своей функции соответствует огласовке **э** или **ы**. Формы на **э** указывают на движение внутрь, а на **ы** – движение наружу [15, с. 40]. Эти чередования гласных рассматриваются исследователями как архаическая черта абхазо-адыгских языков [17, с. 199].

В кабардино-черкесском языке выделяют два типа аблаута: **ы:э** – для превербных глаголов и **э:ы** – для суффиксальных образований. Огласовка **э** характеризует корневую морфему бессуффиксальных моделей, а огласовка **ы** связана с суффиксальной морфемой – *кI* [1, с. 273].

В превербных основах убыхского языка в целях противопоставления центробежных и центростремительных основ также отмечается механизм аблаутных чередований, хотя он менее выражен по сравнению с другими западнокавказскими языками. И здесь в превербных образованиях корень с огласовкой **ы** (или нулем) указывает на центробежное направление, как то свойственно другим западнокавказским языкам: *-mly(ы): -mlya* в *сы-гъы-mly(ы)-н* «я выхожу» (из огороженного места), *a-mlya-н* «то свертывается» (о молоке) [16, с. 32–33].

В целом же превербные основы глагола обнаруживают функциональную связь с аблаутными чередованиями гласных во всех западнокавказских языках. Хотя аблаут действует с разной степенью интенсивности и регулярности в разных западнокавказских

языках, последние объединяются тем, что чередования гласных используются для выражения направления в превербных основах.

Итак, распад общего западнокавказского языка ознаменовался отделением сначала абхазо-абазинской языковой общности. Адыгско-убыхская языковая общность определенное время представляла собой единую языковую общность. Отделение адыгско-убыхского языка (который соответствует периоду самостоятельного существования отдельных западнокавказских языковых единиц) от абхазского объясняется как сохранением ряда архаичных черт, характерных для единого западнокавказского языка, так и образованием новых явлений в области фонетики, грамматики и лексики [7, с. 253–254].

Категория превербов не подверглась значительным изменениям в структурном плане. М. А. Кумахов предполагает, что в этом отношении современные западнокавказские языки продолжают состояние языка-основы, сохраняя дистрибутивные признаки локальных и направительных превербов. В подтверждение вышесказанного ученый приводит тот факт, что во всей группе языков в синтагматике морфем направительный преверб предшествует локальному превербу, последний предшествует каузативному префиксу и следует префиксу союзности или взаимности. Такая строгая иерархичность, как подчеркивает исследователь, характерна для всех абхазо-адыгских языков [6, с. 229]. Можно также добавить, что все западнокавказские языки объединены тем, что глагольные образования с локальными превербами, помимо выражения локальности действия, выражают и направление действия.

В заключение подчеркнем: несмотря на то, что в нынешнем состоянии языков выявлены некоторые расхождения (отсутствие корне-суффиксов в адыгских языках, вторичность функции направления у локальных превербов в абхазо-абазинском языке и др.), налицо общая тенденция развития, основные структурные типы глагольной основы в абхазско-адыгских языках совпадают.

Литература

1. Кабардино-черкесский язык. Т. I. Создание письменности, фонетика и фонология, морфология, синтаксис / гл. ред. М. А. Кумахов. Нальчик: Эль-фа, 2006. 548 с.
2. Керашева З. И., Чкадуа Л. П. Направительные превербы и суффиксы в абхазо-адыгских языках // Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках / ред. Н. Т. Табулова, Р. Х. Темирова. Черкесск: Ставропольское книжное издательство, Черкесское отделение, 1983. С. 29–37.

3. Клычев Р. Н. Локально-превербное образование глаголов абазинского языка. Черкесск: Аджьпа, 1994. 160 с.
4. Кумахова З. Ю., Кумахов М. А. О превербах и превербных основах в абхазско-адыгских языках // Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках / ред. Н. Т. Табулова, Р. Х., Темирова. Черкесск: Ставропольское книжное издательство, Черкесское отделение, 1983. С. 20–29.
5. Кумахов М. А. Теория генеалогического древа и вопросы дифференциации западнокавказских языков // Вопросы языкознания. 1976. №3. С. 47–58.
6. Кумахов М. А. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1989. 384 с.
7. Кумахов М. А. Очерки общего и кавказского языкознания. Нальчик: Эльбрус, 1984. 326 с.
8. Ломтатидзе К. В. К структуре сложносоставных глагольных основ в абхазском языке // Иберийско-кавказского языкознания. 1953. Т. IV.
9. Ломтатидзе К. В. Основные виды локальных превербов в абхазском и абазинском языках. Резюме. Тбилиси: Мецниереба, 1982. 101 с.
10. Рогав Г. В., Керашева З. И. Грамматика адыгейского языка. Майкоп: Краснодарское книжное издательство, 1966. 463 с.
11. Темирова Р. Х. Об одном превербе места в кабардино-черкесском и абазинском языках // Вопросы лексики и грамматики языков народов Карачаево-Черкессии. Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1984. С. 62–68.
12. Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. Тифлис: Типография канцелярии Главногоначальствующего гражданского частью на Кавказе, 1887. 302 с.
13. Чакадуа Л. П. Глагольное словообразование в абхазском языке. Сухум: Академия наук Абхазии, АБИГИ им. Д. И. Гулиа, 2005. 303 с.
14. Чакадуа Л. П. Избранные труды. Т. II. Сухум: Дом Печати, 2012. 443 с.
15. Шакрыл К. С. Аффиксация в абхазском языке. Сухуми: Абгосиздат, 1961. 171 с.
16. Dumezil G. Le verbe Oubykhs. Etudes ed scriptives et comparatives. Paris: Imprimerie Nationale, 1975.
17. Kuipers A. H. The North-West Caucasian Languages // *Analecta slavica*. Amsterdam, 1955. P. 193–206.

References

1. Kabardino-cherkesskij jazyk. Vol. I. Sozdanie pis'mennosti, fonetika i fonologija, morfologija, sintaksis / gl. red. M. A. Kumahov (*Kabardian-Circassian language. V. I. Creation of writing, phonetics and phonology, morphology, syntax*). Nal'chik: Jel'-fa, 2006. 548 p. (In Russian).
2. Kerashева Z. I., Chkadua L. P. Napravitel'nye preverby i suffiksy v abhazo-adygskih jazykah (*Directional preverbs and suffixes in Abkhazian-Adyghe languages*) // Sistema preverbov i poslelogov v iberijsko-kavkazskih jazykah (*Preverbs and postpositions system in the Ibero-Caucasian languages*) / ed by N. T. Tabulov, R. H. Temirov. Cherkessk: Stavropol book publishing house, Circassian branch, 1983. P. 29–37. (In Russian).
3. Klychev R. N. Lokal'no-preverbnoe obrazovanie glagolov abazinskogo jazyka (*Local-preverb formation of verbs in Abaza language*). Cherkessk: Adzh'pa, 1994. 160 p. (In Russian).
4. Kumahova Z. Ju., Kumahov M. A. O preverbah i preverbnyh osnovah v abhazsko-adygskih jazykah (*On preverbs and preverb stems in Abkhazian-Adyghe languages*) // Sistema preverbov i poslelogov v iberijsko-kavkazskih jazykah (*Preverbs and postpositions system in the Ibero-Caucasian languages*) / ed by N. T. Tabulov, R. H. Temirov. Cherkessk: Stavropol book publishing house, Circassian branch, 1983. P. 20–29. (In Russian).
5. Kumahov M. A. Teorija genealogicheskogo dreva i voprosy differenciacii zapadnokavkazskih jazykov (*The theory of genealogical tree and issues of differentiating of West-Caucasian languages*) // Voprosy jazykoznanija. 1976. No. 3. P. 47–58. (In Russian).
6. Kumahov M. A. Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika adygskih (cherkesskih) jazykov (*Comparative-historical grammar of Adyghe (Circassian) languages*). Moscow: Nauka, 1989. 384 p. (In Russian).
7. Kumahov M. A. Ocherki obshhego i kavkazskogo jazykoznanija (*Studies of general and Caucasian linguistics*). Nal'chik: Jel'brus, 1984. 326 p. (In Russian).
8. Lomtadidze K. V. K strukture slozhnosostavnyh glagol'nyh osnov v abhazskom jazyke (*On the structure of compound verb stems in Abkhazian language*) // Ibero-Caucasian linguistics. 1953. T. IV. (In Russian).
9. Lomtadidze K. V. Osnovnye vidy lokal'nyh preverbov v abhazskom i abazinskom jazykah (*The main types of local preverbs in Abkhazian and Abaza languages*). Summary. Tbilisi: Metsniereba, 1982. 101 p. (In Russian).
10. Rogava G. V., Kerasheva Z. I. Grammatika adygejskogo jazyka (*Grammar of Adyghe language*). Majkop: Krasnodar Book Publishers, 1966. 463 p. (In Russian).
11. Temirova R. H. Ob odnom preverbe mesta v kabardino-cherkesskom i abazinskom jazykah (*On one preverb of place in Kabardian-Circassian and Abaza languages*) // Voprosy leksiki i grammatiki jazykov narodov Karachaevo-Cherkessii. Cherkessk: Karachay-Cherkessia book publisher, 1984. P. 62–68. (In Russian).
12. Uslar P. K. Jetnografija Kavkaza. Jazykoznanie. Abhazskij jazyk (*Ethnography of the Caucasus. Linguistics. The Abkhazian language*). Tiflis: Printing Office of the supreme commander of the civil part of the Caucasus, 1887. 302 p. (In Russian).

13. Chkadua L. P. Glagol'noe slovoobrazovanie v abhazskom jazyke (*Verb word-formation in Abkhazian language*). Suhum: The Academy of Sciences of Abkhazia, Abkhazian Institute of Humanitarian Studies named after D.I. Gulya, 2005. 303 p. (In Russian).
14. Chkadua L. P. Izbrannye trudy. (*Selected works*). Vol. II. Suhum: Dom Pechati, 2012. 443 p. (In Russian).
15. Shakryl K. S. Affiksacija v abhazskom jazyke (*Affixation in Abkhazian language*). Suhumi: Abgosizdat, 1961. 171 p. (In Russian).
16. Dumezil G. Le verbe Oubykhs. Etudes ed scriptives et comparatives (*The Ubykh verb. Descriptive-comparative studies*). Paris: Imprimerie Nationale, 1975. (In French).
17. Kuipers A. H. The North-West Caucasian Languages // *Analecta slavica*. Amsterdam, 1955. P. 193–206.

УДК 81.373

В. А. Атаян

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ НОСИТЕЛЯ ЭДИССИЙСКОГО ЭТНОРЕГИОЛЕКТА

В статье рассматриваются вопросы, связанные с определением региональной специфики языковой личности. Автор, опираясь на известные положения теории языковой личности и персонологии, формулирует ряд типологических признаков языковой личности жителя армянского села Эдиссия Ставропольского края, расположенного в русскоязычном территориальном контексте. Основные акценты делаются на этнической и региональной составляющих данного языкового феномена. В словаре эдиссийского этнорегиолекта представлено современное

речевое пространство, в котором при доминировании русской письменной традиции устная форма общения основана на динамическом равновесии русскоязычной и тюркоязычной составляющих, постепенно нарушающемся в пользу русского языка. Процессу стихийного «языкового обрусения» способствует отсутствие у эдиссийского этнорегиолекта письменной формы.

Ключевые слова: языковая картина мира, Эдиссия, этнорегиолект, языковая личность, билингвизм, фольклор.

V. A. Atayan

ON LINGUISTIC PERSONA OF EDISSIAN ETHNOREGION SPEAKER

The article defines the regional specificity of the language persona. With the reference to the theory of linguistic persona and personology the author specifies a number of typological features of the linguistic persona of a resident of an Armenian village Edissa Stavropol Territory, located in the Russian-speaking territorial context. Emphasis on ethnic and regional components of this linguistic phenomenon is made. The dictionary of edissian ethnoregion speech represents up-to-date space in which,

under the dominance of Russian literary tradition, an oral form of communication incorporating the dynamic equilibrium of the Russian and Turk components, which is gradually violated in favor of the Russian language. The process of natural «linguistic Russification» contributes to the lack of edissian ethnoregion written form.

Key words: linguistic picture of the world, Edissa, ethnoregion, linguistic identity, bilingualism, folklore.

Язык любого народа есть основа его национальной культуры; сохранение и развитие языка следует рассматривать как проблему общегуманитарную – культурную, нравственную, экономическую, юридическую и т. д.

В современном многополярном мире особенно важно учитывать, что культурная, духовная и языковая составляющие социума взаимодополняют друг друга в этнолингво-гуманитарном плане. Многонаци-

ональное государство, каковым является Россия, исторически унаследовало универсальное средство консолидации населяющих его этносов – русский язык. Его функционирование как государственного языка и как языка межнационального общения способствует в условиях интеграции продвижению национальных интересов России.

Языковая политика нашего государства направлена на сохранение исторической, культурной и духовной самобытности всех населяющих его народов – больших и малых – прежде всего за счет всемерного поддержания и всемерного развития их исторического и культурного наследия, в том числе и языкового. Вместе с тем наиболее оптимальным решением проблемы развития и совершенствования идентичности небольших этнических групп и образований в составе многонационального государства и обеспечения равноправного демократического общения в нем является именно освоение основного языка метрополии, языка мажоритарного как универсального средства коммуникации в дополнение к своему родному. Это связано с реализацией социально-экономических, культурных и духовных потребностей каждого конкретного человека, поскольку, овладевая вторым – базовым – языком-посредником, индивидум одновременно постигает и культуру народа-носителя, как правило, древнего и обладающего ценностью языка. Именно к таким языкам относится русский язык.

В Российской Федерации национально-русское двуязычие является исторически сложившимся условием совместного общественно-политического, социально-экономического и культурного развития проживающих на данной территории народов, для которых русский язык стал языком межнационального общения, государственным языком, языком русской культуры и литературы.

Национально-русское двуязычие особенно значимо для многоязыкового и полиэтнического Кавказа. Академик Г. Г. Гамзатов, размышляя о национально-русском билингвизме в условиях дагестанского многоязычия, утверждал, что потребность в языке-посреднике всегда оставалась для данного региона «насушной и необходимой. И история сама распорядилась таким образом, что именно русскому языку было суждено стать первым в истории Дагестана

всеобщим и общепризнанным языком межнационального общения. Жизнь современного Дагестана без русского языка просто немислима» [6, с. 293].

Кавказская история богата этноязыковыми явлениями, которые представляются сегодня уникальными, поскольку расширяют наше представление о национально-русском полилингвизме. Одним из них, без сомнения, можно по праву считать феномен армянского села Эдиссия, которое основано в 1798 г. Эдиссийцы – «осколок рассеянного армянства», потомки выходцев из киликийского города Урфа. Расположенное на территории Курского района Ставропольского края, село Эдиссия является уникальным во всех отношениях: в житейском укладе, в традициях и обычаях, в языковом общении. Несмотря на самобытность эдиссийцев, многие вопросы, связанные с их культурой и языком, до сих пор фактически не изучены. Быт, язык, фольклор жителей с. Эдиссия еще требуют дополнительного исследования. Единственным научно-популярным трудом в этой области является историко-этнографический очерк Р. Симоняна «Едесия – Эдиссия», опубликованный в 1998 г. к 200-летию основания села [13]. Поэтому обращение к истории и культуре, отразившимся в особенностях языка жителей Эдиссии, следует считать новым в исследовании данного участка языковой картины мира Ставрополья. Многие аспекты проблемы отразились в материалах, которые впервые обработаны и обобщены автором статьи [1].

Постановка вопроса о специфике языковой личности эдиссийца представляется актуальной и востребованной.

Человеческий фактор всегда был, является и будет определяющим вектором развития социума любого уровня и масштаба. Небольшой эдиссийский этнос своей непростой историей заслужил того, что языковая личность его представителя получила лингвокультурологическое осмысление.

Как показывает современная история Северного Кавказа, для установления прочного мира и согласия в этом неспокойном регионе необходимо всеми способами налаживать контакты между представителями проживающих здесь этносов. Решать эту непростую задачу можно, только опираясь на сознательную языковую личность, которая

владеет языком межнационального общения, а именно – русским.

Современное речевое общение жителей села Эдиссия является уникальным «локусом» взаимодействия армянской, тюркской, русской культур и их языков. Сам выбор термина для обозначения средства общения жителей этого небольшого региона Ставропольского края представляется весьма непростым. Все общепринятые термины, называющие подобные небольшие языковые образования, не соответствуют реальности эдиссийского «языка». Средство общения жителей маленького армянского села, расположенного в русскоязычном территориальном контексте, можно обозначить термином «этнорегиолект». Тем самым во внутренней форме данной номинации сделаны акценты на этнической и региональной составляющих данного языкового феномена. В современном речевом пространстве эдиссийского региолекта при доминировании русской письменной традиции устная форма общения основана на динамическом равновесии русскоязычной и тюркоязычной составляющих, и оно сегодня постепенно нарушается в пользу русского языка [2].

Национально-русский билингвизм характерен для эдиссийцев с самого момента основания села и играет ведущую роль в общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни. За относительно короткий период его русскоязычный компонент стал мощным рычагом общения, образования, делопроизводства, литературы и науки, претендуя в начале нового тысячелетия уже на основное средство коммуникации [4]. Вместе с тем очевидно, что этнокультурные ценности любого народа находят непреходящее отражение в языке. В языковой картине мира эдиссийца как личности в качестве важного источника влияния на формирование национального характера в современных условиях продолжает играть фольклор, тесно связанный с национальным (здесь – армянским, частично – азербайджанским) языком. На важность данного момента указывает, в частности, С. Г. Тер-Минасова [14].

Изучение эдиссийского этнорегиолекта сталкивается с некоторыми затруднениями, поскольку речевые формулы, скажем, в русском языке носят более определенный конкретно-этикетный характер и не обладают

широтой фактического употребления, которая наблюдается в случае с речевыми формулами языка эдиссийцев. При всех спорных моментах ясным остается одно: эдиссийский этнорегиолект представляет огромный интерес для исследователей; он практически не изучен и требует конкретного определения его статуса, функций, возможностей, изучения его жанров и их конструкций, случаев употребления и синтаксической роли, а может, и ролей. Его изучение необходимо и с позиции культурологической, поскольку результаты, полученные при детальном исследовании, помогут лучше понять свою культуру и найти точки соприкосновения с другими культурами, что поможет несомненно сближению народов и изучению культурного наследия других этносов.

Язык – необходимое условие существования и развития общества, ведущий элемент его духовной культуры. В Северо-Кавказском регионе, в силу особенностей исторического развития, сложилась богатая поликультурная среда. Поэтому необходимы инновационные подходы к организации учебного процесса, выбору конкретных форм и методов развития духовного потенциала учащихся, формирования толерантного отношения к представителям других национальностей. В данных условиях важная роль принадлежит русскому языку как государственному языку, являющемуся объединяющим фактором в поликультурной среде. Во взаимодействии с эдиссийским этнорегиолектom и эдиссийским этносом он становится моментом, который формирует новую языковую личность.

Языковая личность (ЯЛ) – это категория, формирующаяся на основе формирования общечеловеческой личности, имеющей типологические признаки: а) развитой личности, имеющей устойчивый интерес к знаниям и умеющей осуществлять самокоррекцию; б) свободной личности, обладающей высоким уровнем гражданского самосознания, чувством собственного достоинства; в) гуманной личности, понимающей особую ценность человеческой жизни, стремящейся к миру, добрососедству, взаимопониманию; г) духовной личности, имеющей развитые потребности в познании, самопознании, поиске идеала в общении с искусством; д) творческой личности, обладающей развитым интеллектом, творческими способностями;

е) культурной личности, знающей и выполняющей правила поведения в обществе, уважающей традиции и обычаи других наций и народностей; ж) практичной личности, владеющей умениями, необходимыми для жизни в новых социокультурных условиях.

Именно на этих основаниях и строится языковая личность. В понимании В. А. Масловой, это социальное явление, в котором есть и «индивидуальный аспект. Индивидуальное в языковой личности формируется через внутреннее отношение к языку, через становление личностных языковых смыслов» [9, с. 120].

Лингвистическая концепция языковой личности была впервые сформулирована Г. И. Богиным. Она основана на готовности индивида «производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» рассматривается в качестве производного при пересечении и взаимодействии сложившейся структуры языка, индивидуального владения языком и тех видов речевой деятельности, которые присущи индивиду [3, с. 3]. Создание же самой теории языковой личности в конце 80-х гг. прошлого века связано с именем Ю. Н. Караулова, который внёс наибольший вклад в разработку научной концепции структурирования такого сложного понятия, как типология речевых индивидуальностей [8]. Идеи этого учёного повлияли не только на лингвистическую трактовку языковой личности, но и на подходы к ней в литературоведении, текстологии и, конечно же, лингвокультурологии. Ю. Н. Караулов понимает языковую личность как проявление человеческой личности вообще, функционирующее в области взаимодействия этноментальных и субъективно-индивидуальных энергетических сил – ассоциативно-семантических и ассоциативно-коммуникативных «сетей». По мнению Ю. Н. Караулова, языковая личность структурирована в своем проявлении как многоуровневое образование. В структуре ЯЛ соотносятся три уровня: нулевой уровень – вербально-семантический, или структурно-системный; первый уровень – лингвокогнитивный, или тезаурусный; второй уровень – мотивационный, или функционально-прагматический [8]. Каждый из этих уровней характеризуется «дотраиванием» автора текста, или говорящего, до его «конкретно-индивидуальной реали-

зации», соответственно, за счет включения в структуру личности базовых вербальных элементов языка эпохи, в которую осуществляется речевая деятельность, далее – за счет приобретения социолингвистических характеристик той языковой общности, к которой относится личность, и, наконец, за счет ценностно-психологических критериев, определяющих эстетический «колорит» языковой личности [8, с. 42].

Многие идеи Ю. Н. Караулова нашли отражение в трудах по лингвистической персонологии [10] и личностному портретированию [7].

В аспекте нашего исследования представляют интерес взгляды В. И. Тхорика. Разрабатывая этнонациональные и социально-политические характеристики языковой личности в процессе её лингвокультурологического описания, он считает, что обусловленность речевого человеческого феномена национальной ментальности связана с прагматическим фактором – речевой деятельностью, где и реализуется то, что принято считать концептуальным образом мира. При этом важную роль играет фактор языковой идеологии, выражающийся в речевом поведении человека, отражающем его индивидуальную жизненную позицию [15].

Последнее утверждение представляется весьма важным в аспекте исследуемого нами вопроса. Мы считаем, что современная языковая личность эдиссийца формируется в контексте новых подходов к пониманию самоидентичности и национальной ментальности. «Внутренняя форма» (если развивать значение этого термина А. А. Потебни [12]) данной личности сохраняет и приумножает те историко-культурные ценности, которые закреплены в языковом сознании артефактами армянского генезиса и тюркоязычного прошлого на уровне ментальных констант. Последние же всегда имеют общечеловеческий, интернациональный характер, поэтому «внешняя форма» языковой личности жителя Эдиссии XXI в., ориентирующаяся на активную коммуникацию, прежде всего в ее прагматическом ракурсе, неизбежно должна быть русскоязычной.

Несмотря на то, что по сей день остается неизученной сама «модель коммуникативной селекции» (выделено нами. – *авт.*) речевого портретирования [11, с. 69], в аспекте возможного лингвистического портретиро-

вания рассматриваемой языковой личности представляет интерес методика, предлагаемая Т. В. Шмелевой [16]. Согласно мнению данного исследователя, для портретирования языковой личности важно учитывать 4 типа ситуаций.

1. Ситуация описания человека с целью его представления кому-либо. Назначение такого портрета – выделение человека говорящим из множества людей. Дифференциация человека происходит путем называния его отдельных черт, деталей. Это поверхностное портретирование в том смысле, что говорящий за короткое время, без длительных раздумий должен назвать те черты и качества, с которыми он ассоциирует человека и которые актуальны для него или слушающего в данной ситуации.

2. Ситуация описания человека с целью его идентификации. Акт идентификации «устанавливает тождество объекта самому себе путем сопоставления свойств, признаков, фактов и т. п., данных в непосредственном наблюдении или поступающих по каналам информации, со сведениями или впечатлениями, вытекающими из прошлого опыта. Идентификация есть итог сличения результатов разного знания, прямого или опосредованного. В зависимости от характера сопоставляемого опыта можно выделить ряд ситуаций идентификации. Для речевого жанра «портрет человека», по мнению Т. В. Шмелевой, актуальны две из них: ситуация перехода от знания к знакомству и ситуация узнавания.

3. Ситуация описания человека с целью подчеркивания его личностной (внешней и внутренней) индивидуализации. Такое описание обусловлено не утилитарно-практическим назначением, а намерением показать эстетическое, морально-этическое, духовное своеобразие и ценность человека, проявление его внешних и внутренних качеств в их соотношении и единстве. Личностная характеристика, передающая самобытность и самоценность человека в любом отношении, – это предел его описания, пожалуй, больше этого о человеке уже не скажешь.

4. Ситуация описания человека с целью его положительной или отрицательной оценки. Так или иначе оценить человека можно при представлении его другим людям, идентификации, подчеркивании личностной индивидуальности. При оценочной характе-

ристике человека или его сторон ведущую роль играют межличностные отношения участников коммуникации. Отметим, что фактор взаимоотношений между участниками коммуникации при портретной характеристике из плоскости субъект речи – адресат перемещается в плоскость субъект речи – субъект референтной ситуации.

В динамическом равновесии «старое VS. новое», определяющем формирование современной языковой личности эдиссийца, мы выделяем следующие составляющие, чье взаимодействие определит уровень ее жизнеспособности: этнорегиональная, территориальная, социальная, когнитивная, культурная, религиозная, психологическая, языковая.

Эдиссийская языковая картина мира – одна из молекул языка современной многонациональной России, сквозь призму которой можно научить воспринимать окружающий мир не враждующим, а сотрудничающим и созидая общие ценности. Эта мысль определяет наш проект как практико-ориентированный, рассчитанный на выход собираемых и обобщаемых нами материалов в широкую аудиторию, их обсуждение в общении как с эдиссийцами, так и с представителями других этносов региона.

На формирование эдиссийской языковой картины мира огромное влияние оказывает письменность, но эдиссийский этнорегиолект, как известно, письменности не имеет. Отсутствие письменности эдиссийского этнорегиолекта приводит к тому, что он не используется ни на государственном, ни на научном уровнях. Это приводит к отмиранию языка. Как следствие происходит процесс отчуждения от родного языка, процесс стихийного «языкового обрусения».

Адекватному формированию эдиссийской языковой картины мира должны помочь качества, присущие русскому языку, осваиваемому жителями села. Это синергетичность как признание саморазвития и отрицание абсолютного порядка, и абсолютного хаоса (Б. Мандельброт); пассионарность как способность к самоконцентрации ради достижения высокой духовной цели (Л. Н. Гумилев); креативность как созидание и творчество в противовес деконструкции; это, конечно же, и толерантность как терпимость и умение прощать слабость ближнего своего [4].

Кирилло-мефодиевская традиция, на наш взгляд, завещала нам именно эти ценностные начала языковой личности, формирование которых заставляет нас вслушиваться, всматриваться и вникать в дискурс, сотворенный Господом и требующий от нас одного: ненасилия, неразрушения, неприсоединения к злу, уродующему духовную суть нашего общения. Этот дискурс воплощен в русском языке, культурную роль которого на Северном Кавказе трудно переоценить.

Исследование региональной языковой картины мира, относящееся к производным поликультурного семиозиса, связано с решением весьма важной задачи – преодоления региональной «инерции» мышления, и, следовательно, речевого поведения в целом. В языковом сознании языковой личности жителя поликультурного региона стихийно сте-

реотипизируется наивно-бытовая картина мира, совмещающая как демократические и интернациональные проявления языкового сознания, так и (к сожалению, весьма часто) этноментальные признаки иного свойства. Управление подобного рода сложным и неоднозначным текстом должно осуществляться централизованно, как результат языковой политики, имеющей государственную концепцию. Культурная ситуация на Северном Кавказе сегодня определяется взаимодействием целого ряда объективных и субъективных обстоятельств, среди которых фактор языковой личности, ее состояние и динамика, выступает показателем способности граждан великой России как носителей великого русского языка сохранить приумножить интеллектуальные и нравственные ценности.

Литература

1. Авакова В. А., Буров А. А. Фольклор Эдиссии: черты наивно-бытовой языковой картины мира. Хрестоматия по регинимике. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ. 2010. 70 с.
2. Атаян В. А. Эдиссийский этнорегиолект: к постановке проблемы дефинирования средства общения жителей с. Эдиссия Ставропольского края // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2015. № 2. С. 263–267.
3. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. Л.: Высшая школа, 1984. 268 с.
4. Буров А. А. Когнио-лингвистические вариации на тему русской языковой картины мира 2003. Пятигорск: ПГЛУ, 2010. 361 с.
5. Буров А. А. Формирование современной русской языковой картины мира (способы речевой номинации): Филологические этюды. Пятигорск: ПГЛУ. 2010. 319 с.
6. Гамзатов Г. Г. Дагестан: историколитературный процесс (Вопросы истории, теории и методологии). Махачкала: [б.и.], 1990. 309 с.
7. Земская Е. А. Речевой портрет ребенка (К вопросу о системности некодифицированных сфер устной речи) // Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь. М.: [б.и.], 2004. С. 386–407.
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: УРСС, 2002. 564 с.
9. Маслова В. А. Лингвокультурология. Учебное пособие. М.: Academia, 2001. 205 с.
10. Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: Сборник научных трудов. М.: МГЛУ, 1996. С. 112–116.
11. Николаева Т. М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики: Доклады Всесоюзной научной конференции. Ч. 2. М.: [б.и.], 1991. С. 73–75.
12. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике: в 2 т. М.: Учпедгиз, 1958. 536 с.
13. Симонян Р. А. «Едесия – Эдиссия». Историко-этнографический очерк. Эдиссия: [б.и.], 1998. 380 с.
14. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. Учебное пособие. М.: Слово, 2000. 284 с.
15. Тхорик В. И. Языковая личность (Лингвокультурологический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2000. 43 с.
16. Шмелева Т. В. Авторское начало медийного текста: удельный вес // Язык. Дискурс. Текст: V Международная научная конференция, посвященная юбилею проф. Г. Ф. Гавриловой: труды и материалы. Ч. I. Ростов-на-Дону: [б.и.], 2010. С. 325–327.

References

1. Avakova V. A., Burov A. A. Fol'klor Edissii: cherty naivno-bytovoivo yazykovoi kartiny mira. Khrestomatiya po regionimike (*Folklore Edissa: features of naive everyday language picture of the world. Readings on region studies*). Pyatigorsk: PSLU. 2010. 70 p. (In Russian).

2. Atayan V. A. Edissiiskii etnoregiolekt: k postanovke problemy definirovaniya sredstva obshcheniya zhitelei s. Edissiya Stavropol'skogo kraia (*Ediss etnoregiolect: On defining means of communication with citizens. Edissa of Stavropol Territory*) // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2015. No. 2. P. 263–267. (In Russian).
3. Bogin G. I. Model' yazykovoi lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostyam tekstov (*Model of linguistic persona in its relation to varieties of texts*). Leningrad: Vysshaya shkola, 1984. 268 p. (In Russian).
4. Burov A. A. Kogniolingvisticheskie variatsii na temu russkoi yazykovoi kartiny mira 2003 (*Cognitive and linguistic variation on the topic of the Russian language picture of the world*). Pyatigorsk: PSLU, 2010. 361 p. (In Russian).
5. Burov A. A. Formirovanie sovremennoi russkoi yazykovoi kartiny mira (sposoby rechevoi nominatsii): Filologicheskie etyudy (*The formation of the modern Russian language picture of the world (ways of speech nomination): Philological studies*). Pyatigorsk: PSLU. 2010. 319 p. (In Russian).
6. Gamzatov G. G. Dagestan: istorikoliteraturnyi protsess (Voprosy istorii, teorii i metodologii) (Dagestan: istorikoliteraturny process (*Questions of history, theory and methodology*)). Makhachkala: [b.i.], 1990. 309 p. (In Russian).
7. Zemskaya E. A. Rechevoi portret rebenka (K voprosu o sistemnosti nekodifitsirovannykh sfer ustnoi rechi) (*Speech portrait of a child (the question of systematic non-codified spheres of speech)*) // Yazyk kak deyatel'nost'. Morfema. Slovo. Rech' (*Language as an activity. Morpheme. Word. Speech*). Moscow: [b.i.], 2004. P. 386–407. (In Russian).
8. Karaulov Yu. N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost' (*Russian language and linguistic persona*). Moscow: URSS, 2002. 564 p. (In Russian).
9. Maslova V. A. Lingvokul'turologiya. (*Cultural linguistics*). Moscow: Academia, 2001. 205 p. (In Russian).
10. Neroznak V. P. Lingvisticheskaya personologiya: k opredeleniyu statusa distsipliny (*Linguistic personology: to the definition of the status of the discipline*) // Yazyk. Poetika. Perevod: Sbornik nauchnykh trudov (*Language. Poetics. Translation: Proceedings*). Moscow: MSLU, 1996. P. 112–116. (In Russian).
11. Nikolaeva T. M. «Sotsiolingvisticheskii portret» i metody ego opisaniya («Sociolinguistic portrait» and methods of its description) // Russkii yazyk i sovremennost': Problemy i perspektivy razvitiya rusistiki (*Russian language and Present: Problems and prospects of development of Russian Studies*): Scientific reports. Part 2. Moscow: [b.i.], 1991. P. 73–75. (In Russian).
12. Potebnya A. A. Iz zapisok po russkoi grammatike (*From the notes on Russian grammar*). In 2 Vols. Moscow: Uchpedgiz, 1958. 536 p. (In Russian).
13. Simonyan R. A. «Edesiya – Edissiya». Istoriko-etnograficheskii ocherk (*Historical and Ethnographic Essay*). Edissiya: [b.i.], 1998. 380 p. (In Russian).
14. Ter-Minasova S. G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (*Language and Intercultural Communication*). Moscow: Slovo, 2000. 284 p.
15. Tkhorik V. I. Yazykovaya lichnost' (Lingvokul'turologicheskii aspekt) (*Linguistic persona (linguistic and cultural aspects)*): abstract of thesis. Krasnodar, 2000. 43 p. (In Russian).
16. Shmeleva T. V. Avtorskoe nachalo mediinogo teksta: udel'nyi ves (*Copyright media beginning of the text: the proportion*) // Yazyk. Diskurs. Tekst: V Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya yubileyu prof. G. F. Gavrillovoi (*Language. Discourse. Text: The International scientific conference dedicated to the anniversary of prof. G. F. Gavrillova*). Part. I. – Rostov-on-Don: [b.i.], 2010. P. 325–327. (In Russian).

УДК 811.134.2'36

С. Н. Безус

МЕСТО ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА В ТИПОЛОГИИ ЯЗЫКОВ OV/VO

Существуют различные классификации языков. Структурно-типологический подход к классификации языков основан на сопоставлении словопорядка, т. е. расположении компонентов предложения как главных, так и второстепенных. В статье даётся обзор основных теорий типологии языков, в основу которых положен порядок следования базовых компонентов высказывания: субъекта (S), глагола-предиката (V) и объекта (O).

В частности, анализируется место испанского языка в классификации языков с базовым порядком OV или VO. Автор приводят обзор как классических концепций (согласно которым испанский язык традиционно считается языком SVO), так и новых исследований в этой области, в которых испанскому языку приписывается порядок VSO.

Ключевые слова: испанский язык, порядок слов, субъект, предикат, объект.

S. N. Bezus

PLACE OF THE SPANISH LANGUAGE IN THE OV / VO TYPOLOGY

There are different classifications of languages. Structural-typological approach to the classification of languages is based on a comparison of the word order, i.e. the position of main and secondary components in the sentences. The paper provides an overview of the main theories of language typology, which are based on the order of the basic components of the sentences: subject (S), verb (V) and object (O). In particular, it

examines the place of the Spanish language in the classification of languages with the basic order OV or VO. The author gives the review of classical theories (according to which Spanish is traditionally considered SVO-language), and new investigations in this area, in which the Spanish language is considered VSO-language.

Key words: Spanish, word order, subject, predicate, object.

Интерес к типологическому изучению синтаксического строя языков, прежде всего способов выражения субъектно-предикатно-объектных отношений, проявился только в XX в. Структурно-типологический подход к классификации языков основан на сопоставлении словопорядка, т. е. расположения компонентов предложения – как главных, так и второстепенных. В отличие от морфологической синтаксическая типология позволяет классифицировать даже абсолютно неродственные языки, поскольку выявляет так называемые языковые универсалии, т. е. структурные черты, общие всем языкам.

Несмотря на десятки работ по языковым универсалиям, по словам М. М. Гухмана, практически невозможно построить последовательную и единую классификацию даже так называемых **полных универсалий** (выделено нами. – *авт.*). В разное время к пол-

ным универсалиям относили признаки языка разной степени обобщённости, а именно: «1) номенклатуру основных единиц; 2) некоторые [языковые] процессы ... (метатезу, ассимиляцию, смысловое «выветривание»); 3) разные типы отношений ... (противопоставление нового и данного на уровне актуального членения предложения, маркирование говорящего и адресата высказывания ...); 4) определённые типы значений (атрибутивность, указание на место действия ...); 5) онтологические признаковые характеристики языка» [2, с. 4]. Ещё более неоднородны **неполные универсалии** (выделено нами. – *авт.*).

Б. Комри, с одной стороны, различает **абсолютные универсалии** и **тенденции** (выделено нами. – *авт.*). Абсолютные универсалии не допускают исключений, тенденции – напротив, имеют исключения.

С другой стороны, выделяет **имплекативные** (сложные) и **неимплекативные** (выделено нами. – авт.) универсалии. Имплекативные устанавливают связь между двумя явлениями, неимплекативные никак не соотносятся с другими явлениями языка [8, р. 17–19].

Таким образом, образуется следующая квадратичная классификация языковых универсалий:

1) абсолютные неимплекативные универсалии (например, все языки имеют глаголы);

2) абсолютные имплекативные универсалии (например, если в языке есть возвратные частицы 1/2 лица, тогда в нём есть возвратные частицы 3-го лица);

3) неимплекативные тенденции (например, почти все языки имеют косвенное дополнение);

4) имплекативные тенденции (пример Б. Комри: *if a language has SOV basic word order, it will probably have postpositions (but Persian, for instance, is SOV with prepositions)* (выделено нами. – авт.) [8, с. 19]) – если язык имеет базовый порядок слов SOV, вероятнее всего в нём будут послелоги (однако персидский, например, представляет собой язык типа SOV с предлогами).

Термин **базовый порядок** (выделено нами. – авт.) используется лингвистами в различных значениях. Так, М. Драйер настаивает на том, что «термин базовый порядок слов может быть применён к порядку любой пары элементов, например, прилагательному и существительному или отрицанию и глаголу [9, р. 95]. Однако чаще всего данный термин относят исключительно к преобладающему расположению (конфигурации)/ порядку следования основных элементов предложения: субъекта (**S**), объекта (**O**) и глагола-предиката (**V**) [см. 12; 19; 3]. Сочетание подлежащего и сказуемого является уже предложением, представляющим базовый, минимальный субъектно-предикативный центр. Важным при выражении динамики субъектно-объектных отношений в структуре простого предложения является также второй акт предиката – объект, поскольку во многих случаях одного субъектно-предикативного сочетания оказывается недостаточно. О важности рассмотрения именно предикатно-аргументной структуры при анализе индоевропейских языков, особенно иберо-романских (поскольку в них нет необходимости

в выражении субъекта отдельной словоформой), говорит М. В. Зеликов [3].

Л. Уэйли ассоциирует базовый порядок с частотностью, маркированностью и нейтральностью [21, р. 100–104]. М. Драйер, считая самым надёжным только критерий частотности, утверждает, что порядок может считаться базовым, в том случае, если он превышает все остальные возможные порядки, по крайней мере, в пропорции 2:1 [9, р. 71, 74].

Серьёзные попытки изучать порядок слов как элемент поверхностной синтаксической структуры были предприняты в 60-е гг. XX в., и пионером в этой области стал американский лингвист Дж. Гринберг. В своём первом систематическом изучении порядка слов, проведённом в 1963 г., он предложил 45 языковых универсалий, около половины из которых относятся к синтаксису. Обследовав 30 языков из различных мест земного шара, Гринберг выработал классификацию, учитывающую соотношение порядка следования базовых элементов в повествовательном предложении, при условии, что субъект и объект в нём выражены номинативно. Логически выявляются шесть возможных конфигураций или порядков: SVO, SOV, VSO, VOS, OSV и OVS. Большинство языков допускают различные порядки элементов, однако доминантным (базовым) может быть только один¹. Базовый порядок является наиболее нейтральным с прагматической точки зрения.

По словам Гринберга, доминантными (определяющими) выступают следующие три из указанных выше вариантов: SVO, SOV, VSO. Оставшиеся три (VOS, OSV, OVS²) либо вовсе не достигают статуса доминантных, либо являются очень редкими. Объединяющим признаком последних конфигураций является препозиция объекта субъекту [12, р. 4]. При этом порядок, в котором располагаются субъект, объект и глагол, определяет порядок расположения элементов в других структурах предложения,

¹ А. Пальмеджани различает *абсолютные порядки* (*los órdenes absolutos*) и *гибкие порядки* (*los órdenes flexibles*). См.: [18, р. 75].

² Согласно исследованию А. Пальмеджани, определяющим порядком панаре, языка этнического меньшинства Карибского бассейна (3 134 человек, по данным венесуэльской переписи населения 1992 г.), является именно конфигурация OVS. См.: [18, р. 69–83].

а именно позицию служебных слов (предлогов – *Prep* или послелогов – *Post*), позицию зависимого родительного падежа (G) относительно имени (N) и позицию прилагательного (A) относительно имени существительного. Таким образом, согласно исследованию Гринберга, существует 4 основных типа языков:

1. **VSO** Prep – SN N – G N – A
2. **SVO** Prep – SN N – G N – A
3. **SOV** SN – Post G – N A – N
4. **SOV** SN – Post G – N N – A

Несмотря на то, что некоторые положения Гринберга¹ подвергались критике, многие последующие работы были написаны в свете этой теории и под её сильным влиянием.

Как нетрудно заметить, под типологию Гринберга попадают только предложения с переходным (объектным) глаголом. М. Драйер, в свою очередь, при классификации языков предлагает учитывать не три параметра одновременно (т. е. порядок субъекта, объекта и глагола), а по два бинарных параметра: положение объекта по отношению к глаголу (OV и VO) и положение субъекта по отношению к глаголу (SV и VS):

- 1) VS & VO;
- 2) SV & VO;
- 3) SV & OV;
- 4) VS & OV [Dryer, 1997: 69].

Такой подход позволяет классифицировать языки с точки зрения *verb-initial* (начальная позиция глагола у конфигураций VSO и VOS²), *verb-medial* (срединная позиция глагола у порядка SVO и очень редкой комбинации OVS) и *verb-final* (конечная позиция глагола у конфигураций SOV и OSV).

Кроме того, два бинарных параметра снимают спорные моменты, когда невозможно классифицировать язык по шести гринберговским типам. М. Драйер приводит пример с языками *tangarayi* и *päri* (выделено нами. – *авт.*), которые в переходных конструкциях

¹ Так, И. Ш. Козинский говорит о том, что «универсалии» Гринберга носят статистический характер, вследствие чего их окончательная формулировка зависит от полноты перебора материала, а также от возмущающих факторов, порождающих исключения» [4, с. 139].

² Дж. Хокинс [14] также рассматривает комбинации VSO и VOS как подтипы единого типа с инициальным глаголом.

обнаруживают базовый порядок OVS, однако в непереходных конструкциях представляют порядок SV [9, p. 92]. Таким образом, данные языки, по типологии Драйера, классифицируются как SV & OV.

Классификация М. Драйера позволяет учитывать не только предложения с переходными глаголами, но и с непереходными (субъектными), а также включать в расчёты примеры с опущенными субъектом и объектом.

Типологию языков М. Драйера схематично можно представить следующим образом (табл. 1):

Таблица 1

Типы языков по М. Драйеру

		Позиция объекта	
		VO	OV
Позиция субъекта	SV	SVO	SOV OSV
	VS	VSO VOS	OVS

В 70-е гг. XX в. В. Леманн и Т. Веннеманн предположили, что позиция субъекта, в выработанных Дж. Гринбергом параметрах, является несущественной. В данных соотношениях важна лишь позиция объекта и глагола. Основываясь на этом тезисе, исследователи объединили шесть возможных типов языков в две большие группы:

Данную классификацию критиковал Б. Комри, но поддержал М. Драйер, который также доказывает, что порядок, в котором располагаются объект и глагол, определяет порядок расположения других элементов в структуре.

В свою очередь М. Жульен подчёркивает, что в типологии языков важен не просто порядок OV или VO, а финальная / нефинальная позиция ключевых компонентов. Для М. Жульена **head-final languages** (выделено нами. – *авт.*) – это языки, в которых не только глагол, но и другие ключевые компоненты предложения имеют зависимые слова с левой стороны: *“the languages where not only the verb, but all heads of IP have their complement to the left in the surface order”*

(выделено нами. – авт.) [15, p.19]. Жульен при этом основывается на статистических данных Драйера, согласно которым в 92 % случаев финитный глагол в языке OV скорее всего будет следовать за инфинитивом, чем предшествовать ему [15, p.18]¹.

Мнение о том, что типологическое различие между языками OV и VO относится не только к позиции номинативного объекта по отношению к финитному глаголу, но также и к позиции инфинитива и герундия, поддерживает и Р. Мейер-Герман. Так, автор отмечает, что инфинитив, предшествующий финитному глаголу (*disrumpere voluerit* = AUX2), является характерной чертой языков OV, в то время как постпозиция инфинитива (*voluerit disrumpere* = AUX1) – порядок, предпочтительный в языках VO [17, p. 247].

Будучи традиционным, термин «словопорядок», или «порядок слов», тем не менее может отражать совершенно различное содержание. В известных работах В. Матезиуса порядок слов возведён в ранг системы. Определяющими факторами здесь Матезиус считал прежде всего функциональную перспективу предложения (актуальное членение), а также грамматическую функцию (формально-грамматическое членение), степень связности членов предложения друг с другом и ритмическое оформление предложения [5].

Если говорить о месте современного испанского языка в типологии языков OV/VO, то надо отметить, что многие его характеристики типичны для языков индо-европейской семьи в целом. К ним относят, например, разнообразие глагольных форм, по сравнению с номинативными, обратный порядок слов в вопросительных предложениях и т. д.

Другие черты испанского языка характерны для всех языков романской группы: речь, как правило, идёт о так называемом *head-initial* (выделено нами. – авт.) порядке слов (т. е. когда глагол и другие ключевые компоненты предложения имеют зависимые слова с правой стороны), местоимённых клитиках, нулевым подлежащем и др.

Внутри романской группы испанский язык имеет две отличительные особенности: это употребление предлога *a* перед одушевлённым прямым дополнением и дублирование

местоимённым клитиком косвенного (а в случаях препозиции объекта глаголу – прямого) дополнения.

Местоименные клитики в современном испанском языке в обязательном порядке занимают контактное положение с глаголом [см., например, 22, p. 15–19], чего нельзя сказать о староиспанском языке. Так, исследование, проводимое на материале деловых писем раннего Средневековья [1], позволило выявить немногочисленные примеры выражения субъектно-предикатно-объектных отношений конфигурацией типа OSV, где объект – O, представленный местоимением-клитиком, находится в дистатном положении относительно финитного глагола – V (субъект – S – выражен личным местоимением). Ср.:

- *é mando e defiendo firmemiente que ninguno no sea osado de mudar nin de camiar ninguno destes sobredichos mojonos de || como los yo pus* [7, p. 58]. – Привилегия короля Кастилии Фернандо III 1239 г. – «...и я приказываю и строго настаиваю, чтобы никто не осмелился передвинуть, ни поменять ни один из вышеказанных столбов [разграничивающий и закрепляющий границы между Мадридом и Сеговией] от того, как **их я поставил**» (выделено нами. – авт.).

В более поздних письмах подобная конфигурация отсутствует.

С одной стороны, испанский язык характеризуется относительной свободой, касающейся порядка слов. Она связана с существованием альтернативных средств, указывающих на синтаксические отношения между компонентами предложения. С другой стороны, испанский традиционно считается языком типа SVO (предложения с данным порядком являются немаркированными).

В исследованиях последнего времени предоставлены новые данные. Так, О. Фернандес Сорьяно порядкам VSO и VOS придаёт статус альтернативных. Предложения

а) *Juan ha comprado el periódico*. – «Хуан купил газету»;

б) *Ha comprado Juan el periódico*. – «Купил Хуан газету»;

в) *Ha comprado el periódico Juan*. – «Купил газету Хуан».

оцениваются как одинаково возможные, несмотря на их различную интерпретацию [10, p. 113–152].

М. Л. Субисаррета базовыми для испанского языка считает порядки SVO и VSO [23,

¹ "in 92 % of the relevant cases, an inflected auxiliary in an OV language will follow the verb rather than precede it".

р. 4217; цит. по: 6, р. 3]. А. Грус и Р. Бок-Бен-нема, наоборот, постулируют порядок VSO как базовый, а конфигурацию SVO как дериват порядка VSO [13, р. 67–80].

Ссылаясь на К. Лозано, М. Х. Берналь напоминает, что при предъявлении абсолютно новой информации (например, при ответе на вопрос *¿Qué pasó?* «Что случилось?») в конструкциях с инакузативным глаголом (обозначающим появление, приближение, вход и т. п.) испанский язык предпочитает порядок VS: *Vino un niño* «Пришёл ребёнок». В конструкциях с инэргативным глаголом, наоборот, SV: *Un niño gritó* «Ребёнок закричал» [6, р. 4].

К постпозиции (VS) в испанском языке тяготеют и так называемые ***sujetos oracionales или сложные (тяжёлые) грамматические субъекты (подлежащие)*** (выделено нами. – авт.): *Importa que lo entendáis. Conviene que no te alejes demasiado.* Подобные высказывания с препозицией субъекта, по словам О. Фернандес Сорьяно, воспринимались бы противоестественно [10, р. 130].

Анализируя простые повествовательные предложения, образованные из трёх синтаксических элементов (субъекта, глагола и прямого дополнения), С. Хили и Гайя моделирует шесть возможных комбинаций [11, р. 83]:

- 1) *Mi padre compró una casa.* – «Мой отец купил дом»;
- 2) **Mi padre una casa compró.* – «Мой отец дом купил»;
- 3) *Compró mi padre una casa.* – «Купил мой отец дом»;
- 4) *Compró una casa mi padre.* – «Купил дом мой отец»;
- 5) *Una casa compró mi padre.* – «Дом купил мой отец»;
- 6) **Una casa mi padre compró.* – «Дом мой отец купил».

По словам автора, в современном испан-

ском языке примеры, отмеченные звёздочкой, полностью неупотребительны в разговорной речи и редки в литературной прозе. Их использование придаёт стилю маркированную напыщенность.

Исходя из типологии Дж. Гринберга, из предложений с. Хили и Гайя можно получить следующие структурные конфигурации (табл. 2):

Таблица 2

Допустимый порядок слов в современном испанском языке	Недопустимый порядок слов в современном испанском языке
SVO	
VSO	*SOV
VOS	*OSV
OVS	

Интересно, что для языка староиспанских деловых писем порядок VOS был не характерен [1, с. 47].

Х. Берналь, однако, отмечает, что порядок OSV может быть правильным в испанском языке при условии просодической границы между прямым дополнением и субъектом и добавлением клитика: *A Maria, Juan la besó* (выделено нами. – авт.) «Марию Хуан (её) поцеловал». Предложение типа SOV также может стать приемлемым, если обозначить просодическую границу между субъектом и прямым объектом: *Juan | a Maria besó* «Хуан Марию поцеловал» [6, р. 3].

Таким образом, как и большинство языков, испанский язык допускает различные порядки элементов предложения, однако доминантным (базовым) многие исследователи признают только один – SVO – как наиболее нейтральный с прагматической точки зрения.

Литература

1. Безус С. Н. Модели личных активных простых предложений в староиспанском деловом письме // Древняя и Новая Романия. 2015. № 2 (16). С. 33–53.
2. Гухман М. М. Лингвистические универсалии и типологические исследования // Вопросы языкознания. 1973. № 4. С. 3–15.
3. Зеликов М. В. Компрессия как фактор структуры и функционирования иберороманских языков. СПб.: СПбГУ, 2005. 448 с.
4. Козинский И. Ш. К вопросу об исключениях из лингвистических универсалий выражения субъектно-объектных отношений // Лингвистическая типология. М.: [б.и.], 1985. С. 133–143.
5. Матезиус В. Основная функция порядка слов в чешском языке // Пражский лингвистический кружок. Сборник статей. М.: Прогресс, 1967. С. 246–265.

6. Bernal M. J. El orden de palabras de la oración simple en español y en griego // Revista escriptive de didáctica / español lengua extranjera. 2007. № 9. P. 1–11.
7. Cavanilles A. Memoria sobre el Fuero de Madrid, del año de 1202 // Memorias de la Real Academia de Historia. Alicante: Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes, 1999. 73 p.
8. Comrie B. Language Universals and Linguistic Typology. Syntax and Morphology. Oxford, 1981. 264 p.
9. Dryer M. On the Six-Way Word Order Typology // Studies in language 1997. 21:1. P. 69–103.
10. Fernández Soriano O. Sobre el orden de palabras en español // Cuadernos de filología hispánica. 1993. №11. P. 113–152.
11. Gili y Gaya S. Curso Superior de Sintaxis Española. La Habana: Editorial Pueblo y Educación, 1975. 347 p.
12. Greenberg J. Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements // In: Joseph H. Greenberg (ed.). Universals of Language. London: MIT Press, 1963. P. 73–113.
13. Groos A., Bok-Bennema R. The structure of the sentence in Spanish // Generative Studies in Spanish Syntax. Dordrecht (Holanda) y Riverton (EE.UU.): Foris Publications, 1986. P. 67–80.
14. Hawkins J. A. Word order universals. New York: Academic Press, Inc. 342 p.
15. Julien M. Word order type and syntactic structure // Linguistic Variation Yearbook 1. Amsterdam, 2003. P. 17–59.
16. Lehmann W. P. A structural principle of language and its implications // Language. Vol. 49. 1973. P. 47–66.
17. Meyer-Hermann R. El cambio de OV a VO en latín medieval y romance dentro de las construcciones escriptive de la escript en documentos notariales del siglo VIII a 1250 // Aemilianense. 2010. II. P. 245–289
18. Palmegiani A. Las correlaciones de orden en panare, lengua OVS // Boletín de lingüística. 2012. Vol. 17. P. 69–83.
19. Tomlin R. S. Basic Word Order: Functional Principles. London: Croom Helm, 1986. 308 p.
20. Vennemann T. Topics, subjects, and word order: From SXV to SVX via TVX // John Anderson and Charles Jones, eds., Historical Linguistics. Vol. II. Amsterdam: North-Holland, 1974. P. 339–376.
21. Whaley L. Introduction to Typology. London: Sage Publications, 1997. 352 p.
22. Zagona K. The Syntax of Spanish. Cambridge, 2002. 20 p.
23. Zubizarreta M. L. Las funciones informativas: tema y foco // Gramática escriptive de la lengua Española. Vol. 3. Madrid: Real Academia Española y Espasa Calpe, 1999. P. 4217.

References

1. Bezus S. N. Modeli lichnykh aktivnykh prostykh predlozhenii v staroispanском delovom pis'me (*Models of active personal simple sentences in Old Spanish business written speech*) // Ancient and New Romagna. 2015. No. 2 (16). P. 33–53. (In Russian).
2. Gukhman M. M. Lingvisticheskie universalii i tipologicheskie issledovaniya (*The linguistic universals and typological studies*) // Voprosy yazykoznaniiya. 1973. No. 4. P. 3–15. (In Russian).
3. Zelikov M. V. Kompriessiya kak faktor struktury i funktsionirovaniya iberoromanskikh yazykov (*Compression as a factor in the structure and functioning of the Iberian Romance languages*). St. Petersburg: SPbSU, 2005. 448 p. (In Russian).
4. Kozinskii I. Sh. K voprosu ob isklyucheniakh iz lingvisticheskikh universalii vyrazheniya sub»ektno-ob»ektnykh otnoshenii (*On the question of exceptions to the linguistic universals of subject-object expression*) // Lingvisticheskaya tipologiya. Moscow: [b.i.], 1985. P. 133–143. (In Russian).
5. Matezius V. Osnovnaya funktsiya porjadka slov v cheshskom yazyke (*The main function of the word order in the Czech language*) // Prazhskii lingvisticheskii kruzhok. Sbornik statei (Prague School. Digest of articles). Moscow: Progress, 1967. P. 246–265.
6. Bernal M. J. El orden de palabras de la oración simple en español y en griego (*The word order of the simple sentence in Spanish and Greek*) // Revista escriptive de didáctica / español lengua extranjera. 2007. No. 9. P. 1–11. (In Spanish).
7. Cavanilles A. Memoria sobre el Fuero de Madrid, del año de 1202 (*Report on the Law of Madrid, in the year of 1202*) // Memorias de la Real Academia de Historia (*Memoirs of the Royal Academy of History*). Alicante: Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes, 1999. 73 p. (In Spanish).
8. Comrie B. Language Universals and Linguistic Typology. Syntax and Morphology. Oxford, 1981. 264 p.
9. Dryer M. On the Six-Way Word Order Typology // Studies in language 1997. 21:1. P. 69–103.
10. Fernández Soriano O. Sobre el orden de palabras en español (*On the order of words in Spanish*) // Cuadernos de filología hispánica. 1993. No. 11. P. 113–152. (In Spanish).
11. Gili y Gaya S. Curso Superior de Sintaxis Española (*Advanced Course in Spanish Syntax*). La Habana: Editorial Pueblo y Educación, 1975. 347 p. (In Spanish).
12. Greenberg J. Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements // In: Joseph H. Greenberg (ed.). Universals of Language. London: MIT Press, 1963. P. 73–113.
13. Groos A., Bok-Bennema R. The structure of the sentence in Spanish // Generative Studies in Spanish Syntax. Dordrecht (Holanda) y Riverton (EE.UU.): Foris Publications, 1986. P. 67–80.
14. Hawkins J. A. Word order universals. New York: Academic Press, Inc. 342 p.
15. Julien M. Word order type and syntactic structure // Linguistic Variation Yearbook 1. Amsterdam, 2003. P. 17–59.
16. Lehmann W. P. A structural principle of language and its implications // Language. Vol. 49. 1973. P. 47–66.

17. Meyer-Hermann R. El cambio de OV a VO en latín medieval y romance dentro de las construcciones escritive de la escript en documentos notariales del siglo VIII a 1250 (*The change in VO VO in medieval Latin and romance within escriptive constructions Escrip in notarial documents from the eighth century to 1250*) // Aemilianense. 2010. II. P. 245–289. (In Spanish).
18. Palmegiani A. Las correlaciones de orden en panare, lengua OVS (*Order correlations panare, language OVS*) // Boletín de lingüística. 2012. Vol. 17. P. 69–83. (In Spanish).
19. Tomlin R. S. Basic Word Order: Functional Principles. London: Croom Helm, 1986. 308 p.
20. Vennemann T. Topics, subjects, and word order: From SXV to SVX via TVX // John Anderson and Charles Jones, eds., Historical Linguistics. Vol. II. Amsterdam: North-Holland, 1974. P.339 – 376.
21. Whaley L. Introduction to Typology. London: Sage Publications, 1997. 352 p.
22. Zagona K. The Syntax of Spanish. Cambridge, 2002. 20 p.
23. Zubizarreta M. L. Las funciones informativas: tema y foco (*Informational functions: theme and focus*) // Gramática escriptive de la lengua Española. Vol. 3. Madrid: Real Academia Española y Espasa Calpe, 1999. P. 4217. (In Spanish).

УДК 81-11

Л. Р. Вартанова

ТРАНСЛЯЦИЯ ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА – РЕФЛЕКСИЯ И ИНТУИЦИЯ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА

В статье рассматривается феномен трансляции ментальных конструкций в философском дискурсе, основной проблемой в различении философской формы представления действительности предстает метаязык, сочетающий в себе черты научного стиля и трансценденции, что должно передаваться и в тексте перевода. Наиболее эффективным при трансляции философского

текста в другую лингвокультуру признается интерпретативный подход, однако только с применением феноменологической рефлексии, как над содержанием, так и над языком вербализации философской мысли.

Ключевые слова: философский текст, интерпретативный перевод, вербализация понятия, верификация, опредмечивание/распредмечивание смысла.

L.R.Vartanova

TRANSLATION OF PHILOSOPHIC TEXT – REFLEXION AND INTUITION IN TRANSLATION PROCESS

In the article the phenomenon of mental construction translation in a philosophical discourse is considered, as the main problem in distinction of a philosophical form of reality representation appears the meta-language combining lines of scientific style and a transcendention, that should find its representation in the translated text.

Interpretative approach is considered the most effective in philosophic text translation into another linguoculture, but only with phenomenological reflexion both on content and language of philosophic thinking verbalization.

Key words: philosophic text, interpretative translation, meaning verbalization, verification, meaning objectification/disobjectification.

Настоящая статья посвящена исследованию возможностей трансляции многомерного смысла философского текста в иную лингвокультуру и учитывает наиболее передовые, существующие на сегодняшний день в лингвистике текста и теории смысла тенденции, которые основываются на диф-

ференцированном подходе к текстовой реальности и повышенном внимании к характерологическим свойствам определенного типа текста.

Изначально, рассматривая возможности перевода философских текстов, необходимо уяснить нелегитимность стандартного

подхода к переводу, осознать, что любые предварительные посылки, прогнозирующие тот или иной смысл без предположения его динамики в философском дискурсе, оказываются неработающими. Тем более, когда эти прогностические ожидания не заложены в авторском оригинальном тексте, а значит со всей очевидностью не могут воплощаться переводчиком, эти иллюзорные ожидания чаще всего базируются не столько на самих принципах осуществления перевода, сколько на неких теоретических допущениях и конструкциях, бытующих в переводоведении. Главной задачей по передаче общего глобального смысла философских текстов является выявление структуры мысли, достижение «прозрачного» соотношения языка и реальности, четкое разграничение значимых и пустых выражений и фраз, достигаемое средствами принимающей лингвокультуры. Эта мысль нашла отражение в принципе верифицируемости и прагматической и когнитивной адекватности целевого текста; верификация заключается в получении конечного числа высказываний, в которых зафиксированы данные наблюдений индивидуального опыта (в данном случае опыта переводчика, априорно обладающего соответствующими фоновыми знаниями). Высказывания как оригинального исходного текста, так и вторичного переводного сравниваются с действительностью с указанием условий, при которых они истинны или ложны.

Процесс созидания, обоснования и, что для нас является первоочередным, трансляции философских идей предстает перед реципиентом в форме целевого философского текста. При этом трактовка анализа различна: Дж. Мур считает его комплексом дефинитивно-разъяснительных процедур по замещению менее ясных выражений более четкими и понятными; другие ученые, такие как Р. Карнап и Н. Гудмен, рассматривают анализ как «перевод» на искусственный язык выражений естественного языка с целью прояснения логической структуры последнего или лежащих в его основе онтологических допущений, а значит сам текст на целевом языке представляет собой двойной процесс интерпретации и перекодирования, при котором «немаловажную роль играет раскрытие глубинных структур моделирования и структуриации нозматического и фено-

менологического смыслопорождения в рамках иерархической структуры, базирующихся на объединении элементарных единиц в узловых точках как метаединицах концептуализации, наиважнейшим в этом процессе является осознание наличия разнообразных возможностей внутрисистемного перераспределения некоторого интенционально релевантного набора нозм по определенным линиям, намеченным алгоритмическими схематическими моделями, по которым многоуровневый смысл может быть построен» [4].

В широком смысле каждый конкретный дискурс есть комплексное коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим, в определенном временном, пространственном и прочем контексте, при этом дискурс принимающей лингвокультуры, выстроенный на основе оригинального первичного произведения, есть событие опосредованное когнитивными процессами интерпретатора-переводчика. Некоторые из исследователей соглашались с тем, что вторичный философский дискурс в рамках принимающей лингвокультуры – это совокупность философских высказываний переосмысленных средствами принимающего языка, однако категорически против введения данного понятия в инструментарий философии как науки. К. Т. Ясперс утверждал, что философия имеет дихотомическую природу: она научна по своей методологии, но научность эта совершенно другого порядка. Таким образом, можно заключить, что философский дискурс обладает той же двойственностью. Кант в своих трудах говорил об амфиболии понятий – смешении логического и метафизического употребления соотносительных понятий. Одна из смыслопорождающих трансформаций – амфиблия смысла – по сути, есть наложение, предполагающее неоднозначное, многомерное толкование [1, с. 120]. При двойственности смысла высказывания в оригинальном тексте не всегда бывает ясно, какое из значений является доминирующим, а какое из них подлежит первичной трансляции в рамках горизонтального контекста. Подобная двойственность является принципиальной чертой философии, так как единственное понимание, а значит и односторонняя передача средствами принимающего языка, того или иного феномена в философии не является возможным.

Философствование является трансцендирующим мышлением, следовательно, мы можем утверждать, что существует и трансцендирующее языковое выражение, трансцендирование должно осуществляться и в переводе. Философское объяснение в целевом тексте достигает своей цели, когда вещь становится беспредметной, так же как и в оригинальном тексте [8, с. 434]. Некоторые присущие каждому понятию характеристики осознаются и входят в рефлексивную реальность продуцента переводной текстовой реальности. Вербализация отдельных из этих характеристик в каждой конкретной ситуации семиозиса является обязательной для трансляции в иной лингвокультуре глубинного смысла текста. Распредмечивание и повторное опредмечивание средствами переводящего языка придает новые творимые грани тому или иному понятию и расширяет его границы, рождает новые реальности и новые смыслы. Пронизывая всю когнитивную сферу в форме воссоздания глубинного смысла, процесс распредмечивания и повторного опредмечивания являет собой некий тип вторичного трансцендирующего мышления «на грани и за границами языка». Это и есть воссозданный средствами другой лингвокультуры философский дискурс. Философский текст распредмечивает смыслы и освобождает бытие от «оков» текстовой реальности, тем самым деформируя дискурс, повторная конструкция и деструкция в тексте перевода является сходным процессом, где вместо константы фоновых знаний определяющим является первичный оригинальный текст.

По мнению некоторых исследователей проблемы трансляции трансцендентного, бытие и мысль не могут быть отображены в дискурсе, однако, как мы уже выяснили, само философствование как процесс и есть дискурс. Стандартный вербальный аспект принимающей лингвокультуры не может помочь разрешить это противоречие, благодаря чему рождается зачастую новый вторично построенный парадоксальный метаязык. Многообразие вторичных дискурсов и сам дискурс как таковой возможны лишь благодаря наличию некоего «первичного оригинального потока трансценденции, не являющегося дискурсом в привычном понимании и рождующего некий метадискурс, который

дает возможность фиксации и деструкции других типов дискурса» [2, с. 18]. Таким образом, построение вторичного философского текста представляет собой особый тип дискурса, который, по сути, есть поток игры дискурсов, постоянное перетекание и обогащение смыслами и компонентами значения в новой лингвокультуре. Он есть результат взаимодействия двух понятийных, или образных, систем (лингвокультуры оригинала и лингвокультуры принимающего сообщества), как предполагается именно проекция одной системы в зеркале другой представляет возможность по-новому рассмотреть объект описания в философском тексте и формирует новое «вербализованное понятие». Как указывает в своих работах С. Н. Бредихин, «внутреннее понятие ... относится к сфере рефлексивной реальности и представляет собой интуитивно осознаваемый в рамках определенной лингвокультуры наиболее общий метасмысл, дальнейшая реализация в структуре приводит нас к понятию невербализованному, ищущему свою репрезентацию в языковых структурах и формирующему рефлексивную составляющую вербализованного понятия, которое рассматривается в определенном ближайшем контексте, в результате чего происходит переосмысление понятия и введение в его смысловую структуру дополнительных коннотаций; вербализованное понятие при этом приобретает статусную характеристику в концептуально-валерной системе и далее может рассматриваться как концептуализированное» [3].

В переводческой науке выделяются следующие основные подходы к практике перевода:

1) трансформационный подход, который, по сути, предполагает последовательную трансформацию оригинального текста в текст на целевом языке, базой для данного вида перевода служат словарные эквиваленты и грамматические соответствия двух языковых систем с учетом эксплицитного содержания текста;

2) денотативный, или интерпретационный, подход, который сводится к прочтению текста на исходном языке, пониманию (подлинному герменевтическому) глубинного содержания и повторное его изложение (распредмечивание и вторичное опредмечивание смысла) средствами языка целевой

лингвокультуры. В процессе перевода философского текста наиболее эффективным способом, бесспорно, является интерпретационный подход, однако в зависимости от типа философского текста (онтологический или аналитический, эстетический или выразительный) переводчик-интерпретатор также обязан обладать определенными навыками по работе с формализованными текстами (например, текстами формальной логики), аналитико-специфическими или поэтическими текстами. В данном случае требуется предельная активизация коммуникативного сознания интерпретатора, ведь философский текст изобилует интертекстуальными реминисценциями, а значит сам текст как оригинальный, так и переводной вступает в процесс коммуникации с другими философскими текстами и другими типами текста.

В основе любого вторичного философского текста лежит интуитивное начало, которое свойственно интерпретатору как реципиенту-билингву, которое и является главным предметом работы философа-переводчика. Сущность транскодируемого объекта можно постигнуть только с помощью интуиции, которая проникает в предмет и сливается с его невыразимой природой. Зачастую интуитивное невозможно вербализовать, что делает попытку вербализации в принимающей лингвокультуре основной работой интерпретатора-переводчика. Приближение к «осознаваемому» – это процесс, порождающий понимание, т. е. прояснение существующего до языка, а иногда даже смысла. Вторичное философствование являет собой репрезентацию интуиции переводчика-интерпретатора относительно онтологического и трансцендентного. Декодируя и транскодируя его, переводчик приближается к центральному пункту оригинального философствования. Само учение ориентировано на коммуникацию, интуиция же не коммуникативна.

Объектом перевода в философском тексте чаще являются не только глубинные структуры вербализации мышления философа, но и сами транскодируемые языковые средства «пограничного состояния интуитивного

и формально-логического/интеллективного». Для трансляции в иную лингвокультуру любого философского текста, вне зависимости от направления, важна рефлексия не только над рассматриваемыми феноменами, но и над языком, который используется в оригинальном произведении. Таким образом, переводческая интерпретация и транскодирование философского текста, представляющая собой некий герменевтический круг возвратов и повторов, отсылок и реминисценций, аллюзий и привлечения собственного трансцендентного опыта, всегда является преодолением имманентного конфликта, возникающего на основе многомерности и амфиболичности философского смысла и идиоматичности, и нозматической вариативности философских концептуализируемых понятий.

При принципиальной переводимости философского текста некоторые многомерные понятия в их переводных соответствиях часто могут восприниматься представителями целевого сообщества как «чужеродные» в системе когнитивного пространства, да и в языковой системе принимающей лингвокультуры. Степень «чужеродности», по сути эквивалентного, но не воспринятого переводного соответствия зависит большей частью от уровня лингвокультурной или индивидуально-авторской маркированности исходного понятия. Перевод в случае философских текстов различного типа заключается в «интерпретации» текста оригинала с поиском прежде всего адекватных, а отнюдь не эквивалентных, способов трансляции средствами языка перевода, ведь в данном конкретном случае речь идет не только и не столько о эквивалентном вторичном текстопорождении, сколько о трансляции концептуальных глубинных смыслов, являющихся многомерными и многогранными, равно как и всей концептуально-валерной системы рефлексивной реальности конкретного автора, особых семантических и нозматических компонентных составляющих, реализующих конкретный перлокутивный эффект, который должен если и не быть полностью равным, то хотя бы приближаться к исходному.

Литература

1. Бредихин С. Н. Трансформации в речевом потоке: производство смыслов и управление деривационными моделями // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. №1 (038). С. 115–124.
2. Бредихин С. Н. Нозматическая структура смыслопорождения в философском дискурсе: автореф. дис. докт. филол. наук. Нальчик: КБГУ, 2014. 39 с.

3. Бредихин С. Н., Сидоренко С. Г. Ноэматическая и семантическая адаптация английских заимствований в современном русском языке // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=17525> (Дата обращения: 12.06.2016).
4. Бредихин С. Н. Схемопостроение в рамках метаединиц герменевтического процесса понимания и интерпретации // Современные проблемы науки и образования [Электронный ресурс]. 2014. № 4. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=13920> (Дата обращения: 12.06.2016).
5. Матвеева Г. Г. Актуализация прагматического аспекта научного текста. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского ун-та, 1984. 127 с.
6. Никоненко С. В. Проблема перевода англоязычных философских текстов // Альманах молодых философов [Электронный ресурс]. URL: http://www.anthropology.ru/ru/texts/nikonenkos/vita04_15.html (Дата обращения: 12.06.2016).
7. Сидорова Л. Н. Интерпретация как один из способов понимания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: ИЯ РАН, 1995. 22 с.
8. Ясперс К. Философская вера. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 460 с.
9. Catford J.A. Linguistic theory of translation. Oxford: Oxford University Press, 1965. 110 p.

References

1. Bredikhin S. N. Transformatsii v rechevom potoke: proizvodstvo smyslov i upravlenie derivatsionnymi modelyami (*Speechact transformations: sensederivation and derivationmodel control*) // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2014. No.1 (038). P. 115–124. (In Russian).
2. Bredikhin S. N. Noematischekaya struktura smyslopovorozhdeniya v filosofskom diskurse (*Sensederivation noematic structure in philosophic discourse*): abstract of thesis. Nal'chik: KBSU, 2014. 39 p. (In Russian).
3. Bredikhin S. N., Sidorenko S. G. Noematischekaya i semanticheskaya adaptatsiya angliyskikh zaимstvovaniy v sovremennom rusском yazyke (*Noematic and semantic adaptation of English borrowings in modern Russian*) // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2015. No.1-1; URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=17525> (Accessed: 12.06.2016). (In Russian).
4. Bredikhin S. N. Skhemopostroenie v ramkakh metaedinitz germenevticheskogo protsessа ponimaniya i interpretatsii (*Scheme derivation within metaunits of hermeneutic processes of understanding and interpretation*) // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2014. No. 4. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=13920> (Accessed: 12.06.2016). (In Russian).
5. Matveeva G. G. Aktualizatsiya pragmaticheskogo aspekta nauchnogo teksta (*Pragmatic aspect actualization of the scientific text*). Rostov-on-Don: Rostov Unoversity Publ., 1984. 127 p. (In Russian).
6. Nikonenko S. V. Problema perevoda angloyazychnykh filosofskikh tekstov (*The problem of English philosophic text translation*) // Al'manakh molodykh filosofov (Almanac of young philosophers). URL: http://www.anthropology.ru/ru/texts/nikonenkos/vita04_15.html (Accessed: 12.06.2016). (In Russian).
7. Sidorova L. N. Interpretatsiya kak odin iz sposobov ponimaniya (*Interpretation as one way of understanding*): abstract of thesis. Moscow: IL RAS, 1995. 22 p. (In Russian).
8. Yaspers K. Filosofskaya vera. Smysl i naznachenie istorii (*Philosophic belief. The Origin and Goal of History*). Moscow: Politizdat, 1991. 460 p. (In Russian).
9. Catford J. A. Linguistic theory of translation. Oxford: Oxford University Press, 1965. 110 p.

УДК 81. 373

В. М. Грязнова, А. Д. Мустапаева

СПЕЦИФИЧНЫЕ ЧЕРТЫ ЛЕКСИКИ РУССКОЙ РЕЧИ ЧЕЧЕНЦЕВ-БИЛИНГВОВ

В статье впервые выявляется и описывается специфика лексики русской речи чеченских билингвов на форумах интернет-сети: стилистическая разноуровневость интернет-сообщений, сленгированность, употребление разного рода неузальных и субстандартных лексических единиц, характер оценочности. Наблюдения показывают, что в русской речи чеченцев-билингвов «язык падонкаф», обсценная лексика отсутствуют, полное пренебрежение к правилам орфо-

графии и пунктуации нехарактерно, а также представлена языковая игра. В целом выявленные факты интерференции лексических навыков в русской речи чеченца-билингва демонстрируют актуальные тенденции общего характера, наблюдаемые как в ходе взаимодействия двух языков – чеченского и русского, так и в русской речи носителя русского языка как родного.

Ключевые слова: русская речь, лексика, чеченцы-билингвы, форумы, Интернет-сеть.

V. M. Gryaznova, A. D. Mustapaeva

SPECIFIC LEXICAL FEATURES OF RUSSIAN SPEECH OF BILINGUAL CHECHENS

The article reveals and describes for the first time the specific vocabulary of Russian speech of bilinguals at Chechen Internet forums: stylistically different Internet messages, slangisms, the use of different kinds of neutral and sub-standard lexical units, specific character of evaluation. Observations show that in the Russian language of Chechen bilingual there are no features of «the language of bastards» and obscene vocabulary, a complete

disregard of spelling rules and punctuation is unusual, there are features of play of words. As a whole the article reveals the facts of interference of lexical skills in the Russian language of Chechen bilingual. There are some common trends observed in the interaction of two languages: Chechen and Russian, as well as in native Russian speakers' speech.

Key words: Russian speech, vocabulary, bilingual Chechens, multilingual forums, Internet.

Интернет-общение является новым видом коммуникации, оказывающим значительное влияние на лингвокультуры, включенные в этот процесс. Интернет-коммуникация, как и любой процесс значимого человеческого взаимодействия, «состоит из трех компонентов: 1) личности как субъекта взаимодействия; 2) общества как совокупности взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами и 3) культуры как совокупности значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупности носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения» [4, р. 24].

Использование языка в интернет-коммуникации привлекает внимание лингвистов.

Для интернет-коммуникации характерно акцентирование личностного начала, стремление к креативности, определенная свобода в процессе вербализации коммуникативных намерений.

Регулярная аудитория российских пользователей Сети постоянно увеличивается, интерактивное общение через Интернет занимает все более заметную нишу в межличностном и межкультурном общении россиян.

Объектом нашего исследования являются тексты сообщений на русскоязычных интернет-форумах Чеченской Республики, а предметом – их специфика.

В соответствии с Основным Законом Российской Федерации и Конституцией Чеченской Республики языки народов, живущих

в республике, находятся под защитой государства. «Законом Чеченской Республики о языках регулируются отношения в области употребления русского языка, наряду с чеченским и другими языками. Русский язык как государственный используется населением республики в различных сферах: государственной, социально-экономической, культурной. Закон о языках гарантирует защиту конституционных прав граждан в этих сферах, создаёт высокорелексивную образовательную среду, нацеленную на формирование уважительного отношения к национальному достоинству человека, его культуре и языку» [2, р. 31]. Чеченцы-билингвы, как правило, используют в речи высшую форму существования общенационального русского языка – литературный русский язык: именно эту форму существования русского языка они изучают в школе (и в детском саду), кроме того, чувство чести и меры не позволяет чеченцу-билингву пользоваться обшечной лексикой.

В то же время общая тенденция к демократизации, характерная для современного состояния русского языка на всей территории его бытования, проявляется и в межличностных неофициальных взаимоотношениях чеченцев-билингвов в рамках интернет-общения.

Исследователи Интернет-коммуникации полагают, что в общем интернет-сообщение обладает следующими типичными лексическими характеристиками:

- 1) стилистической разноуровневостью (представлена вся сеть стилей от книжного возвышенного стиля до жаргона «падонкаф»);
- 2) высокой степенью сленгированности, что является результатом свободы самовыражения в сети и находит реализацию в употреблении разного рода неузуальных и субстандартных лексических единиц;
- 3) высокой степенью эмоциональности, которая обусловлена потребностью у коммуникантов в сети оценки действительности;
- 4) высокой степенью креативности [1, р. 33–37].

Как проявляются названные характеристики в русской речи чеченцев-билингвов на форумах интернет-сети?

Собранный нами материал интернет-общений на форумах чеченцев-билингвов подтверждает такую общую черту языка интернет-коммуникации, как ее сленгирован-

ности, что является результатом свободы самовыражения в сети и находит реализацию в употреблении субстандартных лексических единиц и форм. В то же время высокой степени сленгированности в русской речи чеченца-билингва не наблюдается. Т. В Жеребило в своей монографии выделяет зоны наибольшего взаимодействия русского и чеченского языков в условиях двуязычия, среди которых на первом месте «лексическая система, а также тесно взаимосвязанная с ней система словообразования» [2, р. 70]. Покажем данную характеристику подробнее.

В русской речи чеченцев-билингвов находим *просторечные и жаргонные лексемы*, частотные для современной русской бытовой речи, такие, как:

1) просторечный союз **чѐ**. Ваалейкумасса-лам) **че** хочешь рассказать? – **Чѐ** тут за тусовка? – **Че** как вы. – Всё время **чѐ** то думал¹.

В Национальном корпусе русского языка (далее НКРЯ) отмечено 692 документа, 2 500 вхождений с названным союзом, мы постоянно слышим это слово и в речах политиков, и журналистов, и студентов и т. п. Приведем некоторые примеры. «Ты слышишь, как вороны торжествуют? – А чѐ это они? – Попировали возле нас. – Да ну? — подскочил Коля из-за брёвна! (Виктор Астафьев. Затеси (1999). «Новый Мир», 2000). «Ну че, вы разобрались с отзывами? – Очень, поликлиника платная!» (НКРЯ, смс-сообщения старших школьников, 2004);

2) просторечное существительное **братва**: Ассаламуалейкум! **Братва** что у нас тут?) Просторечная лексема **братва** относится к непродуктивной словообразовательной модели S + суффикс -в(а) с собирательным значением. В Русской грамматике-80 (далее РГ-80), помимо слова **братва** (имеет помету «просторечное»), отмечены *листва*, *пацанва*, *татарва*, относящиеся к данной модели.

В Национальном корпусе русского языка отмечен 106 документ, 400 примеров с данным словом. Приведем некоторые примеры. «Данила лишился всего своего имущества. Весёлая **братва** из другого эшелона в беде не оставила, ел Данила из котелка соседа по нарам, шапчонку с серым мехом и потной подкладкой подбросили» (Виктор Астафьев. Пролетный гусь, 2000).

«Моня-банщик из Кургана, отсидевший за банку горошка и полкило колбасы, снискал

¹ здесь и далее сохранена авторская орфография и пунктуация.

авторитет у **братвы** за идеальную организацию сходок в разных уголках России» (Михаил Ламцов, Валерий Булдаков. Авторитетные собрания. «Аргументы и факты», 2003.01.29);

3) просторечное существительное **пацаны**: Ваалайкум салам, тут **пацаны** собираются чтоб поболтать о жизни)))))). По данным Словаря русского языка Ожегова – Шведовой, данная лексема относится к просторечию.

В НКРЯ имеется 271 документ, 728 вхождений со словом **пацаны** (по данным Сл. Ожегова – Шведовой просторечное). Приведем некоторые примеры. «Мы с ребятами всем арбатским двором ходили на спектакли в Театр Вахтангова, знали их почти наизусть. Это была моя жизнь: двор, голуби, друзья-**пацаны**, шпана, театр, а рядом театральное училище» (Наталья Склярова. Казаки-разбойники (2002). «Вечерняя Москва», 2002.01.10). «На дне карьера виднелось озеро – вправленный в рыхлый камень осколок бутылочного стекла. **Пацаны** говорили, что озеро это – бездонное» (Александр Иличевский. Известняк. «Новый Мир», 2006);

4) просторечный союз **тож**: Ваалайкум АсСалам, сестра **тож** пришла.

В НКРЯ зафиксировано 252 документа, 432 вхождения с данным словом. Приведем некоторые примеры. «Высоко месяц вылез! Ещё столько— и на самом веру будет! Небо белое, аж с сузеленью, звёзды яркие да редкие. Снег блестит, баракон стены **тож** белые – и фонари мало влияют» [Александр Солженицын. Один день Ивана Денисовича, 1961]. «Чудиков, почёсывая затылок, молча кивнул. «Так вот. Мы работу по твоему сигналу кой-какую провели. Ну, костерок тот повнимательней посмотрели, да и в округе **тож**, да и ещё кое-где пошукали, но об этом тебе лишнее будет» (Андрей Попов. Тайны ночного леса (2003). «Спецназ России», 2003.08.15);

5) жаргонное клише молодежного жаргона, заимствованное из английского языка: **О май гад**, я этого не видела (*О май гад* – английское «о, боже мой»). В НКРЯ данное жаргонное клише не отмечено;

6) просторечное существительное **житуха**. Муха ю **житуха**? – «как жизнь?».

Лексема **житуха** обладает значением стилистической модификации по отношению

к своему мотивирующему, лексеме **жизнь**, и относится к продуктивной словообразовательной модели в просторечии современного русского национального языка (комнатаха, сеструха, окказиональное стыдуха – по данным РГ-80).

В НКРЯ отмечен 41 документ и 48 вхождений с данным словом. Приведем некоторые примеры. «Значит, тебе дают твоё! Чурчхели – награда Чикю за скромный отказ от обеда. Чик с удовольствием уплетал чурчхелину. Вот **житуха**, думал Чик, то – ничего, то – всё!» (Фазиль Искандер. Чик читит обычаи. 1967). «Юношеской душе мерещились романтические подвиги. Иначе было не выжить. Ведь послевоенная **житуха** в Белоруссии была голодна, холодна, тяжела» (Судьба моя – спецназ. 2004. «Солдат удачи», 2004);

7) просторечная лексема **ваще** (просторечный произносительный вариант наречия *вообще*). «Любовь это зависимость, да и **ваще** ца пал бу безам».

Данная лексема распространена в бытовой речи носителя русского языка. В НКРЯ находим 75 документов, 164 вхождения данного слова, причем большинство примеров зафиксировано в сообщениях интернет-коммуникации. Приведем некоторые примеры.

«У меня тоже играет, и в общем-то как-то я бы не сказала, что много сидит, в инет **ваще** очень мало залезает, но я это дело контролирую (покупкой карточек)» (Крысинда, 2004. 08. Сайт «Наши дети: Подростки»). «А **ваще** всяко в жизни бывает... по прошествии лет человек меняется, и в нем обнаруживаются новые грани. Вот моя первая любофф поехал жить за границу на 4 года, вернулся — савсэм другой чилавэк был... Dinia. (Где знакомиться? (форум) (2006–2007);

8) жаргонное существительное **чел** в составе логина «Свой **чел**». Данная лексема очень распространена в речи носителей молодежного жаргона. В НКРЯ находим 501 документ, 1576 вхождений данного слова, причем большинство примеров зафиксировано в сообщениях интернет-коммуникации. Приведем некоторые примеры.

«Кирилл, в Ваши годы мне тоже казалось, что консалтинг — это лучшее приложение своих способностей и интересов. Но тогда мне один **чел** сказал, что если ты не рулил хотя бы ларьком, то не имеешь морального права консультировать» (форум «Консульти-

рование в менеджменте: как донести до бизнеса его надобность?» (2010). «Чем хорош Айрон Мэн, так это тем, что его персонаж Тони Старк – это крутой полноценный **чел**, а не лошара типа Питера Паркера!!! На него интересно смотреть (форум «Железный человек» (2008);

9) жаргонные междометия, например, а) **ЫЫ** – «передача эмоций, гордость за свой поступок»; б) **тов** – «ничего себе!», «вот ты даешь»; это междометие говорят, когда удивляются или над чем-то смеются.

Приведем примеры из сообщений на русском языке в интернет-сети чеченцев-билингвов с названными жаргонными междометиями: а) «Проблем нет») **ЫЫ**»; б) *Существует ли любовь тов..?) Дух ч1ог1 существует!!! Кажется автор статьи не разу не влюбился..!)). Дух – «даже», ч1ог1 (ч1ог1а) – «сильно, очень»;* в) *Тов по ТВ показывают посмотришь;*

10) **жаргонный фразеологизм**, как, в следующем тексте пользователя *kentkent*: «Если хочешь **забить стрелку на свиданку**, то займи очередь и жди, как все» – употреблен фразеологизм **забить стрелку на свиданку** (в значении «договориться о встрече»). «Полагаем, что перед нами невузальная вариация свойственной для жаргонной речи носителя русского языка фразеологической единицы **забить стрелку**. В НКРЯ находим 5 документов, 5 вхождений данного фразеологизма. Приведем некоторые примеры.

«Познакомиться в Твери с представителями воровского мира – не проблема. Достаточно душевно поговорить с администратором этажа в гостинице, и уже через десять минут можно **забить «стрелку»** в соседней бильярдной. Пока будешь играть партию, вокруг стола соберутся еще человек пять рядовых криминального фронта» (Дмитрий Соколов-Митрич. *Смерть за Круга*. В Твери расстрелян человек, которому молва приписывает убийство знаменитого шансонье (2002). «Известия», 2002.09.20).

«Конец домашнему аресту. Пару часов назад Свете позвонили друзья и пригласили на выходные в их загородный дом. Я отмазался под предлогом несуществующих рабочих проблем. Как только жена выходит за дверь, хватаю трубку, чтобы **забить стрелку с Бурзум**» (Владимир Спектр. *Face Control* (2002).

Пользователь сети усилил информативно-прагматическое воздействие фразеологизма **забить стрелку**, добавив к нему разговорно-бытовое существительное **свиданка**, которое также встречается в жаргонной речи носителя русского языка. В НКРЯ находим 7 документов, 7 вхождений данного слова. Приведем некоторые примеры.

«В последней записке не было никаких особенных просьб, поэтому в двух сегодняшних «дачах» находился вполне стандартный набор: «средство от головы» – то есть чай и сигареты, «глюкоза» – конфеты и сахар, «балабасы» – сало, копченая колбаса, лук, чеснок, сухофрукты и прочие продукты длительного хранения. Приятным сюрпризом для Вадима должна была стать **«свиданка»** с супругой» (Максим Милованов. *Рынок тщеславия* (2000). «Впереди – два дня отдыха, пиршеств и развлечений. Ну-ну, посмотрим. Все эти дни ко мне подходят знакомые и незнакомые, спрашивают: «Ну как **свиданка?**» Я отвечаю стереотипно: «Один час». (Юлий Даниэль. *Письма из заключения* (1966–1970);

11) просторечный вариант частицы *ничего* – **ничё** (Как ты? – Да ниче). Частица *ничего* (в нашем случае **ничё**) употребляется для выражения согласия с чем-либо, принятия чего-либо, а также для оценки чего-либо как несущественного [3, р. 229]. Данная частица часто встречается в бытовой русской речи. В НКРЯ находим 73 документа, 233 вхождения данного слова, причем большинство примеров зафиксировано в сообщениях Интернет-коммуникации. Приведем некоторые примеры.

«Эдик! – Ну, – лениво откликнулся Эдик. – Ты че воще, чудик? – спросила Валька. – Со всем, что ли, уже? – **Ниче**, – ответил Сила Грязнов. – Ты че, в натуре, надушился, нет? – Нет, – сказал Сила Грязнов и как-то странно заколебался, заструился в воздухе» (Людмила Петрушевская. *Маленькая волшебница*. «Октябрь», 1996). «Детница, Танечка, оторвалась. В тридцатом году ещё, телегу тянули... Да **ничё, ничё**... Оно не болет...» (Людмила Улицкая. *Казус Кукоцкого* (Путешествие в седьмую сторону света) «Новый Мир», 2000);

12) просторечный вариант междометия **здравствуйте (здрассти)**, которое употребляется в качестве наиболее употреби-

тельного и универсального приветствия при встрече. Например, пользователь Джабраил обычно начинает свои сообщения так: «А нука **здрасти** всем».

Данное междометие часто встречается в бытовой русской речи. В НКРЯ находим 18 документов, 31 вхождение данного слова, причем большинство примеров зафиксировано в сообщениях Интернет-коммуникации. Приведем некоторые примеры. «Когда мы с мужем в гости приезжаем – захлопывает перед нашим носом дверь своей комнаты и не выходит, не общается, **ЗДРАСТИ** не говорит, пока первой не поздороваяешься...» (Женщина + мужчина: Брак (форум) (2004). «Ну хотя бы «**Здрасти**» говорить, а не разворачиваться и хлопать перед носом дверью...» (Женщина + мужчина: Брак (форум) (2004). «Я считаю: на уроков надо обижаться. Нельзя уродам улыбаться: «**Здрасти**»» (Александр Терехов. Бабаев (2003).

В целом необходимо отметить, что сленгированность русской речи чеченца-билингва является аналогичной сленгированности русской речи носителя русского языка как родного. Отличия мы видим во включении в состав сленгированных единиц элементов чеченских междометий, выражающих экспрессию.

Исследователи отмечают, что для Интернет-коммуникации в целом характерна **стилистическая разноуровневость**. Это лингвистическое явление характерно и для русской речи чеченцев-билингвов. Приведем пример одного диалога:

А. Братья собираемся тут (новая тема).

Б. АССАЛАМ АЛАЙКУМ всем достойным, **братья** все в сборе?

В. Ва1алайкум Салам Брат, ты **че** пропал?

Г. ВаалайкумАс Салам, сестра **тож** пришла

Существительное **братья** употреблено в книжном значении «единомышленник, близкий другому человеку по деятельности, духу». Оно соседствует с обращением на арабском языке и номинацией **достойные**. Однако в двух последующих репликах используются просторечные лексемы **че** и **тож**.

Приведем еще примеры сообщений. Пользователь *MbXolostyak-CheRap* пишет: **кху чохьам хьоег цер номер даж ял паливно ду, а так центре приходи**) – «здесь тебе их номер давать даже палевно, а так приходи в центр». Чеченское слово «кху» яв-

ляется предложением и соответствует русскому предложению «в»; слово «чохьам» переводится как «внутри»; лексема «хьоег» (хьоега) переводится как «тебе»; слово «цер» переводится как «их»; лексема «ял» (яла) переводится как «давать»; слово «ду» переводится как «есть»; лексема «хья вол» (схьявола) переводится как «должно быть».

В этом тексте мы видим сочетание следующих разностилевых элементов: нейтральных слов (**номер, даже, давать, центр**), разговорных (**а так**), просторечных (**даж**), сленга (**палевно**).

Пользователь *Малахов Плюс* пишет: **Романтика тов) молоко с селедкой вот и вся романтика**. В этом сообщении соединены книжные языковые элементы (лексема **романтика**) и элементы молодежного сленга (междометие **тов** – так говорят, когда удивляются или над чем-то смеются).

Пользователь *Прохожий* пишет: **Любовь фижня доц дицич**. Слово «доц дицич» переводится на русский как «короче говоря». В приведенном сообщении сочетаются нейтральные языковые элементы (существительное **любовь**) и просторечное **фижня**.

Тома, или VIP Персона, пишет: **В итоге выяснилось, шо брат Аслана – это перодедетый в Наташу Нажмудди**)). В этом сообщении объединены формула деловой речи (в итоге выяснилось), нейтральные языковые элементы русского литературного языка и русский просторечный союз **шо**.

В посте *Муслима, или Частого гостя*, читаем: **Субханаллах такая история аж мурашки по коже** (Субханаллах – «Преславен Алла» – перевод с арабского). В данном сообщении сочетаются этикетная формула арабского языка, разговорно-бытовой фразеологизм русского языка «мурашки по коже».

Т. С. Жеребило пишет: «В процессе исследования лексической системы русского языка в Чеченской Республике были выявлены основные тенденции развития лексической системы русского языка, наиболее усилившиеся в период глобализации. Лексическая система русского языка, функционирующая в условиях чеченско-русского билингвизма, нацелена на эволюцию языковых норм, в основе которой лежат разнообразные причины: расширение социальной базы русского языка, углубление стилистической диффе-

ренциации лексики, обусловленное процессами интеллектуализации и демократизации русского языка в устной, письменной, печатной, электронной формах речи» [2, р. 140].

В целом выявленные нами факты интерференции лексических навыков в русской речи чеченца-билингва в рамках Интернет-коммуникации демонстрируют тенденции общего характера, наблюдаемые как в ходе взаимодействия двух языков – родного (чеченского) и усвоенного позже (русского), так и в русской речи носителя русского языка как родного. К ним мы относим сленгированность речи, разностильность, стремление к эмоциональности.

В то же время наши наблюдения показывают, что «язык падонкаф», обсценная лек-

сика в русской речи чеченцев-билингвов, пользователей Интернета, отсутствуют, полное пренебрежение к правилам орфографии также отсутствует (нормы орфографии нарушаются редко), а к правилам пунктуации проявляется безразличие, сокращения (ППКС, имхо – *in my humble opinion*) отсутствуют, эмоциональность есть, в том числе и языковая игра, но знаки эмоций редки (в основном это скобки радости и печали, смайликов очень мало).

Необходимо подчеркнуть, что в целом интегративная функция русского языка в лингвокультурном пространстве Чеченской республики объединяет представителей чеченского этноса в рамках общей российской лингвокультуры.

Литература

1. Горошко Е.И. Современная интернет-коммуникация: структура и основные параметры // Интернет-коммуникация как новая речевая формация. М.: Флинта, 2012. С. 9–52.
2. Жеребило Т. В. Языковое состояние в условиях билингвизма. Назрань. Кеп, 2015. 194 с.
3. Объяснительный словарь русского языка. М.: Астрель. Аст, 2002. 421 с.
4. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат. 1992. 489 с.

References

1. Goroshko E. I. *Sovremennaya internet-kommunikatsiya: struktura i osnovnye parametry* // *Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya (Modern Internet communication: structure and main parameters)*. Moscow: Flinta, 2012. P. 9–52.
2. Zherebilo T. V. *Yazykovoe sostoyanie v usloviyakh bilingvizma (The state language in conditions of bilingualism)*. Nazran': Kep, 2015. 194 p.
3. *Ob»yasnitel'nyi slovar' russkogo yazyka (Explanatory dictionary of the Russian language)*. Moscow: Astrel'. Ast, 2002. 421 p.
4. Sorokin p. *Chelovek, tsivilizatsiya, obshchestvo (Man, civilization, society)*. Moscow: Politizdat, 1992. 489 p.

УДК 82.091

И. Н. Иванова, К. Р. Сафарова

ТИПОЛОГИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ М. КУЧЕРСКОЙ В КОНТЕКСТЕ ХРИСТИАНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Современная женская проза, достойной представительницей которой является М. Кучерская, является актуальной темой последнего десятилетия, однако литературоведческих работ, посвященных анализу произведений этого писателя, немного. Данная статья – одно из первых собственно научных исследований, осуществляющих попытку дать типологию женских образов прозы М.

Кучерской. Героини анализируются с точки зрения как современных социогендерных установок, так и в контексте православного традиционализма. Представленная типология является условной и применимой к творчеству конкретного автора.

Ключевые слова: женская проза, гендер, М. Кучерская, женские образы, типология, христианский традиционализм.

I. N. Ivanova, K. R. Safarova

TYPOLOGY OF FEMALE IMAGES OF M. KUCHERSKAYA IN THE CONTEXT OF CHRISTIAN ANTHROPOLOGY

The modern female prose which worthy representative is M. Kucherskaya is a hot topic of the last decade, however there are few literary works devoted to the analysis of works of the writer. This article is one of the early essentially scientific studies actualizing an attempt to give a typology of female images in the prose of M. Kucherskaya. The characters are analyzed

from the point of view of both modern social and gender values, and the context of orthodox traditionalism. The presented typology is relative and applicable to the works of a particular author.

Key words: female prose, gender, M. Kucherskaya, female images, typology, Christian traditionalism.

Произведения М. Кучерской, одной из самых заметных представительниц современной женской прозы, представляют целую галерею разноплановых женских образов. Рисую их, писатель старается понять, что есть идеальная подлинная женственность, какие роли играет и какие функции осуществляет женщина в обществе и семье, каковы рамки ее свободы; при этом ставится вопрос о кризисном состоянии брака как института современной европейской христианской цивилизации. Важно, что у Кучерской все эти вопросы вписаны в контекст проблематики традиционного православия. С точки зрения православия писательница строит сюжет своего повествования, определяет его доминирующую интонацию и поэтику образов.

Первым важным женским типом можно назвать **замужнюю женщину** (выделено нами. – авт.), так как именно в контексте брачно-семейной биографии героини осо-

бенно отчетливо проявляются мужские и женские добродетели. Вступив в брак, женщина тем самым принимает определенный набор обязанностей. Зачастую проверкой добродетелей у Кучерской выступает адюльтер, естественно, не вписывающийся в систему христианских этических норм, где сферы пола и брака являются своеобразными «точками контроля» всего нравственного строя жизни человека. В этом смысле христианство было и продолжает оставаться одной из важнейших матриц, на которых выстраивается культурная и социальная история человечества, в том числе российская гендерная история.

Измена как выход женщины за рамки серой, ненастоящей жизни, которая тяготит, отчетливо представлена в романе «Тетя Мотя», рассказах «Кукша», «Среднестатистическое лицо» и некоторых других.

Так, Тетя Мотя, встречая Ланина, обретает, как ей представляется, настоящее счастье вне семьи. Любящий ее, хотя и из «другого теста», муж становится ненужным, лишним в ее концепции женского счастья, а сын, хоть и бесконечно любим, но также лишен ее внимания.

В рассказе «Среднестатистическое лицо» демонстрируется похожая ситуация. Мы видим типичную для современной женской прозы героиню: «молодую и вполне благополучную женщину – давно москвичку, жену успешного предпринимателя, мать двоих детей, притом прекрасно выглядевшую» [5, с. 72]. Героиня не испытывает сложных жизненных трудностей, но, несмотря на это, ее тяготит невыносимое непонятное отчаяние, которое она идентифицирует не как экзистенциальный кризис, а как поиск отсутствующей в ее жизни «настоящей любви». Вследствие этого у нее завязывается случайное знакомство через SMS-сообщения с неким Яшей. В этом общении героине видится некий просвет, возможность выхода из своего брачного тупикового существования.

Наглядно отражают современную ситуацию расшатанных брачных отношений судьбы подруг главной героини, которые «по второму кругу выходили замуж, начинали жить заново... Только Нятя оставалась верна себе: после краткого и неудачного замужества она поклялась больше никогда, меняя влюбленных каждый год...» [5, с. 77].

Однако М. Кучерская оставляет основной вопрос нерешенным, позволяя сделать вывод самому читателю. Мы так и не знаем, чем закончится телефонное знакомство героини, рассказ обрывается фразой: «Сейчас она увидит его» [5, с. 90].

Неудовлетворенность как состояние тоски мучает и героиню рассказа «Кукша». Имея семью, близких людей, она чувствует страшную и не мотивированную ничем определенную усталость. От мира, от людей, от всего; ей тоскливо в своем внешнем благополучии. Ее давний друг Гриша стал наркоманом, раньше связывало их что-то, но теперь героиня замужем, однако не оставляет друга и в помощи ему обретает нечто, чего недополучает в семье. Заехав на минуту к Грише, женщина встречается с его сожительницей-школьницей: «Женя оказалась медленная и знала мало слов» [5, с. 24].

Жизнь Гриши и Жени ужасает и удивляет ее, но, несмотря на убогость этого затхло, оставленного Богом мира, душа героини стремится отчего-то именно туда: «Я знаю, там плохо, там наркоманы... Я немножко там отлежусь, отсижусь, я совсем недолго, недолго поживу так, будто я одна и никого у меня нет, ни дочки Ляли, ни сына Мити, ни мужа Семена, никого. Будто я в этом мире совершенно одна. А потом я вернусь, честное слово» [5, с. 28].

«Современный человек в охоте за беглыми минутными благами и летучими фантазиями потерял правый путь жизни» [6, с. 234]. «Невыразимая печаль», словно по завету Мандельштама, преследует героинь М. Кучерской, которые ищут другого счастья, не замечая своего. Им постоянно кажется, будто то, что они имеют, не имеет подлинной глубокой ценности, способной насытить душу ощущением смысла, и вечно ищут, вечно стремятся, обрекая себя на тоску поиска и вечную неудовлетворенность.

Вторым типом, тесно связанным с первым (замужней женщиной), является **женщина-мать** (выделено нами. – *авт.*), т. е. героиня, которая, вступив в брак, получает двойную систему обязательств и обязанностей: теперь она отвечает за все, что делает, не только перед мужем, но и перед своим ребенком. Зачастую перед нами женщина, которая, увлекаясь своей судьбой и личным счастьем, забывает о своей главной роли – роли матери.

Например, Тетя Мотя – героиня одноименного романа, хоть и любит «сына с нежностью и страхом материнского животного», но уделяет ему недостаточно внимания, проваливаясь в «свою любовь»: «Мальчику ее не хватает – у нее неправильная работа» [4].

Материнство в христианской системе ценностей является высшим предназначением женщины, невыполнение этой функции нередко оборачивается трагедией не только для ребенка, но и самой матери. Однако М. Кучерская не столько обвиняет своих героинь, сколько жалеет, показывая жизненные ситуации, в которых быть образцовой матерью не всегда возможно. Например, та же мать Тети – Софья Константиновна, по сути, мать-одиночка, воспитывавшая дочь одна и не давшая ей модели семейных отношений полной традиционной семьи.

В рассказе «Плач по уехавшей учительнице рисования» одиннадцатилетняя девочка рисует свое одиночество, выплескивая обиду за недополученную ею любовь матери: «А тебя, мама, давным-давно нет на земле. Все эти одиннадцать лет ты искала мужа, а говорила, что папу – мне... как часто ты уезжала к «подруге» и я ночевала одна» [5, с. 171]. «Не надо отламывать и кормить. Потому что у всех были бутерброды, кроме меня, мама! Всем дали их мамы» [5, с. 175], – безмолвно кричит внутри себя девочка.

Учительница рисования Мария Олеандровна становится заменой настоящей матери девочки. У Кучерской образуется небольшой круг таких персонажей – одиноких женщин, живущих для чужих, как для родных – негласных матерей: «А как же муж-дети? Но про это я не спрашивала, зачем? И так было ж ясно все! Ни мужа, ни детей. Только сын взрослый, который давным-давно, кажется, погиб» [5, с.169]. Именно с Марией Олеандровной, а не со своей мамой, девочка делится мыслями и переживаниями первой влюбленности.

Другим примером такой «замещающей» матери для девочки является воспитательница из интерната (рассказ «Сказки на Крыше»): «... уроки кройки-шитья-дизайна, мастер классы, как быть женщиной, мамой, женой, сестрой (мы потом догадались, что ты и про это)» [5, с. 197].

В рассказе «Пригодное для жилья» дан образ библиотекарки Инны Михайловны – просветленной и чистой, но забывшей о себе, своем личном счастье, своей сексуальности, жертвующей своими интересами ради других. Нина чем-то напоминает толстовскую княжну Марью в начале «Войны и мира», считавшую, что она не имеет права на счастье и должна полностью посвятить себя другим: «Она была молодая, но точно нарочно старившая себя женщина, со светлым пучком под газовым платочком, в длинной темной юбке» [5, с.299].

Идеальной матерью и женой для Кучерской является Татьяна, «милый идеал», или Тишка, как ее называет подруга Марина, «Мотя». Это почти праведница – верующая и воцерковленная героиня романа «Тетя Мотя». Пережив трагический разрыв со своей настоящей любовью, она впоследствии выходит замуж за кардиохирурга Бюрю и на

вопрос, счастлива ли она, отвечает: «А что, разве не заметно?»

Родив четверых детей, Тишка, подобно Долли Облонской, терпит бесконечные измены мужа, заботы о детях, которые приходится нести ей одной. На расспросы Моти: «Ты что, правда веришь в рай, Тишка? В эти цветы, в птиц, яблоки?», – непоколебимо твердит: «Конечно». В образной системе М. Кучерской героиня выступает идеальной моделью подлинной женственности: она верна, искренна, заботлива, способна к самоотречению, с четкими и ясными понятиями о должном и греховном.

Следующим значимым типом для писательницы является **образ девушки с высоким уровнем культуры** (выделено нами. – авт.). Чаще всего это филологи, в которых легко прочитываются черты самой М. Кучерской. В «Современном патерике» – энциклопедии современной русской православной жизни представлены самые разнообразные женские образы, включая прямую персонафикацию автора (сюжет рассказов «Отец Николай» и «PizzaHut»). Более детально разработанными образами девушек-филологов являются главные героини романов «Бог дождя» и «Тетя Мотя» – Аня и Марина. Вокруг них строится конфликт и сюжет. Идея Кучерской – показать филолога как человека, воспринимающего мир через слово, т. е. немного отстраненно и, может быть, искусственно. А женская гендерная принадлежность добавляет этим образам еще больший драматизм, не лишенный иронии.

Рассмотрим подробнее роман «Тетя Мотя» и его главную героиню Марину. Сама М. Кучерская заметила в одном из интервью: «Душу в Мотю вдыхала я, значит, в ее легких бьется мое дыхание, ее осаждают мои демоны» [7]. Само имя героини филологично. Ее называли в честь Марины Цветаевой, однако «Мариной» она осталась лишь в душе, в жизни же для всех – Мотя. «Матреша, матрешка: несколько девочек, девушек, женщин жило в ней» [4]. Детское «Мотя» так и осталось жить с ней. На протяжении всего романа М. Кучерская не именует ее иначе, как Тетя, – «тетка», которая забыла о своей женственности и высшем замысле о ней. Важно, что по-настоящему героиня влюбляется не в мужа, который также зовет ее Мотькой, а в начальника Михаила Ланина,

который первый назвал ее по имени. Причем и влюбляется-то «по-филологически», заочно, корректируя его тексты, в которых видит отражение души автора.

Самобытны быт и внешность героини: в ее крошечной двухкомнатной квартире вдоль всех стен стояли шкафы с книгами, «она была деликатной», что и привлекает, и отталкивает будущего мужа, при первой встрече с Мотей ощутившего ее отличие от большинства знакомых ему девушек. «Да, по губам всегда можно было определить. Эти ничего не знали!». Он же: «Нормальные люди, когда смеялись, хекали, харкали, икали, что ли, а эта... звенела» [4].

С тонким юмором М. Кучерская описывает восприятие Колей своей возлюбленной: «В школе она работала. Училка! Ли-те-ра-ту-ры! Ну, не умора?», «Обычно на девушек он глядеть начинал снизу, как там с ногами, попой... А тут не смог... все это отметил так, на ходу, и уставился на лицо» [4].

Лицо, взгляд, смех – вот главные характеристики героини, по мысли Кучерской, делающие ее особенной. Как и Коля, Ланин, размышляя о чувстве, которое вдруг стал испытывать к Тете, произносит: «Сколько ей? Скорее всего, за тридцать, но глаза девочки, девочки совсем...» [4].

Забавный филологический юмор разбросан по всему роману. Например, лучшие стихи и sms Ланина героиня «пересылала себе же на рабочую почту, а потом складывала в файл под названием «Прилагательные с двумя Н». А когда нужно было скрыть улики от мужа, Мотя начинала самозабвенно сочинять, «но Коле было не до принципа правдоподобия, он не учил теорию литературы по Пospelову». Комично описывается и знакомство Коли с мамой Тети: «Помните, как у Цветаевой, Коля?» – Да отлично помню, Софья Константиновна, как же...» [4].

Все эти шуточные замечки предупреждают читателя о пропасти между будущими супругами: мужем-компьютерщиком и женой-филологом. «Она говорила. Знала слова. Он тоже их знал... в общем, что они значат, но не использовал никогда». Несомненно, мужа раздражает страсть к «знанию» жены, т. к. Мотя уходила от него в свой мир и становилась еще дальше и недоступней: «Лишь бы скорей с этой кухни сбежать к своим тетрадам, книжечкам, к компьютеру, ходить там на

какие-то заумные сайты, копипастить всякую муру...» [4].

В противовес героиням-филологам в художественном мире прозы М. Кучерской существуют и более практичные и приземленные, **«простые» девушки и женщины** (выделено нами. – авт.), без претензий на Большие Чувства и духовное родство с любимым мужчиной. В их описании преобладают внешние характеристики.

Такова Алка – девушка, с которой периодически встречался Коля, но, вступив в статус «жениха Моти», легко ее бросил, а также некоторые героини «Современного патерика» и «Плача по уехавшей учительнице рисования». Кучерская не уделяет много внимания таким женским персонажам, скорее это некий коллективный портрет «опытных и грустных»: «Сколько баб на работе, одиноких несчастных баб... им не надо даже подмигивать, ёпт, за ними не надо ухаживать, они все твои, и их не одна, не две, понимаешь», – обиженно бросает Коля жене, не понимая, что ей еще нужно [4]. Примечательно, что у Кучерской вообще «женщин трудной судьбы» значительно больше, чем счастливых. Даже на первый взгляд благополучные замужние дамы испытывают неудовлетворенность и тоску.

У каждой героини по-своему трудная судьба. Например, «громогласная, с диссидентским прошлым» Лена – коллега Тети (роман «Тетя Мотя»). Это сильная, мужественная женщина, которая «несла на своих плечах в те же далекие героические годы встреченного мужа алкоголика (художника, само собой), сына, недавно закончившего философский, но по самоощущению – поэта, больного папу».

М. Кучерская показывает в этом же романе и другие «облегченные» сценарии женской судьбы, но их легкость, к сожалению, не обобщается для героинь счастьем. Такова, например, судьба избалованной дочки богатых родителей Любы – жены Ланина. Вступив в брак, супруги так и не обрели семейного счастья. Лишь когда Люба умирает от рака, Ланин осознает роль жены в его жизни, укоряя себя за невнимание и нелюбовь к ней. Люба даже стала посещать женский закрытый клуб – «прибежище скучающих жен дипломатов... пустая блестящая жизнь», где еще могла демонстрировать свои дорогие украшения,

«только болезнь немного ее очеловечила, как водится, только болезнь...» [4].

Алена – подруга Моти, выпускница иняза, переводчица, работает в глянце и напоминающая бесчисленное количество **«глянцевых» героинь** (выделено нами. – авт.) современной женской прозы. Она разъезжает по свету, легкая на подъем, но не нашедшая настоящего женского счастья: «Успешная, благополучная, красивая, почему весь мир еще не у этих ног?» Алена пишет женские романы «в мягких обложках с зазорными заголовками». Но, несмотря на кажущуюся легкость ее жизни, Алена также мучится тяжелым отчаянием, «потому что надолго, по-настоящему не получалось ни с кем, отчаянием, аккуратно расплесканным в ее книжки (вот зачем она писала их на самом деле! чтоб прожить непрожитое)». Ближе к концу романа мы узнаем, что она выходит замуж за очередного поклонника – в прошлом своего ученика Севку.

В образе Алены М. Кучерскую интересует трансформация женственности, это современный гламурный идеал женщины, успешной леди, для которой традиция – старомодная глупость, а брак – не больше чем форма государственного контроля над гражданами. И это ведь Алена твердила Моте в ответ на ее жалобы-вздохи о семейной жизни: «Да в чем проблема, кисуль? Разбежаться и забыть!» [4].

В романе «Тетя Мотя» писатель пытается воссоздать идеальный образ женственности, опираясь не только на традиции христианства, но и на культурно-исторический контекст. Для этого она создает вторую сюжетную линию, вплетая в повествование биографические события из жизни семьи учителя истории Голубева. Это и история Анны Сергеевны, которая хотела уйти в монастырь, и дневник Анастасии Павловны Адашевой, и постоянные переключки с главным семейным романом русской литературы («Анна Каренина» Л. Н. Толстого).

В «Анне Карениной» адюльтер явился практически новым сюжетом в русской литературе после пушкинского «Но я другому отдана. Я буду век ему верна». М. Кучерская вслед за Толстым поднимает проблему запретной любви в целом, выявляя неспособность и нежелание своих героинь расплачиваться за любовь жизнью, поскольку

практика измен и разводов для современного мира является нормой.

А жизни редких героинь, не готовых «модернизировать» себя под эпоху мелодрам, заканчиваются трагедией. Такова судьба Татьяны (рассказ «Женщина трудной судьбы»): она замужем, но влюбляется в батюшку, который «понимал ее душу, а муж говорил только, что у нее замечательные сиськи» [2, с. 256]. Бросив детей и мужа, она уходит в монастырь, взяв на себя подвиг юродства, ради победы над «болью любви». Похожая трагедия, но уже в большой прозе, реализована М. Кучерской в романе «Бог дождя».

Православие выступает важной частью русского сознания и русской судьбы, в особенности женской. Вспоминая свое полуничейшее детство, пионерский галстук, отношение к женщине и ее место в России, Тетя «расстреливала свою мнимую старость, потому что в собственной стране после тридцати ей показалось, настало время увядания, еще немного, и ей будут уступать место в метро, здесь она была совсем, совсем молодой и могла свернуть горы...» [4]. Так описывает героиня свое мироощущение, связанное с гендерной идентификацией, находясь в Испании. Будто избавляясь от мук, Мотя покидает родину: «Прощай, прощай, ледяной ком в горле под названием Rusia, Русиа – на испанский манер». И именно в Испании ей открывается другая, легкая, без обязательств, свободная жизнь еще молодой и привлекательной молодой женщины: «Свобода, бесконечная, залепляющая уши, глаза, сердце, ум, свобода ... никому ничего не быть должной. Вот в чем таилась разгадка счастья, ее счастья, и путь» [4].

Россия – страна, требующая вечной жертвы, но и дающая щедрое вознаграждение воистину уверовавшим в нее. Вечное отставание России от Запада, ее консервативность и патриархальность не раз объяснялась многими мыслителями как особая судьба и миссия нашей страны. Так и М. Кучерская, размышляя о назначении России, пытается понять проблему несчастья русской женской судьбы, которая становится параллелью судьбе Родины – такая же сложная, неустроенная, потерявшая свои границы «женственности» и не понимающая своей роли в современном мире. В данном контексте интересна идея В. Розанова о том, что Россия, «русская

душа», подобно женщине, «испугана грехом», откуда возникает последующее размышление Н. Бердяева о бабьем и рабьем: «В самых недрах русского характера обнаруживается вечно-бабье, не вечно-женственное, а вечно-бабье. ... И это «бабье» чувствуется и в самой России» [1].

Таким образом, можно заключить, что сегодня гендерная идентичность, являясь важной социальной и государственной проблемой общества, находит свое отражение в современной отечественной литературе. Как женщины, так и мужчины конструируют

свой гендер иначе, чем в прошлые столетия, являя собой новые, современные типы, что мы и видим в прозе М. Кучерской. Трансформируясь, гендер сохраняет свои основные характеристики в традиционалистской христианской парадигме (Тишка и Марина в финале романа «Тетя Мотя», героини «Современного патерика»), однако современная женская проза уже этой парадигмой не удовлетворяется и не исчерпывается, представляя иные типы героинь, отражающих необратимые изменения в российском обществе конца XX – начала XXI вв.

Литература

1. Бердяев Н. О «вечно бабьем» в русской душе [Электронный ресурс]. URL: http://www.vehi.net/berdyayev/rozanov.html#_ftn1 (Дата обращения: 05.03.2016).
2. Кучерская М. А. Современный патерик: Чтение для впавших в уныние. М.: Время, 2008. 288 с.
3. Кучерская М. Бог дождя. М.: Время, 2007. 320 с.
4. Кучерская М. Тетя Мотя [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/mayya_kucherskaya/tetya_motya/read/ (Дата обращения: 03.03.2016).
5. Кучерская М. А. Плач по уехавшей учительнице рисования: рассказы. М.: АСТ, 2014. 314 с.
6. Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. 701 с.
7. Тема религии сама от меня отошла, откатилась (Интервью с Майей Кучерской, «Литрес» от 14 февраля 2013 года.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=monitor&id=19564> (Дата обращения: 03.03.2016).

Referenses

1. Berdyayev N. O «vechno bab'em» v russkoi dushe (*About "eternal woman's" in a russian soul*). URL: http://www.vehi.net/berdyayev/rozanov.html#_ftn1 (Accessed: 05.03.2016). (In Russian).
2. Kucherskaya M. A. Sovremennyy paterik: Chtenie dlya vpravshikh v unynie (*A modern patericon: Reading for the fallen into gloom*). Moscow: Vremya, 2008. 288 p. (In Russian).
3. Kucherskaya M. Bog dozhda (*God of rain*). Moscow: Vremya, 2007. 320 p. (In Russian).
4. Kucherskaya M. Tetya Motya (*Aunt Motya*). URL: http://modernlib.ru/books/mayya_kucherskaya/tetya_motya/read/ (Accessed: 03.03.2016). (In Russian).
5. Kucherskaya M. A. Plach po uekhavshei uchitel'nitse risovaniya: rasskazy (*Crying for the left art teacher: stories*). Moscow: AST, 2014. 314 p. (In Russian).
6. Solov'ev V. S. Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika (*Philosophy of art and literary criticism*). Moscow: Iskusstvo, 1991. 701 p. (In Russian).
7. Tema religii sama ot menya otoshla, otkatilas' (*The topic of religion withdraws, departs from me itself*) (Interv'yu s Maiei Kucherskoi, «Litres» ot 14 fevralya 2013 goda.). URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=monitor&id=19564> (Accessed: 03.03.2016). (In Russian).

УДК 811.111-26

Н. С. Кабылкина, Т. Н. Ломтева

**АНИМАЦИОННЫЙ ТЕКСТ КАК РЕЧЕВОЙ ЖАНР
И СПОСОБЫ ЕГО ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ**

В статье излагаются результаты научно-исследовательской работы «Лингвокультурная динамика прагматического эффекта феномена языковой игры и его интерпретация в принимающей культуре (на материале американского анимационного сериала конца XX – начала XXI века)», которая посвящена исследованию лингвокультурной динамики прагматического эффекта феномена языковой игры в американской анимации. В статье

рассматриваются теоретико-методологические основы языковой реализации текстового пространства речевого жанра анимации; исследуются способы языковой репрезентации детерминированных авторской интенцией особенностей текстовой организации как средство создания прагматического эффекта.

Ключевые слова: жанр, речевой жанр, анимация, языковые особенности, эталон в анимации.

N. S. Kabylkina, T. N. Lomteva

**ANIMATION TEXT AS SPEECH GENRE AND WAYS
OF HIS LANGUAGE REALIZATION**

In the article states the results of the research project «The Lingvocultural dynamic of pragmatic effect of a phenomenon of play on words and its interpretation in receiving culture (on the basis of the American animation series of the end of XX – the beginnings of the XXI century)» which is devoted to research the lingvocultural dynamic of pragmatic effect of a phenomenon of play on words in the American animation. The article deals with generalization

of the methodological bases of defining the genre of animation as a specific text type. Under investigation are also the ways of language representation of the text features determined by the author's intentions as a means of creating pragmatic effect.

Key words: genre, speech genre, animation, language features, genre standards in animation.

Анимация представляет собой уникальный жанр киноискусства. Являясь разновидностью жанра художественного кино, анимация нацелена на передачу веселого и оптимистичного настроения как детям, так и взрослым. Композиционные особенности и основные жанровые характеристики анимации определяют подбор лексико-семантических, грамматических, синтаксических и стилистических средств и приемов, направленных на раскрытие сюжета и прагматики произведения. Жанр анимации в мировом кинематографе является одним из наиболее оригинальных с точки зрения композиции, формы представления и языка. Интерес к исследованию данного жанра обусловлен тем, что анимация считается жанром, вы-

полняющим не только развлекательную, но и воспитательную функцию. В настоящее время жанр анимации получает всё большее распространение и выходит за рамки детского жанра. Мультфильм демонстрирует не только эмоциональные состояния, которые испытывают его герои, но и формирует стереотипы поведения и предлагает пути разрешения ситуаций, что вербализируется набором языковых средств как каналом передачи авторских интенций.

Анимационный текст как речевой жанр имеет свои отличительные особенности. Как отмечает Бахтин, речевой жанр относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип высказываний (текстов). Будучи культурными формами, ре-

чевые жанры характеризуются следующими основными свойствами: они объективны по отношению к индивиду и нормативны; историчны, вырабатываются людьми в определенную эпоху в соответствии с конкретными условиями социальной жизни; характеризуются особым оценочным отношением к действительности; выполняют функцию интеграции индивидов в социум; многообразны и разнородны, дифференцированы по сферам человеческой деятельности и общения; являются опорой для творчества.

Жанровые формы во многом определяют характер мышления и дискурсивного поведения языковой личности. В процессе развития социолингвистической компетенции человека система жанровых фреймов становится имманентной его сознанию структурой. Это облегчает процессы формирования и формулирования мысли, а также восприятие чужого высказывания, что с достаточной полнотой прослеживается в текстовом пространстве анимационного фильма как речежанровой разновидности [4].

Название жанра анимации происходит от французского слова «*animation*», которое можно перевести на русский язык как одушевление или оживление. Искусство анимации представляет собой художественно-организованную действительность, в которой образно, точно, с определенной долей акцентирования представлена некая реальность посредством языковых доминант и изобразительного искусства [10].

Под самим термином анимация мы понимаем **детские фильмы и фильмы, предназначенные для просмотра всей семьёй, созданные при помощи технических приёмов иллюзии движущихся изображений (движения и/или изменения формы объектов) с помощью последовательности неподвижных изображений (кадров), сменяющих друг друга с некоторой частотой** (выделено нами. – авт.). Фильмы этого жанра зачастую лишены насилия, имеют множество элементов мелодрамы и комедии с незамысловатым юмором. Анимация носит развлекательный и воспитательный характер. На основании данных характеристик к языковым особенностям жанра анимации мы относим простоту языка; образность; эмоциональность; динамичность; использование простых понятных шуток.

Как отмечает Блумфилд, простота – характеристика языка, определяемая его конструктивными особенностями, и является объективным понятием. Простоту языка определяют два его качества: минималистичность парадигматики, выражаемая в лаконичности, и непосредственная понятность [4].

Простота в языке – это ясное и четкое, непосредственное, гармоничное использование определенных языковых средств, выражения явлений или идей. Современный толковый словарь русского языка Ефремовой определяет простоту как отсутствие сложности; отсутствие вычурности, прикрас [6].

Два этих определения сходятся в понятии простоты как отсутствию сложности, вычурности; наличию лаконичности и понятности, например:

1) We have a very, very, very, very, very, very, very important question to ask you (“Animaniacs” 9a “Wally Llama”). – У нас есть очень, очень, очень, очень, очень, очень, очень, очень важный вопрос для тебя.

В данном примере простота в языке достигается путем многократного повторения одного и того же слова (*very, very...*). Незамысловатый прием повтора используется для создания комического эффекта. Это ясное и четкое выражение мысли, понятное любому зрителю;

2) – Давайте подождем пока там бусурмане с голоду сдохнут!

– Оооо!

– Ну или ослабнут! («Алеша Попович и Тугарин Змей»).

В приведенном примере простота заключается в выборе понятных языковых средств и дальнейшего их пояснения (сдохнут, ослабнут).

Еще к одной характеристике жанра анимации мы отнесли образность. В толковом словаре Ушакова под образностью понимается один из основных признаков художественного произведения. Живость, красочность изображения [12].

Как отмечает Лосев, образность – сложная и многозначная категория стилистики, имеющая различные интерпретации в связи с различными осмыслениями понятия и термина «образ». «Необходимо иметь в виду, что самый термин «образ» имеет множество самых различных значений, особенно когда он сопровождается такими эпитетами, как

значение и, как следствие, приобретающими эмоциональную окраску. К таким словам относятся вульгарные слои лексики: бранные слова, проклятия, нецензурные слова типа *damn, bloody, upon my word*. В русском языке: *чёрт, блин, твою мать* [1].

В анимации эмоциональность представлена достаточно ярко. Например:

1) I made a big, big mistake («Animaniacs» 96а «Hooray for Hollywood. Part 2»). – Я сделал большую, большую ошибку (выделено нами. – авт.).

Эмоциональность в данном случае выражается через повтор (*big, big*). Герой несколько раз повторяет слово «большой», чтобы выразить свою досаду по поводу сделанной ошибки.

2) Ты если чё конкретно предложить хочешь, так говори, а если просто так языком чешешь, то слазь с бочки! Не дури людям головы! («Алёша Попович и Тугарин Змей»).

В данном примере эмоциональность выражается путем выбора языковых средств и интонации, которая выражается в текстах путём использования восклицательных знаков. Герой выражает своё недовольство, выбирая для этого простые слова и обороты (так говори; если просто так языком чешешь; не дури людям головы), явно демонстрируя свое эмоциональное состояние.

Языку анимации также присуща динамичность. Языковая система, находясь в постоянном использовании, создается и видоизменяется коллективными усилиями тех, кто пользуется ею. Новое в речевом опыте, не вписывающееся в рамки системы языка, но работающее, функционально целесообразное, ведет к перестройке в нем, а каждое очередное состояние языковой системы служит основанием для сравнения при последующей переработке речевого опыта. Таким образом, язык в процессе речевого функционирования развивается, изменяется, и на каждом этапе этого развития языковая система с неизбежностью содержит в себе элементы, которые не завершили процесс изменения. Постоянное развитие языка ведет к изменению литературных норм. Каждое новое поколение опирается на уже существующие тексты, устойчивые обороты речи, способы оформления мысли. Из языка этих текстов оно выбирает наиболее подходящие слова и обороты речи, берет из выра-

ботанного предшествующими поколениями актуальное для себя, привнося свое, чтобы выразить новые идеи, представления, новое видение мира. Естественно, новые поколения отказываются от того, что кажется архаичным, не созвучным новой манере формулировать мысль, передавать свои чувства, отношение к людям и событиям. Иногда они возвращаются к архаичным формам, придавая им новое содержание, новые ракурсы осмысления. В каждую историческую эпоху норма представляет собой сложное явление и существует в довольно непростых условиях. Об этом писал еще в 1909 г. В. И. Чернышев: «В языке всякой определенной эпохи для ее современников много неясного: слагающегося, но не сложившегося, вымирающего, но не вымершего, входящего вновь, но не утвердившегося» [13].

В этом и проявляется динамичность в анимации, так например:

1) Who controls the jewels, controls Mother Russia. – Кто контролирует драгоценные камни, контролирует Россию-Матушку (выделено нами. – авт.).

I thought your mother's name was Desiree («Animaniacs» 18а «Pavlov's mice»). – Я думал, твою маму звали Дейзи (выделено нами. – авт.).

Здесь динамичность определяется выбором языковых средств и их обыгрыванием. Устаревшая лексика обыгрывается путем её применения в современной интерпретации (Россия-Матушка, мама Дейзи).

2) – Скачем к богатырям!

– Почему на мне?!

– Кто из нас конь?!

– Я хочу сказать, что скакать только на лошадях – это полный расизм! («Три богатыря. Ход конем»).

В данном примере динамичность проявляется в употреблении современных понятий и слов, их обозначающих (расизм), в тот временной период, когда таких понятий еще не существовало (действие мультфильма происходит в Древней Руси).

В современной анимации нередко используют простые понятные шутки, доступные для понимания и не требующие наличия определенных фоновых знаний. Простая шутка понятна и ребенку, и взрослому, она не создается при помощи сложных языковых приемов и средств. Например:

3) – Do you know who I am?

– Why? Did ya forget? (“Animaniacs” 35d “Baghdad Café”).

– Ты знаешь кто я такой?

– Почему? Ты забыл? (выделено нами. – авт.).

В данном примере комический эффект достигается путем упрощения вопроса (почему?), краткой его репрезентацией, а также иронией (ты забыл?), с которой произносится ответная реплика.

4) Давным-давно, кажется в прошлую пятницу, жил в одной стране медвежонок, под именем Винни-Пух. А почему под именем? Потому что у него на двери была надпись «Винни-Пух», а он под ней жил («Винни-Пух»).

В первой части данного примера используется прием антитезы, где противопоставляются два понятия «*давным-давно*» и «*в прошлую пятницу*» (выделено нами. – авт.). Во второй части переносное значение интерпретируется как прямое «*под именем Винни-Пух*» (выделено нами. – авт.) (имя медвежонка) и переносится на «*жил под надписью «Винни-Пух»*» (выделено нами. – авт.).

Однако встречаются эпизоды с достаточно сложной языковой игрой, понять которую не всегда представляется возможной без наличия фоновых знаний. Например:

1) «Jingle Boo» – пародия на «Jingle Bells» (“Animaniacs” 50b “Jingle Boo”).

Здесь использована аллюзия к знаменитой рождественской песенке «Jingle Bells». Однако данная аллюзия будет понятна только в том случае, если зрителю знакома эта песня.

Приведенные выше языковые особенности характеризуют стиль жанра анимации, раскрывающийся в языке. Это одна из общих черт, присущих определению термина «жанр», наряду с повторяемостью и наличием значения эталона.

Повторяемость, как определяет данный термин А. К. Ефремова, – это способность чего-либо повторяться; регулярное повторение чего-либо [7].

Академический словарь русского языка определяет повторяемость как наличие повторений в чем-либо. В нашем исследовании под повторяемостью мы понимаем частотное повторение одних и тех же языковых эффектов, а так же повторение определенных осо-

бенностей, присущих жанру анимации, таких как яркость и образность; краткость и динамичность смены образов; присутствие реального и фантастического; добрых и злых сил; анимизм (одушевление неодушевленных предметов, наделение животных и растений человеческими способностями) [2].

Еще одной чертой, присущей термину «жанр», является наличие значения эталона.

Значение термина «*эталон*» по Ожегову: эталон – мерило, образец; точный образец установленной единицы измерения, сама такая точная мера [11].

Эталон по А. К. Ефремовой: 1) точная мера или точный измерительный прибор, служащие для воспроизведения, хранения и передачи единицы измерения чего-либо; 2) переносное значение – мерило, образец для подражания, сравнения [7].

Энциклопедический словарь дает два определения термина эталон: 1) мера или измерительный прибор, служащий для воспроизведения, хранения и передачи единиц какой-либо величины; 2) (в переносном смысле) – мерило, образец [8].

Словарь Ушакова также приводит два определения: 1) образец меры, служащий для проверки измерительных приспособлений, находящихся в обращении; 2) переносное – шаблон, готовая мерка для чего-нибудь. [12].

Для нас релевантно переносное определение термина «эталон» в силу того, что мы имеем дело с феноменом жанровой принадлежности текстового материала. Под эталоном мы понимаем шаблон, образец, мерило, готовую мерку чего-либо. Применительно к жанру анимации, эталон – определенный мультфильм или ряд мультфильмов, созданный определенной компанией в определенный период времени. Определенный фильм назвать эталоном анимации достаточно сложно. Эталоны настолько разнятся, насколько разнятся предпочтения и вкусы людей. В разные периоды времени, в различных культурах эталоны могут изменяться под воздействием изменений, происходящих в мире, поэтому под эталоном мы понимаем текстовые характеристики жанра анимации. Опираясь на текстовые особенности, которые реализуются посредством языковых приемов, можно определить эталон анимации как речетворческий жанр в определенный период времени.

Литература

1. Аванесов Н. В. Эмоциональность и экспрессивность – Категории коммуникативной лингвистики // Вестник Юрского Государственного Университета. 2010. Вып. 2 (17). С. 5–9
2. Академический словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 567 с.
3. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. М.: Прогресс, 1979. 234 с.
4. Блумфилд Л. Язык / под ред. и с предисловием М. М. Гухман. М.: Прогресс, 1968. 607 с.
5. Додонов Б. И. Эмоция как ценность. М.: Политиздат, 1978. 272 с.
6. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006. 245 с.
7. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь омонимов русского языка. М.: АСТ, 2007. 563 с.
8. Кожина М. Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта, Наука, 2003. 576 с.
9. Лосев А. Ф. Форма. Стиль. Выражение. М.: Мысль, 1995. 636 с.
10. Норштейн Ю. Снег на траве. Фрагменты книги: Лекции по искусству анимации. М.: ВГИК, 2005, 132 с.
11. Ожегов, С. И.; Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Аз, 1996. 678 с.
12. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия: ОГИЗ, 1935–1940. 678 с.
13. Чернышев В. И. Правильность и чистота русской речи // Избранные труды: в 2 т. М.: Прогресс, 1970. Т.1. 443 с.

References

1. Avanesov N. V. Jemocional'nost' i jekspressivnost' – Kategorii kommunikativnoj lingvistiki (*Catedory of communicative linguistics*) // Vestnik Jurskogo Gosudarstvennogo Universiteta 2010. Issue 2(17). P. 5–9. (In Russian).
2. Akademicheskij slovar' russkogo jazyka (*Academic dictionary of the Russian language*). Moscow; Poligrafresursy, 1999. 567 p. (In Russian).
3. Bahtin M. M. Problema rechevyh zhanrov (*The problem of speech genres*) Moscow: Progress, 1979. 234 p.
4. Blumfild L. Jazyk (*The language*). Moscow: Progress, 1968. 607 p. (In Russian).
5. Dodonov B. I. Jemocija kak cennost' (*Emotion as value*). Moscow: Politizdat, 1978. 272 p. (In Russian).
6. Efremova T. F. Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka (*Modern explanatory dictionary of the Russian language*). Moscow: AST, Astrel', Harvest, 2006. 245 p. (In Russian).
7. Efremova T. F. Tolkovyj slovar' omonimov russkogo jazyka (*Explanatory dictionary of homonyms of the Russian language*). Moscow: AST, 2007. 563 p. (In Russian).
8. Kozhina M. N. Stilisticheskogo jenciklopedicheskogo slovarja russkogo jazyka (*Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language*). Moscow: Flinta, Nauka, 2003. 576 p. (In Russian).
9. Losev A. F. Forma. Stil'. Vyrazhenie (*Form. Style. Expression*). Moscow: Mysl', 1995. 636 p. (In Russian).
10. Norshtejn Ju. Sneg na trave (*Snow on a grass*). Moscow: VGIK, 2005, 132 p. (In Russian).
11. Ozhegov S. I.; Shvedova, N. Ju.: Tolkovyj slovar' russkogo jazyka (*Explanatory dictionary of the Russian language*). Moscow: Az, 1996. 678 p. (In Russian).
12. Ushakov D. N.: Tolkovyj slovar' russkogo jazyka (*Explanatory dictionary of the Russian language*). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya: OGIZ, 1935–1940. 678 p. (In Russian).
13. Chernyshev V. I.: Pravil'nost' i chistota russkoj rechi (*Correctness and purity of the Russian speech*). Moscow: Progress, 1970. 443 p. (In Russian).

УДК 070 (091)

О. И. Лепилкина, О. А. Макарова

СПЕЦИФИКА ОСВЕЩЕНИЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ В ЖУРНАЛЕ «СТАВРОПОЛЬСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ» (1904–1905)

Актуальность статьи обусловлена тем, что осмысление опыта церковной прессы в контексте военно-политических событий приближает современную историко-журналистскую науку к объективному пониманию роли средств массовой информации в социуме. Впервые охарактеризованы предметно-тематические линии, жанровые приоритеты и функциональное назначение публикаций

в журнале «Ставропольские епархиальные ведомости», связанных с русско-японской войной 1904–1905 гг. Выявлена оценка военных событий в публицистике епархиальных ведомостей.

Ключевые слова: церковные издания, провинциальная пресса, жанр, тематика, функции журналистики, русско-японская война 1904–1905 гг.

O. I. Lepilkina, O. A. Makarova

THE PECULIARITIES OF THE COVERAGE OF THE RUSSIAN-JAPANESE WAR IN THE MAGAZINE «STAVROPOL EPARCHIAL GAZETTE» (1904 – 1905)

Periodic church newspapers and magazines have the experience of functioning in the context of military-political events. This experience gives us the ability to understand the objective role of media in society. The above-mentioned explains the relevance of the article. The authors analyze the topics, genres and functions of journalistic publications about

the Russian-Japanese war of 1904–1905 on the pages of the magazine «Stavropol eparhial gazette». The analysis is performed for the first time and allows us to see how eparhial papers reported the events of the war of 1904–1905.

Key words: Church periodicals, provincial press, genre, thematic, the function of journalism, Russian-Japanese War of 1904–1905.

Провинциальная епархиальная пресса России дореволюционного периода на современном этапе вызывает повышенный интерес исследователей, в том числе в аспекте отражения в ней общественно-политических событий [1; 2; 4; 5; 7; 8; 10; 11]. Именно политические пертурбации давали периодике Русской православной церкви (РПЦ) значимые информационные поводы. Тенденция к диффузии религиозной и светской тематик особенно ярко проявилась в начале XX в. в условиях масштабных общественных трансформаций. Церковные издания отражали внешние и внутренние события политической жизни страны в рамках информационной политики, диктуемой христианскими догматами и официальной позицией РПЦ. Хотя «исследователи, как отечественные, так и большинство зарубежных, единодушны в своих выводах о том, что

в начале XX в., особенно к 1917 г., авторитет Церкви среди широких слоев населения значительно упал» [4, с. 9], тем не менее конфессиональные издания оказывали влияние на определенный сегмент аудитории – клириков и прихожан. По оценке К. Е. Нетужилова, епархиальные ведомости «в качестве особого типа периодических изданий сыграли важную роль в истории церковной журналистики» [11, с. 153]. Собственную, только им присущую нишу они занимали и в общей системе провинциальной прессы [см. подробнее: 7].

Исследовательская установка в рамках представленной работы заключается в выявлении функционального назначения, основных тематических линий и жанровых форм освещения русско-японской войны в «Ставропольских епархиальных ведомостях» за 1904–1905 гг. Интерес к этому событию обу-

словлен тем, что дальневосточная кампания стала одним из катализаторов политической модернизации в России с последующим выбором между эволюционным и революционным путями развития страны.

Вследствие географической отдаленности в периодике Ставрополя до 1904 г. тема русско-японских отношений практически не возникала, в «Ставропольских епархиальных ведомостях» в предвоенное десятилетие нет ни одного материала на эту тему.

Изменения произошли в период, когда одной из ведущих тем в российской печати стали военные действия на Дальнем Востоке – после выхода Высочайшего Манифеста о начале войны (27 января 1904 г.) и вплоть до заключения Портсмутского мира (23 августа 1905 г.). За это время «Ставропольские епархиальные ведомости» выпустили 38 номеров и в каждом так или иначе обращались к этой теме, которая получала специфическое воплощение, связанное в том числе с указанной выше удаленностью региона от места событий.

Высочайший Манифест был опубликован в «Ставропольских епархиальных ведомостях», в номере от 16 февраля 1904 г. В издании РПЦ он выглядел тем уместнее, что в обращении императора содержалась прямая апелляция к православию: «Мы с непоколебимой верой в помощь Всевышнего и в твердом уповании на единодушную готовность всех верных наших подданных встать вместе с нами на защиту Отечества, призываем благословение Божие на доблестные наши войска армии и флота...» (Ставропольские епархиальные ведомости. 1904. № 4).

Документ открыл на страницах «Ставропольских епархиальных ведомостей» новую тему и отчасти определил жанровые формы отражения русско-японской войны. Условно все материалы на данную тему за период 1904–1905 гг. можно разделить на три части: 1) официальные документы и сообщения; 2) отчеты о благотворительности; 3) публицистические статьи и выступления, развивающие тему православия и патриотизма. Первый из перечисленных блоков имел различные уровни в зависимости от источника информации и масштаба темы. Для журнала «Ставропольские епархиальные ведомости» эти уровни распределялись следующим образом: вначале следовали высочайшие

официальные документы и сообщения, исходившие непосредственно от монарха, приближенных ему лиц и правительства, далее – документы Святейшего Синода, российских благотворительных обществ и, наконец, от епархиального начальства.

Публицистика на условно верхнем уровне представлялась в перепечатках из столичных изданий. Местный уровень составляли статьи, слова, речи и проповеди местных священников, апеллирующие к событиям на Дальнем Востоке.

Чаще всего в журнале публиковались официальные материалы информационного характера, касающиеся специфики деятельности Церкви в военных условиях. В том же номере, что и Манифест, были размещены «Определения Святейшего Синода от 28 января 1904 г. за № 409 по Высочайшему Манифесту о войне с Японией». Первым предписанием высшего органа управления Русской православной церкви следовало распространить Манифест в прессе (что и было сделано) и озвучить его содержание прихожанам, «а затем во всех церквях приносить Господу Богу о победе над врагом вседневные молитвы, при сем прилагаемая» (Ставропольские епархиальные ведомости. 1904. № 4).

В издании отразилось, что на протяжении войны церковь придавала первостепенное значение выполнению новых принятых молитвенных правил. С первого же «военного» номера печатались определения и указы Святейшего Синода по вопросу о возносимых прошениях и молитвах об утверждении мира. Например, в № 19 от 1 октября 1904 г., в рубрике «Распоряжения епархиального начальства» помещено указание епископа Ставропольского и Екатеринодарского Агафодора, «чтобы во все время продолжения военных действий на Дальнем Востоке в церковных приходах епархии каждодневно после утренних молитв возносилась к Господу Богу молитва о даровании нашему воинству победы над врагом» (Ставропольские епархиальные ведомости. 1904. № 19).

С помощью «Епархиальных ведомостей» на Ставрополье выстраивалась внутрицерковная система пожертвований на нужды фронта, семей убитых и раненых. В том же № 4 от 16 февраля 1904 г. было размещено определение Священного Синода от 28 ян-

варя 1904 г. за № 398 «препроводить в распоряжение Главного управления Российского общества Красного Креста на санитарные нужды нашей действующей на Дальнем Востоке армии 100 тысяч рублей из имеющихся в распоряжении Священного Синода сумм» и предписать всем членам церкви, включая приходское духовенство, передавать посильные пожертвования в местные отделения общества Красного Креста. «Ставропольские епархиальные ведомости» от 1 марта 1904 г. начинались публикацией документа Священного Синода «Об установлении особого сбора пожертвований по всем церквям Российской империи в пользу раненых и больных воинов на Дальнем Востоке». Здесь же размещалось письмо председателя Ставропольского Управления Российского Общества Красного Креста, обратившегося к главе епархии с просьбой разрешить приступить к вышеупомянутым сборам, и положительная резолюция епископа Агафодора.

В № 5 от 1 марта 1904 г. было опубликовано распоряжение епархиального начальства «О сборе пожертвований на нужды правительства на время войны с Японией» – об обязательном отчислении 1% поступающих в распоряжение сумм причтами и монастырями епархии, а также лицами, служащими в духовно-учебных заведениях и состоящими на епархиальной службе.

Призывы к безвозмездной помощи сочетались в журнале с материалами о благотворительных акциях. Так, было напечатано «Предложение Его Преосвященства, Преосвященнейшего Агафодора, Епископа Ставропольского и Екатеринодарского на имя Ставропольской Духовной Консистории, от 16 февраля сего г. за № 1086», в котором сообщалось, что он пожертвовал 10 % полученного содержания и одновременно 1000 рублей от себя и столько же от архиерейского дома с пометкой: «препроводить в пользу вдов и сирот воинов, убиенных на поле брани». Владыка высказал пожелание женским обителям епархии и епархиальным училищам «потрудиться для больных и раненых воинов изготовлением больничных материалов» (Ставропольские епархиальные ведомости. 1904. № 5).

Позже неоднократно публиковались сведения, перекликавшиеся с этим обращением, – «О жертвах и трудах Ставропольского

Иоанно-Мариинского женского монастыря на пользу раненых воинов», о шитье белья для больных и раненых воинов на Дальнем Востоке.

Анализ перечисленных и подобных им материалов позволяет утверждать, что журнал выполнял интегрирующую и организаторскую функции в отношении клириков и их паствы.

В ведомостях регулярно печатались отчеты по собранным суммам. Многие номера второго года войны (№№ 5, 6, 8, 21 от 1905 г.) начинались с поступивших в Ставропольскую духовную консисторию Высочайших благодарностей императрицы Марии Федоровны за пожертвования в фонд Российского общества Красного Креста. В неофициальном отделе публиковались отчеты различных обществ и организаций, работающих на нужды фронта (например, таких как Правление высочайше учрежденного общества для распространения Священного писания в России).

Редкостью были официальные сообщения, касавшиеся непосредственно участников войны. В частности, из документов можно было узнать о том, что учрежден особый сбор сведений об убитых и раненых офицерах и нижних чинах в войне с Японией и определен алгоритм получения этих сведений. Летом 1904 г. «Ставропольские епархиальные ведомости» разместили сообщение канцелярии Святейшего Синода: «...доставлять сведения о числе благоговейных и вполне благонадежных священников или иеромонахов, каковые по одному или по два из каждой епархии могли бы быть, в случае надобности, командированы для удовлетворения духовных нужд православных воинов действующей на Дальнем Востоке армии...» (Ставропольские епархиальные ведомости. 1904. № 16).

Публицистические материалы, касающиеся непосредственно военных действий, в «Ставропольских епархиальных ведомостях» были немногочисленны и размещались в неофициальном отделе. Многие из них представляли собой перепечатки из столичной периодики (из «Московских церковных ведомостей», «Русского инвалида» и некоторых других изданий). Речь в таких публикациях шла о военном служении православных священников (например, в очерке «Наши пастыри на войне» в № 21 от 1 ноября 1904 г.).

Осмысление войны и отношение к ней озвучивалось в публикуемых речах и словах местных священнослужителей. Для материалов такого рода был характерен высокий патриотический настрой, эмоциональность, образность. В номере от 16 февраля 1904 г. было опубликовано «Слово в день Сретения Господня и по случаю начала войны с Японией» протоиерея П. Смирнова. События на Дальнем Востоке он трактовал как подтверждение мысли об эксклюзивном пути развития России и повод для критики использования технического прогресса в военных целях: «Где мыслится ныне главное применение и цель и назначение железных дорог и телеграфа, для которых, можно сказать, не существует расстояния? Не в возможности ли в несколько суток передвинуть с края на край света миллионы рук, готовых убить друг друга, а в минуты и часы передать им за десятки тысяч верст планы и указания вражды и взаимоистребления?» (Ставропольские епархиальные ведомости. 1904. № 4). Так реализовывалась духовно-идеологическая функция журнала в контексте отведенной ему церковью социальной роли.

В этом же ключе в неофициальном отделе строились многие материалы с указанной

тематикой. «Когда переносишься мыслю на этот, столь хорошо известный теперь нам Дальний Восток, когда представляешь себе это страшное поле битвы, где все обрызгано кровью, все обложено огнем, где стоны и вопли раненых, где по выражению пророка «одно рыдание, жалость и горе» – тогда прямо сжимается сердце и из глубины души невольно вырывается вопрос: когда же будет конец этому бедствию?» (Слово в канун Нового года, произнесенное на всеобщем бдении диаконом Николаем (Стенковским) // Ставропольские епархиальные ведомости. 1905. № 1).

Такая оценка военных событий в церковных СМИ отражала негативное отношение авторов и аудитории к непопулярной, по мнению многих историков, войне.

Функциональный и жанрово-тематический аспекты публикаций «Ставропольских епархиальных ведомостей» за 1904–1905 гг. позволяют утверждать, что русско-японская война в епархиальной прессе отдаленного от Дальнего Востока региона освещалась преимущественно в официальных документах. Публицистические материалы были созвучны трагическому восприятию военных действий со стороны аудитории.

Литература

1. Буранок А. О. Русско-японская война на страницах «Самарских епархиальных ведомостей» // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 4. С. 79–86.
2. Землякова Н. А. Церковь и общество на страницах «Томских епархиальных ведомостей» во второй половине XIX – начале XX вв. [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/article/view?id=6997> (Дата обращения: 19.03.2016).
3. Кашеваров А. Н. Печать Русской православной церкви в XX веке. СПб.: Роза мира, 2004. 152 с.
4. Лёвина В. П. «Владивостокские епархиальные ведомости» о русско-японской войне 1904–1905 гг. // Концепт. 2014. Т.20. С. 491–495.
5. Леонов Д. Е. События 9 января 1905 г. в Санкт-Петербурге на страницах «Ярославских епархиальных ведомостей» // Ярославский педагогический вестник. 2010. Т.1. № 3. С. 43–46.
6. Лепилкина О. И. Система русской провинциальной периодической печати (XVIII – начало XX в.). М.: Илекса, 2010. 354 с.
7. Макарова О. А. Политическая информация на страницах журнала «Ставропольские епархиальные ведомости» на рубеже XIX–XX веков // Медиа- и межкультурная коммуникация в европейском контексте: Материалы Международной научно-практической конференции (г. Ставрополь, 15–18 октября 2014 г.) / отв. ред. О. И. Лепилкина, С. В. Серебрякова. Ставрополь: СКФУ, 2014. С. 37–39.
8. Морозова Н. Н. Освещение политических вопросов в «Тобольских епархиальных ведомостях» (1882–1905 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 35–38.
9. Нетужилов К. Е. История церковной журналистики в России XIX – начала XX века. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2009. 352 с.
10. Петрова О. А. Развитие общественно-политической тематики на страницах «Тобольских епархиальных ведомостей» в период между двумя революциями 1917 года // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: Материалы Всероссийской научной конференции, Пермь, 8 апреля 2013 г. / отв. ред. Н. В. Соловьева. Пермь: ПГНУ, 2013. С. 43–50.

11. Содоль В. А. Благотворительная деятельность духовенства Кишиневской епархии на начальном этапе Первой мировой войны (по материалам «Кишиневских епархиальных ведомостей») // Русин. 2014. № 4 (38). С. 30–46.

References

1. Buranok A. O. Russko-japonskaja vojna na stranicah «Samarskih eparhial'nyh vedomostej» (*The Russo-Japanese war on the pages of «Samara eparchial gazette»*) // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2007. No. 4. P. 79–86. (In Russian).
2. Zemljakova N. A. Cerkov' i obshhestvo na stranicah «Tomskih eparhial'nyh vedomostej» vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. (*The Church and society in the pages of «Tomsk eparchial gazette» in the second half of XIX – early XX*) // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2012. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=6997> (Accessed: 19.03.2016). (In Russian).
3. Kashevarov A. N. Pechat' Russkoj pravoslavnoj cerkvi v XX veke (*The press of the Russian Orthodox Church in the twentieth century*). St. Petersburg: Roza mira, 2004. 152 p. (In Russian).
4. Ljovina V. P. «Vladivostokskie eparhial'nye vedomosti» o rusko-japonskoj vojne 1904 – 1905 (*The Vladivostok eparchial Gazette» about the Russian-Japanese war 1904–1905*) // Koncept. 2014. Vol. 20. P. 491–495. (In Russian).
5. Leonov D. E. Sobytiya 9 janvarja 1905 g. v Sankt-Peterburge na stranicah «Jaroslavskih eparhial'nyh vedomostej» (*The events of 9 January 1905 in Saint-Petersburg in «The Yaroslavl eparchial gazette»*) // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2010. Vol. 1. No. 3. P. 43–46. (In Russian).
6. Lepilkina O. I. Sistema ruskoj provincial'noj periodicheskoj pechati (XVIII – nachalo HH v.). (*The system of Russian provincial periodicals (XVIII – beginning of XX)*). Moscow: Ileksa, 2010. 354 p. (In Russian).
7. Makarova O. A. Politicheskaja informacija na stranicah zhurnala «Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti» na rubezhe XIX–XX vekov (*Political information in the magazine «Stavropol eparchial gazette» at the turn of XIX–XX*) // Media- i mezhkul'turnaja komunikacija v evropejskom kontekste / ed by O. I. Lepilkina, S. V. Serebrjakova. Stavropol': NCSU, 2014. P. 37–39. (In Russian).
8. Morozova N. N. Osveshhenie politicheskikh voprosov v «Tobol'skih eparhial'nyh vedomostjah» (1882–1905) (*Coverage of political issues in the «Tobolsk eparchial gazette»*) // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2012. №3. P. 35–38. (In Russian).
9. Netuzhilov K. E. Istorija cerkovnoj zhurnalistiki v Rossii XIX – nachala XX veka (*The history of the Church journalism in Russia XIX – early XX*) St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy, 2009. 352 p. (In Russian).
10. Petrova O. A. Razvitie obshhestvenno-politicheskoi tematiki na stranicah «Tobol'skih eparhial'nyh vedomostej» v period mezhdu dvumja revoljucijami 1917 goda (*The development of social and political thematics in the «Tobolsk eparchial gazette» in the period between the two revolutions of 1917*) // Filologija v XXI veke: metody, problemy, idei / ed by N. V. Solov'eva. Perm: PSNU, 2013. P. 43–50. (In Russian).
11. Sodoľ V. A. Blagotvoritel'naja dejatel'nost' duhovenstva Kishinevskoj eparhii na nachal'nom jetape Pervoj mirovoj vojny (po materialam «Kishinevskih eparhial'nyh vedomostej») (*Charitable activities of the clergy of the diocese of Chisinau at the initial stage of the First world war (on materials «The Kishinev eparchial gazette»*) // Rusin. 2014. No. 4 (38). P. 30–46. (In Russian).

УДК 81-11

Т. В. Марченко

ГАРМОНИЗИРУЮЩИЕ РЕЧЕВЫЕ ТАКТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖАНРА ИНТЕРВЬЮ)¹

Статья посвящена изучению лингвопрагматических аспектов гармоничной коммуникации, базирующейся на принципе толерантности, а также анализу речевых стратегий и тактик, способствующих гармонизации коммуникативного акта. Устанавливается коммуникативно-ситуативная природа речевых действий, уточняется номенклатура стратегий, реализующих принципы толерантности. В статье показано, что положительный

вектор прагматики коммуникативного взаимодействия может быть задан посредством ассертивного речевого поведения через стратегию информирования, реализуемую с помощью тактик проведения аналогии, апелляции к лучшему опыту, единения и иллюстрации.

Ключевые слова: гармоничная коммуникация, толерантность, речевая стратегия, речевая тактика, коммуникативный акт.

T. V. Marchenko

HARMONIZING SPEECH TACTICS (ON INTERVIEW MATERIALS)

The article studies linguopragmatic aspects of harmonious communication based on tolerance principle and analyzes speech strategies and tactics which tune a communicative act. Communicative and contextual nature of speech actions is specified, the variety of strategies actualizing tolerance principle is defined. The article reveals that a positive pragmatic vector of communicative interaction

can be determined by assertive verbal behavior with the reference to informing strategy which is actualized by means of analogy tactics, reference to best practices tactics, solidarity tactics and illustration tactics.

Key words: harmonious communication, tolerance, speech strategy, speech tactics, communicative act.

По меткому замечанию Э. Фромма, «ученый, занимающийся изучением человека, более всех других исследователей подвержен воздействию социального климата. Это происходит оттого, что не только он сам, его образ мыслей, его интересы и поставленные им вопросы детерминированы обществом (как это бывает и в естественных науках), но также детерминирован обществом и сам предмет его исследования – человек» [12, с. 23]. Современные тенденции интенсификации взаимодействия как в индивидуальном плане, так и в опосредованном формате (масс-медиа, соцсети, интерактивные площадки) обуславливают важность изучения особенностей коммуникативных процессов

на соответствующих уровнях: межличностном, межкультурном и межэтническом. Каждая из типологических характеристик, потенциально влияющих на процесс общения – вид, характер взаимодействия, преобладающая система кодирования информации, форма осуществления коммуникации, количество участников, направленность, пространственно-масштабные свойства, интенсивность и интегрированность в сопутствующие коммуникативные процессы, может формировать уникальный характер коммуникации в конкретных условиях.

Задача нашей статьи состоит в уточнении лингвопрагматических аспектов согласованной коммуникации, базирующейся на прин-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. «Толерантность как компетентностная составляющая коммуникативно гибкой языковой личности в условиях поликультурного Северо-Кавказского региона», проект № 15-04-00126.

ципе толерантности, а также в выявлении речевых тактик, способствующих гармонизации коммуникативного акта. Материалом для анализа послужили тексты интервью с различными общественными деятелями и представителями культурного сообщества, опубликованные в издании «Коммерсантъ» с января по апрель 2016 г.

Выбор текстов интервью для практического анализа во многом обусловлен тем, что при изучении вербальной составляющей коммуникации в фокусе исследовательского внимания оказывается личностное осмысление и интерпретация экстралингвистических условий и коммуникативной деятельности, направленной на достижение задач и сверхзадач коммуникации. Являясь диалогическим жанром, интервью имеет специфическое назначение и предмет сообщения: отображение не только события, но и мнения конкретного человека (или людей) об этих событиях. При этом интервью – это коммуникативно гибкий жанр, «обеспечивающий точность в передаче информации и воспроизведении мнения человека» [3, с. 192]. Данный факт позволяет детально проследить речевое поведение участника рассматриваемого коммуникативного процесса.

В основе любого коммуникативного акта лежат базовые принципы, отражающие коммуникативные качества речи: правильность, чистоту, логичность, выразительность, уместность, доступность и действенность. В исследованиях по выявлению коммуникативно-прагматических установок участников общения наибольшую известность приобрели принцип кооперации (по П. Грайсу: максимы количества, качества, отношения/релевантности и способа выражения) и принцип вежливости (по Дж. Личу: максимы такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия и симпатии) [2, с. 217–237; 13, р. 132–156]. В аспекте социальных и психологических условий не менее релевантным признается принцип толерантности, под которым, согласно «Декларации принципов толерантности», принятой ЮНЕСКО, понимается «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности» [4]. Культурный и прагматический аспекты данного принципа во

многом соотносятся с упомянутыми ранее. С точки зрения практики речевого общения толерантность может рассматриваться как некоторая совокупность «дискурсивных практик, реализация или соблюдение которых обеспечивает гармоничный процесс взаимодействия в условиях поликультурного пространства» [8]. Данные практики регулируются убеждениями, культурно обусловленными нормами поведения, целеустановками и ценностями, разделяемыми каждым из участников общения.

Опора на принцип толерантности обеспечивает согласованное общение, под которым понимается «речевое поведение каждого из участников коммуникативного процесса относительно решаемых ими целей и задач, обуславливающих формирование психологического комфорта (климата) и содействующих укреплению своих коммуникативных и личностных позиций в оценке их сопричастности к системно организованной последовательности интерактивных проявлений» [10, с. 16]. Заметим, что в эксплицитном плане коммуникация отражает «ценности, разделяемые всеми членами коммуникативного взаимодействия, систему отношений, формирующую и определяющую поведенческие нормы в рамках типовых интеракций», в то время как имплицитный – это процесс подстройки коммуникантов под уровни модальности и субмодальности восприятия информации друг от друга [10, с. 7–8].

Нарушение максим и базовых принципов общения затрудняет его или, в крайних случаях, делает его невозможным. Неудача в рамках конкретного коммуникативного акта может быть следствием нарушения одного из постулатов (максим) и, как следствие, базовых общекоммуникативных принципов. Подобные нарушения могут иметь и интенциональную природу. По мнению В. И. Карасика, это обусловлено разными причинами. Во-первых, некоторые постулаты по сути противоречивы, например, «будь вежлив» vs «будь краток». Вежливость в сугубо информативном общении является избыточной. Во-вторых, коммуникативные стратегии, реализуемые участниками общения, могут иметь разный прагматический вектор: положительный vs отрицательный. В-третьих, некоторые коммуникативные ситуации могут требовать нарушения максимы способа выражения [5, с. 114].

Крайней формой нарушения гармоничных предпосылок коммуникативного акта является агрессия. Э. Фромм предлагает различать два принципиально разных вида агрессии: «доброкачественную», то есть филогенетически заложенный импульс к атаке (или бегству) в случае возникновения угрозы жизни, и «злокачественную» – деструктивность и жестокость, которые не служат биологической адаптации и не имеют в своей основе никакой рациональной интенции. Проводя подробный анализ инстинктивистских концепций агрессивного поведения, исследователь приводит базовые принципы, лежащие в их основе. Одним из таких принципов является утверждение о том, что «по мере цивилизационного прогресса степень деструктивности возрастает (а не наоборот)» [12, с. 25]. Оспаривая эти концепции, Э. Фромм утверждает, что проявление экзистенциальных потребностей человека (потребность в любви, свободе, жажда собственности и власти) во многом зависит от социальных условий, влияющих на биологически заданную ситуацию и возникающие в связи с этим потребности. В качестве решения проблемы человеческой деструктивности исследователь видит создание таких условий, при которых высшей целью всех общественных устремлений станет всестороннее развитие человека [12, с. 26–33].

Обращение к вербальной составляющей коммуникации фокусирует исследовательское внимание на личностном осмыслении и интерпретировании экстралингвистических условий и коммуникативной деятельности, направленной на достижение коммуникативных задач и сверхзадач. Аксиоматично, что структура языковой личности представляет собой синтез трех уровней: вербально-грамматического (владение нормами языка), когнитивного (языковая картина мира, отраженная в обобщенных понятиях и концептах) и прагматического (использование языка для реализации конкретных коммуникативных интенций). При этом «воплощением прагматического аспекта языковой личности» является речевая, важнейшей чертой которой, по утверждению А. А. Мурашова, является «умение найти наилучшее речевое реагирование в конкретной ситуации» [11, с. 33, 37]. Отмечая качества речевой личности, ученый при этом упоминает целый ряд умений,

а именно умение исключать конфликт, принятие и понимание собеседника, учет ситуации, умение мотивировать собеседника на выполнение каких-либо действий, а также формулировать высказывание, соответствующее моменту и психологии собеседников [11, с. 36]. Для такой личности особое значение приобретает креативность, которая во многом соотносится с понятием коммуникативной компетентности.

Исследование речевого поведения индивида в конкретной коммуникативной ситуации позволяет выявить наиболее эффективные речевые стратегии, гармонизирующие процесс общения. В рамках подобной трактовки стратегий их базовыми характеристиками являются «целенаправленность и осознанность, основывающиеся на потенциально возможной вариативности вербального оформления интенций» [7, с. 3]. Опираясь на уникальный личный опыт и принимая во внимание условия общения, статус участников, культурные нормы и обычаи, прагматические установки и конкретную цель коммуникации, индивид осуществляет выбор способа вербализации своих интенций. В этом процессе задействован комплекс языковых средств, в число которых также входят выразительные средства и стилистические приемы, которые обладают «потенциалом для обеспечения целостности текста и манифестации интенции автора» [14].

В отношении реализации принципов толерантности представляется возможным выделить две макростратегии, объединяющие ряд частных тактик: акционную и реакционную. Акционная макростратегия «предполагает реализацию ассертивного, конструктивного поведения как изначальный импульс коммуникации» [8]. Реализация акционной стратегии свидетельствует о высокой степени сформированности умения вести вербальную коммуникацию, осуществлять деятельностные поступки, адекватные коммуникативным условиям и культурным традициям общения в конкретном социуме, а также о наличии целеустановки транслировать принципы толерантности и взаимоважности в процессе взаимодействия. Реакционная стратегия предполагает ответные коммуникативные действия в отношении провокационного речевого поведения.

С нашей точки зрения, одной из наиболее актуальных речевых стратегий для жанра

бы пробиться к живой ткани, надо удалить мертвую. У нас общество глубоко больное само по себе, мы не знаем, как общаться с людьми с особенностями, мы их не понимаем, часто не хотим их принимать, нам не привита толерантность к ним. Мой сын учится во втором классе, к ним пришел мальчик-аутист. Я был с ними на экскурсии в Царицыно, эти маленькие дети и даже их родители не знают, как себя вести. Они не приучены. Дети смеются, говорят: «Он все равно дурак и ничего не поймет». Это дикость и варварство, потому что у нас нет культуры общения с особенными людьми. И эту культуру надо прививать. Мы все должны в этом участвовать [1].

«Риторичность» вопроса о том, что именно этот проект дает зрителю, находит живой отклик у актера. Проводя аналогию между изменением отношения к людям с инвалидностью и «сдиранием загрубевшей кожи и душевных корост», а также приводя пример из личной жизни, А. Белый ярко демонстрирует приверженность и непосредственную реализацию принципов толерантности в данной коммуникативной ситуации.

Необходимо отметить, что тактики *апелляции к лучшему опыту и иллюстрация* (выделено нами. – авт.) являются наиболее частотными в рамках проанализированного практического материала. Данный факт во многом обусловлен репрезентативным характером указанных тактик, которые обеспечивают упоминание коммуникативно значимых феноменов, наглядно поясняющих суждения говорящего и манифестирующих культурно обусловленные принципы, лежащие в их основе. Показательным в этом плане можно считать следующий контекст:

Как можно решить эту проблему?

Я вам расскажу про опыт наших римских друзей. В Риме есть НКО «Община Святого Эгидия», они, в частности, занимаются помощью бездомным и старикам. Наша некоммерческая организация в России – «Друзья общины Святого Эгидия» – была создана как раз по их подобию и с той же идеей помощи бедным людям. Так вот, в Риме общественникам удалось договориться с мэрией, и там придумали улицу, которой

на самом деле нет... Сейчас многие бездомные регистрируются на улице Модесты Валенти. Конечно, этой регистрации недостаточно, чтобы получить социальное жилье, но ее достаточно для получения социальных услуг, которые государство обязано человеку оказывать. Получив «виртуальный» адрес, бездомные легализовались и могут вступать в переписку с государственными учреждениями. А все письма приходят в НКО, которое ими занимается. Это очень хорошее решение проблемы [6].

В интервью «Коммерсантъ Власть» координатор движения «Друзья на улице» при благотворительной организации «Друзья общины святого Эгидия» Наталья Маркова комментирует проблему бездомных. Специалист поясняет сложности, с которыми сталкиваются социально неустроенные люди, и намечает пути решения основных задач в этой сфере. Н. Маркова отмечает, что нередко эти люди сталкиваются с агрессивной реакцией других членов общества, не могут обратиться в социальные службы и получить регистрацию. Предлагая решение этой актуальной для любого современного общества проблемы, специалист апеллирует к успешному опыту, полученному в этом направлении и демонстрирующему, что взаимоуважение и конструктивный подход могут дать положительный результат.

Таким образом, с точки зрения гармонизации общения опора на принцип толерантности может рассматриваться как активная коммуникативная позиция участника общения. Определенный уровень сформированности коммуникативной компетентности языковой личности позволяет идентифицировать чужие и реализовывать собственные ситуативно-коммуникативные стратегии и тактики на межличностном, межкультурном и межэтническом уровнях. Положительный вектор прагматики коммуникативного взаимодействия может быть задан в первую очередь за счет про-активного, гармонизирующего речевого поведения, а также реализации стратегии информирования посредством тактик проведения аналогии, апелляции к лучшему опыту, единения и иллюстрации.

Литература

1. Алленова О. В. У нас нет культуры общения с особенными людьми [Электронный ресурс] // Коммерсантъ Власть. 2016. № 16. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2968039> (Дата обращения: 02.06.2016).

2. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. 1985. Вып. XVI. С. 217–237.
3. Гуревич С. М. Газета: вчера, сегодня, завтра. М.: Аспект Пресс, 2004. 288 с.
4. Декларация принципов толерантности. Резолюция 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16.11.1995 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tolerance.ru/toler-deklaraciya.php> (Дата обращения: 02.06.2016).
5. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.
6. Маркова Н. С. На всю Москву есть три станции дезинфекции [Электронный ресурс] // Коммерсантъ Власть. 2016. № 8. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2923189> (Дата обращения: 02.06.2016).
7. Марченко Т. В. Манипулятивный потенциал интертекстуальных включений в современном политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь: СГУ, 2007. 28 с.
8. Марченко Т. В. Речевые стратегии и тактики гармонизации общения в поликультурной среде [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=19480> (Дата обращения: 02.06.2016)..
9. Милостивая А. И., Серебрякова С. В. Идеологический потенциал диссимметрии в политическом нарративе // Политическая лингвистика. 2010. № 3(33). С. 41–49.
10. Морозова О. Н. Дискурс согласия в диалогическом пространстве. М.: ИЯ РАН, 2005. 220с.
11. Мурашов А. А. Личность и речь: эпоха кризисов. М.: МПСИ, 2005. 504 с.
12. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2015. 618 с.
13. Leech G.H. Principles of Pragmatics. NY, London: Longman, 1983. 250 p.
14. Marchenko T. V. Linguopragmatic and Translatological Potential of Expressive Means in Arundhati Roy's The God of Small Things [Электронный ресурс] // Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities. 2016. Vol. VIII, No. 1. URL: http://rupkatha.com/V8/n1/11_God_small_things_russian.pdf (Дата обращения: 30.06.2016).

References

1. Allenova O. V. U nas net kul'tury obshhenija s osobennymi ljud'mi (*We have no culture of communication with special people*) // Kommersant# Vlast'. 2016. No. 16. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2968039> (Accessed: 02.06.2016). (In Russian).
2. Grice G. P. Logika i rechevoe obshhenie (*Logics and speech communication*) // Novoe v zarubezhnoj lingvistike: Lingvisticheskaja pragmatika. 1985. Vol. XVI. P. 217–237. (In Russian).
3. Gurevich S. M. Gazeta: vchera, segodnja, zavtra (*Newspaper: yesterday, today, tomorrow*) Moscow: Aspekt Press, 2004. 288 p. (In Russian).
4. Deklaracija principov tolerantnosti. Rezolucija 5.61 General'noj konferencii UNESCO ot 16.11.1995. (*Declaration of Principles on Tolerance, Gen. Conf. Res. 5.61*). URL: <http://www.tolerance.ru/toler-deklaraciya.php> (Accessed: 02.06.2016). (In Russian).
5. Karasik V.I. Jazyk social'nogo statusa (*Language of social status*) Moscow: Gnozis, 2002. 333 p. (In Russian).
6. Markova N. S. Na vsju Moskvu est' tri stancii dezinfekcii (*There are only three disinfection stations in Moscow*) // Kommersant# Vlast'. 2016. No. 8. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2923189> (Accessed: 02.06.2016). (In Russian).
7. Marchenko T. V. Manipuljativnyj potencial intertekstual'nyh vkljuchenij v sovremennom politicheskom diskurse (*Manipulative potential of intertextual elements in present-day political discourse*): abstract of thesis. Stavropol: SSU, 2007. 28 p. (In Russian).
8. Marchenko T. V. Rechevyje strategii i taktiki garmonizacii obshhenija v polikul'turnoj srede (*Speech strategies and tactics to harmonize communication in polycultural environment*) // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2015. No. 1-1. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=19480> (Accessed: 02.06.2016). (In Russian).
9. Milostivaja A. I., Serebriakova S.V. Ideologicheskij potencial dissimmetrii v politicheskom narrative (*Ideological potential of dissymmetry in political narrative*) // Politicheskaja lingvistika. 2010. No. 3(33). P. 41–49. (In Russian).
10. Morozova O. N. Diskurs soglasija v dialogicheskom prostranstve (*Concord discourse in dialogue*). Moscow: IL RAS, 2005. 220 p. (In Russian).
11. Murashov A. A. Lichnost' i rech': jepoha krizisov (*Individuality and speech: the epoch of crises*). Moscow: MPSI, 2005. 504 p. (In Russian).
12. Fromm E. Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti (*The Anatomy of Human Destructiveness*). Moscow: AST, 2015. 618 p. (In Russian).
13. Leech G. H. Principles of Pragmatics. NY, London: Longman, 1983. 250 p. (In Russian).
14. Marchenko T. V. Linguopragmatic and Translatological Potential of Expressive Means in Arundhati Roy's The God of Small Things // Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities. 2016. Vol. VIII, No. 1. URL: http://rupkatha.com/V8/n1/11_God_small_things_russian.pdf (Accessed: 30.06.2016). (In Russian).

УДК 81-11

Э. В. Пиванова

МЕДИЦИНСКИЙ ПЕРЕВОД В СИТУАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

В статье обосновывается необходимость теоретической разработки специальной теории медицинского перевода, основанной на текстоцентрическом подходе с акцентом на лингвопрагматических особенностях медицинских текстов, учитывающей их тематическую и жанровую принадлежность, а также различные виды деятельности переводчика, опосредующего широкую межкультурную профессиональную коммуникацию в сфере теоретической и практической медицины.

Предлагается контаминированная классификация текстовых жанров, в которых реализуется современный медицинский дискурс, и которые требуют специального теоретического описания и анализа как объекты профессиональной деятельности переводчика.

Ключевые слова: теория перевода, специальный перевод, медицинский перевод, медицинский текст, обучение переводу.

E.V. Pivanova

MEDICAL TRANSLATION IN CONTEMPORARY INTERCULTURAL PROFESSIONAL COMMUNICATION

The item offers a focus on the need for theoretical development of special medical translation studies, which would be based on a text-centered approach, also placing an emphasis on linguo-pragmatic features of medical texts in view of their theme and genre as well as various activities adopted by the translator acting as an intercultural professional go-between in the area of theoretical and

practical medicine. The author introduces a contaminated classification for text genres that are applied to the contemporary medical discourse and that require special theoretical description and analysis being the subject for the translator's professional activity.

Key words: translation theory; special translation; medical translation; medical text; translation teaching.

Медицинский перевод признан в качестве одного из наиболее востребованных и одновременно наиболее сложных, трудоемких и ответственных видов перевода. В настоящее время происходит интенсификация международных научных, образовательных и производственных контактов в сфере медицины, медицинских технологий и биотехнологий, что повышает потребность в специалистах, владеющих не только иностранным языком в профессиональной сфере, но и теоретическими и практическими знаниями в области специального медицинского перевода, конвенциями профессионального общения, новыми инфокоммуникационными технологиями, навыками самосовершенствования в избранной предметной области и профессиональной сфере.

Несмотря на исключительно высокую потребность в переводных научных текстах, освещающих передовые достижения биомедицинской науки, теория такого перевода и практические рекомендации к его осуществлению находятся пока еще в начальной фазе разработки; специфика преподавания медицинского перевода представлена в единичных пособиях и спорадических научно-методических статьях [2, 3, 4, 5, 7]. Полагаем, что, имея уже достаточно серьезный опыт, действующие практические переводчики-преподаватели могут заняться разработкой собственно теории медицинского перевода, а также создать образовательный продукт, в равной мере актуальный с теоретической и практической точки зрения, нацеленный на подготовку магистров линг-

вистики нового уровня, имеющих высокую профессиональную компетентность и конкурентоспособный уровень квалификации.

Обзор существующих в России образовательных практик показывает, что система подготовки медицинских переводчиков находится лишь на начальном этапе развития, хотя потребность в таких специалистах растет со всей очевидностью Сайт Московского бюро переводов «Сократ» [6]. Российское лингвистическое образование в настоящее время ориентировано на подготовку переводчиков-универсалов, приобретающих комплекс навыков работы с текстами разнообразной тематики, в результате доля переводчиков, способных к осуществлению качественного перевода в узкоспециальных областях (в том числе, в сфере медицины), оказывается весьма невысокой. Более того, подготовленными к работе с текстами из области медицины и биохимии переводчики становятся благодаря практическим навыкам, самостоятельно приобретенным в процессе работы с такими текстами, за счет собственных усилий, а не профессиональной подготовки на специальных курсах.

Здесь важно отметить, что переводчики с медицинским образованием считают, что оно незаменимо в этом виде деятельности, переводчики без оно не видят в нем необходимости. Однако в любом случае, основы медицинских знаний необходимы, чтобы понимать предмет перевода. Очевидно и то, что врач, владеющий иностранным языком, также не может быть хорошим переводчиком, поскольку переводчик – это отдельная профессия, которой необходимо учиться. Проведенное клиническое исследование *Sample Study: Errors of Medical Interpretation and Their Potential Clinical Consequences: A Comparison of Professional Versus Ad Hoc Versus No Interpreters* (2012 г.) с целью сравнить ошибки медицинских переводчиков, работающих в больницах, и их потенциальные последствия, показало, что профессиональный медицинский переводчик допускает меньше ошибок (12 %), по сравнению с непрофессионалом (медицинским работником, владеющим языком пациента, родственником пациента) (22 %) [1].

В результате обзора магистерских программ, действующих на сегодняшний день в РФ, выявлено, что освоение медицинского

перевода предлагается лишь в магистратуре по направлению «Лингвистика» Первого Московского государственного университета имени И. М. Сеченова (образовательная программа направлена на подготовку высококвалифицированных специалистов в области межкультурной профессиональной коммуникации и медицинского перевода), а также в рамках программы магистратуры, реализуемой в Волгоградском государственном университете по направлению подготовки «Лингвистика», профиль «Перевод и переводоведение» в качестве одного из разделов курса «Технологии профессионально-ориентированного перевода».

Еще раз подчеркнем, что актуальность и востребованность ориентации в преподавании специального перевода на тексты медицинской и биотехнологической тематики обусловлена требованиями современного контекста межкультурного профессионального общения. Заказчиками переводов являются научные работники и целые научные коллективы, педагогические работники, медицинские работники, физические лица (которым все чаще требуется перевод медицинской документации для продолжения обследования и лечения за рубежом). Необходимо отметить, что высока потребность не только в переводе собственно научных статей, аннотаций, презентаций, иных научных текстов и научно-технических документов, но и в переводческом сопровождении в процессе их представления к публикации либо другой формы обнародования (в частности, размещение в сети Интернет).

В связи с этим лингвисты-переводчики должны ориентироваться в вопросах языковой, прагматической и транслатологической специфики многочисленных текстовых жанров в области медицины, медицинских технологий и биотехнологий (научные статьи, обзоры, резюме, аннотации, сопроводительные письма (cover letters); презентации докладов на научных конференциях, симпозиумах; протоколы и результаты клинических исследований, медицинские документы физических лиц (диагнозы, эпикризы, выписки, истории болезни, результаты лабораторных обследований); технические паспорта, инструкции по эксплуатации, техническая документация (описания, руководства); инструкции-вкладыши по приему лекар-

ственных средств и медицинских изделий, информационные брошюры для врачей; отчеты исследований, заключения экспертизы, свидетельства о допуске; пресс-релизы, проспекты, презентации проектов и пр.; монографии, учебные пособия). Кроме того, переводчик должен владеть устойчивыми навыками установления и поддержания профессиональных контактов с издательствами, редакциями научных журналов, представителями научных сообществ в сфере медицины и биохимии, представителями зарубежных клиник, администраторами англоязычных специализированных сайтов, что, в частности, требует знания этических правил и норм, юридических аспектов деятельности переводчика.

Осознавая место и роль переводов специальных текстов в современном мире, магистранты в процессе работы с предложенными текстами выявляют и анализируют основные лингвистические и коммуникативно-прагматические характеристики специального перевода в области в области медицины, медицинских технологий и биотехнологий, что также формирует основу для их успешного саморазвития. Здесь делается акцент на следующих вопросах: специальный перевод как вид переводческой деятельности; современные требования к переводу и переводчику специальных текстов; общая характеристика современного медицинского и медико-биохимического дискурса; лексико-грамматическая и стилистическая специфика медицинского перевода; специфика медицинской терминологии и номенклатуры; коммуникативно-прагматическая специфика медицинского перевода; переводческая этика, переводчик медицинских текстов как субъект права.

С учетом того, что в перечень основных видов профессиональной деятельности, к которым готовятся выпускники магистратуры по направлению «Лингвистика», входит не только переводческая, консультативно-коммуникативная, информационно-лингвистическая, но и научная деятельность, одним из направлений работы в рамках данного курса должно стать научно-теоретическое осмысление специфики медицинского перевода, написание магистрами научных статей по данной проблематике, составление научно-методических материалов (в соавторстве

с научными руководителями либо самостоятельно) на основе опыта, приобретенного в процессе изучения данного курса. Именно поэтому в качестве специальных навыков должны развиваться навыки редактирования и аналитики медицинского перевода, без чего выполнение всего спектра задач межкультурного и межъязыкового профессионального общения окажется невозможным. К таким навыкам мы относим приемы формализованной оценки качества перевода, методы и приемы классификации и категоризации переводческих ошибок в медицинском переводе; приемы редактирования медицинского перевода; базовые принципы и методики повышения качества медицинского перевода.

Как известно, практическая переводческая деятельность требует постоянного саморазвития: каждый новый текст для перевода – это стимул изучить новую предметную область, ознакомиться с последними направлениями развития и достижениями в той сфере медицины, к которой принадлежит текст оригинала; причем необходимо сопоставить уже имеющиеся материалы по той или иной тематике как в русскоязычном, так и англоязычном дискурсе. Очень важно, чтобы способ изложения информации в переводе был максимально приближенным к таковому у носителей языка, безусловно понятным для реципиента перевода и однозначно интерпретируемым им. С этой целью навыки специального перевода должны отрабатываться параллельно с овладением (в достаточной для осуществления качественного перевода) предметной областью, которой посвящен данный курс. Планируется последовательная проработка представленных в тематическом плане курса разделов медицинской и биохимической науки, овладение дискурсивной спецификой в языках оригинала и перевода, отработка приемов поиска необходимой справочной информации, иноязычных эквивалентов, последующего редактирования перевода. В процессе интерактивного обучения (кейс-стади, моделирующие ситуации межкультурной профессиональной коммуникации, иные формы) будет вырабатываться умение правильно выбирать и последовательно осуществлять переводческую стратегию с учётом многочисленных языковых и экстралингвистических факторов.

Литература

1. Журнал переводчика научно-технической литературы [Электронный ресурс]. URL: <http://bartov-e.livejournal.com/111965.html> (Дата обращения: 12.05.2016).
2. Лукинская О. Н. Воспаление бодра, или Особенности перевода медицинских текстов с испанского и английского языков // Журнал переводчиков «Мосты». 2006. № 3(11). С. 38–51.
3. Мишланова С. Л. Когнитивный аспект медицинской коммуникации // Теория коммуникации & прикладная коммуникация: Вестник Российской коммуникативной ассоциации. Выпуск 1 / под общей редакцией И.Н. Розиной. Ростов н/Д: ИУБиП, 2002. С. 91–98.
4. Мишланова С. Л., Уткина Т. И. К проблеме типологии научно-популярных медицинских текстов // Проблемы изучения и преподавания иностранных языков: Сборник материалов научно-практической конференции «Иностранный язык и мировая культура». Пермь: ПГУ, 2005. С. 74–78.
5. Нелюбин Л. Л. Проблема термина и научно-технического перевода // Терминоведение. 1995. № 2–3. С. 10–12.
6. Сайт Московского бюро переводов «Сократ». URL: <http://pervodmed.narod.ru> (Дата обращения: 12.05.2016).
7. Самойлов Д. В. О переводе медицинского текста [Электронный ресурс]. URL: <http://practica.ru/Articles/medical.htm>. (Дата обращения: 12.05.2016).

References

1. Zhurnal perevodchika nauchno-tehnicheskoy literatury (*Scientific and technical literature translator's LiveJournal*). URL: <http://bartov-e.livejournal.com/111965.html> (Accessed: 12.05.2016). (In Russian).
2. Lukinskaya O. N. Vospalenie bodra, ili Osobennosti perevoda meditsinskikh tekstov s ispanskogo i angliyskogo yazykov (*Inflammation of the Bodra, or features of medical texts translation from Spanish and English*) // Zhurnal perevodchikov «Mosty». 2006. No. 3 (11). P. 38–51. (In Russian).
3. Mishlanova S. L. Kognitivnyy aspekt meditsinskoy kommunikatsii (*The cognitive aspect of medical communication*) // Teoriya kommunikatsii & prikladnaya kommunikatsiya: Vestnik Rossiyskoy kommunikativnoy assotsiatsii. Issue 1 / ed by I. N. Rozinf. Rostov-on-Don: IMBL, 2002. P. 91–98. (In Russian).
4. Mishlanova S. L., Utkina T. I. K probleme tipologii nauchno-populyarnykh meditsinskikh tekstov (*On the problem of the popular science medical texts typology*) // Problemy izucheniya i prepodavaniya inostrannykh yazykov: Sb. materialov nauchno-prakticheskoy konferentsii «Inostranny yazyk i mirovaya kul'tura» (*Problems of learning and teaching foreign languages: Coll. materials of scientific-practical conference «Foreign language and world culture»*). Perm: PSU, 2005. P. 74–78. (In Russian).
5. Nelyubin L. L. Problema termina i nauchno-tehnicheskogo perevoda (*The problem of term and the scientific and technical translation*) // Terminovedenie. 1995. No. 2–3. P. 10–12. (In Russian).
6. Sayt Moskovskogo byuro perevodov «Sokrat» (*Site of Moscow Translation Agency «Socrates»*). URL: <http://pervodmed.narod.ru> (Accessed: 12.05.2016). (In Russian).
7. Samoylov D. V. O perevode meditsinskogo teksta (*On the Medical text translation*). URL: <http://practica.ru/Articles/medical.htm>. (Accessed: 12.05.2016). (In Russian).

УДК 81'11

Н. Н. Подоляк, Г. И. Маринина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОГНИТИВНО-РЕЧЕВЫХ ТАКТИК КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ТОЛЕРАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ¹

В статье раскрывается содержание понятий «языковая личность», «толерантность», «когнитивно-речевые тактики» с целью анализа предвыборных речей как воплощения социально значимого типа взаимодействия между политическими деятелями и гражданами сообщества; определяются речевые категории, реализующие интенцию самопрезентации говорящего в аспекте проявления толерантного поведения, и рассматривается

классификация соответствующих когнитивно-речевых тактик. Кроме того, приводятся аргументы в пользу того, что понятие «толерантность» многофункционально и необходимо его рассмотрение в социокультурном и политическом аспектах.

Ключевые слова: предвыборная речь, языковая личность, толерантность, толерантное поведение, когнитивно-речевые тактики.

N. N. Podolyak, G. I. Marinina

USE OF COGNITIVE SPEECH TACTICS AS A WAY OF TOLERANT BEHAVIOR REALIZATION

The article deals with the concepts of «linguistic persona», «tolerance», «cognitive speech tactics» in order to analyze the specifics of pre-election speeches and considers the named concepts as the embodiment of socially important type of interaction between politicians and citizen; it also defines the speech categories realizing the speaker's intention of self-representation in order to manifest tolerant

behavior, and examines the classification of the relevant cognitive speech tactics. Besides, we adduce arguments in favour of the fact that the concept of «tolerance» is multifunctional and it is necessary to considerate it in the sociocultural and political aspects.

Key words: pre-election speech, linguistic persona, tolerance, tolerant behavior, cognitive speech tactics.

В силу высокой социальной значимости и одновременно сложности адекватной интерпретации политическая речевая деятельность является традиционным объектом исследования психологов, лингвистов, языковедов и переводоведов. Изучению данной проблемы посвящено значительное количество работ, но вместе с тем все новые и новые аспекты построения профессиональной речевой деятельности политика, характеристики и особенности языковой личности становятся предметом междисциплинарного изучения. Это вызвано, несомненно, не только интересом исследователей, но и постоянно

изменяющимися требованиями, предъявляемыми социумом к политику высокого ранга.

В условиях интенсификации разных видов взаимодействия в обществе, где стресс и конкуренция, рост регионального национализма и утверждение прав различных меньшинств во всем мире превращаются практически в норму человеческой жизни, роль такого качества языковой личности, как толерантность, приобретает особую актуальность в политической коммуникации. Для политика толерантность – это и цель, и средство его профессиональной деятельности и жизнедеятельности в целом: цель, именно

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. «Толерантность как компетентностная составляющая коммуникативно гибкой языковой личности в условиях поликультурного Северо-Кавказского региона», проект № 15-04-00126.

потому, что в силу своих функциональных обязанностей политик призван воспитывать у граждан сообщества толерантность как одно из базовых качеств личности. Другими словами, толерантность является для политического деятеля средством решения своих собственных жизненных и профессиональных проблем, а также совокупности задач профессионального развития.

В данной статье мы ставим задачу изучения когнитивно-речевых тактик в предвыборных речах политиков, которые наиболее тесно связаны с проблемами толерантности. В последние десятилетия возрос интерес к проблеме политической личности, обусловленный прежде всего тем, что в условиях развития глобальных коммуникаций возможности человека значительно расширились. В зависимости от целей и задач определённой научной дисциплины меняется значимость политической личности как объекта исследования. По словам российского философа, культуролога, эксперта в области истории философии и логики Ю. Н. Солонина, «в качестве приоритетного объекта исследования понятие «личность» можно встретить в психологии, философии, культурологии, языкознании, литературе и ряде других наук» [6, с. 156].

Каждый человек, вникающий в проблемы языка, вынужден усваивать и способы его понимания. Носителем языкового сознания является так называемая «языковая личность». По мнению Д. В. Шапочкина, языковая личность – «это человек, существующий в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов» [7, с. 71]. С опорой на работы авторитетного ученого Ю. Н. Караулова, языковую личность мы трактуем как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)» [2, с. 3], различающихся степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной прагматической направленностью.

Языковую личность можно охарактеризовать с точки зрения речевого поведения и языкового сознания, а именно с позиции лингвистической концептологии и теории дискурса. При исследовании предвыбор-

ных речей и описании политического деятеля как языковой личности важно принимать во внимание такое его речеповеденческое качество, как толерантность. В последнее время наблюдается увеличение значимости этого качества и необходимости его учета в процессе разработки и реализации политики самими практическими деятелями. Несмотря на существующее множество подходов к определению ее роли в социуме, толерантность индивидов все же есть редуктор социальных отношений и взаимодействий, а также мощный механизм снижения уровня конфликтности в обществе. Мы разделяем мнение О. А. Михайловой, которая отмечает многозначность понятия «толерантность»: 1) высокое душевное качество, способность личности без внутренней агрессии воспринимать другого; 2) терпимое, лояльное отношение к другому, сознательно признающее право его существования; терпимое отношение к убеждениям, мнениям и верованиям другого; 3) поведение человека в ситуации конфликта, подчиненное стремлению достичь взаимного понимания и согласования разных установок, не прибегая к насилию, к подавлению человеческого достоинства, а используя гуманитарные возможности [4, с. 15].

Другие учёные видят в толерантности «способность устанавливать и сохранять общность с людьми, отличающимися от нас в каком-либо отношении, она должна считаться добродетелью, столь же редкой, сколь высока ее ценность (поскольку человек от природы склонен к общности на основе родового сознания)» [1, с. 37]. Несмотря на различные подходы к определению данного понятия, всех ученых объединяет уверенность в том, что толерантность – это и психологический феномен – душевное качество, и социальный – отношения между личностями, и коммуникативный феномен – поведение личности. Многофункциональность понятия «толерантность» очевидна, и поэтому вполне закономерно её рассмотрение в социокультурном и политическом аспектах.

Актуальность изучения проблемы толерантности в предвыборных выступлениях подкреплена тем, что толерантное поведение осознается уже не только как определенная ценность или общественный идеал, но и является беспроблемной стратегией

достижения определенных целей. Политическую толерантность можно считать важнейшим атрибутом политической культуры демократического общества, включающим в себя и государство, и гражданское общество в целом. «Формированию толерантного поведения должны способствовать такие профессиональные компетенции, как владение теоретическими и эмпирическими знаниями в области межкультурной коммуникации; владение правилами и традициями межкультурного профессионального общения; готовность преодолевать влияние стереотипов и осуществлять межкультурный диалог; знание целей и задач общеевропейской языковой и региональной политики в условиях межкультурного взаимодействия» [5, с. 5292]. Толерантность политического деятеля находит свою реализацию через использование когнитивно-речевых тактик, которые являются неотъемлемой частью когнитивной модели политического дискурса в целом. Когнитивно-речевые тактики являются важной характеристикой толерантного поведения языковой личности. Тактики общения представляют собой «цепочку решений говорящего, его выбор определенных коммуникативных действий и языковых средств» либо «реализацию набора целей в структуре общения» [3, с. 112]. Опираясь на классификацию В. Д. Шапочкина [7, с. 70–77], проиллюстрируем примерами из нашей картотеки наиболее употребительные речевые тактики, к которым прибегают политики-ораторы с целью реализации толерантного поведения:

– обобщение – данный приём демонстрирует, что только что приведенная информация не случайна. С помощью этого приема подкрепляется возможное общее мнение: *The United States is eager to work with the Panamanian people...* [7, с. 121] (*Соединенные Штаты стремятся работать с панамцами*); *it is to be met with everywhere...* [7, с. 75] (*с этим сталкиваешься на каждом шагу...*);

– приведение примера – показывает, что информация, содержащаяся в предвыборной речи, это не просто слова, а достоверная информация, опирающаяся на конкретные факты (опыт адресанта): *At this moment, U. S. forces, including forces deployed from the United States last night...* [7, с. 122]

(*В данный момент вооруженные силы США, в числе которых задействованные прошлой ночью войска...*);

– усиление – речевая тактика, нацеленная на более эффективный контроль над вниманием аудитории, на улучшение подачи релевантной информации: *I'm just appalled that...* [7, с. 76] (*Это ужасно, что...*); *It's a shame that...* [7, с. 76] (*Позор, что...*); *General Noriega's reckless threats and attacks upon Americans...* [7, с. 123] (*Опрометчивые угрозы генерала Норьеги и нападения на американцев ...*);

– (очевидные) уступки – ход, демонстрирующий реальную или воображаемую терпимость и сочувствие, т. е. политик в некоторой степени положительно самопрезентует себя: *There are also good people among them* [7, с. 98] (*Среди них попадаются и хорошие люди*); *The United States is eager... to rebuild their economy. The Panamanian people want democracy, peace...* [7, с. 23] (*Соединенные Штаты намерены ..., восстановить их экономику. Панамцы хотят установить демократию, мир ...*);

– повтор – тактика привлечения внимания, структурирования информации, подчеркивания субъективных оценок и более значительных тем: *I salute every one of them and thank them on behalf of our country ...* [7, с. 124] (*Я приветствую каждого из них и благодарю их от имени нашей страны ...*);

– контраст – данная тактика реализует несколько значимых функций: риторическая – привлечение внимания; семантическая – выделение в речи положительных и отрицательных оценок, действий людей путем противопоставления «Мы – группы» и «ОНИ – группы»: *We had to work for many years, and they receive benefit...* [7, с. 101] (*Нам приходилось долгие годы трудиться, а они получают пособие...*). Данная тактика используется во всех ситуациях, где прослеживается конфликт интересов: *...this dark chapter of dictatorship behind them and move forward together as citizens of a democratic Panama...* [7, с. 124] (*эту темную главу диктаторства в их истории позади и двигаться дальше вместе в качестве граждан демократичной Панамы*);

– сдвиг – типичная положительная самопрезентация политика: *To me, generally, all the same, but other deputies in our fraction are*

indignant [7, с. 76] (*Мне-то, в общем, все равно, но другие депутаты в нашей фракции возмущаются*);

– уклонение – ход уклонения от разговора или от темы может означать, что информация отсутствует или является неполной; она нерелевантна и не пригодна для передачи; можно извлечь только негативный опыт: *No way to tell* [7, с. 76] (*Не знаю*); *I do not communicate with them* [7, с. 76] (*Я с ними не общаюсь*); *I have no time to...* [7, с. 76] (*У меня нет времени...*).

Таким образом, при исследовании понятия «толерантность» целесообразно исходить из того, что этот феномен проявляется в ситуациях, которые имеют социальное значение, распространяется на все сферы социокультурных отношений, когнитивного опыта и социального поведения. Можно констатировать, что при формировании толерантного поведения политиков по отношению к гражданам сообщества возникает необходимость развития новой системы речевых установок, способствующих гармонизации общения.

В заключение следует отметить, что представленные выше коммуникативно-когнитивные тактики, реализующие толерантное поведение политика, в полной мере реализуют интенции самопрезентации адресанта в политическом дискурсе. Толерантность политика, его речевое поведение охватывают все сферы процесса коммуникации, когда целью выступления является убеждение граждан сообщества в жизненной важности таких качеств, как терпимость и взаимоуважение, готовность к сопереживанию, компромиссу, бесконфликтному поведению в сложных ситуациях с учетом межнациональных, межконфессиональных, межкультурных различий. Сказанное свидетельствует о том, что в самом общем плане рассмотренные речевые тактики предполагают планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов. Иными словами, реализация толерантного поведения в предвыборных речах представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели.

Литература

1. Аскеров А. Г. Исторические аспекты толерантности // Толерантность в современном обществе: опыт междисциплинарных исследований: сборник научных статей / под научн. ред. М. В. Новикова, Н. В. Нижегородцевой. Ярославль: ЯГПУ, 2011. С. 37
2. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Едиториал УРСС, 2002. 264 с.
3. Макаров М. Л. Анализ дискурса в малой группе. Тверь: ТГУ, 1995. 282 с.
4. Михайлова О. А. Толерантность в речевой коммуникации: когнитивные, прагматические и этические основания // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. Екатеринбург: УГУ, 2004. 591 с.
5. Серебрякова С. В. Толерантность как компетентностная составляющая языковой личности студента [Электронный ресурс] // Фундаментальные исследования. 2015. № 2. URL: <http://www.rae.ru/fs/pdf/2015/2-23/38198.pdf> (Дата обращения: 04.06.2016).
6. Солонин Ю. Н. Культурология. Учебник / под ред. Ю. Н. Солонина, М. С. Кагана. М.: Высшее образование, 2007. 566 с.
7. Шапочкин Д. В. Политический дискурс: когнитивный аспект. Тюмень: ТГУ, 2012. 260 с.

References

1. Askerov A. G. Istoricheskie aspekty tolerantnosti (*Historical aspects of tolerance*) // Tolerantnost' v sovremennom obshchestve: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy: sbornik nauchnykh statei (*Tolerance in modern society: the experience of interdisciplinary research: collection of scientific articles*) / ed by M. V. Novikov, N. V. Nizhegorodtseva. Yaroslavl: YaSPU, 2011. P. 37. (In Russian).
2. Karaulov Yu. N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost' (*Russian language and linguistic persona*) Moscow: Editorial URSS, 2002. 264 p. (In Russian).
3. Makarov M. L. Analiz diskursa v maloi gruppe (*Analysis of discourse in a small group*). Tver: TSU, 1995. 282 p. (In Russian).
4. Mikhailova O. A. Tolerantnost' v rechevoi kommunikatsii: kognitivnye, pragmaticheskie i eticheskie osnovaniya (*Tolerance in speech communication: cognitive, pragmatic and ethical grounds*) // Kul'turnye praktiki tolerantnosti v rechevoi kommunikatsii (*Cultural practices of tolerance in speech communication*). Ekaterinburg: USU, 2004. 591 p. (In Russian).
5. Serebryakova S. V. Tolerantnost' kak kompetentnostnaya sostavlyayushchaya yazykovoi lichnosti studenta (*Tolerance as competence component of student's language personality*) // Fundamental'nye issledovaniya. 2015. No. 2. URL: <http://www.rae.ru/fs/pdf/2015/2-23/38198.pdf> (Accessed: 04.06.2016). (In Russian).

6. Solonin Yu. N. Kul'turologiya (*Culturology*) // ed by Yu.N Solonin, M.S. Kagan. Moscow: Vyssee obrazovanie, 2007. 566 p. (In Russian).
7. Shapochkin D. V. Politicheskii diskurs: kognitivnyi aspekt: monografiya (*Political discourse: cognitive aspect: monograph*). Tyumen': TSU, 2012. 260 p. (In Russian).

УДК 81'373.45

И. С. Решетова, П. В. Пантюхова

ОЦЕНОЧНАЯ ФУНКЦИЯ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА

В статье рассматриваются основные тенденции изменения оценочной функции и, как следствие, трансформации значений англицизмов с национально-культурной составляющей в процессе их ассимиляции в русском языке с нейтральных на отрицательные, с отрицательных на нейтральные, с нейтральных на положительные. Анализируется семантическая деривация, которую претерпевает

слово при изменении его оценочной функции: расширение или сужение значения, метафорический или метонимический перенос, в процессе чего прослеживаются изменения в национально-культурном компоненте.

Ключевые слова: заимствования, ассимиляция, оценочный потенциал, национально-культурный компонент семантики, национально-культурно маркированная лексика.

I. S. Reshetova, P. V. Pantukhova

EVALUATION FUNCTION OF THE ENGLISH-LANGUAGE BORROWINGS IN THE MODERN LANGUAGE PERIOD

The article deals with main tendencies of evaluation function changes and, as a result, connotative meaning changes of borrowings from neutral to negative, from negative to neutral and from neutral to positive meaning. In the article, we analyze semantic derivation of the word while changing its evaluation function: meaning extension and restriction,

metaphorical and metonymical transfer of meanings which show the dynamics of national-cultural component.

Key words: borrowings, assimilation, evaluation facilities, national-cultural component of semantics, national-cultural marked vocabulary.

Экстралингвистическое содержание, которое отражает национально-культурную специфику того или иного общества – носителя языка, присутствует в семантической структуре большинства номинативных единиц. Это тот элемент значения слова, который впитал в себя историю, географию, традиции, фольклор (культуру страны). Такие единицы языка называются лексикой с национально-культурным компонентом семантики.

Изменения национально-культурного компонента семантики англицизмов в русском языке характеризуются своей неоднородностью. В ходе ассимиляции характер

оценки большинства лексических единиц с национально-культурным компонентом изменяется «с нейтрального на отрицательный, с отрицательного на нейтральный, с нейтрального на положительный» [11, с. 17]. Кроме того, оценочный компонент можно проследить в процессе функционирования слова, когда рассматриваемый элемент значения приобретает лексической единицей в контексте, т.е. в конкретной ситуации общения проявляется адгерентная оценка.

В структуре семантики заимствованной лексической единицы (эксплицитно и имплицитно) «содержатся все типы оценки:

нейтральная, положительная, отрицательная; рациональная, эмоциональная, эмотивно-интеллектуальная; ингерентная и адгерентная» [9].

В процессе изменения семантической структуры лексической единицы происходит трансформация характера высказываемой оценки. Результатом рассматриваемых процессов может стать полное или частичное переосмысление слова, образование новых нюансов коннотативного значения, которые иногда становятся наиболее значимыми в структуре семантического значения слова.

Национально-культурно маркированные лексические единицы также могут приобретать или изменять оценочный знак и характеризуются тенденцией приобретать в процессе функционирования новые значения, например, с шутовым оттенком [11, с. 18]. Например, слово «еврократ» (англ. *eurocrat* < *euro* «европейский» + *bureaucrat* «бюрократ»), обозначает специалиста общеевропейского масштаба в области политики, экономики, бизнеса и т. п., но словарь ассоциаций «Рерайт.ру» дает помету относительно сферы употребления данного слова «ироническое выражение» [17].

«Руководителей ЕС характеризовала как самодовольных еврократов, проедающих огромные суммы денег. Европа по сути – символ бюрократии» [5]. Большое количество лексических единиц с национально-культурным компонентом семантики изменяет в ходе ассимиляции оценку с нейтральной на отрицательную, например, ... *гейт* (англ. *Watergate* < *gate* «скандал, связанный с чем-либо») – вторая составная часть сложных слов, вносящая значение «политический скандал». Ельцингейт, ирангейт, картергейт, конькогейт, кравчукгейт, кремльгейт, моникагейт, страхгейт, урангейт, янаевгейт, ЮНОС-гейт [26, с. 84].

«В 2001 г. Россия и Украина были все еще очень похожи. И там, и там существовали мягкие варианты управляемой демократии, олигархические группировки «пилили» собственность, а население было занято поиском средств для выживания. Более того, Гонгадзегейт, как тогда казалось, вызывая у кого-то протест, а у кого-то эйфорию, толкал президента Леонида Кучму в объятия Москвы» [26, с. 159].

«В начале февраля сенат начнет открытые слушания по делу, которое в Америке

все чаще называют «Ухогейтом». На вопрос о возможных последствиях для Буша сенатор Арлен Спектер (между прочим, республиканец!) не исключил вероятности начала процедуры импичмента» [5].

«Впрочем, если они хотя бы превратят Ельцингейт в Путингейт, то это можно сделать. – Вас когда-нибудь вызывали на допрос? – Никогда. – Теперь ваша фамилия внесена в стоп-лист Интерпола» [22].

«Неоконы» (англ. *necons.*), неоконсерваторы – люди, поддерживающие идеологию и политическое движение, выступающие за применение экономического и военного потенциала Соединенных Штатов для победы над государствами, действующими против США, и установление в этих государствах демократии (современный амер. политический жаргон) [26, с. 194]. Термин получает негативную оценку в связи с историческими событиями, когда неоконсерваторы не поддержали политику «разрядки» и настаивали на продлении противостояния с Советским Союзом, кроме того, к 1980-м гг. большинство неоконсерваторов вступили в Республиканскую партию, поддержав предложение президента Рональда Рейгана увеличить военные расходы и более жестко противостоять Советскому Союзу.

«Встают все те же в сущности вопросы, на которые и администрация Буша (неоконы) не сумела дать ответы. Где переделы политкорректности в отношении заведомо враждебных по отношению к вашей культуре и традициям групп и сословий?» [3].

«Доктрина неоконсов – «что хорошо для Америки, хорошо и для остального мира». Отсюда вытекает, что военная мощь Соединенных Штатов должна быть настолько всепокрушающей, чтобы ни у одного «плохого парня» не возникло желания бросить вызов всемирному источнику добра и света» [23].

«Что же касается «Вашингтон пост», то эта газета является рупором «неоконсов», то есть крайне консервативных американских «имперцев», категорически настаивающих на сохранении доминирования США в мире» [25].

Слово «секонд-хенд» (англ. *second hand* – «из вторых рук») в Европе и Соединенных Штатах употребляется для обозначения любой бывшей в употреблении вещи, от автомобиля и букинистической книги до инфор-

мации, полученной не из первых рук. Однако в русскоязычном обществе этот термин употребляется большей частью только для обозначения ношенной одежды и выражает пренебрежительность оценки. В процессе функционирования рассматриваемой национально-маркированной лексической единицы в русском языке национально-культурная сема «локальность» была утрачена, значение слова сужено.

*«Что успели перед тем купить на **секонд-хенде**, в то и одели. Дали старенькие автоматы со збитым прицелом, и на весь батальон даже нечем его починить и настроить»* [18].

*«В городе Антверпене в Бельгии выставлено на продажу 5000 могил **«секонд хенд»**, т.е. таких «спальных мест», которые уже побывали в использовании»* [4].

*«Можно купить платье в **секонд-хенде**, но очки должны быть исключительно качественные»* [19].

Также можно встретить примеры, когда лексическая единица меняет оценочный знак с отрицательного на нейтральный:

«Гангстер» (англ. *gangster* < *gang* 'шайка, банда') – участник преступной группировки, бандит (в Соединенных Штатах и некоторых других странах) – получает более нейтральное значение и в русском языке уже не имеет такого отрицательного значения.

*«Хрестоматийным примером роуд-муви принято считать вышедшую в 1967 гг. культовую картину «Бонни и Клайд», завоевавшую два «Оскара», о влюблённой паре **гангстеров**»* [1]...

*«Эта модная музыка нередко служила фоном в подпольных клубах и казино времен сухого закона, где ее использовали в своих целях **гангстеры** – владельцы этих заведений»* [12].

«Диксикрат» (англ. *dixiecrat* < *Dixie* разговорное название южных штатов в США + (demo)crat член демократической партии США) – в США обозначает члена демократической партии из южных штатов, входящего в реакционное крыло этой партии и поддерживающий расовую дискриминацию негров; расист. «Завуалированное» название, относящееся к расизму, в данном примере сглаживает отрицательную оценку первоначального термина.

*«Слухи о том, что **«диксикрат»** Термонд является отцом ребенка смешанной*

расы циркулировали на протяжении нескольких десятилетий. Однако до последнего времени Вашингтон-Уильямс» [21]...

*«...программным, исчерпывающим и итоговым, эффективной точкой в вопросе, благо к 1988 г. все уже знали, что расизм не пройдет: даже самые отчаянные **диксикраты**, доживая свой век в Сенате»* [20]...

*«...от Южной Каролины, некогда был демократом, и в момент раскола партии в 1948 г. баллотировался в президенты от правого крыла демократов, так называемых **«диксикратов»**»* [24].

Существенно меньшее количество лексических единиц получает положительный оценочный знак вместо нейтрального.

В словарном определении «пентхаус» (англ. *penthouse*) четко наблюдается индуцирование позитивной оценки во второй лексико-семантической вариации – экспликативе «апартаменты класса люкс (часто двухэтажные или трехэтажные) в жилом доме или в гостинице, располагающиеся на верхнем этаже здания». Оценочная сема на периферии семантической структуры данного слова – «технический чердак, позже помещение для жилья на крыше небоскрёба или отделённая площадь на верхнем этаже здания; пристройка с односкатной крышей, навесом или другим небольшим строением, которое пристраивалось к сравнительно большому зданию» уходит на второй план.

*«Что касается готовых мансардных квартир и **пентхаусов** (двухъярусное жилье в мансарде), то они до сих пор являются в Москве штучным товаром. По данным экспертов рынка недвижимости, на долю мансардных этажей приходится лишь 10 % площади элитных новостроек»* [7].

*«Кутюрье Валентин Юдашкин завершил работу над проектом именных интерьеров **пентхауса**, расположенного на последних этажах элитного жилого комплекса «Королевского парка» в Сочи. Трехуровневый пентхаус включает в себя 20 комнат различного назначения, кинотеатр, бильярдную, галерею, круговую анфиладу гостиных, бар, зону SPA, зоны отдыха под открытым небом и т. д.»* [14].

Зачастую пометы аксиологического характера не фиксируются в словаре, однако оценочность может проявляться в процессе функционирования слова, приобретаться лексической единицей в контексте. Данное явление называется адгерентной оценкой [2].

Ярким примером данного процесса может служить слово «аллигатор» (англ. *alligator* < исп. *el lagarto* – ящерица). Изначально данная лексическая единица только называет семейство пресмыкающихся отряда крокодилов, однако на современном этапе в российском обществе данный термин употребляется для обозначения «олигархов» и несет в себе явную отрицательную оценку, что можно объяснить, с одной стороны, созвучием слов, с другой – сходством поведения.

«Невеста для олигарха – совершенно не обязательно модель... Мои ребята их классифицируют – «девочки», «бабушки» и т. д. Так вот, если «аллигатор» (т. е. олигарх. – Прим. ред.) говорит мне, что хочет ровесницу, я ему показываю раздел «бабушек» [15].

«Логика хапуги, аллигатора-олигарха, выросшего на продаже активов страны, распилах и откатах, доросшего на этом пути до президентского поста и выстроившего под собой соответствующую» [2]...

«Почему ДНР и ЛНР не признаны Москвой? Потому что на Владимира Путина со всех сторон давят олигархи-аллигаторы (российские, американские, европейские и украинские) и вяжут его по рукам и ногам» [16].

Термин «консьюмеризм» (англ. *consumerism* < *consume* «потреблять») исторически обозначал движение, направленное на защиту прав потребителей. В настоящее время он также подвергается семантическим изменениям и сегодня обозначает излишнюю склонность к накоплению материальных благ; приобретательство, вещизм.

«68 % москвичей не изменили своим привычкам и покупают столько же, сколько и три месяца назад... именно этот стиль потребительского поведения за его несоответственность человеческим потребностям, граничащую с психологической неадекват-

ностью, совсем недавно все дружно обзывали «понтами» или консьюмеризмом» [6].

«ВИП» (англ. *VIP*, сокр. от *very important person* ‘очень важная персона’) – человек, занимающий в том или ином обществе высокое положение и пользующийся привилегиями, уважением, вниманием. В процессе анализа данной лексической единицы мы проследили динамику изменения оценочного компонента в употреблении данного слова. Во множественном числе («випы») рассматриваемая лексическая единица приобретает сниженную экспрессивную окраску, чего нельзя сказать о другом варианте этого слова «вип-гость».

«Пересев в огромный черный джип, я первым делом растерялась: всех пропускаю, а они не едут, стесняются. И поняла: так я же теперь «вип» и еду первой. Чем немедленно и воспользовалась» [13].

«Многие вип-гости приехали в Киев накануне – в пятницу вечером. Украинских журналистов впечатлил кортеж из 11 машин, который был у Лукашенко» [8].

«Журналист, которая задавала неудобные вопросы, говорит: очевидцев на месте ДТП было много. Они рассказывали – оба «Випа» были нетрезвыми» [27].

Таким образом, рассмотрев и проанализировав основные тенденции изменения коннотативного значения заимствований с национально-культурным компонентом, можно сделать вывод, что смена оценочного знака всегда сопровождается семантическими изменениями в структуре лексической единицы. То есть при изменении оценочной функции слово всегда претерпевает семантическую деривацию: расширение или сужение значения, метафорический или метонимический перенос, и, что особенно ценно, при этом наблюдается динамика национально-культурного компонента.

Литература

1. Анисимова М. Тяжёлая жизнь лёгкого поезда [Электронный ресурс] // Октябрьская магистраль 06.06.2014. URL: <http://www.oktmag.ru/archive/?aday=06&amonth=06&ayear=2014> (Дата обращения: 02.04.2015).
2. Арзуманян Р. Правительство должно проводить контрповстанческую операцию в миллионном городе Киеве [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iarex.ru/articles/45374.html> (Дата обращения: 15.04.2015).
3. Бовт Г. Когда «обамомания» не помогает [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/357268> (Дата обращения: 11.04.2015).
4. В Бельгии на продажу выставили 5 тыс. могил «секонд хенд» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.povate.ru/news/3274/> (Дата обращения: 11.04.2015).
5. Бушу грозят импичментом за тотальную прослушку американцев [Электронный ресурс]. URL: <http://press.try.md/item.php?id=69382> (Дата обращения: 18.01.16).

6. Запиваем суши антидепрессантом [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pressmon.com/en/a/ru/1447695/ZAPIVAEM-SUSHI-ANTIDEPRESSANTOM#консьюмеризм#ixzz3WRsnblZ3> (Дата обращения: 02.04.2015).
7. Кого привлекают петербургские мансарды [Электронный ресурс]. URL: <http://ktostroit.ru/analytics/articles/191084/> (Дата обращения: 10.04.2015).
8. Козлик И. Лукашенко на инаугурации Порошенко: «Сначала разберитесь, кто террорист. А то поубиваете своих» [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 7.07.2014. URL: <http://www.kp.ru/daily/26241.5/3122476/> (Дата обращения: 15.04.2015).
9. Кохан Н. А. Динамика национально-культурной составляющей семантики в процессе ассимиляции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет, 2008. 27 с.
10. Маргарет, прости нас! [Электронный ресурс]. URL: <http://vesti-ukr.com/blogs/blog-iskandera-hisamova/154-margaret-prosti-nas> (Дата обращения: 18.01.16).
11. Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М.: Элпис, 2008 509 с.
12. Мельникова И., Тюлькина Е. Пьянящий джаз времен сухого закона [Электронный ресурс] // Новые известия 4.07.2014. URL: <http://www.newizv.ru/culture/2014-07-04/204238-kultpohod.html> (Дата обращения: 23.04.2015).
13. Осс Н. Иерархическая встреча [Электронный ресурс] // Газета.ру 12 марта 2010. URL: <http://www.gazeta.ru/column/oss/3337465.shtml> (Дата обращения: 15.05.2015).
14. Пентхаус от Юдашкина [Электронный ресурс]. URL: <http://mr-group.ru/press/penthaus-ot-yudashkina/> (Дата обращения: 15.04.2015).
15. Прщайте, аллигаторы [Электронный ресурс]. URL: http://www.tinlib.ru/kulturologija/yesse_stati_recenzii/r97.php (Дата обращения: 15.04.2015).
16. Российский олигарх Анатолий чубайсит Новороссию и защищает укронацистскую диктатуру [Электронный ресурс]. URL: <http://maxpark.com/community/13/content/2991876?ref=4295305529> (Дата обращения: 15.04.2015).
17. Словарь ассоциаций [Электронный ресурс]. URL: <http://www.reright.ru/> (Дата обращения: 12.04.2015).
18. Собранные для Нацгвардии вещи перепродают командиры – волонтер [Электронный ресурс]. URL: http://gazeta.ua/ru/articles/life/_sobrannye-dlya-nacgvardii-veschi-pereprodayut-komandiry-volonter/562511 (Дата обращения: 02.05.2015).
19. Солнцезащитные очки: Андре Тан назвал хиты сезона-2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aif.ua/health/beauty/1184560> (Дата обращения: 18.01.16).
20. Спасибо, нас тошнит [Электронный ресурс] // Взгляд. Деловая газета URL: <http://vz.ru/culture/2012/2/16/561914.html> (Дата обращения: 13.04.2015).
21. Старейший сенатор-расист оказался отцом темнокожей пенсионерки [Электронный ресурс]. URL: http://www.info-tses.kz/advertka.php?ELEMENT_ID=9211 (Дата обращения: 13.04.2015).
22. Туровер Ф.: можно устроить Путингейт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/170296> (Дата обращения: 02.05.2015).
23. Тюрин Ю. Неконы по-прежнему рулят миром [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rus-obr.ru/opinions/3596> (Дата обращения: 10.04.2015).
24. Чепелевский В. Грязноватый Гарри [Электронный ресурс] // Люди. URL: http://www.peoples.ru/state/politics/harry_reid/history.html (Дата обращения: 13.05.2015).
25. Что означает вручение премии «за Сноудена» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nvspb.ru/stories/chto-oznachaet-vruchenie-premii-za-snoudena-54243> (Дата обращения: 05.05.2015).
26. Шагалова Е. Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века. М.: АСТ: Астрель, 2011. 413 с.
27. Экс-глава Севастополя Яцуба попал в резонансную аварию в Днепропетровске [Электронный ресурс] // Подробности. 06.06.2014. URL: <http://podrobnosti.ua/979397-eks-glava-sevastopolja-jatsuba-popal-v-rezonansnuju-avariju-v-dnepropetrovske-video.html> (Дата обращения: 12.04.2015).

References

1. Anisimova M. Tjashjolaja zhizn' ljogkogo poezda (*A hard life of a light train*) // Oktjabr'skaja magistral' 06.06.2014. URL: <http://www.oktmag.ru/archive/?aday=06&amonth=06&ayear=2014> (Accessed: 02.04.2015). (In Russian).
2. Arzumanjan R. Pravitel'stvo dolzhno provodit' kontrpovstancheskuju operaciju v millionom gorode Kieve (*Government must conduct counterrebellious operation in Kiev, a million-plus city*). URL: <http://www.iarex.ru/articles/45374.html> (Accessed: 15.04.2015). (In Russian).
3. Bovt G. Kogda «obamomanija» ne pomogaet (*When «obamomanija» does not help*). URL: <http://izvestia.ru/news/357268> (Accessed: 11.04.2015). (In Russian).
4. V Belgii na prodazhu vystavili 5 tys. mogil «sekond hend» (*In Belgium 5 thousand "second hand" graves are put up for sale*). URL: <http://www.novate.ru/news/3274/> (Accessed: 11.04.2015). (In Russian).

5. Bushu grozjat impichmentom za total'nuju proslushku amerikancev (*Impeachment threatens Bush for total bugging the Americans*). URL: <http://press.try.md/item.php?id=69382> (Accessed: 18.01.16). (In Russian).
6. Zapivaem sushi antidepressantom (*We wash down sushi with antidepressant drug*). URL: <http://www.pressmon.com/en/a/ru/1447695/ZAPIVAEM-SUSHI-ANTIDEPRESSANTOM#kons'jumerizm#ixzz3WRsnblZ3> (Accessed: 02.04.2015). (In Russian).
7. Kogo privlekajut peterburgskie mansardy (*Who is attracted by St. Petersburg mansards*). URL: <http://ktostruit.ru/analytics/articles/191084/> (Accessed: 10.04.2015). (In Russian).
8. Kozlik I. Lukashenko na inauguracii Poroshenko: «Snachala razberites', kto terrorist. A to poubivaete svoih» (*Lukashenko at Poroshenko's inauguration: at first clear up who is terrorist. Or else you will kill friendlies*) // Komsomol'skaja pravda. 7.07.2014. URL: <http://www.kp.ru/daily/26241.5/3122476/> (Accessed: 15.04.2015). (In Russian).
9. Kohan N. A. Dinamika nacional'no-kul'turnoj sostavljajushhej semantiki v processe assimiljacii (*The Dynamic of the national cultural component of the semantics in the process of assimilation. Author's abstract of candidate of Philological Sciences*): abstract of thesis. Nizhnij Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistic University, 2008. 27 p. (In Russian).
10. Margaret, prosti nas! (*Margaret, we are sorry!*). URL: <http://vesti-ukr.com/blogs/blog-iskandera-hisamova/154-margaret-prosti-nas> (Accessed: 18.01.16). (In Russian).
11. Marinova E. V. Inozjazychnye slova v russskoj rechi konca XX-nachala XXI v.: problemy osvoenija i funkcionirovanija (*Foreign words in Russian speech at the end of XX and at the beginning of XXI centuries: problems of learning and functioning*). Moscow: Jelpis, 2008. 509 p. (In Russian).
12. Mel'nikova I., Tjul'kina E. P'janjashnij dzhaz vremen suhogo zakona (*Dizzying jazz of the dry law time*) // Novye izvestija 4.07.2014. URL: <http://www.newizv.ru/culture/2014-07-04/204238-kultpohod.html> (Accessed: 23.04.2015). (In Russian).
13. Oss N. Ierarhicheskaja vstrechka (*Hierarchical meeting*) // Gazeta.ru 12 March 2010. URL: <http://www.gazeta.ru/column/oss/3337465.shtml> (Accessed: 15.05.2015). (In Russian).
14. Penthaus ot Judashkina (*Penthouse from Judashkin*). URL: <http://mr-group.ru/press/penthaus-ot-yudashkina/> (Accessed: 15.04.2015). (In Russian).
15. Prshhajte, alligatory (*Good bye, alligators*). URL: http://www.tinlib.ru/kulturologija/yesse_stati_recenzii/p97.php (Accessed: 15.04.2015). (In Russian).
16. Rossijskij oligarh Anatolij chubajsit Novorossiju i zashishhaet ukronacistskuju diktaturu (*Russian oligarch Anatolij "chubajsit" Novorossija and protects ukronacists` dictatorship*). URL: <http://maxpark.com/community/13/content/2991876?ref=4295305529> (Accessed: 15.04.2015). (In Russian).
17. Slovar' asociacij (*The dictionary of associations*). URL: <http://www.reright.ru/> (Accessed: 12.04.2015). (In Russian).
18. Sobrannye dlja Nacgvardii veshhi pereprodajut komandiry – volonter (*Clothes, gathered for the national guard, are resold by commanding officers – a volunteer*). URL: http://gazeta.ua/ru/articles/life/_sobrannye-dlya-nacgvardii-veschi-pereprodajut-komandiry-volonter/562511 (Accessed: 02.05.2015). (In Russian).
19. Solncezashhitnye ochki: Andre Tan nazval hity sezona-2014 (*Sunglasses: Andre Tan named hits of 2014*). URL: <http://www.aif.ua/health/beauty/1184560> (Accessed: 18.01.16). (In Russian).
20. Spasibo, nas toshnit (*Thank you, we are vomiting*) // Vzgljad. Delovaja gazeta. URL: <http://vz.ru/culture/2012/2/16/561914.html> (Accessed: 13.04.2015). (In Russian).
21. Starejsnij senator-rasist okazalsja otcom temnokozhej pensionerki (*The oldest senator-rasist turnen to be a father of a dark-skinned pensioner*). URL: http://www.info-tses.kz/advertka.php?ELEMENT_ID=9211 (Accessed: 13.04.2015). (In Russian).
22. Turover F.: mozno ustroit' Putingejt (*Turover F.: we may do Putingejt*). URL: <http://www.kommersant.ru/doc/170296> (Accessed: 02.05.2015). (In Russian).
23. Tjurin Ju. Neokony po-prezhnemu ruljat mirom (*Neokony still rule the world*). URL: <http://www.rus-obr.ru/opinions/3596> (Accessed: 10.04.2015). (In Russian).
24. Chepelevskij V. Grjaznovatyj Garri (*Rather dirty Harry*) // Ljudi. URL: http://www.peoples.ru/state/politics/harry_reid/history.html (Accessed: 13.05.2015). (In Russian).
25. Chto oznachaet vruchenie premii «za Snoudena» (*What means "For Snowden" award*). URL: <http://www.nvspb.ru/stories/chto-oznachaet-vruchenie-premii-za-snoudena-54243> (Accessed: 05.05.2015). (In Russian).
26. Shagalova E. N. Samyj novejsij tolkovyj slovar' russkogo jazyka XXI veka (*The newest definition dictionary of the Russian language of the XXI century*) Moscow: AST: Astrel', 2011. 413 p. (In Russian).
27. Jeks-glava Sevastopolja Jacuba popal v rezonansnuju avariju v Dnepropetrovske (*The ex-head of Sevastopol Jacuba was in a headline-making accident in Dnepropetrovsk*) // Podrobnosti, 06.06.2014. URL: <http://podrobnosti.ua/979397-eks-glava-sevastopolja-jatsuba-popal-v-rezonansnuju-avariju-v-dnepropetrovske-video.html> (Accessed: 12.04.2015). (In Russian).
28. [http:// rezonansnuju-avariju-v-dnepropetrovske-video.html](http://rezonansnuju-avariju-v-dnepropetrovske-video.html) (accessed date: 12.04.2015). (In Russian).

ной коммуникации как «взаимного обмена субъективным опытом людей, вступающих в межличностное общение» [там же]. Материалом для исследования послужил рассказ «Nichts als Gespenster» («Ничего кроме призраков») известной современной немецкой писательницы Юдит Германн, признанного мастера психологической прозы [10]. Важно подчеркнуть, что писатели-психологи «изображают внутренний мир человека особенно ярко, живо и подробно, достигают особой глубины в его художественном освоении», психологизм выступает при этом как «инструмент человековедения» [4, с. 5], что в полной мере можно отнести к идиостилю Ю. Германн и к рассматриваемому рассказу, в частности, обнаруживающему «когнитивное и семантическое взаимодействие индивидуально-художественных систем», характерных для психологической прозы [8, с. 167].

Авторское повествование сфокусировано на взаимоотношениях двух главных персонажей – молодой женщины Эллен и ее друга Феликса, композиционно оно построено на расплывчатых, эмоционально окрашенных воспоминаниях героини об их совместном путешествии по Америке – от восточного до западного побережья. Важно отметить, что трехмесячная автомобильная поездка через пустыню оказалась напряженной и мучительной для них обоих, своего рода испытанием для их отношений, но она в то же время обнажила проблемы в их отношениях, что остро и постоянно ощущает героиня:

Ellen konnte fühlen, wie sehr Felix sich eigentlich nach Hause sehnte, in seine Wohnung, sein Zimmer, sein Bett, ein für allemal zurück und von ihr weg (Эллен чувствовала, как сильно Феликс тосковал по дому, по квартире, по своей комнате, по своей кровати, как сильно он хотел вернуться домой и подальше от нее).

Оба чувствуют мучительную обреченность (*Terror dieser Reise*) трехмесячного плена в Америке (*das Gefangensein in Amerika in den drei Monaten*), неизбежную полную предостановленность друг другу (*das Ausgeliefertsein aneinander*). Эллен не хватает внимания со стороны Феликса, Феликс же, напротив, тяготится ее постоянным вниманием, желанием получить от него ответную (ожидаемую) реакцию. Но, с другой стороны, благодаря ему, Эллен понимает также, что заставить

кого-либо что-то делать, тем более любить, невозможно (*...daß man nichts erzwingen kann, am allerwenigsten so etwas wie Liebe*). Эти факторы можно считать причиной множества конфликтных ситуаций во время путешествия, недовольства друг другом, дисгармонии в общении, глубокого внутреннего дискомфорта, ощущаемой обоими бесперспективности будущего.

Как показал анализ, героиня воспринимает сложившийся тип отношений со своим другом как конфликтный и кризисный, он же их таковыми не считает, что свидетельствует, несомненно, о разных целеустановках и разной оценке их взаимоотношений как на рациональном, так и на эмоциональном уровне. Эти факторы обуславливают и прагматику выбора стратегий поведения каждого. Хотя для обоих характерно стремление избежать конфликта и прямой конфронтации с неизбежным выяснением отношений, однако реализуют они его различными моделями поведения: Феликс разными путями уходит от открытого выяснения отношений, в то время как Эллен нацелена, как это показывают контексты с ее внутренними и несобственно-речевыми партиями, на диалог и осознанный поиск позитивного в ее понимании разрешения конфликта, обретения внутренней гармонии и уверенности в будущем. Можно констатировать, что главной тактикой ухода от межличностной конфронтации выступает для Феликса молчание, пассивное отрешение, уход в себя, игнорирование, погружение в свои мысли, что, по сути, не означает речеактового отказа от речевой деятельности как таковой.

Ранее нами было установлено, что повествование насыщено лексическими единицами и синтаксическими конструкциями неопределенной и отрицательной семантики, «усложняющими и зачастую размывающими семантическое пространство и формирование концепта произведения ввиду того, что отрицательные предложения менее информативны, чем положительные» [7, с. 260]. Психологическая составляющая повествования обусловлена тем, что воспоминания не фиксируют каких-то конкретных событий во время путешествия, а представляют собой эмоционально-экспрессивную внутреннюю рефлексивную героини относительно собственных ощущений, впе-

чатлений и чувств, что позволяет создать художественный индивидуально-авторский психологический мир. Для рассматриваемого рассказа релевантно мнение А. Б. Есина, что «о психологизме можно говорить лишь в том случае, когда психологическое изображение становится *основным* способом, с помощью которого познается изображенный характер, когда оно несет значительную содержательную нагрузку, в огромной мере раскрывая особенности тематики, проблематики и пафоса произведения» [4, с. 12].

Главной формой психологического поведения в рассказе Ю. Германн является изображение характера, в первую очередь эмоций главной героини и ее отношения к другу, «изнутри», через ее внутреннюю речь и несобственно-прямую речь, иными словами, через художественное познание внутреннего мира литературного персонажа. В стремлении реализовать свою психологическую установку – понять, каковы чувства и возможно ли их совместное будущее, так как партнер не соответствует ожиданиям, не проявляет к ней интереса, не реагирует на ее коммуникативные и эмоциональные послы и в основном отмалчивается – главная героиня активизирует свою саморефлексию. Согласно теории психологического поля, «непрерывно то здесь, то там возникает напряжение (порождаемое потребностью)» [3, с. 116], которое героиня постоянно пытается разрядить, проявляя инициативу и интерес к другу вопреки наличию противоречивых психологических факторов и внутреннего сопротивления с его стороны. В данном случае можно говорить о самопознании героини «через диалогизацию внутреннего мира и превращение субъекта сознания в объект познания» [1, с. 649].

В наших рассуждениях мы постулируем отрицательно-оценочный вектор семантики молчания, реализующего в рассматриваемом рассказе сознательный отказ от речевых действий, поэтому внимание сосредоточено на контекстах, эксплицирующих по разным причинам прагматику подобного отказа в его различных проявлениях, так как смысл молчанию придает контекст, прагматическая ситуация. Важно отметить, что молчание, означающее отсутствие речевого действия, не может быть беспричинным и, «поскольку молчание принимается за контролируемое

речевое действие, причина приравнивается к мотиву» [2, с. 423]. Иными словами, семантику и прагматику молчания можно интерпретировать только в конкретном коммуникативном контексте с учетом его каузальной составляющей. В художественном тексте целесообразно в данном случае оперировать понятием «конфликтная ситуация», под которой мы будем понимать кризисную жизненную ситуацию во взаимоотношениях персонажей, требующую разрешения и преодоления [6, с. 162].

Семантизация и прагматизация молчания, обозначаемого различными глагольными единицами, обеспечиваются предшествующим общением: «Молчание получает свою тему от разговора – уже вычлененной, артикулированной, и молчание становится дальнейшей формой ее разработки, ее внесловесного произнесения... Разговор не просто отрицается или прекращается молчанием – он по-новому продолжается в молчании, он создает возможность молчания, обозначает то, о чем молчат» [9, с. 179]. Мы исходим из того, что смысл молчания определяется конкретным вербально-знаковым контекстом межличностной интеракции, позволяющим говорить о коммуникативно значимом молчании и его прагматических основаниях.

Обратимся к особенностям текстовой реализации обозначенных моделей поведения с акцентом на маркеры коммуникативного и речевого поведения Феликса. Базовая номинация акта молчания, представленная глаголом *schweigen* (*молчать*), зафиксирована в тексте рассказа вместе с его производными в семи контекстах, касающихся реакции Феликса, при этом в его контекстуальном толковании реализуется отрицательный вектор семантики с использованием негации его семантического антипода – глаголов говорения (*nicht [mehr] reden, nicht antworten, kein Wort sagen*), предполагающих возможность выполнения речевых действий. В рассказе Ю. Германн последовательно реализуется только одна актантная позиция, а именно субъектная, хотя спорадически реализуются и другие позиции (о чем? как? как долго? почему?), так как описание поведения и реакций Феликса производится с точки зрения главной героини, его подруги, и реализуется зачастую в ее внутренней речи, характеризующейся прерывистостью мыслей и множественными вопросительными интонациями.

Важно отметить, что глагол *schweigen* (молчать) конвенционально не обнаруживает валентности на адресата, но сам акт молчания нельзя считать безадресным, так как он предполагает наличие потенциального собеседника, который, в свою очередь, воспринимает, истолковывает и субъективно оценивает его. Таким образом, валентность на объект-тему реализуется имплицитно, опять же с точки зрения героини. В рассказе Ю. Германн выстраивается цепочка контекстуальных синонимов, маркирующих в разных коммуникативных ситуациях акт молчания Феликса: *nichts sagen* (ничего не говорить), *nicht antworten* (не отвечать), *nicht reagieren* (не реагировать), *still sitzen* (молча сидеть), *nicken* (кивать), прагматика которых поддерживается паралингвистическими средствами: ... *er saß so gut wie bewegungslos, ein Buddha ohne Gewicht, der Rücken kerzengerade, die Schultern zurückgenommen* (...он сидел почти неподвижно, невесомый Будда, с прямой как свежа спиной и втянутыми плечами). Данные вербально-знаковые комплексы формируют в соответствующих контекстах эффект обманутого ожидания, когда конвенционально прогнозируемое развитие событий нарушается: героиня все явственнее ощущает, что ее желания и мечты не сбываются, что она одинока, что Феликс пользуется ею, освобождая себя от рутинных обязательств и необходимости общаться с разными людьми. Молчание в его недействии можно считать в данных коммуникативных контекстах эквивалентом действия, антидействием [2, с. 422], моделью поведения Феликса по отношению к Эллен, причем для речеповеденческих контекстов Феликса молчание приобретает континуальное значение.

С другой стороны, нежелание Феликса выяснять отношения, что-то доказывать своей подруге, демонстрировать свою привязанность и, как следствие, его молчание воспринимаются им самим как положительный результат и действенный способ поведения в конфликтных ситуациях: осознанное молчание сам герой считает эффективным в плане гармонизации и даже сохранения взаимоотношений с подругой. Это, однако, не соответствует ожиданиям Эллен и нарушает в ее восприятии конвенциональный стереотип поведения двух близких людей.

Она чувствует себя одинокой, даже если Феликс находится рядом с нею, он, как правило, молчаливый (*schweigend*), рассеянный (*abwesend*), витает в облаках (*vollständig geistesabwesend*), безмолвный (*lautlos*), тихий (*still*), спокойный (*reglos*), неподвижный (*bewegungslos*), подавленный (*depressiv*), замкнутый (*zurückhaltend*), непонятный (*unverständlich*), он только слушает (*er hört nur zu*), почти никогда не задает вопросов (*er fragt so gut wie nie*). Все эти предикатные номинации характеризуют Феликса как человека погруженного в себя, пассивного, эгоистичного, не способного ни действовать, ни принимать решения, ни поддерживать общение. Показательным в прагматическом плане и важным в интерпретационном аспекте можно считать следующий контекст, касающийся их жизни дома, в Европе:

Letztenendlich war es immer Ellen, die mit anderen sprach, fragte und redete, nicht nur in Amerika, auch zu Hause, auch an anderen Orten, immer. Felix saß dabei und hörte zu und schwieg. ... Wenn sie abends ausgingen, redete sie viel, er schwieg (В конечном счете всегда именно Эллен обращалась к людям, спрашивала и говорила с ними, и не только в Америке, но и дома, и в других местах, всегда. Феликс сидел рядом и молчал. ... Когда они по вечерам выходили куда-то поужинать, Эллен снова много говорила, он молчал).

Этот построенный на нескольких глагольных контрастах контекст имеет концептуальное значение и демонстрирует разные – противоположные – модели поведения близких и, как оказывается, разных по жизненным установкам и темпераменту людей. Для речевых партий героини – как реальных, так и во внутренней речи – характерны инициальные высказывания, т. е. Эллен проявляет жизненную активность и речевую инициативу, пытается вывести на откровенность своего друга и программируя в какой-то мере его ответную реакцию. С одной стороны, ей приходится мириться с его молчанием (...*Felix schwieg, und Ellen versuchte, sein Schweigen auszuhalten*), если он и отвечает, то, как правило, односложно и отрывочно, междометиями неопределенной семантики. Эллен же пытается понять причину его молчания и, вопреки сложившейся модели межличностных отношений, получить с его стороны хоть

какой-то, пусть самый слабый, сигнал поддержки и надежды (*ein mattes Zeichen seiner Solidarität, seiner Zugehörigkeit*):

Sie hatte angefangen Felix Fragen zu stellen, und Felix hatte sich geweigert zu antworten (Она начала задавать вопросы Феликсу, но он отказывался отвечать на них).

Показанная в приведенном выше контексте реакция Феликса не единична, молчание является для него не невольным, а намеренным, осознанным отказом вступать в контакт, приобретающим сложный семиотический характер. Оно свидетельствует, как показал анализ, о нежелании поддержать разговор во избежание неприятных для него последствий, в том числе и разрушения их отношений, и в целом о внутреннем кризисе героя, связанном с необходимостью соответствовать ожиданиям подруги и принимать обременительные для него решения. Иными словами, молчание (как знак согласия) не всегда гармонизирует отношения, особенно если оно не является сигналом солидаризации. Из содержания всего рассказа следует, что это его привычная модель поведения во взаимоотношениях с окружающими и, прежде всего, со своей подругой, которую такое поведение по-настоящему раздражает, так как она воспринимает его молчание как нежелание общаться с нею, как осознанное отсутствие реакции на ее речеповеденческие стимулы. В данном случае молчание можно считать знаком самоустранения и даже провокации [2, с. 426], однако развязка рассказа свидетельствует об обратном. Феликс никогда не проявляет никакой инициативы, не обнаруживает своих эмоций, не пытается наладить с Эллен контакт, поддержать ее морально и психологически:

Er fragt so gut wie nie. Ellen hatte noch nie erlebt, daß er irgend jemanden nach irgend etwas gefragt hätte, am allerwenigsten sie selbst... (Он почти никогда не задает вопросов. Эллен еще ни разу не видела, чтобы он кого-то о чем-то спрашивал, тем более ее саму).

Для данного рассказа характерен диалогический сюжет [2, с. 425], связывающий героев, причем это преимущественно молчаливый диалог, скрывающийся за редким реальным общением: у Эллен – это внутренняя речь, которую эксплицирует писательница, для Феликса – в основном молчание, которое его подруга воспринимает как гово-

рящее и ей адресованное и до сути которого она пытается посредством саморефлексии докопаться. Стремясь уменьшить степень психологического дискомфорта найти какой-то выход из сложившейся ситуации, Эллен часто представляет в своих мыслях, какими бы могли быть их отношения: она хочет ощущать на себе взгляды Феликса, хочет, чтобы их взгляды встречались, чтобы они хотя бы иногда разговаривали, мечтает о гармонии и взаимопонимании.

Переломным моментом в ослаблении психологического дискомфорта и в конечном итоге в разрешении кризисной ситуации в межличностных отношениях главных героев послужила случайная встреча в одном из отелей с Бадди, простым американцем – открытым, доброжелательным, жизнерадостным, который рассказал им о своей семье, о трехлетнем сыне и о том, какое это простое человеческое счастье покупать для него крошечные кроссовки. Под его влиянием и Феликс, и Эллен забывают о своих поведенческих стереотипах: Феликс оживлен, он вступает в беседу с Бадди, они играют в бильярд, а Эллен, чувствует себя освобожденной от необходимости опекать Феликса, пытается ощутить некоторое подобие счастья, тем более что Феликс уделяет и ей какое-то внимание:

Sie versuchte, in alldem irgendeine Art von Glück oder Bewusstsein oder Bedeutung zu finden (Она пыталась увидеть во всем этом подобие счастья, осознанности, значимости).

Остро ощущая нарушение стереотипной модели близких межличностных отношений, Эллен не теряет веру в возможность счастливого будущего: *Sie dachte vage «Vielleicht wird alles gut», sie war sich auf einmal sicher, daß alles gut werden würde (Она смятенно думала, что, вероятно, все образуется, неожиданно она почувствовала уверенность, что все будет хорошо).* При этом она понимает, что обсуждать будущее с Феликсом она не сможет: все разговоры о будущих планах действуют на него опустошающее (*verheerend*), парализуют его (*erlahmen ihn*) и вгоняют в тоску (*machen depressiv*).

Разные модели поведения и межличностных отношений героев имеют общее каузальное основание – оба стремились, пусть и разными путями, гармонизировать свои отношения, избегая открытого конфликта

и мучительного выяснения отношений, но по-разному оценивая перспективу дальнейшей жизни. Речеповеденческую стратегию главной героини можно назвать инициативной, активной, деятельностной: своими инициальными высказываниями, обращениями и репликами она старается влиять на партнера, программировать не только его ответы, но и поведение, пытаясь достичь компромисса. Однако тактика осознанного ухода от конфликта и обусловленная ею речеповеденческая реакция Феликса остается на протяжении всего повествования пассивной, сдержанной, скрытой: все контексты

молчания касаются Феликса. Развязка наступает в заключительном пассаже рассказа: Эллен, Феликс и их ребенок ужинают, а Эллен еще раз в мыслях возвращается к Бадди, благодаря встрече с которым в какой-то мере изменились их взаимоотношения, родился ребенок, состоялась семья и сбылась мечта главной героини, что можно рассматривать как снятие противоречий (в рассказе не показано, как это случилось), гармонизацию взаимоотношений и в конечном итоге продуктивность осознанного молчания персонажа.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Арутюнова Н. Д. Феномен молчания // Язык о языке: Сб. статей / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 417–436.
3. Гинзбург Л. О литературном герое. Л.: Советский писатель, 1979. 222 с.
4. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы. М.: Флинта, МПСИ, 2003. 176 с.
5. Кравченко А. В. Что такое коммуникация? Очерк биокогнитивной философии языка // Прямая и непрямая коммуникация: Сб. науч. статей. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2003. С. 27–39.
6. Седов К. Ф. Дискурс как суггестия: Иррациональное воздействие в межличностном общении. М.: Лабиринт, 2011. 336 с.
7. Серебрякова С. В. Коммуникативно-прагматические особенности реализации категории отрицания в рассказах Юдит Германн // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. 3 (42). С. 259–263.
8. Серебряков А. А., Серебрякова С. В. Интертекстуальность как маркер взаимодействия индивидуально-авторских художественных систем // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2013. 1 (34). С. 166–172.
9. Эпштейн М. Н. Слово и молчание: Метафизика русской литературы. М.: Высшая школа, 2006. 559 с.
10. Hermann Judith. Nichts als Gespenster. Erzählungen. 3. Aufl. Frankfurt/M: Fischer, 2004. S.195–232.

References

1. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka (*The language and the world of a man*). Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1999. 896 p. (In Russian).
2. Arutyunova N. D. Fenomen molchaniya (*Silence phenomenon*) // Yazyk o yazyke / ed by N.D. Arutyunova. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. P. 417 – 436. (In Russian).
3. Ginzburg L. O literaturnom geroe (*On a literary character*). Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1979. 222 p. (In Russian).
4. Esin A. B. Psikhologizm russkoy klassicheskoy literatury (*Psychological character of Russian classical literature*). Moscow: Flinta, MPSI, 2003. 176 p. (In Russian).
5. Kravchenko A. V. Chto takoe kommunikatsiya? Ocherk biokognitivnoy filosofii yazyka (*What is communication? An essay on biocognitive philosophy of the language*) // Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya: Sb. nauch. statey. Saratov: Kolledzh, 2003. P. 27–39. (In Russian).
6. Sedov K. F. Diskurs kak suggestiya: Irratsional'noe vozdeystvie v mezhlichnostnom obshchenii (*Discourse as suggestion. Irrational influence in interpersonal communication*). Moscow: Labirint, 2011. 336 p. (In Russian).
7. Serebryakova S. V. Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti realizatsii kategorii otritsaniya v rasskazakh Yudit Germann (*Communicative-pragmatic peculiarities of negation category in Judith Hermann stories*) // Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta. 2014. No. 3(42). P. 259–263. (In Russian).
8. Serebryakov A. A., Serebryakova S. V. Intertekstual'nost' kak marker vzaimodeystviya individual'no-avtorskiikh khudozhestvennykh sistem (*Intertextuality as a marker of individual-author fiction system interaction*) // Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta. 2013. No.1(34). P. 166–172. (In Russian).
9. Epshteyn M. N. Slovo i molchanie: Metafizika russkoy literatury (*The word and silence: metaphysics of Russian literature*). Moscow: Vysshaya shkola, 2006. 559 p. (In Russian).
10. Hermann Judith. Nichts als Gespenster. Erzählungen. 3. Aufl. Frankfurt. M: Fischer, 2004. S.195–232. (In German).

РЕЦЕНЗИИ

Головко В. М. Я. В. Абрамов: Мироззрение. Метод. Поэтика: Учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2015. 304 с.

Актуальность проблематики нового учебного пособия проф. В. М. Головко не вызывает сомнений. Более того, назрела необходимость включения в учебные планы университетов курсов и дисциплин, ориентированных на изучение великого культурно-исторического наследия России и его основополагающей роли в формировании российской идентичности.

Выдающийся общественно-литературный деятель 1880-х – начала 1900-х гг. Я. В. Абрамов (1858–1906) известен как защитник идеи мирного постепенного прогресса и последовательный оппонент «русских марксистов», но до сих пор почти не привлекал внимание исследователей, а его художественное и публицистическое наследие оставалось фактически не востребованным и недооценённым. Этот существенный пробел в гуманитарной науке и российском образовании в значительной степени восполняют литературоведческие исследования и рецензируемое учебное пособие ставропольского учёного и вузовского педагога В. М. Головко.

Постановка учебного курса, посвящённого изучению мироззрения и роли творческой индивидуальности Я. В. Абрамова в литературном процессе последних десятилетий XIX – начала XX вв. – это прекрасный повод благодарно вспомнить о Деле и идеях одного из самых ярких представителей демократической просвещенской мысли дореволюционной России.

Духовный склад Я. В. Абрамова, писателя и мыслителя, нравственные принципы, идейные и гуманистические основания его деятельности нисколько не утратили своей притягательности и в наше время. И прежде всего потому, что «одной, но пламенной страстью» этого видного общественного и культурного деятеля России сложной исторической эпохи – между, так называемой, второй революционной ситуацией 1879–1881 гг. и первой русской революцией 1905 г. – была неутомимая мысль о народном благе.

Golovko V. M. Ya. Abramov: Worldview. Method. Poetics: Textbook. Moscow: Flint; Science, 2015. 304 p.

Сегодня мы лучше понимаем, что ключевая абрамовская идея «работы в народе» в наибольшей степени соответствовала глубинным общественным ожиданиям в предреволюционные годы. Он привнес в общественную мысль России такие ценные качества, как здравый смысл и духовно-прагматический взгляд на вещи, исповедуя практическую этику конкретного благого поступка.

В личности и общественной деятельности Я. В. Абрамова студенты могут видеть поучительный пример бескорыстного просветительского альтруизма мыслителя, литератора, историка, общественного деятеля, автора замечательной книги о русских воскресных школах и биографий для серии «Жизнь замечательных людей», одним из основателей которой он стал 123 года назад.

Как убедительно показано в учебном пособии В. М. Головко, Я. В. Абрамов мыслил позитивно и перспективно, не утрачивая веры в созидательные возможности человека и народа. Подтверждением этой интеллектуальной установки стал лейтмотив его очерка «Кавказские горцы», опубликованного в первом номере журнала «Дело» в 1884 г.: «Причины, создавшие существующее ненормальное положение дела на Кавказе – дело рук человеческих и теми же руками они могут быть устранены». В нынешних размышлениях о судьбе региона мы возвращаемся к Я. В. Абрамову как вдумчивому собеседнику. Его здравомыслие и надежда на человеческое благоразумие остаются востребованными, подтверждая актуальность и историко-функциональную значимость идей мыслителя и его художественно-публицистического творчества для нашей современности.

Культурное наследие Я. В. Абрамова таит в себе открытие новых граней жизненной и творческой судьбы этого замечательного человека. В учебном пособии по-новому интерпретирована концепция «малых дел» в

художественно-социологической парадигме Я. В. Абрамова. В. М. Головки впервые идентифицирует течение демократического просветительства в общественной мысли России второй половины XIX в., аргументирует положение о том, что Я. В. Абрамов занимал особое место в движении легального народничества, развивая традиции «постепенности снизу», идеи эволюционизма, воспринятые от идеологов демократического просветительства 1840-х – начала 1880-х гг. (И. С. Тургенев, Л. А. Полонский и др.), и связывая их с актуальными задачами «работы в народе».

Будучи идеологом периода «второго хождения в народ», «хождения на культурную работу», этот выдающийся писатель-публицист и прозаик рассматривал практику «малых дел», «скромную деятельность» не как универсальную, а как конкретно-историческую форму общественного служения во имя «просветления сознания народа», развития народной жизни, прогрессивного движения России вперёд.

Специалисты и студенты получают возможность познакомиться с разными народническими программами «великой культурной работы», в том числе и той части реформаторского народничества, к которому принадлежал Я. В. Абрамов, во многом отличавшийся по своему мировоззрению от ведущих теоретиков и идеологов этого общественного движения. В. М. Головки пересматривает многие стереотипы в оценке деятельности Я. В. Абрамова, увлечённо и основательно доказывая, что он, по сути, мало общего имел с тем явлением, которое современники писателя называли «абрамовщиной». В отличие от учёных-историков

это положение автор пособия аргументирует не столько фактологически, сколько анализом эволюционной концепции Я. В. Абрамова, являющейся, по словам В. М. Головки, феноменом интеллектуальной истории.

В работе многоаспектно и в контексте типологии стиливого развития русского классического реализма рассматривается «сложная эстетика» Абрамова-писателя, искусство художественного синтеза, его экспериментальная поэтика, идиостиль и проблемы художественного мастерства. Большое внимание автор уделяет новаторству Я. В. Абрамова в области жанровых взаимодействий, публицистических форм социологической объективации литературного творчества, поэтики усвоения и т. д.

Значительный интерес представляет исследовательский подход к художественной прозе Я. В. Абрамова, свидетельствующий о предвосхищении им постмодернистской эстетики (поэтика интертекстуальности, «пустые знаки» и т. д.). Это ещё раз убеждает в том, как важно для понимания эволюции художественного сознания изучать творчество писателей «второго ряда», нередко совершающих такие эстетические открытия, которые закрепляются и уже оформляются в творчестве авторов, которых И. С. Тургенев называл «центральными натурами» в культуре определённого времени.

Учебное пособие В. М. Головки написано на профессиональном уровне. Стоит выделить особенности авторского дискурса, органически сочетающего академичность и эмоциональную выразительность в изложении материала.

К. К. Султанов

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Аветисян Владимир Рудольфович – аспирант кафедры культурологии и искусств гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / vladimir.avetisyan26@mail.ru.

Авидзба Аснат Васильевна – преподаватель английского языка кафедры английского и немецкого языков Абхазского государственного университета, аспирант Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа / v.avidzba@rambler.ru.

Амбарцумян Каринэ Размиковна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / karina-best21@mail.ru.

Амвросова Ольга Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета / ui@urinst.ru.

Аникеев Алексей Алексеевич – доктор исторических наук, профессор научно-педагогического института Северо-Кавказского федерального университета / anikeevst@mail.ru.

Апрыщенко Виктор Юрьевич – доктор исторических наук, директор института истории и международных отношений Южного федерального университета / victorapr@sfnu.ru.

Атаян Валентина Анатольевна – учитель русского языка и литературы средней школы № 29 «Гармония» с углубленным изучением отдельных предметов (г. Пятигорск) / Valentina8084@mail.ru.

Атаян Гаяна Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета / afr@urinst.ru.

Безус Светлана Николаевна – кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации института сервиса, туризма и дизайна Северо-Кавказского федерального университета (филиал в г. Пятигорск) / kafinyaz@bk.ru.

Беликова Зоя Сергеевна – аспирант кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / vshistory@mail.ru.

Белокопытова Наталья Юрьевна – старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса института сервиса, туризма и дизайна Северо-Кавказского федерального университета (филиал в г. Пятигорск) / Nb2018@mail.ru.

Белоусова Людмила Андреевна – аспирант кафедры всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета / klioljuda@gmail.com.

Боташева Лейла Эмербековна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета / botasheval@gmail.com.

Бурмакин Павел Николаевич – аспирант юридического факультета Санкт-Петербургского университета профсоюзов / burmakinp@mail.ru.

Вартанова Лиана Робертовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / vartanova74@rambler.ru.

Василенко Виктория Валерьевна – доктор исторических наук, заведующая кафедрой культурологии и искусств гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / vasilvika@yandex.ru.

Величко Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / ludku@yandex.ru.

Галкина Елена Вячеславовна – доктор политических наук, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / galkina_e@rambler.ru.

Головина Эльза Тариеловна – заведующая библиотекой Ставропольского президентского кадетского училища / golovina.elza@yandex.ru.

Гондаренко Александр Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и международного права юридического института Северо-Кавказского федерального университета / gondarenkoa@mail.ru.

Грязнова Виолетта Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / violetta-sgy@mail.ru.

Долбня Виктория Викторовна – аспирант кафедры уголовного процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета / dolbnya2012@yandex.ru.

Емельянов Олег Борисович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, права и общественных дисциплин Ставропольского государственного педагогического института (филиал в г. Ессентуки) / layla-em@yandex.ru.

Жиров Николай Анатольевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и археологии Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина / zhirov-nikolai@mail.ru.

Захарова Марина Анатольевна – начальник Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Ставропольскому краю / zaharovama@yandex.ru.

Иванова Ирина Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и мировой литературы гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / ivanovairinna@mail.ru.

Карапетян Элина Владимировна – аспирант кафедры истории, философии и педагогики института сервиса, туризма и дизайна Северо-Кавказского федерального университета (филиал в г. Пятигорск) / elina020688@mail.ru.

Клычников Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного лингвистического университета / klichnikov@mail.ru.

Книгина Елена Сергеевна – аспирант кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / elenanosachyova@yandex.ru.

Колесникова Марина Евгеньевна – доктор исторических наук, заведующая кафедрой истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / kolesnikovam@rambler.ru.

Кочкарова Зарема Руслановна – доктор исторических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии (г. Черкесск) / zkochka@yandex.ru.

Краснова Ирина Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / gorward_@mail.ru.

Кулькина Ирина Васильевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права Северо-Кавказского социального института / lri4451@yandex.ru.

Лепилкина Ольга Ивановна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой истории и теории журналистики гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / oll5@mail.ru.

Ляпин Денис Александрович – кандидат исторических наук, директор Института истории и культуры Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина (г. Елец) / Denis-l@mail.ru.

Макарова Ольга Анатольевна – аспирант кафедры истории и теории журналистики гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / o_makaro@mail.ru.

Маринина Галина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / gala81@list.ru.

Марченко Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / tatiana-marchenko-25@yandex.ru.

Мустапаева Аминат Дукваховна – преподаватель Гудермесского педагогического колледжа (Чеченская республика) / gannat_81@mail.ru.

Немашкалов Павел Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права Ставропольского государственного педагогического института / paul_2@rambler.ru.

Пантюхова Полина Валерьевна – кандидат педагогических наук, доцент романо-германского языкознания и межкультурной коммуникации гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / paulina981@yandex.ru.

Пиванова Элина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / elina888@mail.ru.

Плохотнюк Татьяна Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / plokhotnjuk@gmail.com.

Подольяк Наталья Николаевна – магистр гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / nat-podolyak@yandex.ru.

Решетова Инна Сергеевна – кандидат педагогических наук, доцент романо-германского языкознания и межкультурной коммуникации гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / inna-reshetova@rambler.ru.

Садченко Валентина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / sachochek@rambler.ru.

Сафарова Камилла Рустамовна – аспирант кафедры отечественной и мировой литературы гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / safarova_kamilla@mail.ru.

Серебрякова Светлана Васильевна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / svetla.na@mail.ru

Скиррипа Пино – профессор Отделения Истории, Культур, Религий (Dipartimento di Storia, Culture, Religioni) Университета La Sapienza (г. Рим, Италия), директор Представительства итальянской этнологии в Тиграи – Эфиопии, Представительства итальянской этнологии в Гане / pino.schirripa@uniroma1.it.

Слепенюк Юлия Николаевна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Института сервиса, туризма и дизайна (филиал) Северо-Кавказского федерального университета / slep.80@mail.ru.

Смирнов Дмитрий Анатольевич – доктор юридических наук, директор Юридического института Северо-Кавказского федерального университета / dmi197526@yandex.ru.

Степанова Людмила Петровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института сервиса, туризма и дизайна (филиал) Северо-Кавказского федерального университета / mila26@inbox.ru.

Султанов Казбек Камилович – заведующий отделом литератур народов РФ и СНГ Института мировой литературы им. А. Горького РАН, профессор МГУ им. М. Ломоносова, доктор филологических наук / sulkaz@inbox.ru.

Терещенко Елена Анатольевна – кандидат юридических наук, заведующая кафедрой правовой культуры и защиты прав человека юридического института Северо-Кавказского федерального университета / Elena-tereshhenk@yandex.ru.

Томилин Виктор Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета / tomilin58@mail.ru.

Шаршаков Михаил Петрович – аспирант кафедры истории и права Ставропольского государственного педагогического института / msharshakov@rambler.ru.

Кабылкина Наталья Сергеевна – аспирантка кафедры романо-германского языкознания и межкультурной коммуникации гуманитарного института Северо-Кавказского Федерального университета / zahobeska@rambler.ru.

Ломтева Татьяна Николаевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой романо-германского языкознания и межкультурной коммуникации гуманитарного института Северо-Кавказского Федерального университета / rgya-mk@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ambartsumyan K. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Foreign History, Political Science and Foreign Affairs Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / karina-best21@mail.ru.

Amvrosova O. – PhD in Law, Associate Professor, Administrative and Financial Law Department, North-Caucasus Federal University / ui@urinst.ru.

Anikeev A. – Dr. of Historical Sciences, Professor of Scientific-Pedagogical Institute, North-Caucasus Federal University / anikeevst@mail.ru

Apryshchenko V. – Dr. of Historical Sciences, Director of History and International Relations Institute, Southern Federal University / victorapr@sfnu.ru.

Atayan G. – PhD in Law, Associate Professor, Administrative and Financial Law Department, North-Caucasus Federal University / afp@urinst.ru

Atayan V. – Russian language and literature teacher, School № 29 “Garmoniya” (Pyatigorsk) / Valentina8084@mail.ru.

Avetisyan V. – Post Graduate, Culturology and Arts Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / vladimir.avetisyan26@mail.ru.

Avidzba A. – English Teacher, English and German Languages Department, Abkhazian State University, Post Graduate at the D.I. Gulia Abkhazian Institute for Research in the Humanities (Sukhumi, Abkhazia) / v.avidzba@rambler.ru.

Belikova Z. – Post Graduate at Foreign History, Political Science and Foreign Affairs Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / vshistory@mail.ru

Belokopytova N. – Senior Teacher, Civil Law and Procedure Department, Institute of Service, Tourism and Design (branch of NCFU in Pyatigorsk) / Nb2018@mail.ru.

Belousova L. – Post Graduate at General History Department, Lipetsk State Pedagogical University / klioljuda@gmail.com.

Bezus S. – PhD in Pedagogical Sciences, Head of Linguistics and Intercultural Communication Department, Institute of Service, Tourism and Design (branch of NCFU in Pyatigorsk) / kafinyaz@bk.ru.

Botasheva L. – PhD in Law, Associate Professor, Administrative and Financial Law Department, Institute of Law, North-Caucasus Federal University / botasheval@gmail.com.

Burmakin P. – Post Graduate at Law Faculty, Saint-Petersburg Humanitarian University of Trade Unions / burmakin@mail.ru.

Dolbnya V. – Post Graduate at Civil Law and Civil Procedure Department, Institute of Law, North-Caucasus Federal University / dolbnya2012@yandex.ru.

Emel'yanov O. – PhD in Historical Sciences, Senior Lecturer, History and Law Department, Stavropol State Pedagogical Institute (branch of NCFU in Pyatigorsk) / layla-em@yandex.ru.

Galkina E. – Dr. of Political Science, Professor, Foreign History, Political Science and Foreign Affairs Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / galkina_e@rambler.ru.

Golovina E. – Head of the Library, Stavropol Presidential Cadet School / golovina.elza@yandex.ru.

Gondarenko A. – PhD in Law, Associate Professor, Constitutional and International Law Department, Institute of Law, North-Caucasus Federal University / gondarenkoa@mail.ru.

Gryaznova V. – Dr. of Philology, Professor, Russian language Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / violetta-sgy@mail.ru.

Ivanova I. – Dr. of Philology, Professor, National and World Literature Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / ivanovairinna@mail.ru.

Kabylikina N. – Postgraduate of the Chair of Roman-German Linguistic and Cross-cultural Communication, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / zahobeska@rambler.ru.

Karapetyan E. – Post Graduate at History, Philosophy and Pedagogy Department, Institute of Service, Tourism and Design (branch of NCFU in Pyatigorsk) / elina020688@mail.ru.

Klychnikov Y. – Dr. of Historical Sciences, Professor, Department of Historic and Social and Philosophic Disciplines, Oriental Studies, and Theology, Pyatigorsk State University / klichnikov@mail.ru.

- Knigina E.** – Post Graduate at Russian History Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / lobanova.dina@mail.ru.
- Kochkarova Z.** – Dr. of Historical Sciences, Professor, State-legal disciplines Department, North-Caucasian State Humanitarian-Technological Academy (Cherkessk) / zkochka@yandex.ru.
- Kolesnikova M.** – Dr. of Historical Sciences, Head of Russian history Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / kolesnikovam@rambler.ru.
- Krasnova I.** – Dr. of Historical Sciences, Professor, Foreign History, Political Science and Foreign Affairs Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / gorward_@mail.ru.
- Kul'kina I.** – PhD in Law, Associate Professor, State Law Department, North-Caucasus Social Institute (Stavropol) / Iri4451@yandex.ru.
- Lepilkina O.** – Dr. of Philology, Head of History and Theory of Journalism Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / oll5@mail.ru.
- Lomteva T.** – Dr. of Pedagogy, Professor, Head of the Chair of Roman-German Linguistic and Cross-cultural Communication, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / rgya-mk@yandex.ru.
- Lyapin D.** – PhD in Historical Sciences, Head of History and Culture Institute, Yelets State Ivan Bunin University / Denis-l@mail.ru.
- Makarova O.** – Post Graduate at History and Theory of Journalism Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / o_makaro@mail.ru.
- Marchenko T.** – PhD in Philology, Associate professor, Department of Theory and Practice of Translation, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / tatiana-marchenko-25@yandex.ru.
- Marinina G.** – PhD in Philology, Associate professor, Department of Theory and Practice of Translation, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / gala81@list.ru.
- Mustapaeva A.** – teacher, Gudermes Teachers College (Chechen Republic) / gannat_81@mail.ru.
- Nemashkalov P.** – PhD in Historical Sciences, Senior Lecturer, History and Law Department, Stavropol State Pedagogical Institute / paul_2@rambler.ru.
- Pantukhova P.** – PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Romano-Germanic Linguistics and Cross-cultural Communication Department, North-Caucasus Federal University / paulina981@yandex.ru.
- Pivanova E.** – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Theory and Practice of Translation, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / elina888@mail.ru.
- Plohotnyuk T.** – Dr. of Historical sciences, Professor, Russian History Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / plohotnjuk@gmail.com.
- Podolyak N.** – Master Student, Department of Theory and Practice of Translation, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / nat-podolyak@yandex.ru.
- Reshetova I.** – PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Romano-Germanic Linguistics and Cross-cultural Communication Department, North-Caucasus Federal University / inna-reshetova@rambler.ru.
- Sadchenko V.** – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Foreign History, Political Science and Foreign Affairs Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / sachocek@rambler.ru.
- Safarova K.** – Post Graduate at National and World Literature Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / safarova_kamilla@mail.ru.
- Skirripa P.** – Professor of History, Culture and Religion Department of La Sapienza University (Rome, Italy), Director of Italian office of Ethnology in Tigray – Ethiopia of Italian office of Ethnology in Ghana / pino.schirripa@uniroma1.it.
- Serebryakova S.V.** – Dr. of Philology Sciences, Head of Chair of Theory and Practice of Translation and Interpreting, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / svetla.na@mail.ru
- Sharshakov M.** – Post Graduate at History and Law Department, Stavropol State Pedagogical Institute / msharshakov@rambler.ru.
- Slepenok Yu.** – PhD in Law, Senior Teacher, Civil Law and Procedure Department, Institute of Service, Tourism and Design (branch of NCFU in Pyatigorsk) / slep.80@mail.ru.

Smirnov D. – Dr. of Legal Science, Director of the Law Institute of North Caucasus Federal University / dmi197526@yandex.ru.

Stepanova L. – PhD in Law, Associate Professor, Civil Law and Procedure Department, Institute of Service, Tourism and Design (branch of NCFU in Pyatigorsk) / mila26@inbox.ru.

Sultanov K. – Dr. of Philology, Head of Department for Literatures of the Peoples of Russia and CIS of the Maxim Gorky Literature Institute at Russian Academy of Sciences, Professor of Moscow State University / sulkaz@inbox.ru.

Tereshchenko E. – PhD in Law, Associate Professor, Head of Chair of Legal culture and protection of human rights, Institute of Law, North-Caucasus Federal University / Elena-tereshhenk@yandex.ru.

Tomilin V. – Professor, General History Department, Head of Oriental Laboratory at Lipetsk State Pedagogical University / tomlin58@mail.ru.

Vartanova L. – PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Theory and Practice of Translation, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / vartanova74@rambler.ru.

Vasilenko V. – Dr. of Historical Sciences, Head of Culturology and Arts Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / vasilvika@yandex.ru.

Velichko L. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Foreign History, Political Science and Foreign Affairs Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / ludku@yandex.ru.

Zakharova M. – Head of the Central Administration of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the Stavropol Krai / zaxarovama@yandex.ru.

Zhirov N. – PhD in Historical Sciences, Senior Lecturer, History and Archaeology Department, Yelets State Ivan Bunin University / zhirov-nikolai@mail.ru.

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2016. № 3

Редактор, технический редактор Л. Г. Ерицян
Компьютерная верстка Н. П. Чивиджева
Дизайн обложки С. Ю. Томицкая

Подписано к печати 23.09.2016

Формат 60x84 1/8	Усл. п. л. 31,16	Уч.-изд. л. 30,72
Бумага офсетная	Заказ 187	Тираж 500 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2.